This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 021 941 653

Digitized by Google

PSlav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XVIII. ОКТЯБРЬ. 1899 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
I. Въ семьѣ Востоковыхъ. Романъ А. Мартынова. (*Окончаніе*).	7
II. Охотничья пѣсня. (Изъ Сырокомли). Стихотвореніе И. Толмачева.	49
III. Патріотизмъ и космополитизмъ. Проф. Д. И. Азаревича.	50
IV. Безполезныя силы. Повѣсть Зудермана	66
V. Два стихотворенія. П. Петровскаго.	88
VI. Болѣзненность и смертность рускаго народа. Д. П. Райскаго	90
VII. Утро жизни. Разсказъ И. Данилина.	115
VIII. Элегія. Стихотвореніе К. В. Иванова.	151
IX. Еврейство и либерализмъ. Е. Орловскаго.	152
X. Старость. Стихотвореніе Г. Арищенки	206
XI. Разбитая жизнь. (Mater Dolorosa). Романъ Джероламо Роветты	207
XII. Въ провинціи. Романъ въ 2-хъ частяхъ, В. Югова	259
XIII. Ненастный вечеръ. Стихотвореніе Л. Афанасьева.	325
XIV. В. П. Безобразовъ. (*Съ портретомъ*).	326

(См. на оборотѣ).

№ 10 „Наблюдателя“ вышелъ 15 октября 1899 года.

дѣльные портреты А. П. Пятковскаго продаются въ вной Конторѣ по 50 к. экз. и пересылаются, заказной бандеролью, по 60 к.

Digitized by Google

Современное обозрѣніе.

стр.

XV. Политическая хроника 1

Помилованіе Дрейфуса. — Кому на руку это помилованіе? — Дневной приказъ по арміи. — Неугодившій жидамъ Галифэ. — О чемъ мечтали евреи.—Французы, ждущіе милости отъ жидовъ.—Гнусная роль Э. Зола и упреки ему, идущіе со стороны честныхъ французовъ.—Русскія газеты въ хвостѣ жидовскихъ.—Финляндцы недовольны французами.—Бойкотированіе жидами всемірной парижской выставки.—Преслѣдуемые «націоналисты».—Чего добивается Деруледъ?—Мнимый заговоръ орлеанистовъ.—Галифэ и орлеанисты.—Ритуальное убійство въ Австріи и обвинительный приговоръ.—Повторяющееся «запирательство» жидовъ.—Сербскій эксъ-король Миланъ, подкапывающійся подъ тронъ своего сына.—Безсовѣстный судъ надъ «радикалами».—Англія и Трансвааль.—Открытіе военныхъ дѣйствій.

XVI. Новыя книги: 1) **Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за пятый годъ его существованія** (30 марта 1893 г. — 30 марта 1896 г.). Спб., 1898 г. 2) *М. Сидоровъ.* **Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ. (1815—1895).** Историческій очеркъ. Выпускъ II. Варшава, 1899 г. 3) *Д. В. Цвѣтаевъ.* **О трудѣ Д. И. Иловайскаго: «Исторія Россіи». Эпоха Михаила Ѳеодоровича.** Варшава, 1899 г. 4) *А. С. Короленко.* **Мѣропріятія къ огражденію сельскаго населенія отъ разоренія при неурожаяхъ.** Спб., 1899 г. 2

XVII. Наши внутреннія дѣла 3

Русскіе капиталисты, погибающіе изморомъ.—Дервизъ и Мамонтовъ.—Причины краховъ нашихъ промышленныхъ предпріятій.—Заигрываніе московскаго купечества съ жидами и результаты этой игры.—Кому помогли покровительственныя пошлины?—Предостереженіе, данное углепромышленникамъ г. министромъ финансовъ.—Демонстрація углепромышленниковъ.—Почему жиды любятъ псевдонимы?—Сенатское рѣшеніе о еврейскихъ вывѣскахъ и его защитники.—Несоотвѣтствіе этого рѣшенія съ общимъ духомъ нашего законодательства о евреяхъ.—Жиды, пролѣзающіе въ дворянство.—Поставленная на очередь реформа среднеучебныхъ заведеній.—Наши семинаристы и почему ихъ не принимаютъ въ университетъ? — Военно-медицинская академія, признающая за реалистами права «зрѣлости».—Гуманный приказъ министра путей сообщенія.

XVIII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) **По бѣлу свѣту.** (Замѣтки и наблюденія). Отголоски «дрейфусіады» во Франціи. — Змѣя, выпускающая свой ядъ.—Гоненія на французскую армію и на всѣхъ честныхъ патріотовъ.—Война со всѣми *національностями*, кромѣ жидовской, и со всѣми *религіями*, кромѣ талмуда.—Еврейство и іезуитизмъ.—Съ *кѣмъ* и съ *чѣмъ* приходится считаться европейскимъ народамъ и государствамъ? — Проституированіе либерализма и гуманизма.—Жидъ-врачъ, заражающій своихъ паціэнтовъ.—Необходимость учрежденія антиталмудическихъ обществъ. **Князя Тенерифскаго.** . . .

2) Стихотворенія: **Хмураго Барда, Игрека и Джентльмена.** . . .

XIX. Объявленія . . . . . .

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

№ 10. ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и Главная Контора помѣщаются въ Колокольной улицѣ, № д. 18—19 (уголъ Николаевской).
1899.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Digitized by Google

Р... 475.65 (1879/10)

Въ главной Конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ продаются:

1) **Указатель статей, напечатанныхъ въ журналѣ за 12 лѣтъ (по фамиліямъ авторовъ) съ 1882 г. по 1894-й годъ.** Цѣна: безъ перес. 25 к.; съ перес. (заказн. бандеролью) 35 коп.

2) **Двадцать одинъ годъ существованія журнала „Народная Школа“.** (Историческій очеркъ. Цѣна безъ перес. 30 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 40 к.

3) Отдѣльные портреты **А. П. Пятковскаго** (на плотной бумагѣ). Цѣна за экз. безъ перес. 50 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 60 к.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 12 MAI 1971

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1900 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XIX „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XIX

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступая **въ 19-й годъ** своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 р. съ годовой платы. Въ слѣдующемъ же году редакція нашла возможнымъ—*сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія и приложить къ журналу иллюстраціи.*

---

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

*

Digitized by Google

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
» пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается. Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

Въ книгахъ журнала за текущій годъ, къ тексту приложены портреты: статсъ-секретаря *Ѳ. П. Корнилова*, члена Государственнаго Совѣта *М. Н. Галкина-Врасскаго*, *М. Е. Салтыкова*, *Н. Н. Брусницына* (основателя «Дома призрѣнія» въ Петербургѣ) и *А. П. Пятковскаго* (къ сорокалѣтію литературной дѣятельности).

Подписка на текущій годъ продолжается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **С.-Петербургѣ**—въ Главной Конторѣ Редакціи, Колокольная (на углу Николаевской) д. № 18—19), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40); въ конторѣ Березовскаго (Поварской пер., № 2), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ **Москвѣ** — въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ **Одессѣ**—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ **Кіевѣ** — въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ **Харьковѣ** и **Саратовѣ** — въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ **Казани**—въ книжн. магазинѣ Дубровиной. Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Адресъ для телеграммъ: **Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.**

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ:

„ГЛАСНОСТЬ“

Программа «**ГЛАСНОСТИ**» обнимаетъ собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросамъ общественной жизни, городскаго, земскаго и сельскаго самоуправленія. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральный; обозрѣніе искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и сторонніе сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библіографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ:

Digitized by Google

«Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар. просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Озмидова*.

По обстоятельствамъ, отъ Редакціи не зависящимъ, *возобновленіе газеты отлагается*. (Эти обстоятельства выяснены въ январьской книгѣ «Наблюдателя», въ отдѣлѣ «Фонографа»). Право на возобновленіе газеты, по прежней программѣ, продолжено до 1-го мая 1900 г. Подписчики, не отвѣтившіе до 1-го апрѣля на запросъ Редакціи, получаютъ «НАБЛЮДАТЕЛЬ», *со скидкою 2 р. съ годовой цѣны*.

О времени возобновленія газеты будетъ объявлено особо.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

Digitized by Google

71 575 X C 55

ВЪ СЕМЬЪ ВОСТОКОВЫХЪ.

Романъ.

XXVI.

— Что же, тетенька, пишетъ вамъ сестрица Лидія Кириловна? Давеча вы начали было разсказывать, да дяденькѣ лѣкарство давать пошли, такъ и не кончили. Не собирается ли сестрица къ вамъ пріѣхать, дяденьку провѣдать?.. Ахъ, вотъ ужь истинно была бы радость, кабы она пріѣхала!

И Марина Егоровна широко улыбнулась, предвкушая такую радость. По лицу Софьи Платоновны пробѣжала какая-то тѣнь и, слегка нахмуривъ брови, она отвѣтила съ разстановкой:

— Нѣтъ, Лида теперь не пріѣдетъ... можетъ быть, весной соберется. Доктора говорятъ, что для нея вреденъ здѣшній климатъ, а осенью—положительно гибеленъ. Ея здоровье тоже плохое: послѣ каждаго концерта она по нѣскольку дней лежитъ въ постели отъ слабости.

— Изъ-за чего только мучитъ себя такъ сестрица, спаси ее Господи!—сокрушенно вздохнула просвирня.

Изъ груди Софьи Платоновны тоже вырвался тяжелый вздохъ, но чрезъ секунду послѣ того ея лицо озарилось горделиво-довольной улыбкой и она сказала:

— Да, знаешь, Мариша, Лида въ послѣднемъ письмѣ прислала печатную рецензію.

— Это что жь такое, тетенька? — съ наивнымъ любопытствомъ спросила Марина Егоровна.—Пертретъ свой, что ли?

— Ахъ, Мариша, Мариша! Ничего-то ты не понимаешь!— удерживаясь отъ невольнаго смѣха, замѣтила Софья Платоновна. — Лида прислала вырѣзку изъ французской газеты, гдѣ

Digitized by Google

описываются ея концерты. Это и называется рецензіей. И еслибъ ты знала, какъ хвалятъ Лиду, называютъ *русскою звѣздой*.! Вотъ только досадно, что я французскій языкъ позабыла, не все поняла... А когда читала, такъ повѣришь ли,—плакала отъ радости...

— Да какъ же не повѣрить-то, тетенька милая? По себѣ знаю. Вонъ, намедни, Катю волостной старшина похвалилъ,—ужь вѣдь не съ газетой его сравнять!—а и то я прослезилась... Простой онъ мужикъ, а вѣдь тоже догадался Катюшу звѣздой назвать. Говоритъ:—звѣзда у насъ Катерина Ивановна, а не учительница! Истинно прослезилась я отъ радости... Такъ какъ же мнѣ вамъ не повѣрить, тетенька?

На нѣсколько мгновеній обѣ умолкли, очевидно, погрузившись въ пріятныя размышленія о своихъ «звѣздахъ». Но какою маленькой и блѣдной представлялась Софьѣ Платоновнѣ «звѣзда» Марины Егоровны въ сравненіи со своею собственной! Желаніе Софьи Платоновны читать печатныя похвалы таланту Лидіи—наконецъ, сбылось. Удовольствіе, которое она испытывала отъ этого чтенія, было такъ велико и сильно, что совершенно заглушало ея тревоги о больномъ мужѣ, о старшемъ сынѣ, не очень счастливомъ въ супружествѣ, и даже о самой Лидіи, не возвращавшейся въ Россію ни разу въ продолженіе пяти лѣтъ, хотя бы на короткое время, навѣстить родителей.

Лидія, завершивъ свое музыкальное образованіе, разъѣзжала теперь по Европѣ, давая концерты съ большимъ успѣхомъ. Она быстро отвыкла отъ Россіи, куда вдобавокъ и доктора не совѣтовали ей возвращаться. Ея здоровье въ самомъ дѣлѣ было плохо; концерты же еще больше расшатали его. А сердце у нея, и прежде не горячее, теперь окончательно застыло для всего, кромѣ музыки. Она жила, страшно безпокоилась и заботилась о своемъ здоровьѣ только для того, чтобы давать концерты, чтобы сидѣть за роялемъ, хотя все это именно и разрушало ея здоровье. Но, слушаясь докторскихъ совѣтовъ относительно возвращенія на родину, которое они находили вреднымъ для нея, она не слушалась другихъ совѣтовъ: не такъ усиленно заниматься музыкой, порѣже концертировать и даже на нѣкоторое время совсѣмъ оставить занятія и концерты, чтобы отдохнуть и поправиться.

Digitized by Google

Не смотря на то, что Лидія много зарабатывала, ей нерѣдко приходилось просить денегъ у родителей. Она не умѣла разсчетливо жить и не знала цѣны деньгамъ, не привыкши съ дѣтства ни въ чемъ отказывать себѣ. А, между тѣмъ, ей было очень тяжело и непріятно выпрашивать деньги у отца съ матерью, отъ которыхъ она до такой степени отвыкла, что они сдѣлались для нея будто бы совсѣмъ чужими людьми, не имѣющими ничего общаго съ нею. Лидіи даже какъ-то не вѣрилось, что она ихъ дочь, родившаяся и выросшая въ неважномъ русскомъ губернскомъ городѣ. Все ея прошлое, до пріѣзда въ Парижъ, стало казаться ей какимъ-то смутнымъ, скучнымъ сномъ, а увлеченіе дьяконовымъ внукомъ—чудовищнымъ кошмаромъ.

Однако, узнавъ изъ письма матери о самоубійствѣ Петра, Лидія почувствовала себя нехорошо и цѣлый день пролежала въ постели, невольно вспомнивъ погибшаго дьяконова внука, свои прогулки съ нимъ и послѣднее свиданіе на террасѣ... Правда, на слѣдующій день она признала всѣ эти воспоминанія—«шалостью нервъ», и болѣе никогда не возвращалась къ нимъ.

— А когда же братецъ Леонидъ Кирилловичъ опять сюда пріѣдетъ?—первая прервала молчаніе Марина Егоровна.—Онъ вѣдь обѣщался, какъ здѣсь былъ, почаще васъ навѣщать, покуда дяденька не поправится.

Софья Платоновна сразу измѣнилась въ лицѣ послѣ этого вопроса, повидимому, доставившаго ей большое неудовольствіе и разбередившаго въ ея сердцѣ старую рану. Но у нея по прежнему не имѣлось тайнъ отъ Марины Егоровны, почему она и отвѣтила ей откровенно:

— Что жь дѣлать, если Леня такъ мягокъ характеромъ, что совершенно подчинился своей женѣ и безъ ея позволенія шагу ступить не смѣетъ?.. А она ревнива до такой степени, что ревнуетъ его даже ко мнѣ, къ родной матери.

— Ахъ, Господи Боже мой, да какъ же это возможно—къ матери-то родной ревновать?—изумилась Марина Егоровна, глядя во всѣ глаза на Софью Платоновну.

— Для этой женщины все возможно. Она, кажется, совсѣмъ потеряла разсудокъ; изводитъ бѣднаго Леню безумными капризами, бросаетъ деньги направо и налѣво безъ толку и

Digitized by Google

смысла. У Лени теперь очень большая практика, а, между-тѣмъ, не хватаетъ средствъ на такую жизнь, какую приходится вести по милости Ирины Дмитріевны. Я думаю, извѣстные милліонеры живутъ скромнѣе, тратятъ деньги съ меньшей безъ-заботностью, чѣмъ Леонидъ съ женой. Конечно, я его не виню. Виноватъ онъ развѣ только тѣмъ, что не можетъ противиться волѣ Ирины Дмитріевны и даже ея идіотокъ-тетенекъ.—Софья Платоновна, постепенно раздражалась, разсказывая все это, и съ половины разсказа начала говорить уже не шопотомъ, а вполголоса.

— Да, эти противныя старухи тоже обращаются съ Леней, точно съ своимъ крѣпостнымъ, хоть живутъ въ его домѣ и на его счетъ. Онѣ вмѣстѣ съ своею племянницей не отпускаютъ къ намъ Леню. Нѣтъ, впрочемъ, отпускаютъ, когда деньги нужны.

— Ахъ, тетенька-голубушка, вѣдь и вамъ-то какое разоренiе, спаси васъ Господи!—не удержалась Марина Егоровна отъ тихаго, искренно-сочувственнаго восклицанiя.

— Правду ты сказала, Марина,—опять понизивъ голосъ до шопота, заговорила Софья Платоновна.—Я не привыкла ничего скрывать отъ тебя. Ты знаешь, какое у насъ было состоянiе—семьдесятъ тысячъ... А теперь всего десять осталось, даже меньше...

На лицѣ Марины Егоровны выразился неописуемый ужасъ при такомъ извѣстiи; она не могла даже вымолвить: «спаси васъ Господи»!—Такъ поразилъ ее тетенькинъ секретъ, что у нея, какъ говорится, «языкъ прильпе къ гортани». А, между тѣмъ, Софья Платоновна продолжала:

— И какъ-то незамѣтно разсѣялись всѣ эти деньги; ни копѣйки изъ нихъ мы съ Кирилломъ Пименовичемъ не истратили для себя. Мы жили доходомъ, да на проценты съ капитала. А бо́льшая часть этихъ денегъ перешла къ Ленѣ. Конечно, посылали и Лидiи: — расходы у нея также большiе... Вѣдь нельзя же ей,—такой знаменитости,—жить какъ нибудь, да еще при ея слабомъ здоровьѣ. Положимъ, мы не жалѣемъ этихъ денегъ: не чужимъ ихъ отдаемъ, а своимъ дѣтямъ... да Лида и Леня такъ еще необыкновенно деликатны, что берутъ у насъ не иначе, какъ взаймы, обѣщаясь со временемъ все намъ возвратить. Это мнѣ даже непрiятно: точно

Digitized by Google

не у отца съ матерью просятъ, а у какихъ-то ростовщиковъ! Только, правду сказать, намъ самимъ стало трудновато жить, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ заболѣлъ Кириллъ Пименовичъ. Вѣдь ужь болѣе трехъ мѣсяцевъ онъ хвораетъ и лѣчится, а сколько денегъ ушло въ аптеку! Вотъ почти мѣсяцъ, какъ онъ не можетъ служить; Богъ знаетъ, скоро ли поправится...

— Дай-то Богъ, чтобъ поскорѣй!—могла, наконецъ, прошептать нѣсколько опомнившаяся Марина Егоровна.

— Дай Богъ! — повторила за ней и Софья Платоновна, тяжело вздохнувъ.—Я ужь начинала терять надежду на его выздоровленіе: ты сама знаешь, какъ меня тревожила болѣзнь Кирилла Пименовича, пока Леня не осмотрѣлъ его. Чужимъ докторамъ, особенно здѣшнимъ, я не вѣрю. А Леня сказалъ, что болѣзнь вовсе не опасная,—сильный бронхитъ и лихорадка, больше ничего нѣтъ... Вѣдь не обманулъ же онъ меня; онъ совсѣмъ не умѣетъ лгать! Да еслибъ ему показалась опасной болѣзнь отца, такъ, безъ сомнѣнія, онъ сталъ бы почаще насъ навѣщать и жена съ тетками не удерживали бы его отъ этого. Вѣдь не звѣри же онѣ, въ самомъ дѣлѣ!

Въ эту минуту, въ коридорѣ, ведущемъ изъ кухни въ столовую, скрипнула дверь, и затѣмъ Софьѣ Платоновнѣ съ Мариною Егоровной послышалось, что кто-то идетъ по коридору. Дѣйствительно, кто-то шелъ, осторожно ступая, но по всей вѣроятности обутый въ тяжелые болотные сапоги, судя по тяжести шаговъ.

— Это дворникъ, должно быть... Я его посылала въ аптеку; скоро же онъ вернулся! — прислушиваясь, сказала Софья Платоновна. Но, вмѣсто дворника съ лѣкарствомъ, на порогѣ столовой показалась фигура молодаго священника, въ которой не безъ труда можно было узнать прежняго неуклюжаго семинариста, Платона. Правда, онъ теперь казался еще неуклюжѣе, въ дорожной выцвѣтшей рясѣ, изъ-подъ которой были видны большія ноги, обутыя въ тяжеловѣсные грязные сапоги, сильно пахнувшіе дегтемъ. Но онъ очень возмужалъ, даже будто бы выросъ; загорѣлое огрубѣвшее лицо его обрамлялось длинными, довольно растрепанными, волосами и густой рыжевато-бѣлокурою бородой. Послѣдняя особенно сильно измѣнила наружность Платона. И какъ-то странно было видѣть на

Digitized by Google

этомъ грубовато-мужественномъ лицѣ нѣжные голубые глаза съ застѣнчиво-ласковымъ взглядомъ. О. Платонъ остановился въ дверяхъ и сказалъ шопотомъ, обращаясь къ матери:

— Здравствуйте, мама... Что, можно къ вамъ войти?

Софья Платоновна, на лицѣ которой ясно выразилось неудовольствіе при видѣ сына, отвѣчала ему, морщась отъ запаха дегтя, распространившагося по комнатѣ отъ сапогъ о. Платона.

— Входи, только, пожалуйста, потише. Кириллъ Пименовичъ спитъ. Какъ поздно ты вздумалъ пріѣхать!

Ступая на носкахъ, подобно балетной танцовщицѣ, вступилъ въ комнату о. Платонъ и тихо поздоровался еще разъ съ матерью, а потомъ съ Мариною Егоровной, замѣтно ему обрадовавшейся. Софья Платоновна даже не поцѣловала сына, здороваясь съ нимъ, только небрежно подала ему руку и быстро отдернула ее, когда онъ хотѣлъ поцѣловать.

— Да ты весь мокрый; съ волосъ вода течетъ,—замѣтила она съ гримасой.

— Да ужь погода то больно плоха...—сконфуженно пробормоталъ о. Платонъ и несмѣло присѣлъ на стулъ, подальше отъ матери.

— И дорога ужасная, насилу доѣхалъ, хоть Гнѣдко у меня лошадь хорошая, за пару коней отвѣтитъ.. Версты три пришлось все таки пѣшкомъ пройти... Ужь вы извините, что я въ такихъ сапожищахъ, а ежелибъ потоньше надѣлъ, навѣрно утонулъ бы въ грязи. Главное—тьма, въ полѣ-то ни зги не видно, въ лѣсу и подавно... А пораньше изъ дому не могъ выбраться, потому что нынче были у насъ въ церкви три свадьбы, да потомъ еще я ходилъ исповѣдывать и пріобщать одну старушку.

— И охота тебѣ была тащиться по такой грязи, на ночь глядя!—пожавъ плечами, сухо сказала Софья Платоновна.

— Вѣдь ты недавно у насъ былъ, всего два дня тому назадъ.

— Да ужь очень захотѣлось мнѣ батюшку навѣстить, не могъ выдержать. Все таки, два дня не видалъ; мало ли что съ больнымъ можетъ случиться за это время.

— Такъ ты вѣдь не докторъ, — совсѣмъ ужь рѣзко оборвала сына Софья Платоновна,—еслибы и случилось что нибудь, помочь не сумѣешь. А часто навѣщать больныхъ—только ихъ

Digitized by Google

разстраивать. Кириллъ Пименовичъ можетъ вообразить себя при смерти больнымъ, увидѣвъ, что ты опять пріѣхалъ навѣщать его, да еще чуть не въ полночь, въ такую ужасную погоду.

О. Платонъ, низко нагнувъ голову и глядя себѣ подъ ноги, молча выслушалъ мать, а затѣмъ, поднявъ на нее глаза съ грустно-молящимъ выраженіемъ, робко промолвилъ:

— Простите меня, мама, что обезпокоилъ васъ... Теперь постараюсь ѣздить къ вамъ порѣже.

И такимъ жалкимъ, несчастнымъ показался онъ въ эти минуты Маринѣ Егоровнѣ, что у нея навернулись слезы на глазахъ. Добросердечной просвирнѣ захотѣлось чѣмъ нибудь утѣшить о. Платона, хоть какъ нибудь обласкать его. Она несмѣло обратилась къ Софьѣ Платоновнѣ:

— Тетенька, не поставить ли самоварчикъ? Братецъ-то озябъ, поди; такъ истинно хорошо бы ему напиться чайку съ вареньемъ...

Никакого лучшаго утѣшенія, кромѣ чая съ вареньемъ, не могла она придумать для бѣднаго нелюбимаго сына Софьи Платоновны! Но этотъ послѣдній, услышавъ ея предложеніе, привскочилъ съ мѣста и, замахавъ на нее руками, почти испуганно прошепталъ:

— Что вы, Богъ съ вами, какой тамъ чай! Я дома пилъ, покорно благодарю! Еще, пожалуй, съ самоваромъ-то батюшку разбудимъ...

— Да, разумѣется,—согласилась съ нимъ мать.

— Теперь слишкомъ поздно для того, чтобы пить чай. Лучше ступай спать въ угловую комнату. Если хочешь ѣсть, спроси въ кухнѣ: не осталось ли чего нибудь отъ ужина. Мы стали теперь рано ужинать, и ты опоздалъ...

Но о. Платонъ, отказавшись и отъ остатковъ ужина, поспѣшилъ пожелать покойной ночи матери съ Мариною Егоровной и удалиться въ угловую комнату, хотя ему и не хотѣлось спать.

XXVII.

Но если ужъ къ кому сильно измѣнились отношенія Софьи Платоновны—такъ это къ мужу.

Digitized by Google

Изъ деспотически-повелительной она превратилась въ самую кроткую и нѣжно-заботливую супругу. Главной причиною такого превращенія была разлука съ любимыми дѣтьми. Когда Лидія уѣхала за границу, а Леонидъ женился и совершенно подпалъ подъ власть жены,—дѣйствительно ревновавшей его ко всѣмъ на свѣтѣ, даже къ матери, отъ которой она и постаралась его отдалить,—Софья Платоновна почувствовала себя одинокой и несчастной. Полюбить своего младшаго сына она все таки не могла и, какъ намъ уже извѣстно, еще больше не взлюбила его. А, между тѣмъ, въ ея сердцѣ ощущалась потребность заботиться о комъ нибудь близкомъ и любимомъ, постоянно быть съ нимъ и никогда не разлучаться, дѣлясь мыслями и чувствами. Какъ-то невольно начала Софья Платоновна мягче и ласковѣе обращаться съ мужемъ, дороже цѣнить его доброту, кротость и смиреніе, его искреннюю, глубокую привязанность къ ней. И она почувствовала себя виноватой предъ нимъ, сознавъ, что слишкомъ мало думала и заботилась о мужѣ, относилась къ нему не такъ, какъ слѣдовало бы относиться хорошей, доброй женѣ, хотя считала себя именно такой женою. Это сознаніе заставило Софью Платоновну примириться съ маленькими недостатками о. Кирилла, которые прежде казались ей огромными и сильно возмущавшими ее противъ мужа. Собственно, всѣ эти недостатки заключались въ томъ, что, во-первыхъ, о. Кириллъ не умѣлъ и не любилъ хорошо одѣваться; во-вторыхъ, говорилъ старинно-семинарскимъ языкомъ и, наконецъ, держалъ себя ужъ черезчуръ просто, точно какой нибудь захудалый сельскій батюшка, а не соборный протопопъ, украшенный орденами. Затѣмъ Софья Платоновна окружила такой заботливостью и попеченіями о. Кирилла, удовлетворяя потребности своего сердца, что онъ даже растерялся съ непривычки, хотя въ то же время былъ глубоко тронутъ необыкновеннымъ ухаживаньемъ за нимъ жены.

Кончилось тѣмъ, что, заботясь о мужѣ, Софья Платоновна полюбила его ничуть не меньше, чѣмъ любила Лидію и Леонида. Все начало ей нравиться въ о. Кириллѣ; даже его маленькіе недостатки она переименовала въ большія добродѣтели; съ удовольствіемъ стала слушать его проповѣди и разсказы изъ стараго семинарскаго быта. Эта поздняя любовь

Digitized by Google

значительно умѣньшила въ ея сердцѣ тоску по любимымъ дѣтямъ, ободряла и поддерживала ее. О. Кириллъ тоже повеселѣлъ, оживился, и опять съ удвоеннымъ усердіемъ принялся за писаніе проповѣдей; каждую изъ нихъ онъ теперь прочитывалъ вслухъ Софьѣ Платоновнѣ, прежде чѣмъ произнести въ церкви. И каждую изъ нихъ искренно хвалила Софья Платоновна, радуя и вмѣстѣ съ тѣмъ конфузя своими похвалами скромнаго проповѣдника.

— Вотъ вы говорите, Софья Платоновна, что будто бы проповѣдь моя хорошо написана,—а по моему мнѣнію, слабовато... Даже весьма и весьма слабовато! — возражалъ онъ женѣ, дѣтски-счастливо улыбаясь и въ то же время съ сомнѣніемъ покачивая головой.

— А я повторяю, что она написана прекрасно!—авторитетнымъ тономъ отвѣчала Софья Платоновна. — Вѣдь вы никогда не бываете довольны тѣмъ, что̀ напишите, и мнѣ вѣрить не хотите...

Поощряемый похвалами жены, о. Кириллъ въ самомъ дѣлѣ сталъ лучше писать и прихожане стали охотнѣе слушать его проповѣди.

О. Кириллъ уже не скрывалъ по прежнему отъ жены своихъ заботъ и печалей, высказывался передъ ней съ полною откровенностью, отъ чего на сердцѣ у него сдѣлалось легче и пропала давящая тяжесть затаенной скорби. Только одно больное мѣсто осталось въ сердцѣ о. Кирилла, которое не желала или не могла замѣтить Софья Платоновна; этимъ больнымъ мѣстомъ была ея непріязнь къ младшему сыну, крайне огорчавшая отца. Если теперь иногда Софья Платоновна сердилась на мужа, то это случалось, когда онъ начиналъ хвалить при ней Платона или Симочку, стараясь примирить ее съ ними. О. Кириллъ горячо молился, испрашивая у Бога для своей жены—любви къ младшему сыну, однако, любовь не являлась, а непріязнь все росла. Чѣмъ лучше отзывался отецъ о Платонѣ, чѣмъ ласковѣе обходился съ нимъ и съ его семьей, тѣмъ сильнѣе возмущалась Софья Платоновна, воображая, что мужъ любитъ младшаго сына гораздо больше, нежели Леонида съ Лидіей. Но она ошибалась: о. Кириллъ любилъ всѣхъ своихъ дѣтей одинаково; только съ Платономъ чувствовалъ себя свободнѣе, чѣмъ съ Лидіей и Леонидомъ.

Digitized by Google

Младшій сынъ былъ ближе и понятнѣе для него, имѣлъ много общаго съ нимъ въ характерѣ, вкусахъ и наклонностяхъ, чего не хотѣла признавать одна Софья Платоновна.

Цѣлыхъ пять лѣтъ прожила старая чета Востоковыхъ, что̀ называется, душа въ душу и это именно помогало имъ обоимъ переносить продолжительную разлуку съ дочерью и замѣтное отчужденіе отъ нихъ старшаго сына. Этотъ послѣдній сталъ навѣщать ихъ все рѣже и рѣже; пріѣзжалъ только тогда, когда ему нужны были деньги для удовлетворенія разныхъ прихотей Ирины Дмитріевны.

Но даже и въ подобныхъ случаяхъ онъ не всегда пріѣзжалъ самъ, находя болѣе удобнымъ просить денегъ у родителей письменно. Дѣйствительно, старики Востоковы почти не замѣтили, какъ ихъ довольно крупное состояніе въ теченіе пяти лѣтъ было растрачено на старшихъ дѣтей.

Ни о. Кириллъ, ни Софья Платоновна не умѣли отказывать дѣтямъ, когда тѣ просили денегъ.

Одинъ Платонъ ничего не просилъ у отца съ матерью; иногда отецъ самъ, потихоньку отъ жены, предлагалъ ему взять хоть сколько нибудь, но онъ постоянно отказывался, увѣряя, что деньги совсѣмъ не нужны ему и что, вообще, онъ съ семьей живетъ очень хорошо, ни въ чемъ не нуждаясь. Но о. Кириллъ болѣлъ душой за Платона, сознавая, что обижаетъ его, безъ счета раздавая деньги Леониду и Лидіи, въ особености же первому, которому сразу далъ 30 тысячъ на покупку дома въ Москвѣ и потомъ еще прибавилъ пять, на отдѣлку этого дома. Наконецъ, о. Кириллъ не выдержалъ и какъ-то сказалъ Софьѣ Платоновнѣ.

— Надобно бы намъ приберечь что̀ нибудь для Платона. Вѣдь онъ тоже нашъ сынъ, а мы объ немъ и думать позабыли, словно его на свѣтѣ не существуетъ. У него семья, трое дѣтей, а мы все это позабываемъ. Лида — незамужняя, одинокая, и Богъ вѣдаетъ, выдетъ ли когда нибудь замужъ; у Леонида нѣтъ дѣтей,—только одна жена,—а, между тѣмъ, мы объ нихъ постоянно заботимся, помогаемъ имъ, хотя они сами зарабатываютъ несравненно больше Платона.

Но этими словами онъ поднялъ такую бурю со стороны Софьи Платоновны, какой даже не ожидалъ; а потому совер-

Digitized by Google

шенно растерялся, стараясь успокоить жену, и съ тѣхъ поръ больше не заводилъ съ ней подобныхъ разговоровъ. Только, когда отъ 70 тысячъ осталось всего 10, онъ опять рѣшился заговорить съ ней объ деньгахъ и сказалъ:

— Маловато у насъ осталось, Софья Платоновна! Нельзя намъ по прежнему деньги тратить; конечно, вы это и сами понимаете. Наше дѣло ужь не къ молодости идетъ, каждый часъ приближаетъ насъ ко гробу, нельзя же намъ безъ копѣйки остаться на старости лѣтъ... Не о себѣ я забочусь, Софья Платоновна, а объ васъ. Что если меня не будетъ,—чѣмъ вы станете тогда жить? Не въ вашемъ характерѣ проживать на иждивеніи у своихъ дѣтей; мнѣ думается, это вамъ совсѣмъ несвойственно. А потому я и заговорилъ съ вами о деньгахъ и убѣдительно прошу не брать болѣе ничего изъ оставшагося капитала.

На этотъ разъ бури со стороны Софьи Платоновны не послѣдовало; она нашла, что мужъ правъ, и серьезно задумалась надъ вопросомъ: хватитъ ли процентовъ съ десятитысячнаго капитала и доходовъ о. Кирилла, для того чтобы жить самимъ и помогать дѣтямъ?

Вопросъ этотъ она скоро рѣшила: на помощь дѣтямъ денегъ хватитъ. На другой же день явился къ нимъ изъ Москвы Леонидъ съ просьбой о деньгахъ, необходимо нужныхъ ему для того, чтобы ѣхать съ женой за границу.

Отецъ и мать собрались съ духомъ сказать ему, сколько именно осталось у нихъ отъ прежняго состоянія, что огорчило его чуть не до слезъ и онъ тутъ же обѣщалъ родителямъ съ будущаго мѣсяца выплачивать имъ понемногу то, что бралъ у нихъ.

Кончилось тѣмъ, что о. Кириллъ съ женою, желая утѣшить огорченнаго, дали ему 700 рублей, взявъ эти деньги изъ оставшихся 10 тысячъ. Черезъ два мѣсяца Леонидъ выслалъ имъ по почтѣ сто рублей, извиняясь, что пока прислать болѣе не можетъ до будущаго года.

Лидіи они ничего не писали о своихъ денежныхъ дѣлахъ, полагая, что ее,—такую нервную и болѣзненную,—это извѣстіе еще сильнѣе разстроитъ, чѣмъ разстроило Леонида. Да, притомъ, она за послѣднее время совсѣмъ перестала просить денегъ у отца съ матерью.

Digitized by Google

XXVIII.

У о. Кирилла давно ужь образовался хроническій бронхитъ, лѣчиться отъ котораго онъ упорно отказывался, по своей антипатіи ко всякимъ лѣкарствамъ, за исключеніемъ такъ называемыхъ «домашнихъ средствъ», въ родѣ мяты, сушеной малины, солодковаго корня и тому подобнаго. Сколько ни прописывалъ ему Леонидъ порошковъ и капель противъ бронхита, онъ ихъ въ ротъ не бралъ, увѣряя, что ему отлично помогаетъ ячменный сахаръ и даже простой леденецъ, и что не слѣдуетъ пріучаться на старости лѣтъ къ лѣкарствамъ, если не принималъ ихъ смолоду. При всей своей кротости и уступчивости, о. Кириллъ былъ упрямъ, какъ большинство безхарактерныхъ людей, хотя весьма рѣдко выказывалъ свое упрямство; зато проявилъ его въ такой сильной степени, отказываясь лѣчиться, что даже Софья Платоновна не могла съ нимъ сладить и волей-неволею отступала.

О. Кириллъ продолжалъ сосать ячменный сахаръ и кашлять; при малѣйшей простудѣ, кашель усиливался, и тогда о. Кириллъ начиналъ пить лакрицу, разведенную въ водѣ, что̀ у него называлось: «сильнымъ средствомъ».

Въ концѣ этого лѣта стояла холодная, ненастная погода, и въ одинъ изъ самыхъ дождливыхъ дней соборному протопопу пришлось хоронить свою прихожанку. На кладбищѣ его сильно промочило дождемъ и пронизало холоднымъ вѣтромъ. Вернувшись домой, о. Кириллъ почувствовалъ себя очень нехорошо, а къ вечеру совсѣмъ слегъ, жалуясь на острую боль въ лѣвомъ боку и дрожа отъ лихорадочнаго озноба. Испуганная Софья Платоновна немедленно послала за докторомъ, противъ чего о. Кириллъ уже не протестовалъ. Пріѣхалъ докторъ и, осмотрѣвъ больнаго, нашелъ у него воспаленіе въ легкихъ, къ ужасу Софьи Платоновны. Въ первый разъ мысль о смерти мужа, точно молотомъ, ударила ей въ голову; только въ эти минуты она вполнѣ поняла, какъ ей дорогъ и близокъ мужъ и какъ страшно лишиться его навсегда. Дни и ночи напролетъ проводила она у постели больнаго, между страхомъ и надеждой. Наконецъ, ему стало лучше; опасность миновала.

Воспаленіе прекратилось, но о. Кириллъ плохо поправ-

Digitized by Google

лялся и его бронхитъ усилился до того, что не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью; вдобавокъ, лихорадочное состояніе не проходило. Однако, черезъ мѣсяцъ, онъ настолько поправился, что могъ встать съ постели и сталъ меньше кашлять. Софья Платоновна такъ обрадовалась этому, какъ еще никогда и ничему не радовалась; ухаживала она за выздоравливающимъ, точно за малымъ ребенкомъ, что́ умиляло его и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокоило.

— Сколько хлопотъ я вамъ доставляю, Софья Платоновна!—говорилъ онъ ей.—Боюсь, какъ бы вы сами не захворали, помилуй Богъ, няньчась со мною. Ужь теперь мое здоровье совершенно поправилось; не стоитъ обо мнѣ такъ заботиться.

И, въ самомъ дѣлѣ, о. Кириллъ воображалъ себя совсѣмъ здоровымъ и, едва поднявшись съ постели, заговорилъ о томъ, что пора ему служить, что онъ и такъ слишкомъ долго провалялся, заставляя о. Николая (втораго соборнаго священника) исправлять за него церковную службу и требы.

Софья Платоновна даже слушать объ этомъ не хотѣла, говоря мужу, что не выпуститъ его изъ дому, пока онъ не поправится, какъ слѣдуетъ. О. Кириллъ покорился женѣ, но сильно заскучалъ и сдѣлался капризенъ, какъ избалованное дитя. Его тянуло въ соборъ; онъ не только привыкъ къ службѣ, но любилъ служить и положительно страдалъ безъ своего любимаго дѣла. Наконецъ, онъ не выдержалъ, просидѣвъ полторы недѣли дома, и упрямо-рѣшительнымъ тономъ объявилъ женѣ, что болѣе сидѣть въ четырехъ стѣнахъ не можетъ и завтра же будетъ служить обѣдню. Никакія возраженія, доводы и слезныя мольбы Софьи Платоновны не могли сокрушить его упрямства. На слѣдующій день о. Кириллъ служилъ обѣдню, задыхаясь отъ сдерживаемаго кашля и отъ слабости. Съ этого дня онъ продолжалъ служить почти цѣлую недѣлю, до тѣхъ поръ, пока ему не сдѣлалось дурно въ церкви во время всенощной, и его принесли домой на рукахъ причетники. Послѣ этого о. Кириллъ опять слегъ въ постель, и Софья Платоновна, снова пришедшая въ отчаяніе, вызвала телеграммой Леонида, которому вѣрила больше всѣхъ докторовъ на свѣтѣ. Леонидъ пріѣхалъ и ужаснулся, увидѣвъ отца: до чего тотъ измѣнился въ короткое время! Надо сказать, что

Digitized by Google

Леонидъ любилъ отца и мать, но только тогда, когда ихъ видѣлъ, а, разставшись съ ними, какъ-то необыкновенно скоро и легко позабывалъ объ ихъ существованіи, въ чемъ укорялъ самъ себя при новомъ свиданіи съ родителями. Послѣ тщательнаго осмотра больнаго, послѣ выстукиванья и выслушиванья, онъ пришелъ въ еще бо́льшій ужасъ, признавъ у отца скоротечную чахотку, но счелъ за лучшее не объявлять этого матери. Онъ успокоилъ встревоженную Софью Платоновну, увѣривъ ее, что отецъ несомнѣнно выздоровѣетъ, хотя, можетъ быть, не очень скоро, потому что у него застарѣлый и запущенный бронхитъ.

— А не чахотка? — внутренно холодѣя отъ своего предположенія, спросила сына Софья Платоновна.

— Полноте, мама! — притворно-веселымъ тономъ заговорилъ Леонидъ.—Вѣдь папѣ за шестьдесятъ; въ такіе годы чахотка почти невозможна... а если даже случится такая рѣдкость и шестидесятилѣтній старикъ заболѣетъ чахоткой, то преспокойно проживетъ съ ней еще лѣтъ десять. Да у папы ничего похожаго на чахотку и нѣтъ, по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію. Впрочемъ, если вы мнѣ не вѣрите, такъ можете пригласить другаго врача, хоть консиліумъ собрать... И, конечно, всѣ вамъ скажутъ то же самое, что̀ и я говорю.

Леонидъ былъ убѣжденъ въ томъ, что мать не пригласитъ послѣ него никакого другаго врача, не станетъ собирать консиліумъ, и не ошибся въ своемъ разсчетѣ. Поговоривъ съ сыномъ, Софья Платоновна совершенно успокоилась и ободрилась, потому что вѣрила Леониду, какъ Богу. И, не смотря на то, что о. Кириллъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ, таялъ, словно воскъ отъ огня, она была теперь твердо увѣрена, что онъ непремѣнно выздоровѣетъ. А самому о. Кириллу даже въ голову не приходила мысль о чахоткѣ. Онъ считалъ свою болѣзнь пустячной, подобно большинству чахоточныхъ, принимая лѣкарства, прописанныя сыномъ только въ угоду женѣ, и надѣясь опять возвратиться въ скоромъ времени къ своимъ обязанностямъ священнослужителя, хотя съ трудомъ могъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ. На него напала необыкновенная веселость и говорливость. Онъ почти не умолкалъ, вспоминая старину и разсказывая разные эпизоды изъ своей семинарской жизни, хотя ему было трудно и вредно говорить много.

Digitized by Google

Положимъ, и прежде, до болѣзни, о. Кириллъ любилъ разсказывать про свое семинарское житье-бытье, но теперь онъ только объ этомъ и толковалъ, по нѣскольку разъ повторяя одни и тѣ же разсказы своимъ неутомимымъ слушательницамъ—женѣ и Маринѣ Егоровнѣ. Обѣ онѣ радовались тому, что больной веселъ, считая его веселость признакомъ скораго выздоровленія.

XXIX.

Почти до разсвѣта не могъ заснуть о. Платонъ, улегшись съ 9 часовъ вечера на жестковатомъ диванѣ въ угловой комнатѣ. Невеселыя, тревожныя мысли отгоняли отъ него сонъ, побѣдивъ даже усталость, какую онъ чувствовалъ послѣ своего путешествія изъ села Спасова въ городъ (находившійся въ 20 верстахъ отъ этого села) по сквернѣйшей дорогѣ, подъ дождемъ. Пять лѣтъ прожилъ о. Платонъ спокойно и счастливо съ своею Серафимой Александровною; они любили другъ друга и оба были совершенно довольны жизнью, не желая ничего лучшаго. Только и огорчала ихъ—явная непріязнь къ нимъ Софьи Платоновны. Эта непріязнь была единственнымъ темнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ ихъ семейнаго счастья. О. Платонъ огорчался по этому поводу больше своей жены, потому что любилъ мать и теперь, во время болѣзни отца, отъ всей души жалѣлъ ее, со страхомъ думая: что будетъ съ нею, если отецъ умретъ? Перенесетъ ли она такое несчастье? А самъ онъ сильно сомнѣвался въ выздоровленіи о. Кирилла. Съ тѣхъ поръ какъ заболѣлъ отецъ, Платонъ потерялъ все свое спокойствіе и довольство жизнью. Его неудержимо влекло къ больному и онъ чуть не ежедневно навѣщалъ его, не обращая вниманія на дурную погоду и дорогу. Онъ даже сталъ гораздо равнодушнѣе къ женѣ съ дѣтьми, только и думая, что о больномъ отцѣ да объ матери, за которыхъ усердно молился.

Ему никогда не нравилось, какъ относятся Леонидъ и Лидія къ отцу съ матерью, теперь же это положительно его возмущало. Леонидъ ужь болѣе мѣсяца не навѣщалъ отца; Лидія писала, что можетъ пріѣхать только лѣтомъ. «Да застанетъ ли она тогда батюшку въ живыхъ»? — тоскливо думалъ о. Пла-

Digitized by Google

тонъ и рѣшился послать сестрѣ письмо, въ которомъ откровенно высказалъ свои опасенія за жизнь отца.

Онъ зналъ, что Софья Платоновна не писала ей ничего подобнаго и надѣялся, что сестра немедленно пріѣдетъ, узнавъ правду о болѣзни отца.

Но Лидія только прислала брату отвѣтъ въ нѣсколько строчекъ, такого содержанія:

«Я не могу пріѣхать раньше мая. Доктора запрещаютъ мнѣ возвращаться въ Россію осенью, зимой и ранней весною. Мое здоровье тоже плохо. Странно, что мама, Леонидъ и самъ папа не писали мнѣ о томъ, о чемъ ты написалъ.

«Вчера я получила отъ мамы письмо, въ которомъ она сообщаетъ, что папа замѣтно поправляется. Не знаю, кому вѣрить. Думаю, что ты преувеличиваешь опасность; вѣдь ты—извѣстный трусъ. А я вовсе не желаю умирать изъ-за твоей трусливости, поэтому и не вернусь въ Россію до мая».

Вдобавокъ Лидія поспѣшила увѣдомить мать о томъ, какое извѣстіе получила она отъ брата, прося не скрывать отъ нея, если отецъ, дѣйствительно, такъ опасно боленъ. Софья Платоновна тотчасъ же телеграфировала дочери: «Папа выздоравливаетъ; очень веселъ и разговорчивъ. Не вѣрь Платону». А на младшаго сына она такъ разгнѣвалась за то, что тотъ осмѣлился безпокоить Лиду своимъ лживымъ (по ея мнѣнію) письмомъ, что бѣдный о. Платонъ раскаялся, зачѣмъ написалъ его.

И теперь, во время безсонной ночи, Платонъ все это вспоминалъ, ворочаясь съ боку на бокъ и слушая заунывную пѣсню осенняго вѣтра, прерываемую шумомъ дождя, не прекращавшагося до утра.

Сердце о. Платона сжималось мучительной тоскою, предчувствіемъ огромнаго горя... Только подъ утро онъ могъ забыться во снѣ, но по привычкѣ проснулся рано, едва пробило семь на стѣнныхъ часахъ въ залѣ. Однако, въ деревнѣ онъ вставалъ не позже пяти, поэтому и нашелъ, что проспалъ слишкомъ долго. Торопливо поднявшись съ своего жосткаго ложа, онъ одѣлся въ новый шерстяной подрясникъ и подпоясался пестрымъ поясомъ, вышитымъ по канвѣ руками Серафимы Александровны. Все это онъ привезъ съ собой и нарядился, чтобы не раздражать Софьи Платоновны, не терпѣв-

Digitized by Google

шей неряшливости въ одеждѣ и неустанно упрекавшей его за такую неряшливость.

Онъ и обулся въ новые сапоги, только что сшитые деревенскимъ сапожникомъ, не напрасно говорившимъ ему:

— Ужь я для васъ, батюшка, скрипу не пожалѣлъ... Какъ пойдете въ этихъ сапожкахъ, такъ за версту всякій глухой услышитъ!

И въ самомъ дѣлѣ, едва ступилъ по полу въ новыхъ сапогахъ, Платонъ, какъ услышалъ такой скрипъ, что чуть не заплакалъ, живо вообразивъ негодованіе матери по поводу неприлично-рѣзкаго звука, издаваемаго его обувью. Стараясь возможно легче ступать, а потому пошатываясь изъ стороны въ сторону, вошелъ онъ въ залу, гдѣ встрѣтился съ Мариною Егоровной, поливавшею цвѣты. Увидѣвъ Платона, она поставила лейку съ водой на полъ, и съ сіяющимъ радостью лицомъ обратилась къ нему, громко воскликнувъ:

— Скажите, братецъ, «слава богу»! Вѣдь дяденькѣ нынче гораздо лучше, спаси его Господи. Самъ, безъ нашей помощи, всталъ, одѣлся, и въ столовую вышелъ... И теперь сидятъ тамъ съ тетенькой, чай кушаютъ. Дяденька — веселый-превеселый; истинно обрадовался, какъ узналъ, что вы пріѣхали. Идите къ нимъ скорѣе... А я вотъ раньше всѣхъ поднялась, чайку съ Натальюшкой попила, да отъ нечего дѣлать занялась цвѣтами.

Платонъ, глядя на Марину Егоровну и слушая ее, самъ расцвѣлъ отъ радости. Набожно перекрестившись на икону, висѣвшую въ переднемъ углу, онъ сказалъ:

— Ну, слава богу! — и направился скорыми шагами въ столовую, совсѣмъ позабывъ о своихъ сапогахъ и не слыша отъ волненія ихъ немилосерднаго скрипа. Софья Платоновна тоже не обратила на это никакого вниманія, когда сынъ появился передъ ней; она была сегодня слишкомъ счастлива, чтобы обратить вниманіе на скрипучіе сапоги. Она сидѣла за чайнымъ столомъ вмѣстѣ съ мужемъ, чего не бывало цѣлыхъ два мѣсяца.

О. Кириллъ словно умалился отъ чрезмѣрной худобы и, сидя въ креслѣ, обложенный подушками, казался ребенкомъ со старческимъ лицомъ, точно вылѣпленнымъ изъ желтаго воска. На его лицѣ необыкновенно рѣзко выдѣлялись заостриv-

Digitized by Google

шійся носъ и лихорадочно-блестящіе глаза съ быстрымъ взглядомъ, перебѣгавшимъ съ предмета на предметъ, ни на чемъ долго не останавливаясь.

— А! греческій мудрецъ Платонъ, добро пожаловать!—воскликнулъ онъ сиплымъ, надорваннымъ голосомъ при видѣ сына.—«Милости прошу къ нашему шалашу»! какъ говаривалъ, бывало, нашъ семинарскій экономъ, о. Іаковъ.

Пристально посмотрѣвъ на отца, сынъ пересталъ радоваться. Совсѣмъ непохожимъ на выздоравливающаго показался ему отецъ.

— Здравствуйте, батюшка, добраго утра! Вотъ не стерпѣлъ, пріѣхалъ васъ провѣдать,—заговорилъ о. Платонъ, принявъ благословеніе отъ отца и нѣсколько разъ поцѣловавъ его изсохшую, морщинистую руку.

— Сейчасъ слышалъ отъ Марины Егоровны, что вы сегодня чувствуете себя лучше...

— Да, да; превосходно себя чувствую — перебивая сына, живо отозвался о. Кириллъ.—Еще денька два-три погуляю, а тамъ и служить начну... О. Николай измучился, другой мѣсяцъ службу исправляетъ за меня, безъ отдыха... Да ты что жь стоишь, словно солдатъ на часахъ? Садись-ка вотъ тутъ, со мной рядкомъ, и поговоримъ съ тобой ладкомъ... Это тоже поговорка была у покойнаго о. Іакова, и одна изъ самыхъ любимыхъ.

Платонъ пододвинулъ стулъ поближе къ креслу больнаго и сѣлъ, позабывъ поздороваться съ матерью и заторопившись исполнить желаніе отца.

Софья Платоновна недружелюбно взглянула на сына и замѣтила ему сквозь зубы:

— Ты, должно быть, считаешь лишнимъ здороваться со мной...

— Простите, мама! И самъ не знаю, какъ это я такъ...—смѣшавшись, пробормоталъ Платонъ и хотѣлъ встать, но отецъ удержалъ его за руку со словами:

— Полно, сиди себѣ, благо усѣлся! Что за китайскія церемоніи между близкими родными? Лучше налейте-ка ему, Софья Платоновна, китайскаго напитка.

Платонъ опять опустился на стулъ, обратившись къ матери и собираясь, повидимому, что-то еще сказать ей, но больной помѣшалъ ему и самъ снова заговорилъ:

Digitized by Google

— Да, такъ хорошо мнѣ сегодня, что даже выразить не могу,—до чего хорошо! Ничего не болитъ, ни разу не кашлянулъ со вчерашняго вечера, спалъ всю ночь мертвымъ сномъ,— а, главное, на душѣ какъ-то необычайно легко и радостно... Будто бы Свѣтлаго праздника ожидаю. А знаешь ли, что́ именно меня воскресило? Ну, какъ ты думаешь? — спросилъ онъ сына, весело улыбаясь.

— Не знаю, батюшка,—съ подавленнымъ вздохомъ отвѣчалъ о. Платонъ, стараясь повѣрить въ начавшееся выздоровленіе больнаго, но чувствуя, что не можетъ въ это увѣровать, подобно своей матери и Маринѣ Егоровнѣ.

— Малиновый леденецъ, вотъ что! — торжественно объявилъ о. Кириллъ.—Лучше всякихъ лѣкарствъ помогъ. Я вѣдь всегда утверждалъ, что простыя домашнія средства дѣйствительнѣе докторскихъ, — вотъ такъ и вышло! Вчера вечеромъ съѣлъ три леденца—и все какъ рукой сняло... А сейчасъ я тебѣ разскажу, для примѣра, какъ въ бытность мою въ семинаріи одинъ изъ моихъ товарищей, нѣкто по фамиліи Араратскій, отъ тифозной горячки вылѣчился ржаной лепешкою.

О. Кириллъ совсѣмъ задыхался; на лбу у него выступили крупныя капли пота, но онъ все таки продолжалъ говорить слабѣющимъ голосомъ перешедшимъ, наконецъ, въ шопотъ.

— Ужь очень много вы говорите и разсказываете, — съ ласковой улыбкою замѣтила Софья Платоновна мужу:—Лёня совѣтовалъ вамъ поменьше говорить, чтобъ не утомлять горла и легкихъ...

— Да вѣдь когда Лёня мнѣ это совѣтовалъ, я былъ боленъ, а теперь совершенно здоровъ!—съ усиліемъ вскрикнулъ о. Кириллъ и продолжалъ вновь упавшимъ голосомъ:—погодите, я еще разскажу вамъ одинъ курьезный случай, происшедшій съ нашимъ семинарскимъ преподавателемъ латинскаго языка, Богословскимъ...

Однако, Софьѣ Платоновнѣ съ сыномъ такъ и не привелось узнать этотъ случай, потому что о. Кириллъ больше не могъ вымолвить ни слова: голосъ и языкъ внезапно отказались повиноваться ему. Нервное оживленіе быстро смѣнилось полнѣйшимъ упадкомъ силъ; больной, откинувшись на подушки, не могъ болѣе шевельнуться отъ необыкновенной слабости, овладѣв-

Digitized by Google

шей всѣмъ его существомъ. Въ глазахъ у него сперва замелькали яркіе разноцвѣтные круги, потомъ совсѣмъ потемнѣло... Онъ хотѣлъ приподняться съ кресла, закричать отъ нестерпимаго страха передъ чѣмъ-то великимъ и грознымъ, приближавшимся къ нему въ темнотѣ, невидимо для другихъ присутствующихъ здѣсь и для него самого. Онъ только чувствовалъ близость чего-то ужаснаго, оледенившаго кровь въ его жилахъ.

«Спасите меня! Помогите»! — вотъ что хотѣлось закричать о. Кириллу и бѣжать отъ невидимаго чудовища, все ближе и ближе подступавшаго къ нему изъ непроглядnаго мрака, окружавшаго его со всѣхъ сторонъ; но вмѣсто крика вырвался только тихій, жалобный стонъ. Единственное движеніе, которое съ невѣроятнымъ трудомъ могъ сдѣлать о. Кириллъ—это взмахнуть рукой, какъ взмахиваетъ крыломъ подстрѣленная птица...

— Что съ вами? Кириллъ Пименовичъ, голубчикъ мой, что съ вами?—бросившись къ нему, спрашивала Софья Платоновна прерывавшимся отъ волненія голосомъ, тревожно заглядывая ему въ лицо. Платонъ, испуганный не меньше матери, старался успокоить ее, не трогаясь съ мѣста, чтобы не обезпокоить больнаго, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ:

— Успокойтесь, мама... батюшкѣ дурно сдѣлалось и больше ничего. Онъ еще слабъ; посидѣлъ, поговорилъ и утомился... Водицы бы ему дать выпить,—шепталъ онъ, но мать не слыхала его и не видала, продолжая смотрѣть на мужа помутившимися отъ страха глазами, щупая рукой его холодѣющій лобъ и почти безсознательно повторяя:—Что съ вами? Голубчикъ мой, что съ вами?

Но въ отвѣтъ на это она слышала только тяжелое, порывистое дыханіе о. Кирилла, сидѣвшаго неподвижно, запрокинувъ голову на подушку и устремивъ острый, полный ужаса, взглядъ въ одну точку.

Въ комнату вошла Марина Егоровна и обмерла при видѣ такой неожиданной картины.

Впрочемъ, она скорѣе всѣхъ поняла, въ чемъ дѣло, и овладѣла собой. Прежде всего она подошла на цыпочкахъ къ Софьѣ Платоновнѣ и начала тихо убѣждать ее отойти отъ больнаго и не трогать его.

Digitized by Google

— Хуже ему будетъ, тетенька, коли потревожите... Въ покоѣ онъ скорѣе очнется... А вы лучше пошлите-ка Наталью за докторомъ.

Напоминаніе о докторѣ сильнѣе всего подѣйствовало на Софью Платоновну.

— Да, да, сейчасъ надо послать за докторомъ. Господи, я совсѣмъ обезумѣла, до сихъ поръ еще не послала! Мариша, побудь здѣсь, я вернусь сію минуту... Только пошлю Наталью, дамъ ей денегъ на извощика, чтобъ поскорѣй...—засуетилась Софья Платоновна, и съ послѣдними словами быстро вышла изъ комнаты. Платонъ тоже успѣлъ опомниться и понялъ, что отецъ доживаетъ послѣднія минуты. Едва скрылась за дверью мать, онъ опустился на колѣни передъ умирающимъ и тихо заплакалъ, сдерживая рыданія, подступавшія къ горлу; Марина Егоровна, стоя позади о. Платона, тоже утирала концомъ шейнаго платка глаза, изъ которыхъ такъ и сыпались слезы, крестилась и чуть слышно шептала:

— Братецъ, нужно бы отходную прочитать... Особоровать не успѣемъ. Хорошо, что дяденькѣ Господь привелъ третьяго дня исповѣдываться-причаститься; самъ пожелалъ. Братецъ, а какъ бы намъ тетеньку успокоить? Истинно, не придумаешь!— Постоявъ нѣсколько секундъ, она ушла въ спальню о. Кирилла, откуда тотчасъ же вернулась съ требникомъ въ рукахъ и молча, съ поклономъ, передала его о. Платону. Этотъ послѣдній, машинально взялъ отъ нея книгу, поднялся на ноги и началъ читать отходную, задыхаясь отъ слезъ и поминутно взглядывая на отца, сидѣвшаго въ прежнемъ положеніи, съ остановившимися на одной точкѣ глазами. Только дыханіе все слабѣе и слабѣе вылетало изъ его полуоткрывшагося рта. Марина Егоровна усердно молилась, клала земные поклоны и безпрестанно оглядывалась на дверь, со страхомъ ожидая появленія тетеньки. Не успѣлъ о. Платонъ прочесть половины отходной, какъ вошла мать.

— Тетенька, на все воля божья!—двинувшись къ ней навстрѣчу, сказала Марина Егоровна.

Софья Платоновна поблѣднѣла, зашаталась и безъ чувствъ упала на руки племянницы.

Въ ту же минуту, съ хрипомъ вылетѣло послѣднее дыханіе о. Кирилла...

Digitized by Google

XXX.

Софья Платоновна, очнувшись послѣ продолжительнаго обморока, не стала плакать и убиваться по умершемъ мужѣ, чего ожидали отъ нея Платонъ съ Мариною Егоровной. Она тотчасъ же телеграфировала Леониду и Лидіи о смерти отца, начала хлопотать и всѣмъ распоряжаться сама, не дозволяя никому даже помочь ей. Только все это она дѣлала съ несвойственной ей лихорадочною торопливостью, проявлявшейся теперь и въ движеніяхъ, и въ походкѣ. Софья Платоновна не могла сидѣть на мѣстѣ, безпрестанно переходила изъ комнаты въ комнату, суетилась съ такимъ видомъ, будто бы искала какую нибудь потерянную вещь. Ея сухіе глаза съ расширившимися зрачками лишились всякаго выраженія, но пріобрѣли яркій горячечный блескъ.

Говорила она какъ-то особенно твердо, отрывисто и несовсѣмъ связно, иногда затрудняясь назвать какой либо предметъ или ошибаясь въ его названіи; почти ничего не ѣла, почувствовавъ отвращеніе къ пищѣ, но поминутно пила холодную воду.

Три ночи, пока тѣло о. Кирилла оставалось въ домѣ, Софья Платоновна не спала, даже не ложилась въ постель и не раздѣвалась, какъ ни упрашивала ее Марина Егоровна «хоть маленько отдохнуть, хоть прилечь на минуточку». И по ночамъ она продолжала безъ всякой надобности ходить изъ комнаты въ комнату, почти не присаживаясь. Марину Егоровну очень удивляло, что тетенька мало обращаетъ вниманія на покойника и проходитъ мимо него, будто бы не замѣчая. Изрѣдка только остановится на секунду передъ гробомъ, причемъ непремѣнно скажетъ, ни къ кому изъ присутствующихъ не обращаясь:—Ну, вотъ и все!—Затѣмъ быстро отвернется и уйдетъ въ другую комнату. А на себя—она совсѣмъ перестала обращать вниманіе со дня смерти мужа; не причесывалась, забывала умываться, переодѣлась только разъ въ траурное платье, не замѣтивъ даже, какъ оно сшито. Въ нѣсколько дней Софья Платоновна постарѣла на нѣсколько лѣтъ. Трудно было узнать въ этой небрежно одѣтой и странно-суетливой старухѣ прежнюю величавую протопопицу, такъ заботливо относившуюся

Digitized by Google

къ своему туалету и не терпѣвшую неряшливости даже въ другихъ. Много перебывало народу въ домѣ Востоковыхъ въ теченіе первыхъ трехъ дней; явились родные, знакомые, прихожане, желавшіе поклониться тѣлу любимаго соборнаго протоіерея; являлись какіе-то вовсе неизвѣстные люди, и всѣ они вообще дивились рѣзкой перемѣнѣ въ наружности и въ обращеніи Софьи Платоновны. Большинство посѣтителей, въ особенности изъ духовенства, отправляясь къ овдовѣвшей протопопицѣ, намѣревались утѣшать и ободрять ее разными, подходящими къ случаю, совѣтами и наставленіями. Но, увидѣвъ вдову, они не могли исполнить своего намѣренія, потому что она не плакала, не жаловалась на свою судьбу, — словомъ, такъ странно держала себя, что утѣшать ее было даже какъ-то неловко. И, не смотря на это, нѣсколько прихожанокъ-купчихъ не устояло противъ соблазна утѣшить «матушку».

— Ужь вы не плачьте, матушка, молитесь Богу!—тяжко вздыхая, обратилась одна изъ нихъ къ Софьѣ Платоновнѣ. Эта послѣдняя, посмотрѣвъ на утѣшительницу сухими глазами, отвѣтила:

— Да я и не плачу, какъ видите, — и отошла отъ нея. Вслѣдъ за первою прихожанкой явилась вторая и сказала ту же самую фразу, на что матушка ничего ей не отвѣтила. Наконецъ, явилась третья и тоже начала, съ сокрушеніемъ взглядывая на Софью Платоновну: — Охъ, велико ваше горе, матушка, а убиваться, въ отчаянность приходить все таки грѣшно... Ужь вы не плачьте...

— Молитесь Богу...—совершенно машинально подсказала ей Софья Платоновна, глядя куда-то въ сторону, не думая ни о чемъ и только чувствуя, какъ жгучая, нестерпимая тоска терзаетъ ея сердце. Простоватая купчиха вытаращила глаза на Софью Платоновну, услышавъ отъ нея тѣ самыя слова, которыя сама только что собиралась произнести, и поразившись такимъ чудомъ.

Пришла на другой день послѣ смерти о. Кирилла, давно не бывавшая у Востоковыхъ, сестра Софьи Платоновны, Варвара. Сёстры никогда не были дружны между собой, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ разошлись окончательно. Намъ уже извѣстно, что Софья Платоновна не долюбливала своей бѣдной родни изъ духовнаго званія и не выносила присутствія этой

Digitized by Google

родни въ своемъ домѣ. А Варвара Платоновна, представлявшая изъ себя настоящій типъ бѣдной дьячихи, тѣмъ не менѣе обладала своеобразной гордостью и самолюбіемъ. Замѣтивъ, какъ сухо принимаетъ ее сестра, она заявила своему мужу, вернувшись однажды отъ Востоковыхъ: — Нога моя больше не будетъ у милой сестрицы, и ты не смѣй туда ходить. Мы тоже не лыкомъ шиты, чтобъ у нея ручки цѣловать, когда она передъ нами генеральшу Кутузову изъ себя разыгрываетъ.

— Изъ нашего дома замужъ вышла; можно сказать, по нашей милости счастье себѣ нашла да передъ нами же и важничаетъ. Да будь она хоть распротопопица, а я, дьячиха, послѣ этого знать ея не хочу!

И, дѣйствительно, она и мужъ ея перестали съ тѣхъ поръ бывать у соборнаго протопопа, но это не мѣшало имъ нарочно встрѣчаться съ о. Кирилломъ на улицахъ или искать съ нимъ свиданія въ соборѣ, собственно для того, чтобы выпросить у него нѣсколько рублей, горько жалуясь на свою бѣдность. О. Кириллъ никогда не отказывалъ имъ въ помощи, скрывая это отъ своей жены. Теперь, убитая горемъ, Софья Платоновна не почувствовала ни малѣйшаго неудовольствія, увидѣвъ свою сестру, пришедшую къ ней безъ приглашенія. Она совершенно равнодушно встрѣтила ее, какъ будто бы онѣ не видались со вчерашняго дня, разставшись безъ ссоры, а не въ продолженіе семи лѣтъ.

Варвара Платоновна очень походила на стараго солдата, переодѣтаго въ женское платье и сбрившаго бороду и усы, но не имѣла никакого сходства съ младшею сестрой.

— Ты не воображай, что я къ тебѣ пришла, Софья,— были первыя слова, съ которыми обратилась она къ сестрѣ, глядя на нее сверху внизъ (и голосъ у нея былъ тоже солдатскій: грубый и немного хриплый).—Я пришла поклониться покойнику, а не тебѣ. Онъ былъ человѣкъ добрый, простодушный, царство ему небесное! Ты его подметки не стоишь, вотъ что! И теперь нечего тебѣ важничать; при немъ была протопопица, а безъ него стала просто — *ничевошка*. Въ нашемъ духовномъ званіи, больше чѣмъ во всякомъ другомъ, жена мужемъ красна. Да вотъ ты только второй день вдовѣешь, а ужь просвирней смотришь. А что дальше-то будетъ?

Digitized by Google

Каково жить-то тебѣ еще придется, богъ знаетъ! Намъ извѣстно, что не сотни тысячъ тебѣ останутся, а на твоихъ свѣтскихъ дѣтокъ плоха надежда. Очень имъ нужно мать-старуху ублажать да почитать... Погоди, можетъ, еще всякой дьячихѣ позавидуешь!

— Можетъ быть,—отвѣчала Софья Платоновна, съ невозмутимымъ равнодушіемъ выслушавшая весь этотъ монологъ, точно онъ не къ ней и относился. Помолчавъ немного, она прибавила: — Вы пришли поклониться покойнику, такъ онъ въ залѣ. А мнѣ надо сходить въ кладовую...

Варвара Платоновна изумилась смиренію сестры не меньше купчихи, которой Софья Платоновна подсказала то, что она сама собиралась ей сказать.

Но кто возбуждалъ къ себѣ искреннее сочувствіе всѣхъ посѣтителей и посѣтительницъ — такъ это Леонидъ, не отходившій отъ гроба отца и плакавшій, не осушая глазъ, точно ребенокъ. Онъ пріѣхалъ немедленно по полученіи телеграммы, извѣщавшей о кончинѣ о. Кирилла; пріѣхалъ одинъ, безъ жены, которая, по его словамъ, была очень больна. Леонида въ самомъ дѣлѣ огорчила смерть отца, особенно тогда, когда онъ увидѣлъ его мертваго. Плакалъ онъ самыми настоящими искренними слезами, вспоминая все хорошее объ отцѣ, что только могъ вспомнить, и мысленно раскаиваясь въ томъ, что не такъ относился къ нему, какъ бы слѣдовало, часто совсѣмъ забывалъ про него и почти не навѣщалъ во время болѣзни, хоть и зналъ, что съ этой болѣзнью отецъ не проживетъ долго. Съ матерью онъ также сталъ обходиться необыкновенно нѣжно, и все повторялъ ей, что теперь онъ ужь ее не оставитъ. Но Софья Платоновна сдѣлалась безучастно-холодной и къ сыну, и замѣтно сторонилась отъ него.—Зачѣмъ ты меня обманулъ:—сказалъ, что Кириллъ Пименовичъ выздоровѣетъ?—спросила она Леонида, какъ только онъ пріѣхалъ.

— Что жь дѣлать, мама, если я ошибся?—смущенно отвѣчалъ ей Леонидъ.

— Нѣтъ, ты не ошибся; ты хотѣлъ меня обмануть и обманулъ! — рѣзко возразила она ему, но тотчасъ же заговорила о другомъ и никогда больше не возвращалась къ разговору объ обманѣ. Лидія тоже была поражена неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти отца,—до такой степени, что сама слегла

Digitized by Google

и не могла пріѣхать къ матери. Только въ это время Лидія почувствовала, что отецъ былъ для нея не чужой...

XXXI.

Похоронили о. Кирилла. Софья Платоновна, прощаясь съ нимъ въ послѣдній разъ, не заплакала, не упала въ обморокъ, только сказала громко и отчетливо:—Ну, вотъ и все! — удививъ своими словами всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви. Послѣ похоронъ, она еще съ недѣлю продолжала оставаться такою же странной, непохожею на себя, какой сдѣлалась со дня смерти мужа.

Леонидъ, оставшійся жить у матери до шести недѣль, опасался, какъ бы она не помѣшалась. Однако, черезъ недѣлю Софья Платоновна начала прежде всего плакать, потомъ мало-по-малу стала ѣсть, спать, сидѣть на мѣстѣ и связно разговаривать. Въ ея сердцѣ опять проснулась любовь къ Леониду и къ Лидіи, приславшей ей довольно длинное письмо, написанное теплѣе обыкновеннаго, но въ которомъ она все таки не обѣщалась пріѣхать раньше мая; проснулась и непріязнь къ младшему сыну. Однако же, не смотря на все это, Софья Платоновна не походила на себя. Исхудалая, сгорбившаяся и одѣтая въ простое траурное платье, она дѣйствительно, какъ и выразилась объ ней сестра: «смотрѣла просвирней»,—жалкою, безпомощной старухою. Марина Егоровна не могла безъ слезъ глядѣть на «тетеньку».

Какая-то особенно трогательная, хватающая за душу, нѣжность проявилась въ обращеніи Софьи Платоновны съ Леонидомъ. Это была какая-то робкая и грустная нѣжность, не имѣвшая ничего общаго съ той, которую прежде, до смерти о. Кирилла, выказывала Софья Платоновна по отношенію къ старшему сыну и къ дочери. И непріязнь къ Платону теперь стала выражаться у нея иначе, несравненно тише и мягче прежняго. Она перестала дѣлать ему на каждомъ шагу рѣзкія замѣчанія и выговоры, не бросала на него грозныхъ взглядовъ; только говорила съ нимъ меньше и суше, чѣмъ со всѣми другими людьми, даже съ прислугой. Но Платонъ словно не замѣчалъ этого или не желалъ замѣчать, продолжая навѣщать ее также часто, какъ и во время болѣзни отца. Его очень озабо-

Digitized by Google

чивала мысль о томъ, куда переѣдетъ мать изъ церковнаго дома, гдѣ и какъ устроится, и хватитъ ли ей оставшихся послѣ отца денегъ, для того чтобы жить въ полномъ довольствѣ.

Леонидъ тоже раздумывалъ на эту тему, но шли дни, недѣли, а сама Софья Платоновна ни съ кѣмъ объ этомъ не заговаривала, хотя начала распродавать понемногу мебель и разныя вещи, которыя теперь показались ей лишними, очевидно собираясь куда-то уѣзжать. Никто не рѣшался разспрашивать ее, куда именно она собирается, боясь тревожить такими разспросами. Наконецъ, только въ сороковой день по кончинѣ о. Кирилла, послѣ поминальнаго обѣда, когда всѣ посторонніе, присутствовавшіе на этомъ обѣдѣ, разошлись по домамъ, Софья Платоновна позвала Леонида въ свою комнату и сказала ему:

— Вотъ что, Лёня: хочу я съ тобой серьезно потолковать о томъ, какъ придумала устроиться. Я давно все это обдумала, но говорить объ этомъ не могла, слишкомъ тяжело было... Да я и не воображала, что мнѣ будетъ такъ жалко, такъ горько разставаться съ домомъ, въ которомъ прожила почти весь свой вѣкъ! Конечно, ты засмѣешься, Леня, если я скажу тебѣ, что теперь каждая стѣна въ этомъ домѣ кажется мнѣ живой и будто бы родною... На что ни взгляну—все мнѣ кажется необыкновенно хорошо, мило, со всѣмъ жаль разстаться навсегда... А вѣдь прежде, когда не нужно было отсюда уѣзжать, многое здѣсь не нравилось мнѣ... Голосъ ея задрожалъ и оборвался; съ минуту она помолчала, повидимому, стараясь успокоиться, затѣмъ заговорила опять:

— Ты знаешь, Лёня, сколько денегъ осталось у меня. На проценты съ 10 тысячъ нельзя широко жить, да этого я и не желаю. Ни за что не буду трогать капиталъ; пусть послѣ моей смерти хоть что нибудь вамъ, дѣтямъ моимъ, останется. А пока жива—ужь простите, теперь не могу по прежнему давать деньги, когда вамъ понадобятся. И еслибъ ты зналъ, какъ это меня огорчаетъ!

Леонидъ бросился цѣловать руки матери, восклицая со слезами на глазахъ:

— Намъ у васъ нужно просить прощенія, дорогая мамочка, а не вамъ у насъ! Мы съ сестрой взяли у васъ почти все и до сихъ поръ еще не отдали ничего. Впрочемъ, Лида,

Digitized by Google

сравнительно со мной, взяла у васъ бездѣлицу; я—вашъ главный должникъ! И повѣрьте, милая мама, что теперь я постараюсь расплатиться съ вами какъ можно скорѣе. Вотъ завтра уѣду въ Москву и тотчасъ же вышлю вамъ тысячи двѣ-три, не меньше...

— Не нужны мнѣ эти тысячи, мой милый,—нѣжно цѣлуя сына и съ невыразимой любовью заглядывая ему въ глаза, отвѣчала растроганная Софья Платоновна: — А лучше ты поживи-ка здѣсь еще съ недѣльку. Въ недѣлю я успѣю устроить всѣ свои дѣла, собраться въ дорогу, и тогда мы вмѣстѣ съ тобой поѣдемъ въ Москву.

— Развѣ вы собираетесь въ Москву? — съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ Леонидъ, почему-то не ожидавшій услышать ничего подобнаго отъ матери. Съ тѣхъ поръ какъ онъ женился, мать стала ѣздить къ нему въ гости очень рѣдко; въ послѣдній разъ пріѣзжала два года тому назадъ и прогостила два дня.

— Да, начала я съ тобой говорить о томъ, какъ и гдѣ рѣшила устроиться, да не кончила,—спохватилась Софья Платоновна и продолжала, нѣсколько волнуясь:—Рѣшила я, Леня, совсѣмъ уѣхать отсюда въ Москву. У васъ я не стану жить; вы живете открыто, весело, а мнѣ теперь ужь не до веселья. А главное, боюсь не поладить съ Ириною Дмитріевной... Характеръ у меня нехорошій, уживаться со всѣми не умѣю! Лучше найму себѣ маленькую квартирку или даже комнату,—послѣднее дешевле обойдется да и удобнѣе для одинокой. Зачѣмъ мнѣ просторъ? Для тебя и для Лиды,—когда вздумаете меня навѣстить,—хватитъ мѣста, а другихъ гостей у меня не будетъ. Постараюсь найти подходящую комнату гдѣ нибудь поближе отъ васъ, чтобъ не затруднять тебя далеко ѣздить ко мнѣ. Почаще будемъ видаться... Да я-то была бы рада видѣть тебя каждый день, но ты человѣкъ занятой, теперь практика у тебя большая, такъ не оставить же всѣ дѣла, для того чтобъ сидѣть со мной! Я не безумная и вовсе не желаю, чтобы изъ-за меня ты потерялъ практику. Ирина Дмитріевна тоже будетъ недовольна, если ты вздумаешь часто ѣздить ко мнѣ, и я не хочу раздражать ее, безпокоить... Но все таки въ Москвѣ мы съ тобой станемъ видаться чаще, чѣмъ видались до сихъ поръ. И Лидѣ удобнѣе пріѣхать въ Москву, чѣмъ

Digitized by Google

сюда, въ захолустный городъ. А что мнѣ дѣлать здѣсь, зачѣмъ жить? Никого и ничего у меня теперь здѣсь не осталось, кромѣ могилы мужа да печальныхъ воспоминаній!

Леонидъ молча выслушалъ мать, не перебивъ ея ни словомъ, только мѣняясь въ лицѣ и кусая губы. Очевидно, предполагаемое переселеніе матери въ Москву не представляло для него ничего пріятнаго... Когда Софья Платоновна умолкла, онъ заговорилъ поспѣшно, сбивчиво, съ явнымъ смущеніемъ:

— Видите ли, мама, я несовсѣмъ одобряю вашъ планъ переѣзда въ Москву... Вы говорите, у васъ здѣсь никого нѣтъ, а Платонъ-то съ семьей? А Марина Егоровна, которая вамъ такъ предана? Наконецъ, есть много знакомыхъ, которые васъ уважаютъ и любятъ. А въ Москвѣ—одинъ я, и притомъ занятъ съ утра до ночи... Ирѣне хвораетъ; у нея нервное разстройство, всякій пустякъ ее изъ себя выводитъ... Дай Богъ, если мы будемъ съ вами видаться разъ въ мѣсяцъ, да и за это не поручусь. Вѣдь вы съ тоски пропадете, мама, сидя одна въ какой нибудь скверной комнатёнкѣ! Квартиры въ Москвѣ ужасно вздорожали... вообще жизнь тамъ дорога и съ вашими средствами трудно будетъ существовать...

Онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь, неловко замолчавъ, потому что не находилъ больше словъ, чтобы убѣдить мать не переселяться въ Москву.

Слушая сына, Софья Платоновна мертвенно поблѣднѣла; на лицѣ ея выразилось такое страданіе, какъ будто бы отъ острой физической боли. А, выслушавъ, она разсмѣялась, но такимъ смѣхомъ, отъ котораго у Леонида пробѣжалъ морозъ по кожѣ.

— Вотъ какъ! Тебѣ со мной жить въ Москвѣ тѣсно?— сказала она, не переставая смѣяться, и голосъ у нея зазвенѣлъ, точно разбитое стекло: — Ну, хорошо, успокойся; я не поѣду туда. А ты уѣзжай завтра... сегодня, хоть сейчасъ, и не трудись больше меня навѣщать...

— Богъ съ вами, мама! За что же вы разсердились на меня?—воскликнулъ окончательно потерявшійся Леонидъ, внутренно сознавая, что обидѣлъ мать, но не желая сознаться въ этомъ предъ нею.—За то, что я вамъ правду сказалъ?

Софья Платоновна вспыхнула, быстро поднялась съ мѣста и остановилась предъ сыномъ, дрожа отъ гнѣвнаго волненія.

Digitized by Google

Въ эти минуты къ ней вернулась прежняя величавость и, еслибъ увидѣла ее Варвара Платоновна, такъ не могла бы сказать, что она «смотритъ просвирней»...

— Нѣтъ, а за то, что ты никогда не говорилъ мнѣ правды,—всегда лгалъ!—отвѣчала она сыну, пристально глядя ему въ глаза. Леонидъ покраснѣлъ и потупился подъ ея взглядомъ.

— Я думала, ты меня только разъ обманулъ насчетъ болѣзни отца и простила это тебѣ,—продолжала она.—Но теперь вижу и чувствую, что ты меня всегда обманывалъ и больше прощать не могу, силъ не хватаетъ! Ты притворялся добрымъ, любящимъ сыномъ, говорилъ мнѣ и отцу ласковыя слова,—и только одни слова! Зная, что отецъ при смерти боленъ, ты не пріѣхалъ навѣстить его, пока не позвали на похороны. А теперь испугался, что старая, небогатая мать будетъ жить въ Москвѣ; помилуй Богъ, узнаютъ объ этомъ разные князья да графы,—родственники твоей жены. И она сама будетъ этимъ недовольна... Неужели ты любишь свою жену до такой степени, что у тебя въ сердцѣ не осталось хоть крошечнаго мѣстечка для матери? А если такъ, зачѣмъ же лгать, притворяться предо мной, говорить, что квартиры въ Москвѣ дороги... Сказалъ бы прямо: я васъ не люблю, а потому не хочу часто видѣть... Это было бы честнѣй и проще!—Софья Платоновна задыхалась отъ волненія и, тяжело опустившись на диванъ, еле могла выговорить:

— Уходи, я не могу тебя видѣть!

Леонидъ безмолвно покорился и вышелъ изъ ея комнаты, совершенно уничтоженный сознаніемъ своего безсилія и виновности передъ матерью и умершимъ отцомъ. Видъ у него былъ такой жалкій, какъ у цыпленка, ошпареннаго кипяткомъ.

XXXII.

Цѣлый день не выходила Софья Платоновна изъ своей комнаты послѣ разговора съ Леонидомъ и никого къ себѣ не пускала, даже Марину Егоровну, сильно встревожившуюся по этому случаю. Она не могла понять, почему братецъ Леонидъ Кириловичъ такъ разстроенъ, что просто жалко смотрѣть на него, а тетенька заперлась въ своей комнатѣ и никого видѣть не хочетъ.

Digitized by Google

Софья Платоновна чувствовала, какъ будто бы у нея что-то оторвалось отъ сердца съ жестокой болью и эта боль не унималась, не затихала ни на минуту, вызывая жгучія слезы, еще сильнѣе растравлявшія свѣжую сердечную рану. И къ этому мучительному чувству примѣшивалось другое,—чувство глубокаго негодованія противъ Леонида и противъ самой себя. Софья Платоновна негодовала на себя за то, что до нынѣшняго дня не могла разглядѣть и узнать своего сына, воображая его совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Теперь, сидя одна, она съ поразительной ясностью припоминала разные поступки Леонида, которыхъ раньше будто бы не замѣчала. А когда вспомнила все и больше вспоминать было нечего, то прошептала съ тяжелымъ вздохомъ: «Какой же онъ слабый, пустой и фальшивый человѣкъ»!

Въ тотъ же вечеръ она написала Лидіи длинное письмо, въ которомъ изливала всю свою душевную скорбь. Никогда Софья Платоновна не писала дочери такихъ откровенныхъ писемъ, какъ въ этотъ разъ. По обыкновенію, она всегда избѣгала сообщать Лидіи что нибудь непріятное, печальное, боясь ее разстроить. Но теперь перо бѣгало по бумагѣ будто само по себѣ, не повинуясь Софьѣ Платоновнѣ, и описывало все, что она пережила и перечувствовала со дня смерти о. Кирилла. Это было не письмо, а живой потрясающій разсказъ, заключавшійся тѣмъ, что Софья Платоновна выражала дочери свое намѣреніе уѣхать къ ней въ Миланъ (гдѣ Лидія разсчитывала прожить всю зиму). Дописавъ послѣднюю строчку, она почувствовала себя страшно утомленной, разбитой, точно послѣ тяжелой, трудной работы, но въ сердцѣ не ощущалось больше острой, мучительной боли; печальныя мысли не жгли ея мозга. Ей вдругъ такъ захотѣлось спать, что она тотчасъ же раздѣлась, чуть не падая отъ необыкновенной усталости, легла въ постель и въ ту же минуту заснула крѣпкимъ сномъ.

На слѣдующее утро Леонидъ уѣхалъ въ Москву, не повидавшись и не простившись съ матерью, да и не добиваясь этого. Онъ былъ даже радъ, что мать не пожелала видѣть его. Ему казалось не только неловко и совѣстно, а просто страшно увидаться съ ней послѣ вчерашняго разговора. Уѣхалъ онъ рано утромъ, когда Софья Платоновна еще не вставала.

— Какъ же это вы уѣзжаете, братецъ, не простившись съ

Digitized by Google

тетенькой?—осмѣлилась спросить его Марина Егоровна, которую привело въ совершенное недоумѣніе и великое безпокойство такое небывалое событіе?—Тетенька вѣдь проснулись, сейчасъ Наталью къ себѣ звали и письмо ей отдали, чтобъ на почту отнесла...

— Да, знаете, мнѣ не хочется тревожить маму. Она всегда такъ волнуется, плачетъ, провожая меня...—отвѣчалъ Леонидъ, не глядя на Марину Егоровну. Однако, эта послѣдняя не выдержала, робко заглянувъ въ полуотворенную дверь тетенькиной комнаты и увидѣвъ, что Софья Платоновна обувается, сидя на постели, доложила ей:—Тетенька, братецъ-то уѣзжаетъ...

— И Богъ съ нимъ!—такимъ равнодушнымъ тономъ отвѣтила ей на это Софья Платоновна, что у Марины Егоровны, какъ говорится, умъ за разумъ зашелъ, и она затруднилась рѣшить: сонъ это или явь?

Когда Леонидъ уѣхалъ, Софья Платоновна вышла изъ своей комнаты грустная, словно еще постарѣвшая, но спокойная. А за утреннимъ чаемъ объявила Маринѣ Егоровнѣ, что въ скоромъ времени, не позже какъ недѣли черезъ двѣ—уѣдетъ къ Лидіи въ Италію. Это также поразило простодушную просвирню, горестно воскликнувшую.—Ахъ, тетенька милая, спаси васъ Господи! Въ эдакую даль поѣдете одна-одинешенька... Да мы съ братцемъ Платономъ Кирилловичемъ тутъ съ тоски пропадемъ, объ васъ безпокоясь!

— Да, я знаю, что ты любишь меня, Мариша, и будешь безпокоиться обо мнѣ. Ну, а сыновья мои—люди спокойные, они не будутъ тосковать... — съ горькой усмѣшкой сказала Софья Платоновна и перевела разговоръ на другую тему. Дѣйствительно, Леонидъ, вернувшись въ Москву, довольно скоро успокоился, переставъ каяться про себя въ своей виновности по отношенію къ матери и къ умершему отцу. Онъ (правда, при помощи жены) даже пришелъ къ убѣжденію, что, отговаривая мать отъ переселенія въ Москву, поступалъ разумно, какъ слѣдуетъ поступать доброму сыну, желающему, чтобы матери жилось возможно лучше и спокойнѣе.

Ему начало казаться, что Софья Платоновна отнеслась къ его совѣту—не уѣзжать изъ города, въ которомъ столько лѣтъ прожила, — черезчуръ строго и несправедливо, разгнѣвалась богъ знаетъ за что! Вдобавокъ, Ирина Дмитріевна

Digitized by Google

похвалила его за то, что онъ отговорилъ мать переѣзжать на жительство въ Москву, гдѣ несомнѣнно ей пришлось бы жить гораздо хуже и скучнѣе, чѣмъ въ Т. Однако же, Леонидъ исполнилъ обѣщаніе выплачивать матери долги и чрезъ нѣсколько дней по своемъ возвращеніи домой—послалъ ей двѣ тысячи, прибавивъ къ нимъ еще ласковое письмо. Онъ осыпалъ мать разными нѣжными названіями въ этомъ письмѣ, цѣловалъ ее съ головы до ногъ, умолялъ простить его, «положить гнѣвъ на милость»,—но въ Москву все таки не приглашалъ переѣзжать...

— Слабый, пустой и фальшивый человѣкъ!—опять повторила Софья Платоновна, прочитавъ это письмо и разрывая его на мелкіе клочки. Вмѣсто отвѣта она послала сыну форменную расписку въ полученіи денегъ, а присланныя имъ деньги раздала по городскимъ церквямъ на поминовеніе о. Кирилла.

XXXIII.

— Софья Платоновна принялась съ лихорадочной торопливостью распродавать мебель, посуду,—словомъ, все, что было въ домѣ. Твердо рѣшившись ѣхать за границу, она признала весь этотъ домашній скарбъ ненужнымъ и желала какъ можно скорѣе отъ него отдѣлаться и собраться въ дальній путь. Ей хотѣлось поскорѣй уѣхать изъ опустѣвшаго дома, въ которомъ ее угнетало сознаніе своего одиночества вмѣстѣ съ мучительно-грустными воспоминаніями о болѣзни и смерти мужа; но въ то же время было такъ жаль разстаться съ этимъ домомъ, точно съ близкимъ, любимымъ человѣкомъ. Только надежда на скорое свиданіе съ дочерью, на то, что она будетъ, наконецъ, жить вмѣстѣ съ нею, утѣшала и ободряла Софью Платоновну. Она жила этою надеждой, отгоняя отъ себя тоску мечтами о свѣтломъ будущемъ. Теперь, когда она схоронила мужа и разочаровалась въ старшемъ сынѣ, въ ея сердцѣ воцарилась одна Лидія, завладѣвъ имъ всецѣло. Софья Платоновна ожидала отъ дочери отвѣта на свое письмо каждый день, все съ возрастающимъ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ, проходили дни, прошло почти двѣ недѣли, а отвѣта еще не было. Софья Платоновна поминутно смотрѣла въ окно: не идетъ ли почтальонъ? Если же раздавался звонокъ у подъѣзда, она вздрагивала,

Digitized by Google

крестилась и торопила Наталью поскорѣй отпирать дверь, говоря:—Это навѣрное почтальонъ, я ужь по звонку догадалась... Почтальоны всегда сильно звонятъ.—И когда, вмѣсто почтальона, являлся какой нибудь посѣтитель, она тяжко вздыхала, тоскливо думая: «Должно быть, Лидочка заболѣла и не можетъ писать». Часто, измученная напраснымъ ожиданіемъ, Софья Платоновна падала на колѣни передъ образомъ, съ отчаяніемъ восклицая:

— Господи, сжалься надо мной, пошли мнѣ письмо отъ Лидіи!—О. Платонъ и Марина Егоровна, продолжавшіе навѣщать ее чуть не ежедневно, тоже мучились, глядя на нее, и старались всячески успокоить. Но больше всѣхъ старалась объ этомъ Наталья, находившаяся при ней безотлучно, проявляя во всемъ блескѣ свою преданность хозяйкѣ,—такую преданность, на какую только способны бывшіе крѣпостные люди да собаки. Наталья понимала все, что̀ чувствовала Софья Платоновна, хотя эта послѣдняя никогда не высказывалась передъ ней; она не удивилась, подобно Маринѣ Егоровнѣ, охлажденію хозяйки къ любимому сыну, очень вѣрно догадавшись, отчего произошло такое внезапное охлажденіе.

Предстоящая разлука съ хозяйкой казалась старой служанкѣ чѣмъ-то невѣроятнымъ и невозможнымъ, о чемъ она безъ ужаса не могла и подумать. Однажды, помогая Софьѣ Платоновнѣ укладывать разныя вещи въ дорожный сундукъ, Наталья заговорила жалобно-просительнымъ тономъ:

— Софья Платоновна, сударыня моя, позвольте мнѣ ѣхать съ вами за границу! У меня, слава богу, хватитъ денегъ на проѣздъ, пятьсотъ сорокъ рублей въ банкѣ положены, ужь вы не безпокойтесь везти меня на свой счетъ! Вѣдь я — совсѣмъ одинокая душа, никакой родни не имѣю... кому же мнѣ деньги беречь? А все таки въ дорогѣ вы не однѣ будете. Дорога-то дальняя, мало ли что можетъ случиться, помилуй Богъ! И заграницу я довольно хорошо знаю. Еще по семнадцатому году была, какъ ѣздила туда съ своей княгинею и прожили мы съ ней цѣлыхъ семь мѣсяцевъ въ самомъ Парижѣ. Ужь будьте настолько добры, не откажите въ моей просьбѣ, возьмите меня съ собой! Я даже безъ жалованья служить вамъ согласна... Видитъ Богъ, у меня сердце кровью обливается, какъ подумаю, что мнѣ отъ васъ уходить нужно, другаго мѣста искать...

Digitized by Google

При послѣднихъ словахъ, голосъ ея задрожалъ и на глазахъ навернулись слезы.

И Софью Платоновну растрогала до слезъ искренняя преданность старухи, ясно выразившаяся въ ея просьбѣ. Она обняла, расцѣловала Наталью, точно близкую родственницу или подругу, и съ чувствомъ сказала:

— Спасибо, голубушка, за то, что не хочешь оставить меня. Я сама привыкла къ тебѣ, а все таки до сихъ поръ не знала, что ты такая необыкновенно хорошая женщина. Конечно, я съ удовольствіемъ возьму тебя съ собой... только мнѣ очень совѣстно, что тебѣ придется тратить свои деньги на дорогу. Сейчасъ у меня такъ мало денегъ, что еле-еле хватитъ доѣхать одной до Милана. Ну, да богъ дастъ, мы съ тобой когда нибудь сочтемся! — И, просіявшая отъ радости, Наталья съ этого же дня начала собираться за границу. О. Платонъ и Марина Егоровна горячо благодарили ее за то, что она рѣшилась сопутствовать своей хозяйкѣ; ихъ обоихъ сильно безпокоило путешествіе Софьи Платоновны въ Италію, а въ особенности, что она отправится одна на далекую чужбину.

Наконецъ, обѣ старухи, — хозяйка и служанка, — совсѣмъ собрались и какъ разъ въ тотъ день, когда были уложены послѣднія вещи въ чемоданъ, почтальонъ принесъ Софьѣ Платоновнѣ денежную повѣстку на 600 рублей. Эти деньги посылались изъ Милана.

— Боже мой, да вѣдь это Лидочка вздумала высылать мнѣ на дорогу! — воскликнула Софья Платоновна, почти не помня себя отъ радости, что дочь ея жива и несомнѣнно желаетъ съ ней увидаться. «Я имѣла глупость ей написать, что у меня денегъ немного, вотъ она и позаботилась прислать»... торопливо объяснила она Маринѣ Егоровнѣ и младшему сыну, находившимся въ это время у нея, и тотчасъ же отправилась на почту получать деньги, а главнымъ образомъ письмо отъ Лидіи, котораго такъ долго и нетерпѣливо дожидалась. А съ почты домой Софья Платоновна вернулась ужь совсѣмъ въ восторженномъ состояніи, потому что полученное письмо было такое длинное, какихъ никогда еще дочь не писала ей. Она хотѣла приняться дорогой за чтеніе письма, но радостное волненіе помѣшало ей. И дома она не скоро могла начать это чтеніе, пока не утихла ея чрезмѣрная радость. Но едва успѣла Софья

Digitized by Google

Платоновна пробѣжать глазами первыя строки длиннаго посланія, какъ счастливая улыбка и довольное выраженіе исчезли съ ея лица. Будто бы ледянымъ холодомъ повѣяло на нее отъ письма дочери, и нервная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу.

Продолжая читать, она дрожала все сильнѣе и сильнѣе, такъ какъ зубы начали стучать отъ озноба, а на поблѣднѣвшемъ лицѣ все яснѣе выражались тоска и отчаяніе. Что же такое писала ей Лидія? Прежде всего, она извинялась предъ матерью, что до сихъ поръ не выплачивала ей своихъ долговъ, извинялась сухо, офиціально, точно предъ чужой и мало знакомой. Также извинялась она, что не могла скоро отвѣтить на послѣднее письмо матери, готовясь къ концерту, сборъ съ котораго, 600 рублей, посылаетъ теперь въ уплату долга. А затѣмъ убѣждала Софью Платоновну остаться на жительствѣ въ Т. находя ея намѣреніе уѣхать за границу — совершенно неблагоразумнымъ и явившимся, всего вѣроятнѣе, вслѣдствіе нервнаго разстройства. — «Вы пишете въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, что не можете жить безъ меня» — писала Лидія — а, между тѣмъ, уже прожили безъ меня пять лѣтъ и, надѣюсь, проживете пять мѣсяцевъ, остающихся до мая. Я предполагаю пріѣхать въ Россію на все лѣто и концертировать въ Петербургѣ Москвѣ и въ нѣсколькихъ большихъ губернскихъ городахъ. Но это не помѣшаетъ мнѣ погостить у васъ недѣли двѣ-три. Васъ возмутило лицемѣріе Леонида, его сладенькая ложь, и давно бы слѣдовало вамъ возмутиться! Я не похожа на него, не умѣю лгать и притворяться, поэтому откровенно вамъ скажу, что отказываюсь жить вмѣстѣ съ вами постоянно, гдѣ бы то ни было: въ Россіи или за границей. Я слишкомъ привыкла къ одинокой, самостоятельной жизни, для того чтобы разстаться съ ней, промѣнять на семейную. Притомъ, у насъ съ вами и прежде было очень мало общаго, а теперь и совсѣмъ ничего не осталось. Повѣрьте, что намъ обѣимъ будетъ тяжело жить вмѣстѣ. Характеръ у меня очень испортился; я часто злюсь, раздражаюсь безъ всякой причины, какъ настоящая старая дѣва (вѣдь черезъ недѣлю мнѣ стукнетъ 29) и не люблю никого на свѣтѣ. Иногда мнѣ кажется, что вмѣсто сердца у меня лежитъ тяжелый, холодный камень. Только получивъ извѣстіе о смерти папы, я почувствовала, что этотъ камень ожилъ, со-

Digitized by Google

грѣтый чувствомъ искренняго сожалѣнія объ умершемъ, но черезъ нѣсколько дней онъ опять застылъ по прежнему... Видите, мама, до какой степени я съ вами откровенна. Оцѣните же мою правду, которая, можетъ быть, покажется вамъ жестокой и не думайте болѣе о томъ, какъ мы съ вами заживемъ вмѣстѣ».

Да, такою жестокой показалась Софьѣ Платоновнѣ правда Лидіи, что, дочитавъ письмо, она вскрикнула, точно отъ неожиданнаго удара ножемъ и разразилась громкими, безумными рыданіями. Быть можетъ, Лидія написала бы матери менѣе рѣзко, смягчивъ свою откровенность, еслибы не появился въ этотъ день, на столбцахъ одной итальянской газеты, очень дурной и несправедливый отзывъ объ ея послѣднемъ концертѣ.

XXXIV.

На крикъ и рыданія Софьи Платоновны сбѣжались къ ней изъ разныхъ комнатъ Платонъ, Марина Егоровна и Наталья съ перепуганными лицами.

— Тетенька-голубушка, что жь это съ вами попритчилось?—первая воскликнула Марина Егоровна, всплеснувъ руками и подбѣгая къ тетенькѣ, лежавшей на диванѣ и бившейся головой объ деревянную ручку этого дивана, съ сухими судорожными рыданіями. Наталья взглянула на нее,— сейчасъ же опять выбѣжала изъ комнаты и черезъ минуту вернулась со стакановъ холодной воды на подносикѣ:

— Пожалуйте, выкушайте хоть немножко! — упрашивала она Софью Платоновну, подойдя къ ней съ подносомъ.

Но Софья Платоновна не видала и не слыхала ея. Марина Егоровна, обхвативъ обѣими руками тетеньку за талію, не позволяла ей биться головой объ диванную ручку, кротко усовѣщивая: — Нехорошо, тетенька, истинно не годится! Спаси Богъ, всю голову расшибете...—Платонъ, испугавшійся больше всѣхъ, собирался ужь ѣхать за докторомъ, когда Софья Платоновна, — внявъ, наконецъ, мольбамъ Натальи и отхлебнувъ съ трудомъ воды,—начала приходить въ себя. Она перестала биться въ рукахъ Марины Егоровны и судорожныя рыданія смѣнились цѣлымъ потокомъ слезъ.

Digitized by Google

— Куда мнѣ дѣваться, Мариша? Скажи, куда мнѣ дѣваться?.. — заговорила она слабымъ, какимъ-то дѣтски-жалобнымъ голосомъ, заливаясь слезами:—Лида не хочетъ жить со мной, не любитъ меня, Леонидъ тоже... Они только деньги присылаютъ; думаютъ, что мнѣ деньги нужны... Ахъ, не то, совсѣмъ не то мнѣ нужно, Мариша!

— Тетенька, не безпокойте вы себя, ради Христа,—сама чуть не плача, продолжала увѣщевать ее племянница.—Вотъ, Богъ дастъ, наймете себѣ квартирку, переѣдете и будете жить да поживать...

У Платона разрывалось сердце отъ жалости къ матери. Никогда не видалъ онъ ее такою несчастной, слабою и безпомощною, какою видѣлъ теперь.

И Наталья находила то же самое, глядя на Софью Платоновну, а потому безпрестанно отворачивалась отъ нея и украдкой утирала слезы. Между тѣмъ, Софья Платоновна поднялась и сѣла на диванѣ, съ помощью племянницы, помѣстившейся съ ней рядомъ. Напуганная истерическимъ припадкомъ тетеньки, Марина Егоровна боялась хоть на шагъ отойти отъ нея, тревожно ожидая, что вотъ-вотъ она опять упадетъ и начнетъ колотиться головой объ ручку дивана.

Но Софья Платоновна сидѣла смирно, прижавшись головой къ плечу Марины Егоровны, и тихо плакала.

— Нѣтъ, ты не можешь понять, что я чувствую, Мариша, не можешь!—съ невыразимой тоской взглядывая на свою заботливую сидѣлку, опять заговорила она тѣмъ же дѣтски-жалобнымъ тономъ:—Еслибъ твоя Катя не захотѣла жить съ тобой, сказала бы, что для нея это тяжело и непріятно,—вотъ тогда только ты и могла бы меня понять. Да вѣдь этого никогда не будетъ: вѣдь у твоей Кати сердце, а не камень. Ты гораздо бѣднѣе меня, Мариша, почти нищая сравнительно со мной, а теперь я тебѣ завидую. Завидую тому, что у тебя есть хорошая, добрая дочь. Такая дочь дороже всякаго богатства.

— Истинно дороже, спаси ее Господи!—прошептала Марина Егоровна, невольно умилившись при похвальномъ отзывѣ о Катѣ. А Софья Платоновна продолжала, уже совсѣмъ задыхаясь отъ слезъ:—Да, ты очень счастлива! Ты не осталась, какъ я, одинокой на старости лѣтъ... Катя любитъ тебя, жа-

Digitized by Google

лѣетъ... А меня нѣкому любить и жалѣть, развѣ только Натальѣ да тебѣ. А вѣдь тоже дѣти есть и люблю я ихъ... Еслибъ ты знала, Мариша, какъ я ихъ люблю, даже теперь, когда они совсѣмъ отшатнулись отъ меня! Подумай только: дѣти есть, а я совершенно одинока, никому не нужна. Можетъ ли быть что нибудь больнѣе этого?

Марина Егоровна со страхомъ смотрѣла на нее, замѣчая, что она волнуется все сильнѣе и сильнѣе, и ожидая съ минуты на минуту повторенія нервнаго припадка. Никакихъ утѣшительныхъ словъ для успокоенія тетеньки она не могла больше придумать, а потому только молча вздыхала, сочувствуя отъ всей души ея горю.

О. Платонъ, во время разговора своей матери съ Мариною Егоровной, стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, неподвижно, какъ статуя. Кроткій взглядъ его голубыхъ глазъ былъ какъ бы прикованъ къ матери, а въ душѣ происходила сильная борьба робости съ рѣшимостью, отражавшаяся и на его лицѣ, поблѣднѣвшемъ отъ внутренняго волненія.

— Вотъ найму себѣ квартиру, какъ ты мнѣ совѣтуешь, переѣду и буду жить одна, совсѣмъ одна! — еле выговорила Софья Платоновна, чувствуя, что судорожныя рыданія опять стѣснили ей грудь, подступая къ горлу.

Въ это мгновеніе рѣшимость въ душѣ Платона взяла верхъ надъ робостью, и онъ, двинувшись съ мѣста, стремительно направился къ матери, причемъ чуть не сшибъ съ ногъ Наталью, попавшуюся ему на пути. Подойдя къ Софьѣ Платоновнѣ, онъ остановился предъ ней въ неловкой позѣ и тяжело перевелъ духъ, точно сдѣлавъ нѣсколько верстъ, а не шаговъ. Софья Платоновна посмотрѣла на него—и странно!—ей представилось, что передъ ней стоитъ воскресшій и помолодѣвшій о. Кириллъ. Она даже невольно вздрогнула при первомъ взглядѣ на сына. Правда, онъ очень походилъ на своего отца, а напряженное нервное состояніе, въ которомъ была теперь Софья Платоновна, еще усилило въ ея глазахъ это сходство, долго не признаваемое ею.

— Вотъ что, мама,—началъ о. Платонъ нѣсколько охрипшимъ отъ волненія голосомъ: — Погодите нанимать квартиру, поѣдемте лучше ко мнѣ... Ужь сдѣлайте милость, не откажи-

Digitized by Google

тесь погостить у меня! А, можетъ, вамъ у насъ и понравится, такъ что останетесь навсегда. Симочка будетъ очень рада; дѣдушка Василій Захаровичъ тоже; они вѣдь васъ очень уважаютъ. Ребятишкамъ своимъ мы не дозволимъ безпокоить васъ... да притомъ они смирные,—не баловники. Домъ теперь у насъ порядочный; всю чистую половину вы можете занять, тамъ зальцу-то я только что новыми обоями оклеилъ... веселенькіе такіе обои: по бѣлому полю голубыми розанами... И Наталью съ собой возьмите, и Марина Егоровна станетъ насъ навѣщать. Какъ соскучимся объ ней, такъ съѣзжу въ Кулагино и привезу ее... Ужь простите, мама, словно бы очень нескладно говорю: совсѣмъ разучился я въ деревнѣ разговаривать, какъ слѣдуетъ!.. И, бога ради, не сердитесь на меня за то, что сейчасъ вамъ осмѣлился предложить отъ всей души. Право же отъ всей души, мама, ужь повѣрьте! — И онъ замолчалъ въ трепетномъ ожиданіи отвѣта матери. Ему такъ хотѣлось, чтобы она не разгнѣвалась и согласилась принять его предложеніе, что онъ готовъ былъ упасть на колѣни и со слезами умолять ее объ этомъ, да только смѣлости не хватало. Софья Платоновна не скоро могла отвѣтить сыну, пораженная и глубоко тронутая его неожиданнымъ приглашеніемъ. Она смотрѣла на него широко открывшимися глазами, думая, какъ онъ похожъ на о. Кирилла, и чувствовала себя непростительно-виноватой передъ нимъ.

— Неужели ты меня любишь, Платонъ?—вмѣсто отвѣта вырвался у нея вопросъ, вслѣдъ за которымъ она прибавила, точно подумавъ вслухъ: — А я совсѣмъ не стою этой любви...

— Господи! Да какъ же мнѣ васъ не любить? вѣдь вы моя родная мать!—горячо воскликнулъ о. Платонъ, потерявшій и свою робость въ порывѣ горячаго чувства.—Такъ люблю, такъ жалѣю, что не могу даже и выразить! И ужь какъ мы съ Симочкой будемъ ухаживать за вами, если вы къ намъ согласитесь пріѣхать! Лѣтомъ у насъ отлично; воздухъ легкій, мѣстность чудесная... Вотъ только, пожалуй, осенью да зимой вамъ скучновато покажется въ деревнѣ-то... Положимъ, отъ скуки можно знакомствомъ обзавестись, хотя и немногочисленнымъ. Помѣщица наша, Александра Михайловна, круглый годъ живетъ въ Спасовѣ; это очень почтенная и умная дама вашихъ

Digitized by Google

лѣтъ; вотъ съ ней, богъ дастъ, и ознакомитесь. Потомъ школьный учитель женатый, и жена его тоже дама хорошая, образованная, изъ гувернантокъ. Опять же, городъ-то отъ насъ не за сто верстъ; можно когда и въ городъ прокатиться для развлеченія, по зимнему пути, въ саночкахъ... Сани у меня новыя, просторныя... Ужь сдѣлайте такую милость, переѣзжайте къ намъ, мама!—заключилъ онъ свою рѣчь умоляющимъ возгласомъ.

— Спасибо, Платонъ,—начала Софья Платоновна тихимъ, неровнымъ голосомъ, ласково и вмѣстѣ съ тѣмъ сконфуженно взглядывая на сына. — Я переѣду къ вамъ навсегда и не соскучусь по городѣ; здѣсь у меня только и останется дорогаго—одна могила твоего отца... только къ ней одной и буду иногда пріѣзжать изъ Спасова. Да, родилась я въ деревнѣ и вѣрно Богу угодно, чтобы доживала свой вѣкъ въ деревнѣ же... — На послѣднемъ словѣ ея голосъ оборвался и она опять зарыдала, схвативъ руку сына и стараясь прижать ее къ своимъ губамъ, чего онъ въ свою очередь старался не допустить, растерянно бормоча:

— Ахъ, Боже мой! Да что вы... Развѣ это возможно?..

— Прости меня, мой милый, прости, голубчикъ, что я знать тебя не хотѣла, обращалась съ тобой хуже, чѣмъ съ чужимъ... — порывисто шептала Софья Платоновна, крѣпко цѣлуя его руку, которую онъ, благодаря своей неловкости и смущенію, не могъ высвободить изъ рукъ матери.

Марина Егоровна, испуганная возобновившимися рыданіями тетеньки, упрашивала ее, ахая и качая головой:

— Ахъ, тетенька-голубушка, объ чемъ же теперь-то плакать, когда Богъ все дѣло устроилъ? Ужь теперь надо бы вамъ радоваться и веселиться... Вотъ у меня, такъ истинно, сердце того и гляди выпрыгнетъ отъ радости, что вы не одна будете жить, а въ своемъ родномъ семействѣ... Вѣдь братецъ-то Платонъ Кирилловичъ лучше моей Кати, еще добрѣе... Такъ объ чемъ же теперь убиваться, тетенька, спаси васъ Господи?

Но Софья Платоновна, казалось, не слыхала и не видала ея.

И вдругъ Наталья, — безмолвно и умиленно смотрѣвшая на свою хозяйку съ сыномъ,—тоже зарыдала и залилась слезами.

Digitized by Google

— Батюшки мои, да ты-то еще съ чего, Натальюшка?—быстро повернулась къ ней удивленная Марина Егоровна.

— Ужь очень чувствительно смотрѣть на сударыню мою Софью Платоновну, съ батюшкой...—всхлипывая, отвѣтила старуха.—Да потомъ и отъ радости, что мы не въ Парижъ, а въ Спасово поѣдемъ. Признаюсь вамъ, матушка, здоровье мое плохо и очень даже я опасалась не доѣхать до Парижа-то... Да вотъ тоже безпокоилась, что всѣ французскія слова перезабыла; только и помню, что: «бокѹ» да «мерси».

А. Мартыновъ.

Конецъ.

Digitized by Google

Охотничья пѣсня.

(Изъ Сырокомли).

Труби! Пора вставать: востокъ уже бѣлѣетъ,
Для гончихъ слѣдъ легко найдется по росѣ,—
Отправимся мы въ боръ, никто не пожалѣетъ;
Медвѣдю, лосю ли мы рады будемъ всѣ.
Двустволка за плечо, объемистая фляжка
Въ карманъ, да съ табакомъ кисетъ и трубка то жь,
Большіе сапоги, на голову фуражка,—
Ну, вотъ теперь и все—за поясъ только ножъ!

Среди дубоваго, сосноваго ли бора
Живетъ здѣсь и кабанъ, чудовище-краса;
Идите трусы, прочь,—для васъ здѣсь нѣтъ простора,
Не то васъ осмѣютъ литовскіе лѣса!
Отъ дѣдовъ, прадѣдовъ звучитъ лѣсное эхо
И меткость выстрѣловъ прекрасно различитъ:
На промахъ—въ перекатъ пойдетъ въ лѣсу потѣха,
На смертный бой—оно вздохнетъ и замолчитъ.

Здѣсь каждый, съ малыхъ лѣтъ, въ глуши лѣсной съумѣетъ
Отлично разыскать любой звѣриный слѣдъ...
Труби! пора вставать; востокъ уже алѣетъ,
Охотники, проснись! Ужь близится разсвѣтъ.
Готовы? Ну, пора, застала насъ денница,
Вотъ кони ржутъ и псовъ звучитъ призывный лай...
Проснись хотя на мигъ, проснись краса-дѣвица
И, хоть бы мысленно, на счастье ручку дай!..

И. Толмачевъ.

Digitized by Google

ПАТРІОТИЗМЪ И КОСМОПОЛИТИЗМЪ *).

Теперешнее настроеніе нашего «интеллигентнаго» общества въ вопросѣ патріотизма крайне знаменательно. По нынѣшнимъ временамъ, *образованному* человѣку подобаетъ быть непремѣнно космополитомъ; патріотизмъ выдается за предразсудокъ, за негодный остатокъ давнихъ временъ и указываетъ лишь на «узкость взглядовъ»... Доказательствомъ такого направленія и вмѣстѣ проводникомъ его служитъ періодическая печать, почти всѣ органы которой стоятъ на этомъ *широкомъ* и *свѣтломъ* (иногда называется также: — «гуманитарномъ») основаніи. Не важно, какія цѣли прикрываются проповѣдью космополитизма у разныхъ *Новостей*, *Сына Отечества*, *Русскою Мысли* и др.; важно то, что эта проповѣдь находитъ сочувственный отзывъ въ обществѣ, хотя бы она сопровождалась даже униженіемъ всего русскаго и защитою всего нерусскаго, сплоченно творящаго свое дѣло на русской груди. Послѣднее отношеніе къ русской національности читатель находитъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, теперешняя редакція которыхъ повергаетъ каждаго любящаго свою родину въ крайне горькое недоумѣніе...

Какъ во многомъ другомъ, такъ и въ вопросѣ патріотизма, наша полусмысленная и полуобразованная интеллигенція облюбовала одинъ ничтожный побочный ручеекъ соціальныхъ тенденцій запада и сдѣлала его единственнымъ русломъ своего мышленія.

Въ примѣръ возьмемъ хотя бы Германію. «Врядъ ли какое либо иное слово занимаетъ столь видное мѣсто въ нѣмецкомъ политическомъ словарѣ послѣднихъ десятилѣтій, какъ слово «національ-

*) Статья профессора *Д. И. Азаревича*, подъ другимъ заглавіемъ и въ значительно сокращенномъ видѣ (такъ, напр., исключены всѣ мѣста, касающіяся вредоносности еврейства и неудобствъ его сліянія съ арійскою расою) была напечатана въ № 7 «Русскаго Вѣстника» за текущій годъ. Но такъ какъ авторъ не давалъ права редакціи на произвольное искаженіе его статьи, то онъ изъявилъ желаніе, чтобы она появилась въ нашемъ журналѣ *въ томъ самомъ видѣ*, въ какомъ и была написана. Охотно исполняемъ его желаніе,— тѣмъ болѣе, что статья имѣетъ серьезный принципіальный характеръ, и автору весьма естественно было дорожить ея полнотою и цѣльностью. *Ред.*

Digitized by Google

ный», national; врядъ ли какое либо иное слово производило и производитъ такое дѣйствіе какъ оно [1]). Теперешній императоръ германскій—государь строго національный, выставляющій при всякомъ случаѣ національную идею съ такою опредѣленностью, какъ никто до него [2]).

Не иначе стоитъ дѣло и во Франціи. Правда, политическій радикализмъ доводитъ тамъ иногда до уличныхъ воплей: «à bas la patrie», но въ цѣломъ народъ французскій глубоко проникнутъ любовью къ своей прекрасной странѣ и, при малѣйшемъ оскорбленіи національнаго чувства, сплачивается на защиту его въ разныя патріотическія лиги, во главѣ которыхъ (это весьма поучительно для насъ) становится цвѣтъ французской интеллигенціи.

Вообще нѣтъ народа, который лозунгомъ своей политической жизни выставлялъ бы отреченіе отъ идеи патріотизма! Наоборотъ, всюду гордое сознаніе принадлежности къ данному народу, желаніе ему блага передъ всѣми другими; вездѣ и на всѣ лады—заявленія любви и приверженности къ своей родинѣ; вездѣ гимны, проникнутые страстнымъ національнымъ чувствомъ [3]).

Что̀ такое отечество? Какъ показываютъ исторія и примѣръ современныхъ государствъ, для образованія отечества не имѣетъ рѣшающаго значенія ни общность территоріи, ни общность расы, языка, интересовъ, религіи, если въ то же время не будетъ общности чувствованій и воли населенія. Народъ выражаетъ понятіе полной солидарности, источники которой слѣдуетъ искать и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ.

«Прошедшее создаетъ отечество тѣмъ, что народъ, подобно индивиду, есть произведеніе долгихъ усилій, жертвъ и преданности: предки сдѣлали насъ тѣмъ, что̀ мы есть. Въ настоящемъ отечество предполагаетъ дѣятельное общее согласіе, желаніе жить вмѣстѣ, рѣшимость сохранить нераздѣльнымъ полученное наслѣдство, увеличивать общее благосостояніе и защищать противъ всякихъ покушеній» [4]). Сокращеннымъ гимномъ всякаго отечества можетъ служить пѣсня спартанцевъ: «Мы—то чѣмъ вы были; мы будемъ тѣмъ, что̀ вы есть».

Каждый народъ имѣетъ свои особыя черты, нравственныя и умственныя, какъ синтезъ всего его прошедшаго, наслѣдіе всѣхъ

[1]) *Каутскій.* «Очерки и этюды» 1895, стр. 99.

[2]) См. рѣчь при закрытіи рейхстага въ 1898 г.

[3]) Хотя бы даже въ честь несуществовавшихъ героевъ, въ родѣ Вильгельма Теля.

[4]) *Renan.* Où est ce qu'une nation? («Revue politique et littéraire», 18 mars 1882).

Digitized by Google

его предковъ, двигатель его поступковъ. Совокупность этихъ чертъ образуетъ то, что принято называть «душою народа». Для отдѣльнаго лица не только чувство, но и физіологія, и наслѣдственность дѣлаютъ изъ отечества вторую мать, ибо оно представляетъ произведеніе всей серіи своихъ предковъ [1]).

Народъ отличается отъ простаго скопища людей сознаніемъ каждаго, что онъ членъ одной семьи. Для этого не требуется необходимо ни единства этнографическаго происхожденія:—чистыхъ расъ въ настоящее время не существуетъ; такими нельзя считать ни французовъ, ни англичанъ, ни нѣмцевъ, ни насъ русскихъ,— ни единства языка: южно-американскія республики говорятъ однимъ языкомъ съ Испаніей; наоборотъ, въ Швейцаріи нѣсколько языковъ, а, между тѣмъ, страна тѣсно сплочена въ одинъ народъ. Еще меньшее значеніе могутъ оказывать на данную солидарность сами по себѣ: религія, географическое положеніе, интересы матеріальные. Такимъ образомъ, лишь общая воля составляетъ основу всякаго народа; безъ этого, обобщающаго всѣхъ членовъ, духовнаго начала немыслимъ народъ въ строгомъ смыслѣ слова. Общая душа сплачиваетъ людей въ единый политическій организмъ, проникнутый сознаніемъ солидарности всѣхъ членовъ, готовыхъ охранять его отъ внѣшняго и внутренняго разложенія.

Складывается душа народа на слѣдующихъ трехъ основахъ: на общихъ чувствахъ, на общихъ интересахъ, на общихъ вѣрованіяхъ. Когда народъ дошелъ до этого, то въ немъ проявляется инстинктивное соглашеніе всѣхъ членовъ на всѣ великіе вопросы; серьезныхъ разногласій ожидать въ его средѣ уже нельзя. Подобное единство, подобная опредѣленность духовной жизни народа составляютъ необходимое условіе его могущества. Въ исторіи можно прослѣдить величіе Рима, обусловленное такою духовною солидарностью; въ настоящее время на этой же основѣ зиждется могущество Англіи.

Если народъ не проникнутъ одною душой, то это—не народъ, но уравновѣшенная борьба апетитовъ и вожделѣній [2]). Самостоятельное существованіе такого скопленія людей весьма непрочно. Такъ, позднѣйшій Римъ представлялъ уже только государство, а не народъ, а потому не удивительно, что онъ самъ собою раскололся на двѣ имперіи, сдѣлавшіяся тотчасъ чужими другъ другу. Въ настоящее время примѣръ Австріи показываетъ, какъ мало государство можетъ удовлетворять требованіямъ современнаго развитія, если оно не построено на національномъ началѣ. Въ подобныхъ государ-

[1]) *Le Bon.* Lois psychologiques de l'évolution des peuples, 1895, p. 11.
[2]) *Blondel.* L'action, 1893, p. 264.

Digitized by Google

ствахъ народы связаны вмѣстѣ лишь государственнымъ авторитетомъ и всегда готовы отпасть другъ отъ друга.

Политическаго единства достаточно, чтобъ установить государство, но его недостаточно для установленія отечества, которое можетъ пережить само государство [1]). Представленіе объ отечествѣ даетъ государству силу и прочность. Всякое общежитіе существъ духовно равныхъ получаетъ крѣпость, при условіи, если оно покоится на согласіи всѣхъ. Въ государствѣ, то есть, организованномъ народѣ, такимъ цементомъ будетъ преданность его членовъ общему отечеству [2]).

На идеѣ отечества происходитъ та концентрація народной энергіи, безъ которой государство не можетъ существовать. Поэтому всѣ элементы населенія, не только враждебные, но и равнодушные къ этому представленію, должны разлагать государственный организмъ. На западѣ въ этомъ не заблуждаются и поэтому тамъ принимаются соотвѣтствующія мѣры, послѣдовательно-логическія и твердыя. Такъ, въ Германіи правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобъ объединить населеніе національною связью—германизмомъ. Тамъ все не только враждебное, но и просто обособленное отъ германскаго народа стремятся ослабить, не останавливаясь даже передъ высылкою датчанъ, австрійскихъ и русскихъ подданныхъ. Тамъ понимаютъ, что только тотъ народъ силенъ, который сплоченъ любовью къ отечеству, у котораго нѣтъ иной родины, кромѣ германской. И наука, и повременная печать своимъ истиннымъ освѣщеніемъ вопроса поддерживаютъ эти усилія правительства.

У насъ, наоборотъ, замѣчается сплоченность лишь чужихъ и даже враждебныхъ всему русскому элементовъ (поляки, нѣмцы, финны и особенно евреи), насѣдающихъ на разрозненный русскій народъ. Отсюда понятны такія,—нигдѣ, кромѣ Россіи,—немыслимыя исторіи въ родѣ нападенія евреевъ толпою на полицейскихъ, на войска (въ Минскѣ), подстрѣливанія военнаго патруля нѣмецкими подданными, постановки финнами памятника въ воспоминаніе рѣзни надъ сонными русскими воинами, вытѣсненія русскихъ изъ Закавказья армянами и т. д.

А какъ относятся къ данному вопросу русская наука и наша періодическая печать? Напримѣръ, мыслима ли въ Германіи проповѣдь ученаго объ отторженіи отъ нея какихъ либо провинцій, а, между тѣмъ, у насъ кому не извѣстны взгляды гг. Чичериныхъ, Вл. Соловьевыхъ и др. на польскій и финляндскій вопросы, на

[1]) *Thomas.* Philosophie scientifique et philosophie morale. 1893, p. 302—303.

[2]) *Bigot.* L'idée de patrie. («Revue polit. et littéraire», 25 mars 1882).

Digitized by Google

отдачу русскаго народа въ полонъ евреямъ разселеніемъ ихъ по всей Руси? Со всѣмъ тѣмъ, чуть русскій человѣкъ коснется злобы, претерпѣваемой Россіей отъ инородцевъ, какъ тотчасъ ему припишутъ намѣреніе возбудить расовую ненависть [1]). Къ счастію, въ настоящее время этимъ «жупеломъ» уже не запугать честнаго и домысленнаго русскаго человѣка и не остановить его въ исповѣданіи и служеніи идеѣ: Россія для русскихъ, то есть, Россія для тѣхъ, кто любитъ ее, служитъ ей, готовъ своею кровью защищать ее, а не для кондотьери разныхъ національностей, набрасывающихся на Россію лишь для утоленія своихъ личныхъ апетитовъ. Вмѣстѣ съ сознаніемъ личнаго достоинства, должно неудержимо пробуждаться и сознаніе національнаго достоинства.

Ни одинъ народъ не долженъ упускать изъ виду, что проповѣдь космополитизма, при настоящихъ условіяхъ политическаго строя, можетъ имѣть только тѣ послѣдствія, какія предвидимы были теоріей непротивленія злу. Графъ Л. Н. Толстой на указанную ему возможность гибели такого непротивляющагося общества рекомендуетъ утѣшаться сознаніемъ чистой совѣсти, отходя на небеса по волѣ злыхъ. Космополитизмъ, обезоруживая данную политическую единицу, дѣлаетъ ее легкою добычей тѣхъ народовъ, которые любятъ только себя [2])

Нельзя отрицать того явленія, что съ ростомъ человѣческой культуры растетъ и представленіе объ единствѣ и общности человѣческаго рода [3]). Этому способствуютъ: укрѣпленіе христіанскаго ученія о братствѣ людей, развитіе сношеній, распространеніе знанія языковъ и, главнымъ образомъ, наука [4]), Но, вмѣстѣ съ развитіемъ такой идеи, раскрываются и углубляются особые оттѣнки различія между народами. Антропологія отмѣтила всѣмъ извѣстное теперь основное различіе, какъ физическое, такъ и духовное между расами [5]). Общая масса душевной дѣятельности каждой изъ нихъ должна быть отличною отъ другихъ [6]). Поэтому каждый народъ понимаетъ и устраиваетъ жизнь по своему [7]) и, можно даже ска-

[1]) Покажется анекдотомъ такой случай, когда провинціальная цензура одной изъ окраинъ не рѣшилась пропустить въ печать телеграмму, въ которой были употреблены эпитеты *русскій* (дѣятель), *русскіе* (интересы). Но это—фактъ!

[2]) *Bigot*. L. cit., p. 360.

[3]) Въ исторіи космополитическія тенденціи проявлялись и раньше, какъ, напр., все французское общество XVIII-го вѣка было охвачено этимъ направленіемъ.

[4]) См. *Le Bon*. L. cit., p. 1—4.

[5]) См., напр., *Топинаръ*. «Антропологія».

[6]) *Спенсеръ*. «Основанія психологіи». Т. I, стр. III, 69.

[7]) *Höffding*. Ethik. 1888. p. 401.

Digitized by Google

зать, чѣмъ самобытнѣе народъ, тѣмъ и порядокъ его жизни отличается бо́льшими особенностями. Отсюда въ каждомъ общежитіи имѣются свои собственные интересы, какъ матеріальные, такъ и духовные, сведенные къ понятію отечества.

Объединеніе человѣчества въ политическія группы происходило въ исторіи на различныхъ основаніяхъ: то на представленіи гражданства, то на религіозномъ исповѣданіи, то на идеѣ національности, какъ это съ особою силой проявилось въ XIX-мъ вѣкѣ. Національное чувство, въ своемъ безсознательномъ, инстинктивномъ характерѣ, сохраняется и тогда, когда отпадаетъ непріязнь ко всему чужому. Мы чувствуемъ, что лишь въ своемъ, туземномъ, находимъ и прибѣжище, и ту твердую опору, которая даетъ намъ возможность разобраться въ міровой жизни. Отсюда тоска по родинѣ. Мы любимъ нашу страну и нашъ народъ не потому, что они лучшіе, болѣе богатые и одаренные, а прежде всего потому, что это *наша* страна и *нашъ* народъ. Прекрасно выразилъ это чувство Розенгеймъ въ стихотвореніи «Родина»:

Говорятъ, та страна
И сурова, и хладна,
Что зима тамъ страхъ долга́,
Что глубоки тамъ снѣга
И что вѣчно въ краѣ томъ
Небо пасмурно кругомъ...
Пусть все такъ. Но отчего
Не смѣню я на него
Юга свѣтлые края?..
Край тотъ—родина моя.

То же поетъ и Плещеевъ въ «Отчизнѣ»:

Природа скудная родимой стороны,
Ты дорога душѣ моей печальной!
. . . . . .
Покинулъ я... завѣтную мечту
О сторонѣ волшебной и далекой.
И въ родинѣ моей узрѣлъ я красоту,
Незримую для суетнаго ока...

Подобную субъективную оцѣнку нашей родины мы и выражаемъ въ такихъ теплыхъ эпитетахъ, какъ напримѣръ: *святая* Русь.

Чувство это, какъ мы видимъ, вполнѣ естественное, не искусственное или преходящее [1]). Ученіе космополитизма о томъ, что идея отечества есть ничто иное, какъ вѣковой предразсудокъ, предназначенный исчезнуть, всегда будетъ разбиваться объ это естественное тяготѣніе къ родинѣ.

---

[1]) *Blondel.* L'action, p. 265.

Digitized by Google

Во имя національнаго чувства, каждый обыватель проникается гордымъ сознаніемъ принадлежности къ данному общежитію, выдѣляетъ свою страну, свой народъ изъ ряда другихъ странъ и народовъ, и ставитъ ихъ выше другихъ или старается возвысить надъ другими. Отсюда понятное недовѣріе къ большому наплыву инородцевъ, не приносящихъ съ собою пользы національному дѣлу и лишь разлагающихъ самое національное чувство у туземцевъ. Этимъ отчасти можно объяснить возникновеніе антисемитизма: народъ, не имѣющій національнаго тяготѣнія къ странѣ, не можетъ быть терпимъ людьми, любящими свою родину. Дѣйствительно, у еврейства не можетъ быть никакого инаго интереса въ государствѣ, пріютившемъ его, какъ интересъ собственнаго племени. За примѣрами идти не далеко.

Всѣмъ извѣстно, какъ согласно и рѣзко выступило еврейство во всемъ свѣтѣ, до малыхъ мѣстечекъ Волыни включительно, и на всѣхъ языкахъ въ «величайшемъ мошенничествѣ XIX вѣка» (Гарднеръ),—въ дѣлѣ Дрейфуса. Всякій чувствуетъ, что въ этой грандіозной пропагандѣ дѣло идетъ вовсе не о правдѣ, а о *выручкѣ одного изъ членовъ своего племени.*

И то же еврейство, захвативъ въ свои руки русскую печать, требуетъ отъ нашего общества исповѣданія космополитизма, и въ недомыслiи нашемъ находитъ послушный отзывъ на это требованіе.

Насколько можно разсчитывать на должную службу Россіи со стороны инородцевъ, показала хотя бы послѣдняя война. По свидѣтельству «Развѣдчика», евреи массами дезертировали изъ полковъ, предоставляя умирать за родину однимъ русскимъ; а затѣмъ само правительство выразило недовѣріе къ инородцамъ тѣмъ, что по пути слѣдованія войскъ всѣ должностныя мѣста (станціонные смотрители и друг.) были очищены отъ нихъ и замѣщены русскими.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что болѣе зрѣлый Западъ ставитъ развитіе патріотизма одною изъ главныхъ задачъ воспитанія народа. Такъ, въ рѣчи, произнесенной императоромъ Вильгельмомъ II въ 1890 г., на конгрессѣ высшихъ учебныхъ заведеній, высказано настойчивое требованіе, чтобы нѣмецкое начало стояло въ центрѣ всего преподаванія. Въ учебныхъ книгахъ для низшихъ и среднихъ заведеній все направляется къ тому, чтобы поднять и укрѣпить духъ любви къ нѣмецкой родинѣ, къ нѣмецкому народу. Въ школахъ обучаютъ пѣнію на патріотическихъ пѣсняхъ, собранныхъ въ особые томики. Ни одна учебная прогулка не обходится безъ распѣванія гимна отечеству. Мало того, такъ называемый Schulverein

Digitized by Google

выноситъ проповѣдь патріотизма даже за предѣлы родины,—всюду гдѣ имѣются нѣмцы.

У насъ, къ удивленію всѣхъ любящихъ родину, не входитъ въ систему воспитанія развивать любовь къ отечеству, къ великой Россіи. Въ школѣ этому не учатъ, а внѣ ея не имѣется даже пѣсень во хвалу родины, въ родѣ хотя бы пѣсенъ Кернера, или Деруледа. У насъ какъ будто не сознаютъ необходимости съ дѣтства внѣдрять въ народную душу любовь къ родинѣ или, быть можетъ, даже намѣренно обходятъ этотъ вопросъ, какъ слишкомъ узкій и даже вредный со стороны расовыхъ предубѣжденій. Только у автономныхъ финновъ имѣются своя патріотическая учебная литература, патріотическія пѣсни, даже патріотическая музыка, какъ напримѣръ, маршъ въ воспоминаніе геройской бойни надъ сонною ротой русскихъ солдатъ.

А, между тѣмъ, безъ патріотизма едва ли мыслимо духовно возвысить и облагородить народъ. Патріотизмъ есть одно изъ проявленій идеализма. Онъ выражается въ любви къ предметамъ болѣе высокимъ и продолжительнымъ, чѣмъ индивидъ. По словамъ Леббока, «любовь къ родинѣ возвышаетъ надъ низменными, чисто личными, интересами до всей широты и блеска національной жизни». Въ патріотизмѣ проявляется и согрѣвается общая душа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ точно отмѣчаетъ: кому и для какихъ цѣлей долженъ служить гражданинъ. Тутъ общественныя стремленія не ослабляются неопредѣленностью и необъятностью, подобно стремленіямъ космополитическимъ. Такимъ образомъ, питая идеализмъ, патріотизмъ является однимъ изъ условій благородства человѣческой натуры, поддерживаетъ, значитъ, и самыя нравственныя побужденія въ ней. Нельзя себѣ представить, какимъ интересамъ, помимо чисто эгоистическихъ, можетъ служить лицо, которое не отдается со всею горячностью интересамъ родины, а расплывается въ безграничномъ морѣ «всечеловѣчества». Такое лицо никого не любитъ, никому, кромѣ себя, не служитъ. Отсюда, послѣдовательно, упадокъ любви къ родинѣ долженъ вести и къ пониженію общественной морали.

Эти послѣдствія космополитическихъ ученій, обратившихъ помышленія и дѣянія къ личной пользѣ, уже сказались въ нашей жизни. Вспомнимъ хотя бы громкій скандалъ прошлаго лѣта: студенты, приглашенные на заработки управленіемъ Волги, заявили себя повальнымъ взяточничествомъ, послѣ чего рѣшено уже больше не обращаться къ высшимъ школамъ. Затѣмъ, за послѣдніе годы немалое число кандидатовъ на судебныя должности съ первыхъ же шаговъ были уличены въ растратахъ, подлогахъ и т. п. Мыслимо ли было что либо подобное прежде, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ?

Digitized by Google

Несомнѣнно, нравственный уровень молодаго поколѣнія упалъ на нашихъ глазахъ,—упалъ потому, что идеализмъ, не питаемый горячимъ чувствомъ любви къ родинѣ, сдѣлался чуждымъ нынѣшней молодежи. Взамѣнъ выступилъ, начиная уже съ университетской скамьи, карьеризмъ, разсчетъ только личнаго интереса. Это практическое направленіе отмѣчено въ немаломъ числѣ беллетристическихъ произведеній, сопоставляющихъ идеалистовъ-отцовъ 60-хъ годовъ съ ихъ дѣтьми. Да откуда и питаться идеализму теперешняго поколѣнія?

Повременная печать склоняетъ его къ космополитическимъ взглядамъ; съ каѳедры оно не только не слышитъ горячей проповѣди патріотизма, но, наоборотъ, ему иногда приходилось присутствовать при явномъ глумленіи надъ своимъ роднымъ, русскимъ [1]). Негдѣ взять побужденія на отдачу себя, своей жизни, служенію одной общей идеѣ, дѣлу горячо любимой родины! Совсѣмъ въ иномъ положеніи воспитывается будущій гражданинъ, напр., германской имперіи. А, между тѣмъ, нельзя забывать, что, интересуясь одинаково какъ согражданами, такъ и отдаленными инородцами, мы не выполняемъ нашего высочайшаго долга по отношенію къ тому общежитію, которому обязаны всѣмъ. Англичане справедливо говорятъ: charity begins at home.

Понятно, что большинство нашихъ славныхъ людей состояло изъ горячихъ патріотовъ. Таковы были Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Тургеневъ, всѣ славянофилы [2]). Бѣлинскій,—память котораго мы недавно чествовали,—говорилъ, что міръ дѣйствительный имѣетъ право на человѣка, а человѣкъ въ этомъ мірѣ, прежде всего, сынъ своей родины, гражданинъ своего отечества. Та же любовь къ родинѣ вдохновила нашихъ художниковъ и музыкантовъ на произведенія, вызывающія теперь восторгъ и удивленіе всей Европы. Какъ проявленіе народнаго духа, искусство не можетъ процвѣтать внѣ національной почвы. Что бы ни говорили нѣкоторые наши теоретики, нельзя представить себѣ воспроизведенія «космополитической души» въ твореніяхъ художника, да и сама исторія показываетъ намъ, что творческимъ началомъ было всегда то духовное начало, которое есть наслѣдіе цѣлыхъ поколѣній даннаго общества [3]). По словамъ Тургенева, «внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни,—ничего нѣтъ» (Рудинъ).

Если космополитическія тенденціи природныхъ русскихъ людей сказываются въ нравственномъ разложеніи общества, то какой

[1]) На это указывалъ еще И. С. Аксаковъ.

[2]) См. особенно статьи о космополитизмѣ И. С. Аксакова въ «Руси».

[3]) Le Bon. L. cit. Livre II chap 1.

Digitized by Google

пользы для русской жизни можно ожидать отъ дѣятельнаго участія въ ней инородцевъ?

Какъ уже указано, большинство нерусскихъ національностей, объединенныхъ, каждая, своими политическими идеалами, являются чуждыми тѣмъ интересамъ которыми живемъ мы, русскіе. Понятно, что Россія для представителей этихъ національностей является лишь ареною для эксплуатаціи во имя исключительно личныхъ интересовъ.

Сравнимъ, для очевидности, хотя бы отношеніе къ службѣ у насъ нѣмца и русскаго. Какъ не заинтересованный въ русскомъ дѣлѣ, нѣмецъ служитъ только ради своей личной выгоды. Поэтому, какъ чиновникъ, онъ одѣнется въ любой кафтанъ («кроваваго» русскаго, полонофила; стоящаго за «попранный народъ» юдофила и т. д.) и со спокойнымъ цинизмомъ, не разсуждая, будетъ исполнять велѣнія самаго несогласимаго направленія. Въ силу этого нѣмецъ приспособится ко всякому положенію дѣлъ и угодитъ всякому начальству. У русскаго же наоборотъ, всякая служба—свое дѣло: въ него онъ вкладываетъ болѣе или менѣе свою душу, и если даже покоряется вредному, по его понятію, направленію начальства, то будетъ служить ему какъ бы постояннымъ укоромъ; чаще же всего русскій чиновникъ не выдержитъ борьбы со своею совѣстью и уйдетъ. Поэтому даже русскіе начальники нерѣдко предпочитаютъ имѣть своими подчиненными нѣмцевъ и усиленно выдвигаютъ ихъ насчетъ оттѣсняемыхъ русскихъ. По той же причинѣ, къ чиновнику-нѣмцу чисто русское общество относится если не съ ненавистью, то во всякомъ случаѣ съ недоброжелательствомъ. Нѣтъ недостатка въ примѣрахъ циническаго презрѣнія къ національнымъ интересамъ русскихъ въ мѣстностяхъ, особенно окраинныхъ, во главѣ администраціи которыхъ поставленъ былъ нѣмецъ. Нельзя тутъ не припомнить нашего великаго сатирика, сказавшаго устами «мальчика безъ штановъ», что нѣмцы у насъ только пакостятъ: они—представители самаго страшнаго гнета рабочаго люда (какую печальную память въ народѣ оставили нѣмцы-управители во времена крѣпостничества!) и добровольныя орудія всякаго произвола.

Сравнимъ теперь положеніе русскаго въ Россіи съ положеніемъ нѣмца въ Германіи. Послѣдній—господинъ въ своей странѣ, и по праву, ибо на немъ держится государство, онъ основательно требуетъ себѣ всякаго предпочтенія предъ инородцемъ. У насъ же вышло какъ-то такъ, что русскій далеко не первый человѣкъ у себя на родинѣ [1]). На государственной службѣ и всякой иной

[1]) Можно было бы привести такіе примѣры, когда при замѣщеніи мѣстъ на окраинѣ отдавали предпочтеніе нѣмцамъ, чтобы назначеніемъ русскихъ не раздражать мѣстное населеніе...

Digitized by Google

жизненной дѣятельности инородецъ у насъ покровительствуетъ и тащитъ за собою инородца же. Ничего подобнаго не дѣлаетъ русскій по отношенію своихъ сородичей. И вотъ въ результатѣ русскіе вытѣснены изъ массы учрежденій, лишились заработка на массѣ промысловъ. Излишне упоминать всѣмъ извѣстные факты, что инородцы заполонили цѣлые промышленные округа, захватили управленіе цѣлыми сѣтями желѣзныхъ дорогъ, цѣлыми бассейнами рѣкъ, морскими портами, что во многихъ государственныхъ учрежденіяхъ они составляютъ величину непропорціональную, съ общимъ ихъ количествомъ въ Россіи, и т. д.

Иногда вліяніе инородцевъ сказывается въ самыхъ удивительныхъ и притомъ общественно-государственныхъ явленіяхъ. Такъ, на югѣ нѣмцы-меноніты, благодаря ходатайству своего сородича графа Тотлебена, оставлены жить на богатыхъ русскихъ пажитяхъ, причемъ, за отказъ защищать пріютившее и обогатившее ихъ государство, они обязались нести проблематическую натуральную повинность (насажденіе лѣсовъ). Но за тотъ же отказъ нести воинскую повинность духоборы,—эти коренные русскіе люди, лучшіе по трезвости и трудолюбію,—принуждены выселяться въ чужіе края. Казалось бы что первымъ должно было бы предоставить отправляться изъ Россіи по поговоркѣ: «скатертью дорога», а вторыхъ—удерживать всѣми возможными уступками. Къ «государеву дѣлу» духоборцевъ можно было бы привлечь позднѣе, теперь же они отправляютъ уже ту великую миссію, что, напримѣръ, колонизируютъ азіатскую окраину и тѣмъ останавливаютъ заполоненіе ея инородцами, въ особенности такой сомнительной нравственности и преданности Россіи, какъ армяне.

При громадномъ количествѣ въ Россіи инородцевъ, первымъ и важнѣйшимъ вопросомъ внутренней ея политики будетъ вопросъ о тѣхъ путяхъ, какими слѣдуетъ объединить различные народы въ одно прочное цѣлое.

Выше указано, что среди цивилизованныхъ народовъ нѣтъ настоящихъ расъ, какъ это понимаетъ наука; существуютъ лишь расы историческія, то-есть расы, созданныя случайно, — завоеваніемъ, иммиграціей, политикой и т. д.,—и поэтому представляющія смѣшеніе индивидовъ различнаго происхожденія. И вотъ, на поставленный вопросъ съ перваго взгляда напрашивается такой отвѣтъ: къ сліянію различныхъ этнографическихъ единицъ въ одинъ народъ можетъ вести прямымъ путемъ лишь скрещиваніе. Но такой путь сліянія иногда весьма опасенъ для самаго существованія даннаго народа. Отъ скрещиванія съ чужими народностями измѣняется не только физическое строеніе народа, но и духовная его природа. На пер-

Digitized by Google

выхъ порахъ сліянія всегда получается разложеніе народной души, то-есть, совокупности идей и общихъ чувствъ, составляющихъ силу народовъ и безъ которыхъ нѣтъ ни націи, ни отечества. Происходящее отъ такого смѣшенія потомство отмѣчается крайне неустойчивыми и неопредѣленными духовными чертами. Для выясненія и установки новаго духовнаго народнаго типа потребуются долгія наслѣдственныя наслоенія [1])

Итакъ, скрещиваніе различныхъ расъ ведетъ къ разложенію ихъ и затѣмъ къ медленному образованію новыхъ расъ. Народъ, подвергшійся сильному смѣшенію, гибнетъ окончательно, такъ какъ теряетъ необходимое условіе существованія,—свою душу.

Но, конечно, чѣмъ ближе этнографически стоятъ скрещивающіеся народы, тѣмъ и разложеніе ихъ духовной природы слабѣе. Такъ, для насъ не можетъ имѣть какихъ либо дурныхъ послѣдствій смѣшеніе со всѣми славянскими народами, а въ частности сліяніе съ народомъ польскимъ даже прямо желательно, въ силу хотя бы политическихъ интересовъ. Затѣмъ, сравнительно-незначительное нѣмецкое населеніе не можетъ оказать, при сліяніи, существеннаго измѣненія въ духовномъ строѣ русскаго народа. Но уже прямо опасно скрещиваніе съ азіатами и совсѣмъ нежелательно — съ семитами.

Еще недавно нѣкоторые наши публицисты, какъ, напримѣръ, Д. Иловайскій, искали разрѣшенія еврейскаго вопроса въ смѣшеніи семитовъ съ русскимъ народомъ, предвидя, что отъ этой смѣси произойдетъ замѣчательно ловкое и даровитое потомство.

Въ настоящее время антропологія и психологія отмѣтили ту путаницу, психологическую и моральную, которая получается отъ скрещиванія расъ съ различною психологическою и моральною физіономіей [2]).

Дѣйствительно, недаромъ арабы говорятъ, что метиса создалъ чортъ. Вездѣ метисы образуютъ населеніе болѣе низкаго качества, чѣмъ тѣ корни, отъ которыхъ они произошли, — населеніе совершенно неспособное создать или даже только поддержать цивилизацію. У метиса борьба двухъ наслѣдственностей какъ бы расчленяетъ его нравственность и характеръ. Если онъ унаслѣдуетъ, какъ на Санъ-Доминго, отъ бѣлой расы высшую цивилизацію, то она быстро идетъ къ упадку; исчезаютъ лучшія качества бѣлой, черной и индѣйской расъ, и рождается невозможный типъ физической и духовной дряблости (Агасисъ). Послѣ этого понятно, почему почти

---

[1]) *Le Bon. L. cit.*, p. 45, 46.

[2]) См. напр. *Фуллье*: «Темпераментъ и характеръ», 1896, стр. 268—272.

Digitized by Google

во всѣхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ воспрещены браки между бѣлыми и черными.

Въ духовной природѣ лицъ смѣшаннаго происхожденія необходимо происходитъ борьба самыхъ разнообразныхъ началъ, отъ чего лица эти отмѣчаются отсутствіемъ опредѣленныхъ вѣрованій и нравственныхъ началъ. Отъ скрещиванія различныхъ расъ въ большинствѣ получается крайне непривлекательный типъ, выдающаяся черта котораго—самый наглый эгоизмъ. Такіе выводы получаются и при смѣшеніи арійца съ евреемъ. Наблюдайте и увидите, что нѣтъ болѣе безпринципныхъ, безнравственныхъ лицъ, какъ лица, происшедшія отъ этой смѣси. Съ евреемъ можно примириться, какъ съ типичнымъ представителемъ извѣстныхъ духовныхъ качествъ (оттого еврею часто прощается то, что неумолимо карается обществомъ въ своемъ членѣ), но отъ нравственнаго выродка, полученнаго отъ помѣси съ нимъ арійца,—просто претитъ. Вѣчно лавируя между противоположными чувствованіями и порывами, эти люди въ концѣ концовъ служатъ только себѣ, цинично отвергаютъ всякую принципіальность, которой имъ взять неоткуда. Поэтому правъ Дюрингъ, считая величайшимъ грѣхомъ передъ расой, когда женщина-арійка выходитъ замужъ за семита.

Не признавая желательнымъ смѣшеніе русскаго народа съ милліонами евреевъ, населяющихъ Россію, мы должны смотрѣть на это племя, какъ на вредный наростъ на народномъ тѣлѣ. Оно такъ и стоитъ по отношенію ко всѣмъ народамъ, среди которыхъ ему приходится жить.

Важнѣйшимъ факторомъ при образованіи націи служитъ языкъ. Люди, говорящіе однимъ языкомъ, соединены и большимъ чувствомъ взаимной симпатіи. Наоборотъ, различіе въ языкѣ ведетъ къ отчужденію составныхъ частей общежитія, побуждаетъ къ стремленію отдѣлиться другъ отъ друга [1]). Потребность къ сближенію, во имя общей любви къ родинѣ, поведетъ и къ объединенію языка. А среди людей, говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, тѣсное объединеніе должно уничтожить всѣ его различія.

Затѣмъ не слѣдуетъ забывать, что языкъ—не только средство сообщенія, но и форма мышленія. Фридрихъ II говорилъ, что человѣкъ обладаетъ столькими душами, сколько знаетъ языковъ. Поэтому вліяніе языка на народный духъ—самое разнообразное и глубокое [2]).

Народы, проникнутые любовью къ родному, стараются очищать свой языкъ отъ прежнихъ иноземныхъ наслоеній. Нельзя не при-

[1]) *Каутскій.* «Очерки», стр. 117.

[2]) См. *Lazarus.* Geist u. Sprache. 1878.

Digitized by Google

знавать серьезнаго смысла въ теперешнихъ попыткахъ германскаго народа очистить нѣмецкій языкъ отъ иностранныхъ словъ, замѣняя ихъ словами роднаго корня. Такой операціи подвергнута масса словъ: телефонъ, бульонъ, портье и т. д. Незамѣнимую заслугу въ этомъ отношеніи оказалъ чешскому народу Юнгманъ. Всякій въ Чехіи сознаетъ великое значеніе, для національнаго объединенія, словаря Юнгмана и несетъ посильную лепту на сооруженіе памятниковъ великому патріоту.

Какъ только народъ начинаетъ стремиться къ самобытности, онъ сознаётъ, что объединеніе немыслимо на иной почвѣ, какъ на почвѣ чистаго роднаго языка, и поэтому старается о развитіи его. Такъ напримѣръ, маленькій сербо-хорватскій народъ, съ пробужденіемъ своего политическаго самосознанія, постарался создать въ замѣну иностранныхъ словъ (аптека, типографія, кондитерская и мн. др.) слова всему народу понятныя.

Посмотримъ, какъ стоитъ это дѣло у насъ. Сильныя космополитическія теченія въ нашемъ образованномъ обществѣ отражаются на удержаніи особыхъ языковъ и нарѣчій въ отдѣльныхъ областяхъ Россіи и на отрицательномъ отношеніи къ распространенію въ нихъ государственнаго, то есть, русскаго языка. И это вполнѣ послѣдовательно. Разъ не требуется какого либо единства, то излишенъ и всякій элементъ, связующій все населеніе Россіи въ представленіи общаго отечества. Дѣйствительно, трудно себѣ даже представить, какимъ образомъ, напр., финляндецъ, при настоящихъ условіяхъ, не понимая вовсе русскаго языка, будетъ исповѣдывать вмѣстѣ съ нами любовь къ единой Россіи.

Затѣмъ, то же направленіе ведетъ къ прямой порчѣ языка, вмѣстѣ съ тѣмъ поселяя все бо̀льшую рознь между отдѣльными классами народа. Порча эта и рознь пошли именно съ тѣхъ поръ, какъ народившаяся въ XVIII столѣтіи русская интеллигенція устремила взоры на Западъ, стала усиленно подражать ему, отбиваясь ото всего своего и воспринимая образъ и подобіе западнаго человѣка,—когда, однимъ словомъ, народился на русской нивѣ космополитъ, царящій и теперь, какъ сознательный «всечеловѣкъ». Одно время горячіе патріоты и любители роднаго слова пытались было очистить языкъ отъ безобразныхъ чужихъ наслоеній (напр, попытка Шишкова), а великіе писатели 30-хъ и 40-хъ годовъ, дѣйствительно, создали могучую и прелестную русскую рѣчь. Но въ настоящее время образы эти забываются; рѣчь портится все больше и больше, загромождается безобразною перепиской русскими буквами иностранныхъ словъ, въ родѣ: интервью, чемпіонъ, биссировать и т. д., такъ что если не народится снова поэтъ-патріотъ, ко-

Digitized by Google

торый обрѣлъ бы новые звуки, то самому процвѣтанію изящной литературы грозитъ большая опасность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рознь, взаимное непониманіе отдѣльныхъ классовъ народа все растетъ. Простой народъ, заимствуя отъ интеллигентовъ иностранныя слова, даетъ имъ и свой смыслъ, и свою этимологію: «мораль» отъ «марать» и т. п. При такомъ же расчлененіи, потемняется самобытность народная; разлагается, значитъ, и самое общежитіе въ связующихъ его началахъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще разъ исключительное значеніе патріотизма.

Государство сильно и прочно лишь солидарностью своего населенія. Когда народы различныхъ расъ принуждены жить въ соприкосновеніи, то несогласія и внутренняя борьба будутъ неотвратимыми явленіями и притомъ, чѣмъ болѣе различія между расами, тѣмъ и несогласія будутъ глубже, дѣлая иногда рѣшительно невозможнымъ подчинить ихъ однимъ и тѣмъ же учрежденіямъ и законамъ [1]). Во всякомъ случаѣ, одна власть не въ силахъ дать государству прочность, какъ показываютъ хотя бы постепенныя отпаденія отдѣльныхъ провинцій Австріи и внутренняя ея слабость. Въ исторіи мы имѣемъ еще болѣе поучительный примѣръ. Славная Черногорія обязана своимъ самостоятельнымъ существованіемъ всецѣло владыкѣ Даніилу, который, видя гибель роднаго края, разлагаемаго представителями чуждыхъ политическихъ интересовъ, истребилъ въ 1702 г., наканунѣ Рождества, потурченцевъ, и тѣмъ вновь сплотилъ черногорскій народъ во единую душу и волю. Это показываетъ только, что народъ, разсчитывающій на долгое существованіе, долженъ постепенно сливать съ собою живущіе съ нимъ народы сходственныхъ расъ, отметать или изолировать народы отличныхъ съ нимъ расъ, и для всего населенія государства создавать одну жизненную среду, въ видѣ однихъ и тѣхъ же учрежденій, однихъ и тѣхъ же вѣрованій.

Подведемъ теперь итогъ главнѣйшимъ элементамъ, нарушающимъ солидарность въ населеніи Россіи. Прежде всего, окраины до сихъ поръ не слились въ «русскомъ морѣ», представляя громадныя и компактныя народныя массы, то прямо враждебныя всему русскому, то просто равнодушныя къ судьбамъ Россіи. Сюда относятся населенія Польши, Финляндіи, Прибалтійскихъ губерній, Кавказа, Бессарабіи, Крыма, Среднеазіатскихъ владѣній. Затѣмъ идетъ цѣлая туча инородцевъ, разселившихся по Россіи, съ громаднымъ числомъ во главѣ—евреевъ, нѣмецкихъ колонистовъ и т. д. Къ этому

[1]) *Le Bon. L.* cit., p. 49.

Digitized by Google

присоединимъ пахлынувшихъ, особенно въ послѣднее время, иностранцевъ (la Russie est à vendre) для эксплуатации хозяйства Россіи. Далѣе идетъ счетъ уже съ природнымъ русскимъ составомъ, изъ котораго слѣдуетъ выдѣлить широко распространенныя и многочисленныя секты [1]), въ родѣ штундистовъ, откинувшихъ вмѣстѣ съ русскою одеждой и любовь къ родинѣ. Болѣе мелкія данныя оставимъ. И во главѣ всего этого стоитъ интеллигенція русская и инородческая, руководимая космополитическою печатью и проводящая данныя тенденціи на общественной и государственной дѣятельности, въ формѣ покровительства всему чуждому и даже враждебному Россіи [2]). Въ концѣ концовъ, упомянемъ о сказавшемся оскуденіи центра, — этого основнаго рычага русской государственности,—и затѣмъ спросимъ: много ли остается у Россіи настоящей не разрозненной и не ослабѣвшей, опоры?

Если указанные антипатріотическіе факторы получатъ дальнѣйшее развитіе, то легко можетъ осуществиться повѣрье поморскаго толка—что Россію никогда и никакой народъ не покоритъ, но что *Россія сама собою со временемъ сметется...*

Д. Азаревичъ.

---

[1]) См. напр. о широкомъ распространеніи духоборства по всей Россіи у *Новицкаго*: «Духоборцы», 1882, стр. 36, 37.

[2]) Достаточно указать, напр., на сенатскія толкованія по еврейскому вопросу: тутъ можно встрѣтить и прямое нарушеніе неотмѣненнаго закона (о записи евреевъ въ дворянскія книги), и задержку въ примѣненіи закона (пріостановка высылки евреевъ, напр., изъ смоленской губерніи).

Digitized by Google

БЕЗПОЛЕЗНЫЯ СИЛЫ.

Повѣсть Зудермана.

I.

Дребезжащій звонокъ гостинницы прозвучалъ по мѣсту прогулки на берегу моря.

— Зовутъ завтракать, Натаніэль!—сказала молодая, стройная женщина, стоя съ книгою въ рукахъ возлѣ закутанной въ теплые пледы, съежившейся на скамейкѣ человѣческой фигуры, которая, въ отвѣтъ на эти слова, стала подниматься, выпрямляться и принимать видъ мужчины, съ впалой грудью, узкими плечами и тонкими ногами, въ платьѣ, висѣвшемъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Въ зимніе мѣсяцы такія фигуры тысячами кишатъ на морскомъ берегу Ривьеры.

Январьское солнце обрадовало своими жгучими лучами желто-сѣрую скалу, съ высѣченнымъ въ ней узкимъ мостомъ для прогулки, ниже котораго скала, покрытая черноватыми разсѣлинами и трещинами, спускается къ морю. На свѣтло-синей поверхности воды играли солнечные лучи, образуя на ней какъ бы блестящую серебряную сѣтку. Обиліе свѣта, разлитаго кругомъ, было такъ велико, что даже черные кипарисы, высоко поднимавшіеся изъ-за садовыхъ оградъ, казалось, свѣтились изнутри. Прибоя не было; только изъ скважины скалы, журча и покрываясь мелкими пузырями, бѣжала вода. Проведенная изъ источниковъ, она стекалась туда по ржавымъ трубамъ.

Звонокъ, возвѣстившій завтракъ, оживилъ все общество, неподвижно сидѣвшее на берегу моря. Больные и слабые, для которыхъ всякое движеніе утомительно, вспоминали поговорку:

Digitized by Google

«ѣшь—здоровѣешь», а здоровые, пріѣхавшіе сюда, въ страну вѣчной весны, только для того, чтобы насладиться привольнымъ житьемъ, — томимые голодомъ, возбужденные морскимъ воздухомъ, — давно съ нетерпѣніемъ ожидали вожделѣннаго звонка къ завтраку. Молодая женщина, осторожно просунувъ руку больнаго подъ свою руку, медленно вошла съ нимъ въ одинъ изъ прохладныхъ узкихъ переулковъ, поднимающихся между высокими садовыми оградами къ главной улицѣ городка. Въ этихъ переулкахъ, даже въ самые жаркіе дни, постоянно гуляетъ сквозной вѣтеръ.

— Закрылъ ли ты платкомъ ротъ? — заботливо спросила молодая женщина, съ трудомъ приноравливая свой шагъ къ медленной походкѣ больнаго.

Изъ-подъ толстаго пледа послышалось какое-то мычаніе.

Она слегка потянула къ верху свою бѣлую, упругую шею съ двумя поперечными складочками и, прищуривъ глаза, съ наслажденіемъ вдохнула въ себя душистый запахъ, доносившійся до нихъ изъ садовъ. Въ этомъ запахѣ было какое-то странное смѣшеніе ароматовъ, какъ въ аптекарскихъ кладовыхъ, гдѣ сохраняются сухія травы. Прокравшійся откуда-то солнечный лучъ скользнулъ по ея полной щекѣ съ молочнымъ отливомъ, присущимъ блондинкамъ.

Мимо медленно подвигавшейся пары прошла, смѣясь и весело болтая, группа англичанъ, мужчинъ и дамъ; пушистыя боа, съ развѣвающимися по вѣтру концами, ложились мягкими кольцами вокругъ шеекъ англичанокъ съ рыжеватыми головками въ лакированныхъ шляпахъ, похожихъ на цилиндры нѣмецкихъ почтальоновъ. Молодая женщина печально смотрѣла вслѣдъ веселой компаніи и крѣпче прижимала къ себѣ руку больнаго. Мимо нихъ прошли еще и другія группы. Обогнать ихъ было нетрудно.

— Мы придемъ послѣдними!—съ болѣзненной раздражительностью проговорилъ мужчина.

Фрау Мари его не слышала; она въ эту минуту прислушивалась къ разговору, который, хотя и велся вполголоса, но былъ, однако, слышенъ издалека, благодаря акустическимъ условіямъ узкаго переулка. Разговоръ вели на французскомъ діалектѣ, и молодой женщинѣ пришлось призывать на помощь все свое знаніе этого языка, чтобы понять.

*

Digitized by Google

— Я надѣюсь, что вашъ дядюшка не опасно боленъ!— говорилъ мужской голосъ.

— О, нѣтъ! Онъ просто не любитъ себя стѣснять, а такъ какъ ходить ему трудно, то онъ и сидитъ цѣлые дни въ креслѣ. Я же нахожусь при немъ только для того, чтобы занимать его разговорами.

Объясненіе это было заключено словомъ «voila»!—сказаннымъ какимъ-то скучающимъ и недовольнымъ тономъ.

— И у васъ совсѣмъ нѣтъ свободнаго времени? — послѣ минутной паузы спросилъ мужской голосъ.

— Почти нѣтъ.

— Такъ что я буду лишенъ счастья встрѣчаться съ вами на берегу моря?

— О, нѣтъ!

— Боже, какъ я радъ?

Послѣдняя фраза была сказана мягкимъ и задушевнымъ тономъ, въ которомъ какъ будто слышались затаенныя желанія и невысказанныя признанія. Фрау Мари, хотя и плохо была знакома съ пріемами ухаживанія, однако, застѣнчиво повернула голову въ сторону говорящихъ, но сію же минуту, застыдившись своего любопытства, поспѣшила отвернуться.

«Это они...—мелькнуло у нея въ головѣ.—Познакомились»...

«Она»—была нарядная француженка, съ очень длинной и тонкой таліей, придававшей ей видъ изящной птички; она не обѣдала за общимъ столомъ, а за table sépарée, въ углу большой столовой, вмѣстѣ со старикомъ, страдавшимъ ревматизмомъ и прихрамывавшимъ. У него была сѣдая, коротко-остриженная голова, маленькая острая бородка, и глаза съ красными вѣками. Входя въ столовую, француженка обыкновенно окидывала ласковымъ взглядомъ весь длинный столъ, но своихъ глазъ ни на комъ не останавливала и никому не кланялась. Къ кушаньямъ она едва прикасалась,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось фрау Мари, обладавшей очень здоровымъ апетитомъ; но еще до супа француженка принималась ѣсть финики, предназначавшіеся для десерта, причемъ браслеты на ея тонкихъ рукахъ пріятно позвякивали. Она носила обручальное кольцо, но что она не была женою старика,—въ этомъ нельзя было сомнѣваться: ея обращеніе капризнаго ребенка съ воспитателемъ—доказывало это.

Digitized by Google

А «онъ»? Онъ—молодой брюнетъ, съ черными, мечтательными глазами... Въ Померанiи такiе глаза называютъ «итальянскими»; руки у него бѣлыя, выхоленныя, а остроконечная бородка такъ коротко острижена на щекахъ, что виднѣлась синеватая кожа. Онъ сидитъ всегда за общимъ столомъ, противъ фрау Мари, но еще ни разу не говорилъ съ ней, вѣроятно, потому что не зналъ по нѣмецки; глаза же его нерѣдко останавливались на ней, съ выраженiемъ какого-то умиленiя, которое, между прочимъ, фрау Мари совсѣмъ не нравилось.

Такимъ образомъ случилось, что когда фрау Мари собиралась идти въ столовую, то невольно вспоминала о красивомъ французѣ и нерѣдко интересовалась даже вопросомъ:—сидитъ ли ужь онъ за столомъ, или придетъ послѣ? Но вотъ, съ нѣкотораго времени, у молодаго француза явилось расположенiе часто поворачивать голову налѣво и смотрѣть въ сторону того столика, за которымъ сидѣла изящная его соотечественница съ тоненькой талiей. На его взгляды она иногда отвѣчала. Разъ она веселыми, но пытливыми глазами долго всматривалась въ него, причемъ между кушаньями лакомилась виноградомъ. Этого взгляда, разумѣется, онъ не видалъ, но фрау Мари поймала его и нашла очень страннымъ... «А теперь вотъ они ужь и познакомились»! подумала она съ какой-то безотчетной не то досадой, не то завистью. Разговоръ, долетѣвшiй до ея ушей, прекратился; можетъ быть, говорившимъ пришло въ голову, что теперь ихъ могутъ услыхать. Они быстро прошли мимо нѣмецкой четы; француженка отбрасывала камешки концомъ ботинки; французъ, мелькомъ взглянувъ на фрау Мари, почтительно поклонился ей, — какъ это и подобало визави по обѣденному столу. Фрау Мари покраснѣла; это случалось съ нею нерѣдко. «Онъ замѣтилъ, что я покраснѣла, и улыбнулся... или нѣтъ, не улыбнулся... это мнѣ показалось»...—И фрау Мари покраснѣла еще сильнѣе.

— Намъ опять придется ѣсть холодную яичницу!—пробормоталъ въ пледъ больной.

— Тогда мы прикажемъ подать намъ другую! — съ чуть замѣтнымъ раздраженiемъ въ голосѣ отвѣтила она.

— Ахъ! Что ты говоришь?—разсердился больной:—у тебя на это храбрости не хватитъ. Вѣдь ты боишься кельнеровъ.

Digitized by Google

Молодая женщина печально улыбнулась. Да, она дѣйствительно боится ихъ: отрицать этого нельзя. Говорить съ этими важными господами въ черныхъ фракахъ, съ напомаженной и завитой головой, не дающими себѣ труда понимать ея ломаный французскій или итальянскій языкъ—было для нея настоящей пыткой! Опасенія Натаніэля оказались напрасными: яичницы за завтракомъ не было, ее замѣнили макароны съ длинными тягучими нитками сыра. Больной ихъ не ѣлъ. Фрау Мари приготовила ему питье, — смѣсь горячаго молока съ коньякомъ, — и съ удовольствіемъ глядѣла, какъ онъ охотно началъ глотать эту подкрѣпляющую жидкость.

II.

Противъ нихъ, по обыкновенію, сидѣлъ молодой французъ и изрѣдка посматривалъ на фрау Мари своими бархатными глазами. А она, чувствуя на себѣ его взглядъ, больше чѣмъ когда либо боялась встрѣтиться съ нимъ глазами. Она пригладила свои гладко причесанные бѣлокурые волосы, не знавшіе никогда щипцовъ или папильотокъ,—какъ и подобало женѣ сельскаго пастора сѣверной Германіи. Молодой французъ одѣтъ былъ по послѣдней модѣ; въ петличкѣ его сюртука съ длинными отворотами, подбитыми шолковой матеріей, торчалъ букетикъ фіалокъ,—запахъ цвѣтовъ былъ слышенъ даже на противоположной сторонѣ стола.

Въ столовую вошла, наконецъ, и француженка, осторожно поддерживая подъ руку своего дядю и весело болтая съ нимъ. Молодой брюнетъ слегка вздрогнулъ, сжалъ губы, но не обернулся. Также мало вниманія обратила на него и молодая женщина. Она катала хлѣбные шарики своими тонкими пальчиками и пропускала мимо себя всѣ кушанья. Широкая шолковая жакетка, цвѣта кремъ, въ которую она облеклась, еще больше выставляла гибкость и граціозность ея стана. Фрау Мари,—руки которой, вслѣдствіе ранняго знакомства съ работой, были красны, а грудь и плечи широки, — смотрѣла на молодую француженку съ восхищеніемъ: она представлялась ей существомъ, сотканнымъ изъ солнечнаго свѣта и утренней росы,—недоступной и важной, не смотря на свои игривыя маневры. Когда подали мясо, Натаніэль какъ будто ожилъ; онъ

Digitized by Google

позволилъ женѣ заколоть пледъ на его груди и поблагодарилъ ее за это блаженной улыбкой, выражавшей довольство. Сестра фрау Мари, Анна, находила, что у него въ подобныя минуты являлось сходство со Спасителемъ. Глаза его, глубоко сидѣвшіе въ синихъ впадинахъ, свѣтились какимъ-то неземнымъ блескомъ; нѣжный румянецъ выступалъ на выдающихся скулахъ; даже рѣдкая бѣлокурая бородка на впалыхъ щекахъ какъ будто блистала.

Мари, обрадованная его улыбкой, пожала ему руку около локтя. Она довольствовалась малымъ.

Между тѣмъ, завтракъ кончился. Сидѣвшій противъ фрау Мари молодой человѣкъ, по обыкновенію, молча поклонился и всталъ. «Поклонится ли онъ ей»? подумала Мари не безъ волненія; завязавшійся на ея глазахъ флиртъ начиналъ сильно интересовать и тревожить ея воображеніе; но онъ вышелъ, даже не взглянувъ въ сторону столика. «Они, можетъ быть, поссорились»! догадывалась наивная жена больнаго пастора. А француженка посмотрѣла ему вслѣдъ; едва замѣтная насмѣшливая улыбка скользнула по угламъ ея тонкихъ губъ; затѣмъ она нагнулась къ старику, продолжая глядѣть на дверь, и что-то сказала. «Она *его* не любитъ», подумала Мари; и ей вдругъ стало весело на душѣ, точно ей возвратили потерянную вещь... Молодой человѣкъ давно ушелъ, но запахъ отъ его фіалокъ носился въ воздухѣ.

Фрау Мари пошла къ себѣ на верхъ, чтобы взять теплое пальто для Натаніэля. Выходя изъ своей комнаты, она увидала идущую по полутемному коридору, навстрѣчу ей, изящную француженку; эта послѣдняя отворила дверь въ комнату, находившуюся рядомъ съ помѣщеніемъ пасторской четы. «Такъ мы сосѣди»!—подумала Мари, словно польщенная этимъ обстоятельствомъ. Ей хотѣлось поклониться сосѣдкѣ, но робость помѣшала. Мари повела Натаніэля внизъ, на берегъ моря; часы проходили одинъ за другимъ... Больной пасторъ не любилъ, чтобы его, во время сидѣнія на солнцѣ у моря, развлекали разговорами; это время исключительно и торжественно посвящалось «набиранію здоровья». Воздухъ тамъ стоитъ денегъ; надо жадно и сосредоточенно имъ пользоваться, а также необходимо вѣрить въ его цѣлебныя свойства. Втягивать его въ себя какъ можно больше считается тутъ священной обязан-

Digitized by Google

ностью, а заболѣвать еще сильнѣе—почти грѣхомъ! Мари задумчиво смотрѣла на море, которое при свѣтѣ полуденнаго солнца принимало темносиній оттѣнокъ и слегка пѣнилось около скалъ. Широкими дугами ложились справа и слѣва тѣни сосѣднихъ горъ; на далекомъ горизонтѣ сверкалъ порою серебристый свѣтъ, вызванный отраженіемъ солнечныхъ лучей на невидимыхъ снѣжныхъ вершинахъ. Тамъ были Альпы, а за Альпами, въ густомъ туманѣ—родина... Туда-то мысленно и перенеслась Мари... туда, въ маленькій домикъ съ крутой крышей, занесенной снѣгомъ. Онъ стоитъ на берегу рѣки, скованной теперь морозомъ, и густо окруженъ кустарникомъ. Въ ста шагахъ отъ домика стоитъ бѣлая церковь, а рядомъ съ нею — красивый церковный домъ... Но Мари нѣтъ дѣла до церковнаго дома, хотя она выросла въ немъ и въ немъ же была молодой хозяйкой. Тотъ маленькій домикъ, съ крутой крышей,—«вдовій домъ», какъ его называли прихожане,—заключалъ въ своихъ стѣнахъ все, что на родинѣ было для нея милаго и дорогаго. Тамъ, возлѣ зеленой кафельной печки,—о, какъ не достаетъ ей здѣсь этой печки, не смотря на пальмы и полуденное солнце!—передъ дымящимся кофейникомъ, сидитъ ея старушка-мать, вдова покойнаго пастора и ея три старшія сестры, добрыя, бѣлокурыя дѣвушки, худощавыя и увядающія... Онѣ живутъ въ нуждѣ и безгранично любятъ другъ друга. Четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ отецъ ихъ умеръ и семейство его очистило церковный домъ. Переѣхать въ городъ—средствъ не хватало, а то, что предоставлялъ въ ихъ пользованіе бѣдный приходъ, напримѣръ: помѣщеніе, отопленіе и пр.—въ деньги превратить нельзя. Пришлось покориться своей участи...

Но вотъ молодой Натаніэль Поге, кандидатъ богословія, заручившись вліятельными рекомендаціями, пріѣхалъ произнести пробную проповѣдь. Мари увидала его впервые на каѳедрѣ; онъ былъ высокъ и худъ, имѣлъ впалую грудь и узкія плечи; сухая рука его, вся въ веснушкахъ, держа молитвенникъ, дрожала; но голубые глаза свѣтились благоговѣйнымъ огнемъ, лицо горѣло вдохновеніемъ. Правда, голосъ звучалъ какъ-то глухо и хрипло, дыханіе часто прерывалось среди начатой фразы, но слова его были вѣски и строги, говорилъ онъ убѣжденно и умно, и проповѣдь его была одобрена прихожанами. Вмѣстѣ съ новымъ пасторомъ поселилась въ церковномъ

Digitized by Google

домѣ его мать, маленькая, подвижная и энергичная женщина, жаловавшаяся на найденные ею безпорядки въ хозяйствѣ пастората; она, казалось, избѣгала короткаго знакомства съ семьею покойнаго пастора, сынъ же ея сталъ все чаще и чаще посѣщать вдовій домъ; оставалось только узнать,—за которую изъ четырехъ сестеръ онъ намѣренъ посвататься. Что именно она, самая младшая, привлечетъ его вниманіе, — Мари и во снѣ не снилось... Объ отказѣ, разумѣется, нельзя было и думать; скорѣе надо было благодарить его за то, что онъ освобождалъ вдовью семью отъ лишняго рта, да и самой Мари предлагалъ болѣе обезпеченное существованіе. Положимъ, она съ радостью уступила бы свое счастье одной изъ старшихъ сестеръ,—если подчиняться требовательной свекрови, да ухаживать за больнымъ мужчиной можетъ назваться счастьемъ,—но она въ самомъ дѣлѣ считала себя счастливой... Вдовій домикъ былъ подъ бокомъ; туда всегда можно было сбѣгать и вдоволь тамъ нахохотаться или наплакаться, смотря по обстоятельствамъ; въ церковномъ же домѣ ни того, ни другаго не терпѣли. Къ тому же она его любила!.. Да, такъ-таки и любила. Да и могла ли не любить? Вѣдь она клялась ему передъ алтаремъ въ любви,—это не шутка... И состояніе его здоровья все ухудшалось: съ каждымъ днемъ онъ все больше нуждался въ ея заботливой любви... Все чаще и чаще приходилось ей вставать по ночамъ, чтобы подогрѣвать отваръ изъ исландскаго моха, который онъ пилъ... Припадки удушья послѣ воскресной проповѣди все усиливались; наконецъ, хлынула горломъ кровь и поѣздка на югъ стала необходимостью... Боже! съ какимъ трудомъ она приведена была въ исполненіе... Надо было найти пастора, который временно замѣнилъ бы его. Снаряженіе въ дорогу и сама дарога поглотили содержаніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ!.. Четырнадцать франковъ въ сутки платятъ они за комнату и пищу; но бываютъ и экстренные расходы,—на коньякъ, молоко, вино, топку и аптеку,—не говоря уже о докторѣ, который является ежедневно... Есть отъ чего прійти въ отчаяніе! Но онъ вѣдь поправляется... Глупо было бы предполагать, что онъ не поправляется... иначе къ чему же всѣ эти жертвы? Онъ выздоровѣетъ, если не благодаря солнцу и морскому воздуху, то благодаря ея неусыпнымъ заботамъ и преданной любви; эта любовь, Богомъ вмѣненная ей въ обя-

Digitized by Google

занность, окутывала Натаніэля, какъ теплый, мягкій платокъ, который плотно прилегаетъ къ членамъ, не стѣсняя ихъ движеній, и лучше стѣнъ и одежды защищаетъ его отъ холода и сырости.

III.

Солнце спускалось къ морю, окрашивая его въ желтый металлическій цвѣтъ, который мало-по-малу уступалъ мѣсто мягкимъ пурпуровымъ и фіолетовымъ оттѣнкамъ. Группы кедровыхъ деревьевъ, стоявшія на берегу моря, были, казалось, залиты фосфорическимъ свѣтомъ и яркость ихъ очертаній непріятно дѣйствовала на зрѣніе; тяжелой, густой массой свѣшивались за каменныя ограды вѣтви садовыхъ деревьевъ. Прохладный вѣтеръ — предвѣстникъ вечера — подулъ съ моря. Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу больнаго; Мари хотѣла было посовѣтовать ему идти домой, но какъ разъ въ это время глаза ея остановились на мужской фигурѣ, стоявшей довольно далеко между ней и заходящимъ солнцемъ; Мари узнала своего обѣденнаго визави, и чувство безпокойства зашевелилось въ ней. Когда она чувствовала его по сосѣдству, то всегда ощущала какое-то странное чувство, которое трудно было выразить словами: не то страхъ, не то удовольствіе, не то непріязнь, богъ знаетъ что! Въ сущности, какое ей дѣло до него? Она имъ ничуть не интересуется... Разумѣется нѣтъ! Его глаза, запахъ его фіалокъ, гибкія и изящныя движенія возбуждаютъ въ Мари чувство какого то любопытства; невиданной диковинкой казался ей этотъ безукоризненный по внѣшности представитель сильнаго пола... Онъ даже, по правдѣ говоря, не былъ ей симпатиченъ и, еслибъ тутъ была ея сестра Элиза,— насмѣшница и хохотунья,—то вѣрно Мари не прочь была бы вмѣстѣ съ ней подтрунить надъ нимъ за глаза. Причина боязливаго безпокойства, которое она испытываетъ въ присутствіи этого француза, — совершенно ей непонятна, и Мари сердится на себя... Тутъ на югѣ все какъ-то жизненнѣе, богаче, ярче, сильнѣе, чѣмъ на родинѣ... на всемъ здѣсь болѣе теплый колоритъ... Въ этомъ какая-то непостижимая для нея тайна... Она чувствуетъ ее во всемъ: и въ запахѣ цвѣтовъ, и въ раскачиваніи пальмовыхъ вѣтвей, и въ чрезмѣрной раститель-

Digitized by Google

ности, и въ пѣвучемъ говорѣ мужчинъ, и въ смѣхѣ женщинъ, и въ яркой краскѣ лицъ послѣ обѣда, и въ пріятной истомѣ, овладѣвающей хотя бы ею самою совсѣмъ некстати! Эта тайна, которую она, — бѣдная дочь сѣвера, небогатая ни впечатлѣніями, ни развитіемъ,—вездѣ чуяла, но не могла ни осязать, ни видѣть, ни объяснить,—тайна избытка жизненныхъ силъ какимъ-то образомъ находилась въ связи съ молодымъ французомъ, стоявшимъ въ данную минуту на самомъ краю скалы и такъ картинно освѣщеннымъ косыми лучами солнца. Но вотъ и онъ замѣтилъ ее... Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ подойти и заговорить съ нею... Но поспѣшность, съ какой она повернулась къ мужу, вѣроятно, помѣшала его намѣренію.

«Этого еще не доставало!—подумала съ тревогой Мари,—завести съ нимъ знакомство. Съ какой стати»?

Возвращаясь съ мужемъ домой, Мари, однако, спрашивала себя, какъ бы она ему отвѣтила... еслибъ онъ заговорилъ съ нею. «Настолько-то я знаю по французски»!..

Въ слѣдующій затѣмъ день, здоровье Натаніеля ухудшилось.—Подобныя перемѣны часто случаются!—объяснилъ докторъ, самъ чахоточный субъектъ со свѣтскими манерами. Говорилъ онъ съ той безразличной любезностью, которую обыкновенно напускаютъ на себя врачи, когда предвидятъ худой исходъ болѣзни и незавидный гонораръ. Слушая его, можно было подумать, что всѣ чахоточные всегда поправляются.

— А если ночью ему будетъ хуже? — спросила встревоженная жена.

— Тогда дожидайтесь спокойно утра!—рѣшительно заявилъ докторъ. Онъ терпѣть не могъ, чтобы его безпокоили ночью. Онъ запретилъ Натаніэлю вставать съ постели, и Мари должна была просить, чтобы завтракъ и обѣдъ приносили къ нимъ въ комнату.

Такъ прошло нѣсколько дней; Мари почти не отходила отъ кровати мужа; она то писала письма на родину, то варила ему питье, способствовавшее отдѣленію мокроты, то читала ему вслухъ изъ молитвенника или задумчиво смотрѣла въ окно. Хорошенькую сосѣдку она больше не видала, зато съ особеннымъ вниманіемъ прислушивалась къ тому, что дѣлалось за раздѣлявшей ихъ дверью. Утро молодой француженки на-

Digitized by Google

чиналось обыкновенно едва слышной трелью; за ней слѣдовалъ оживленный разговоръ съ горничной; онъ сопровождался звонкимъ постукиваньемъ нагрѣтыхъ щипцовъ и плескомъ воды изъ выжимаемыхъ губокъ; иногда между госпожей и прислугой завязывался споръ изъ-за локона, бантика, обуви и т. п. Тутъ кончались познанія фрау Мари во французскомъ языкѣ. Около одиннадцати часовъ, сосѣдка ея выходила изъ своей комнаты; слышно было, какъ она стучалась къ старику-дядѣ и шутливымъ тономъ привѣтствовала его изъ коридора. Съ уходомъ госпожи, комната поступала во владѣніе молоденькой горничной; та, распѣвая, прибирала ее, стучала щипцами еще больше прежняго, бѣгала съ мѣста на мѣсто и благосклонно принимала ухаживанія кѣльнеровъ. Къ полудню все умолкало и до самыхъ сумерекъ въ комнатѣ царила полнѣйшая тишина; затѣмъ француженка возвращалась къ себѣ, напѣвая разные страстные романсы. И романсы эти служили женѣ пастора доказательствомъ, что и это лучезарное существо подчиняется необъяснимой тайнѣ благоуханнаго воздуха, цвѣтущихъ апельсинныхъ деревьевъ, шороха эвкалиптовыхъ вѣтвей... Сама Мари, словно на зло себѣ, ловила себя на какихъ-то неопредѣленныхъ желаніяхъ, на мечтахъ о невѣдомомъ счастьѣ. Француженка становилась близка къ ней по духу; она въ ней видѣла себя въ грёзахъ...

Въ половинѣ пятаго приходила опять горничная; онѣ обѣ шептались и смѣялись; стукъ нагрѣтыхъ щипцовъ возобновлялся, слышалось шуршанье шолковыхъ юбокъ; до Мари доносился ароматъ туалетнаго уксуса и тонкихъ духовъ, и бѣдная сидѣлка Натаніэля съ наслажденіемъ вдыхала ихъ въ себя. Послѣ звонка къ обѣду, госпожа и горничная удалялись, а въ десять часовъ въ коридорѣ раздавался звонкій голосъ француженки:

— Bonne nuit, mon oncle!

Анжелина,—такъ звали молоденькую горничную,—встрѣчала свою госпожу у дверей комнаты, исполняла свои вечернія обязанности и уходила, громко прощаясь на лѣстницѣ съ поджидавшими ее тамъ кѣльнерами. По уходѣ Анжелины, француженка молилась Богу, произнося вполголоса, лѣниво и вяло, какъ ребенокъ, слова молитвъ; въ одиннадцать часовъ въ замочной скважинѣ было темно. И въ то время, когда

Digitized by Google

Мари принималась за свои обязанности сестры милосердія, въ сосѣдней комнатѣ раздавалось спокойное дыханіе, которое въ теченіе ночи рѣдко прерывалось. Мари прислушивалась къ нему, оно утѣшало ее во время безконечно долгихъ часовъ ночи, убійственное однообразіе которыхъ нарушалось только наступавшими припадками кашля у Натаніэля. Въ безмятежномъ, ровномъ дыханіи сосѣдки Мари какъ будто слышала привѣтъ родной ей души, отзвукъ той обѣтованной земли, въ которой утромъ смѣются, въ полдень поютъ пѣсни, а ночью спятъ.

Натаніэль особенно любилъ молитвы, которыя читаются надъ умирающими. Онъ увѣрялъ, что онѣ ободряютъ его... Чѣмъ сильнѣе было выражено въ нихъ презрѣніе къ темнымъ силамъ преисподней, къ кознямъ врага рода человѣческаго, къ аду, къ предсмертнымъ мукамъ,—тѣмъ больше выражалъ онъ смѣлой иронiи. Онъ, какъ духовный пастырь, считалъ долгомъ чести, вмѣнялъ себѣ въ обязанность прямо смотрѣть въ глаза смерти; этотъ, съ виду слабый и боязливый, человѣкъ обладалъ по истинѣ мощнымъ духомъ и, хотя не призывалъ и не желалъ смерти, но, предвидя ея близость, какъ побѣдитель, вступалъ на тотъ темный путь, по которому, трепеща отъ ужаса, проходили, бывало, напутствуемые имъ кандидаты на «лучшій» міръ.

— Прочти мнѣ одну изъ молитвъ отходной!—говорилъ онъ часто женѣ днемъ и даже ночью, когда ему не спалось; это чтеніе дѣйствовало на него, какъ качанье люльки на ребенка.

Когда огорченная и растерянная Мари, ничего не видя за слезами, наполнявшими ея глаза, читала что нибудь, не соотвѣтствовавшее его желанію, онъ выходилъ изъ себя. Онъ восторгался своими любимыми молитвами безъ всякой рисовки,—какъ другой восторгался бы одой Горація или стихами Гёте. Такъ была одна молитва, начинавшаяся словами: «Я спѣшу домой, на̀ родину». Мѣсто нашего пребыванія на томъ свѣтѣ сравнивается съ блестящей свадебной залой. Въ другой говорится: «Ликуй, о душа моя»!—осуждается *все* земное, и человѣкъ молитъ о возможности скорѣе возвратиться на родину. Въ одной молитвѣ, простодушно наивной, говорится: «спокойно и весело иду я туда»! а смерть сравнивается со сладкимъ сномъ. Но всѣхъ ихъ затмѣвала молитва: «Слава Богу, часъ

Digitized by Google

насталъ»! Въ ней слышится прямо побѣдоносный кличъ; она гордо и насмѣшливо указываетъ на бѣдствія гдѣ-то глубоко-внизу лежащей земли...

Всѣ эти благочестивыя молитвы до извѣстной степени достигаютъ цѣли: онѣ, какъ морфій, отуманиваютъ страстное желаніе несчастной плоти еще пожить... Но пройдетъ моментъ, дѣйствіе наркотики прекратится и желаніе это воскресаетъ, принимаетъ громадные размѣры, требуетъ счастья и жадно смотритъ на грѣшную, милую землю, о которой съ такой гадливостью и презрѣніемъ говорится въ молитвахъ...

Мари безпрекословно читала все, что̀ требовалъ больной; она держала молитвенникъ близко къ своему лицу, стараясь всѣми силами удерживаться отъ слезъ. О мукахъ, которыя онъ причинялъ ей, уже напуганной, но все еще не терявшей надежды, мужъ, съ безсознательнымъ эгоизмомъ страдальца, и не думалъ.

«Онъ не имѣетъ права желать смерти»!—думала она, принимая за истину изступленныя воззванія мятущагося человѣческаго ума. Нѣтъ, нѣтъ! Не имѣетъ онъ права умереть, когда передъ ней цѣлая жизнь, неизвѣданная, новая, богатая впечатлѣніями».

Продержавъ больнаго три дня въ постели, докторъ объявилъ, что завтра разрѣшитъ ему выйти. Въ выздоровленіи, слѣдовательно, нельзя было сомнѣваться. Фрау Мари сидѣла у открытаго окна и съ наслажденіемъ вдыхала въ себя пріятный запахъ дыма, который легкой волной струился по воздуху, отъ горѣвшаго гдѣ-то вдали костра изъ кедровыхъ шишекъ. Солнце садилось. Птичка сидѣла внизу, на вѣткѣ апельсиннаго дерева, и соннымъ голоскомъ чирикала.

Тяжелый страхъ послѣднихъ дней миновалъ. Женою Натаніэля снова начала овладѣвать сладкая истома, которой она никакъ не могла объяснить себѣ. Сосѣдка ея, уже вернувшаяся къ себѣ, открыла окно, снова закрыла его и сію же минуту опять открыла. Раза два-три она начинала что то напѣвать, но какъ и та, чирикавшая внизу подъ окномъ, птичка дальше первыхъ нотъ не шла. Вдругъ дверь сосѣдней комнаты отворилась и Анжелина веселымъ голосомъ объявила:

— Письмо, барыня, письмо!

— Письмо? Отъ кого?

Digitized by Google

— Отъ него.

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

«Кто этотъ онъ? — спрашивала себя Мари. — Вѣрно кто нибудь изъ ея... родныхъ. Въ этотъ часъ обыкновенно приходитъ почтальонъ». Но Анжелина заговорила—и все объяснилось. О! она ловко повела дѣло: кланялась и улыбалась ему въ коридорѣ; это придало ему бодрости и вотъ онъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, всунулъ ей въ руку, вмѣстѣ съ золотой монетой, этотъ запечатанный конвертъ, объяснивъ при этомъ, что ему необходимо передать ея госпожѣ очень важную новость, но такъ какъ случай поговорить съ нею никогда не представляется...

— Молчи, молчи, въ сосѣднемъ номерѣ могутъ услыхать! — перебила свою камеристку француженка.

Вслѣдъ за этими словами, госпожа и горничная стали хихикать и шептаться. Фрау Мари чувствовала, какъ румянецъ вспыхнулъ у нея на лицѣ и разлился по шеѣ. Она сидѣла и внимательно прислушивалась къ этому шопоту; сердце ея сильно билось. Теперь она знала, кто написалъ письмо. «Онъ объяснился ей въ любви и проситъ ея руки»! думала она, и какое то неопредѣленное чувство горечи, вызванное непонятной ей причиной, камнемъ легло ей на душу. Она улыбнулась, какъ улыбаются люди, отказавшіеся отъ какой нибудь надежды—хотя ей, собственно говоря, отказываться было не отъ чего и формулированныхъ надеждъ у нея не существовало. «Впрочемъ,—продолжала думать фрау Мари,—этого быть не можетъ. Развѣ станетъ женщина, получившая предложеніе, болтать о немъ съ прислугой? Скорѣе она пожелаетъ полнаго уединенія... бросится на колѣни и будетъ просить Бога просвѣтить ея умъ и научить ее, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, рѣшающемъ ея судьбу». Но вотъ француженка отсылаетъ Анжелину, легкіе шаги которой раздаются по коридору; сама же плутовски и весело смѣется, приговаривая: «ахъ, какое счастье! ахъ, какое счастье»! Въ ея голосѣ слышится торжествующая радость. У фрау Мари навернулись на глаза слезы. Ей хотѣлось расцѣловать, благословить сосѣдку. Теперь ясно, что онъ проситъ ея руки. «Если она сама не чувствуетъ потребности помолиться, то я помолюсь за нее»!

Digitized by Google

IV.

Мари сложила руки, какъ вдругъ за ея спиной раздался глухой голосъ, напоминавшій стукъ сыпавшейся въ могилу земли.

— Прочти мнѣ одну изъ тѣхъ молитвъ, Мари,—проговорилъ Натаніэль.

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу молодой женщины; она вскочила со стула и, вопреки своему обыкновенію безропотно исполнять желанія больнаго, опустилась передъ нимъ на колѣни и, припавъ къ его исхудалой рукѣ, простонала:

— Не могу, Натаніэль, не могу!

Прошло три дня. Больной предпочиталъ оставаться въ постели, не смотря на разрѣшеніе доктора, увѣрявшаго, что выздоровленіе течетъ правильно и не оставляетъ желать ничего лучшаго. Мари варила ему питье, давала капли и читала вслухъ его любимыя молитвы; тогдашній протестъ ея былъ и послѣднимъ. О томъ, что дѣлалось у сосѣдки, она почти ничего не знала. Полученное письмо какъ будто положило конецъ веселой болтовнѣ и хихиканью... Неужели счастье, въ которомъ она сама себѣ признавалась, оказалось такимъ кратковременнымъ? Фрау Мари много думала о своей сосѣдкѣ, боялась за нее. «Вѣрно дядя дѣлаетъ какія нибудь затрудненія, не соглашается на ихъ бракъ... пожалуй, даже требуетъ, чтобы они разстались... Можетъ быть, молодой человѣкъ уже и уѣхалъ». Иногда Мари думала: «Какіе у него необыкновенные глаза».—При этомъ она краснѣла: «Хорошій ли онъ человѣкъ»? Что то удерживало ее отъ утвердительнаго отвѣта, а, между тѣмъ, ей все таки горячо хотѣлось счастья для обоихъ влюбленныхъ... такого счастья, какого она, Мари, никогда не знала.

Вечеромъ, въ послѣднюю субботу января мѣсяца, Натаніэль лежалъ въ постели и тяжело дышалъ. Лихорадочного состоянія почти не было, но недостатокъ воздуха томилъ его больше обыкновеннаго. Лампа съ плохимъ керосиномъ, за которую ежедневно ставили въ счетъ 75 сантимовъ, тускло горѣла на столѣ; на стекляномъ колпакѣ, со стороны, обращенной къ постели, Мари, въ видѣ абажура, повѣсила листокъ пропускной

Digitized by Google

бумаги, вслѣдствіе чего розоватый оттѣнокъ разливался по кровати, придавая ложный видъ здоровья лежавшему на ней больному. Разныхъ размѣровъ скляночки, стоявшія на столѣ, сверкали,—свой подозрительно-пріятный видъ онѣ, кажется, заимствовали отъ того, кто ихъ прописывалъ съ такой игривой увѣренностью. Старый молитвенникъ лежалъ между ними; цифры, обозначавшія 1795 годъ, отливали золотомъ на поблекшемъ и потертомъ переплетѣ.

Запоздавшіе обитатели гостинницы, возвращаясь къ себѣ изъ читальни, прощались въ коридорѣ, желая другъ другу покойной ночи. Анжелина уже ушла; слышно было, какъ она весело болтала и смѣялась на лѣстницѣ. Скоро послѣдній ея ухаживатель прошелъ на цыпочкахъ по коридору и погасилъ огни. Въ комнатѣ француженки царила полнѣйшая тишина... Она, вѣроятно, спала, но дыханія ея не было слышно.

Мари сидѣла у стола и пристально смотрѣла на огонь лампы; голова ея была тяжела отъ безсонныхъ ночей, но спать ей не хотѣлось. Нервы ея были страшно напряжены. Голосъ больнаго вывелъ ее изъ задумчивости.

— Въ подушкѣ ямка,—сказалъ онъ и попробовалъ повернуться на другой бокъ.

— Охъ, ужь эта подушка изъ морской травы! — Мари взбила ее, какъ могла, но больному все было неловко.

— Опять впереди томительная и тревожная ночь!—съ тоской проговорилъ онъ. Языкъ его былъ сухъ и съ трудомъ шевелился.

— Не хочешь ли пить?

— Нѣтъ, эта гадость—такая горькая... Меня томитъ недостатокъ воздуха... Говорятъ, воздухъ окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ на десять миль... а вотъ мнѣ все его мало... такой, видишь ли, сталъ я жадный...

Онъ никогда не шутилъ, поэтому сказанныя имъ слова почти испугали жену его.

— Открой, пожалуйста, окно, — продолжалъ онъ и снова повторилъ свою шутку:—вотъ какой я сталъ жадный...

— Но... ночной воздухъ... сквознякъ...—попробовала возразить Мари.

Больной разсердился.

— Если ты... видя мое положеніе... отказываешь въ такой пустой просьбѣ... то я ужь не знаю...

Digitized by Google

— Прости, другъ мой! Я вѣдь боялась за тебя же.

Она встала и, вмѣстѣ со ставнями, открыла стеклянную дверь, выходившую на узенькій балкончикъ. Луна такъ и освѣтила комнату. Мари прижала обѣ руки къ груди и потянула въ себя душистый ночной воздухъ; онъ освѣжилъ ея усталое пылающее лицо.

— Вотъ такъ хорошо?—спросила она, поворачиваясь къ больному.

— Такъ хорошо,—повторилъ онъ, кивая головой.

Мари вышла на балконъ, но тотчасъ же въ испугѣ отступила назадъ, въ комнату. То, что̀ представилось ея глазамъ, имѣло видъ привидѣнія.

«Ахъ, это моя сосѣдка»!—сообразила она и, подавивъ волненіе, снова вышла на балконъ. Съ любопытствомъ и легкимъ замираніемъ сердца осматривала она свою сосѣдку. Лицо француженки было ярко освѣщено луною; глаза ея горѣли огнемъ страстнаго ожиданія, улыбка скользила по нервно-вздрагивавшимъ губамъ; руки, схватившись за перила балкона, также слегка вздрагивали. Сердце Мари продолжало учащенно биться, кровь ударила ей въ лицо. «Что̀ это такое?—спрашивала она себя,—что̀ съ нею»? Такого взгляда, такой улыбки она ни у кого не видала, а, между тѣмъ, и то, и другое какъ будто было ей понятно и знакомо... Все это въ связи съ томительной «тайной»... «Такъ смотритъ и такой видъ имѣетъ женщина, которая... которая»...

Мари не успѣла найти опредѣленія, какъ раздавшійся въ комнатѣ удушливый кашель заставилъ ее поспѣшить къ больному. Онъ, задыхаясь, рукою дѣлалъ ей знаки затворить балконную дверь... Лучше было бы, еслибъ она ея вовсе не отворяла... лучше для самой Мари. Она присѣла къ изголовью мужа и поддерживала его голову, пока тотъ не успокоился. Наконецъ, страдалецъ въ изнеможеніи опустился на подушку; рука его искала ея руки; она разсѣянно-нѣжно поглаживала его исхудалые пальцы—мысли же ея, непокорныя волѣ, заняты были бѣлой женской фигурой на сосѣднемъ балконѣ. То чувство жажды счастья и удовлетворенности, которое въ эти послѣдніе тревожные дни совсѣмъ оставило ее, воскресло въ ней съ новой небывалой силой...

— Ты всегда была добра ко мнѣ, Мари, всегда терпѣлива!—тихо заговорилъ больной.

Digitized by Google

— О, не говори такъ!—прошептала она.

— Я былъ бы очень доволенъ, еслибъ могъ, представъ передъ верховнымъ Судіей, сказать, какъ ты: «Господи, долгъ, возложенный тобою на меня, честно исполненъ»!

Рука Мари дрогнула въ рукѣ мужа; какое-то непріятное чувство овладѣло ею. Не укоръ ли для ея сердца звучитъ въ этихъ словахъ? Исполненіе долга... Великій законъ, которому, по волѣ Всевышняго, всѣ должны подчиняться,—этотъ самый законъ соединилъ ихъ руки, былъ постояннымъ хранителемъ ихъ домашняго очага и ея сердца, такъ что полюбить мужа ей было нетрудно... А онъ?.. Онъ ничего больше не требовалъ... ничего другаго не зналъ. Другая любовь, болѣе пламенная, тяготила бы его... онъ считалъ бы ее грѣхомъ. А, между тѣмъ, существуетъ другая любовь! Мари теперь не сомнѣвается въ этомъ... Она прочла ее на лицѣ молодой сосѣдки, въ томныхъ глазахъ того краснваго представителя сильнаго пола, который однимъ присутствіемъ своимъ приводилъ застѣнчивую жену пастора въ смятеніе...

Мари уставилась глазами на красный листокъ абажура; сколько времени она такъ сидѣла, богъ знаетъ; можетъ быть, нѣсколько минутъ, а, можетъ, и гораздо больше... Бывало нерѣдко, что утро заставало ее въ такомъ раздумьѣ. Больной сталъ тяжело дышать; пальцы его сильнѣе сжимали ея руки.

— Тебѣ нехорошо, другъ мой?

— Мнѣ какъ-то страшно!—отвѣтилъ онъ;—прочти мнѣ...

Онъ не докончилъ, чувствуя по рукѣ жены, какъ всю ее передернуло.

— Но если ты не хочешь...—обидѣлся больной.

— О, нѣтъ! Я хочу всего того, что тебѣ пріятно!..

Она поспѣшно сдвинула въ сторону стоявшія на столѣ склянки, схватила молитвенникъ и начала читать наугадъ, что открылось; но ей пришлось очень скоро замолчать — она напала на молитву, въ которой просили о ниспосланіи дождя. Пока она перелистывала молитвенникъ, ища чего нибудь подходящаго, ей послышалось, что дверь сосѣдки изъ коридора тихо скрипнула и легкіе шаги скользнули по ковру, отъ окна къ двери.

— Тише!—прошепталъ по французски дрожащій голосъ и дверь глухо затворилась.

Digitized by Google

«Что это? Кто это»? Явившееся подозрѣніе заставило Мари покраснѣть за себя... Но вотъ начался тамъ, задыхающійся отъ восторга и страха, едва слышный говоръ двухъ голосовъ—мужскаго и женскаго...

Въ глазахъ Мари зарябило; буквы сливались, молитвенникъ выскользнулъ изъ рукъ... Ошеломленная, она уставилась глазами въ дверь сосѣдней комнаты и думала: «Такъ вотъ что бываетъ! Вотъ что творится на свѣтѣ... Между людьми хорошаго общества... воспитанными въ христіанскомъ духѣ... на видъ выше и нравственнѣе другихъ... Есть, стало быть, на землѣ такая сила, которая заставила это нѣжное, хрупкое, лучезарное созданіе пренебречь всѣмъ, забыться до того, что она въ полночь отворила дверь своей комнаты человѣку, не связанному съ ней узами брака! Если это возможно, то что же значатъ слова: долгъ, законъ, женская честь, стыдъ? Неужели это пустые звуки»?..

V.

На Мари нашелъ ужасъ; она боялась громко вскрикнуть, не удержавшись. Испуганно взглянула она на кровать больнаго... Только бы онъ ничего не слышалъ, помилуй Богъ! Она готова была громко говорить, пѣть, смѣяться, лишь бы только заглушить, скрыть отъ мужа, что творилось въ сосѣдней комнатѣ... А шопотъ пламенной волной вливался въ ея уши, жегъ ея слухъ...

Но нѣтъ! Натаніэль ничего не слышитъ; онъ мутными глазами смотритъ въ потолокъ и исключительно занятъ своимъ дыханьемъ. Грудь его тяжко поднимается и опускается, какъ отслужившая службу машина. О молитвахъ онъ, повидимому, забылъ... Мари, боязливо прислушиваясь къ шопоту сосѣдей, спросила мужа:

— Ты спать хочешь, Натаніэль?

Онъ опустилъ вѣки и чуть слышно отозвался:

— Но ты читай...

— Не читать ли мнѣ про себя?

— Читай. Не спи...

Мари поняла, что онъ боится.

— Нѣтъ, нѣтъ, я спать не буду!—успокоила она его.

Digitized by Google

Больной снова погрузился въ работу надъ своимъ дыханьемъ.

Мари взяла снова молитвенникъ. «Буду читать про себя молитвы! Буду; онъ проситъ»! — твердила молодая женщина, дѣлая надъ собой усиліе, но все таки прислушиваясь къ тому, что творилось въ сосѣдней комнатѣ; золотыя цифры на переплетѣ, обозначавшія 1795 годъ, такъ и прыгали передъ ея глазами, а до слуха ея долетали отдѣльныя слова! «Дорогой... милый... я люблю тебя... безумно люблю... умру, любя»!.. Мари закрыла глаза... Чувство конфузливости, стыда и осужденія исчезло. Совѣсть умолкла... Поступокъ француженки показался ей понятнымъ, естественнымъ. Любовь вѣрно доводитъ до безумія... ставитъ людей внѣ обычныхъ условій морали и приличій. Она сильнѣе жизни... сильнѣе смерти. О, какъ Мари хорошо прониклась этимъ убѣжденіемъ... и въ какую минуту! Она заглянула въ свое прошлое и сравнила свою любовь съ чувствомъ, остававшимся ей до нынѣшняго дня неизвѣстнымъ. Какъ пугливо отпрянула она отъ перваго поцѣлуя Натаніэля!.. Какъ, послѣ обряда вѣнчанія, бросилась она на шею матери и зарыдала, мучительно тоскуя о томъ, что должна слѣдовать за этимъ чужимъ мужчиной... Мать сказала ей внушительно: «Покорись мужу, дитя мое, и молись Богу; такова наша женская доля»!.. И вотъ что она, глупая, считала до этого вечера любовью... О, счастливцы, счастливцы!..

— Мари!—глухо простоналъ больной.

— Что?.. Что?..—въ испугѣ вскочивъ со стула, вскрикнула Мари.

— Ты не читаешь...

— Читаю... читаю...

Она дрожащими пальцами перебирала толстые слипавшіеся листы молитвенника, издававшаго запахъ плѣсени и, найдя, наконецъ, то, чего искала, Мари начала беззвучно читать: «Боже, Отецъ небесный! Помилуй насъ»!

Глаза ея читали эти слова по привычкѣ, а сердцемъ и чувствами она говорила: «Прости имъ, Боже милосердый! Благослови ихъ любовь, хотя они и не призывали твоего благословенія»! Пусть они будутъ вѣрны другъ другу до гроба, пусть благодарятъ тебя за ниспосланное имъ счастье... О, счастливцы, счастливцы»!..

Digitized by Google

Слезы умиленія катились по щекамъ вѣрной подруги пастора; желая скрыть ихъ, она припала лицомъ къ раскрытому молитвеннику. Ей вдругъ стало ясно то, что̀ въ этой странѣ вѣчной весны говорили: солнце, луна, море, цвѣтущія изгороди, вѣчная зелень, пѣніе птицъ и смѣхъ людей... Томившая ее тайна была разгадана. Въ мысляхъ Мари произошла перемѣна: образы грѣшниковъ-«счастливцевъ»,—за которыхъ она только что молилась, ступевались, потонули въ туманѣ; ихъ влюбленный шопотъ слышался какъ будто издалека... Мари занялась собой, своей собственной жизнью. Ея прошлое,—исключительно наполненное исполненіемъ долга и обязанностью,—показалось ей тоскливымъ, безотрадно-унылымъ... Въ будущемъ она клялась любить мужа иначе. Вѣдь до сихъ поръ она не любила его... обманула, не исполнила клятвы... То не была любовь... Теперь она должна будетъ вознаградить его сторицей. Она тоже будетъ любить его «до безумія, до смерти»! Безъ такой любви—жизнь ничего не стоитъ... Сердце бѣдной женщины переполнилось нѣжными чувствами, которыя такъ и рвались наружу. Она не спрашивала себя: нуждался ли Натаніэль въ такой любви, пойметъ ли, достоинъ ли ея?—она просто безсознательно отдавалась потребности излить всю силу переполнявшихъ ее чувствъ... Что̀ за дѣло ей, что онъ хилъ, худъ, блѣденъ, слабъ физически, отъ рожденія обладаетъ душою неотзывчивой; что теперь онъ лежитъ полумертвый—она все таки любитъ его... любитъ этой новой страстной любовью, которую она узнала, любитъ потому, что онъ всецѣло принадлежитъ ей, что въ немъ заключается та доля свѣта, счастья и смысла жизни, которая опредѣлена ей судьбой.

Мари встала и протянула руки къ больному.

— Ты мой... мой единственный... мое все!..—шептала она съ мольбой.

Онъ лежалъ смирно. Удушья больше не замѣчалось. Обливаясь восторженными слезами, Мари упала возлѣ кровати на колѣни и цѣловала его руки; но при видѣ, что больной остается ко всему безучастнымъ, на нее стало постепенно находить какое-то оцѣпененіе; вспомнилось ей тоже, что руки мужа показались ей не такими, какъ обыкновенно. Она, притаивъ дыханіе, смотрѣла на него,—наконецъ, рѣшилась дотронуться рукою до его лба... лобъ былъ холоденъ. Пощупала

Digitized by Google

сердце—оно не билось. Тогда она вернулась къ дѣйствительности, поняла... Хотѣла позвонить, позвать людей, но вспомнила, что помощь больше не нужна. Она закрыла глаза и попробовала молиться... Нѣтъ, нельзя! Картины встаютъ въ ея воображеніи: вдовій домикъ, мать сидитъ у кафельной печки, кофейникъ дымится. Сестры, старыя дѣвы, вяжутъ, проворно шевеля спицами. Она сама, Мари, тутъ же между ними сидитъ у окна и безнадежно смотритъ на покрытыя снѣгомъ поля... Она задыхается... задыхается отъ избытка понятаго, но неизвѣданнаго чувства, оттого, что единственное существо, которое ей суждено было любить, въ ея любви больше не нуждается...

А въ сосѣдней комнатѣ говоръ вполголоса продолжался, однозвучный, прерывающійся. Онъ доносился до ушей вдовы Натаніэля. «Милый... дорогой... люби меня... люблю тебя... буду любить до самой смерти»!

Шопотъ влюбленныхъ былъ для Натаніэля отходной; Мари чувствовала, что тѣмъ же былъ онъ и для нея...

Конецъ.

Digitized by Google

Два стихотворенія.

I.

У Балтійскаго моря.

Пусть воды южныя теплѣй
И ярче блещутъ на просторѣ,—
Но все же сѣверное море
Мнѣ ближе какъ-то и милѣй.

Иду на берегъ я отлогій
По влажно-бархатнымъ пескамъ,
И волны падаютъ мнѣ въ ноги,
Ласкаясь къ нѣжнымъ берегамъ..

Шумитъ и пѣнится холодный
Сапфирно-изумрудный валъ;
А тамъ челнокъ въ пустынѣ водной—
Вотъ показался, вотъ пропалъ!..

И въ сердцѣ тѣ же все порывы
И тотъ же неумолчный шумъ,—
Любви приливы и отливы,
И волны безпокойныхъ думъ.

Digitized by Google

II.

Юной пѣвицѣ.

И смѣялись и плакали пѣсни твои,—
Разгоралась въ нихъ страсть молодая;
И сливалися съ сердцемъ созвучій ручьи,
Въ океанѣ любви пропадая...

Раздавался мечты сладкозвучный прибой,
Заглушая земныя печали;
И роднили меня эти пѣсни съ тобой,
И влюбленной душѣ отвѣчали.

Въ нихъ звучало предчувствіе первой любви,—
Расцвѣтала душа молодая;
И смѣялись, и плакали пѣсни твои,
То безпечно звеня, то рыдая!..

П. Петровскій

Digitized by Google

БОЛѢЗНЕННОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ РУССКАГО НАРОДА.

VI.

Попеченіе о «народномъ здравіи» занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ программѣ дѣятельности нашихъ земствъ по отношенію къ общему земскому бюджету. Наши земства вполнѣ сознаютъ всю важность охраненія народнаго здравія. Въ настоящее время есть немало земствъ, которыя чуть не половину своего бюджета тратятъ на это дѣло. Расходы по охраненію народнаго здравія возрастаютъ въ нѣсколько разъ скорѣе остальныхъ расходныхъ статей земскаго бюджета. Земскіе дѣятели серьезно стремятся принять дѣйствительныя мѣры для облегченія страждущаго народа и для улучшенія его здоровья. Но, къ горькому сожалѣнію, нужно сознаться, что, не смотря на сравнительно большія затраты, масса народа до сихъ поръ остается безъ доктора, безъ фельдшера, безъ больницы, безъ акушерки и вообще безъ всякихъ медицинскихъ средствъ... Я не хочу сказать, что этихъ людей нѣтъ въ деревнѣ. Они есть, но ихъ такъ мало, что они теряются, и, чтобы попасть къ нимъ, нужно проѣхать иногда десятки верстъ.

На основаніи офиціальныхъ свѣдѣній приходится:

Квадратныхъ верстъ:

на одного земскаго врача:				на одного фельдшера:			
Менѣе	1,000—	» въ	6 губ.	менѣе	400—	»	11 губ.
отъ	1,000— 1,500	»	9 »	отъ	400— 600	»	12 »
»	1,500— 2,000	»	9 »	»	600— 1,000	»	5 »
»	2,000— 3,000	»	3 »	свыше	1,000—	»	6 »
»	3,000— 4,000	»	4 »				
»	4,000—10,000	»	1 »				
свыше	10,000	»	2 »				

Жителей:

на одного земскаго врача:				на одного фельдшера:			
менѣе	25,000—	» въ	3 губ.	менѣе	5,000—	» въ	1 губ.
»	25,000—30,000	»	3 »	отъ	5,000—10,000	»	8 »
»	30,000—40,000	»	7 »	»	10,000—15,000	»	13 »
»	40,000—50,000	»	9 »	»	15,000—20,000	»	8 »
»	50,000—60,000	»	5 »	»	20,000—25,000	»	3 »
»	60,000—70,000	»	2 »	свыше	25,000—	»	1 »
свыше	70,000—	»	5 »				

Digitized by Google

Приведенная мною таблица рельефно рисуетъ, въ какомъ положеніи находится земская медицина. Районъ дѣятельности земскаго врача слишкомъ обширенъ—отъ 1,000 до 10,000 кв. вер. и отъ 25,000 до 70,000 жителей. Требовать отъ земскихъ врачей, чтобы они были дѣйствительными, фактическими, а не номинальными врачами, рѣшительно невозможно. Что могутъ сдѣлать эти люди? Вѣдь, ихъ единицы—не болѣе!.. Но допустимъ даже совершенно невозможное: что докторовъ и фельдшеровъ въ деревнѣ совершенно достаточно,—и при этомъ условіи мы все таки не можемъ не признать, что вся земская медицинская дѣятельность, если и не оказалась совершенно безплодною, то далеко не удовлетворяетъ тѣхъ ожиданій и надеждъ, которыя возлагаются на нее, потому что она имѣетъ дѣло съ проявленіями болѣзни, а не съ причинами, порождающими заболѣваніе. Мы едва ли погрѣшимъ, если скажемъ, что земская дѣятельность въ области охраненія и поддержанія народнаго здравія уподобляется работѣ Данаидъ. Мы не желаемъ ни бросать укора на земско-медицинскую дѣятельность, ни рисовать ее въ радужныхъ краскахъ, а хотимъ только указать на дѣйствительное ея значеніе; хотимъ только поставить на видъ, что она можетъ и чего не можетъ сдѣлать, чего отъ нея мы можемъ ожидать и чего не можемъ. Если она мало сдѣлала, то это не ея вина, а скорѣе вина тѣхъ условій, среди которыхъ ей приходится дѣйствовать, Необходимо знать тѣ условія, при которыхъ происходитъ земско-медицинская дѣятельность, — обстановку, создающую заболѣваемость и смертность народа.

Расходы земствъ на дѣло охраненія народнаго здравія занимаютъ — какъ мы сказали — первое мѣсто въ земскомъ бюджетѣ. Дальнѣйшее увеличеніе расходовъ на этотъ предметъ едва ли возможно. Слѣдовательно, на увеличеніе численности медицинскаго персонала нечего и разсчитывать. Привлеченіе вольнопрактикующихъ врачей въ деревню немыслимо! Нѣтъ въ деревнѣ вольныхъ аптекъ, нечѣмъ платить за совѣты. А, между тѣмъ, потребность въ лѣченіи также необходима, какъ и потребность въ пищѣ. Въ деревнѣ положительно недостаетъ врачебныхъ силъ, благодаря чему населеніе лишено возможности пользоваться услугами медицины. Число обращающихся къ врачебной помощи находится въ зависимости не отъ результатовъ заболѣванія, а отъ цѣлаго ряда причинъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ заболѣванію. Крестьянинъ лѣчится не тогда, когда боленъ, а когда имѣетъ досугъ для того. Лѣтомъ амбулаторіи пусты: крестьянину не до лѣченія; въ это время онъ забываетъ всѣ свои болѣзни. Осенью и зимою немного свободнѣе, и число больныхъ тотчасъ же увеличивается. Близость больницы, хорошая дорога,—все это отражается на дѣятельности амбулаторій.

Наши земскія медицинскія учрежденія, главнымъ образомъ, устроены для терапіи. У нихъ нѣтъ иниціативы: они или ждутъ больнаго къ себѣ, или въ опредѣленное время сами ѣдутъ отыскивать больныхъ. Поэтому, какъ *разъѣздная система* врачей, такъ и *стаціарно-пунктовая* мало удовлетворяютъ потребностямъ и нуждамъ деревенскаго населенія. При *разъѣздной* системѣ, больнымъ

Digitized by Google

приходится болѣть непремѣнно къ опредѣленному дню, когда врачъ пріѣзжаетъ въ деревню. Врачебные пункты большею частью находятся при волостныхъ правленіяхъ, куда и стекаются больные. Земскій врачъ покидаетъ разъ въ мѣсяцъ свою резиденцію и отправляется по своему околодку. Трудно ожидать отъ подобной поѣздки какой либо существенной пользы для больныхъ. Посмотрѣлъ больныхъ, прописалъ лѣкарство, а тамъ — прощай на цѣлый мѣсяцъ! Лѣчись, какъ знаешь и умѣешь.

Разъѣздная система вызвана крайнею недостаточностью земскихъ врачей. Земства, желая сдѣлать врачебную помощь болѣе равномѣрною для всѣхъ крестьянъ, устроили такую организацію медицины, при которой земскій врачъ долженъ разъѣзжать по своему участку въ извѣстные опредѣленные дни. Принявши во вниманіе районъ дѣятельности земскаго врача (minimum1,000 кв. вер. и количество жителей — minimum 25,000)—мы должны прійти къ заключенію, что докторъ, для того чтобы быть на высотѣ своего призванія и принести дѣйствительную пользу, долженъ вѣчно находиться въ разъѣздахъ. Но подобные разъѣзды, само собою понятно, крайне обременительны для самихъ врачей и безполезны для больныхъ. При мимолетномъ осмотрѣ больнаго, серьезная помощь ему почти немыслима. На каждомъ остановочномъ пунктѣ врачу приходится иногда осмотрѣть болѣе сотни больныхъ. Что онъ можетъ сдѣлать, при такомъ громадномъ количествѣ больныхъ, въ интересахъ больнаго? Почти ничего. Мало того: земскій врачъ обязанъ выѣзжать по приглашенію каждаго земскаго плательщика и постоянно навѣщать селенія, пораженныя какой либо эпидеміей, такъ что его дѣятельность и служба проходитъ исключительно въ разъѣздахъ. Земскіе врачи скоро стали тяготиться подобной постановкой дѣла, считая ее почти безполезной. Серьезная помощь большею частью несовмѣстима съ мимолетнымъ осмотромъ больнаго. Кромѣ того, сроки пріѣзда врача въ какое либо селеніе не всегда совпадаютъ со временемъ болѣе или менѣе тяжелыхъ заболѣваній. При разъѣздной системѣ, врачъ рѣдко бываетъ дома, и больные обыкновенно затрудняются: гдѣ и когда его найти. Разъѣздная система вредна и для самого врача: находясь постоянно въ разъѣздахъ, онъ забываетъ о своемъ здоровьѣ.

Стаціарно-пунктовая система лучше разъѣздной, потому что каждый больной всегда можетъ разсчитывать, пріѣхавши въ больницу, застать врача. Послѣдній постоянно находится при больницѣ и дожидается больныхъ, дѣлая выѣзды изъ больницы лишь въ исключительныхъ случаяхъ,—къ трудно больнымъ. Но и эта система не достигаетъ своей цѣли. Медицинская помощь при ней оказывается неравномѣрною: больные, находящіеся ближе къ амбулаторіи, чаще пользуются услугами врача, чѣмъ далеко отстоящіе. Кромѣ того, отдаленность больницы служитъ большимъ препятствіемъ для трудно-больныхъ. Возможно ли ожидать большой пользы отъ больницы, отстоящей нерѣдко отъ мѣстожительства больнаго на 20—25 верстъ? Трудно-больному и не добраться до нея! Бывали такіе случаи, что больной, пріѣхавъ за 20—25 верстъ въ больницу, долженъ возвращаться обратно, такъ какъ его, за недо-

Digitized by Google

статкомъ мѣста, отказываются принять. Серьезно больные ѣдутъ въ больницу крайне неохотно. Большинство изъ нихъ лѣчатся у себя на дому домашними средствами, которыя имъ усердно прописываютъ знахари и знахарки.

Обѣ системы, такимъ образомъ, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики! И та, и другая—не лѣченье, не дѣйствительное пользованіе больныхъ, а лишь одна формальность.

Стремленіе къ равномѣрному распредѣленію врачебной помощи среди всего крестьянскаго населенія вызвало устройство «фельдшерскихъ пунктовъ». Но многіе земскіе врачи сразу повели атаку противъ фельдшеризма. Они находятъ, что самостоятельная дѣятельность фельдшеровъ въ качествѣ врачевателей,—при ихъ ограниченныхъ познаніяхъ въ области физіологіи, патологіи и терапіи,—не только безполезна, но прямо вредна. Желаніе дискредитировать вѣру въ фельдшеровъ, можетъ быть, и можно было бы назвать похвальнымъ, но только при другихъ условіяхъ, а именно: когда мѣсто каждаго теперешняго фельдшера займетъ врачъ, опытный и въ физіологіи, и въ патологіи, и въ терапіи. Но пока этого нѣтъ,—и еще не скоро мы этого дождемся, — мы должны довольствоваться и фельдшерами, теоретически плохо подготовленными. Лучше что нибудь, чѣмъ ничего. Намъ кажется, что въ этой борьбѣ съ фельдшеризмомъ проявляется обычное пренебреженіе спеціалистовъ къ неспеціалистамъ. Этотъ вопросъ долженъ разбираться относительно: пока земство не можетъ открыть вездѣ больницы съ врачемъ, пусть будутъ фельдшера. Близкій фельдшеръ полезнѣе отдаленнаго доктора. Когда въ каждомъ селѣ будетъ свой докторъ,—фельдшеризмъ падетъ самъ собою. Деревни, отдаленныя на 25—30 верстъ отъ больницы, почти de facto лишены медицинской помощи. Потребность въ фельдшерахъ слишкомъ велика, чтобы она могла быть искоренена. Противниками фельдшеровъ явились особенно молодые и энергичные врачи. Они указываютъ на ихъ недостаточную подготовку, на свойственныя имъ злоупотребленія ядовитыми и сильно дѣйствующими средствами, на грубое и безсердечное обращеніе съ больными, на угодливость ихъ по отношенію къ сельскимъ властямъ. Для правильнаго и успѣшнаго врачеванія болѣзней, прежде всего, нужно правильное ихъ распознаваніе, которое для фельдшеровъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, невозможно. Видный и осязательный успѣхъ врачеванія достигается оперативными пособіями и назначеніемъ сильно дѣйствующихъ средствъ. Ни то, ни другоене доступно для фельдшеровъ. Имъ одинаково недоступна и терапія, которая основана на пониманіи значенія гигіены и на цѣлесообразномъ примѣненіи извѣстнаго режима.

Всѣ эти указанія, конечно, не лишены фактической основы; но логическій выводъ изъ нихъ—не презрѣніе, а упорядоченіе самостоятельной дѣятельности фельдшеровъ и лучшій, болѣе серьезный надзоръ за ихъ теоретической и практической подготовкой. У насъ врачей недостаетъ не только для деревни, но и для нѣкоторыхъ городовъ, хотя они и сконцентрированы въ послѣднихъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, а также громаднымъ пространствамъ, на которыхъ раскинуты наши села и деревни, на ихъ долю при-

Digitized by Google

ходится слишкомъ незначительное количество врачей. По официальнымъ даннымъ, въ Россіи числилось въ 1896 г. 16,400 врачей-мужчинъ и около 580 врачей-женщинъ. Но громадное большинство ихъ живетъ въ крупныхъ центрахъ; такъ, въ Петербургѣ числится около 1,500 врачей; въ Москвѣ—до 1,000; въ Варшавѣ и Одессѣ—по 500 и т. д. Между тѣмъ, на 33,000 человѣкъ сельскаго населенія приходится въ среднемъ одинъ только врачъ. Въ отдѣльности, по губерніямъ, это отношеніе еще печальнѣе.

На 100,000 жителей приходится:

въ Россіи	8,4	врача
» Швеціи	14,8	»
» Италіи	18,9	»
» Австріи	20,8	»
» Голландіи	21,8	»
» Норвегіи	26,9	»
» Германіи	30,9	»
» Франціи	31,1	»
» Бельгіи	45,1	»
» Швейцаріи	52,2	»
» Ирландіи	53,8	»
» Англіи	63,8	»
» Шотландіи	64	»

На одного земскаго врача, — какъ мы уже ранѣе говорили,— приходится отъ 30 до 70 тыс. жителей и отъ 1,000 до 10,000 кв. верстъ. Между тѣмъ, въ Англіи одинъ врачъ приходится на 1,700 жителей и на 1,7 кв. вер., а въ Норвегіи—одинъ врачъ на 3,630 человѣкъ и на 566 кв. вер.

VII.

Очевидно, что врачебная помощь народу у насъ крайне недостаточна и должна быть усилена. Но какъ ее усилить, откуда набрать нужный врачебный персоналъ и гдѣ достать денегъ на содержаніе врачей и больницъ? Для того чтобы сравняться съ Англіей количествомъ врачей, намъ нужно имѣть не менѣе 70,000 врачей, вмѣсто теперешнихъ 17,000. Но достанетъ ли у нашего крестьянина платежныхъ средствъ, чтобы содержать одного врача на 1,700 человѣкъ, какъ въ Англіи? На усиленіе врачебной помощи народу, путемъ увеличенія количества врачей, надѣяться крайне трудно: во-первыхъ, потому, что врачъ слишкомъ дорогъ для деревни, а, во-вторыхъ, потому что еслибы даже было учреждено въ каждомъ губернскомъ городѣ по медицинскому факультету, и то не достало бы врачей, и они неохотно пошли бы въ деревню, потому что деревенская жизнь для врача, какъ интеллигентнаго человѣка, слишкомъ непривлекательна. Слишкомъ много нравственной борьбы и душевныхъ мукъ выпадаетъ на долю людей, посвятившихъ себя служенію деревнѣ!

Digitized by Google

Слѣдовательно, земская медицина не существуетъ у насъ въ строгомъ смыслѣ слова,—какъ, напр., въ Англіи. Въ большинствѣ случаевъ, сельское населеніе является безпомощнымъ—безъ врача, безъ фельдшера, безъ больницы и безъ всякихъ врачебныхъ средствъ. Что значатъ 3—5 врачей на цѣлый уѣздъ, на 100 тыс. жителей? Крестьянинъ и теперь еще продолжаетъ лѣчиться молитвою да русскимъ «авось», а гдѣ ни то, ни другое не помогаетъ, то прибѣгаетъ къ знахарямъ и знахаркамъ да къ своимъ домашнимъ средствамъ... Въ этомъ случаѣ фельдшеръ, какъ бы онъ ни былъ плохъ, все таки, располагая извѣстнымъ спеціальнымъ образованіемъ, которому онъ посвятилъ 2—3 года, можетъ быть полезенъ: патологія русскаго мужика не столь обширна, а діагнозъ его болѣзней не столь загадоченъ. Русскій мужикъ болѣетъ однѣми и тѣми же болѣзнями, которыя достаточно прослѣдить внимательно 2 — 3 раза, чтобы не ошибаться въ нихъ впослѣдствіи Но развѣ сами врачи не ошибаются?

Люди, знакомые съ деревнею и ея жизнью, врачи и не-врачи все болѣе и болѣе начинаютъ приходить къ заключенію, что земство и земскіе врачи стоятъ на ложномъ пути: задача—лѣчить народъ, при существующихъ бытовыхъ и экономическихъ условіяхъ, порождающихъ болѣзнь,—то же самое, что наполнять бочку Данаидъ. Сколько не лѣчи, а народъ все таки будетъ болѣть. Сегодня поставили паціента на ноги, а завтра онъ опять заболѣлъ. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы утверждать, что земская медицина безсильна и безполезна... Не только въ обществѣ, но и между спеціалистами-врачами все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что собственно *лѣчебная* медицина безсильна противъ большинства болѣзней. Все, что она можетъ сдѣлать, это — помочь при нѣкоторыхъ острыхъ заболѣваніяхъ, отравленіяхъ, увѣчьяхъ и пр. Всѣ же хроническія заболѣванія,—все то, что собственно и разстраиваетъ организмъ человѣка и въ концѣ концовъ сводитъ его въ могилу,—все это почти недоступно для воздѣйствія научной медицины... Лѣкарства тутъ, въ большинствѣ случаевъ, безсильны, да и самыя болѣзни почти всегда неизлѣчимы. Болѣзни легкихъ, сердца, заболѣванія желудка, печени, кишекъ и др.,—все это почти недоступно для радикальнаго излѣченія. Лучшее, чего можно достигнуть въ такихъ случаяхъ, это—временно пріостановить, замедлить болѣзненный процессъ. Врачъ въ такихъ случаяхъ стоитъ у постели больного только благороднымъ свидѣтелемъ. Ему можно напомнить слова Гиппократа: «Если не можешь помочь, то не вреди». Правда, лѣченье, особенно оперативное, уменьшаетъ число смертныхъ случаевъ, останавливаетъ развитіе болѣзни въ самомъ началѣ, сокращаетъ продолжительность болѣзни. Часто какая нибудь пустячная операція спасаетъ человѣка. Кромѣ того, лѣченіе дѣлаетъ организмъ болѣе здоровымъ и менѣе воспріимчивымъ къ болѣзнямъ. Этого никто не будетъ оспаривать,—но, однако, не нужно упускать изъ виду того, что лѣченіе нашего крестьянина лѣкарствами, по мнѣнію самихъ же докторовъ, не всегда достигаетъ желаемой цѣли. Д-ръ Чемякаевъ, напр., говоритъ, что «при всѣхъ существующихъ условіяхъ наше лѣченіе, со всею массою выхваляемыхъ лѣкарствъ, не

Digitized by Google

имѣетъ почти никакого значенія. Многія матери отлично это понимаютъ,—съ тяжелымъ сердцемъ выслушиваютъ всѣ наши совѣты и уносятъ съ собою изъ лѣчебницы еще бо́льшую увѣренность, что ребенку не встать». Это же подтверждаетъ и д-ръ Святловскій. «Мы чрезчуръ мало въ состояніи помочь при дѣтскихъ эпидеміяхъ. Всѣ наставленія объ уходѣ за больными дѣтьми пропадаютъ даромъ, такъ какъ исполнить ихъ немыслимо при домашней обстановкѣ и укоренившихся обычаяхъ. Можно ли говорить о лѣченіи, когда больной ребенокъ лежитъ на полу или на печкѣ?.. Мы обходимъ тифозныхъ больныхъ, даемъ имъ хининъ, если запасъ его не истощился... записываемъ больныхъ, назначаемъ соотвѣтствующую діэту, пытаемся произвести слабый намекъ на дезинфекцію и изоляцію больныхъ, но... надо же сознаться, что все это равносильно стремленію заклепать пластыремъ прорвавшуюся плотину? Хининъ несомнѣнно можетъ понизить температуру больнаго, если его давать въ надлежащемъ количествѣ и въ надлежащее время дня,—но его слѣдуетъ давать въ теченіе всего лихорадочнаго періода болѣзни, въ теченіе 2—3 недѣль; крестьянинъ же принимаетъ его не болѣе 2—3 разъ и бросаетъ, такъ какъ никакого субъективнаго облегченія не получаетъ. Жаропонижающій (водяной) методъ лѣченья... Но мы съ усиліемъ проводимъ его даже въ нашей частной практикѣ, когда есть возможность изо-дня въ день слѣдить за больнымъ:—какая же возможность назначать его въ полухолодной хатѣ крестьянина, гдѣ порой некому дать больному напиться воды, гдѣ нѣтъ ни одной простыни, ни одного одѣяла, а ванной можетъ служить только такъ называемый «перерѣзъ» (бочка перерѣзанная пополамъ)? Діэта? Но говорить о діэтѣ въ домѣ, гдѣ вся пища состоитъ изъ хлѣба и картофеля, по меньшей мѣрѣ насмѣшка». Не только лѣчить больнаго, но и локализировать болѣзнь—почти нѣтъ никакой возможности. Изолировать больнаго, такъ сказать, выдѣлить его изъ семьи?.. но тутъ на сцену является очень сложный вопросъ: куда его помѣстить, чтобы ни семья его, ни сосѣди не имѣли съ нимъ никакого сообщенія? Мыслимо ли это въ деревенской обстановкѣ? При эпидеміяхъ, обязанности земскаго врача еще болѣе осложняются, и въ этомъ дѣлѣ онъ оказывается почти безпомощнымъ. Главное вниманіе при эпидеміяхъ обращается на дезинфекцію; но можно ли говорить серьезно о дезинфекціи въ деревнѣ? Врачу приходится прибѣгать къ ней лишь только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ,—и то къ временной, поверхностной дезинфекціи. «А поверхностная дезинфекція,—говоритъ докторъ Святловскій,—въ родѣ той дезинфекціи, которая практикуется въ деревняхъ (въ случаѣ какихъ либо эпидемій) не достигаетъ своей цѣли и, слѣдовательно, доставляя лишнія хлопоты и безпокойства семьѣ, живущей въ дезинфецируемой хатѣ, является безполезною тратою дезинфекціонныхъ средствъ и совершеннымъ убійствомъ времени для медицинскаго персонала, занимающагося дезинфекціей. Большею частью, эти сельскія дезинфекціи сводятся къ слѣдующему: хозяйкѣ отпускается карболовая кислота и хлорная известь, съ наставленіемъ—первую вливать въ воду, которой будутъ обмываться лавки и нары, а вторую—всыпать въ глину, которой будутъ мазаться стѣны хаты. Затѣмъ, всѣ вещи

Digitized by Google

выносятся изъ зараженной хаты или во вторую половину избы, или въ сѣни, или на дворъ, и хату наполняютъ парами сѣры или хлора, заперевъ въ ней предварительно печную трубу, ставни оконъ и дверь. По истеченіи сутокъ, дезинфекція оканчивается, хата провѣтривается, и семья снова водворяется въ ней со всею рухлядью, съ гирляндами лука, полостями, ряднами, старыми кожухами и пр. Смѣшно было бы думать, что послѣ такой передряги хата дезинфецирована. Больной лежалъ не на голыхъ нарахъ, не на стѣнахъ и не на потолкѣ. Подъ нимъ была вся эта рухлядь, которую хозяйка тщательно вытаскивала изъ хаты во избѣжаніе порчи ея господами лѣкарями. Бѣлье его давно находится вмѣстѣ съ бѣльемъ прочей семьи. Всѣ выдѣленія его — мокрота, слюна, рвота — давно уже поглощены. Должно считать зараженными рѣшительно всѣ предметы, окружавшіе больнаго,—въ томъ числѣ и гирлянды лука, висѣвшія надъ его постелью, и мѣшокъ, который вытянули изъ-подъ изголовья больнаго, чтобы насыпать въ него хлѣбъ или муку и т. п. Какой же смыслъ обмыванія карболовой кислотой и хлоромъ лавокъ и стѣнъ? Какимъ образомъ перебрать весь скарбъ, размѣщающійся въ хатѣ и сѣняхъ нашего хозяина, дезинфецировать каждую вещь отдѣльно, да еще и не портить ея, если съ нашей точки зрѣнія эта вещь не болѣе, какъ хламъ, тогда какъ съ точки зрѣнія крестьянина она не только не хламъ, но цѣнная принадлежность хозяйства? А земляной полъ? Вѣдь, его слѣдовало бы выкопать, землю выбросить и на мѣсто его навозить новой земли и глины, а чего бы стоило все это? Такимъ образомъ, мы видимъ, что вся обстановка крестьянской хаты такова, что дезинфекція, при настоящемъ положеніи вещей, буквально немыслима».

Теперь ясно, что наши земства и земскіе врачи находятся на неправильномъ пути, избравъ своимъ главнымъ дѣломъ—лѣченіе народа. Едва ли ихъ дѣятельность на этомъ пути можетъ быть дѣйствительною и плодотворною. Какія врачебныя средства могутъ парализовать болѣзнь, когда каждое жилище—источникъ заразы, когда въ деревнѣ нѣтъ чистой воды, когда каждый шагъ крестьянина, каждое его движеніе совершаются въ крайне негигіеничной обстановкѣ, когда условія питанія, жизни и обстановки всего народнаго труда идутъ наперекоръ всѣмъ требованіямъ медицины!!

Поэтому, мы вправѣ требовать отъ врачей, чтобы они употребляли свои знанія и свѣдѣнія на то: какъ уменьшить число заболѣваній и предупредить возникновеніе и развитіе болѣзней. Конечно, никто не рѣшится оспаривать, что желаніе—облегчить и сократить страданія людей—вещь хорошая, но въ виду того, что, при теперешнемъ экономическомъ и бытовомъ положеніи нашей деревни, крайне трудно, почти даже невозможно лѣчить, наши земства и земскіе врачи должны вступить на новый путь: не лѣчить только, но направить свои силы на устраненіе болѣзнетворныхъ началъ и причинъ, позаботиться объ улучшеніи санитарныхъ условій деревни, деревенскаго быта и труда. Земскіе врачи должны обратиться къ *санитарной медицинѣ*, которая имѣетъ своею задачею предупреждать заболѣванія, — прекращая ихъ въ зародышѣ, изслѣдуя всѣ причины и вліянія, которыя могутъ сдѣлать человѣка больнымъ.

Digitized by Google

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ современной врачебной наукѣ совершился коренной переворотъ, имѣющій высокое значеніе: *на мѣсто попеченія о больномъ человѣкѣ, на первый планъ выступаетъ забота о здоровомъ*. По словамъ одного изъ величайшихъ русскихъ докторовъ—Пирогова,—*«истинный прогрессъ медицинской науки заключается въ гигіенѣ. Будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной. Эта наука, идя рука объ руку съ государственною, принесетъ несомнѣнную пользу человѣчеству»*. Эти золотыя слова великаго учителя должны быть выгравированы на мраморѣ и должны быть прибиты надъ входною дверью каждаго медицинскаго учрежденія, выпускающаго изъ своихъ стѣнъ врачей или фельдшеровъ,—чтобы они могли взять ихъ девизомъ для своей практической дѣятельности.

Наши медицинскія учрежденія, начиная съ «медицинскаго совѣта» и кончая земскимъ врачемъ, конечною своею цѣлью имѣютъ, чтобы люди менѣе умирали и менѣе болѣли. Они имѣютъ нѣкоторое вліяніе на теченіе и исходъ болѣзни, но на ея начало — ни малѣйшаго. Они могутъ только уменьшить страданія, сократить ходъ болѣзни и иногда отвратить смерть. Но не въ ихъ власти,—при современной постановкѣ медицинской дѣятельности,—уменьшить число болѣзнетворныхъ началъ и тѣмъ уменьшить число пораженій тою или другою болѣзнью. Felix, qui potest rerum cognoscere causas... Гигіена же изслѣдуетъ всѣ вліянія, которыя могутъ сдѣлать человѣка больнымъ. Точкою отправленія ея является стремленіе найти тѣ законы, которые управляютъ здоровьемъ человѣка, и изслѣдовать всѣ тѣ общественныя и частныя явленія, которыя такъ или иначе способствуютъ нарушенію физіологическихъ, т. е. нормальныхъ, отправленій человѣческаго организма. Гигіенистъ имѣетъ въ виду всегда лишь человѣка, поставленнаго въ извѣстныя условія, отъ которыхъ онъ можетъ болѣть или умирать. Онъ ищетъ причинной связи между явленіями природы и соціальной жизни съ одной стороны и нарушеніями физіологическихъ отправленій человѣка, его болѣзненностью и смертностью — съ другой. Принимая больныхъ въ амбулаторіяхъ, врачи, конечно, даютъ гигіеническіе совѣты больному населенію: и относительно того, что ѣсть и пить, и относительно того, какой образъ жизни вести. Но этого слишкомъ недостаточно, потому что врачъ очень рѣдко видитъ своихъ пацієнтовъ, а слѣдовательно и не можетъ долго бесѣдовать съ ними. Ждать воздѣйствія однихъ амбулаторныхъ врачей,—какъ главныхъ проводниковъ гигіеническихъ воззрѣній въ народъ,—пришлось бы слишкомъ долго, да и трудно, притомъ, утвердительно сказать, насколько этотъ способъ дѣйствителенъ и надеженъ. А, между тѣмъ, болѣзни и эпидеміи—тифъ, дифтеритъ, сифилисъ—не ждутъ. Правда, еще на III Пироговскомъ съѣздѣ Общества русскихъ врачей былъ поднятъ вопросъ о введеніи преподаванія гигіены въ народныхъ школахъ, объ изданіи популярно изложенныхъ книжекъ по элементарной анатоміи, физіологіи, гигіенѣ и, вообще, о распространеніи самыхъ элементарныхъ гигіеническихъ и санитарныхъ свѣдѣній среди простаго народа. Этими же вопросами серьезно интересовался и V Пироговскій съѣздъ русскихъ врачей (1894 г.). Но,—

Digitized by Google

какъ у насъ нерѣдко бываетъ, — потолковали, поспорили, а къ окончательному рѣшенію этихъ вопросовъ до сихъ поръ еще не пришли...

Наши врачи должны изыскать средства къ скорѣйшему ознакомленію нашей народной массы съ гигіеническими и санитарными требованіями, должны отыскать наилучшіе способы—сблизиться съ народомъ, войти къ нему въ довѣріе и окончательно, всецѣло расположить его къ принятію медицинскихъ и гигіеническихъ требованій въ интересахъ его здоровья.

VIII.

Успѣшности проведенія медицинскихъ и санитарныхъ знаній въ народную среду,—какъ я уже говорилъ,—кромѣ отсутствія въ достаточномъ числѣ врачей и фельдшеровъ, препятствуетъ еще невѣжество простаго народа, благодаря которому онъ и при достаточномъ количествѣ медиковъ будетъ все таки противодѣйствовать проведенію въ его среду научныхъ медицинскихъ мѣропріятій. Поэтому наши врачи являются оторванными отъ почвы и, при затратѣ даже достаточныхъ усилій, достигаютъ сравнительно незначительныхъ результатовъ, а при возникновеніи большихъ эпидемій снова должны, какъ и въ 1892 холерномъ году, встрѣтиться со стихійной враждой.

Для устраненія этихъ серьезныхъ препятствій, необходимо воспользоваться такимъ проводникомъ гигіеническихъ и санитарныхъ мѣропріятій въ народѣ, который находился бы среди него же и составлялъ бы плоть отъ плоти и кость отъ костей его. Шесть лѣтъ назадъ, въ новоладожскомъ уѣздѣ возникла мысль призвать взрослую крестьянскую дѣвушку на дѣло ухода за больнымъ крестьянствомъ, въ качествѣ сельской сестры милосердія. Мысль эта встрѣтила горячее сочувствіе со стороны мѣстныхъ земскихъ дѣятелей. Предложеніе организовать кадры сельскихъ сестеръ милосердія принадлежитъ земскому врачу новоладожской больницы А. С. Петровскому и священнику о. Константину Лорченко.

Г. Петровскій указываетъ въ изданной имъ брошюрѣ: «Деревенскія сестры милосердія» (Спб. 1893 г.) на взрослыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, прошедшихъ курсъ народной школы, какъ на одинъ изъ способовъ воздѣйствія на простой народъ, т. е. на способъ сближенія съ крестьянствомъ на гигіенической и санитарной почвѣ, не дожидаясь того времени, когда въ каждой деревнѣ появится врачъ или фельдшеръ, когда общее образованіе разовьетъ народное сознаніе и подготовитъ его къ пониманію разумности и цѣлесообразности санитарныхъ мѣропріятій. Онъ чистосердечно сознаётся, что земская медицинская помощь въ деревнѣ организована хорошо только на бумагѣ, а въ дѣйствительности же народъ остается такимъ же безпомощнымъ, какимъ и былъ до земскихъ врачей. Только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ живетъ земскій врачъ или находится больница, своевременная медицинская помощь кое-какъ гарантирована. Серьезно лѣчить нашъ народъ почти нельзя, потому

Digitized by Google

что больной ко врачу попадаетъ только случайно. Этому препятствуетъ рѣдкость больницъ, бездорожье, разлитіе рѣкъ; отсюда отсутствіе медицинскихъ визитацій становится вполнѣ естественнымъ.

«Изъ моей десятилѣтней врачебной практики,—пишетъ почтенный докторъ Петровскій,—среди деревенскаго населенія я убѣдился, что лѣченіе больныхъ, при существующихъ условіяхъ, приноситъ мало пользы и не можетъ достигать своей цѣли. Больше всего вредитъ правильному веденію медицинскаго дѣла въ деревнѣ отсутствіе въ ней сколько нибудь разумнаго и правильнаго надзора у постели больнаго. Насколько важно послѣднее обстоятельство, о томъ хорошо знаетъ каждый земскій врачъ. Имѣя въ своемъ вѣдѣніи огромные медицинскіе участки, иногда достигающіе до трехъ десятковъ тысячъ населенія, земскіе врачи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ своей практики, не въ состояніи болѣе одного раза посѣтить больнаго. Въ этотъ однократный визитъ врачъ констатируетъ болѣзнь, назначаетъ соотвѣтствующее лѣченіе и даетъ общія указанія относительно ухода во время болѣзни, пріема лѣкарствъ; но все это—и лѣченіе, и совѣты, и жизнь больнаго — оставляетъ на произволъ окружающихъ, родныхъ и знакомыхъ, среди которыхъ обыкновенно нѣтъ такого человѣка, которому можно было бы поручить необходимый и правильный надзоръ у постели больнаго. Можно ли, при такихъ условіяхъ, ожидать успѣха отъ назначеннаго врачемъ лѣченія, требующаго исполненія спеціальныхъ медицинскихъ предписаній»?

По его мнѣнію, «первое, что является наиболѣе необходимымъ для правильной и полезной постановки врачебнаго дѣла въ деревнѣ,—это образованіе въ ней такихъ посредниковъ между больнымъ и врачемъ, которымъ можно было бы поручить правильный уходъ за больными. Въ городахъ это дѣло почти исключительно вѣдаютъ сестры милосердія, получившія для того спеціальную подготовку и образованіе; такихъ же сестеръ милосердія должно и вполнѣ возможно воспитать изъ простой народной среды и для потребностей простаго деревенскаго населенія».

Сестра милосердія—это дочь второй половины нашего вѣка, потому что участіе ея въ развитіи филантропіи особенно стало замѣтно не болѣе 40—50 лѣтъ, когда было учреждено международное общество «Краснаго Креста». Съ этого момента женщина изъ скромной, незамѣтной сидѣлки у кровати больнаго дѣлается участницею, наравнѣ съ самоотверженнымъ мужчиною, великаго движенія, направленнаго на пользу ближняго: она самоотверженно обратила свои силы, мягкость своего сердца и на театръ войны, и на мѣста эпидемій. И вездѣ, гдѣ она ни появлялась, она приносила съ собою не только добросовѣстный и тщательный уходъ, но являлась утѣшительницею и успокоительницею въ нравственныхъ страданіяхъ и мученіяхъ. Не одна страница нашихъ военныхъ лѣтописей запечатлѣна описаніемъ мужества и самоотверженности, съ которыми сестры милосердія шли въ рядахъ нашей арміи, терпя съ ними всѣ невзгоды и лишенія военнаго времени. Воспоминанія о добрыхъ и ласковыхъ «сестрицахъ», разнесенныя по всей Россіи вернувши-

Digitized by Google

мися «изъ-подъ турки» нашими солдатами, доселѣ живы и знакомы всѣмъ. Нужно сознаться, что пальма первенства въ воспоминаніяхъ о борьбѣ съ ужасами и страданіями войны, объ уходѣ за ранеными и больными, принадлежитъ скорѣе скромной «сестрицѣ», нежели доктору и фельдшеру. А вѣдь какъ въ крымскую, такъ и въ послѣднюю турецкую войну, въ большинствѣ случаевъ, въ сестры милосердія шли женщины и дѣвицы, не только никогда не изучавшія медицины, но и прямо неподготовленныя ни къ физической работѣ, ни къ нравственнымъ страданіямъ и лишеніямъ. Главный контингентъ сестеръ милосердія дали намъ женскіе монастыри, институты и аристократическіе салоны.

Подвиги первыхъ 120-ти сестеръ, посланныхъ въ 1855 году въ Крымъ Крестовоздвиженскою общиною, организованною благодаря иниціативѣ и энергіи великой княгини Елены Павловны, на первыхъ же порахъ прекрасно доказали, какъ велика потребность во время войны въ такого рода учрежденіи. Первый опытъ превзошелъ всякія ожиданія. Порицанія и недовѣріе смолкли, и явилось подражаніе даже у иностранцевъ. Роль сестры милосердія на войнѣ весьма разнообразна и всегда высоко гуманна. Она всегда являлась вовремя, всюду поспѣвала; въ одномъ мѣстѣ она утѣшала и ободряла нѣжною ласкою больныхъ и раненыхъ, въ другомъ мѣстѣ осторожно и акуратно дѣлала перевязку. Она заботилась о доставленіи больнымъ хорошей пищи, смотрѣла за чистотою и смѣною бѣлья, писала письма солдатикамъ на родину. Подобная сестра милосердія положительно необходима нашей деревнѣ. Кромѣ поданія первоначальной помощи, эти дѣвушки будутъ своевременно указывать на каждый серьезный случай эпидемическихъ и др. заболѣваній, слѣдить за исполненіемъ врачебныхъ совѣтовъ и предписаній. Послѣднее также очень важно для деревни, гдѣ окружающіе больнаго—люди темные и, обыкновенно, неумѣло и небрежно относящіеся къ совѣтамъ врача. Самъ же врачъ не можетъ слѣдить за ходомъ и лѣченіемъ болѣзни, отъ чего часто самые простые случаи заболѣваній кончаются очень печально. Поэтому особенно важно, если уходъ за больными и акуратное исполненіе совѣтовъ врача можетъ принять на себя и вести лицо, близко стоящее къ больному и имѣющее для того хотя бы только небольшія знанія и маленькую опытность.

Зимою 1891 года д-ръ Петровскій рѣшился сдѣлать первый опытъ образованія и подготовленія такихъ низшихъ медицинскихъ агентовъ. При земской Новоладожской больницѣ, благодаря содѣйствію мѣстнаго священника о. К. Лорченко, онъ открылъ, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, курсы для обученія уходу за больными. Евдокія и Марія Харичевы и Евдокія Ильина, окончившія курсъ церковно-приходской школы, во главѣ которой стоитъ о. К. Лорченко, явились первыми ученицами, первыми піонерами, пожелавшими посвятить свои молодыя силы на служеніе простому народу.

«При обученіи этихъ дѣвушекъ, главное вниманіе,—пишетъ д-ръ Петровскій,—я обращалъ на сообщеніе имъ свѣдѣній по уходу за больнымъ, которыя тутъ же, въ больницѣ, подъ моимъ личнымъ руководствомъ примѣнялись на дѣлѣ. Скоро я уже могъ возложить на моихъ ученицъ нѣкоторыя обязанности медицинскаго характера:

Digitized by Google

измѣрять температуру у лихорадочныхъ, дежурить въ палатахъ при больныхъ, наблюдать за пріемомъ лѣкарствъ. На амбулаторномъ же пріемѣ больныхъ я поручалъ имъ перевязку язвъ и ранъ. Кромѣ того, я знакомилъ моихъ ученицъ съ общими характернѣйшими признаками эпидемическихъ болѣзней и главнѣйшими предупредительными мѣрами противъ ихъ распространенія; училъ поданію первоначальной помощи въ простѣйшихъ и неотложныхъ случаяхъ, но больше всего я старался внушить имъ наиболѣе существенныя гигіеническія и санитарныя познанія, столь необходимыя въ деревенской жизни вообще и особенно при лѣченіи всякаго рода болѣзней.

При наступленіи весны, когда каждая рабочая единица дорога для деревни, эти дѣвушки оставили больницу и возвратились въ свои семьи. Пробывъ цѣлую зиму внѣ семьи, едва ли что потеряли онѣ и ихъ родители въ матеріальномъ отношеніи:—зимою въ деревнѣ заработковъ почти нѣтъ никакихъ. Возвратившіяся же домой дѣвушки изъ Новоладожской больницы принесли въ свои семьи новые взгляды, новыя познанія и, наконецъ, возможность заработать впослѣдствіи кусокъ хлѣба новымъ, болѣе разумнымъ и полезнымъ трудомъ, чѣмъ трудъ поденщицы, работницы, горничной и пр. Подготовленіе и обученіе дѣвушекъ къ роли деревенскихъ сестеръ милосердія не ограничилось только одною зимою 1891 г. и однимъ обученіемъ при земской Новоладожской больницѣ: въ слѣдующую зиму 1892 г. двѣ дѣвушки, Евдокія и Марія Харичевы, изъявили согласіе отправиться въ Петербургъ въ общину Христа Спасителя для дальнѣйшаго и окончательнаго усовершенствованія въ избранномъ ими дѣлѣ. На мѣсто этихъ дѣвушекъ явились новыя, окончившія курсъ въ церковно-приходской школѣ о. Константина Лорченко,—Агриппина Нестерова, Лидія Ильинская и Ольга Кононова. «Обученіе съ ними,—продолжаетъ почтенный докторъ,—я велъ по той же изложенной выше программѣ, обращая главное вниманіе на усвоеніе дѣвушками правильнаго и разумнаго ухода за больными. Къ веснѣ мои новыя ученицы оказались настолько подготовленными къ своему дѣлу, что двѣ изъ нихъ,—Ольга Кононова и Агриппина Нестерова,—по запросу земства, изъявили желаніе посвятить себя уходу за больными въ селеніяхъ Новоладожскаго уѣзда, въ которыхъ распространилась эпидемія сыпнаго тифа. Къ этому трудному дѣлу присоединились: Евдокія Ильина и возвратившаяся изъ Петербурга, изъ общины Христа Спасителя,—Евдокія Харичева. Уходъ за больными сыпнымъ тифомъ требуетъ большаго навыка, огромнаго напряженія силъ и терпѣнія. Но мои ученицы съ честью выдержали самоотверженно принятыя на себя обязанности, подвергая свою жизнь большимъ опасностямъ. Почти всѣ онѣ сами заразились сыпнымъ тифомъ; но, къ счастію, перенесли благополучно эту тяжелую болѣзнь. По выздоровленіи же, эти труженицы, не смотря на совѣты врачей отдохнуть и оправиться послѣ вынесенной болѣзни, настойчиво заявили о своемъ желаніи продолжать уходъ за тифозными больными и не покинули своего дѣла до полнаго прекращенія эпидеміи» [1])

[1]) См. «Сельскій Вѣстн.» № 24, 1894 г.

Digitized by Google

Кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей по уходу за больными, эти сестры милосердія принимали на себя и хозяйственныя заботы въ тѣхъ случаяхъ, когда хворали взрослые, а малолѣтнія дѣти оставались на произволъ судьбы безъ пріюта и призора. Насколько сестры могутъ быть полезны въ такихъ случаяхъ, показываетъ примѣръ, бывшій въ приходѣ о. Лорченко. Воротился домой изъ больницы слишкомъ рано выписавшійся крестьянинъ, который былъ боленъ сыпнымъ тифомъ. Вскорѣ заболѣла тою же болѣзнью его замужняя дочь, единственная взрослая женщина въ семьѣ и притомъ еще имѣвшая малолѣтняго ребенка. Узнавъ объ этомъ, о. Лорченко сейчасъ же послалъ къ заболѣвшимъ сестру милосердія Евдокію Ванцесову. Самоотверженная сестра принялась за дѣло быстро и усердно: не только стала ухаживать за больною, но и повела все домашнее хозяйство, топила печь, доила коровъ, носила воду и при этомъ строго смотрѣла, чтобы никто изъ сосѣдей не входилъ въ домъ, гдѣ появилась заразная болѣзнь. Кончилось тѣмъ, что и больная поправилась, и въ хозяйствѣ не оказалось никакого ущерба, и болѣзнь не пошла дальше этой избы.

Насколько умѣло и толково исполняли свое дѣло эти дѣвушки,—санитарно-исполнительная комисія новоладожскаго земства подробно изложила въ слѣдующихъ словахъ: «Выслушано заявленіе гг. санитарныхъ врачей, Самецкаго и Богданова-Березовскаго, что въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ борьбѣ съ эпидеміей тифа въ Солецкой, Городищенской и Шахновской волостяхъ, съ февраля мѣсяца работали приглашенныя уѣздною управою скромныя труженицы, въ качествѣ сестеръ милосердія, молодыя дѣвицы, получившія подготовку къ уходу за больными при новоладожской земской больницѣ, мѣстныя крестьянки: Евдокія Ильина, Марія Харичева, Агриппина Нестерова, и постоянно проживающая въ уѣздѣ дочь царскосельскаго мѣщанина Ольга Кононова. Г.г. врачи засвидѣтельствовали, что упомянутыя сестры милосердія оказались достаточно свѣдущими въ своемъ дѣлѣ и принесли несомнѣнную и значительную пользу въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, онѣ въ точности и добросовѣстно исполняли всѣ распоряженія врачей, а, во-вторыхъ, дѣятельность ихъ была особенно благотворна для больныхъ и ихъ семействъ, такъ какъ онѣ, кромѣ исполненія спеціальныхъ обязанностей по уходу за больными, принимали на себя и хозяйственныя заботы въ тѣхъ случаяхъ, когда хворали взрослые. Сестры эти, какъ крестьянки, были вмѣстѣ и сидѣлками, не стѣснявшимися выполненіемъ своей работы при больныхъ; кромѣ того, онѣ завѣдывали хозяйственною частью въ столовыхъ, устроенныхъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ этотъ, неурожайный для новоладожскаго уѣзда, годъ. Вообще, дѣятельность ихъ,—безупречная и энергичная, — вполнѣ заслуживаетъ одобренія, является необходимой при распространеніи эпидеміи, и образованіе такого контингента сестеръ милосердія представляется вполнѣ желательнымъ». Выслушавъ докладъ гг. Самецкаго и Богданова-Березовскаго комисія постановила: въ виду столь лестнаго отзыва о полезной, исполнительной и безукоризненной дѣятельности сельскихъ сестеръ милосердія, выразить признательность священнику покровской

Digitized by Google

церкви о. Константину Лорченко и врачу больницы А. С. Петровскому,—достаточно подготовившему въ короткое время сестеръ,—какъ инициаторамъ этого учрежденія, обѣщающаго при дальнѣйшемъ развитіи принести еще бо́льшую пользу немощному населенію уѣзда. При этомъ комисія «признала желательнымъ поощрить къ дальнѣйшей дѣятельности, отличивъ сестеръ милосердія знако́мъ Краснаго Креста для ношенія не на груди—въ отличіе отъ сестеръ милосердія Краснаго Креста,—а на лѣвомъ рукавѣ платья, имѣя въ виду, что подготовленныя сестры милосердія могутъ оказать, въ случаѣ нужды, посильную помощь во время войны», и опредѣлила: «просить управу возбудить ходатайство въ установленномъ порядкѣ о предоставленіи имъ ношенія знака».

Слѣдовательно, практичность, цѣлесообразность и необходимость института деревенскихъ сестеръ милосердія, проэктируемаго г. А. С. Петровскимъ, оцѣнена уже и новоладожскимъ земствомъ, и санитарными врачами Самецкимъ и Богдановымъ-Бе́резовскимъ.

IX.

Но можетъ явиться вопросъ: найдутся ли въ достаточномъ количествѣ дѣвушки, которыя пожелали бы посвятить себя на служеніе, страждущему отъ всевозможныхъ недуговъ, нашему крестьянину? Безъ сомнѣнія, найдутся. У насъ въ провинціи уже и теперь есть цѣлый классъ женщинъ, посвятившихъ себя, по мѣрѣ силъ, скромному и незамѣтному служенію деревнѣ. Это—«черницы», или «черничи». Черница — это та же мірянка, такъ сказать, неофиціально посвятившая себя служенію Богу. Всѣ онѣ грамотны. Въ селѣ, гдѣ нѣтъ учителя, онѣ учатъ дѣтей церковно-славянской грамотѣ, читаютъ надъ покойникомъ псалтырь, помогаютъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Онѣ всегда, какъ не занятыя семьей и дѣтьми, свободны и готовы къ услугамъ. Онѣ исполняютъ нерѣдко роль сидѣлокъ при больныхъ, присматриваютъ за дѣтьми, занимаются ворожбою и лѣченіемъ. Онѣ лѣчатъ и отъ «сглаза», и отъ лихорадки, и отъ поясницы, и пр. Лѣкарствами имъ служатъ всевозможныя народныя средства: сокъ рѣдьки и моркови, липовый цвѣтъ, малина, заговоръ и всевозможныя причитанья. Черницы представляютъ прекрасный готовый матеріалъ для сформированія изъ нихъ кадра деревенскихъ сестеръ милосердія. Нужно только умѣючи ими пользоваться.

Кромѣ черничекъ, въ деревенской глуши много найдется дѣвушекъ и изъ другихъ классовъ сельскаго населенія:—дочери нашего духовенства, мелкопомѣстнаго дворянства и пр. Далѣе, у насъ есть огорченныя жизнью, «разбитыя натуры», которымъ не повезло или въ жизни, или въ любви. Онѣ ушли отъ городскаго шума въ деревню, сосредоточились тамъ въ самихъ себѣ, молча и негласно помогаютъ бѣднымъ и больнымъ. Онѣ искренно отдались служенію бѣдному ближнему, и безропотно, самоотверженно несутъ этотъ добровольно принятый на себя крестъ. Онѣ работаютъ безъ системы, помогаютъ — болѣе по вдохновенію. Онѣ сами отыскиваютъ дѣло, работу, и отыскиваютъ не потому, что желаютъ убить время, что

Digitized by Google

некуда имъ дѣвать свой досугъ, а изъ желанія работать. Эти натуры всею душею и всѣмъ сердцемъ отдались бы великому дѣлу лѣченія и уходу за больнымъ и страждующимъ простолюдиномъ.

А что̀ эти элементы есть, — никто не будетъ оспаривать. Въ нашей литературѣ уже есть нѣсколько работъ, посвященныхъ описанію нарождающейся деревенской интеллигенціи. Г-жа Штевенъ,— въ своей прекрасной книгѣ: «Изъ записокъ сельской учительницы»,—даетъ намъ много прекрасныхъ сценъ изъ народной жизни, рисующихъ теперешнее настроеніе деревенской молодежи. На каждомъ шагу она подчеркиваетъ то впечатлѣніе, которое производитъ на ея учениковъ и учениць всякій разговоръ о подвигахъ, о преданности вѣрѣ и отечеству, о самопожертвованіи и презрѣніи къ смерти. «Мы говорили,—разсказываетъ г-жа Штевенъ»,—о темныхъ сторонахъ деревенскаго быта, и дѣвушки были очень задумчивы и серьезны. А черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ мы разошлись, я услышала звонокъ и нашла у подъѣзда нашего дома четырехъ дѣвушекъ, которыя, не смотря на поздній часъ, вернулись, чтобы сообщить мнѣ свое рѣшеніе: онѣ не хотятъ жить, какъ всѣ, въ грязи, грубости и неправдѣ; онѣ не хотятъ слышать бранныхъ словъ и видѣть пьяныхъ, не хотятъ участвовать въ насиліяхъ и обманахъ; онѣ хотятъ втроемъ поселиться особо въ чистой кельѣ за садомъ, у церкви; хотятъ пѣть, работать, читать и молиться, и хотятъ до самой смерти прожить чистыми и добрыми». Боже, какъ хороши эти вспышки наивнаго идеализма! Сколько добра можно сдѣлать, при желаніи, съ подобными свѣжими и чистыми натурами! Нужно только съумѣть ихъ направить и дать имъ настоящій толчокъ на томъ или другомъ пути. Мы уже и теперь видимъ, сколько крестьянскихъ дѣвушекъ и юношей стремятся стать учителями и учительницами, если не въ земской школѣ и въ школѣ грамотности, то у себя на дому неофиціально. И нужно отдать справедливость, что они являются далеко незаурядными учителями и учительницами.

Г-жа Штевенъ проводитъ слѣдующую параллель между учителями-крестьянами и учителями некрестьянскихъ сословій: послѣдніе часто поступаютъ на учительскую должность только потому, что не имѣютъ другаго исхода; у крестьянскаго же мальчика есть свой домъ и работа, такъ что учительство привлекаетъ его по совершенно другимъ соображеніямъ. Учительство, какъ нельзя болѣе, привлекательно для тѣхъ даровитыхъ мальчиковъ, которые болѣе развиты умственно и душевно, которымъ хочется показать себя,— и еще для тѣхъ, особаго милаго типа русскихъ юношей, которые не всегда обладаютъ блестящими способностями, но зато отличаются глубокимъ идеализмомъ и рѣдкой душевной чистотой, и въ старыя времена изъ грѣшнаго міра уходили въ тишину монастырской кельи или въ прекрасную мать-пустыню, а теперь отчасти нашли себѣ мѣсто въ деревенской школѣ... Ихъ безкорыстное отношеніе къ дѣлу почти всегда приноситъ хорошіе плоды. «Немало и кромѣ нихъ на Руси,—продолжаетъ г-жа Штевенъ,—такихъ же точно юношей и дѣвушекъ, способныхъ и добрыхъ, еще не зачерствѣвшихъ и не загрязшихъ въ житейскомъ болотѣ, и еслибы дать имъ путное раз-

Digitized by Google

вntіе и открыть имъ *доступное поприще*, много они принесли бы добра и свѣта своей многомилліонной крестьянской братіи. А, между тѣмъ, они проживаютъ свой вѣкъ, почти ничего не сдѣлавъ, и нерѣдко неся тяжелый крестъ никѣмъ непонятыхъ и неудовлетворенныхъ стремленій».

Кромѣ крестьянскихъ дѣвушекъ, контингентъ деревенскихъ сестеръ милосердія могъ бы быть пополненъ и дѣвицами изъ некрестьянскаго сословія—я говорю о дочеряхъ духовенства, захудалаго дворянства и мѣщанства, разбросанныхъ по всей Руси. Среди этихъ сословій есть много дѣвицъ, оставшихся незамужними. Въ провинціальномъ обществѣ ничто такъ не поражаетъ наблюдателя, какъ огромное количество старыхъ дѣвушекъ. Сколько язвительныхъ насмѣшекъ сыплется по ихъ адресу! А никто изъ смѣющихся не потрудится подумать, куда дѣваться и что дѣлать этимъ «старымъ дѣвамъ»? Старыя дѣвы—явленіе скорѣе трагическое, чѣмъ комическое. Въ «старыхъ дѣвъ» превращаются дѣвушки не по капризу или прихотямъ, а вслѣдствіе жестокой необходимости, отъ причинъ, нимало отъ нихъ не зависящихъ. Сколько мукъ, сколько внутренней борьбы, сколько огорченій и лишеній онѣ выносятъ! Сердце ихъ жаждетъ любви и не находитъ ея. Любовь къ мужчинѣ, любовь къ дѣтямъ и семейному очагу заглушается у нихъ любовью къ собачонкамъ, кошкамъ... Онѣ любятъ кошекъ и собакъ, и любятъ только потому, что у нихъ нѣтъ дѣла, которое захватывало бы ихъ всецѣло, которымъ бы онѣ увлеклись и которому могли бы посвятить свой досугъ. Дайте имъ дѣло,—и вы ихъ спасете нравственно и физически. А такимъ дѣломъ, по нашему мнѣнію, легко могли бы явиться уходъ за больными и лѣченіе ихъ.

Многія изъ такихъ дѣвушекъ и теперь занимаются лѣченіемъ, но самоучкою, по наслышкѣ, по преданію. И народъ ходитъ къ нимъ лѣчиться, и отъ своихъ легкихъ болѣзней нерѣдко получаетъ если не полное выздоровленіе, то, по крайней мѣрѣ, значительное облегченіе. Подумайте обо всемъ этомъ, господа-доктора, и вы окажете громадную услугу и «старымъ дѣвамъ», и многомилліонному простому народу.

Поле дѣятельности, на которомъ могла бы работать сестра милосердія, многимъ покажется обширнымъ и всестороннимъ. Тѣмъ лучше, и это не должно никого пугать. Во всякомъ случаѣ, образованіе института подобнаго рода даже съ ограниченными задачами никогда не можетъ считаться излишнимъ, а всегда, безъ сомнѣнія, оно окажется крайне выгоднымъ учрежденіемъ рѣшительно для каждой деревни. Едва ли встрѣтится кто либо, кто сталъ бы отрицать, что въ деревнѣ не найдется матеріала для дѣятельности сестеръ милосердія. Необходимо лишь только позаботиться о томъ, чтобы сельскія сестры милосердія были настолько обучены, чтобы могли давать указанія, какъ именно слѣдуетъ держаться въ случаѣ появленія какой либо повальной болѣзни и давать гигіеническія и санитарныя наставленія и совѣты. Та паника и та безпомощность, которая обыкновенно наблюдается среди сельскаго населенія во время появленія эпидемическихъ болѣзней зависитъ въ значительной степени отъ того, что деревенское населеніе ничего рѣшительно не

Digitized by Google

знаетъ о характерѣ этихъ болѣзней и о средствахъ, при помощи которыхъ можно бороться съ ними. Конечно, всѣ наши знанія относительно причинъ повальныхъ болѣзней, относительно способа ихъ распространенія, а также и относительно наилучшихъ средствъ для прекращенія дальнѣйшаго распространенія повѣтрія, находятся еще въ младенческомъ состояніи; но все же въ этомъ направленіи получены уже настолько успѣшные результаты въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, что они могутъ вполнѣ основательно считаться вѣрнымъ залогомъ будущаго успѣха. Сельское населеніе отличается одною характерною особенностью по отношенію къ болѣзнямъ, а именно: оно высказываетъ полное пренебреженіе ко всякаго рода попыткамъ, имѣющимъ въ виду контролировать и задерживать дальнѣйшее распространеніе болѣзни. Мало того, въ деревнѣ не умѣютъ ни лѣкарства принять, ни раны обмыть, ни перевязки сдѣлать, ни температуры измѣрить. Если же будетъ введенъ повсемѣстно институтъ сельскихъ сестеръ милосердія, то въ деревнѣ тогда появятся хоть 3 — 4 человѣка, которые, при случаѣ, и рану перевяжутъ, и первоначальную помощь подадутъ.

Мы имѣемъ уже прецедентъ, — это знахари и знахарки въ деревнѣ. Что тамъ ни говорили бы о вредѣ, который эти лица приносятъ деревнѣ, однако, нельзя отрицать, что они умѣютъ и кровь останавливать, и излѣчивать нѣкоторыя болѣзни. Если дѣянія ихъ носятъ зачастую зловредный и преступный характеръ, то въ этомъ вина насъ самихъ: мы имъ нечего не дали, не улучшили тѣхъ жалкихъ познаній, которыми онѣ располагаютъ; большею частью, вполнѣ искренно, по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія, онѣ стараются облегчить народныя страданія. Въ этомъ случаѣ мы даже настолько нерадивы, что не возьмемъ ихъ дѣйствій подъ извѣстный контроль, не постараемся увеличить запасъ ихъ знаній, добытыхъ ими по преданію отъ стариковъ или выработанныхъ прямо «съ натуры». Пренебрежительно относиться къ этимъ лицамъ крайне легко, но едва ли это въ интересахъ дѣла: не нужно забывать, что современная медицина многимъ и очень многимъ обязана этимъ шарлатанамъ-знахарямъ, такъ какъ изъ ихъ практики она взяла очень много полезнаго и необходимаго. Русскій человѣкъ и русское общество отличаются либо необыкновеннымъ равнодушіемъ ко всему, либо необычайнымъ увлеченіемъ всѣмъ тѣмъ, что въ данный моментъ является новизною, выходитъ за предѣлъ установленныхъ взглядовъ и мнѣній, освященныхъ и временемъ, и обычаемъ. Начните у насъ устраивать что либо новое, и вы встрѣтите массу препятствій и преградъ даже со стороны тѣхъ лицъ, на пользу которыхъ вы работаете. Одни сейчасъ же предъявятъ такія требованія, что отъ нихъ станетъ только жутко; другіе отвѣтятъ, что при такихъ условіяхъ ничего не выдетъ; иные скажутъ, что это подрываетъ установившійся взглядъ на предметъ, а большинство останется совершенно равнодушными...

X.

Проэктъ д-ра Петровскаго относительно института деревенскихъ сестеръ милосердія, имѣющій цѣлью пополнить громадный пробѣлъ

Digitized by Google

земско-медицинской дѣятельности, поражающій своею новизною, а, главное, тѣмъ, что медицину онъ низводитъ съ пьедестала и дѣлаетъ ее доступною большинству,—какъ и слѣдовало ожидать, долженъ былъ вызвать громадны нападки и со стороны врачей, и со стороны лицъ, болѣе или менѣе заинтересованныхъ этимъ дѣломъ. Простота и общедоступность системы всегда являются наибольшими тормозами въ дѣлѣ распространенія всякой идеи.

На V-мъ Пироговскомъ съѣздѣ «Общества русскихъ врачей» былъ прочитанъ докладъ д-ра Петровскаго «О деревенскихъ сестрахъ милосердія». Присутствовавшіе на съѣздѣ врачи одинъ за другимъ оспаривали предложеніе г. Петровскаго; кто находилъ (д-ръ Жбанковъ), что на это дѣло «много средствъ уйдетъ, и всякія полузнайки вредны»; (д-ръ Дмитріевъ); что «вдали отъ врача окажется новый родъ лѣчителей-знахарей, и мы своими руками создадимъ то, съ чѣмъ настойчиво боремся»; кто опасался, что сестры милосердія подорвутъ значеніе амбулаторныхъ лѣчебницъ и пр. Однимъ словомъ, докладъ былъ отвергнутъ, тогда какъ, по новизнѣ заключающейся въ немъ идеи и по важности проэкта, онъ заслуживаетъ болѣе симпатичнаго отношенія къ себѣ.

Нельзя не удивляться ошибочности подобнаго отношенія, и притомъ произведеннаго безъ серьезнаго принципіальнаго и детальнаго разсмотрѣнія этого вопроса. Очевидно, что спеціалисты-врачи не хотѣли вникнуть въ сущность доклада г. Петровскаго и пропустили содержаніе его мимо ушей. Я склоненъ думать, что врачи, присутствовавшіе на засѣданіи, именно «проморгали»,—какъ говорится,—докладъ ихъ коллеги, и вотъ почему стою за это предположеніе. Если мы обратимся ко II т. «Трудовъ V-го Пироговскаго съѣзда О-ва русскихъ врачей», Спб., 1895 г., то мы найдемъ тамъ, начиная со стр. 445 и кончая 459 стр., цѣлыхъ *пять* докладовъ—и о чемъ же? Докладъ д-ра Э. Я. Заленскаго: «О распространеніи нѣкоторыхъ знаній по медицинѣ и гигіенѣ путемъ включенія ихъ въ книги для класснаго чтенія» (стр. 450); докладъ о-ва саратовскихъ санитарныхъ врачей: «О чтеніяхъ для народа по медицинѣ и гигіенѣ» (453); д-ра Воскресенскаго: «О практическихъ способахъ распространенія врачебно-санитарныхъ истинъ въ народѣ» (445); д-ра Долганова: «Къ вопросу объ организаціи народныхъ медицинскихъ чтеній, и о необходимой связи съ этою цѣлью медицинскихъ обществъ»; на стран. 459—докладъ д-ра Мендельсона: «о преподаваніи гигіены въ народныхъ школахъ» и пр. На 15 страницахъ—цѣлыхъ пять докладовъ, и о чемъ же?—о практическихъ способахъ распространенія врачебно-санитарныхъ истинъ въ народѣ и нѣкоторыхъ знаній по медицинѣ и гигіенѣ чрезъ книги для класснаго чтенія; далѣе идетъ рѣчь объ организаціи народныхъ чтеній по медицинѣ и гигіенѣ,—даже о преподаваніи гигіены въ народныхъ школахъ... Правда, этому важному и серьезному предмету, этому настоятельно необходимому вопросу удѣлено всего 15 страницъ. Но и это уже показываетъ, что врачи интересуются этимъ вопросомъ,—значитъ вопросъ «назрѣлъ».

Еще на III-ьемъ Пироговскомъ съѣздѣ рѣшено было ходатайствовать передъ правительствомъ о введеніи преподаванія гигіены

Digitized by Google

въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. V-ый съѣздъ болѣе или менѣе подробно формулируетъ программу преподаванія гигіены и нѣкоторыхъ свѣдѣній по медицинѣ въ народныхъ школахъ. Д-ръ Воскресенскій говоритъ: «Пусть заботами особой комиссіи Пироговскаго съѣзда будутъ изданы популярно изложенныя книжки по элементарной анатоміи, физіологіи, по гигіенѣ, по эпидеміологіи». Пусть учителя земскихъ училищъ читаютъ такія книжки съ учениками старшаго отдѣленія, объясняютъ непонятныя слова,—все это просто, полезно и легко осуществимо... Понятія о заразительности многихъ болѣзней, о способахъ уберечься отъ заразы вполнѣ доступны дѣтскому уму... Мы, врачи, должны позаботиться о томъ, чтобы книжки гигіеническаго содержанія проникали въ народныя школы, гдѣ такихъ книжекъ мало или совсѣмъ нѣтъ». Даже «желательно составленіе капитала для распространенія гигіеническихъ знаній въ народѣ... и пусть онъ будетъ носить названіе «капитала для распространенія гигіеническихъ знаній въ народѣ», въ память врачей, погибшихъ въ борьбѣ съ тифомъ и холерой въ голодный 1892 годъ». Нельзя не согласиться съ д-ромъ Долгановымъ, что «еслибы врачи стремились, путемъ чтеній, лекцій и брошюръ, ознакомить народъ съ санитарными мѣропріятіями, тогда могло бы и не быть такихъ грустныхъ недоразумѣній, возникшихъ на почвѣ невѣжества» (холерные безпорядки). Покойный Доброславинъ выразилъ глубокое сочувствіе кіевскимъ врачамъ за ихъ полезную дѣятельность по организаціи народно-медицинскихъ чтеній.

Въ преніяхъ, возникшихъ послѣ прочтенія всѣхъ вышеназванныхъ докладовъ, принимали участіе многіе доктора: А. Г. Раппапортъ, М. С. Уваровъ, А. В. Погожевъ, В. А. Молчановъ, Н. А. Золотаревъ, проф. Эрисманъ и др. Комисія, послѣ краткаго обсужденія, пришла къ заключенію, что проэктируемыя докторами мѣры заслуживаютъ полнаго вниманія и желательно, чтобы осуществленіе ихъ не откладывалось въ дальній ящикъ.

Такимъ образомъ, медицинскія свѣтила торжественно признали полезность и необходимость всѣхъ этихъ мѣропріятій, изложенныхъ въ вышеозначенныхъ докладахъ,—къ слову сказать, тощихъ и мало мотивированныхъ,—и не менѣе торжественно заявили свой протестъ противъ доклада д-ра Петровскаго, солидно составленнаго и обстоятельно мотивированнаго. Тощіе доклады, какъ тощія фараоновы коровы, поглотили обстоятельный докладъ г. Петровскаго...

Казалось бы, что врачамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только «соборнѣ» благодарить г. Петровскаго за то, что онъ пошелъ далѣе ихъ желаній и мечтаній. Пока они мечтаютъ, докладываютъ, изыскиваютъ средства, пока собираются приступить, — не говорю: къ дѣлу, а только къ выработкѣ программы, г. Петровскій уже работаетъ, и притомъ довольно успѣшно. Работою его остались всѣ довольны: и деревня, и земство, и сами ученицы. Само собою разумѣется, что этотъ докторскій протестъ противъ доклада д-ра Петровскаго не помѣшаетъ въ концѣ концовъ этому серьезному начинанію—восторжествовать и войти въ жизнь.

Однако, на первыхъ же порахъ ему предстоитъ выдержать серьезную борьбу съ господствующими понятіями и укоренившимися

Digitized by Google

предразсудками. Ну, посудите сами, читатель, что какой нибудь Акимъ, поранивъ себѣ руку или ногу, обращается къ какой-то Матренѣ съ просьбою обмыть ему рану, посыпать іодоформомъ и перевязать... Какое преступленіе и какъ унижается докторскій авторитетъ! Акимъ обязанъ былъ, перевязавъ рану грязной тряпкой, дожидаться врача,—а знаете ли, сколько времени онъ долженъ дожидаться его? По крайней мѣрѣ, около мѣсяца. Право, обидно! Да вѣдь это цѣлый переворотъ произойдетъ въ медицинскомъ мірѣ, когда Акулины и Матрены будутъ и раны перевязывать, и у постели умирающаго сидѣть, и слѣдить за правильнымъ пріемомъ лѣкарства; а тамъ, можетъ быть, укажутъ бабѣ, что соска, которую она суетъ ребенку въ ротъ, не гигіенична, и нужно ее иначе сдѣлать, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, и хину дадутъ страдающему лихорадкою... Право, это цѣлый переворотъ между дипломированными и патентованными жрецами медицины, мирно наслаждающимися всѣми успѣхами жизни, обезпеченными и самодовольными, живущими всегда въ мирѣ и согласіи со всякою господствующею рутиною и тщательно избѣгающими всего того, что могло бы нарушить ихъ безмятежное спокойствіе.

Когда же доктора говорятъ правду? Тогда ли, когда они считаются съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ вышеприведенныхъ докладахъ относительно проведенія санитарныхъ и гигіеническихъ знаній въ народную массу черезъ школу и народныя чтенія, или тогда, когда они отвергаютъ докладъ д-ра Петровскаго? Гдѣ же правда? И какому ихъ заключенію вѣрить? Полезность изученія гигіены и основныхъ медицинскихъ началъ въ народной школѣ признаны докторами единогласно,—въ этомъ имъ честь и слава, и никто ихъ не будетъ оспаривать; но въ то же время полезность проведенія въ жизнь этихъ началъ практическимъ путемъ, путемъ оказанія первоначальной помощи, путемъ совѣта и ухода у кровати за больнымъ, считается почему-то вреднымъ. Намъ кажется, что проэктъ института деревенскихъ сестеръ милосердія идетъ рука объ руку съ другими проэктами, касающимися проведенія гигіеническихъ и санитарныхъ знаній въ народную массу. Вся разница между этими проэктами заключается въ томъ, что авторы послѣднихъ проэктовъ находятъ полезнымъ изученіе медицинскихъ знаній не для тѣхъ, кто уже изучилъ ихъ, а для тѣхъ, кто пожелалъ бы своими знаніями, хотя бы и крошечными, облегчить участь страждущаго сосѣда. Неужели же умѣнье измѣрить температуру, поставить горчичникъ, перевязать рану, слѣдить за правильнымъ пріемомъ лѣкарства и точнымъ исполненіемъ предписаній врача — есть уже преступленіе?

Нѣкоторые доктора на съѣздѣ выражали опасеніе, что они своими руками насадятъ знахарокъ въ деревнѣ, въ лицѣ сестеръ милосердія. Но это опасеніе не особенно основательно, и вотъ почему: знахари, знахарки были, есть и будутъ. Причина существованія ихъ—не столько невѣжество народа, сколько недостатокъ врачебныхъ силъ въ Россіи. Любовь къ знахарямъ и знахаркамъ замѣчается и не у одного только простонародья. Если же нѣкоторыя изъ сестеръ милосердія и занялись бы знахарствомъ и колдовствомъ,

Digitized by Google

то это еще не даетъ права приходить къ заключенію, что институтъ деревенскихъ сестеръ милосердія излишенъ и вреденъ. Противъ существованія ножей и стальныхъ перьевъ никто не возражаетъ, хотя ими нерѣдко и злоупотребляютъ: первыми рѣжутъ иногда себя и другихъ, а вторыми пишутъ доносы, строчатъ кляузы и пр. Но никому не приходитъ въ голову возставать противъ ихъ существованія. Это было бы крайне нелѣпо. Да, наконецъ, не особенно велика бѣда, если нѣсколько сестеръ милосердія и сдѣлаются знахарками: лучше знахарка, кое-чему учившаяся, нежели знахарка, ровно ничему не учившаяся.

Вопросъ объ устройствѣ института «деревенскихъ сестеръ милосердія» нужно не тормозить, а, наоборотъ, стараться облегчить, прійти на помощь совѣтомъ и дѣломъ къ этому новому типу медицинскихъ дѣятелей. Намъ нужно стараться привлечь въ деревню возможно бо́льшее число низшихъ медицинскихъ агентовъ, разселить ихъ равномѣрнѣе среди народа. Эти лица, хотя и не находятся во «всеоружіи медицинской науки», но, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, будутъ помогать своимъ сосѣдямъ въ ихъ мелкихъ недугахъ и болѣзняхъ, явятся во время эпидемій неоцѣненными помощниками медицины земской, городской и правительственной. Едва ли нужно будетъ давать имъ какое либо жалованье, потому что маленькую благодарность деньгами, «натурою», они будутъ получать отъ больныхъ, что̀ явится значительнымъ подспорьемъ ихъ деревенскому хозяйству. Нужно только постараться о томъ, чтобы они возможно легкимъ путемъ и въ возможно короткое время могли хорошо изучить ремесленную сторону врачебной науки.

Цѣль учрежденія института деревенскихъ сестеръ милосердія— это не столько научная, сколько практическая подготовка сестеръ милосердія къ поданію первоначальной помощи больному до пріѣзда врача и къ уходу за нимъ послѣ отъѣзда: во всемъ этомъ не можетъ не нуждаться деревня въ интересахъ своего здоровья. Усвоеніе извѣстныхъ техническихъ пріемовъ и манипуляцій должно быть преподаваемо не школьнымъ путемъ, а указаніемъ на дѣлѣ! Здѣсь, строго говоря, нѣтъ мѣста никакой школѣ, организованной съ теоретическою программою, а желательно, чтобы была правильно организованная работа, участіе въ которой и составляетъ задачу будущей дѣятельности сестеръ милосердія. Всякая хорошо устроенная больница и есть такая школа, притомъ дешевая и сердитая. Нельзя создать хорошихъ труженицъ, готовящихся къ практической дѣятельности, не обязывая ихъ серьезной работой, производимою на мѣстѣ, у кровати больнаго или въ амбулаторіи. Крайне ошибочно мнѣніе, что главное вниманіе должно быть обращено на теоретическое, а не практическое изученіе предмета. Чтобы быть хорошо подготовленнымъ къ практической дѣятельности, нужно не только пріобрѣсти соотвѣтствующія знанія, но нужно усвоить себѣ тотъ бытъ и приспособиться къ тѣмъ нравамъ и обычаямъ, гдѣ предстоитъ дѣятельность; необходимо войти въ жизнь съ запасомъ такихъ свѣдѣній, отсутствіе которыхъ, не смотря на ихъ мелочность, можетъ служить нерѣдко причиною того фальшиваго положенія, въ которое приходится ста-

Digitized by Google

новиться всякому незнакомому съ деревенскимъ бытомъ, нравами и обычаями нашего простолюдина.

Деревенскія же сестры милосердія, какъ плоть отъ плоти, кость отъ кости народа, не могутъ оказаться въ фальшивомъ положеніи: онѣ прекрасно знаютъ нравы и обычаи той среды, гдѣ имъ придется работать. Имъ не будутъ страшны ни деревенская грязь, ни грубое обращеніе,—однимъ словомъ, деревенская некультурность не испугаетъ ихъ. Онѣ къ ней привыкли съ пеленокъ. Я не могу, конечно, не сознавать, что подобныя сестры милосердія только въ слабой и жалкой степени удовлетворяютъ потребности народа въ лѣченіи. Но я стою за нихъ потому, что это все же лучше, чѣмъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ нужно «всеоружіе науки» для человѣка, который силою вещей и недостаткомъ средствъ будетъ поставленъ въ необходимость лѣчить лишь чесотку, лихорадку, исполнять санитарныя распоряженія лицъ, болѣе его знающихъ, и посылать къ этимъ лицамъ больныхъ серьезными болѣзнями? Почему же не предложить нашей бѣдной деревнѣ дешевую и близкую, хотя бы менѣе совершенную помощь, разъ нашъ крестьянинъ не въ состояніи пріобрѣсти дорогой? Лучше голодному дать корку хлѣба, чѣмъ ничего не давать. Я прекрасно понимаю, что нельзя остановиться и успокоиться на подобномъ институтѣ деревенскихъ сестеръ милосердія. Но надо удовлетворять, по мѣрѣ силъ, народной потребности въ лѣченіи. Деревенскія сестры милосердія нужны даже и тогда, когда въ каждой деревнѣ будетъ свой врачъ. Но когда же это будетъ? Онѣ по той же причинѣ будутъ нужны, по какой теперь нужны сестры милосердія въ городскихъ больницахъ, клиникахъ и амбулаторіяхъ.

Понятно, что нужно стремиться къ безконечно бо́льшему и лучшему, нежели проэктируемый докторомъ Петровскимъ и священникомъ о. Лорченко институтъ сестеръ милосердія, но и эту первую попытку къ борьбѣ съ деревенскою безпомощностью нужно считать громаднымъ шагомъ впередъ. Если же мы будемъ ждать, пока въ каждой деревнѣ или, по крайней мѣрѣ, волости появятся и земскій, и вольнопрактикующій врачъ, когда будутъ повсюду устроены больницы, когда больному крестьянину придется дѣлать не десятки верстъ, чтобы попасть въ больницу, и не дожидаться по цѣлымъ мѣсяцамъ пріѣзда врача,—за это время цѣлыя поколѣнія выростутъ чахлыми и разслабленными; милліоны жертвъ преждевременно сойдутъ въ могилу, не узнавши, что́ такое лѣченіе, и не получивъ даже жалкой помощи въ своихъ страданіяхъ и болѣзняхъ. Здѣсь приходится выбирать одно изъ двухъ: или сидѣть и ждать, когда деревня обзаведется своими врачами и больницами, или стараться дать хоть какую нибудь помощь.

Желательно, чтобы институтъ сельскихъ сестеръ милосердія сдѣлался не случайнымъ, но постояннымъ, не мѣстнымъ, но всероссійскимъ явленіемъ, чтобы ему была дана правильная и серьезная организація. При хорошемъ и разумномъ устройствѣ, онъ явится главнымъ фокусомъ, въ которомъ сосредоточится вся санитарно-гигіеническая жизнь цѣлой деревни.

Digitized by Google

XI.

Я старался только въ общихъ чертахъ намѣтить желательную организацію санитарно-врачебнаго дѣла въ деревнѣ, только кратко указавъ на тѣ условія, отъ которыхъ зависятъ здоровье и болѣзненность русскаго народа, и которыя необходимы для борьбы съ тѣми страшными недугами, которыя подтачиваютъ и разрушаютъ организмъ простонародья.

Дальнѣйшее развитіе и выработка программы для образованія и дѣятельности деревенскихъ сестеръ милосердія будетъ зависѣть отъ спеціалистовъ и людей, кому ввѣрены забота и попеченіе о народномъ здравіи. Наконецъ, и сама жизнь придетъ, въ этомъ случаѣ, на помощь. Она явится лучшимъ судьей полезности и цѣлесообразности учрежденія подобнаго института, безпристрастно оцѣнитъ дѣятельность деревенскихъ сестеръ милосердія съ хорошей и дурной стороны. Одни вопросы она выдвинетъ на первый планъ; другимъ дастъ новую, болѣе подходящую къ жизненнымъ требованіямъ, окраску. Одни затушуетъ, другіе расширитъ. Опытъ покажетъ, насколько деревенскія сестры милосердія отвѣчаютъ своему назначенію, насколько успѣшно онѣ выполняютъ ту роль, ради которой этотъ институтъ учрежденъ.

Первые шаги въ дѣятельности сестеръ милосердія, конечно, будутъ неумѣлы, слабы; много будетъ ошибокъ и недоразумѣній, но со временемъ явятся и умѣнье, и опытность. Первые шаги и у людей, вступающихъ въ жизнь во «всеоружіи науки», тоже не всегда блестящи. Лишь бы у сестеръ милосердія было искреннее желаніе работать на пользу бѣдной деревни, а умѣнье и опытность быстро пріобрѣтутся. Въ этомъ важномъ и серьезномъ дѣлѣ необходимо участіе не одного только земства, но и государства и общества, въ опредѣленной для каждаго изъ нихъ сферѣ. Участіе правительства должно заключаться въ законодательномъ регулированіи всей санитарной дѣятельности, въ надзорѣ за ея ходомъ и въ оказаніи матеріальнаго пособія въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстныхъ средствъ недостаточно; участіе земства—въ сочувствіи этому институту, въ оказаніи нравственной и матеріальной поддержки и въ довѣріи къ нему. Только при этихъ условіяхъ возможна свободная, энергичная и, дѣйствительно, плодотворная дѣятельность. Для привлеченія молодыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ на курсы для обученія уходу за больными важно и необходимо содѣйствіе духовенства, учительскаго персонала и волостнаго начальства, какъ лицъ, ближе стоящихъ къ сельскому люду, могущихъ разъяснить дѣвушкамъ и ихъ родителямъ пользу какъ для нихъ, такъ и для всей деревни отъ подобнаго обученія.

Институту деревенскихъ сестеръ милосердія принадлежитъ будущее. Какъ бы скептически теперь къ нему ни относились, какъ бы ни порицали его, но онъ рано или поздно восторжествуетъ, получитъ всеобщее признаніе и сдѣлается неотъемлемою частью каж-

Digitized by Google

дой деревни. Въ этомъ живомъ дѣлѣ — спасеніе русскаго народа отъ ужасающей смертности и страшной болѣзненности. И чѣмъ раньше мы приступимъ къ осуществленію идеи доктора Петровскаго и священника о. К. Лорченко—тѣмъ лучше: милліоны человѣческихъ жертвъ будутъ спасены отъ преждевременной смерти.

Д. Райскій.

Digitized by Google

УТРО ЖИЗНИ.

Разсказъ.

I.

Добровъ только что объяснился съ «хозяиномъ».

Самъ, имѣвшій поразительное сходство съ мопсомъ, обозвалъ его «смутьяномъ», пригрозилъ чѣмъ-то очень серьезнымъ и выгналъ съ фабрики. Положеніе «человѣка безъ мѣста» не страшило Доброва, но его не радовало объясненіе съ матерью.—Начнетъ теперь вздохами тоску нагонять!—подумалъ онъ, подходя къ дому.

Въ дверяхъ квартиры его встрѣтила мать. По разстроенному лицу Доброва и по тому, что онъ явился не вò-время, она догадалась, что произошло что нибудь неладное.

— Что не вò-время явился?—спросила Аграфена Ивановна, мучимая любопытствомъ.

«Начинается»!—подумалъ Добровъ и, стараясь скорѣе проскользнуть въ свою комнату, кротко пробурчалъ:

— Такъ!

— Да что такъ-то? Не такъ, а что нибудь вышло. Говори!—волнуясь, настаивала Аграфена Ивановна.

— Отъ мѣста отказали!—дрогнувшимъ отъ непріятнаго объясненія голосомъ проговорилъ Добровъ.

— Ну, такъ и знала!—безнадежно развела руками Аграфена Ивановна и отъ волненія даже поблѣднѣла.—Дослужился!—грузно опускаясь на стулъ, съ сокрушеніемъ заговорила она.—Люди наградъ дослуживаются, а ты — отказа. А все отчего? Уменъ больно. Языкъ длиненъ! Держался бы стариковъ, тѣ говаривали: «много знай да меньше бай»! Хозяева говоруновъ не любятъ. Вотъ и грани теперь мостовыя!

*

Digitized by Google

Полная фигура ея отъ непріятности какъ-то съежилась, опустилась, губы дрожали, глаза часто мигали, точно она собиралась заплакать.

— Ну, есть объ чемъ горевать!—успокоительно проговорилъ Добровъ. — Люди не умираютъ съ голоду, мѣняя одно мѣсто на другое. Не умру и я.

И онъ прошелъ въ свою маленькую комнату, отдѣленную отъ другихъ тонкой перегородкой, не доходившей до потолка. А изъ-за стѣны доносилась сердитая воркотня матери, читавшей сыну поученія, какъ надо жить. Добровъ старался не слушать наставленій матери, легъ на кровать и сунулъ голову подъ подушку. Ему хотѣлось остаться одному и обдумать свое положеніе. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ и желалъ временно поработать дома. Это ему было нужно и затѣмъ, чтобы закончить свои литературные очерки изъ быта чернорабочихъ. Для такой работы ему необходимо было сосредоточиться, чего онъ не могъ сдѣлать, занимаясь по 12-ти часовъ въ сутки на фабрикѣ. «Да, хорошо имѣть свободу и располагать временемъ внѣ какого бы то ни было контроля»! мечталъ онъ, закрывъ глаза и сладко вытягиваясь на кровати. Фантазія его убѣжала впередъ. Онъ видѣлъ себя уже работающимъ дома, чувствовалъ духъ свободы и радовался, что у него есть время для дорогаго дѣла. Потомъ онъ вспомнилъ фабрику и сослуживцевъ-рабочихъ. Ему стало и жаль ихъ, и скучно безъ нихъ. Точно что-то дорогое, близкое, часть его самого осталась тамъ, въ большомъ красномъ зданіи, съ большой, закопченной вверху, трубой. Они доставили ему много огорченій, но они же заставили вѣрить въ ихъ силу и работать для нихъ.

Съ сослуживцевъ онъ перешелъ на «хозяина». Передъ Добровымъ ярко встала его фигура, его лицо съ низкимъ лбомъ и вздернутымъ къ верху, какъ бы сломаннымъ въ серединѣ, носомъ. «Мопсъ»!—пробурчалъ Добровъ привѣтствіе бывшему патрону.

И ему было пріятно сознавать, что болѣе онъ ничѣмъ не связанъ съ такимъ существомъ. Мастерская, сослуживцы, двѣнадцатичасовой трудъ, мопсъ-хозяинъ, — все осталось тамъ, назади. Онъ хотѣлъ испытать другую жизнь и, бодро вскочивъ съ кровати, рѣшилъ тотчасъ же отправиться на поиски за работой.

Digitized by Google

— А все твои книжки,—раздавался за перегородкой голосъ неугомонившейся матери, — не будь ихъ, былъ бы человѣкъ, какъ человѣкъ, а теперь непочетчикъ какой-то, профессоръ!

Николай Александровичъ Добровъ сталъ рабочимъ по слѣдующимъ причинамъ: ребенкомъ онъ любилъ рисовать; кто-то изъ знакомыхъ отца, замѣтивъ въ немъ такія наклонности, посовѣтовалъ отдать его въ школу живописи. Александръ Петровичъ, отецъ Доброва, такъ и сдѣлалъ. Маленькій Добровъ учился хорошо и дошелъ до «фигурнаго класса».

Ему было семнадцать лѣтъ, когда родители его стали тяготиться большими,—какъ имъ казалось, — расходами на сына. Аграфена Ивановна чаще и чаще стала говорить сыну, что учиться могутъ только богатые люди, что бѣднымъ учиться— «одинъ разоръ» и что ему пора бы помогать родителямъ, а онъ, такой большой, все еще тянетъ съ нихъ, и что, наконецъ, отцу становится трудно и тяжело. Напрасно Добровъ увѣрялъ мать, что, не доучившись, онъ погибнетъ, что всѣ его желанія, вся его любовь принадлежатъ искусству и что не такъ ужь много времени осталось учиться. Аграфена Ивановна, хотя и умолкала передъ горячими просьбами сына, но на другой же день принималась за прежнюю пѣсню. И отецъ сталъ ворчать уже вслухъ, когда сыну требовались деньги на расходъ. Когда же Добровъ заикнулся о болѣе свѣтлой квартирѣ, гдѣ бы можно было съ бо̀льшимъ удобствомъ писать съ натуры, родители прямо вознегодовали и въ одинъ голосъ отвѣтили, что ужь какъ онъ хочетъ, а квартиры они, ради его блажи, мѣнять не будутъ.

Доброву приходилось или порвать съ ними, жить и работать одному, или же бросить учиться. Первое время, подъ вліяніемъ страсти къ ученью, онъ и рѣшилъ было поступить такъ; но, раздумавъ, сказалъ себѣ, что такимъ поступкомъ онъ обидитъ родителей, а обижать ихъ ему не хотѣлось. Онъ любилъ ихъ горячей любовью; зналъ, что, дѣйствительно, они не богаты и живутъ только на жалованье отца, работавшаго на заводѣ съ ранняго утра до поздней ночи, и жалобы ихъ считалъ основательными. Онъ рѣшилъ лучше пожертвовать ученьемъ и, воспользовавшись знаніемъ рисованья, поступилъ на фабрику рисовальщикомъ. Зато, когда онъ принесъ свое первое жало-

Digitized by Google

ванье, лица родителей прояснились, и они съ любовью посмотрѣли на «добычника»-сына. Но чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ тоскливѣе становилось на душѣ Доброва. Къ своему труду онъ питалъ отвращеніе.

То, что заставляли его дѣлать, шло вразрѣзъ съ его желаніями и задачами искусства. Но приходилось, въ силу необходимости, покориться. Времени на живопись у него не оставалось, и онъ съ грустью повѣсилъ свою палитру на стѣну. На ней появилась пыль и паукъ раскинулъ легкія сѣти. Добровъ не снималъ ея, не вытиралъ, чтобы не растравлять старыхъ ранъ. Искусство тянуло его страшно, но онъ видѣлъ, что возвратъ къ нему съ каждымъ днемъ становится труднѣе, что онъ принесъ громадную жертву роднымъ, и изъ веселаго, легко увлекающагося человѣка постепенно превратился въ молчаливаго и угрюмаго. Когда онъ вполнѣ оцѣнилъ свой поступокъ, то рѣшилъ, что такъ поступать, какъ поступилъ онъ, не слѣдовало, что гораздо разумнѣе было бы уѣхать отъ родныхъ и лично пробивать себѣ дорогу. Въ немъ зародилось глухое недовольство къ роднымъ за ту безполезную жертву, которую онъ принесъ по неопытности и любви, за ихъ недалекость и мелочность. Чтобы чѣмъ нибудь заполнить пустоту, которая, какъ осыпающаяся яма, становилась все больше и больше, онъ усѣлся за книги, отдавая имъ всѣ ночи, все свободное время. Незамѣтно любовь и горячая привязанность къ искусству замѣнилась такою же любовью и привязанностью къ книгамъ. Въ нихъ Добровъ черпалъ утѣшеніе и силу, онѣ открыли ему новый источникъ жизни, казавшійся ему великимъ, святымъ и къ которому онъ приступилъ съ трепетомъ. Этимъ новымъ источникомъ была литература. Она завладѣла всѣми его помыслами. У него явилось желаніе написать что нибудь самому. Начались безсонныя ночи, полныя лихорадочныхъ волненій, огня мысли и тяжелаго чада неудовлетворенности. Писалось, рвалось и вновь писалось.

Чтеніе же способствовало Доброву приглядѣться къ средѣ, въ которой онъ очутился, не съ пассивной стороны: «надо, молъ, покориться». Тяжелый законъ безусловной зависимости съ одной стороны и гнетущаго давленія съ другой нашли въ юношѣ горячаго протестанта и искателя человѣческихъ правъ. Это не стало тайной для хозяина. Сначала онъ взглянулъ на затѣи

Digitized by Google

Доброва сквозь пальцы, разсчитывая, что онъ «поуходится». Прогнать хорошаго и—главное—дешеваго работника ему было жаль. Но, видя, что время не дѣйствуетъ и среди рабочихъ начинаютъ бродить «вольныя рѣчи», онъ призвалъ Доброва съ намѣреніемъ «усовѣстить», но, встрѣтивъ очень стойкій отпоръ, прогналъ его.

II.

Убѣжищемъ отъ домашнихъ невзгодъ для Доброва служили товарищи-художники да Вѣра Сергѣевна, молодая дѣвушка, учительница, съ которой онъ былъ друженъ.

Въ кругу молодыхъ художниковъ, когда-то товарищей по школѣ, Доброву легче дышалось. И теперь, прежде чѣмъ отправиться на поиски работы, онъ зашелъ къ Шестову. Поднявшись на третій этажъ и входя къ нему въ комнату, Добровъ на порогѣ столкнулся съ Яновымъ, тоже художникомъ и школьнымъ товарищемъ. Яновъ, одѣтый, со шляпой на головѣ, очевидно, намѣревался уходить, но, увлеченный разговоромъ, стоялъ въ дверяхъ и, красный отъ волненія, выкрикивалъ, размахивая руками:

— Тысячу разъ повторю, что картина безъ идеи—цвѣтокъ безъ запаха, и творчество такого рода,—творчество первобытное, китайщина!

— Нѣтъ, ты мнѣ докажи,—перебивалъ его Шестовъ,—что тенденція вѣчна, живуча, какъ красота, и застраховываетъ картину отъ забвенія.

Оба горячились, стараясь перекричать другъ друга и доказывая, каждый, правильность своего взгляда. Шестовъ, высокій, худой, съ блѣднымъ лицомъ, темными, глубокими глазами и длинными, откинутыми назадъ, волосами, въ сильномъ безпокойствѣ, то садился, то снова поднимался и шагалъ изъ угла въ уголъ. Яновъ—небольшаго роста, съ сѣрыми глазами и насмѣшливой улыбкой, ярче словъ говорившей, что онъ такихъ эстетиковъ, какъ Шестовъ, въ грошъ не ставитъ,—торопился и краснѣлъ, когда говорилъ.

— Скверный народъ эти художественные олимпійцы,—уже изъ коридора кричалъ Яновъ,—имъ до земнаго дѣла нѣтъ, имъ подавай пластику, тоны! Они и человѣка-то разсматри-

Digitized by Google

ваютъ, какъ красивое пятно! — И въ заключеніе послышался громкій плевокъ.

На Доброва сразу пахнуло атмосферой увлекающейся юности, съ ея кипучей жизнью, запросами, разочарованіями и непреклонной вѣрой.

— Ты что сегодня скученъ?—обратился къ нему Шестовъ.

Добровъ подѣлился съ пріятелемъ новостью.

— Плюнь, не огорчайся!—проговорилъ Шестовъ,—не все дѣлается къ худшему, хотя въ нашемъ совершеннѣйшемъ изъ міровъ человѣкъ такъ созданъ, чтобы быть всѣмъ и всегда недовольнымъ! Лучше живи, какъ я, безпечнымъ артистомъ,—смѣясь, воскликнулъ онъ: — съ необремененнымъ желудкомъ легче постигнуть красоту!—Добровъ весело смѣялся и думалъ, что по себѣ онъ радъ бы жить такъ и что такая жизнь манитъ его и кажется счастливой и лучшей жизнью; но онъ не могъ забыть домашней обстановки, гдѣ на него смотрѣли, какъ на работника, и требовали извѣстной помощи. Ему такъ и хотѣлось разсказать другу, что́ удерживало его отъ такой жизни, но изъ чувства гордости онъ никогда не говорилъ объ этомъ и таилъ все въ себѣ, какъ таилъ и о своихъ литературныхъ попыткахъ.

Добровъ разсказалъ, что намѣревается работать дома. Шестовъ одобрилъ его намѣреніе.

— Это хорошо, хорошо!—заговорилъ онъ.—Засядь дома и наряду съ хлѣбной работой напиши что нибудь серьезное. Ты давно не писалъ, но у тебя, братъ, былъ чертовскій талантъ. Ну-ка, тряхни стариной!—И онъ дружески хлопнулъ его по плечу.

— Гдѣ ужь! я, братъ, уморилъ въ себѣ художника,—угрюмо проговорилъ Добровъ.

— Ну, а я такъ опять хочу дерзнуть,—проговорилъ Шестовъ.—Это хорошо, что ты заглянулъ! Я покажу тебѣ этюды, и что́ тебѣ не понравится,—не покриви душой,—замѣть.—Вотъ видишь,—показывалъ Шестовъ эскизъ,—это каменотесъ. Я его задумалъ, когда былъ въ Севастополѣ; я изучалъ этотъ типъ и много работалъ!—И онъ показалъ на цѣлую массу этюдовъ, написанныхъ съ натуры.

Этюды были хороши. Масса воздуха, свѣта, перебѣгающихъ тѣней на свѣтлыхъ камняхъ. Все было обработано съ лю-

Digitized by Google

бовью, стараніемъ, на все было затрачено много времени, труда.

— Въ картинѣ будетъ болѣе художественныхъ задачъ, чѣмъ идейнаго разсказа,—какъ то виновато проговорилъ Шестовъ.— Все будетъ бѣлое: бѣлые камни, бѣлое отъ каменной пыли платье рабочаго, небо будетъ вечернее свѣтлое, а—главное— меня занимаетъ отношеніе тоновъ и перебѣгающіе рефлексы. Каменотесъ будетъ усталый, отдыхающій.

Добровъ слушалъ отрывистое объясненіе Шестова, смотрѣлъ этюды, и передъ нимъ вставала картина, переносившая его на дальній югъ съ теплыми тонами, съ загорѣлыми лицами татаръ,—и съ недокрашеннаго полотна на него вѣяло жизнью, любовью, правдой. Онъ не скрылъ свего восторга.

— Такъ тебѣ нравится?—оживившись, спрашивалъ Шестовъ, слѣдя за малѣйшимъ движеніемъ пріятеля.—Ну, я радъ. У тебя хорошее чутье и вкусъ! А вотъ Яновъ такъ разнесъ меня.

— Ахъ, кабы тебѣ продать ее! — невольно вырвалось у Доброва.

Шестовъ сдвинулъ брови и серьезно проговорилъ:

— Ну, друже, нельзя все думать о продажѣ. Я пишу для себя. Мнѣ хочется написать то, что я видѣлъ,—я и пишу! Продажа картины—еще не успѣхъ. Стоитъ только приспособиться ко вкусамъ спроса, вотъ тебѣ и продажа. Нѣтъ, другъ! Дорого быть господиномъ своего труда. Для этого стоитъ и поголодать!

Добровъ любилъ въ живописи тѣ мысли, тѣ общечеловѣческія цѣли, которымъ можетъ служить искусство; но, какъ художникъ, онъ не могъ всецѣло освободиться отъ идеи живописи, какъ только искусства. Потому-то Шестовъ и подкупалъ его силой своего непосредственнаго чувства красоты. Онъ прощалъ ему художественныя увлеченія и любилъ за его цѣльность, отзывчивую душу и любовь ко всему возвышенному. Онъ видѣлъ, что въ Шестовѣ еще не перебродило чувство поклоненія красотѣ въ искусствѣ, но что это самонаслажденіе должно смѣниться болѣе гуманнымъ чувствомъ общечеловѣческой любви и служенья. Тогда Шестовъ станетъ могучъ, потому что для выраженія впечатлѣнія онъ клалъ всю свою душу, всѣ нервы. Онъ былъ близокъ ему и потому, что въ самомъ Добровѣ тоже

Digitized by Google

бродила любовь къ природѣ, красотѣ. Онъ не чуждъ былъ желанію отдохнуть гдѣ нибудь въ праздничный день за городомъ, пошататься въ лѣсу, встрѣтить восходъ солнца. Только все это меркло при воспоминаніи о страданіи людей, о безправіи, о посягательствѣ на человѣческое достоинство. Въ душѣ его загорался огонь борьбы, желанія хоть чѣмъ нибудь облегчить участь обездоленныхъ; умъ и сердце просили работы. «Да, чтобы быть господиномъ своего труда, стоитъ и поголодать»!— вспомнилъ онъ слова Шестова, когда уходилъ отъ него.

III.

Добровъ былъ въ восхищеніи. Онъ нашелъ большую работу и планъ его осуществлялся. Теперь онъ могъ располагать временемъ, какъ хотѣлъ, могъ отдаваться литературнымъ занятіямъ тогда, когда у него являлось желаніе. Сознаніе свободы опьяняло его. Онъ чувствовалъ себя глубоко довольнымъ.

Свобода, помимо своей непосредственной прелести въ видѣ избавленія отъ подчиненности мопсу-хозяину, поспѣшнаго вскакиванія утромъ, съ постоянной боязнью опоздать на службу, и массы другихъ мелочей, угнетавшихъ раньше Доброва, дала ему еще одно наслажденіе, которое раньше было невозможно. Это наслажденіе состояло въ сближеніи съ братомъ. Володя, маленькій черноглазый мальчуганъ, учившійся въ школѣ, постепенно привязывался къ нему. Онъ не бѣгалъ, какъ раньше, отъ докучнаго брата, а разговаривалъ съ нимъ и читалъ, когда Добровъ рисовалъ. Володя засыпалъ брата всевозможными вопросами и Добровъ съ удовольствіемъ удовлетворялъ дѣтскую любознательность.

Онъ разсказывалъ брату эпизоды изъ исторіи, увлекательно рисовалъ ему силу науки и тѣ радости, которыя она даетъ. Глазёнки Володи загорались; онъ жадно слушалъ и принимался увѣрять брата, что будетъ, непремѣнно будетъ, учиться. Добровъ приходилъ въ еще бо́льшій восторгъ отъ экзальтированности брата, чѣмъ тотъ—отъ его увлекательныхъ разсказовъ. Что́ бы только ни сообщалъ ему братишка, онъ постоянно выслушивалъ, входилъ въ подробное обсужденіе, и маленькій Володя привязался къ нему всей душой.

Digitized by Google

Онъ видѣлъ въ братѣ старшаго товарища и убѣдился, что братъ вовсе не такъ скученъ, какъ думалъ онъ раньше, видя его всегда или усталымъ послѣ возвращенія домой съ работы, или уткнувшимся въ книгу.

Окончивъ очерки, Добровъ захотѣлъ прочитать ихъ товарищамъ; но онъ боялся, что они могутъ быть крайне слабы и вызовутъ улыбку сожалѣнія за потраченное на нихъ время.

Отослать свою работу въ редакцію онъ не рѣшался по тѣмъ же причинамъ. А выслушать чье либо мнѣніе было необходимо. Самъ онъ рѣшительно утратилъ всякое чутье. Борясь между желаніемъ слышать чей либо отзывъ и боязнью показаться смѣшнымъ, онъ рѣшилъ, что для своихъ произведеній ему не найти критика лучше и добросовѣстнѣе Вѣры Сергѣевны. Къ тому же онъ зналъ, что Вѣра,—какъ онъ называлъ ее про себя,—не была заражена болтливостью и, если очерки окажутся неудачными, его секретъ умретъ въ ней. Добровъ зналъ, что они нравились другъ другу. Иногда между ними происходили тѣ незначительные оживленные разговоры, которые кажутся интересными и значительными, и обсуждаются послѣ наединѣ.

Вѣра жила при школѣ, гдѣ учила. Комната, въ которую вошелъ Добровъ, была небольшая, но замѣчательно чистенькая. Все въ ней было скромно, но на каждой вещицѣ лежалъ отпечатокъ изящнаго вкуса. Вездѣ была видна рука заботливой хозяйки, а по развѣшаннымъ гравюрамъ и по лежащимъ книгамъ можно было судить объ интеллигентности ея обитательницы. Пахло гіацинтами, и ихъ нѣсколько тяжелый запахъ пріятно щекоталъ обоняніе. Цвѣты были единственной роскошью, которую позволяла себѣ Вѣра.

Вѣра Сергѣевна была дѣвушка невысокаго роста, съ глубокими, темными глазами, просто, но изящно одѣтая. Когда пришелъ Добровъ, она сидѣла за столомъ и читала. Лампа съ голубымъ абажуромъ освѣщала книгу и столъ, оставляя бо́льшую часть комнаты въ полумракѣ. На звукъ отворяемой двери она подняла голову и пристально всматривалась въ полумракъ. Увидавъ Доброва, она быстро поднялась къ нему навстрѣчу, улыбаясь той милой, радостной улыбкой, которой дарятъ всегда желаннаго гостя.

Digitized by Google

— Иду къ вамъ каяться и прошу заранѣе снисхожденія,— проговорилъ Добровъ, пожимая ей руку.

Она отвѣтила крѣпкимъ рукопожатіемъ, въ которомъ лучше словъ сказалось, что она всегда готова его выслушать и быть снисходительной.

— Я васъ слушаю!—проговорила она, усаживая его подлѣ себя на кушетку.

— Главная просьба,—полушутливо, полутаинственно продолжалъ Добровъ,—чтобы моя тайна осталась между нами.

— Это еще интереснѣе и пріятнѣе!—улыбаясь, проговорила Вѣра.—Говорите же, я жду! Вы знаете, какъ я любопытна,—прибавила она, видя, что Добровъ медлитъ.

Добровъ съ какой-то отчаянной рѣшимостью повѣдалъ, что онъ написалъ очерки и торопливо, точно желая скорѣе свалить съ себя тяжесть объясненія, вынулъ изъ кармана пачку мелко исписанныхъ листовъ. Вѣра была изумлена. Глаза ея вспыхнули и радостная улыбка освѣтила симпатичное лицо, придавъ ему особую прелесть и мягкость.

— Такъ вотъ вы какой... скрытный!—Послѣднее слово она проговорила съ упрекомъ.

Ее немного кольнуло, что Добровъ, всегда повѣрявшій ей все, скрывалъ до послѣдней минуты такое важное дѣло. Невольно ей пришла мысль, что, быть можетъ, она послѣдняя узнаётъ объ этомъ.

— Вы плохой другъ, хотя и просили моей дружбы!—тономъ упрека проговорила Вѣра.

— Чѣмъ?—изумился Добровъ.

— Зачѣмъ вы скрывали отъ меня до сихъ поръ объ этомъ? Вѣдь съ кѣмъ нибудь изъ товарищей вы совѣтовались же!

Добровъ откровенно разсказалъ, что онъ не надѣется на свои силы, и поэтому никто объ его попыткахъ не знаетъ, и даже ее онъ проситъ никому не выдавать его грѣхъ. Успокоенная и обрадованная, она засадила Доброва за чтеніе. Сначала Добровъ конфузился, робѣлъ и читалъ невнятно, но постепенно онъ увлекался самъ и чтеніе пошло хорошо.

Вѣра слушала его, полная удивленія и интереса. Не отдыхая, онъ прочиталъ всѣ очерки и, когда окончилъ, то былъ блѣденъ и утомленъ. Зато онъ увидалъ благодарный и восторженный взглядъ Вѣры, и теплая, влажная отъ волненія, рука

Digitized by Google

ея крѣпко пожала ему руку. Онъ не спрашивалъ ея. Онъ видѣлъ, что на нее очерки произвели впечатлѣніе, но онъ боялся повѣрить, что они могли также понравиться и другимъ.

— Ихъ надо послать въ одну изъ редакцій; они будутъ замѣчены. Я ихъ перепишу! — порывисто и радостно говорила она.

— Пишите, пишите больше!—прощаясь, наказывала она.

Первый разъ въ жизни Добровъ былъ опьяненъ восторгомъ, проникшимъ все его существо. Внутри его что-то пѣло; луна казалась особенно великолѣпна, а серебристый свѣтъ ея прямо очаровалъ его. Глядя на небо, онъ ощущалъ необъяснимое спокойствіе и просторъ, и ему хотѣлось подняться вверхъ и летѣть, летѣть далеко! Онъ какъ будто одинъ побѣдилъ громаднаго непріятеля и теперь наслаждался побѣдой. Его даже не охлаждалъ ехидный голосъ, шептавшій, что хотя Вѣра умна и много читаетъ, но ея впечатлѣніе можетъ быть не непосредственно отъ очерковъ, что она могла восторгаться и тѣмъ, что ихъ написалъ ея знакомый, отъ котораго она ничего подобнаго не ожидала.

IV.

— Дѣла изъ рукъ вонъ плохи!—жаловался Шестовъ, зайдя къ Доброву.

— Что такое? — всполошился Добровъ, всегда чуткій къ невзгодамъ друзей.

— Писать дальше безъ рамы не могу, а денегъ нѣтъ!— ерошa свои длинные волосы, мрачно говорилъ Шестовъ.—Да это бы еще полъ-бѣды. Главное—тоска грызетъ! Чортъ знаетъ, что за жизнь! Не знаешь, для чего живешь. Вотъ Яновъ, тотъ хоть вѣритъ въ пользу тенденціозной живописи, а моя мазня кому нужна? Я все чего-то ищу, какой-то красоты, пластики, только не мысли, не идеи...

— Да,—продолжалъ онъ,—когда я вижу у другихъ, что ихъ мазки служатъ для проявленія общечеловѣческихъ идей, мнѣ становится стыдно за свою безплодную мазню! Я вижу:— что-то идетъ отъ сердца; я чувствую тамъ человѣка, скорбящаго или негодующаго, но всегда съ чуткою къ жизни душою.

Digitized by Google

Я начинаю мучиться сознаніемъ, что я холодный созерцатель! Рвусь, чтобы самому пойти по ихъ пути, дѣлаю наброски, начинаю полотно, а кончается все комедіей. Опять какой нибудь свѣтовой эффектъ вскружитъ голову, прельститъ какое нибудь пятно, — и прощай идея! Правда, въ поискахъ красоты въ искусствѣ есть прелесть, но... развѣ не выше, не прелестнѣе отзывчивость душа?

Добровъ слушалъ эти отрывочныя возбужденныя слова и удивлялся, что такой стойкій въ исканіи красоты человѣкъ, какъ Шестовъ, поколебался и смѣется надъ тѣмъ, чему раньше молился. Онъ приписалъ это сильному впечатлѣнію отъ картины Янова и старался успокоить его, говоря, что время для работы еще не ушло; а пока просилъ кончать картину и деликатно предложилъ ему денегъ на раму. Онъ только что получилъ ихъ за работу, не успѣвъ даже отдать матери, и былъ радъ помочь другу. Шестовъ заупрямился. Онъ и безъ того часто, по мелочамъ, дѣлалъ набѣги на карманъ Доброва и зналъ, что и другіе товарищи «не оставляютъ его своимъ вниманіемъ», какъ въ шутку выразился онъ. Но Добровъ настоятельно и въ то же время мягко заставилъ его взять деньги.

— Мы весь твой банкъ растащимъ! — шутливо-виновато говорилъ Шестовъ.

— Это ничего, только работайте!—съ чувствомъ проговорилъ Добровъ.

Добровъ не хотѣлъ говорить матери о деньгахъ, которыя онъ далъ на раму Шестову, но это ему не удалось.

По неосторожности, онъ еще раньше проговорился Аграфенѣ Ивановнѣ, сколько получитъ за работу и, отдавая меньше, возбудилъ ея подозрѣніе.

— Вѣдь ты говорилъ, что получишь больше? — допрашивала его мать, пытливо и подозрительно посматривая на смутившагося Доброва.

Добровъ зналъ, что мать не любитъ его друзей, считаетъ ихъ пустыми и глупыми людьми, умѣющими только бить баклуши да «разговоры разговаривать», какъ выражалась она,— однимъ словомъ, называла ихъ пропащими людьми. Такая глухая и непонятная ненависть доставляла Доброву много огор-

Digitized by Google

ченій. Ему приходилось при посѣщеніи друзей устраивать такъ, чтобы они не встрѣчались съ матерью и не натолкнулись на ея надутую физіономію или грубость. Но лгать онъ не умѣлъ. Попавшись съ первыхъ же словъ, онъ досадовалъ, что поддался такому малодушію. Онъ подумалъ, что ничего дурнаго имъ не сдѣлано, и откровенно сказалъ матери, что далъ деньги Шестову.

Аграфена Ивановна была поражена. Она широко раскрыла глаза и смотрѣла на сына долгимъ—недоумѣвающимъ и сострадательнымъ—взглядомъ, какъ смотрятъ на здороваго съ виду, но психически больнаго человѣка.

— Безшабашная твоя голова! — съ печальнымъ вздохомъ заговорила она.—И въ чью только голову ты колотишь! Что ты отъ мильоновъ, что ли, раздаешь своимъ голоштанникамъ? Что жь, раздавай! Всѣмъ раздавай, всѣмъ имъ надо, только роднымъ твоимъ не надо, — съ грустнымъ, но язвительнымъ смиреніемъ заключила Аграфена Ивановна.

Этотъ-то тонъ особенно и не любилъ Добровъ. Онъ возмущалъ его. Онъ видѣлъ въ немъ издѣвательство надъ собой и не могъ съ нимъ примириться, тѣмъ болѣе, что онъ и такъ отдавалъ ей почти весь свой заработокъ.

— Какъ это вы не поймете,—стараясь убѣдить мать, мягко заговорилъ Добровъ,—что у меня есть сердце, умъ, свои желанія, и я не могу не помочь нуждающемуся человѣку, разъ вижу въ этомъ необходимость!

— А намъ не надо?—злобно перебила его Аграфена Ивановна,—ты считалъ ли въ нашемъ-то карманѣ? — И тутъ же она высыпала цѣлый ворохъ доказательствъ, какъ дорога жизнь.

Добровъ не выносилъ денежныхъ разсчетовъ среди родныхъ, и ему было больно слушать мать. И, когда она замолчала, онъ проговорилъ:

— Я не ребенокъ, и думаю, что могу поступать, такъ, какъ хочу съ тѣми средствами, которыя я добываю! Ваши копѣечные разсчеты мнѣ противны. Вы ничего, кромѣ денегъ, не цѣните, и это мнѣ больно. Повторяю, у меня есть свои взгляды, свои запросы, свои понятія. Я никогда не пойду противъ голоса разума и сердца, и прошу не говорить мнѣ больше объ этомъ!

Digitized by Google

— Ужь не приказывать ли ты вздумалъ матери? Много чести для вашей милости! — всплеснувъ руками, воскликнула Аграфена Ивановна, и тучное тѣло ея заколыхалось отъ негодованія, а лицо покрылось красными пятнами.

— Вотъ, голубчикъ, я отцу скажу! Пусть онъ съ тобой и раздѣлывается, какъ знаетъ. А то ты кричать на родную мать изволишь, и словъ ея въ резонъ не принимаешь!

И на Доброва полился цѣлый потокъ обвиненій: — въ неуваженіи къ родителямъ, въ гордости, озорствѣ; посыпались проклятія на всѣхъ друзей, якобы развратившихъ его.

Добровъ зналъ, что матушка, зарядившись дождемъ язвительныхъ обличеній, долго не угомонится и, не чувствуя въ себѣ силы быть неуязвимымъ и не вступать съ ней въ препирательство, счелъ за благо уйти изъ дому. Шагая по улицамъ, онъ никакъ не могъ освободиться отъ непріятнаго чувства, навѣяннаго послѣднимъ разговоромъ. Онъ сознавалъ, что у него нѣтъ свободы, а то, что, сидя въ мастерской, представлялось ему свободой, оказалось фикціей.

Его охватило горячее желаніе освободиться отъ несправедливой насильственной опеки.

— Свобода—первый шагъ въ осмысленной жизни—говорилъ онъ себѣ—и ее надо завоевать! Да, именно завоевать!—съ горечью повторилъ онъ, чувствуя, что, не смотря на давно минувшее совершеннолѣтіе, не смотря на то, что его родные могли жить на личный заработокъ,—безъ борьбы, безъ вражды этой свободы ему не дадутъ.

Желаніе свободы, самостоятельной жизни стало для Доброва idée fixe. Напрасно онъ твердилъ, что все понять — все простить! Онъ понималъ, что воззрѣнія матери всосались въ нее съ молокомъ. Вѣчныя заботы о кускѣ хлѣба заставляли ее дрожать за свою шкуру, заглушивъ всѣ человѣческіе взгляды. Даже, когда и нѣтъ необходимости дрожать, она дрожитъ въ силу привычки. Это онъ прощалъ ей. Но боль все таки оставалась. Было горько, что люди живутъ и не думаютъ о жизни, называются христіанами и не носятъ въ себѣ заповѣдей Христа, даже не хотятъ ихъ знать. Было жаль ихъ и жутко за себя, если принимать ихъ слова на вѣру и покориться традиціозному непрекословію родителямъ. Тина пошлости могла за-

Digitized by Google

сосать и его. Невольно являлось желаніе быть дальше отъ такихъ людей, не выслушивать незаслуженныхъ оскорбленій, не подвергаться насмѣшкамъ, когда въ желаніи сдѣлать полезное для другихъ, они видятъ лишь матеріальный убытокъ для себя.

И Добровъ обдумывалъ свою будущую жизнь, обдумывалъ какъ онъ выскажетъ все это роднымъ. Онъ зналъ, что дѣло не обойдется безъ укоровъ, слезъ, попрековъ: на все это онъ былъ готовъ,—но его удерживалъ братъ. Пока онъ жилъ съ родными, онъ могъ руководить братомъ въ урокахъ, могъ вліять на родныхъ, чтобы ему поручили дальнѣйшее образованіе. Но, если онъ уѣдетъ, навѣрно и его брата учить его не будутъ. Отъ родителей онъ не разъ слыхалъ, что учить дѣтей—погибель; выходятъ изъ нихъ «непочетчики». Добровъ видѣлъ въ этомъ упрекъ себѣ и не желалъ оставлять брата безъ образованія.

V.

Добровъ торопливо кончалъ спѣшную работу. Было 10 часовъ вечера. Его маленькая комнатка, заваленная въ безпорядкѣ рисунками и книгами, освѣщалась небольшой лампой. По стѣнкамъ были развѣшаны этюды товарищей, и время отъ времени онъ отрывался отъ работы и глядѣлъ на нихъ, давая отдыхъ глазамъ. Изъ-за перегородки слышался монотонный голосъ брата, учившаго уроки, и стукъ ножницъ въ рукахъ кроившей что-то Аграфены Ивановны.

За окномъ гудѣлъ холодный зимній вѣтеръ. Прислушиваясь къ вьюгѣ, Добровъ ощущалъ глубокое удовольствіе сидѣть въ такую погоду въ теплой комнатѣ и жалѣлъ несчастныхъ, которыхъ вьюга застала безъ пріюта. Онъ былъ доволенъ и, какъ бываетъ съ людьми довольными, мысли его недолго останавливались на предметахъ постороннихъ, переходя къ собственной личности. Ему попалась выгодная работа; онъ много заработалъ, и это дѣлало его довольнымъ и счастливымъ.

Онъ вспомнилъ, что Шестовъ, отдавшись весь «Каменотесу», сидѣлъ безъ заказной работы, которую не могъ бы и дѣлать, и питался голубями, стрѣляя ихъ изъ монтекристо,—и рѣшилъ завтра заѣхать и помочь ему. Послѣднее время

Digitized by Google

Добровъ чувствовалъ себя плохо, но за занятіями не обращалъ на это вниманія. Отсутствіе апетита, потъ по ночамъ, иногда галлюцинаціи онъ приписывалъ возбужденному состоянію и рѣшилъ недѣли двѣ отдохнуть. Тяготилъ его и удушливый кашель, но его онъ приписывалъ табаку, отъ котораго не могъ отстать. Работа кончена. Онъ любовно уложилъ ее въ папку и съ облегченіемъ вздохнулъ, предвкушая долгій отдыхъ и завтрашній день.

День сулилъ удовольствія: получить деньги, зайдетъ къ товарищамъ, а затѣмъ домой. «Всѣ будутъ рады, по своему, конечно»! улыбаясь подумалъ онъ и закашлялся.

Кашлялъ онъ долго. Лобъ его покрылся потомъ. Онъ чувствовалъ усталость. Отхаркавшись, онъ плюнулъ въ стоявшій неподалеку тазъ съ пескомъ, но плевокъ былъ слабъ, и мокрота нечаянно попала на руку. Съ брезгливой миной онъ хотѣлъ вытереть руку платкомъ, но то, что онъ увидалъ, поразило его. Вмѣсто мокроты было кровавое пятно... Добровъ почувствовалъ, какъ его волосы зашевелились, и по спинѣ пробѣжалъ холодъ. Ярко, какъ молнія, вспыхнула роковая догадка, потомъ все погрузилось во мракъ, только въ головѣ осталось что-то сверлящее.

— Все это не то!—повторялъ онъ растерянно, осматриваясь кругомъ.

Ему было чего-то жаль, отчего-то больно и грустно. Мелькнула мысль о смерти, но мелькнула странно, въ образѣ скелета въ саванѣ и съ косой, какъ онъ видалъ ее на народныхъ лубочныхъ картинкахъ. Его охватилъ ознобъ.

— Умереть такъ рано! — шепталъ онъ, крѣпко стискивая пальцы.

«Здѣсь будетъ весна, ярко засвѣтитъ солнце, одѣнутся свѣжей зеленью деревья, а меня не будетъ, я ничего не увижу»!—съ болью думалъ онъ.

И ему стало безгранично жаль себя, жаль молодыхъ неиспробованныхъ силъ. «Жизни, жизни! Я хочу жить, трудиться!—безсвязно шепталъ онъ. Въ разгоряченномъ мозгу вставали минуты творчества, дорогія минуты его жизни, казавшіяся ему святыми, великими, и молчали всѣ сомнѣнія, мучившія его раньше.

«Жить, жить»!—повторялъ онъ и поспѣшно отправился къ

Digitized by Google

доктору. Докторъ, жившій по сосѣдству, еще не спалъ. Добровъ позвонилъ. Его впустили.

Торопливо, прерывая слова кашлемъ, Добровъ разсказалъ врачу о своей болѣзни и лихорадочно-испытующимъ взглядомъ слѣдилъ за нимъ, надѣясь на лицѣ его прочесть приговоръ.

Но врачъ былъ невозмутимъ. Посовѣтовавъ Доброву успокоиться, онъ прописалъ ему бромъ.

«Коновалъ, должно быть»!—рѣшилъ Добровъ, но въ аптеку за бромомъ все таки пошелъ. Ночь онъ спалъ плохо. Его давилъ тяжелый кошмаръ и, обливаясь холоднымъ потомъ, онъ часто просыпался. Утромъ, частью отъ думы, частью отъ плохаго сна, онъ чувствовалъ себя настолько слабымъ, что задыхался послѣ десяти шаговъ. Но все таки повезъ работу. Хозяинъ-нѣмецъ, увидавъ его еле двигавшимся, разсердился:

— Вашъ совсѣмъ боленъ! Зачѣмъ шли? Могли прислать я самъ могъ прислать, а вашъ писалъ бы!

Добровъ на минуту забылъ болѣзнь. Ему почему-то припомнился хозяинъ, у котораго онъ занимался раньше и который прогналъ его, воспользовавшись его болѣзнью. Что-то похожее на умиленіе за человѣка скользнуло въ его угасшихъ глазахъ.

Онъ дорожилъ хорошими отношеніями людей; ему стало грустно и пріятно; захотѣлось работать съ этимъ «человѣчнымъ», какъ онъ подумалъ, нѣмцемъ.

Шестову онъ не сказалъ о своей болѣзни. Онъ боялся, что, узнавъ, тотъ откажется отъ денегъ. Шестовъ замѣтилъ его блѣдность и озабоченно спрашивалъ, что съ нимъ.

— Такъ, пустяки! Пройдетъ, — натянуто улыбаясь, отвѣчалъ Добровъ на горячіе разспросы друга.

Участье Шестова трогало его.

— Кончай вотъ картину-то скорѣе! — проговорилъ онъ и тутъ же подумалъ, что, можетъ быть, онъ не увидитъ ея оконченной.

Шестовъ замѣтилъ, что съ пріятелемъ что-то неладно.

— Я, братъ, разоряю тебя?—конфузливо проговорилъ онъ, беря отъ Доброва деньги.

— Э, вздоръ! — морщась, точно отъ физической боли, отвѣтилъ Добровъ.

*

Digitized by Google

Въ своей прямолинейности онъ не считалъ искренней дружбой ту, гдѣ товарищи считались во взаимныхъ одолженіяхъ.

VI.

Вечеромъ на Доброва напала тоска. Какъ часто бываетъ съ больными людьми, онъ почему-то страшно желалъ видѣть кого либо изъ товарищей. И хотя никто изъ нихъ не обѣщалъ быть, но тѣмъ не менѣе онъ упорствовалъ въ ожиданіи. Когда же никто изъ друзей не пришелъ, тоска и грусть охватили его сильнѣе. Онъ думалъ, что всѣ его забыли, что онъ никому не нуженъ теперь, когда такъ нуждается въ людяхъ.

Какъ тѣнь, еле двигаясь, онъ блуждалъ по комнатамъ, а глухое раздраженіе росло и росло. Съ товарищей онъ перенесъ его на мать. Онъ думалъ, что вотъ онъ одинъ умираетъ, а ей даже и дѣла нѣтъ. Она не замѣчаетъ ни его мертвенной блѣдности, ни слабости. «Никому не нуженъ!» — мысленно повторялъ онъ: — «ну, что жъ? И лучше! По крайней мѣрѣ, никому ни заботы, ни огорченія не принесу»! А слезы жалости къ себѣ и своей одинокости чаще и чаще подступали къ горлу.

— Что у тебя глаза красные? Да ты никакъ плачешь? Вотъ дитятко какое!—насмѣшливо воскликнула Аграфена Ивановна и, видя, что на сына ея шутка не подѣйствовала, она уже болѣе сочувственно спросила:

— Что ты боленъ?

— Боленъ!—проговорилъ Добровъ.

— Что у тебя?

— Чахотка!

— Карманная? Да рано больно, сегодня только деньги получилъ!—шутила Аграфена Ивановна, не придавая словамъ сына серьезнаго значенія.

— Нѣтъ, легочная! — отвѣтилъ Добровъ, закашлявшись тягучимъ зловѣщимъ кашлемъ, и сплюнулъ въ платокъ окровавленную мокроту.

— Господи! Что же это у тебя? — воскликнула Аграфена Ивановна, а спокойный, насмѣшливый взглядъ ея сталъ тревоженъ.

Digitized by Google

Лицо ея застыло въ нѣмомъ вопросѣ и, за минуту красное, постепенно блѣднѣло, а глаза съ испугомъ перебѣгали то на сына, то на окровавленный платокъ.

— Что жь это такое, что жь это такое? — растерянно повторяла она и грузно, точно скошенная, опустилась на стулъ. Потомъ она захотѣла подняться, куда-то уйти, что-то сказать, но ноги отказывались ей служить. Она не могла шевельнуться и не находила словъ, почувствовавъ, какъ что-то оборвалось внутри ея и закаменѣло. Про чахотку она знала, какъ про неизлѣчимую болѣзнь, слышала, что кровохарканье—послѣднее дѣло «и всегда бываетъ передъ смертью». И въ ея воображеніи всталъ умирающій сынъ — вся ихъ надежда и опора. Увидавъ воочію кровь, бѣдная женщина была убита. Теперь она вѣрила словамъ сына и чувствовала себя безпомощной въ страшномъ несчастіи.

— Ты бы хоть къ доктору сходилъ. Чего жь ты сидишь? Иди, иди скорѣе! — заволновалась Аграфена Ивановна, все еще не придя въ себя отъ ужаса.

Добровъ отвѣтилъ, что вчера вечеромъ былъ у врача, что̀ живетъ напротивъ.

— Да это бабій докторъ, чай въ мужчинахъ-то ничего не понимаетъ!—пояснила Аграфена Ивановна.

Невольно улыбнувшись на такую аттестацію женщинъ, Добровъ въ то же время страшно обрадовался. Отправляясь ночью искать врача, онъ совершенно забылъ, что врачъ, жившій противъ него, былъ акушеръ. Поразившую его недалекость врача онъ отнесъ къ его неспеціальности и рѣшилъ завтра же ѣхать въ клинику. Онъ ободрился, и ему казалось, что дѣла его не такъ уже плохи.

Аграфена Ивановна поѣхала къ мужу разсказать ему о несчастіи, а Добровъ улегся на постель и принялся считать часы до завтрашняго утра, когда онъ поѣдетъ въ клинику, гдѣ непремѣнно его вылѣчатъ, и онъ снова будетъ наслаждаться жизнью, природой, творчествомъ... И съ радостной надеждой на жизнь, на выздоровленіе, онъ забылся и уснулъ. Его разбудилъ громкій голосъ отца. Онъ прислушался и по голосу узналъ, что отецъ хмѣленъ.

— Ну, теперь пойдутъ изліянія на всю ночь!—съ досадой подумалъ онъ.

Digitized by Google

— Мой сынъ умираетъ!—доносился до него скорбный теноръ отца.—Ну, что жь? Отъ смерти никто не застрахованъ. Да оно и лучше умереть!.. тамъ спокойнѣе... Жаль только помощника... Одному тяжело придется,—ухъ какъ тяжело!

Въ словахъ отца Добровъ услыхалъ своеобразную жалость, жалость не какъ къ человѣку, а какъ только къ «добычнику». Они отдались въ немъ, какъ эхо безсердечности, и всколыхнули чувство обиды и горечи. Съ роковаго случая нервы его были напряжены; онъ былъ особенно чутокъ ко всякой обидѣ и полонъ жалости къ себѣ. Это состояніе и не позволило ему разобраться въ словахъ отца и понять тотъ своеобразный способъ выраженія, который былъ свойствененъ хмѣльному философу.

Въ немъ съ назойливой раздражительностью, вызывая негодованіе, кричалъ только одинъ голосъ: что онъ дорогъ роднымъ, какъ «добычникъ».

— Ну, и пусть! Скорѣе успокоятся,—повторялъ онъ себѣ, въ то же время невольно прислушиваясь, что говорилъ отецъ далѣе.

— А вѣдь тратились, учили, — слышался голосъ отца,— кабы знать, и тратиться было незачѣмъ!

Каждое слово было ударомъ ножа для Доброва, но онъ не сунулъ голову подъ подушку, какъ это дѣлалъ раньше, а, наоборотъ, слушалъ и слушалъ, точно боль причиняла ему наслажденіе. И ему казалось, что умереть дѣйствительно лучше, что мало хорошаго въ той жизни, гдѣ близкіе люди измѣряютъ чувства копѣйками и, пользуясь правомъ руководителей и воспитателей, стараются создать изъ дѣтей не людей съ мыслью и душой, а бездушный механизмъ, послушный ихъ волѣ.

— Или умру, или сбѣгу отъ нихъ. Нѣтъ моихъ силъ выносить больше эту плѣсень и пошлость!—подумалъ Добровъ и, чтобы не слышать ничего болѣе, сунулъ голову подъ подушку.

VII.

Добровъ внимательно выслушивалъ діагнозъ молодаго врача въ клиникѣ, — ассистента той знаменитости, передъ которой

Digitized by Google

онъ благоговѣлъ. Онъ проникся уваженіемъ передъ храмомъ науки, духъ которой, ему казалось, царилъ въ высокихъ комнатахъ, въ серьезномъ отношеніи врача и въ озабоченныхъ студентахъ. Ему казалось, что даже въ самой атмосферѣ царило выздоровленіе.

Изъ клиники онъ вышелъ убѣжденный, что его болѣзнь произошла отъ переутомленія и что здѣсь почерпнетъ онъ здоровье. Онъ оглянулся на величественное зданіе, и чувство неизъяснимой благодарности наполнило ему душу. Онъ говорилъ себѣ, что вѣра — главный стимулъ къ выздоровленію и вѣрилъ, вѣрилъ въ каждое слово врача, въ каждую каплю лѣкарства. Принимая лѣкарство, онъ чувствовалъ, что принимаетъ жизнь, и съ нетерпѣніемъ считалъ часы, когда онъ снова долженъ принимать его; отъ нетерпѣнія ему казалось, что время тянется ужасно медленно.

Аграфена Ивановна находилась въ возбужденномъ состояніи. Все время, пока Добровъ ѣздилъ въ клинику, она сидѣла у сосѣдки и плакала. Въ излѣченіе сына докторами она не вѣрила и надѣялась только на милость божью да на святаго угодника, въ чемъ ее и поддерживала сердобольная сосѣдка.

— И, матушка!—повѣствовала сосѣдка,—чего отъ докторовъ ждать? Всѣ они шаромыжники! Зарѣзать человѣка для своей практики только и могутъ. А угодникъ-то божій никого не рѣжетъ, а только помолится,—человѣкъ точно и боленъ не былъ! Мнѣ одна знакомая разсказывала: у ея знакомыхъ были тоже знакомые, и у нихъ вотъ также сынъ совсѣмъ отъ чахотки помиралъ; слышь, все внутри у него сгнило, все какъ есть, и доктора черезъ двѣ недѣли ему смерть назначили. Вотъ и стали они писать святому отцу. Ну, а угодничекъ божій какъ помолился, такъ всю болѣзнь, какъ рукой, сняло!

— Конечно, гдѣ же докторамъ? Нѣтъ, они не святые!—вздыхала Аграфена Ивановна.

Когда Добровъ возвратился изъ клиники, Аграфена Ивановна, скорбная, съ заплаканными глазами, пришла къ нему въ комнату и, выразивъ сомнѣніе въ докторахъ и клиникѣ, стала упрашивать сына, чтобы онъ написалъ святому отцу слезное письмо.

— Попроси святаго человѣка,—умоляла она сына, — онъ

Digitized by Google

все можетъ сдѣлать, онъ Богу угоденъ; не ради себя, ради насъ попроси!

— Мнѣ и самому дороги и жизнь и здоровье,—отвѣтилъ изумленный словами матери Добровъ, — но писать я не стану!

— Это почему же?—допытывалась Аграфена Ивановна.

— Потому что я не вѣрю въ него такъ, какъ вы.

Аграфена Ивановна возмутилась и разразилась упреками на басурманство сына.

— Наказалъ насъ Господь Богъ! За грѣхи наказалъ,— плакалась она.—Турка ты безчувственная. Ни во что не вѣришь! А все книжки твои проклятыя... Сожгу я ихъ, сожгу!— завопила она, придя въ неистовство.

— Господи! — застоналъ Добровъ, заламывая руки, — будетъ ли когда конецъ этимъ пыткамъ? Пощадите вы меня! Я не могу теперь выслушивать ваши сцены!

— Что тебя, изверга, щадить? Ты самъ никого не щадишь! — кричала Аграфена Ивановна. — Въ Бога не вѣришь, святыхъ угодниковъ не признаешь, сожгу же, сожгу твои проклятыя книжки!

— Скорѣе я умру, чѣмъ допущу надъ собой такое насиліе. Оставьте меня!—воскликнулъ выведенный изъ терпѣнія Добровъ и, закашлявшись, упалъ на постель.

— И околѣешь, какъ турка, безъ покаянія!—бросила Аграфена Ивановна и вышла.

Весь день Добровъ не сказалъ болѣе съ матерью ни слова. Аграфена Ивановна ходила съ заплаканными глазами и то и дѣло бѣгала отводить душу къ сосѣдкѣ. Добровъ, измученный, разбитый, весь день пролежалъ на постели и съ грустью сознавался, что при такихъ условіяхъ на выздоровленіе разсчитывать нельзя. Онъ уже готовъ былъ уѣхать хоть сейчасъ. Его даже не останавливала теперь и мысль о братѣ. Онъ говорилъ себѣ, что брата можно будетъ заставить учиться, когда онъ подростетъ, и что до тѣхъ поръ пройдетъ первая острая вражда родныхъ за его отъѣздъ. Но уѣхать онъ не могъ за безденежьемъ. Въ его карманѣ было всего три рубля; работать онъ не могъ, а надо было жить чѣмъ нибудь. Съ отъѣздомъ, на помощь родныхъ разсчитывать было нельзя; товарищи же были бѣднѣе его. Къ вечеру, съ горькимъ чувствомъ

Digitized by Google

безсилія, онъ заснулъ. Проснулся онъ, услыхавъ чьи-то осторожные шаги. Лампа у него не горѣла; въ темнотѣ онъ не могъ сразу разглядѣть фигуры и подумалъ, что это галлюцинаціи, которыя для него въ послѣднее время были не рѣдкостью. Но, присмотрѣвшись, онъ увидалъ, что это мать, и не галлюцинація, а живая, дѣйствительная мать. Она собирала книги Доброва и, сложивъ ихъ вмѣстѣ, намѣревалась унести. «Не жечь ли»? мелькнуло въ его головѣ. Онъ поднялся съ постели и сталъ въ дверяхъ, загородивъ выходъ.

Они стояли, молча, другъ противъ друга.

— Проснулся?—сердито прошипѣла Аграфена Ивановна.

— Проснулся! — твердо проговорилъ Добровъ. — Только книги-то прошу оставить въ покоѣ!

И онъ ухватился за нихъ.

— Пусти,—отецъ спитъ. Сожгу!—тихо проговорила Аграфена Ивановна.

У Доброва закружилась голова, и въ глазахъ заходили разноцвѣтные круги. Онъ ухватился за дверь, чтобы не упасть.

Минута—и все прошло. «Что это обморокъ, или бѣшенство»?—спросилъ онъ себя и рѣшилъ сдерживаться. Онъ чувствовалъ, что такое насиліе, не смотря на всѣ его благочестивыя намѣренія, можетъ вывести изъ себя.

— Оставьте книги, я не выпущу васъ съ ними!—проговорилъ онъ, снова ухватываясь за нихъ.

— Я тебѣ говорю: пусти!—упорнымъ шопотомъ твердила мать.

— Не пущу. Да не пущу же!—вскричалъ Добровъ, видя, что мать намѣревается уйти, и сталъ вырывать книги.

Добровъ чувствовалъ, что силъ у него нѣтъ, и онъ сейчасъ упадетъ; гнѣвъ на свое безсиліе и на наглость матери охватилъ его. Онъ выпустилъ книги и съ крикомъ, съ душившими его рыданіями, упалъ на полъ.

— Что тутъ такое?—проговорилъ прибѣжавшій въ одномъ бѣльѣ отецъ и зажегъ свѣчку.

— Она... мои книги... жечь!—вскрикивалъ Добровъ, катаясь по полу.

— Оставь, глупая женщина! Не суйся, гдѣ тебя не спрашиваютъ,—строго приказалъ Александръ Петровичъ.—За нихъ деньги плачены!

Digitized by Google

Съ негодованіемъ и злобой Аграфена Ивановна швырнула книги на столъ.

— Ну, что блажишь? Вставай! Останутся твои книжки съ тобой!—проговорилъ отецъ.

— Ну, не валяйся же по полу, и такъ простуженъ!—повторилъ онъ, видя, что сынъ не поднимается.

Добровъ поднялся съ пола, но стоять не могъ. Его качало; онъ упалъ на кровать и закашлялся. Кровь тонкой струйкой побѣжала у него изо рта.

Отецъ, молча, угрюмо качалъ головой, глядя на сына. Мать плакала.

— Ты все надѣлала! — злобно проговорилъ Александръ Петровичъ, обращаясь къ женѣ.

— Не отъ зла я! Вѣдь родной онъ мнѣ... Въ басурманствѣ ногибаетъ,—плакалась Аграфена Ивановна.

— Молчи ужь!—сердито проговорилъ мужъ.

Аграфена Ивановна, виноватая, пристыженная, поплелась спать.

Александръ Петровичъ, въ раздумьѣ, стоялъ надъ сыномъ. Онъ подумалъ было идти за докторомъ, но вспомнилъ, что ужь часъ ночи:—«доктора врядъ ли пойдутъ»—махнулъ рукой и ушелъ спать.

— Если во мнѣ есть хотя капля воли,—я долженъ уйти сейчасъ же! — говорилъ себѣ Добровъ, лежа на кровати и стараясь не шевелиться, чтобы унять кровоизліяніе.

Успокоившись, онъ всталъ, одѣлся, взялъ нѣсколько книгъ, но, почувствовавъ, что ему ихъ не донести, положилъ ихъ на мѣсто и, махнувъ рукой, вышелъ изъ дому. Съ трудомъ передвигаясь и останавливаясь послѣ каждыхъ пяти шаговъ, онъ вышелъ на улицу, отыскивая извощика, но какъ нарочно ни одного не попадалось. Идти далѣе онъ не могъ и сѣлъ на лавочку у воротъ дома. Къ нему подошелъ дежурный дворникъ. Дворникъ былъ изъ ихъ дома и узналъ Доброва.

— Степанъ, найди мнѣ извощика, — обратился къ нему Добровъ.—Я долженъ ѣхать къ товарищу!

— Богъ съ вами, Николай Александровичъ, куда ужь вамъ ѣхать?—проговорилъ дворникъ, знавшій о болѣзни Доброва.—Вы и то чуть живы, ступайте-ка домой!—И онъ взялъ его подъ руки и повелъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, Степанъ, мнѣ надо!—умолялъ его Добровъ.—Мнѣ дурно дома.

— Что вы, что вы, Николай Александровичъ! Кто ночью ѣздитъ? подите спите, а завтра съѣздите!—И онъ осторожно втолкнулъ его въ незапертую дверь.

Добровъ покачалъ грустно головой, пробрался въ свою комнату, раздѣлся и легъ, сказавъ себѣ, что уѣдетъ только тогда, когда накопитъ силъ.

Степанъ отправился на дежурство и былъ увѣренъ, что Добровъ умретъ.

— Ужь это всегда такъ, — разсуждалъ онъ, подойдя къ другому дворнику: —коли больной человѣкъ въ путь собрался, стало быть, смерть чувствуетъ!

VIII.

Чѣмъ болѣе жизнь становилась непріятной дома, тѣмъ чаще Добровъ проводилъ время внѣ его, у своихъ друзей. Въ ихъ кругу онъ отдыхалъ. Атмосфера смѣлой, безпечной юности заставляла его забывать болѣзнь. Онъ чувствовалъ, что здѣсь онъ живетъ, спорилъ съ ними, волновался и сердце его сильнѣе билось желаніемъ борьбы, работы.

Два мірка, въ которыхъ теперь ему приходилось жить, были такъ не похожи другъ на друга, что Добровъ всегда съ грустью возвращался домой и, какъ говорится, съ неба падалъ на землю. Міръ идей, мечты, желаній, сталкиваясь съ холодной, однообразно-скучной и мелочной до пошлости прозой жизни, ложился тяжелымъ гнетомъ на его душу. Дома его все раздражало, начиная съ фигуры матери, ея голоса, манеры говорить и кончая хмѣльными бесѣдами отца. Только братъ немного мирилъ Доброва съ домашней обстановкой. Гнетъ усиливался тѣмъ болѣе, что Добровъ носилъ все въ себѣ, не желая разсказывать о своихъ отношеніяхъ къ роднымъ. Какая-то особая горечь, горечь за близкихъ по крови людей, удерживала его отъ жалобъ. И онъ молчалъ, пока однажды признанье почти невольно, стономъ, вырвалось изъ его наболѣвшей груди.

Онъ сидѣлъ у Вѣры. Со времени болѣзни онъ заглядывалъ къ ней особенно часто. Молодая дѣвушка относилась къ нему

Digitized by Google

участливо, что особенно притягивало его. Онъ тянулся къ участію, какъ цвѣтокъ тянется къ солнцу. Въ его жизни она являлась ласкающимъ и бодрящимъ лучемъ. Вѣра и боялась за Доброва и вмѣстѣ съ нимъ радовалась, когда онъ говорилъ, что испугался напрасно и здоровье его улучшается. Съ тактомъ сердечнаго человѣка, она не давала Доброву задумываться надъ мрачной стороной болѣзни, устраняя всякіе разговоры, могущіе волновать его.

— Главное: не падайте духомъ!—ободряла она;—не жалѣйте времени; потраченнаго на выздоровленіе; его всегда можно наверстать. Больше спокойствія, меньше волненія! Не создавайте себѣ страданій, какъ любитъ это дѣлать большинство интеллигентныхъ людей, не читайте газетъ, хроники!

Слушая ее, Добровъ горько улыбнулся.

«Еслибы только это!—тоскливо подумалъ онъ,—еслибы у меня не было прицѣпокъ въ видѣ чадолюбивыхъ родителей».

Монотонная пѣснь самовара, мягкій свѣтъ лампы, уютная комната, тихій, задушевный, полный тепла и участія, голосъ хозяйки повліяли на Доброва располагающимъ къ откровенности образомъ. Онъ чувствовалъ, что здѣсь таиться ему нечего; здѣсь поймутъ его, и душа его раскрылась. Онъ разсказалъ, какъ тяжело и горько живется ему. Вѣра была поражена. Она съ состраданіемъ, почти со слезами, смотрѣла на Доброва широко открытыми глазами.

— Бѣгите, бѣгите, отъ нихъ, если вамъ дорога жизнь, дорого дѣло, которому вы хотите посвятить себя!—воскликнула она, хрустнувъ суставами тонкихъ пальцевъ.

— Ради чего гибнуть отъ безсмысленности людей,—простите! — хотя бы даже вашихъ родныхъ? Что вы подобнымъ «непротивленіемъ» докажете?—волновалась она.

— Во многомъ я ихъ и не виню, — отвѣтилъ Добровъ,—особенно мать, хотя главное дѣйствующее лицо—она; отецъ не такъ дикъ, но она поступаетъ согласно своимъ убѣжденіямъ. Временами я даже удивляюсь силѣ ея характера: скажетъ и сдѣлаетъ. Жить болѣе съ ними у меня не хватаетъ силъ! Одна бѣда: нѣтъ у меня такой рѣшимости, какъ напримѣръ, у нея. Я знаю, что безъ волненій мнѣ не уѣхать, и я медлю, накапливаю силы, но какъ только поправлюсь, — я сбѣгу!

Digitized by Google

IX.

Добровъ сидѣлъ угрюмый и разстроенный. Докторъ, чтобы укрѣпить здоровье, совѣтовалъ ему весну и лѣто прожить гдѣ нибудь въ деревнѣ или въ хорошемъ дачномъ мѣстѣ. Ему и самому страшно хотѣлось этого, но были существенныя затрудненія. Чтобы жить на дачѣ,—нужны были деньги, а ихъ-то и не было у Доброва. Родители, — онъ это хорошо зналъ,— не согласятся доставить ему эту возможность, и даже, не говоря о деньгахъ, самый отъѣздъ его отъ нихъ вызвалъ бы бурю. И онъ досадовалъ на непріятность своего положенія. А въ окно, дразня ослѣпительнымъ свѣтомъ, глядѣлъ солнечный день, и Доброву рисовались поле, лѣсъ, мягкая зелень травы, просторъ.

Раздался звонокъ, и чей-то женскій голосъ спросилъ: дома ли онъ? Потомъ послышались легкіе шаги, и въ комнату вошла Вѣра. Добровъ былъ изумленъ. Онъ никакъ не ожидалъ видѣть ее у себя. Страшно сконфуженный за безпорядокъ въ своей комнатѣ, онъ не зналъ, что ему дѣлать, и стоялъ передъ нею, какъ виноватый.

— Вы не разсердитесь, что я такъ неожиданно нарушаю вашъ покой?—шутливо спросила Вѣра.

— Разсердиться на васъ?—смущенно и радостно воскликнулъ Добровъ и засуетился, очищая ей мѣсто.

— Вы усердно читаете!—проговорила Вѣра, съ любопытствомъ осматривая его комнату и показывая кивкомъ головы на разбросанныя повсюду книги.

— Теперь нѣтъ. Это просто привычка къ свинству!— сконфуженно отвѣтилъ Добровъ.

— Держу пари, что вамъ ни за что не угадать, зачѣмъ я къ вамъ пришла,—весело начала Вѣра и, видя, что онъ не можетъ угадать, прибавила:—Я боялась встрѣтиться съ вашими родными, но писать было долго, а мнѣ такъ хотѣлось передать вамъ радостную новость. Прочтите!—и она показала ему письмо.

Строчки запрыгали въ глазахъ Доброва. Безумный восторгъ, радость охватили его. Ему хотѣлось броситься къ ногамъ этой чудной дѣвушки и цѣловать ихъ безъ конца. Онъ схватилъ ея руку и покрылъ безчисленными поцѣлуями.

Digitized by Google

Вѣра не отнимала руки и глядѣла на него восторженными, радостными глазами. Его счастье захватило ее, доставляя гордость сознавать, что это счастье принесла ему она.

— Вы, вы послали?—только и могъ выговорить Добровъ.

— И не раскаиваюсь! — счастливая, веселая, проговорила она.

Оправившись отъ перваго впечатлѣнія радости, Добровъ снова перечиталъ письмо.

Оно было въ нѣсколько словъ:

«Очеркъ принятъ, и въ сентябрьской книжкѣ появится въ печати».

— Вы скрыли отъ меня, когда писали, а я въ отместку скрыла, когда послала,—проговорила Вѣра, увѣренная, что на ея месть сердиться не будутъ.

— Вы принесли мнѣ счастье!—глухо, взволнованно проговорилъ Добровъ.—Я бы желалъ поблагодарить васъ, но слова́ не выразятъ того, чѣмъ полно сердце. Этотъ день будетъ свѣтлымъ днемъ въ моей жизни! — восторженно заключилъ онъ.

— Я рада за васъ,—говорила Вѣра, когда Добровъ шелъ ее провожать.—Теперь вы должны беречь ваши силы и здоровье, и отдаться литературѣ!

Счастливые, довольные, они долго оставались вдвоемъ, чувствуя, что нынѣшній день сблизилъ ихъ еще болѣе.

Добровъ съ обожаніемъ смотрѣлъ на эту энергичную дѣвушку. Онъ видѣлъ, что счастьемъ, быть можетъ, всей своей жизни онъ обязанъ ей.

Самъ онъ, по своей робости, не послалъ бы очерки въ редакцію и даже не могъ поручиться, что послалъ бы ихъ хоть когда нибудь...

X.

— Это что же, твоя возлюбленная приходила?—проговорила Аграфена Ивановна, входя вечеромъ къ сыну.

По ея веселому, какъ бы заигрывавшему тону, по замаслившимся нехорошимъ блескомъ глазамъ видно было, что она не противъ подобныхъ шалостей сына.

Digitized by Google

Грубо поставленный вопросъ, самая игривость, которою Аграфена Ивановна, очевидно, желала расположить сына къ откровенности, оскорбили Доброва. Онъ былъ полонъ возвышеннаго обожанія, готовъ былъ молиться на Вѣру, и пошлыя догадки матери возмутили его.

— Что у васъ за выраженія? Вы оскорбляете дѣвушку, которая создала мнѣ счастье,—вспыхнувъ, проговорилъ онъ.

— То-то ты и лизался съ ней!—хихикнула мать.—Ты думаешь, я не слыхала? Все, все слышала.

— Какая у васъ способность все опошливать!—брезгливо проговорилъ Добровъ.

— Да ты что фордыбачишь-то? — окрысилась Аграфена Ивановна.—Къ нему тутъ разныя барыньки шляются, а мать изволь сквозь пальцы на его распутство смотрѣть, и слова не смѣй сказать! Такъ и взъерепенится, какъ пѣтухъ индѣйскій! — заносчиво закончила она и вышла, сердито хлопнувъ дверью.

Добровъ закипѣлъ негодованіемъ. Мать показалась ему гадкой, пошлой женщиной, и ему стоило громадныхъ усилій сдержаться и не наговорить ей дерзостей. Онъ зналъ, что этимъ она не удовлетворится и будетъ изъ другой комнаты донимать его своими пошлостями. Поручиться за свое хладнокровіе въ данномъ случаѣ онъ не могъ и счелъ за лучшее уйти отъ зла. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ Шестовымъ.

— А я къ тебѣ!—воскликнулъ Шестовъ.

— Пройдемся лучше, мнѣ дома опротивѣло,—предложилъ Добровъ.

— А я и шелъ къ тебѣ съ просьбой, чтобы ты снизошелъ до трактира. Хочется «варганъ» послушать и побесѣдовать съ пріятелемъ. Это моя страсть: «варганъ» и бесѣда! Ну, что же, снизойдешь?

— Осчастливлю!—согласился Добровъ.

Добровъ замѣтилъ, что Шестовъ какъ-то особенно оживленъ и ему не хотѣлось лишить его удовольствія, такъ какъ Шестовъ, дѣйствительно, любилъ разсказывать подъ «варганъ».

— Друже, еще одна просьба!—ласково началъ Шестовъ,—какъ говорится, для компаніи не откажись отъ одной, только рюмочки портвейна. Это такой напитокъ, что его даже доктора

Digitized by Google

пьютъ! А? Уважь!—упрашивалъ онъ, пощупывая свою остроконечную бородку, и чему-то хитро улыбаясь.

Такая роскошь бросилась Доброву въ глаза. Правда, Шестовъ никогда не отличался практичностью, но деньги у него бывали не часто, и Добровъ рѣшилъ, что его другъ запродалъ что нибудь изъ своихъ этюдовъ.

— Что же, выпью!—согласился Добровъ,—только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты безъ прелюдій сообщилъ мнѣ, что̀ у тебя за праздникъ?

— Такъ тебѣ безъ прелюдій?—засмѣялся Шестовъ.—Это жестоко! Ты знаешь, какъ я люблю вступленія,—прибавилъ онъ, дѣлая комическую мину.—Но для тебя изволь! Я продалъ «Каменотеса» за четыреста рублей и за наличный разсчетъ,—раздѣляя каждое слово, проговорилъ Шестовъ, не сводя глазъ съ Доброва.

Ему хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на друга это извѣстіе.

— Ну!—воскликнулъ изумленный Добровъ.

Убѣдившись, что эффектъ и безъ вступленія не потерялся, Шестовъ принялся болтать, увѣряя, что теперь онъ—Крезъ, что раньше у него и гривенниковъ не было столько, сколько теперь рублей, и что онъ уже рѣшилъ поѣхать съ Яновымъ по Волгѣ. Добровъ слушалъ и былъ глубоко счастливъ за него. Онъ видѣлъ, что хотя Шестовъ раньше и не придавалъ значенія продажѣ картинъ, но успѣхъ окрылилъ его и давалъ возможность запастись свѣжими силами и впечатлѣніями. Онъ засыпалъ друга вопросами, какъ и кому онъ продалъ картину, и будетъ ли она на выставкѣ.

— Если примутъ, то будетъ! Это я поставилъ въ условіе. И знаешь,—таинственно наклоняясь къ пріятелю, почти шопотомъ проговорилъ онъ: — на ней будетъ висѣть записочка: «продана». Вѣдь эффектно, чортъ возьми! Выставка только открылась, а картина уже продана.

Добровъ улыбался этому наивному тщеславію. Онъ хотѣлъ было сообщить о себѣ, но Шестовъ былъ въ бурномъ настроеніи и не давалъ говорить другу.

— Жаль, что тебѣ нельзя съ нами на Волгу, — говорилъ онъ.—Т. е. ѣхать-то можно, но, пожалуй, на водѣ еще простудишься. А такъ какъ тебѣ обязательно надо отдохнуть, то

Digitized by Google

мы съ Яновымъ рѣшили, чтобы ты прожилъ лѣто на дачѣ, съ условіемъ полнаго отдыха. Плюнь ты на свою работу!

Здоровье дороже. И вотъ тебѣ нашъ долгъ!—и онъ отдалъ Доброву пачку денегъ.

— Ты съ ума сошелъ!—Ты мнѣ столько не долженъ!—изумился Добровъ.

— Вздоръ! Я за себя, и за Янова, и за всѣхъ товарищей плачу! Поправишься, снова будешь насъ выручать, а теперь нашъ чередъ поплатиться.

Добровъ запротестовалъ, но Шестовъ возмутился.

— Слушай!—сердито, сдвинувъ брови, проговорилъ онъ,—не взять ты не смѣешь! Я у тебя бралъ! И всѣ мы пользовались твоимъ карманомъ. Теперь мы платимся. Если находишь здѣсь излишекъ, то мы платимъ впередъ, кладемъ, какъ въ банкъ, и — будь увѣренъ — скоро возьмемъ назадъ. А если ты не возьмешь, то ты не другъ мнѣ, и все, что ты для меня и для другихъ дѣлалъ, ты дѣлалъ, значитъ, изъ тщеславія, узкаго и гадкаго. Но я не хочу вѣрить, что ты таковъ!—взволнованно говорилъ онъ и запихнулъ деньги въ карманъ Доброва.

— И что за стыдъ, и что за счеты!—продолжалъ онъ.—Я бралъ у тебя, не стыдился и не считался. Я хорошо зналъ, что каждый твой рубль—трудъ и дня, и ночи; ради насъ ты не досыпалъ ночей, а, можетъ быть, мы были косвенной причиной твоей болѣзни. Вѣдь переутомленіе играетъ немалую роль. А теперь ты отдохни и запасись силами!

Добровъ чувствовалъ, что у него нѣтъ доводовъ протестовать противъ словъ товарища, а упорствовать и оскорблять сердечный порывъ его онъ не хотѣлъ и, горячо обнявъ друга, украдкой отеръ слезу счастья за его чистую душу.

— Ты знаешь,—успокоившись, говорилъ Добровъ, — вѣдь и у меня есть радость!—и онъ показалъ письмо.

— И ты до сихъ поръ скрывалъ отъ насъ о своей работѣ?—съ упрекомъ воскликнулъ Шестовъ.

Добровъ чистосердечно покаялся, что не вѣрилъ въ свои силы.

— Ты братъ своей скромностью повергаешь меня въ краску стыда!—смущенно проговорилъ Шестовъ.

Digitized by Google

— Ахъ, Коля, Коля,—снова заволновался Шестовъ, размахивая своими длинными руками,—какой ты все таки хорошій. Прощаю тебѣ и скрытность, и скромность; работай только!

Я полагаю, ты написалъ что нибудь очень хорошее!—съ какой-то особенной увѣренностью и гордостью за друга проговорилъ Шестовъ, заключая его въ свои объятія.

— Все таки, какъ хочешь, а не отпраздновать твоего выхода въ свѣтъ я не могу!—воскликнулъ онъ.

— Ну, что жь, отпразднуемъ! — согласился Добровъ, совершенно забывъ и о болѣзни, и о всѣхъ семейныхъ непріятностяхъ.

На другой день Добровъ плохо помнилъ, какъ онъ очутился у Шестова, хотя выпилъ лишь нѣсколько рюмокъ.

Ему было стыдно и страшно за свой поступокъ. Выпивка могла вредно отразиться на здоровьѣ, и тогда — прощай работа, прощайте мечты!

«Какое мальчишество»! повторялъ онъ про себя. — И что подумала бы Вѣра, еслибъ узнала, какъ я отпраздновалъ радостный день!—И чувство досады на себя и на друга долго не покидало его.

XI.

Добровъ долго думалъ, гдѣ бы ему удобнѣе было поселиться.

Товарищи его разъѣзжались; видѣться съ ними лѣтомъ не представлялось возможнымъ, и онъ спокойно могъ бы уѣхать куда нибудь въ деревню. Эта мысль особенно манила его. Онъ представлялъ себѣ широкій просторъ полей, залитыхъ солнцемъ, колыхающуюся ниву, могучій синій лѣсъ, на горизонтѣ ряды деревенскихъ избъ, какъ бы тихо дремавшихъ подъ тѣми же жгучими лучами, бѣлыя головёнки дѣтворы и серьезные занятые обитатели деревни. Только онъ одинъ, свободный, со своими мыслями будетъ безпечно бродить среди луговъ и лѣса, и никто не будетъ ни огорчать его, ни причинять страданій. Просторъ манилъ его, и мысль поселиться въ деревнѣ приводила его въ восхищеніе.

Но, рисуя такую картину, онъ чувствовалъ, что, какъ ни

Digitized by Google

дорогъ ему просторъ и тишина, онъ не въ силахъ воспользоваться ими. Это значило быть далеко отъ Вѣры, не видать ее цѣлое лѣто, не говорить съ ней... Онъ такъ привязался къ молодой дѣвушкѣ, такъ полюбилъ ея общество, что чувствовалъ всю тяжесть подобной жертвы. Тогда онъ рѣшилъ поселиться гдѣ нибудь въ дачныхъ мѣстахъ, чтобы имѣть возможность бывать чаще въ Москвѣ, видѣть Вѣру, втайнѣ даже надѣясь, что и сама она посѣтитъ его.

Онъ отправился въ Разумовское и тамъ отыскалъ себѣ двѣ комнаты около сосноваго лѣса. Мѣсто ему понравилось и, не раздумывая, онъ оставилъ помѣщеніе за собой.

О своемъ отъѣздѣ на дачу Добровъ рѣшилъ переговорить прямо съ отцомъ. Ему не хотѣлось говорить раньше матери, чтобы не выслушивать отъ нея предварительныхъ сценъ и покончить все разомъ. Вечеромъ, когда пришелъ отецъ и они усѣлись за ужиномъ, Добровъ объявилъ о своемъ рѣшеніи. Онъ старался сказать возможно мягче, кротко посматривая на отца, и для бо́льшаго убѣжденія сослался на болѣзнь. Воцарилось неловкое молчаніе и, не смотря на кажущееся спокойствіе, Добровъ слышалъ, какъ учащенно билось его сердце отъ ожиданія.

Первымъ заговорилъ отецъ.

— Что же? хочешь жить на дачѣ, такъ поживи, если твое здоровье не позволяетъ жить съ нами. Живи, какъ хочешь, только вѣдь, живя на дачѣ, хорошо совсѣмъ не работать, а для этого нужны деньги; у меня же ихъ нѣтъ, чтобы помогать тебѣ.

— Деньги у меня есть,—поспѣшилъ успокоить отца Добровъ, довольный, что вопросъ исчерпывается такъ мирно.— А я ужь и дачу́ снялъ,—прибавилъ онъ весело.

— Какъ у него не быть деньгамъ! — ядовито вставила Аграфена Ивановна. — Вонъ къ нему какія расфуфыренныя барыньки ходятъ! Подцѣпилъ какую-то дуру, вотъ она ему и денегъ даетъ. Теперь на что ему родные!—заключила она, и въ голосѣ ея слышалась злѣйшая обида и на сына, и на презрѣнную, по ея мнѣнію, «барыньку».

Добровъ ожидалъ и былъ приготовленъ ко всевозможнымъ грубостямъ, но оскорбленія дорогаго ему человѣка онъ не предвидѣлъ, и слова матери ошеломили его. Онъ возмутился, но

*

Digitized by Google

сдѣлалъ надъ собой неимовѣрное усиліе, чтобы сдержаться, и, точно отъ ударовъ, закрылъ лицо руками. Внутри его шла ужасная работа: боролось чувство вкоренившейся привычки уважать родныхъ, съ голосомъ, шептавшимъ, что, если онъ промолчитъ на такое оскорбленіе совершенно невинной дѣвушки, то тѣмъ самымъ убѣдитъ ихъ, что она, дѣйствительно, «барынька», которая даетъ ему деньги! Эта мысль жгла его. Онъ поднялся и сдавленнымъ голосомъ проговорилъ:

— Ко мнѣ приходила не «барынька», а человѣкъ, котораго я глубоко уважаю.И если я еще разъ услышу подобное выраженіе, то моя нога не переступитъ вашего порога!

Лицо Аграфены Ивановны насупилось еще болѣе. Она сердито смотрѣла въ свою тарелку. Видимо, она поняла, что слова ея были лишними, но смягчить ихъ какъ нибудь она не могла и не находила нужнымъ.

На лицѣ отца, при словахъ сына, появилось выраженіе ожиданія,—того ожиданія, когда слова другаго ярко подтверждаютъ его собственныя наблюденія, въ которыхъ онъ ранѣе еще сомнѣвался. Александръ Петровичъ давно замѣтилъ, что у сына очень мало родственныхъ чувствъ, что онъ сторонится разговоровъ съ ними, а больше читаетъ. Онъ приписывалъ это его гордости и втайнѣ былъ оскорбленъ. Душевный міръ сына былъ непонятенъ ему. Онъ ни разу не задалъ вопроса сыну: почему онъ читаетъ, что̀ читаетъ и чему думаетъ научиться? Ему было достаточно, что сынъ живетъ скромно, и что чтеніе не мѣшаетъ заработку, но что у сына гордый характеръ,—и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Онъ чаще и чаще сталъ думать, чтъ сынъ скоро уйдетъ изъ семьи и захочетъ стать на свои ноги. И теперь въ словахъ сына онъ прежде всего услыхалъ желаніе этой жизни.

— Что же, хочешь пожить самостоятельно? поживи!—проговорилъ Александръ Петровичъ, прерывая тягостное молчаніе.—Насильно удерживать не будемъ.

— Онъ пойдетъ къ своимъ голоштанникамъ! — угрюмо вставила Аграфена Ивановна.

Опять что-то больно въ самое сердце кольнуло Доброва отъ ея словъ. Онъ чувствовалъ всю дикую грубость этой фанатической вражды, и ему захотѣлось сказать имъ, что его товарищи—хорошіе люди и умѣютъ горячо любить и чувствовать.

Digitized by Google

— За что вы ихъ ненавидите? — обратился онъ къ матери. — Вѣдь, они связаны со мной духовно и любятъ меня, быть можетъ, не менѣе васъ, но несравненно чище. Вотъ примѣръ! Я боленъ, и они, бѣдняки сами, помогаютъ мнѣ, даютъ возможность не работать, не думать о кускѣ. Деньги, которыя у меня теперь есть, дали они, а не расфуфыренная барынька! А вотъ вы, — я слыхалъ не разъ,— высказывались, что я нуженъ вамъ только, какъ работникъ. И выходитъ, что они умѣютъ любить не такъ, какъ вы! И если вамъ не стыдно своей грубости по отношенію къ нимъ, то мнѣ и больно, и стыдно за васъ! — горячо заключилъ онъ.

— Да ты что разговорился-то?—оборвалъ Доброва отецъ.— Молодъ еще учить насъ. Яйца курицу не учатъ! Не нравится,—ступай съ Богомъ на всѣ четыре стороны, а то еще учить вздумалъ!

— Я не учу васъ, но имѣю причины желать, чтобы вы учились сами. Если имѣешь обликъ человѣческій, то надо имѣть и душу! Если молишься Богу, то надо носить Христа въ груди,—отвѣтилъ Добровъ и вышелъ изъ комнаты.

— Ты вотъ наживи своихъ дѣтей, да и читай имъ рацеи! Намъ ихъ читать нечего. Насъ не *пересамишь*! — проговорилъ ему вслѣдъ отецъ.

— Да, теперь я убѣдился въ этомъ! — съ горечью отвѣтилъ изъ-за перегородки Добровъ.

Все клокотало внутри его. Онъ чувствовалъ, какъ что-то точно оборвалось въ немъ. Вотъ онъ свободенъ, и уже болѣе никакія силы не заставятъ его жить съ тѣми, кого «не пересамишь»!

Онъ попробовалъ было связать свои книги и рисунки, но руки его дрожали; у него все валилось. Тогда, чтобы успокоиться, онъ легъ на кровать.

— Какой цѣной я купилъ тебя, дорогая свобода!—думалъ Добровъ, и горькая страдальческая улыбка скользила по его лицу.

Впереди была новая жизнь. Она манила его своей загадочностью, сулила любимый трудъ, борьбу. Было и радостно, и грустно отъ ея близости. Онъ понялъ, что пережитое имъ— только подготовительная работа, и онъ трепеталъ-трепеталъ,

Digitized by Google

какъ школьникъ, не знающій, о чемъ его спросятъ, и въ то же время вѣрилъ и надѣялся.

— Только бы здоровье, а тамъ не страшны запросы жизни,—думалъ Добровъ, поспѣшно поднимаясь, — долгъ человѣка—мыслить, бороться и любить!

И. Данилянъ.

Digitized by Google

Элегія.

Знакомый садъ... Все дышетъ въ немъ
Ушедшихъ дней завѣтной далью.
Какая тишь! Какъ все кругомъ
Нѣмой обвѣяно печалью!

Въ немъ липы больше не шумятъ,
Левкой не льетъ благоуханья,—
И сердцу этотъ мертвый садъ
Даритъ одни воспоминанья.

Въ аллеѣ тѣнь мелькнула мнѣ—
Синѣетъ, вижу, дымка шарфа...
Несутся-ль вздохи въ тишинѣ,
Или воркуетъ гдѣ-то арфа?

Не знаю самъ:—то сонъ иль явь?
Невнятный ропотъ ловитъ ухо...
И, тайный смыслъ его понявъ,—
Лицо закрывъ, рыдаю глухо.

Конст. Ивановъ.

Digitized by Google

ЕВРЕЙСТВО И ЛИБЕРАЛИЗМЪ.

Предисловіе.

Въ нѣкоторыхъ кругахъ нашего общества существуетъ довольно распространенный взглядъ, будто пресловутый «еврейскій вопросъ» въ принципіальномъ отношеніи окончательно и безповоротно рѣшенъ еще со временъ 1-й французской революціи, когда евреи были признаны во Франціи свободными и равноправными гражданами.

Едва ли есть необходимость говорить, что этотъ взглядъ усердно поддерживается тѣми лицами, которыя въ немъ наиболѣе заинтересованы, т. е. самими жидами. Сторонники подобнаго воззрѣнія, въ качествѣ наиболѣе вѣскаго аргумента, ссылаются прежде всего на якобы непреложные принципы «свободы и равенства», возвѣщенные міру въ концѣ прошлаго вѣка изъ Франціи; затѣмъ указываютъ на примѣръ западно-европейскихъ государствъ, которыя, идя по слѣдамъ французовъ, даровали жидамъ равноправность въ теченіе настоящаго столѣтія.

Первый изъ доводовъ, служащихъ опорой защитникамъ еврейства, имѣлъ бы вполнѣ доказательную силу исключительно въ томъ случаѣ, еслибы названные принципы внесли въ жизнь человѣчества одни лишь положительные элементы. Но мы знаемъ, что идеи минувшаго вѣка, одновременно съ добромъ, способствовали быстрому росту темныхъ сторонъ современной общественной жизни.

Извѣстно, что подъ эгидой указанныхъ принциповъ развилась цѣлая вакханалія капиталистическаго строя,—и человѣчество познало два крайніе полюса матеріальнаго быта: необычайную, разнузданную роскошь и поражающую бѣдность, о которыхъ не имѣли понятія всѣ прежніе вѣка. «Капитализмъ» же пришелся больше всѣхъ на руку еврейству, также точно, какъ и нарицаемое «представительство», сдѣлавшееся игрушкой въ рукахъ того же жидовства. Одновременно и печать, которая сто лѣтъ тому назадъ всюду была въ зародышѣ, нынѣ, не успѣвъ расцвѣсть, уже опошлилась и сдѣлалась болѣе, чѣмъ когда либо продажной.

Законное стремленіе передовыхъ дѣятелей прошлаго вѣка:—освободить совѣсть людей отъ гнета духовенства, зайдя слишкомъ далеко въ своемъ

Digitized by Google

усердіи, имѣло прискорбныя послѣдствія, ибо не только привело къ избавленію отъ всякаго вліянія духовенства, но и совершенно вытравило религіозныя начала въ западно-европейскомъ обществѣ, въ то время, какъ религія —и притомъ въ самомъ дикомъ ея видѣ—отлично сохранилась только у еврейства.

Такой результатъ естественно повлекъ за собою паденіе идеаловъ, притупленіе нравственнаго чувства, чрезмѣрную жажду наслажденій, разложеніе семьи и равнодушіе къ серьезнѣйшимъ жизненнымъ задачамъ.

Положимъ, — какъ бы въ противовѣсъ отрицательнымъ сторонамъ, развившимся на почвѣ идей 18-го вѣка,—многими принято считать, что въ настоящемъ столѣтіи личный произволъ уменьшился, но съ этимъ можно согласиться лишь очень условно. Не надо забывать, что за тотъ же періодъ въ несравненно большей пропорціи возросъ гнетъ капитала, за которымъ скрываются его невидимыя пружины во образѣ биржевыхъ дѣльцовъ всѣхъ величинъ. Хотя въ отношеніи капитала весьма распространена тенденція, направленная къ тому, чтобы считать его нѣкоей безличной и даже чуть ли не стихійной силой, управляемой собственными законами,—но это едва ли справедливо. Не говоря о томъ, что подобное воззрѣніе страдаетъ значительной односторонностью, оно точно спеціально создано въ интересахъ «царей биржи», которымъ несравненно выгоднѣе и безопаснѣе дѣйствовать подъ маской «непреоборимыхъ экономическихъ законовъ», чѣмъ подъ своимъ собственнымъ именемъ.

Подводя общіе итоги результатамъ, явившимся логическимъ слѣдствіемъ идей минувшаго вѣка, мы видимъ, что въ прошломъ столѣтіи европейское общество надѣялось приблизиться къ идеаламъ—теперь оно въ нихъ уже успѣло извѣриться, и въ заключеніе остается безспорнымъ только тотъ фактъ, что въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ біеніе пульса человѣчества усилилось, ибо жизнь значительно усложнилась и ускорилась. Но сдѣлались ли люди счастливѣе?—вопросъ открытый. Этого мало: по злой ироніи судьбы, отъ недостатковъ современнаго строя болѣе всего страдаютъ именно тѣ общественные классы, интересы которыхъ ставились на первый планъ при первоначальномъ дарованіи гражданскихъ правъ. Вообще минувшій вѣкъ несомнѣнно имѣлъ много темныхъ сторонъ, но изъ нихъ былъ виденъ выходъ; изъ темныхъ же сторонъ нынѣшняго вѣка найти выходъ гораздо труднѣе.

Итакъ, мы видимъ, что непреложность принциповъ 18-го вѣка, весьма проблематична и, слѣдовательно, не можетъ служить аргументомъ въ пользу еврейской равноправности. Теперь перейдемъ къ общераспространенному среди юдофиловъ взгляду, будто на Западѣ, со времени дарованія евреямъ равноправности, еврейскій вопросъ «рѣшенъ окончательно» и притомъ вполнѣ согласно съ началами справедливости.

Digitized by Google

Сторонники евреевъ до такой степени увѣрены въ единственно возможномъ рѣшеніи этого вопроса по западно-европейскому шаблону, что, нисколько не смущаясь, исключаютъ изъ семьи якобы «цивилизованныхъ» народовъ всѣ государства, не дающія евреямъ равноправности, т. е. доходятъ до такого абсурда, что считаютъ дарованіе евреямъ правъ—мѣриломъ культурности и цивилизаціи!! Однако, внимательный взоръ, брошенный на современное положеніе евреевъ среди европейскихъ народовъ, усматриваетъ совершенно не ту картину, которую каждый вправѣ предположить подъ понятіемъ «равноправности». Нашему взору представляется безпримѣрное зрѣлище, какъ незначительная горсть жидовъ, черпающая свою силу въ талмудическихъ идеалахъ, во «Всемірномъ еврейскомъ союзѣ» и даже,—хотя въ этомъ прискорбно сознаться,—въ идеяхъ свободы и равенства, все болѣе и болѣе овладѣваетъ жизнью западныхъ государствъ.

Игнорируя нравственную сторону жидовскаго вліянія, тѣмъ не менѣе необходимо сказать, что оно, прогрессивно возрастая, черезчуръ сильно даетъ себя чувствовать во всѣхъ сферахъ общественной и экономической жизни. Это неминуемо должно, въ концѣ концовъ, или вызвать соотвѣтственное противодѣйствіе, или повлечь за собою полное и безповоротное *порабощеніе* Европы евреями. Слѣдовательно, вопреки мнѣнію юдофиловъ, еврейскій вопросъ даже на Западѣ находится въ переходной стадіи развитія, и его завершеніе принадлежитъ неизвѣстному будущему.

Великая заслуга нашего правительства въ томъ именно и заключается, что оно, въ отношеніи еврейскаго вопроса, никогда не шло на буксирѣ западной Европы, а съ самаго начала избрало самостоятельный путь. Въ теченіе двухъ царствованій: — Александра Благословеннаго и Николая I-го, оно приложило немало добрыхъ намѣреній къ единственно-правильной постановкѣ еврейскаго вопроса—на культурно-экономической почвѣ, въ противоположность западной Европѣ, которая пыталась рѣшить его на основаніи отвлеченныхъ теорій. Извѣстно, что положеніе о евреяхъ 1804 года, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «когда всѣ вообще евреи въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе, правительство пріиметъ тогда мѣры уравнять ихъ подати со всѣми другими подданными» [1]).

Вообще, идеи, первоначально руководившія нашимъ правительствомъ въ еврейскомъ вопросѣ, должны быть признаны вполнѣ безупречными, но чувство справедливости обязываетъ насъ заявить, что мы не можемъ сказать того же о средствахъ къ ихъ осуществленію, отличавшихся чаще всего скороспѣлостью и преждевременностью.

[1]) «Сборникъ законовъ о евреяхъ», Леванды. «Положеніе о евреяхъ», 1804 г. п. 29.

Digitized by Google

Слѣдуетъ съ большой вѣроятностью предположить, что еслибы правительство руководствовалось въ данномъ вопросѣ строгой системой, основанной на твердомъ и положительномъ знаніи дѣла, то оно имѣло бы силу бороться съ препятствіями, встрѣчавшимися на пути рѣшенія этого вопроса. Къ сожалѣнію, всѣ благія начинанія правительства парализовались не только отсутствіемъ стройной системы, но подчасъ даже и простой логической послѣдовательности. Глухое противодѣйствіе евреевъ, жаждавшихъ совершенно иного рѣшенія своей участи, а также, рутина «волокита» и отчасти прямыя злоупотребленія чиновничества добраго стараго времени—довершили все остальное. Результатъ получился такой же, какой, къ несчастью, всегда бываетъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ.

Послѣдовательный рядъ неудачъ и разочарованій на пути практическаго рѣшенія еврейскаго вопроса окончательно подорвалъ вѣру правительства въ тѣ основанія, опираясь на которыя, оно цѣлыхъ полстолѣтія тщетно стремилось измѣнить участь евреевъ, пока, наконецъ, не перешло къ пассивной и выжидательной политикѣ, характеризующей его отношенія къ еврейству въ продолженіе послѣднихъ 35-ти, — если не болѣе,—лѣтъ.

Эти отношенія и даютъ благодарный поводъ для еврейской якобы «либеральной» публицистики недвусмысленно упрекать наше правительство въ «отсталости» и «обскурантизмѣ». Безспорно, что для лѣнивыхъ, поверхностныхъ и незрѣлыхъ умовъ, склонныхъ убаюкивать себя шаблонными рѣшеніями и рабски подпадающихъ магическому вліянію эффектныхъ фразъ о свободѣ и равенствѣ,—взгляды, проповѣдуемые вышеназванной печатью, представляются чуть не вѣнцомъ человѣческой мудрости. Но было бы прискорбной ошибкой слѣдовать за лицами этой категоріи, направляющими разумъ по готовымъ колеямъ, нисколько не размышляя надъ тѣмъ, куда онѣ въ концѣ концовъ приведутъ человѣчество. Въ Россіи еврейскій вопросъ долженъ быть рѣшенъ не по европейскимъ шаблонамъ, а *на основаніи собственныхъ національно-государственныхъ потребностей и условій.*

Русскій народъ, благодаря стеченію историческихъ, географическихъ и климатическихъ условій, какъ извѣстно, является отсталымъ по сравненію съ большинствомъ европейскихъ государствъ и, въ общемъ, до настоящаго времени находится на низшихъ ступеняхъ культурной жизни. Самая элементарная логика требуетъ признать, что дальнѣйшія высшія ея ступени должны исподволь дѣлаться достояніемъ русскаго народа и предоставлять ихъ жидамъ—было бы дѣломъ вопіющей несправедливости. Считая настоятельно-необходимымъ ограждать русскій народъ отъ жидовъ, мы, однако, не можемъ рекомендовать—ограничиться по отношенію къ нимъ чисто пассивнымъ образомъ дѣйствій, какъ это принято у насъ въ

Digitized by Google

послѣднее время правительствомъ, ибо *подобное отношеніе лишь замедляетъ, но отнюдь не прекращаетъ поступательнаго движенія евреевъ на избранномъ пути.* Сверхъ того, слѣдуетъ помнить, что нравственные міазмы, развивающіеся въ «чертѣ осѣдлости» вслѣдствіе ненормальныхъ жизненныхъ условій евреевъ, отравляютъ не только ихъ однихъ, но и остальное населеніе обширнаго края. Однако, цѣлительныя средства противъ указаннаго зла далеко не могутъ заключаться въ уравненіи правъ евреевъ... Это значило бы не распутывать, а разрубать фатальный узелъ.

Что бы ни говорили защитники интересовъ этого племени, но, минуя нѣкоторыя частности, наиболѣе общая основная причина вѣковыхъ нареканій на жидовъ, а также и всѣхъ гоненій, которымъ они подвергались, заключается въ ихъ *оторванности отъ земледѣльческаго труда.* Поэтому, необходимо пріобщить евреевъ къ землѣ, съ которой они порвали связь не столько въ силу историческихъ событій, сколько вслѣдствіе специфическаго міросозерцанія и идеаловъ, основанныхъ на ложномъ и эгоистическомъ толкованіи моисеева законодательства. Воспринявъ однѣ внѣшнія формы, въ которыя влито это законодательство, евреи тщательно игнорировали его истинный духъ, заключавшійся въ боговдохновенныхъ высокихъ нравственныхъ идеяхъ, предназначавшихся для руководства всего человѣчества. Вынужденная двойственность между формой и духомъ закона Моисея роковымъ образомъ повела къ тому, что евреи воспользовались исключительно чертами, содѣйствовавшими эгоистическимъ интересамъ ихъ племени и пренебрегли именно той наиболѣе важной стороной Пятикнижія, благодаря которой они являются священнымъ, въ глазахъ христіанъ, народомъ. Евреи—не «аристократы человѣчества», хотя многіе изъ нихъ и стремятся прямо или косвенно убѣдить въ томъ другіе наивные народы. Они—такіе же люди, какъ и всѣ, а потому должны трудиться надъ обработкою земли наравнѣ съ остальнымъ человѣчествомъ.

Безполезно обманывать себя иллюзіями: еврейская масса едва ли добровольно возьмется за соху и плугъ и, быть можетъ, пришлось бы прибѣгнуть къ вразумительнымъ репрессіямъ, для того чтобы воочію убѣдить еврейство въ необходимости такого труда.

Легко предвидѣть, что даже одна мысль о репрессіи способна покоробить сантиментальныхъ людей, обыкновенно крайне близорукихъ и чуткихъ лишь къ случайнымъ интересамъ нынѣшняго дня. Мы, однако, не станемъ останавливаться на взглядахъ указанныхъ лицъ, какъ не заслуживающихъ серьезнаго вниманія, и перейдемъ къ болѣе вѣскимъ возраженіямъ, высказываемымъ противниками предлагаемыхъ мѣръ во имя гуманности. Послѣдняго рода возраженія, хотя и представляются, повидимому, достаточно обоснованными, тѣмъ не менѣе требуютъ крайне осторожнаго и объективнаго къ себѣ отношенія.

Digitized by Google

Прежде всего, «гуманность» весьма часто смѣшиваютъ съ «сантиментализмомъ», и подобное смѣшеніе тѣмъ легче, что сантиментализмъ есть, если угодно, та же гуманность, но примѣняемая безъ разбора и разумнаго смысла. Замѣтимъ, однако, что это не можетъ служить серьезнымъ оправданіемъ для лицъ, которыя не умѣютъ различать указанныхъ понятій, благодаря чему и впадаютъ въ грубую ошибку, совершенно такую же, какую дѣлаетъ человѣкъ, смѣшивающій характеръ съ безхарактерностью. Далѣе, особаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что чувства гуманности имѣютъ свою самостоятельную сферу дѣятельности, ибо имъ отмежевана отдѣльная и весьма обширная область—стремиться къ непосредственному уменьшенію нравственныхъ и физическихъ людскихъ страданій, причемъ этой областью едва ли не исчерпывается сфера вліянія гуманизма на жизнь человѣчества. Слѣдовательно, гуманность, имѣя своимъ объектомъ, главнымъ образомъ, современныя горести и невзгоды людей, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ совпадать съ вопросами внутренней и внѣшней политики, преслѣдующими значительно болѣе отдаленныя цѣли, въ сферѣ которыхъ даже вполнѣ гуманныя мѣры далеко не всегда бываютъ благодѣтельны. Наоборотъ, исторія указываетъ намъ достаточно примѣровъ, когда разумная и послѣдовательная политика, не задающаяся никакими спеціально-гуманными цѣлями и подкрѣпленная въ необходимыхъ случаяхъ извѣстной твердостью, являлась въ высшей степени благодѣтельной для исторической жизни народовъ и государствъ.

Еслибы мы пожелали оцѣнивать царствованіе Петра I исключительно съ гуманитарной точки зрѣнія, то нѣтъ сомнѣнія, что даже наиболѣе славныя дѣла этого государя должны были бы потускнѣть, не представляя съ указанной стороны рѣшительно ничего, заслуживающаго одобренія. Однако, Петръ I болѣе любаго изъ прославившихся въ исторіи монарховъ заслужилъ имя Великаго, которое онъ пріобрѣлъ, благодаря своему геніальному уму, политической прозорливости, ясному пониманію государственныхъ задачъ Россіи, неугасающей энергіи и непреклонной волѣ, могучая сила которыхъ во всѣхъ сферахъ государственной жизни въ большей или меньшей мѣрѣ даетъ себя чувствовать и до сего дня, на пространствѣ цѣлыхъ двухъ столѣтій. Этотъ примѣръ наглядно показываетъ, что въ области государственной жизни,—которая не заключается въ тѣсныхъ предѣлахъ одного или двухъ поколѣній людей, а длится многіе вѣка,—значеніе тѣхъ или иныхъ мѣропріятій опредѣляется не степенью ихъ гуманности въ отношеніи современнаго поколѣнія, а *степенью ихъ цѣлесообразности, т. е. соотвѣтствіемъ съ дѣйствительными народными и государственными потребностями.* Логика многочисленныхъ историческихъ фактовъ говоритъ намъ, что важныя государственныя задачи въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть достижимы

Digitized by Google

только путемъ серьезныхъ жертвъ со стороны современныхъ поколѣній людей.

Съ настоящей точки зрѣнія, должно быть вполнѣ ясно, что нѣкоторая репрессія одного или 2-хъ поколѣній еврейства—фактъ совершенно второстепенный по сравненію съ тысячелѣтіями, которыя предстоятъ человѣчеству впереди. Кто не способенъ этого понять, тотъ вполнѣ заслуживаетъ упрекъ въ неумѣньѣ оцѣнивать относительную важность и значеніе различныхъ событій въ жизни народовъ.

Такіе принципы, какъ гуманность, свобода и равноправность, подкупая своей симпатичностью, въ то же время требуютъ строго обдуманнаго и цѣлесообразнаго обращенія: иначе они способны порождать худшее зло, принося людямъ однѣ обманутыя надежды и позднія разочарованія.

На предыдущихъ страницахъ, въ краткихъ словахъ, указаны тѣ причины, которыя побуждаютъ насъ отрицать убѣдительность аргументовъ, приводимыхъ юдофилами въ пользу еврейской равноправности. Естественно, что мы не видимъ рѣшительно никакихъ основаній считать доказаннымъ, — какъ это дѣлаютъ заступники еврейства, — будто вопросъ о евреяхъ съ принципіальной точки зрѣнія вполнѣ закончилъ свой циклъ.

Выясненіе именно принципіальныхъ сторонъ даннаго вопроса и составляетъ главную цѣль настоящаго труда.

I.

Среди вопросовъ, долженствующихъ оказать первостепенное вліяніе на грядущую судьбу европейскихъ государствъ, существуетъ одинъ, который, будучи старымъ, какъ міръ, въ то же время является самымъ роковымъ и трудно разрѣшимымъ.

Это именно вопросъ еврейскій.

Многовѣковая борьба съ евреями *рѣшительно всѣхъ народовъ, приходившихъ съ ними въ соприкосновеніе,*—борьба, начало которой теряется въ таинственномъ мракѣ тысячелѣтій,—до сихъ поръ не только не приблизилась къ концу, но даже не получила надлежащаго освѣщенія предъ лицомъ всего человѣчества.

Тщетно мы пытались бы указать на другую націю, которая, въ продолженіе многихъ вѣковъ неизмѣнно возбуждая къ себѣ единодушную вражду и ненависть, въ то же время достигла бы столь поразительныхъ національныхъ успѣховъ, какъ именно евреи. Подобный результатъ тѣмъ удивительнѣе, что тяжелыя преслѣдованія и гоненія, которымъ многократно подвергался еврейскій народъ, приводили его, повидимому, къ самому краю гибели. И если, не

Digitized by Google

смотря на всѣ невзгоды, евреи каждый разъ возрождались изъ пепла подобно древнему фениксу, съ тѣмъ чтобы неуклонно идти своей старой обособленной дорогой, то на это должны существовать исключительныя причины.

Мы очень хорошо понимаемъ недоумѣніе многихъ лицъ, имѣющихъ полное право спросить: почему еврейскій народъ, за которымъ въ исторіи навсегда останется заслуга развитія истиннаго ученія о Богѣ, приведшаго въ концѣ концовъ къ христіанству,— почему этотъ народъ не только въ нынѣшнее время, но и въ древности — со стороны его собственныхъ пророковъ — одинаково обвиняли въ національномъ эгоизмѣ и національной исключительности? Настоящій фактъ тѣмъ болѣе долженъ приковывать къ себѣ общее вниманіе, что рѣшительно всѣ древніе народы, оставаясь далеко назади евреевъ на поприщѣ выработки истинныхъ основъ религіозно-нравственнаго міросозерцанія, тѣмъ не менѣе никогда не вызывали къ себѣ столь враждебнаго отношенія со стороны другихъ націй, какъ именно евреи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что враждебное отношеніе къ нимъ остальныхъ народовъ, непрерывной нитью проходящее чрезъ всю многовѣковую еврейскую исторію, проистекаетъ изъ одной общей глубочайшей причины. Для лучшаго выясненія этой причины попытаемся воспользоваться соотвѣтственными примѣрами изъ жизни единичныхъ людей. Если извѣстный человѣкъ, превратно понимающій свои интересы, ведетъ дурную жизнь, подтачивающую жизненныя основы его собственнаго существованія, то окружающія лица или удивляются такому человѣку, или считаютъ его глупымъ и недальновиднымъ, или жалѣютъ его, — наконецъ, быть можетъ, относятся къ нему совершенно индиферентно, но никогда не чувствуютъ къ подобному человѣку ни злобы, ни ненависти. И это весьма естественно, ибо люди болѣе или менѣе ревниво оберегаютъ, главнымъ образомъ, свои собственные интересы, а потому склонны проявлять злобу и ненависть только по отношенію къ лицамъ, подкапывающимся подъ ихъ индивидуальную жизнь. Такъ какъ психологія человѣческихъ обществъ есть ничто иное, какъ собирательная психологія отдѣльныхъ лицъ, образующихъ общества, — то черты, присущія единичнымъ лицамъ, неизмѣнно проявлялись еще со временъ глубокой древности во взаимныхъ отношеніяхъ цѣлыхъ племенъ.

Ставъ на эту точку зрѣнія и углубляясь мыслью въ далекое прошедшее, мы видимъ, что народы древняго міра, по волѣ Провидѣнія включавшіе ложныя начала въ нормы своего развитія, тѣмъ самымъ подтачивали лишь свое собственное существованіе.

Digitized by Google

Параллельно съ этимъ, отличительная черта исчезнувшихъ древнихъ народовъ заключалась въ отсутствіи ясно сознанныхъ національныхъ интересовъ, что также логически должно было ускорить ихъ разложеніе и гибель. Гдѣ египтяне, финикіяне, карѳагеняне, даже римляне и греки? Всѣ они пали жертвами или отрицанія, или ложнаго пониманія истинныхъ задачъ человѣческаго бытія.

Хотя перечисленные народы и вторгались по временамъ въ интересы чуждыхъ имъ странъ, но подобные факты, въ силу указанной выше характерной черты, не могли быть слѣдствіемъ столкновенія взаимныхъ непримиримыхъ интересовъ и стремленій, а зависѣли преимущественно отъ личной иниціативы крупныхъ дѣятелей исторіи и политическихъ честолюбцевъ, или, наконецъ, отъ государственныхъ установленій извѣстныхъ народовъ, какъ это мы наиболѣе ясно видимъ, напримѣръ, въ Римѣ. Слѣдовательно, если народы древняго міра не всегда находились между собою въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, то главнѣйшее препятствіе къ этому заключалось не въ самихъ народахъ, но въ ихъ правителяхъ и правительствахъ.

Совершенно иное положеніе заняли евреи.

Это единственный народъ, который выступилъ на арену всемірной исторіи съ твердо сознанными національными стремленіями и идеалами. Притомъ же, вожделѣнія евреевъ, восходящія ко временамъ Моисея и особенно усилившіяся послѣ реформаторской дѣятельности Эздры, простирались далеко за предѣлы ихъ національности и, слѣдовательно, затрогивали интересы остальныхъ народностей, вынужденныхъ тѣмъ самымъ становиться въ болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ евреямъ.

Рѣшительная непримиримость еврейскихъ интересовъ съ интересами остальнаго человѣчества должна была еще ярче обозначиться подъ вліяніемъ безпримѣрной устойчивости еврейскихъ стремленій, позаимствованной евреями отъ основной идеи единобожія, въ связи съ которой они задались цѣлью построить зданіе своего національнаго величія. Мы не станемъ удивляться такой связи, если вспомнимъ, что одинъ и тотъ-же огонь, въ зависимости отъ его примѣненія, или благодѣтельствуетъ человѣчеству, или служитъ источникомъ его неисчислимыхъ бѣдствій. Идея единаго Бога-Вседержителя, родившаяся на лонѣ еврейства, отличалась необычайной высотой и истинностью, а потому обладала необыкновенной устойчивостью и жизнеспособностью. Хотя эта идея постепенно претворилась у евреевъ въ манію собственнаго національнаго величія и, выражаясь языкомъ математики, обратилась изъ положительной величины въ такую же величину, но только отрицательную, однако,

Digitized by Google

и претворившись, она сохранила свою первоначальную живучесть до настоящаго времени. Для выясненія основной почвы, на которой явилась возможность превращенія наиболѣе возвышенныхъ и чистыхъ, религіозныхъ и нравственныхъ, идей въ совершенно имъ противоположныя,—необходимо обратиться къ древнѣйшимъ источникамъ религіознаго и гражданскаго міровоззрѣнія евреевъ, т. е къ книгамъ Моисеева законодательства. Это намъ вдвойнѣ необходимо, такъ какъ Пятикнижіе составляетъ краеугольный камень Ветхаго Завѣта, а на почвѣ, подготовленной ветхозавѣтными подвижниками и пророками, какъ извѣстно, родилось чистое ученіе религіи любви и мира. И если для насъ, христіанъ, дороги и священны книги Ветхаго Завѣта, то это именно потому, — что, начиная съ Пятикнижія и кончая книгами пророковъ, мы видимъ въ нихъ преемственное развитіе одной и той же идеи единобожія и, неразрывно съ ней связанныхъ, нравственныхъ основъ человѣческаго бытія.

Внимательное ознакомленіе съ моисеевымъ Пятикнижіемъ должно убѣдить каждаго человѣка въ томъ, что великій законодатель, возвысившійся до боговдохновеннаго разумѣнія религіи единобожія и далеко ранѣе другихъ людей прозрѣвшій міровое значеніе ея въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія человѣка,—былъ въ то же время пламенный еврейскій патріотъ, стремившійся положить прочное начало политическому и культурному существованію еврейскаго народа. Поэтому, моисеево законодательство всѣми средствами стремилось удовлетворить указаннымъ двумъ цѣлямъ, хотя и ставило несомнѣнно на 1-й планъ религію.

Профессоръ с. пб. духовной академіи А. Лопухинъ даетъ слѣдующую характеристику этого законодательства: «Въ своихъ основныхъ началахъ, синайское законодательство, ссобенно въ сокращенномъ изложеніи его нравственныхъ началъ, въ десятословіи, имѣетъ всеобщее значеніе и предназначалось къ руководству всего человѣчества. Въ основу взаимоотношенія людей оно полагало истину, которая окончательно подтверждена Законодателемъ Новаго Завѣта, именно истину: «Люби ближняго твоего, какъ самого себя» (Левитъ XIX, 18). Многія частныя постановленія направлены къ тому, чтобы внѣдрить эту истину въ сознаніе народа. Но, съ другой стороны, такъ какъ это законодательство ближайшимъ образомъ предназначалось для отдѣльнаго народа, имѣвшаго уже свои укоренившіеся обычаи и привычки, стоявшаго на низкой ступени нравственнаго и культурнаго развитія, неспособнаго сразу подняться на высоту предлагаемыхъ ему божественныхъ и общечеловѣческихъ истинъ, то во многихъ постановленіяхъ закона нельзя не видѣть уступки уко-

Digitized by Google

ренившимся взглядамъ израильскаго народа, низкому уровню его нравственнаго развитія, однимъ словомъ его «жестоковыйности». Этимъ объясняется установленіе извѣстнаго закона равномѣрнаго возмездія: «око за око, зубъ за зубъ». (Исх. XXI, 24). И, вообще, вліяніе этого условія на законодательство такъ значительно, что во многихъ случаяхъ оно скорѣе приспособляется къ древнимъ обычаямъ, чѣмъ вводитъ новые законы, такъ что безъ отношенія къ этому обстоятельству часто остались бы непонятными истинный смыслъ и значеніе того или другого закона [1]). Если мы возьмемъ на себя трудъ вдуматься въ задачи, которымъ Моисей посвятилъ свою жизнь, то увидимъ, что онъ возложилъ на себя непосильное для простаго смертнаго бремя—установить единобожіе среди грубаго, невѣжественнаго и «жестоковыйнаго» народа, имѣвшаго весьма смутное понятіе объ истинномъ Богѣ,—и одновременно положить начало еврейской государственности. Насколько смутно было религіозное чувство у евреевъ во времена Моисея, указываетъ слѣдующій, всѣмъ извѣстный еще со школьной скамейки, эпизодъ изъ странствованія евреевъ: «Когда народъ увидѣлъ, что Моисей долго не сходитъ съ горы, то собрался къ Аарону и сказалъ ему: «встань и сдѣлай намъ Бога, который бы шелъ предъ нами, ибо съ этимъ человѣкомъ, съ Моисеемъ, который вывелъ насъ изъ земли египетской, не знаемъ, что сдѣлалось» [2]).

Разумѣется, нельзя не преклониться съ благоговѣніемъ предъ величіемъ идей, руководившихъ Моисеемъ, но тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся задать слѣдующій вопросъ: могъ ли народъ, о которомъ только что была рѣчь, возвыситься до пониманія идеи Бога-Вседержителя, единаго и одинаково многомилостиваго ко всѣмъ народамъ вселенной? Очевидно, нѣтъ, и еслибы Моисей проповѣдывалъ евреямъ такого Бога, то былъ бы совершенно не понятъ, и его идея единобожія неизбѣжно погибла бы, едва ли оставивъ замѣтную черту на дальнѣйшемъ развитіи религіознаго воззрѣнія евреевъ. Поэтому, Моисею, въ цѣляхъ выполненія его высокой миссіи, оставалось только одно средство: такъ какъ евреи, очевидно, не могли еще подняться до идеи Бога, единаго всѣмъ людямъ, то необходимо было низвести понятіе о Богѣ до уровня пониманія евреевъ. Для этого слѣдовало лишь объявить единаго истиннаго Бога — ихъ національнымъ Богомъ и въ то же время признать евреевъ народомъ божіимъ, первымъ изъ всѣхъ народовъ земли. Моисей такъ и поступилъ. Въ Пятикнижіи, именемъ Господа Бога, онъ говоритъ слѣдующее: «И поставлю жилище Мое среди васъ и душа Моя не

[1]) «Библ. истор. ветх. завѣта», стр. 188.

[2]) Исх. 32, 1.

Digitized by Google

возгнушается вами; буду ходить среди васъ и буду вашимъ Богомъ, а вы будете Моимъ народомъ» [1]).

Во Второзаконіи, уже наканунѣ своей смерти, Моисей поучаетъ евреевъ такимъ образомъ: «И Господь обѣщалъ тебѣ нынѣ, что ты будешь собственнымъ Его народомъ, какъ Онъ говорилъ тебѣ, если ты будешь хранить всѣ заповѣди Его, и что Онъ поставитъ тебя выше всѣхъ народовъ, которыхъ Онъ сотворилъ, въ чести, славѣ и великолѣпіи, и что ты будешь святымъ народомъ у Господа Бога твоего, какъ онъ говорилъ» [2]). Мы ограничимся только указанными двумя примѣрами изъ множества аналогичныхъ мѣстъ Пятикнижія.

Хотя Моисей, проповѣдуя евреямъ національнаго Бога, безъ сомнѣнія, находился вполнѣ на высотѣ положенія,—ибо болѣе возвышенное понятіе о Богѣ еще не могло быть доступно его соплеменникамъ, — однако, это не должно препятствовать намъ видѣть, что религія единобожія, впервые установленная Моисеемъ, въ силу, такъ сказать, роковой необходимости, заключала въ самой основѣ своей два противуположныхъ начала, давшихъ могучій толчокъ 2-мъ различнымъ теченіямъ: одно теченіе, направлявшееся общимъ божественнымъ духомъ Моисеева законодательства и питавшееся, въ лицѣ боговдохновенныхъ пророковъ, лучшими и наиболѣе возвышенными сторонами человѣческой души, достигло своего высочайшаго развитія въ христіанствѣ; другое теченіе, затемненное вынужденными указаніями моисеева законодательства на національныя привилегіи евреевъ предъ Всевышнимъ Творцомъ,—постепенно развиваясь на почвѣ людскаго самомнѣнія, гордости, эгоизма и другихъ человѣческихъ слабостей, привело евреевъ къ ожиданію спеціально-еврейскаго Мессіи, который якобы долженъ распространить еврейское владычество на весь міръ. Вотъ почему необходимо смотрѣть на распятіе истиннаго Мессіи-Христа, какъ на совершенно логическій актъ со стороны евреевъ, ибо Іисусъ Христосъ, разрушивъ ихъ ложныя національныя вожделѣнія относительно грядущаго всемірно-еврейскаго господства, указалъ путь не однимъ только евреямъ, но всему человѣчеству — къ достиженію царства мира, правды и любви.

Второе теченіе еще болѣе должно было усилиться подъ вліяніемъ слѣдующей причины: такъ какъ Моисей установилъ свое законодательство именемъ божіимъ, то національная исключительность евреевъ, находившая для себя формальное оправданіе въ этомъ законодательствѣ, пріобрѣла, съ теченіемъ времени, въ глазахъ народной массы божественную санкцію. Нельзя не обратить

[1]) Левитъ XXVI, 11 и 12.

[2]) Второзак. XXVI, 18 и 19.

Digitized by Google

особаго вниманія на то, обыкновенно остающееся въ тѣни, обстоятельство, что уваженіе, съ которымъ христіане и евреи относятся къ моисееву Пятикнижію, исходитъ изъ совершенно противоположныхъ воззрѣній. Христіане, ставя на первый планъ *общій духъ* законовъ Моисея, чтутъ ихъ, какъ первоисточникъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ, получившихъ свое высшее выраженіе въ христіанствѣ и, сообразно съ этимъ, видятъ временную уступку требованіямъ времени или же укоренившимся національнымъ обычаямъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Пятикнижія, которыя идутъ вразрѣзъ съ принципами христіанства. Наоборотъ, евреи, игнорируя *истинную сущность* Моисеева законодательства и разумѣя его *исключительно по буквѣ*, низвели боговдохновенное твореніе Моисея до степени *сепаратнаго договора, яко бы заключеннаго Богомъ съ евреями* ради обособленія и возвышенія ихъ надъ всѣми народами міра, и лишь въ послѣднемъ смыслѣ придаютъ ему особое значеніе для еврейства. Это чрезвычайно важное обстоятельство наложило неизгладимую и гибельную печать на весь характеръ евреевъ.

Развившись на почвѣ крайне узкаго и эгоистическаго толкованія моисеевыхъ законовъ, все міросозерцаніе евреевъ настолько пропиталось ложнымъ убѣжденіемъ въ особомъ благоволеніи къ нимъ Всевышняго Творца, а также въ ихъ превосходствѣ надъ остальными народами, что цѣлыя тысячелѣтія не могли ослабить этого убѣжденія, которое не только постепенно обратилось въ характерную національную черту евреевъ, но и породило среди нихъ неизлѣчимую манію особаго національнаго величія.

Любопытная иллюстрація къ сказанному находится у г. Песковскаго въ его «Роковомъ недоразумѣніи», представляющемъ, впрочемъ, сплошное недоразумѣніе самого автора. Въ этой книгѣ, по поводу попытки голландскихъ евреевъ, во времена Кромвеля, водвориться въ Англіи, мы читаемъ слѣдующее: «Менасе (голландскій еврей), съ необычайной любезностью принятый Кромвелемъ, представилъ ему адресъ, очень оригинально и дѣльно составленный изъ цитатъ и изреченій Ветхаго Завѣта и талмуда. Безъ натяжки историческихъ фактовъ (?!) Менасе проводитъ ту мысль, что монархи, народы и царства, преслѣдовавшіе евреевъ, не имѣли успѣха; наоборотъ же, покровительствовавшіе евреямъ, — пользовались полнымъ благополучіемъ. Въ этомъ Менасе видитъ исполненіе обѣтованія божія, даннаго Аврааму: «Я благословлю благословляющихъ тебя и прокляну клянущихъ тебя» [1]). Нѣсколькими строками ниже говорится, что Менасе одновременно обратился къ

[1]) Стр. 121.

Digitized by Google

общественному мнѣнію Англіи, опубликовавъ записку, въ которой доказывалъ, «что евреевъ изгоняли не по ихъ винѣ, не за ихъ вѣроломства или невѣрность, а единственно вслѣдствіе отсталости и невѣжества тѣхъ народовъ, среди которыхъ они жили» [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что говорить такимъ тономъ, какимъ заговорилъ Менасе бенъ-Израэль, едва ступивъ на англійскую почву, могъ только представитель народа, глубоко зараженнаго «маніей величія» и считающаго себя избраннымъ народомъ божіимъ,—первымъ изъ всѣхъ народовъ міра. Въ этомъ отношеніи еще болѣе выдающійся примѣръ представляетъ намъ жизнь и воззрѣнія почти современнаго намъ дѣятеля. Мы разумѣемъ Веніамина Дизраэли-Биконсфильда, который, въ теченіе всей своей долгой литературно-политической карьеры, во истину былъ живымъ олицетвореніемъ двуликаго Януса. Смѣло выставляя себя предъ англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ въ качествѣ несравненнаго англійскаго патріота, Дизраэли съ присущимъ ему талантомъ и вполнѣ жидовской наглостью параллельно явился однимъ изъ самыхъ пламенныхъ и фанатическихъ еврейскихъ апологетовъ. Этотъ въ высшей степени цѣльный жидъ, въ раннемъ возрастѣ перешедшій въ христіанство и впослѣдствіи сдѣлавшій себѣ блестящую карьеру въ качествѣ политическаго дѣятеля христіанскаго государства, тѣмъ не менѣе съ нескрываемымъ высокомѣріемъ относился къ христіанской этикѣ и религіи. Послѣднюю Дизраэли считалъ тѣмъ же юдаизмомъ, но изобрѣтеннымъ для толпы, т. е. для всѣхъ народовъ міра, рядомъ съ чистымъ юдаизмомъ, исповѣдываемымъ евреями, которыхъ онъ открыто и надменно признавалъ «истинной аристократіей человѣчества» (!!).

Дизраэли всю жизнь былъ страстнымъ и краснорѣчивымъ глашатаемъ *превосходства* «семитическихъ идеаловъ» надъ арійскими и смѣлымъ фанатическимъ пророкомъ грядущаго торжества ихъ въ дальнѣйшемъ развитіи народовъ. Будучи послѣдовательнымъ до конца и видя въ еврействѣ древнѣйшую родовую аристократію всего человѣчества, Дизраэли, разумѣется, считалъ себя, какъ еврея, и притомъ сефардима по происхожденію, неизмѣримо выше всѣхъ признанныхъ аристократовъ міра. Однимъ словомъ, по удостовѣренію самыхъ просвѣщенныхъ евреевъ, онъ былъ національнымъ еврейскимъ богатыремъ, невполнѣ-де разгаданнымъ даже самими евреями...

Два взятые нами примѣра евреевъ, — Менасе бенъ-Израэль и Дизраэли,—могутъ служить достаточно-наглядными подтвержденіемъ

---

[1]) Стр. 121—122 тамъ же.

Digitized by Google

вѣковѣчной еврейской «маніи національнаго величія». Эта манія проистекаетъ изъ тѣхъ специфическихъ свойствъ еврейскаго характера и міровоззрѣнія, которыя положили роковое начало исключительному положенію евреевъ среди народовъ всего міра.

II.

Намъ предстоитъ выяснить, какими задачами руководилось и какую роль играло еврейское племя въ теченіе своей бурной жизни, которая съ одной стороны полна глубочайшихъ превратностей, а съ другой—величайшихъ успѣховъ среди народовъ всего міра.

Для полученія отвѣта на данные вопросы, мы прежде всего ознакомимся съ авторитетными мнѣніями, начиная отъ древнихъ временъ и до настоящаго дня.

Въ Пятикнижіи моисеевомъ встрѣчаются слѣдующія характерныя строки: «и отправились сыны израилевы, и остановились на равнинахъ Моава при Іорданѣ, противъ Іерусалима. И видѣлъ Валакъ, сынъ Сепфоровъ, все, что сдѣлалъ израиль амореямъ; и весьма боялись моавитяне народа сего, потому что онъ былъ многочисленъ; и устрашились моавитяне сыновъ израилевыхъ. И сказали моавитяне старшинамъ мадгамскимъ: этотъ народъ поѣдаетъ теперь все вокругъ насъ, какъ волъ поѣдаетъ траву полевую» [1]).

Таковъ наиболѣе древній и безыскуственный упрекъ, являющійся первообразомъ всѣхъ укоризнъ, съ которыми человѣчество обращается къ еврейству и понынѣ. *Страбонъ* (род. 64 г. до Р. Х.) говоритъ, что трудно отыскать такое мѣсто на землѣ, гдѣ еврей, однажды поселившись, не сталъ бы брать верхъ надъ остальными народами [2]). *Тацитъ*, между прочимъ, даетъ такого рода отзывъ о древнихъ евреяхъ: «между собою у нихъ господствуетъ твердая связь, и они щедро помогаютъ другъ другу, но ко всѣмъ другимъ людямъ они враждебны. Они не ѣдятъ и не вступаютъ въ брачные союзы съ иноплеменниками и, *хотя очень преданы сладострастію*, но не *женятся на иностранкахъ*. Обрѣзаніе введено у нихъ, какъ отличительный признакъ: кто переходитъ въ ихъ вѣру, долженъ принять обрѣзаніе [3]).

Аполлоній *Молонъ*,—учитель Юлія Цезаря и Цицерона,—замѣтилъ, что еврей признаетъ только двѣ обязанности для себя непререкаемыми: «плодиться и наживать деньги» [4]).

---

[1]) Книга числъ гл. 22, 1—4

[2]) *Шмаковъ*: «Еврейскія рѣчи» 169 стр.

[3]) Всеоб. ист. Георга Вебера т. I, стр. 517.

[4]) «Евр. рѣчи», LXIX.

Digitized by Google

Викторъ *Гюго*, не чувствовавшій никакой особой вражды къ евреямъ, высказывается относительно ихъ такимъ образомъ: «Суарецъ справедливо замѣчаетъ, что іудеи нерѣдко вырѣзывали своихъ сосѣдей во имя благочестія (іудейскаго), которое было понято ими хорошо, тогда какъ крестоносцы истребляли евреевъ во имя того же благочестія, но понятаго ими дурно» [1]).

Ф. Кольбъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ древнихъ евреевъ: «всѣ сосѣди тяжело почувствовали гордыню и надменность іудеевъ (sic). *Что̀ запрещалось по отношенію къ соотечественникамъ, то дозволялось по отношенію къ чужимъ.* Съ невыносимымъ національнымъ высокомѣріемъ развилось, при успѣхѣ, изысканное варварство. Религія единобожія, по своей натурѣ и существу, была исключительна, и эта исключительность повела іудеевъ къ жестокому истребленію всѣхъ иновѣрцевъ. *Никакой другой древній народъ не показалъ себя въ такой мѣрѣ нетерпимымъ и склоннымъ къ преслѣдованіямъ.* Хананеи и другія племена, населявшія въ началѣ Палестину, подвергались истребленію съ лица земли во имя Бога» [2]).

Моммсенъ утверждаетъ, что «еще ранѣе Юлія Цезаря евреи составляли въ Римѣ такую организованную силу, что пропреторы и проконсулы провинцій въ сношеніяхъ съ тамошними евреями должны были глядѣть въ оба, если не хотѣли нарваться на кошачій концертъ или же быть освистанными въ Римѣ» [3]).

Тотъ же Моммсенъ говоритъ: «какъ сегодня, такъ и въ древнемъ мірѣ *евреи неизмѣнно являлись дѣйствующимъ ферментомъ разложенія другихъ національностей*» [4]).

Георгъ *Веберъ*, руководящійся при изложеніи исторіи евреевъ, главнымъ образомъ, библейскими источниками и относящійся довольно скептически къ показаніямъ Страбона, Тацита и другихъ историковъ древности, въ заключеніе далеко не благопріятно отзывается о религіозно-политическихъ воззрѣніяхъ еврейскаго народа, какъ это ясно видно изъ нижеслѣдующихъ строкъ: «При высокомъ нравственномъ понятіи объ Іеговѣ, онъ еще оставался для евреевъ только ихъ національнымъ Богомъ, которому чужды всѣ другіе народы; только израиль былъ «избраннымъ» народомъ божіимъ. Въ этомъ представленіи евреевъ о себѣ, какъ единственномъ народѣ божіемъ, были элементы національной надменности и замкнутости, непріязни къ другимъ народамъ, той жестокости къ нимъ, которую

[1]) «Евр. рѣчи», 89.

[2]) Ф. Кольбъ. «Исторія человѣч. культуры», стр. 83, изд. II.

[3]) «Евр. рѣчи», 90 стр.

[4]) «Евр. рѣчи», 162.

Digitized by Google

выказывали израильтяне при завоеваніи Ханаана, истребляя туземное населеніе; были элементы «человѣконенавистничества», за которое порицаютъ іудеевъ греческіе и римскіе писатели» [1]).

Грановскій,—одинъ изъ самыхъ передовыхъ и гуманныхъ русскихъ людей нынѣшняго вѣка,—тѣмъ не менѣе признаётъ, что *«евреи знали, кажется, искусство быть ненавистными всѣмъ народамъ и во время своей независимости, и послѣ паденія своего отечества»* [2]).

Профессоръ *Лопухинъ*, разсматривая исторію евреевъ отъ вавилонскаго плѣненія до Рождества Христова, даетъ намъ такую характеристику евреевъ: «Изъ Малой Азіи іудеи, уже по влеченію своего собственнаго промышленнаго духа, разселились по всѣмъ островамъ Эгейскаго и Средиземнаго моря, проникли въ главнѣйшіе города Греціи и Македоніи, и мы встрѣчаемъ ихъ въ Филиппахъ, Ѳессалоникахъ, Аѳинахъ и Коринфѣ, гдѣ у нихъ были или синагоги, или просто молитвенные дома. Тотъ же духъ торговой предпріимчивости двигалъ ихъ дальше на западъ, въ самый Римъ, какъ столицу новой всемірной монархіи, и даже въ Испанію, гдѣ они могли разсчитывать на обогащеніе, какъ въ странѣ, славившейся своими рудниками золота и серебра» [3]). Нѣсколькими строками ниже, названный ученый говоритъ: «При этомъ особенно замѣчательно то, что, не смотря на разсѣянность по всему міру, всѣ іудеи отнюдь не затерывались между иноплеменными и чужеземными народами, а какъ бы составляли одинъ народъ, связанный между собою неразрывными узами» [4]).

Въ заключеніе профессоръ Лопухинъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ относительно евреевъ разсматриваемой эпохи: «эта національная исключительность и взаимная сплоченность іудеевъ рано стала возбуждать подозрѣніе и вражду въ языческихъ народахъ, и это непріязненное чувство не замедлило еще болѣе усилиться, когда іудеи явились сильными соперниками въ торговыхъ дѣлахъ и захватывали въ свои руки всю промышленность той или другой страны. Главнымъ ихъ занятіемъ была торговля. Мелочная торговля и мелкіе денежные обороты были исключительно въ ихъ рукахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они захватывали въ свои руки даже оптовую торговлю. Въ Александріи почти вся хлѣбная торговля проходила чрезъ ихъ руки, и они были почти исключительными посредниками, чрезъ которыхъ Римъ производилъ сношенія съ отдаленнымъ Востокомъ.

---

[2]) «Всеобщ. истор.» Георга Вебера, т. I, стр. 742, изд. 90 г.

[3]) *Соч. Грановскаго.* «Судьбы евр. народа».

[4]) «Библ. ист. ветх. зав.», стр. 419, 420, изд. 1896 г.

[4]) Стр. 421, тамъ же.

Digitized by Google

Да и вообще, идъ только можно было заработать деньги, тамъ непремѣнно являлся іудей, и мы встрѣчаемъ ихъ въ Римѣ, въ качествѣ ученыхъ, поэтовъ, актеровъ и пѣвцовъ. Многіе изъ нихъ успѣли скопить громадныя богатства, и вліяніе ихъ чувствовалось даже въ самыхъ дворцахъ. *Все это естественно возбуждало противъ нихъ туземное населеніе, часто попадавшее въ денежную кабалу къ нимъ*, и ко времени Рождества Христова языческій міръ, даже въ лучшихъ его писателяхъ, относился къ нимъ уже съ крайней враждебностью и презрѣніемъ» [1]). Указанные выше взгляды приведены съ единственной цѣлью—опровергнуть ту усердно и широко распространяемую жидами ложь, будто ихъ племя *только подъ вліяніемъ средневѣковыхъ преслѣдованій* и гоненій постепенно преобразилось въ армію «гешефтмахеровъ»... Мы видимъ, что въ дѣйствительности цѣлый рядъ авторитетныхъ свидѣтельствъ не только вполнѣ опровергаетъ лживость подобныхъ увѣреній, но и указываетъ намъ истинныя причины всеобщей враждебности къ евреямъ, въ которой сходились самые разнообразные народы, какъ древняго, такъ и новаго міра. Эта общая причина— есть національная и религіозная исключительность евреевъ, а также ихъ страсть къ экономическимъ захватамъ, послѣдовательно проявлявшаяся *во всѣхъ странахъ и среди всѣхъ народовъ*.

Конечно, съ абсолютно-узкой точки зрѣнія, на которую, какъ извѣстно, становятся евреи, увѣряя, что только средневѣковыя гоненія заставили ихъ замкнуться и обратиться въ племя факторовъ, ростовщиковъ и паразитовъ,—слова евреевъ могутъ имѣть нѣкоторое, хотя и совершенно формальное, оправданіе. Однако, съ нашей стороны было бы непростительнымъ легковѣріемъ — полагаться на показанія однихъ только обвиняемыхъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого явилась необходимость обратиться къ общей характеристикѣ прошлаго евреевъ.

Разсмотрѣвъ черты, которыми они обладали во времена, значительно предшествовавшія средневѣковымъ гоненіямъ, мы видѣли, что и въ болѣе ранніе годы своего національнаго существованія, именно еще до Рождества Христова, когда жизнь евреевъ протекала внѣ какихъ бы то ни было особыхъ стѣсненій, они стремились все къ той же исконной цѣли — именно къ захвату самыхъ прибыльныхъ отраслей человѣческаго труда и къ достиженію возможно болѣе привиллегированнаго положенія за счетъ остальныхъ народовъ.

Осуществленіе этихъ цѣлей всегда опиралось на тѣснѣйшую

[1]) «Библ. ист. ветх. зав.», стр. 423.

Digitized by Google

еврейскую солидарность и сплоченность, черпавшую силу въ національной исключительности. Устойчивость, проявляемая въ данномъ случаѣ еврейскимъ характеромъ, не только поразительна, но и безпримѣрна. Сопоставляя общественно-экономическія стремленія евреевъ древняго міра съ таковыми же средневѣковыхъ или даже современныхъ евреевъ, мы невольно приходимъ къ убѣжденію, что нѣкоторая разница заключается лишь въ размѣрахъ и формѣ, но не въ коренной сущности этихъ стремленій. Каковъ былъ сребролюбивый семитическій духъ въ древности,—таковъ же онъ является въ періодъ средневѣковыхъ гоненій, оставаясь такимъ же и понынѣ. Послѣдній выводъ долженъ быть признанъ тѣмъ болѣе истиннымъ, что у самихъ жидовъ и ихъ сторонниковъ,—какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшихъ примѣровъ,—находится полное подтвержденіе настоящихъ заключеній.

Приведя рядъ мнѣній совершенно независимыхъ по отношенію къ вѣковымъ еврейско-талмудическимъ вожделѣніямъ,—мы далѣе перейдемъ ко взглядамъ тѣхъ лицъ, убѣжденія которыхъ, въ большей или меньшей степени, питаются этими вожделѣніями; точнѣе говоря, остановимся на евреяхъ и ихъ многочисленныхъ сателлитахъ, съ воззрѣніями которыхъ на роль еврейства въ мірѣ полезно ознакомить читателей. Необходимо однако оговориться, что, рядомъ съ мнѣніями лицъ извѣстныхъ и даже въ своемъ родѣ знаменитыхъ, ниже встрѣтятся и такіе взгляды, которые, принадлежа перу заурядныхъ жидовъ, тѣмъ не менѣе интересны, какъ вѣрное отраженіе идеаловъ и цѣлей, преслѣдуемыхъ еврействомъ.

Небезъизвѣстный Адольфъ *Кремьё*, въ своемъ воззваніи къ «евреямъ вселенной» по поводу учрежденія «Всемірнаго еврейскаго союза», между прочимъ, говоритъ: «*не ранѣе станетъ еврей другомъ христіанина или мусульманина, какъ въ тотъ моментъ, когда свѣтъ іудейской вѣры,—единственной религіи разума,—засіяетъ всюду*. Мы живемъ на чужбинѣ (sic!) и не можемъ заботиться объ измѣнчивыхъ вожделѣніяхъ этихъ чуждыхъ намъ странъ, пока наши собственныя—нравственныя и матеріальныя—задачи находятся въ опасности... *Еврейское ученіе должно напомнить собою весь міръ*... Сѣть, раскидываемая израилемъ поверхъ земнаго шара, будетъ расширяться съ каждымъ днемъ, и величественныя пророчества нашихъ священныхъ книгъ обратятся, наконецъ, къ исполненію. Близится время, когда Іерусалимъ станетъ домомъ молитвы для всѣхъ народовъ, и знамя еврейскаго единобожія взовьется на отдаленнѣйшихъ берегахъ. *Станемъ же пользоваться всѣми обстоятельствами*. Могущество наше огромно—научимся примѣнять его къ дѣлу. Чего намъ страшиться? *Уже недалекъ тотъ день*,

Digitized by Google

когда богатства земныя перейдутъ въ собственность дѣтей израиля» [1]).

Этотъ же Кремьё, на первомъ генеральномъ собраніи «Всемірнаго еврейскаго союза», высказалъ такую мысль: «Новое Мессіино царство, Новый Іерусалимъ, должно возстать на мѣстѣ императоровъ и папъ» [2]).

Евреи, изъ весьма понятной предосторожности, находятъ для себя болѣе выгоднымъ умалять до поры до времени, дѣйствительное значеніе «Всемірнаго еврейскаго союза», какъ могучей международной ассоціаціи, направленной къ объединенію и достиженію чисто практическихъ жидовскихъ интересовъ. Но мы имѣемъ достаточно-яркіе конкретные примѣры, подтверждающіе именно такую роль этого союза.

Кіевскій генералъ-губернаторъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, во всеподданнѣйшей запискѣ о болѣе важныхъ вопросахъ по управленію юго-западнымъ краемъ въ 1872 году, говоря по поводу «еврейской силы» въ краѣ, высказываетъ слѣдующее мнѣніе: *«дѣло послѣдняго еврея есть дѣло и всемірнаго еврейскаго начала»*. Въ доказательство этой мысли, князь Дондуковъ-Корсаковъ ссылается на такого рода убѣдительный фактъ: «въ подольской губерніи, на рубежѣ австрійской границы, въ мѣстечкѣ Ланскаронѣ, евреи, уклоняясь въ 1869 году отъ рекрутской повинности, постоянно перебѣгали за границу всякій разъ, когда являлись полицейскія власти въ мѣстечко. Становымъ приставомъ, который своимъ начальствомъ былъ подвергнутъ взысканію, за уклоненіе евреевъ, были приняты самыя энергичныя мѣры, не совершенно оправдываемыя закономъ, для вынужденія евреевъ къ поставкѣ рекрутъ (имъ были въ зимнее время увезены рамы и окна изъ оставленныхъ евреями домовъ, покуда они не выставятъ рекрутъ). Не прошло мѣсяца, какъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ сообщенъ генералъ-губернатору протестъ противъ дѣйствій пристава, на офиціальномъ бланкѣ, за подписью президента Кремьё, отъ Международнаго еврейскаго союза въ Парижѣ (Alliance israélite universelle), о существованіи и офиціальномъ признаніи котораго дотолѣ не было извѣстно генералъ-губернатору».

Тотъ же самый союзъ, въ своемъ органѣ: «Univers israélite», настаивалъ на дипломатическомъ вмѣшательствѣ европейскихъ кабинетовъ во внутреннія дѣла Румыніи по поводу возникшихъ въ ней столкновеній христіанъ съ евреями; когда же эта комбинація, вслѣдствіе паденія главнаго покровителя евреевъ, Наполеона III,

[1]) «Евр. рѣчи», 131—2.

[2]) «Евр. рѣчи», 149.

Digitized by Google

не удалась, «Всемірный еврейскій союзъ» по тому же вопросу собралъ особый еврейскій конгрессъ въ Брюсселѣ.

Подобные факты имѣли мѣсто 27—28 лѣтъ тому назадъ, когда значеніе еврейства, а слѣдовательно и ихъ «союза», было значительно менѣе, чѣмъ теперь. Какова же должна быть сила и наглость этой ассоціаціи въ настоящее время?..

Однако, идемъ далѣе. Прославленный еврейскій благотворитель Мозе Монтефіоре, на собраніи раввиновъ въ Краковѣ въ 1848 году, говорилъ: «пока мы не завладѣемъ періодическою печатью и не будемъ имѣть въ своихъ рукахъ газеты всего міра, *для того чтобы сбивать съ толку и усыплять народы*,—до тѣхъ поръ наши мечты о всемірномъ владычествѣ останутся пустой химерой» [1])!

Главному раввину Венгріи принадлежатъ такія высоко поучительныя слова: «Тѣ близорукіе и ограниченные христіане, которые стараются отрывать у насъ единовѣрцевъ, не помнятъ себя отъ радости, когда имъ удастся что нибудь въ этомъ родѣ. Но они, между тѣмъ, не замѣчаютъ, что *мы тоже миссіонерствуемъ и притомъ съ несравненно большимъ успѣхомъ*, потому что мы постоянно что нибудь пріобрѣтаемъ. *Недалеко то время, когда дойдетъ до того, что между ними (т. е. христіанами) всѣ называющіеся просвѣщенными не будутъ знать Христа, точно также, какъ и мы его не знаемъ*» [2]).

Приведенныя выше откровенно-безстыжія признанія «избранныхъ сыновъ» еврейства, разумѣется, не были предназначены къ общему свѣдѣнію, и евреи весьма мало повинны въ томъ, что эти признанія сдѣлались намъ извѣстны. Но вотъ что по истинѣ замѣчательно: если обратимся къ печатнымъ произведеніямъ, распространяемымъ евреями именно среди христіанъ, то и въ нихъ неослѣпленный читатель найдетъ болѣе или менѣе замаскированное стремленіе къ тѣмъ же самымъ всемірно-еврейскимъ идеаламъ. Единственное различіе заключается лишь въ томъ, что у большинства этихъ лицъ специфическія еврейскія цѣли и идеи, при помощи чисто-талмудической казуистики, нагло и безцеремонно переплетены съ ходячими теоріями «либерализма», а потому на слишкомъ довѣрчиваго читателя способны произвести прямо одуряющее впечатлѣніе. Но перейдемъ къ примѣрамъ. Рекомендуемый русской публикѣ бывшимъ издателемъ «Восхода», г. Ландау, австрійскій еврей д-ръ

---

[1]) «Евр. рѣчи», 77 стр.

[2]) Заимствовано въ «Нов. Времени», 5 ноября 1881 г., изъ «Польскаго Евангелическаго Вѣстника».

Digitized by Google

Адольфъ Іеллинекъ заключаетъ свои этнографическіе этюды о еврейскомъ племени слѣдующей замѣчательной тирадой: «будущность, предстоящая еврейскому народу—многообѣщающая и блестящая! Племя, разсѣянное во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, живущее подъ различными широтами и среди различныхъ народовъ, одаренное прекраснѣйшими качествами, обладающее женскимъ сердцемъ (?) живымъ духомъ, подвижной фантазіей, проницательнымъ умомъ (?) универсальной воспріимчивостью, сильнымъ влеченіемъ ко всему чужому, практическимъ взглядомъ, остроуміемъ и серьезностью, вдохновеніемъ и стойкостью, энтузіазмомъ и осмотрительностью, паѳосомъ и трезвостью, гибкостью и упорствомъ, субъективностью и объективными влеченіями, гордостью и покорностью, (т. е. еврей, по обстоятельствамъ, можетъ и «извиваться ужомъ», и корчить громовержца?) тароватостью джентльмена и бережливостью рабочаго, крѣпостью утеса, и жидкостью воды, твердостью стали и расплавляемостью золота, въ такой удивительной смѣси соединяющее въ себѣ семитическіе, іафетическіе и хамитическіе элементы, произведшее въ такомъ значительномъ количествѣ законодателей, пророковъ, псалмопѣвцевъ, эпиграммистовъ, философовъ, медиковъ, государственныхъ людей, журналистовъ, публицистовъ, экономистовъ, музыкантовъ, филологовъ, историковъ, купцовъ, банкировъ, промышленниковъ; такое племя, — если оно наслаждается миромъ и спокойствіемъ, находитъ себѣ вездѣ достойную оцѣнку (какъ напримѣръ, въ древнемъ Египтѣ, или въ современномъ Алжирѣ и во всей Франціи?!) свободно можетъ располагать своими силами и стремится окружать (округлять?) свои угловатости, ослаблять слишкомъ горячую живость, мѣшающую пластической красотѣ формъ, и пріучать свой умъ къ строгой систематикѣ,—должно занять одно изъ первыхъ и выдающихся мѣстъ на ступеняхъ человѣческаго развитія, для собственнаго облагораживанія и для блага и нравственнаго обогащенія народовъ, среди которыхъ оно до сихъ поръ продолжаетъ жить» [1]).

Г. Гецъ, еврейскій публицистъ, сотрудничающій въ «Восходѣ», такимъ образомъ характеризуетъ евреевъ: «Не смотря на то, что гоненія и преслѣдованія ожесточаютъ, извращаютъ, еврей служитъ и понынѣ не только провозвѣстникомъ и глашатаемъ величайшихъ принциповъ человѣческаго общежитія, какъ любовь къ ближнему (т. е. къ еврею же?) равенства всѣхъ предъ закономъ (?) состраданія къ животнымъ, святости, но главнымъ образомъ онъ является и ревностнымъ исполнителемъ, и носителемъ этихъ прин-

[1]) Іеллинекъ «Евр племя» стр. 225, 6

Digitized by Google

циповъ (!!) о чемъ свидѣтельствуетъ исторія и современная статистика» [1]).

Французскій академикъ А. Леруа-Больё, по его собственнымъ словамъ, готовый ради одной только Рашели согласиться на удвоеніе числа евреевъ во Франціи (хотя они и безъ того расплодились достаточно!) и находящій весьма естественнымъ стремленіе евреевъ, этихъ «своеобразныхъ родовыхъ аристократовъ», всюду занять самое почетное мѣсто,—тѣмъ не менѣе, къ нашему удивленію, даетъ слѣдующую, въ извѣстномъ родѣ, блестящую характеристику современнаго еврейства: «Въ то время какъ старый правовѣрный еврей, замкнутый въ тѣсномъ кругу своихъ воспоминаній и обрядовъ, не зналъ инаго отечества, кромѣ Іерусалима, западный цивилизованный еврей склоненъ смотрѣть на весь міръ, какъ на арену своей предпріимчивости: *онъ мало заботится о судьбѣ провинцій и государствъ, въ которыхъ онъ временно живетъ (sic); всѣ его эгоистическіе помыслы направлены на личные интересы*, и если у него затѣмъ еще остаются благородныя стремленія, то они сосредоточиваются *на интересахъ іудаизма*,—этого древняго и обширнаго братства, членомъ котораго еврей всегда себя чувствуетъ, какимъ бы превращеніямъ онъ ни подвергался. Израиль продолжаетъ походить на ртуть,—этотъ странный жидкій металлъ, капельки котораго находятся въ вѣчномъ движеніи, разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ, но никогда не соединяются съ окружающей ихъ средой и тотчасъ же сливаются, какъ только гдѣ нибудь встрѣтятся» [2]).

Г. Песковскій, — авторъ «Рокового недоразумѣнія», — заканчиваетъ предисловіе къ этой диковинной книгѣ такими словами: «лейпцигскій профессоръ государственнаго права, Карлъ Валькеръ, въ спеціально-научномъ трудѣ («Politik der constitutionelen staaten»), рѣшительно утверждаетъ, что еслибы не было еврейства, *то его слѣдовало бы выдумать* (избави Богъ!) въ интересахъ... культуры и человѣчности» (!!). Этотъ предубѣжденный «ученый» придаетъ такую исключительную важность евреямъ въ государственной жизни потому, что усматриваетъ въ нихъ самый благородный элементъ для «ассимиляціи» и «ассимилизаціи» различныхъ племенъ и народностей, для борьбы съ феодализмомъ, ультрамонтанствомъ и шовинизмомъ». Далѣе г. Песковскій съ напускнымъ пѳѳосомъ восклицаетъ: «можно ли поручиться, что XX вѣкъ не дастъ евреямъ возможности выступить въ такой роли, представляющей важность: «въ интересахъ... культуры и человѣч-

[1]) Гецъ, «Что такое еврейство»? стр. 38.

[2]) *А. Леруа-Больё*: „Евреи и антисемитизмъ", 315, 316.

Digitized by Google

ности» [1]) (все остальное человѣчество, кромѣ себя, жиды третируютъ въ своемъ шулханъ-арухѣ, какъ вьючныхъ животныхъ, которыя должны обрѣтаться въ вѣчномъ ярмѣ у израиля). Названный авторъ, разумѣется, предусмотрительно умалчиваетъ о томъ, что профессоръ Валькеръ—жидъ...

Мы остановились на нѣсколькихъ примѣрахъ, указывающихъ намъ, каковы взгляды евреевъ и ихъ друзей относительно общей роли еврейства въ настоящемъ и будущемъ. Посмотримъ, какъ тѣ же лица смотрятъ на экономическое положеніе этого племени среди остальныхъ народовъ.

Цитированный ранѣе, д-ръ Іеллинекъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ книги В. Киссельбаха: «Ходъ всемірной торговли, и развитіе народной жизни въ средніе вѣка». «Еще задолго до Рождества Христова, во многихъ городахъ запада и востока уже существовали купеческія гильдіи израильтянъ. Уже со времени пребыванія ихъ въ Египтѣ, они, такъ сказать, имѣютъ въ одной рукѣ пряности, бумажныя и шолковыя матеріи Африки, Аравіи, Персіи, Индіи и Китая... Пальцами же другой руки они держали многочисленныя колоніи на островѣ Критѣ, на островахъ Эгейскаго моря, въ равнинахъ Дуная, Италіи, Франціи, и даже Испаніи» [2]).

Г. Исидоръ Каимъ, заканчивая свой, по выраженію г. А. Ландау, въ высшей степени замѣчательный очеркъ эмансипаціи евреевъ, говоритъ: «что высшіе и низшіе финансы, что торговля и промышленность, въ значительныхъ размѣрахъ находятся въ рукахъ евреевъ—*это*, для блага ихъ *и для блага государства* (?), *сдѣлалось аксіомой*». Г. Гецъ откровенно выражаетъ такого рода взглядъ [3]): «Еврейство уже давно стали обвинять въ господствѣ капитализма и,—нечего грѣха таить,—недаромъ (sic). *Еврейство немало содѣйствовало и содѣйствуетъ капиталистическому движенію.* Но что за бѣда? Развѣ капиталъ виноватъ, что современное общество еще недостаточно подготовлено къ нравственному и, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣшному обращенію съ нимъ? Всѣ сѣтованія на капитализмъ живо напоминаютъ наказаніе, которому Ксеркс подвергъ море за крушеніе, которое онъ потерпѣлъ, благодаря собственной неумѣлости» [4]).

Извѣстный Карлъ Марксъ,—еврей по происхожденію,—несомнѣнно хорошо зналъ, что говорилъ, когда высказывалъ о еврействѣ слѣдующія замѣчательныя мысли: «*свѣтская основа іудейства*—

[1]) *М. Песковскій*: „Роковое недоразумѣніе". X.
[2]) «Евр. племя», д-ръ Іеллинекъ, стр 192 и 193.
[3]) Прилож. къ кн. Іеллинека стр. 127 и 128.
[4]) «Что такое евр.»? стр. 54.

Digitized by Google

практическія потребности, эгоизмъ; свѣтскій культъ евреевъ— торгашество, свѣтскій богъ евреевъ—деньги. Такая организація общества, которя подорвала бы въ корнѣ элементы торгашества,— значитъ, и самую возможность торгашествовать,—*сдѣлала бы невозможнымъ существованіе еврея.* Его религіозное сознаніе изчезло бы, какъ легкій паръ, въ дѣйствительной жизненной сферѣ общества» [1]).

Теперь посмотримъ: какого рода взаимоотношеніе существуетъ между еврействомъ и іудейской религіей?

На этотъ вопросъ тотъ же Гецъ отвѣчаетъ намъ: «Еврейская нація находитъ сильную поддержку въ своей самобытной и чисто національной религіи, которая проникнута національнымъ духомъ, пропитана и преисполнена національными воспоминаніями и надеждами.

Эта религія, своими тысячелѣтними умственно-нравственными узами, своимъ ученіемъ, которое соотвѣтствуетъ еврейскому характеру и является отраженіемъ послѣдняго, своимъ обрядовымъ строемъ, который обнимаетъ всю жизнь и дѣятельность, чувствованіе и мышленіе еврея,—*эта религія соединяетъ всѣхъ евреевъ на земномъ шарѣ гораздо тѣснѣе и плотнѣе, чѣмъ территорія и общій разговорный языкъ* [2]).

Послѣ столь нагляднаго опредѣленія іудейской религіи, для насъ станетъ вполнѣ понятнымъ нижеслѣдующее мнѣніе профессора Хвольсона относительно нетерпимости евреевъ: «Каждый еврей, публично отвергающій вообще какой либо изъ отвлеченныхъ догматовъ или нарушающій узаконеніе моисеево, или общепринятое раввинское постановленіе, заявляя, что не признаётъ его обязательности,—тѣмъ самымъ ставитъ себя *внѣ общенаціональной связи*, доколѣ не отречется отъ своего антагонизма. На *такого человѣка* евреи смотрятъ, какъ на отступника, котораго они *ненавидятъ*, презираютъ и, *по возможности преслѣдуютъ*» (sic!).

«Когда въ VIII столѣтіи появились караимы и отвергли традиціонное ученіе раввиновъ,—они также должны были разстаться съ евреями, съ которыми до сихъ поръ еще не соединились. (И хорошо сдѣлали! За это имъ и даны въ Россіи, по иниціативѣ гр. Н. П. Игнатьева, полныя права гражданства). Еще и нынѣ евреи не ѣдятъ пищи караимскаго приготовленія и не вступаютъ съ ними въ брачные союзы. Раввинскіе евреи считаютъ даже грѣхомъ держать у себя караимскую книгу. Слишкомъ 500 лѣтъ евреи-талмудисты вели ожесточенную борьбу съ караимами, употребляя всѣ

[1]) «Восходъ», 1881 г., кн. I, стр, 10 и 11.

[2]) «Что такое еврейство»? стр. 14.

Digitized by Google

зависѣвшія отъ нихъ мѣры, чтобы ихъ вытѣснить изъ Испаніи, сѣверной Африки и нѣкоторыхъ другихъ странъ, что̀ имъ почти вездѣ удалось. Евреи неоднократно прибѣгали даже къ свѣтской власти христіанъ и магометанъ *для преслѣдованія караимовъ*, и позднѣйшія поколѣнія ихъ благословляютъ имена тѣхъ, которые, при помощи свѣтской власти, вытѣснили караимовъ изъ Испаніи и другихъ мѣстъ». Это—образчикъ той «свободы совѣсти», которую жиды практикуютъ по отношенію даже къ сроднымъ религіямъ!!

Нѣсколькими строками ниже г. Хвольсонъ продолжаетъ: «оставаясь совершенно равнодушными къ послѣдователямъ другихъ религій, не обращая вниманія на ихъ религіозныя воззрѣнія, они строго преслѣдуютъ тѣхъ единовѣрцевъ, которые не соблюдаютъ своихъ религіозныхъ постановленій или держатся какихъ либо еретическихъ, по мнѣнію евреевъ, толкованій вѣроученія» [1]).

Мы только что слышали, какъ фанатически евреи оберегаютъ іудейскую религію, столь глубоко переплетенную съ ихъ гражданскимъ бытомъ; тѣмъ интереснѣе бросить взглядъ на отношеніе евреевъ къ христіанству. Въ данномъ случаѣ, г. Исидору Каиму принадлежитъ слѣдующее мнѣніе: «*Призваніе еврейства состоитъ въ распространеніи свободы совѣсти* (?!!) и въ ея охраненіи. На это прежде всего указываетъ принципъ бездогматнаго деизма, въ которомъ кроется начало неимовѣрнаго почти развитія этой религіи. Къ этому присоединяется еще великая борьба за отдѣленіе церкви отъ государства, которую евреи должны были вести во всѣхъ государствахъ и во всѣ времена» [2]).

Нѣсколько далѣе г. Каимъ продолжаетъ: «Пусть христіанство будетъ факеломъ, пронесшимъ цивилизацію во всѣ концы свѣта, то спокойно горя, то пламенѣя и обжигая. Но огонь свой *факелъ этотъ зажегъ у діаманта*, призваніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы свѣтить вѣчно мирнымъ блескомъ чистой вѣры въ Единовѣчное Существо. *Пусть же діамантъ и факелъ съ этихъ поръ единодушно свѣтятъ міру*» [3]).

Въ другомъ мѣстѣ г. Каимъ говоритъ: «близко то время, когда существованіе государственной церкви будетъ критеріемъ низкой степени цивилизаціи» [4]).

Здѣсь, кстати, вспомнимъ приведенное г. Песковскимъ мнѣніе профессора Карла Валькера, который придаетъ исключительную

---

[1]) Хвольсонъ: «О нѣк. средневѣк. обвиненіяхъ противъ евреевъ», изд. 1880 г., стр. 361 и 362.

[2]) «Столѣтіе эманц. евреевъ», стр. 136.

[3]) «Столѣтіе эманципаціи евреевъ», стр. 136, 137.

[4]) Тамъ же, стр. 116.

Digitized by Google

важность евреямъ, видя въ нихъ наиболѣе благодарный элементъ, между прочимъ, для борьбы съ такъ называемымъ «ультрамонтанствомъ» или, откровеннѣе говоря, съ христіанствомъ. Наиболѣе яркимъ примѣромъ отношенія евреевъ къ христіанству служатъ извѣстные Людовикъ Бёрне и Генрихъ Гейне, которымъ еврейскій историкъ Гретцъ посвящаетъ слѣдующія характерныя строки: «Принадлежатъ ли Берне и Гейне также еврейской исторіи? Конечно! Не только еврейская кровь текла въ ихъ жилахъ, но и еврейскимъ сокомъ были пропитаны ихъ нервы. Молніи, которыя они испускали надъ Германіей то радужными, то рѣзкими красками, были заражены еврейско-талмудическимъ электричествомъ. *Оба, хотя отказались внѣшнимъ образомъ отъ іудейства, но только какъ бойцы, которые хватаются за оружіе и знамя противника, чтобы тѣмъ вѣрнѣе напасть на него*» [1]).

Лично Гейне выражалъ такія мысли, явившіяся ближайшимъ слѣдствіемъ перехода его въ христіанство, въ стихотвореніи: «Отщепенцу», первоначально помѣщенному въ его дневникѣ. Онъ говоритъ: «Склонился ты покорной головой передъ крестомъ, который презиралъ, который ты недавнею порою попрать въ грязи пятой своей мечталъ» [2]). Въ одномъ изъ писемъ къ своему другу, какъ бы оправдываясь въ принятіи христіанства, Гейне заявляетъ: «увѣряю тебя, что я не крестился бы, еслибъ законы дозволяли кражу серебряныхъ ложекъ» [3]).

Всѣ разсмотрѣнные выше примѣры въ сущности предрѣшаютъ вопросъ о томъ, какихъ воззрѣній должны держаться правовѣрные евреи относительно ассимиляціи ихъ племени съ остальными народами. Д-ръ Гертцль говоритъ весьма категорически по этому поводу: «не колеблясь, заявляю, что совсѣмъ не желаю ея (т. е. ассимиляціи). Наша народность слишкомъ славна исторически и, не смотря на всѣ униженія, слишкомъ высока, для того чтобы желать ея исчезновенія» [4]).

Сотрудникъ «Восхода», г. Манасевичъ, разсуждая съ чисто-еврейскимъ апломбомъ, высокомѣріемъ и изворотливостью насчетъ возможности сліянія евреевъ съ другими національностями, не шутя, увѣряетъ, что «это слитіе осуществится только тогда, когда послѣднія, будучи количественно въ перевѣсѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ поднимутся до космополитическаго уровня еврейства». А чтобы русскій народъ не страшился этихъ космополитическихъ жидовскихъ тенденцій,

[1]) «Исторія евреевъ», Гренца. «Восходъ» 1881 г., кн. 10, стр. 187.
[2]) Тамъ же, кн. 11, стр. 202.
[3]) Тамъ же, кн. 11, стр. 203.
[4]) «Еврейское государство», стр. 27.

Digitized by Google

названный авторъ убѣждаетъ реальнымъ примѣромъ самого еврейства: «еврейство съ безусловной самоотверженностью выплыло въ открытое море общечеловѣчности, *въ погоню за всеобъемлющимъ идеаломъ безконечнаго* (какъ громко и безсмысленно)! Но зато оно и дало единственный въ исторіи примѣръ переживанія» [1]). Г. Гецъ держится столь же опредѣленнаго мнѣнія относительно ассимиляціи евреевъ: «никакой народъ въ мірѣ,—а еврейскій, какъ это доказываетъ исторія, тѣмъ менѣе,—добровольно не дастъ себя обезличить и никогда не согласится служить почвеннымъ удобреніемъ» [2]).

Нѣсколько далѣе тотъ же Гецъ продолжаетъ: «мы, значитъ, стоимъ за сліяніе, но за сліяніе политическое и соціальное для общаго блага отечества, за сліяніе въ духѣ культуры и прогресса, а такое сліяніе ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ химическимъ сліяніемъ, которое проповѣдываютъ намъ наши упразднители-ассимиляторы вкупѣ съ нашими злѣйшими врагами. *Но такое сліяніе, котораго желаемъ мы—не въ нашихъ рукахъ* (слава богу!) До того же времени у насъ хватитъ силы духа и мужества, чтобы терпѣть и надѣяться, страдать и бороться, твердо оставаться въ нашей позиціи и давать дружный отпоръ дерзкимъ натискамъ непріятелей; у насъ хватитъ настолько сознанія своихъ правъ, чтобы вполнѣ чувствовать всю несправедливость, которая совершается въ отношеніи къ намъ, и мы никогда не перестанемъ протестовать противъ нея. Наконецъ, у насъ хватитъ сознанія своего собственнаго достоинства, призванія и назначенія, чтобы сожалѣть нашихъ враговъ и презирать ихъ лживыя обвиненія и низкую клевету [3]).

Наконецъ, профессоръ Хвольсонъ, въ своей брошюрѣ: «О мнимой замкнутости евреевъ», въ заключеніе рѣшается высказать слѣдующій удивительный взглядъ на своихъ соплеменниковъ: «Они болѣе всѣхъ народовъ въ мірѣ одарены способностью ассимилироваться. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи народомъ, полнымъ жизни и энергіи (какой?) *они не дадутъ поглотить себя* и никогда не отрекались и не отрекутся отъ своей внутренней національной жизни» [4]).

Мы познакомили читателей съ достаточнымъ количествомъ воззрѣній, выясняющихъ намъ *дѣйствительный характеръ еврейства*, а также тѣ цѣли, которыя оно искони преслѣдуетъ среди другихъ народовъ. Перейдемъ теперь къ краткому разбору этихъ воззрѣній. Сущность экономическихъ стремленій еврейства съ безпощадной откровенностью формулирована Марксомъ и не нуждается въ пов-

[1]) «Національнизмъ и космополитизмъ», стр. 27 и 23.
[2]) «Что такое еврейство»? стр. 42.
[3]) «Что такое еврейство»? стр. 43.
[4]) «О мнимой замкнутости евреевъ», стр. 18.

Digitized by Google

торенiи. Какими бы мотивами ни руководился Марксъ, но въ данномъ отношенiи онъ указалъ намъ такiя черты, которыя громаднымъ большинствомъ евреевъ тщательно скрываются, такъ какъ для нихъ гораздо выгоднѣе вести до поры до времени игру съ закрытыми картами.

Было бы, конечно, несправедливо приписывать Марксу честь раскрытiя той истины, что эгоизмъ и корыстолюбiе—альфа и омега еврейскаго существованiя. Мнѣнiе этого писателя-экономиста является лишь логическимъ выводомъ изъ безчисленнаго ряда краснорѣчивѣйшихъ фактовъ тысячелѣтней борьбы съ еврействомъ различныхъ народовъ мiра. Тѣмъ не менѣе, слова Маркса имѣютъ для насъ особое значенiе, такъ какъ онъ, будучи ярымъ провозвѣстникомъ и доктринеромъ близкаго еврейскому сердцу господства капиталистическаго строя, представляется непреложнымъ авторитетомъ въ глазахъ евреевъ. Леруа-Больё отлично дополняетъ характеристику, данную Марксомъ жидамъ, говоря, что «евреи мало заботятся о судьбѣ провинцiй и государствъ, въ которыхъ временно живутъ», и что всѣ эгоистическiе помыслы этого племени направлены на его личные интересы.

Нѣкоторые евреи, по примѣру г. Исидора Каима, имѣютъ смѣлость утверждать, будто высшiе и низшiе финансы, торговля и промышленность находятся въ рукахъ евреевъ... для блага государствъ. Слѣдуетъ ли возражать на это? Отвѣтъ коротокъ: было бы слишкомъ много чести опровергать такiя увѣренiя, являющiяся лишь доказательствомъ непомѣрной наглости зазнавшагося еврейства. Евреи не отрицаютъ своего дѣятельнаго участiя въ установленiи «капиталистическаго строя», которому многiе справедливо приписываютъ столько экономическихъ золъ въ западной Европѣ. Однако, возражая на упреки, обращенные по адресу этого строя, они съ апломбомъ говорятъ намъ: что за бѣда? развѣ капиталъ виноватъ, если современное общество не подготовлено къ нравственному и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣшному съ нимъ обращенiю? Подобнаго рода слова, слышанныя нами изъ устъ г. Геца, представляются не только образцомъ величайшаго безстыдства, но и лучшимъ доказательствомъ рѣшительной непримѣримости еврейскихъ интересовъ съ общечеловѣческими. Взглядъ, высказанный г. Гецемъ, въ сущности слѣдуетъ понимать такимъ образомъ: евреямъ капиталистическiй строй весьма выгоденъ, и потому они энергично содѣйствуютъ его развитiю. Если же современное общество не подготовлено къ нравственному и, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣшному обращенiю съ капиталомъ, то до этого евреямъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла.

Переходя къ разсмотрѣнiю нравственныхъ устоевъ еврейства,

Digitized by Google

мы вынуждены еще разъ возвратиться къ Карлу Марксу, ибо его воззрѣнія на евреевъ, помимо выясненія ихъ экономической роли, имѣютъ еще иной, значительно болѣе обширный и важный смыслъ, являясь страшнымъ приговоромъ еврейству въ глазахъ всего человѣчества. Ничто не можетъ быть чудовищнѣе того констатированнаго Марксомъ факта, что есть на свѣтѣ религія, въ основѣ которой лежатъ не высшіе интересы человѣческаго духа, а практическія потребности,—деньги и вообще людской эгоизмъ. Религія, зараженная столь низкими побужденіями и потворствующая худшимъ сторонамъ человѣческой организаціи, разумѣется, должна была явиться наиболѣе желанной для низменной человѣческой природы, ибо людскіе слабости и пороки всегда стремятся найти себѣ оправданіе. Какимъ образомъ такое безпримѣрное вѣроученіе могло образоваться,—это было уже разъяснено въ I-й главѣ. Въ настоящемъ случаѣ, для насъ важно то обстоятельство, что, уклонившись отъ истиннаго пути, предначертаннаго ему Моисеемъ, іудейство предоставило названнымъ порокамъ широкую возможность прятаться за авторитетъ религіи—и вотъ основная причина, почему эта удивительная «религія», нераздѣльно слившаяся съ еврейской національностью, произвела безпримѣрно-устойчивый еврейскій типъ, такъ рѣзко выдѣляющійся на фонѣ остальнаго человѣчества.

Чѣмъ болѣе искажалась первичная религія евреевъ, проникаясь исключительными тенденціями національнаго эгоизма, тѣмъ болѣе она унижалась до степени простаго *заговора противъ остальныхъ народовъ*. Это обстоятельство достаточно объясняетъ намъ, почему евреи, по свидѣтельству самого г. Хвольсона, всегда ненавидѣли и упорно преслѣдовали тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые порывали съ іудействомъ. Евреи не могли смотрѣть на нихъ иначе, какъ на несомнѣнныхъ и наиболѣе естественныхъ враговъ организованнаго іудействомъ заговора.

Хотя г. Хвольсонъ отмѣчаетъ нетерпимость евреевъ только лишь въ религіозномъ отношеніи, однако, каждому лицу, разумѣющему тѣснѣйшую связь жидовской религіи съ гражданской жизнью евреевъ еще со временъ Моисея, должно быть до очевидности ясно, что исключительность, которая, по мнѣнію г. Хвольсона, проявляется у евреевъ въ дѣлѣ религіи, не могла не распространиться и на весь ихъ общественный бытъ. Этотъ взглядъ подтверждается на тысячахъ примѣровъ всѣмъ извѣстной еврейской исключительности и нетерпимости, проявляющихся и по сей день въ гражданскомъ быту евреевъ при всевозможныхъ сношеніяхъ ихъ съ христіанами и другими иновѣрцами. Подобно тому, какъ изъ рукъ караимовъ,—евреи не принимаютъ пищи и изъ рукъ остальныхъ народовъ міра;

Digitized by Google

они безусловно не ѣдятъ убитаго христіанами мяса, считая его нечистымъ и проч.

Указанной специфической чертой евреевъ слѣдуетъ объяснить поведеніе тѣхъ депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ, которые, будучи призваны во 2-й половинѣ 60-хъ годовъ къ участію въ трудахъ виленской комисіи по устройству быта евреевъ, рѣшительно отказались отъ разсматриванія вопроса о духовныхъ дѣлахъ евреевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что вмѣшательство въ ихъ религіозныя дѣла есть посягательство на свободу совѣсти и нарушеніе принципа вѣротерпимости» (?).

Многіе евреи склонны ставить себѣ въ особую заслугу полное отсутствіе среди нихъ прозелитизма; но этотъ фактъ не только не служитъ въ пользу евреевъ, но, наоборотъ, подтверждаетъ именно нашъ взглядъ относительно исключительности и обособленности іудейства.

Религіи, стремящіяся къ прозелитизму, т. е. къ обращенію въ лоно извѣстной церкви различныхъ иновѣрцевъ, этимъ актомъ приглашаютъ новообращенныхъ идти по общему нравственно-культурному пути. Подобное явленіе совершенно немыслимо среди евреевъ, съ точки зрѣнія которыхъ было бы прямо нелѣпо, еслибы они принимали въ свое сообщество тѣхъ людей, противъ которыхъ ими и организованъ заговоръ. Разсматривая, наконецъ, отношенія жидовства къ христіанству, мы видимъ, что евреи, которые, по показанію г. Хвольсона, являются ярыми и злобными фанатиками, преслѣдующими малѣйшее свободомысліе въ предѣлахъ своей религіи; евреи, вся жизнь и дѣятельность которыхъ, по убѣжденію многихъ изъ числа ихъ соплеменниковъ, пропитана юдаизмомъ, нераздѣльно соединившимъ въ себѣ религію съ еврейскимъ гражданскимъ бытомъ,—тѣ же самые евреи, какъ удостовѣряетъ г. Каимъ, рѣшительно всегда вели повсемѣстную борьбу за *отдѣленіе христіанской церкви отъ государства*. Это сопоставленіе заслуживаетъ особаго вниманія, ибо случайныя признанія упомянутыхъ лицъ въ немногихъ словахъ подтверждаютъ лишь тотъ фактъ, который намъ уже давно извѣстенъ изъ совершенно другихъ источниковъ,—именно, что евреи, ревниво оберегая *свою* самобытность при посредствѣ юдаизма, охватывающаго не только всю ихъ жизнь, но даже и способы мышленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, нагло вторгаясь въ среду христіанства,—всегда настойчиво стремились *умалять значеніе религіи въ жизни остальныхъ народовъ* и въ теченіе вѣковъ достигли блистательныхъ результатовъ... Для лучшаго достиженія подобнаго рода успѣховъ, еврен, строго послѣдовательные въ своихъ вѣковыхъ принципахъ, не останавливались даже предъ измѣной и пре-

Digitized by Google

дательствомъ въ дѣлѣ религіи, т. е. предъ худшимъ изъ всѣхъ видовъ предательства. Въ этомъ должны наглядно убѣдить читателей признанія Гейне, доходившаго до открытаго бравированія своимъ вѣроломствомъ.

Начавъ съ отдѣленія церкви отъ государства, евреи, какъ мы знаемъ, вездѣ дружно направляютъ свои усилія къ *изгнанію религіи изъ школы*, хорошо сознавая, что подобнымъ путемъ христіанству будетъ нанесенъ наиболѣе тяжкій ударъ, ибо въ громадномъ большинствѣ случаевъ семья не имѣетъ ни времени, ни средствъ для того, чтобы внѣдрять въ молодомъ поколѣніи надлежащіе религіозные устои. Поэтому, для значительнаго большинства семей, изгнаніе христіанства изъ школьнаго преподаванія равносильно совершенному его упраздненію, къ чему именно и направлены неустанныя усилія евреевъ.

Принимая дѣятельное участіе въ расшатываніи христіанскихъ основъ европейскаго общества, евреи съ плохо скрываемымъ злорадствомъ указываютъ на упадокъ религіозности въ западной Европѣ. Для того чтобы понять всю глубину этого гнуснаго злорадства, необходимо лишь уразумѣть, что *съ ослабленіемъ христіанской религіи неизбѣжно рушатся нравственно-религіозные устои европейскаго общества*, которое должно быстрыми шагами прійти къ разложенію и окончательно сдѣлаться добычей жидовъ, *сильныхъ именно фанатической преданностью своему дикому талмуду*.

Не вдаваясь въ сущность религіозно-политической борьбы на Западѣ, мы обязаны сказать, что эта борьба есть во всякомъ случаѣ домашній споръ христіанъ, въ которомъ, казалось бы, евреямъ положительно не должно быть мѣста. Только одно скудоуміе, безпринципность, предательство или грубый эгоизмъ партійной борьбы могутъ отдавать подобный споръ на судъ евреевъ. Поэтому на западные народы долженъ лечь темнымъ пятномъ тотъ прискорбный фактъ, что евреи не только вторгаются въ ихъ религіозно-политическія распри, но зачастую даже становятся во главѣ теченій, направленныхъ противъ такъ называемаго «ультрамонтанства», а, въ сущности говоря, противъ христіанства.

Разрушительная дѣятельность евреевъ въ области христіанства—не случайна. Она является ничѣмъ инымъ, какъ выполненіемъ вѣковой жидовской программы, столь ясно формулированной Адольфомъ Кремьё при основаніи «Всемірнаго еврейскаго союза». Въ виду того, что среди нѣкоторой части нашей интеллигенціи существуетъ мнѣніе, будто еврейство, при условіи его эмансипаціи, неминуемо потеряетъ свои специфическія черты и постепенно растаетъ среди остальныхъ народовъ,—для насъ пріобрѣтаетъ особое

Digitized by Google

значеніе отношеніе самихъ евреевъ къ данному вопросу. Но оказывается, что ихъ взгляды должны совершенно разсѣять рискованныя иллюзіи лицъ, имѣющихъ неосторожность вѣрить въ еврейскую «ассимиляцію»...

Мнѣнія евреевъ относительно ассимиляціи ихъ племени съ остальными народами,—какъ это и слѣдовало ожидать,—находятся въ совершеннѣйшемъ соотвѣтствіи съ исключительнымъ характеромъ іудаизма. «Они болѣе всѣхъ народовъ въ мірѣ одарены способностью ассимилироваться. Но... вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи народомъ, полнымъ жизни и энергіи, они не дадутъ поглотить себя и никогда не отрекались и не отрекутся отъ своей внутренней національной жизни»,—такъ говоритъ г. Хвольсонъ о евреяхъ. Предлагаемъ въ данномъ случаѣ обратить особое вниманіе на совмѣщеніе двухъ такихъ понятій, которыя для каждаго человѣка, не зараженнаго духомъ казуистики, являются положительно несовмѣстимыми. Кто обладаетъ замѣчательной способностью ассимиляціи, тотъ не способенъ ни твердо отстаивать свою внутреннюю жизнь, ни противодѣйствовать поглощенію. А кто твердо, стойко отстаиваетъ свою внутреннюю жизнь и свою народность,—тотъ, очевидно, не способенъ къ ассимиляціи. Такъ это всегда было и будетъ по понятіямъ каждаго здравомыслящаго человѣка, и надо имѣть очень большой запасъ еврейской беззастѣнчивости, чтобы приподнесть читателю такіе перлы талмудической казуистики, какіе намъ предлагаетъ г. Хвольсонъ, а за нимъ и другіе евреи.

Мы находимъ полезнымъ закончить выясненіе еврейскихъ «идеаловъ» сопоставленіемъ тѣхъ высокихъ задачъ, разрѣшенія которыхъ г.г. Іеллинекъ, Гецъ, Каимъ, Песковскій, Валькеръ, Хвольсонъ, Гертцль, Манасевичъ и ихъ присные ждутъ отъ евреевъ «въ интересахъ культуры и человѣчности»,—съ мнѣніями г. Хвольсона нѣсколько инаго рода и пошиба. Въ книгѣ «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ» этотъ авторъ говоритъ слѣдующее: «Евреи издавна были болѣе или менѣе нелюбимы народами, съ которыми приходили въ соприкосновеніе... только крайнее лицемѣріе или личное ничтожество охраняетъ человѣка отъ ненависти. Каждому же умному человѣку съ самостоятельнымъ характеромъ приходится болѣе или менѣе терпѣть отъ ненавистниковъ и бороться противъ недоброжелательства. Иначе и быть не можетъ. *Только утописты и мечтатели толкуютъ о всеобщемъ братствѣ* (sic)... Это недоброжелательство, вызываемое общечеловѣческими причинами, питалось и поддерживалось еще однимъ особеннымъ обстоятельствомъ. Человѣка не любятъ не только, когда онъ хуже другихъ, но *весьма часто за то, что онъ лучше другихъ*. (Это жиды-то

Digitized by Google

«лучше другихъ»?!). Послѣднее происходитъ не отъ зависти, такъ какъ *люди рѣдко признаютъ преимущество за другими.* Но его не любятъ за то, что онъ не таковъ, какъ другіе. Когда человѣкъ своеобразный безвреденъ, тогда его называютъ чудакомъ и насмѣхаются надъ нимъ. *Если же онъ*, благодаря своимъ особенностямъ, *можетъ сдѣлаться опаснымъ, то его ненавидятъ. Евреи положительно своеобразны; они были такими всегда и такими остались по настоящій день».*

Выраженный г. Хвольсономъ взглядъ замѣчателенъ по нѣсколькимъ причинамъ: прежде всего, онъ представляетъ собою откровенное до цинизма отрицаніе въ человѣчествѣ высшихъ интересовъ бытія, якобы составляющихъ только удѣлъ «утопистовъ и мечтателей»; затѣмъ, этотъ дикій взглядъ является еще и еще новымъ доказательствомъ неисправимости самомнѣнія и высокомѣрія, которыя неотъемлемо присущи жидамъ съ древнѣйшихъ временъ. Согласно логикѣ г. Хвольсона, евреи издавна были нелюбимы народами по той-де причинѣ, по которой всякому умному и самостоятельному человѣку приходится терпѣть отъ ненавистниковъ и недоброжелателей. Итакъ ясно, что «умному и самостоятельному» еврейству противопоставляется все остальное человѣчество, играющее роль ненавистниковъ и недоброжелателей въ отношеніи евреевъ. Каждый долженъ согласиться, что едва ли возможно опредѣлить съ бо́льшимъ высокомѣріемъ и бо́льшею наглостью причины, неизмѣнно порождавшія враждебное отношеніе другихъ племенъ къ евреямъ,— и честь этого подвига принадлежитъ г. Хвольсону, который ради оправданія еврейства не остановился предъ тѣмъ, чтобы бросить неблаговидную тѣнь на всѣ, соприкасавшіеся съ жидами, народы!! Наконецъ, въ отношеніи «своеобразности» замѣтимъ, что эта послѣдняя, какъ таковая, никогда не была даже въ древности основной причиной для нелюбви, а тѣмъ болѣе для преслѣдованія той или иной національности.

Египтяне, китайцы, японцы, индусы, персы, турки, татары, кавказскія племена, сибирскіе инородцы—всѣ они развѣ не отмѣчены печатью своеобразности? Но кто же изъ перечисленныхъ народовъ *собственно за это* испытывалъ на себѣ чью либо нелюбовь или подвергался преслѣдованіямъ? Г. Хвольсонъ въ сущности долженъ былъ прямо и категорически сказать: «своеобразность становилась предметомъ систематическихъ преслѣдованій лишь тогда, *когда она наносила вредъ* или была опасна остальнымъ народамъ, чему жиды и являются наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ». Но такое откровенное признаніе, разумѣется, не входило въ разсчеты г. Хвольсона, который предпочелъ отождествить нелюбовь народовъ

Digitized by Google

къ жидамъ съ нелюбовью ко всему, вообще, своеобразному. Отвлекши въ иную сторону вниманіе читателя отъ истинныхъ причинъ нелюбви къ евреямъ, «своеобразный» ученый какъ бы совершенно случайно обмолвился общей фразой относительно ненависти къ оригинальнымъ людямъ, могущимъ сдѣлаться опасными—и далѣе заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «евреи положительно своеобразны; они такими были всегда и такими остались по настоящій день». Послѣдняя мысль, являясь, сверхъ всякаго ожиданія г. Хвольсона, роковымъ для еврейства приговоромъ, должна поразить каждаго человѣка, ибо въ ней выражена вся сущность еврейства. Вѣдь евреи, какъ извѣстно, во всѣ времена подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ именно за то, что различные народы, среди которыхъ они водворялись, рано или поздно воочію убѣждались въ опасности еврейскихъ «идеаловъ»! А что народы нимало не заблуждались относительно истинныхъ еврейскихъ стремленій—это можно видѣть изъ слѣдующаго поразительнаго факта: пройдя сквозь непрерывную многовѣковую цѣпь различныхъ испытаній, $^1/_{10}$ доли которыхъ было бы достаточно для того, чтобы стереть съ лица земли любую націю, евреи не только не исчезли, но, наоборотъ, постепенно пріобрѣтали все бо́льшее и большее могущество, достигшее въ нынѣшнемъ вѣкѣ поражающихъ размѣровъ, благодаря небрежности и безтолковости парламентарныхъ правительствъ.

Читатель, конечно, вправѣ спросить, чѣмъ вызвано косвенное признаніе г. Хвольсономъ опасности «еврейскихъ идеаловъ»? По нашему крайнему убѣжденію, ключъ къ разъясненію этого обстоятельства лежитъ въ глубинахъ человѣческой души и заключается въ психическомъ состояніи человѣка, который взялся защищать вопіющую ложь и дѣлаетъ невольныя признанія, изнемогая самъ подъ тяжестью истинныхъ данныхъ, его опровергающихъ.

Каковъ долженъ быть окончательный выводъ изъ всей совокупности взглядовъ евреевъ и ихъ друзей? По счастливому выраженію ихъ адвоката, г. Песковскаго, жидамъ предстоитъ выступить въ міровой роли «представляющей первѣйшую важность въ интересахъ культуры и человѣчности» (!!) По мнѣнію же самихъ евреевъ, далеко опережающихъ даже г. Песковскаго, они — несомнѣнно, первый народъ въ мірѣ не только по ихъ славному прошедшему (по распятію Христа?!) но и по высокимъ «идеаламъ», а потому совершенно не желаютъ слиться съ націями, среди которыхъ живутъ. Евреи никогда не могли бы удовлетвориться подобной мизерной ролью, ибо ихъ истинное призваніе заключается въ томъ, чтобы «руководить» остальными народами вселенной.

Обратимся ли мы къ Монтефіоре, или Кремьё, Іеллинеку или

Digitized by Google

Каиму, Хвольсону или Леруа-Болье, Песковскому или Манасевичу, ознакомимся ли мы съ тайными или явными рѣчами этихъ лицъ,— у всѣхъ ихъ (у однихъ — между строкъ, а у другихъ — въ совершенно опредѣленной формѣ) выступаетъ одна и та же мысль о *несомнѣнномъ превосходствѣ евреевъ въ этико-культурномъ отношеніи надъ остальными народами* и,—какъ логическое слѣдствіе отсюда,—грядущая доминирующая роль ихъ надъ міромъ.

Теперь настаетъ время спросить: чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, отличаются подлинные взгляды жидовъ и ихъ сателлитовъ отъ тѣхъ обвиненій, которыя во всѣ времена были предъявляемы къ евреямъ ихъ противниками? На данный вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Въ приведенныхъ выше воззрѣніяхъ ревностныхъ друзей еврейства—искреннихъ и продажныхъ—вполнѣ рельефно выступаютъ основные элементы именно тѣхъ самыхъ обвиненій, съ которыми всегда обращалось и обращается къ еврейству остальное человѣчество. Безпристрастное сопоставленіе важнѣйшихъ выводовъ, получающихся изъ произведеній какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ еврейства рисуетъ намъ нѣчто совершенно безпримѣрное. Подобнымъ путемъ можно наглядно убѣдиться, что въ обоихъ случаяхъ неприкрашенная, истинная сущность дѣла,—т. е. общая совокупность еврейскихъ цѣлей и «идеаловъ»,—*оказывается безусловно одна и та же*, и коренное различіе заключается лишь въ характерѣ отношеній къ еврейскому вопросу со стороны представителей указанныхъ категорій. Намъ, конечно, не было никакой необходимости утомлять вниманіе читателей слишкомъ многочисленными выдержками, но и помѣщенныхъ въ настоящей главѣ,—слѣдуетъ думать, — совершенно достаточно, для того чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о характерѣ жидовъ и ихъ защиты. Мы могли вполнѣ ясно видѣть, что защитники еврейства, широко пользуясь всею силой своей беззастѣнчивости, казуистики, лицемѣрія и лукавства, подчасъ совершаютъ предъ глазами изумленнаго читателя самые умопомрачительные вольты. Выворачивая на изнанку, при помощи этихъ фокусовъ, и науку, и здравый смыслъ, и даже человѣческую совѣсть, а вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь *скрывать отъ постороннихъ пытливыхъ взоровъ истинную сущность жидовства*,— эти господа одновременно стремятся не только реабилитировать жидовъ въ общественномъ мнѣніи, но и поставить ихъ на пьедесталъ, въ назиданіе всему человѣчеству!!

Полагаемъ, что зарвавшимся друзьямъ или холопамъ еврейства дальше идти уже некуда... Дѣйствительно, надо слишкомъ много разсчитывать на «мягкость и безцвѣтность» русской интеллигенціи,— какъ выражается г. Скальковскій въ «Современной Россіи»,—для

Digitized by Google

того чтобы приподносить ей всѣ тѣ перлы еврейской казуистики и наглости, обличителями которыхъ намъ пришлось быть въ этой главѣ!!

III.

Не смотря на очевидную противоположность нашихъ воззрѣній съ еврейскими «идеалами», мы тѣмъ не менѣе должны отдать полную справедливость жидамъ въ искусномъ и дальновидномъ преслѣдованіи ихъ гнусныхъ исконныхъ цѣлей. Настойчиво руководясь ими, они, будучи географически разъединены, не только сами сплотились воедино, но постепенно съумѣли подкупить или привлечь на свою сторону, тѣми или другими путями, значительный контингентъ приверженцевъ изъ среды всѣхъ европейскихъ народовъ, и твердой неуклонной поступью, съ яснымъ сознаніемъ своихъ стремленій, идутъ изъ вѣка въ вѣкъ къ намѣченной цѣли.

И когда при этомъ вспомнишь, сколько гоненій,—хотя и значительно преувеличенныхъ въ описаніи евреевъ,—вынуждено было вынести жидовство ради достиженія своихъ исключительныхъ «идеаловъ», то еврейскій характеръ невольно обрисовывается во всей своей внушительной мрачности. Казалось бы, что стремленія еврейства должны вызвать надлежащій отпоръ со стороны народовъ Европы, но дѣйствительность указываетъ намъ нѣчто иное: мы наталкиваемся на совершенно обратную грустную картину людской разрозненности и безпечности, происходящихъ, главнымъ образомъ, отъ недостаточно яснаго пониманія многовѣковой еврейской исторіи, чрезъ которую красной нитью проходитъ необычайная страсть евреевъ къ любостяжанію и эксплуатаціи окружающихъ народностей. Въ результатѣ, сравнительно ничтожная горсть людей съ поразительной настойчивостью,—а въ послѣднее столѣтіе и съ чисто феерической быстротой,—захватываетъ въ свои руки матеріальное благосостояніе народовъ, обѣдненіе которыхъ зачастую развивается совершенно пропорціонально жидовскому обогащенію. Ближайшіе примѣры этого мы видимъ и въ нашемъ западномъ краѣ, и въ Галиціи.

Наряду съ огромнымъ развитіемъ экономическаго благосостоянія, прогрессивно возростаетъ и политическое значеніе евреевъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, кому принадлежитъ господствующая роль на биржахъ Парижа, Лондона, Берлина, Вѣны, Франкфурта на Майнѣ, могучее международное вліяніе которыхъ простирается не только на чисто экономическіе и финансовые вопросы, но и на политическую жизнь государствъ. Эта роль почти всецѣло принадлежитъ

Digitized by Google

Ротшильдамъ, Гиршамъ, Блейхредерамъ, Мендельсонамъ, Эфрусси и другимъ евреямъ! Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что огромный прогрессъ XIX-го вѣка въ утилитарной сферѣ, сослуживъ службу всему человѣчеству, принесъ неизмѣримо большую пользу жидамъ. Развитіе торговли и промышленности, накопленіе богатствъ, необычайное усовершенствованіе путей сообщенія, почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній, а, главное, печать—являются тѣми рычагами при помощи которыхъ евреи настойчиво стремятся закрѣпостить весь міръ.

По всей вѣроятности, весьма немногіе затруднились бы заранѣе опредѣлить: подъ какимъ знаменемъ должны были сойтись надежнѣйшіе столпы и защитники еврейства. Они избрали своимъ девизомъ единственный принципъ, который вполнѣ отвѣчалъ ихъ цѣлямъ, именно—злосчастный, фальсифицированный «либерализмъ». Нетрудно понять, что въ данномъ случаѣ другаго выбора и быть не могло, потому что только подъ эгидой либерализма, — который зачастую граничитъ съ отсутствіемъ всякихъ принциповъ, давая такимъ образомъ возможность и насиловать общественное мнѣніе, и подтасовывать выборы, и упразднять христіанскую религію,— евреи пользуются возможностью все болѣе и болѣе расширять свое вліяніе въ ущербъ остальнымъ народамъ.

«Либеральныя» теченія имѣютъ для евреевъ неизмѣримо бо́льшее значеніе, чѣмъ для всѣхъ другихъ націй, и можно съ увѣренностью сказать, что еслибы «либерализма» совсѣмъ не существовало даже въ политикѣ, то евреи непремѣнно выдумали бы его, потому что онъ имъ необходимъ, какъ воздухъ. Каждый человѣкъ, мало-мальски интересующійся новѣйшимъ періодомъ жизни европейскихъ государствъ, легко можетъ убѣдиться въ томъ, что либеральная эра въ западной Европѣ ознаменовалась весьма спорнымъ улучшеніемъ благосостоянія христіанскихъ народовъ и одновременнымъ—пышнымъ, безпримѣрнымъ въ исторіи—расцвѣтомъ жидовства! Въ короткое время, значеніе евреевъ возрасло въ такой удивительной степени, что эта горсть людей, вліяніе которыхъ еще въ концѣ прошлаго вѣка было весьма мало замѣтно, нынѣ уже диктуетъ государствамъ свои законы, какъ напр., въ современной Франціи или въ Австріи.

Въ подтвержденіе настоящихъ словъ, достаточно указать хотя бы на извѣстный французскій законъ объ уравненіи правъ алжирскихъ евреевъ съ гражданами республики, проведенный евреемъ Адольфомъ Кремьё въ 1870 году. Этотъ законъ несправедливо возвысилъ соплеменниковъ Кремьё надъ кореннымъ арабскимъ—тоже семитическимъ, но не талмудическимъ—народонаселеніемъ Алжира

Digitized by Google

и такимъ образомъ отдалъ его на жертву жидовской алчности и довелъ арабовъ до отчаяннаго положенія. Здѣсь же будетъ умѣстно вспомнить сравнительно недавнюю борьбу въ венгерскомъ парламентѣ по поводу законовъ о гражданскомъ бракѣ. Въ парламентскихъ и газетныхъ дебатахъ, происходившихъ на этой почвѣ между консерваторами и либералами, во всѣхъ дѣйствіяхъ которыхъ видна искусная еврейская рука, съ особенной ясностью обнаружилась настоящая тенденція евреевъ—*къ постепенному изгнанію христіанской религіи изъ жизненнаго обихода народовъ*. Данная борьба высоко поучительна по своимъ перепетіямъ, особенно ясно доказавшимъ непрерывно возрастающее значеніе жидовско-либеральной партіи, которая чувствовала себя настолько сильной, что въ лицѣ родственнаго ей министерства Векерле настойчиво нѣсколько разъ производила давленіе на Франца-Іосифа, съ цѣлью *вырвать* у него согласіе на проведеніе указанной реформы, вопреки глубокому личному убѣжденію императора. Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ знаменитую борьбу вѣнскихъ «либераловъ» съ антисемитами по поводу выборовъ вѣнскаго бургомистра. Эта борьба, надѣлавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ много шуму на всю Европу, служитъ наглядньмъ примѣромъ могущества, достигнутаго жидами въ самой столицѣ Австріи.

Дѣло дошло до того, что императоръ Францъ-Іосифъ, преклоняясь предъ жидовскимъ могуществомъ, первоначально отказался утвердить въ должности вѣнскаго бургомистра извѣстнаго антисемита д-ра Люгера, избраннаго городскимъ совѣтомъ, а самый совѣтъ распустилъ и назначилъ новые выборы! Во время послѣдовавшихъ выборовъ, происходившихъ на почвѣ борьбы антисемитовъ съ жидовско-либеральной партіей, — первые одержали побѣду. Подобный результатъ, какъ и слѣдовало ожидать, повелъ ко вторичному избранію Люгера, но австрійскій императоръ, *вопреки дважды выраженной волѣ избирателей*, вновь воспротивился утвержденію Люгера бургомистромъ и, давъ ему аудіенцію, *вынудилъ отказаться отъ должности* въ пользу другаго, гораздо менѣе авторитетнаго, представителя партіи! Если прибавить, что до этой пирровой побѣды антисемитовъ жидовско-либеральная партія долгое время безраздѣльно руководила городскими дѣлами Вѣны, то дальнѣйшіе комментаріи сами собою станутъ излишними...

То обстоятельство, что, спустя нѣкоторый промежутокъ времени, Люгеръ все таки, въ концѣ концовъ, сталъ во главѣ городского управленія Вѣны, едва ли существенно вліяетъ на характерныя черты взятаго нами примѣра.

Но всѣ приведенные факты окончательно блѣднѣютъ предъ тѣмъ

Digitized by Google

безпримѣрнымъ явленіемъ, свидѣтелемъ котораго нынѣ суждено быть просвѣщенному человѣчеству. Для насъ не играетъ существенной роли: виновенъ ли жидъ Дрейфусъ въ измѣнѣ, или нѣтъ? Пусть онъ будетъ невинной жертвой судебной ошибки! Но кто же не знаетъ, что такія ошибки не разъ совершались на свѣтѣ, интересуя лишь мѣстные кружки и проходя незамѣченными или возбуждая мимолетное вниманіе остальнаго человѣчества? И это должно считать въ порядкѣ вещей, потому что сколь бы трагической ни являлась судьба отдѣльнаго человѣка, однако, великое людское море такъ много заключаетъ въ себѣ горя и отчаянія,—въ которыхъ гибнутъ милліоны жизней, заслуживающихъ лучшей участи,—что было бы несправедливо, въ ущербъ имъ, долго останавливаться на драматическихъ положеніяхъ обыкновенныхъ единичныхъ личностей.

Но жиды недаромъ претендуютъ считаться «избраннымъ народомъ». Вслѣдствіе этого, тѣ понятія и выводы, которые вѣрны въ отношеніи всего культурнаго человѣчества, въ большинствѣ случаевъ совершенно непримѣнимы къ евреямъ. Вотъ почему достаточно было во Франціи какому нибудь Дрейфусу понести извѣстную кару, чтобы его дѣло, быстро обратившись въ дѣло всего еврейства, не только на цѣлые годы заслонило собою серьезнѣйшіе государственные вопросы, но даже повело къ расшатыванію и потрясенію государственнаго зданія могущественнаго и высоко-культурнаго народа!

Въ своемъ стремленіи придать особенно важное принципіальное значеніе безумной агитаціи, охватившей всю Францію изъ-за одного жида-предателя и «альфонса», его защитники громко заявляютъ, что въ ихъ рядахъ находится значительное число коренныхъ французовъ, будто бы выступившихъ во имя «попраннаго правосудія». Но это явленіе должно быть истолковано совершенно иначе. Истинная сила и ловкость евреевъ, именно, въ томъ и сказалась, что они съумѣли *подмѣнить вопросы* и заставили многихъ просвѣщенныхъ французовъ,—всѣхъ тѣхъ, которые благоразумно молчали въ другихъ, гораздо болѣе важныхъ случаяхъ, — громко возвысить свой голосъ, разъ дѣло коснулось ничтожнаго измѣнника — Дрейфуса. Впрочемъ, существуютъ основанія думать, что подобные французы принадлежатъ къ категоріи именно тѣхъ людей, которые, по характерному выраженію г. Леруа-Больё, съ одной стороны охотно примиряются со стремленіями евреевъ всюду занимать первое мѣсто, а съ другой—тѣсно примыкаютъ къ лицамъ, видящимъ свои «идеалы» въ сундукахъ еврейскихъ банкировъ...

Какъ ни безпримѣрна роль, разыгранная юдофильской печатью

Digitized by Google

во Франціи въ дѣлѣ Дрейфуса, но, однако, этой ролью далеко не исчерпывается сила евреевъ, которые, конечно, не ради отвлеченныхъ цѣлей обладаютъ международной организаціей. Едва только во Франціи жидовская пресса ополчилась на защиту Дрейфуса, какъ еврейскія газеты всей Европы обратились въ ярые дрейфусистскіе органы, хотя, казалось бы, какое дѣло другимъ государствамъ, что во Франціи, — справедливо или нѣтъ, — осужденъ за шпіонство офицеръ изъ жидовъ?!

Для того чтобы нагляднѣе видѣть, какъ далеко въ данномъ направленіи заходятъ нѣкоторые изъ этихъ органовъ, мы нѣсколько остановимъ наше вниманіе на одномъ изъ нихъ, издающемся въ Россіи. Въ сущности говоря, трудно повѣрить, чтобы какая нибудь газета, имѣющая претензію считать себя органомъ русской прессы, завела на первой страницѣ отдѣльную большую рубрику, озаглавленную крупными буквами «Дѣло Дрейфуса» — и чуть ли не въ теченіе цѣлаго года, изо дня въ день, усиленно привлекала къ нему вниманіе русскихъ читателей!! Но дѣйствительность указываетъ намъ, что такая газета, къ позору нашему, существуетъ. Усердно муссируя дѣло Дрейфуса и въ высшей степени тенденціозно окрашивая его въ благопріятный для осужденнаго цвѣтъ — эта газета удѣляетъ ему несравненно больше вниманія, чѣмъ любому изъ чисто русскихъ наболѣвшихъ общественныхъ вопросовъ. Здѣсь, конечно, идетъ рѣчь о «Новостяхъ», съ необычайной откровенностью раскрывшихъ въ настоящемъ случаѣ свои іудейскія карты. Послѣднія слова слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что хотя газета г. Нотовича, по различнымъ причинамъ, очень рѣдко говоритъ *непосредственно* о жидахъ, но въ дѣйствительности она издается на русскомъ языкѣ исключительно ради пропаганды тѣхъ принциповъ и идей, путемъ осуществленія которыхъ еврейство въ кратчайшій срокъ могло бы достигнуть въ Россіи своихъ исконныхъ цѣлей, какъ достигло уже ихъ въ Австріи и Франціи...

Если дѣло Дрейфуса, изъ-за котораго евреи, въ теченіе двухъ лѣтъ, не только глубоко волнуютъ обширное государство, но даже подняли гвалтъ на всю Европу, если это отнынѣ знаменитое дѣло неспособно убѣдить кого либо въ чрезмѣрной и притомъ крайне зловредной силѣ еврейскаго кагала, то мы положительно не знаемъ, какія еще необходимы доказательства сказаннаго!?! Былъ ли, вообще, союзъ либераловъ съ евреями заключенъ сознательно со стороны первыхъ, или же сами евреи, воспользовавшись, со свойственнымъ имъ искусствомъ, слабыми сторонами «либеральныхъ» теченій, постарались направить ихъ въ свою сторону? Эти вопросы должны представить интереснѣйшую тему для историка.

Digitized by Google

Въ настоящее время мы ограничимся указаніемъ на важнѣйшую, совершенно независимую отъ поставленныхъ вопросовъ, причину того явленія, что якобы-«либеральные» принципы сослужили службу преимущественно жидамъ. Здѣсь, прежде всего, рельефно сказалось могущественное вліяніе простой, хотя и старой истины, что христіанство и талмудическое іудейство также далеки другъ отъ друга, какъ небо и земля. Не смотря на то, что христіанскій міръ во всей его совокупности, безспорно, очень далекъ отъ идеала, завѣщаннаго Спасителемъ,—тѣмъ не менѣе непрерывное стремленіе къ этому идеалу (положимъ, не чуждое ошибокъ и заблужденій, свойственныхъ самой человѣческой природѣ) въ огромной мѣрѣ возвысило нравственный уровень христіанскихъ народовъ надъ всѣми вообще не-христіанами, а тѣмъ болѣе надъ еврействомъ въ его позднѣйшемъ развитіи... Вотъ почему, сопоставляя христіанское міровоззрѣніе съ жидовскимъ, мы необходимо придемъ къ заключенію, что первое не только не имѣетъ ничего общаго, но даже находится въ прямомъ противорѣчіи съ еврейско-талмудическимъ «идеаломъ»... господства надъ остальными народами, которые, по воззрѣніямъ евреевъ, стоятъ на неизмѣримо низшей, сравнительно съ ними, ступени. Такова основная причина того факта, что честное знамя свободы и равенства сыграло въ руку — прежде и больше всего—ехидному еврейству.

Чрезъ дверь, офиціально открытую лучшимъ политическимъ и общественнымъ идеаламъ человѣчества, проползла и всепожирающая гидра еврейства. Въ этомъ несомнѣнно заключается одна изъ обратныхъ и притомъ весьма темныхъ сторонъ либерализма! Въ то время какъ христіанскіе народы Запада обратили дарованную имъ свободу преимущественно на улучшеніе соціальныхъ и политическихъ условій ихъ быта, жиды *воспользовались* предоставленными имъ «правами» лишь для того, чтобы, въ тѣсномъ союзѣ съ золотымъ тельцомъ, скорѣе приблизиться къ своей завѣтной цѣли. Возвѣщенныя въ концѣ прошлаго вѣка идеи, съ точки зрѣнія жидовъ, явились исключительно правомъ *свободнаго посягательства на все, что до той поры было для нихъ запретнымъ плодомъ*. Находясь подъ суровымъ давленіемъ различныхъ законодательствъ, это племя лишь въ незначительной мѣрѣ могло проявлять свои истинныя цѣли. Но едва лишь довѣрчивыя государства даровали евреямъ бо́льшую или меньшую свободу, какъ ихъ гнусныя рабовладѣльческія вожделѣнія,—подобно огню, дотолѣ находившемуся въ скрытомъ состояніи,—разгорѣлись яркимъ пламенемъ, все усиливающимся и готовымъ окончательно пожрать не только матеріальное благосостояніе европейскихъ государствъ, но и самыя основы христіан-

Digitized by Google

ских цивилизацій. И мы теперь воочію видимъ, что въ послѣднее столѣтіе, подъ защитой фальшиваго, односторонняго «либерализма», евреи несравненно болѣе приблизились къ своему идеалу всемірнаго господства, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе вѣка...

Результатъ поразительный и притомъ безусловно единичный въ исторіи человѣчества!

Однако, этотъ результатъ явился вполнѣ логически и могъ быть предсказанъ еще сто лѣтъ назадъ политически прозорливыми людьми, какъ это нетрудно видѣть на примѣрѣ извѣстнаго французскаго публициста временъ первой революціи, Бональда, который въ своей брошюрѣ «Sur les juifs», «выпущенной имъ по поводу признанія евреевъ полноправными французскими гражданами, пророчески сказалъ: «*смотрите же, какъ бы освобожденіе евреевъ не обратилось въ угнетеніе христіанъ*»! [1]).

IV.

Стремясь къ выясненію принциповъ, на которыхъ должно быть основано раціональное рѣшеніе еврейскаго вопроса въ Россіи, мы обязаны взвѣсить значеніе взглядовъ нашихъ отечественныхъ якобы-«либераловъ», принимающихъ въ данномъ вопросѣ самое дѣятельное участіе. Но эти лица, какъ извѣстно, настойчиво рекомендуютъ правительству рѣшеніе еврейскаго вопроса по образцу западноевропейскихъ государствъ, т. е. на основаніи западныхъ либеральныхъ теорій. Поэтому, прежде всего, мы попытаемся выяснить настоящее практическое значеніе либерализма, какъ стремленія къ общечеловѣческому благоденствію, основанному на такъ называемыхъ великихъ принципахъ конца прошлаго вѣка, къ чему именно, въ лучшемъ случаѣ, и направлены мечты всѣхъ честныхъ либераловъ.

Бросивъ ретроспективный взглядъ на пережитые народами вѣка, мы прежде всего должны прійти къ заключенію, что человѣчеству, вѣчно изобрѣтающему все новыя и новыя теоріи, бросающемуся отъ одной философіи къ другой, постепенно дошедшему въ погонѣ за истиной нынѣшняго дня до матеріалистическаго всеотрицанія и, наконецъ, возвращающемуся вспять къ признанію «высшихъ міроправительныхъ началъ»,—повторяемъ,—такому мятущемуся человѣчеству, конечно, едва ли когда дано будетъ изобрѣсти панацею отъ всѣхъ земныхъ золъ. Его вѣчный удѣлъ — производить только различные *теоретическіе опыты*, и то болѣе или

[1]) *Шмаковъ*: «Еврейскія рѣчи», XLVI.

Digitized by Google

менѣе пригодные не для коллективнаго человѣчества, а для того или инаго народа. Всѣ извѣстныя философскія школы древняго и новаго міра, которыя равно стремились къ раскрытію непреложныхъ законовъ человѣческаго бытія и, однако, въ своихъ конечныхъ выводахъ, въ большинствѣ случаевъ далеко разошлись другъ съ другомъ, — всѣ онѣ служатъ лишь подтвержденіемъ нашей основной мысли.

Не удивительно ли послѣ этого поведеніе тѣхъ лицъ, которыя, въ своемъ преклоненіи предъ западно-европейскими «послѣдними словами», стремятся пересадить ихъ на совершенно иную русскую почву?

Затѣмъ мы впали бы въ грубую ошибку, забывъ о жизненныхъ условіяхъ того государства, въ которомъ зародились главнѣйшія основы либерализма: — свобода и общая равноправность. Поэтому, слѣдуетъ прежде всего стать лицомъ къ лицу предъ тѣмъ фактомъ, что указанные принципы развились на почвѣ чрезвычайно неудовлетворительно правоваго и экономическаго положенія народныхъ массъ во Франціи прошлаго вѣка. Причинами такого явленія, выражаясь коротко, принято считать крайне устарѣлый, несправедливый гражданскій и политическій строй, который на протяженіи цѣлаго столѣтія падалъ все ниже и ниже, подъ вліяніемъ фаворитизма и общей разнузданности «правящихъ классовъ». Но существуетъ еще одна причина, которая обыкновенно забывается. Коль скоро незыблемо установлено, что христіанская этика должна отражаться на общемъ строѣ христіанскихъ государствъ,—въ такомъ случаѣ необходимо признать, что недостаточное проникновеніе въ жизнь Франціи христіанскихъ идеаловъ было однимъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ великому движенію XVIII вѣка. Слѣдовательно, назрѣвшее среди французскаго народа стремленіе къ измѣненію своего внутренняго положенія посредствомъ коренной реорганизаціи государственнаго и общественнаго строя составляло въ сущности только лишь первую половину дѣла; другая же половина логически заключалась въ послѣдовательномъ утвержденіи христіанскихъ идеаловъ. Но тутъ-то и была допущена роковая ошибка, ибо лица, ставшія во главѣ политическихъ движеній конца прошлаго вѣка, отождествивъ религію, заповѣданную Христомъ, съ ея частичнымъ воплощеніемъ—т. е. съ удалившимся отъ христіанскаго идеала католичествомъ—и видя въ немъ одного изъ враговъ назрѣвшей потребности общественной эволюціи, стали изгонять, вмѣстѣ съ одряхлѣвшимъ общественно-политическимъ строемъ, также и христіанство въ лицѣ католической религіи. Въ настоящее время, когда великая революція отдалилась отъ насъ на разстояніе цѣлаго

Digitized by Google

столѣтія, представляется возможность съ достаточной объективностью оцѣнить значеніе совершавшихся тогда событій.

На этомъ основаніи, мы рѣшаемся сказать, что дѣятели великой революціи, поскольку они были искренны и нелицемѣрны, поступили въ отношеніи религіознаго вопроса совершенно также, какъ поступаетъ каждый запальчивый человѣкъ, который, въ пылу увлеченія, за грѣхи, лежащіе на проводникахъ извѣстной идеи, гонитъ самую идею,—точно виновата именно она, а не ея злополучные жрецы! Заблужденіе общественныхъ реформаторовъ восемнадцатаго вѣка тѣмъ удивительнѣе, что они, отринувъ христіанство, въ то же время начертали на своемъ знамени одну изъ его вѣковѣчныхъ цѣлей: «свобода, равенство и братство». Такимъ, образомъ, эти принципы, въ устахъ названныхъ дѣятелей, явились въ сущности совершенно безпочвенными, ибо твердая почва для дѣйствительныхъ, а не призрачныхъ свободы, равенства и братства безусловно исчезла съ упраздненіемъ христіанской религіи. «Великая революція», какъ явленіе, возникшее изъ дурнаго и несправедливаго состоянія всего общественно-государственнаго строя, логически должна была имѣть своей основной цѣлью—установленіе болѣе справедливыхъ взаимоотношеній общества и государства. Однако, показателемъ такихъ отношеній никогда не могло явиться формальное провозглашеніе свободы и равенства,—разъ эти принципы не запечатлѣны во внутреннемъ міросозерцаніи человѣка. Для выясненія настоящей мысли остановимся на слѣдующемъ вопросѣ: еслибы, не смотря на неравенство правъ и отсутствіе гражданской свободы, имѣвшихъ мѣсто во Франціи XVIII-го вѣка, ея жизнь протекла въ надлежащей гармоніи и довольствѣ всѣхъ классовъ общества, то возможно ли было бы появленіе великой революціи? Позволительно отвѣтить съ полной увѣренностью: нѣтъ! Отрицательный отвѣтъ на данный вопросъ обязываетъ насъ прійти къ такому основному положенію: здоровыя стремленія общества и государства должны быть направлены къ установленію надлежащей гармоніи и довольства между всѣми общественными классами. Отсюда вытекаетъ, что дарованіе тѣхъ или иныхъ правъ есть средство для достиженія названной цѣли, а не сама цѣль, какъ это ошибочно полагала философія конца XVIII-го вѣка.

Поэтому мы съ полнымъ убѣжденіемъ присоединяемся къ мнѣнію профессора Вундта, который высказываетъ слѣдующій взглядъ на то знаменательное время: «Требованіе одинаковыхъ правъ для всѣхъ вызвано было въ значительной степени тѣмъ, что, согласно съ философіей эпохи, у всѣхъ людей были совершенно одинаковыя

Digitized by Google

интелектуальныя и моральныя способности. Эти способности,—полагали тогда,—можно задушить, невѣрно направить, но ихъ невозможно существенно измѣнить. Такъ-то и созданъ былъ *абстрактный человѣкъ*, который долженъ былъ существовать независимо отъ всякихъ историческихъ условій и который вездѣ долженъ былъ подчиняться одинаковымъ предписаніямъ обычая и права, жить въ одинаковомъ государственномъ строѣ» [1]).

Стремясь къ дарованію равныхъ правъ нѣкоему теоретическому «абстрактному» человѣчеству, реформы конца прошлаго вѣка упустили изъ виду одну простую истину:—именно, что внѣшняя свобода человѣка,—какъ справедливо говоритъ Кантъ,—лишь настолько является прирожденнымъ правомъ человѣка, насколько она совмѣстна со свободой другихъ [2]).

Соотвѣтственно этому, забота государства, выражаясь словами г. Влад. Соловьева, должна заключаться въ томъ, чтобы каждый человѣкъ, стремясь къ личной выгодѣ, «не нарушалъ равновѣсія съ выгодами другихъ» [3]).

Достигается ли это столь необходимое равновѣсіе формальнымъ равенствомъ правъ? Дѣятели великой революціи, пропитанные матеріалистической философіей ихъ времени, повидимому, были вполнѣ убѣждены, что—да. Но они могли дѣлать свои выводы только à priori. Мы же находимся въ несравнѣнно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, ибо передъ нами — краснорѣчивый опытъ нынѣшняго столѣтія, въ теченіе котораго,—по откровенному признанію даже нѣкоторыхъ евреевъ, — печать *опошлилась* и стала *продажной*;—алчность и любостяжаніе, въ формѣ биржевой игры, все болѣе и болѣе подрываютъ народное благосостояніе; необузданный, грубый матеріализмъ и погоня за чувственными наслажденіями грозятъ потрясеніемъ всѣхъ твердынь человѣческаго бытія. Въ настоящее время намъ извѣстно, что даже въ наиболѣе свободной и свободолюбивой странѣ—въ Англіи—почти $^1/_{10}$-я часть населенія гибнетъ отъ нищеты, отчаянія и порока, какъ это документально доказано, съ цифрами въ рукахъ, Бутсомъ» [4]).

Опираясь на такія вѣскія данныя, мы, разумѣется, не можемъ присоединиться ко взгляду, сравнительно недавно считавшемуся непогрѣшимымъ. Философы XVIII-го вѣка, съ Ж. Ж. Руссо во главѣ, пламенно проповѣдывали свободу и равенство, прежде всего имѣя въ виду благо обездоленнаго народа, который они стремились изба-

[1]) *В. Виндт.* «Связь философіи съ жизнью за послѣднее столѣтіе».
[2]) *Б. Чичеринъ.* «Полит. мыслители древ. и нов. міра».
[3]) „Право и нравственность", Влад. Соловьевъ.
[4]) *В. Бутсъ.* «Въ трущобахъ Англіи».

Digitized by Google

вить отъ гнета, явившагося слѣдствіемъ стараго феодальнаго строя. Послѣдній, наконецъ, рушился и, казалось, что народъ сталъ свободнымъ навѣки. Но это была кратковременная иллюзія. Никто вначалѣ не подумалъ о томъ, что голая свобода развязываетъ руки *не только слабымъ, но и сильнымъ*, не только людямъ строгихъ принциповъ, но и неразборчивымъ въ средствахъ. Забыто было, что свобода должна играть ограниченную роль въ глазахъ лицъ средняго дарованія и характера, какъ все громадное большинство. Та же свобода возрастаетъ во много кратъ, дѣлаясь достояніемъ сильныхъ и расширяется до неограниченнаго произвола въ рукахъ людей, пренебрегающихъ законами совѣсти и чести. Результатъ всего этого не заставилъ себя долго ждать. Гнетъ только *перемѣстился*, но *не уничтожился*. Онъ, конечно, не остался въ рукахъ тѣхъ лицъ, которыя могли угнетать народныя массы, лишь пользуясь обширнымъ арсеналомъ старинныхъ феодальныхъ привилегій, жестоко ограничивавшихъ права народа. Этотъ гнетъ перешелъ въ руки людей, если угодно, энергичныхъ, предпріимчивыхъ, но зато и неразборчивыхъ въ средствахъ,—людей, быстро сообразившихъ выгоду своего положенія, созданнаго для нихъ новой фазой государственнаго строя.

Вотъ почему, въ настоящее время, сплошь да рядомъ можно видѣть, что за «свободу» и «равенство» громче всѣхъ ратуютъ именно тѣ, которые ими злоупотребляютъ, стремясь достигнуть, подъ эгидой этихъ принциповъ, своихъ личныхъ, чаще всего матеріальныхъ цѣлей. И еслибы нынѣ явился новый Руссо, то онъ долженъ былъ бы требовать, во имя общаго народнаго блага, нѣкотораго ограниченія принциповъ XVIII-го вѣка, слишкомъ хорошо усвоенныхъ представителями современнаго «капиталистическаго режима», который едва ли могъ быть предвидѣнъ еще 100 лѣтъ тому назадъ. Но необходимо сказать, что борьба съ современнымъ гнетомъ является значительно болѣе упорной и трудной, ибо гнетъ прошлаго вѣка проистекалъ главнымъ образомъ изъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій; нынѣ же онъ является слѣдствіемъ внутренней сущности вещей.

Не удивительно, что человѣкъ такого выдающагося ума, какъ Герценъ, отлично знавшій Европу по непосредственнымъ личнымъ наблюденіямъ, отбросилъ относительно ея всѣ свои первоначальныя иллюзіи и безповоротно осудилъ западно-европейскій общественный и политическій строй, являющійся прямымъ слѣдствіемъ великаго движенія XVIII вѣка. И недаромъ другой крупный и независимый человѣкъ, именно Ренанъ, отдавая должное нѣкоторымъ положительнымъ сторонамъ *революціи*, сказалъ относительно ея, что *она*

Digitized by Google

есть опытъ, дѣлающій безмѣрную честь народу, который осмѣлился его сдѣлать, но это—*опытъ неудавшійся.*

Со временъ Дарвина, пріобрѣло извѣстныя права гражданства воззрѣніе на жизнь, какъ на «борьбу». Однако, несомнѣнно, что въ отношеніи людей эта борьба должна быть подчинена принципамъ естественнаго права и справедливости, которое требуетъ, оказывать поддержку молодымъ и неопытнымъ элементамъ, и не оставлять ихъ на произволъ судьбы въ борьбѣ съ элементами болѣе опытными и зрѣлыми.

Настоящее положеніе пріобрѣтаетъ еще большій вѣсъ подъ вліяніемъ факторовъ инаго порядка: дѣло въ томъ, что тѣ же самыя причины, побуждая власть ограничивать права отдѣльныхъ личностей, совершившихъ извѣстное преступленіе, приводятъ къ необходимости ограниченія правъ и *коллективнаго преступника*, какимъ можетъ являться любое общество, «нарушающее равновѣсіе съ выгодами» другихъ человѣческихъ обществъ.

Не смотря на достаточную ясность подобнаго взгляда, намъ приходится встрѣчаться на этомъ пунктѣ съ жизненной практикой, идущей съ нимъ совершенно въ разрѣзъ. Мы, правда, привыкли видѣть, что человѣкъ, грубо запустившій лапу въ чужой карманъ, подвергается извѣстному возмездію и правоограниченіямъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ отлично знаютъ, что какое нибудь общество или же акціонерная компанія, которыя при посредствѣ сложныхъ манипуляцій стригутъ простодушную публику, пользуются весьма значительной долей безнаказанности.

Переходя къ еще болѣе обширнымъ общественнымъ группамъ, т. е. къ отдѣльнымъ народностямъ, можно легко убѣдиться, что здѣсь принципъ «равновѣсія» съ выгодами другихъ народностей уже совершенно игнорируется. Скажемъ болѣе: въ отношеніи этихъ послѣднихъ, либеральными теоретиками донынѣ признаётся то—по существу совершенно ложное—положеніе, будто всѣ отдѣльныя человѣческія группы, какъ таковыя, руководятся одинаковыми нравственными, — общественными и экономическими, — принципами и, слѣдовательно, требуютъ совершенно равнаго законодательства. Но если даже допустить, что различные народы, живущіе въ предѣлахъ извѣстной страны, руководятся вполнѣ однородными этическими и иными воззрѣніями, то еще остаются другія крайне важныя данныя, какъ-то: разнообразныя природныя наклонности и возрастъ народностей и, въ зависимости отъ нихъ, различный характеръ культуры и различныя ея степени. Всѣ эти факторы, даже каждый въ отдѣльности, дѣлаютъ несправедливымъ абсолютное установленіе въ государствѣ принциповъ свободы и равенства, — все

Digitized by Google

подъ той же угрозой нарушенія необходимаго равновѣсія съ выгодами другихъ. Поэтому насъ нисколько не удивляетъ тотъ фактъ, что свобода и равенство, будучи совершенно несовмѣстимы съ понятіемъ борьбы, обращаются въ чистѣйшую фикцію всюду, гдѣ только существуетъ реальная борьба различныхъ народностей, партій или теченій. Наиболѣе очевидный примѣръ сказаннаго являетъ намъ Австро-Венгрія, въ которой самымъ разительнымъ образомъ сочетаются офиціальная политическая свобода и равенство — со свободой насилія надъ славянской и румынской національностями. Это мы видѣли изъ достопамятнаго клаузенбургскаго процесса румынъ; это мы видимъ изъ систематическаго гнета, тяготѣющаго надъ русинами и другими славянами Австро-Венгріи.

Обращаясь къ результатамъ, достигнутымъ либеральными тенденціями въ западной Европѣ, мы убѣждаемся, что онѣ даже и тамъ принесли неожиданные и притомъ нелѣпые плоды, ибо, съ одной стороны, привели къ чисто отвлеченному фиктивному равенству правъ, а съ другой — къ болѣе неровному, чѣмъ когда либо, распредѣленію матеріальныхъ благъ между людьми и къ крайнему обостренію отношеній среди всевозможныхъ партій. И теперь «полноправные и свободные» европейскіе граждане имѣютъ этихъ благъ почти столько же, какъ и тогда, когда они не пользовались всѣми нынѣшними правами. Офиціально констатированныя 300 ежегодныхъ *голодныхъ смертей* въ такомъ великомъ культурномъ центрѣ, какъ Лондонъ, достаточно подтверждаютъ нашъ взглядъ!..

Современное благопріятное положеніе скандинавскихъ государствъ какъ бы противорѣчатъ послѣднимъ выводамъ; но, вникнувъ во внутреннія причины такого явленія, мы увидимъ, что относительное благосостояніе, достигнутое этими государствами подъ покровительствомъ свободы и равенства, являясь кажущимся противорѣчіемъ, на самомъ дѣлѣ служитъ лишь подтвержденіемъ нашей основной мысли. Во-1-хъ, скандинавскіе народы, среди которыхъ уже въ прошломъ вѣкѣ было распространено поголовное народное образованіе, въ періодъ дарованія имъ свободы и равенства правъ находились на болѣе высокой стадіи національной зрѣлости, чѣмъ остальныя народности Европы; а, во-2-хъ, изъ всѣхъ европейскихъ государствъ они обладали наиболѣе однороднымъ, въ культурно-этнографическомъ отношеніи, населеніемъ. Такимъ образомъ, Швеція и Норвегія заключали въ себѣ два весьма важныхъ условія удовлетворительнаго осуществленія либеральныхъ принциповъ, и въ этомъ кроется разгадка ихъ значительныхъ успѣховъ въ теченіе послѣдняго столѣтія. Впрочемъ, столь благопріятнымъ результатамъ немало способствовалъ и продолжительный миръ, которымъ поль-

Digitized by Google

зовались оба названныя государства, благодаря отказу отъ дѣятельной внѣшней политики.

Коль скоро псевдо-«либерализмъ» даже на своей родинѣ до сихъ поръ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, приводилъ лишь къ непримиримымъ противорѣчіямъ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать сколько нибудь удовлетворительныхъ результатовъ, пересадивъ его на совершенно несвойственную ему почву Россіи. Прельщая насъ западной культурой, либералы увѣряютъ, что, только идя подобнымъ путемъ, мы приблизимся къ конечному человѣческому идеалу. Но, для того чтобы это утверждать, слѣдовало бы сначала доказать, что въ западно-европейскихъ государствахъ, по мѣрѣ возрастанія культуры, возвышается также и національная этика. Между тѣмъ, наиболѣе передовыя страны Европы не доказываютъ ли намъ скорѣе обратнаго? Достаточно указать хотя бы на Англію, какъ страну, стоящую на высшей точкѣ культурно-европейскаго развитія. Сопоставивъ положеніе этой націи относительно Турціи и подчиненныхъ ей христіанскихъ народностей 20 лѣтъ тому назадъ и нынѣ, мы наглядно увидимъ, что въ двухъ указанныхъ, сравнительно близкихъ между собою, періодахъ времени англійскія симпатіи и убѣжденія идутъ по діаметрально противоположнымъ направленіямъ. И хотя англичане въ обоихъ случаяхъ прикрываются громкимъ именемъ гуманности и культуры, но изъ-за фиговаго листка подобнаго лицемѣрія совершенно недвусмысленно выступаютъ специфическіе «англійскіе интересы». Вспомнимъ также извѣстный набѣгъ Джемсона на Трансваальскую республику. Этотъ набѣгъ, который никоимъ образомъ не можетъ быть оправданъ съ точки зрѣнія общепринятыхъ либеральныхъ теорій,—ибо представляетъ самое вопіющее ихъ нарушеніе,— тѣмъ не менѣе встрѣтилъ горячую поддержку въ общественномъ мнѣніи свободолюбивой и парламентарной Англіи. Наконецъ, война Англіи съ Китаемъ, происходившая въ 60-хъ годахъ, является чрезвычайно характернымъ фактомъ съ точки зрѣнія именно либеральныхъ тенденцій. Какъ извѣстно, англичане воевали противъ Китая изъ-за того, что этотъ послѣдній отказался безропотно покориться растлѣвающему и пагубному вліянію «просвѣщенныхъ мореплавателей», которые, ради комерческихъ выгодъ Индіи, наводняли провинціи Китая опіумомъ и тѣмъ страшно деморализовали и губили населеніе, пріучая его къ одному изъ самыхъ пагубныхъ пороковъ. Каждому совершенно ясно, что въ этой войнѣ такъ называемый «отсталый и варварскій» Китай въ сущности руководился высшими не только національными, но и гуманитарными цѣлями, въ противоположность просвѣщеннымъ и либеральнымъ англичанамъ, которымъ принадлежала позорная роль безсовѣстныхъ торгашей, все

Digitized by Google

приносящихъ въ жертву своему корыстолюбію. Въ заключеніе не можемъ не вспомнить одно изъ самыхъ несправедливыхъ дѣяній нынѣшнихъ лѣтъ, именно неудачную авантюру Италіи, которая ради того, чтобы подчинить себѣ Абиссинію, не брезгала никакими средствами—до составленія подложнаго уччіалійскаго договора включительно.

Не останавливаясь на другихъ многочисленныхъ примѣрахъ и ограничиваясь только вышеуказанными, мы можемъ лишь оттѣнить, что именно высшая степень европейской культуры, утилитарной по преимуществу, является въ рукахъ обладающихъ ею народовъ могучимъ орудіемъ не столько для достиженія общечеловѣческихъ идеаловъ, сколько для преслѣдованія собственныхъ національныхъ цѣлей всюду на земномъ шарѣ. Объ этомъ намъ громко свидѣтельствуетъ прогрессивно возрастающая интенсивность политической и экономической борьбы, происходящей между европейскими государствами—и на Балканскомъ полуостровѣ, и въ Африкѣ, и въ Китаѣ, и въ Индо-Китаѣ, и въ Персіи—словомъ всюду, гдѣ только представляется подходящая почва.

Конечно, всѣ разсмотрѣнныя явленія, ярко характеризующія жизнь европейскихъ государствъ, было бы едва ли правильно ставить имъ въ упрекъ, потому что онѣ сами собою вытекаютъ изъ ложнаго культурнаго строя Европы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы желаемъ указать, что та старая дорога, на которую насъ стараются направить «либералы», отнюдь не ведетъ къ тихой пристани человѣческаго счастья, а обѣщаетъ все ту же борьбу, хотя и окруженную ореоломъ европейскаго общежитія.

V.

Имѣя предъ собою такой критерій, какъ вѣчная евангельская истина, мы можемъ съ достаточнымъ правомъ сказать, почему всѣ попытки къ установленію общаго благоденствія на землѣ, подъ эгидой, якобы великихъ принциповъ конца XVIII-го вѣка, въ дѣйствительности приводили къ далеко неудовлетворительнымъ результатамъ. Подобное явленіе необходимо приписать тому, что западно-европейскіе народы, не смотря ни на какія превратности судьбы, носившіе въ своей душѣ высокіе христіанскіе идеалы свободы, равенства и братства и въ то же время наглядно видѣвшіе весьма несовершенное осуществленіе ихъ на землѣ, грубо сверглиэти идеалы съ высоты, на которой они должны были освѣщать путь всѣмъ людямъ, понявъ, что недостаточно низвести ихъ на степень простаго «кодекса гражданскихъ правъ человѣка», для того чтобы достигнуть высшей правды среди людей...

Такимъ образомъ, конечная, идеальная *цѣль*, къ которой должно вѣчно стремиться человѣчество, была обращена однимъ взмахомъ пера въ *средство* для достиженія общаго счастья. Но что могли

Digitized by Google

означать, формально установленныя, «свобода, равенство и братство» для людей, еще не достигшихъ внутренняго духовнаго единенія, а потому придерживавшихся самого разнообразнаго міровоззрѣнія и этическихъ стремленій? Что обозначало провозглашеніе указанныхъ принциповъ, коль скоро одни совершенно еще не доросли до пониманія ихъ высшаго смысла, а другіе—понимали ихъ превратно и пользовались ими не какъ средствомъ для увеличенія общей суммы добра въ мірѣ, но какъ «свободой... насилія» надъ остальными людьми?

При подобныхъ условіяхъ, свобода и равенство правъ должны были явиться—и дѣйствительно явились—сильнѣйшимъ оружіемъ въ рукахъ лицъ, преслѣдовавшихъ личныя эгоистическія цѣли, что вполнѣ наглядно подтверждаетъ *еврейство, которому именно эти идеи «свободы и равенства» дали средства для пріобрѣтенія деспотическаго господства.*

Въ результатѣ значительное большинство современныхъ европейскихъ государствъ, узаконившихъ у себя съ одной формальной стороны эти принципы, въ дѣйствительности представляются въ высшей степени неуравновѣшенными организмами, отдѣльные члены которыхъ находятся въ непрерывной борьбѣ: одни—за право жизни, другіе—за право сильнаго. Вслѣдствіе этого, было бы по меньшей мѣрѣ преждевременно думать, что государства, не могущія достигнуть внутренняго мира и зачастую нарушающія чужой миръ ради достиженія собственнаго, способны въ настоящее время даровать это благо вселенной.

Длинный рядъ предшествовавшихъ разсужденій достаточно разъясняетъ, почему мы твердо вѣримъ, что даже либерализмъ чистѣйшей воды, переходя изъ отвлеченной теоріи въ жизнь современнаго человѣчества, за рѣдкими исключеніями, далеко не способенъ оправдать тѣхъ надеждъ, которыя возлагаютъ на него иныя лица. Предоставляя свободу не только добру, но и вопіющему злу, онъ этимъ самымъ открываетъ обширное поле для борьбы указанныхъ началъ, нисколько не гарантируя побѣды свѣта надъ тьмой и правды надъ ложью! Въ дѣйствительности истинный свѣтъ и истинное добро чаще всего имѣютъ весьма мало общаго съ реальными основами «либерализма». Выражаясь словами Ренана, эти начала заключаются въ *возрожденіи индивидуальной совѣсти* или, иначе говоря, вмѣщаются въ христіанствѣ, надъ искорененіемъ котораго «либерализмъ» работаетъ, по злой ироніи судьбы, съ усердіемъ, достойнымъ несравненно лучшей участи. Въ этомъ отношеніи жизнь западно-европейскихъ государствъ обнаруживаетъ тревожные симптомы, ибо, постепенно проникаясь жидовскимъ корыстнымъ духомъ, она все болѣе и болѣе игнорируетъ религію Христа, какъ нѣчто якобы отжившее свой вѣкъ.

Digitized by Google

Непрерывное уменьшеніе на Западѣ вліянія христіанскихъ началъ неизбѣжно должно было повести къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Взглядъ на христіанство, какъ на «отжившую» религію, предрѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ капитальный вопросъ относительно общаго значенія христіанства для дальнѣйшаго развитія человѣчества. Однако, такого рода воззрѣніе положительно не имѣетъ никакихъ сколько нибудь серьезныхъ основаній. Насчетъ христіанства только тогда можно было бы сказать послѣднее слово,—каково бы оно ни было,—еслибы хотя одинъ изъ народовъ явилъ намъ всей своей жизнью наглядный и притомъ вполнѣ законченный примѣръ осуществленія христіанскихъ началъ. Но ничего подобнаго никто до сихъ поръ не видѣлъ! Современныя христіанскія общества едва усвоили необходимый минимумъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, и на данномъ пути тщетно было бы искать примѣровъ достиженія дальнѣйшихъ—высшихъ—ступеней. Если къ этому добавить, что, усвоивъ даже въ такихъ скромныхъ предѣлахъ христіанское міровоззрѣніе, европейскіе народы все таки значительно возвысились надъ остальными народами міра, — тогда станетъ очевидно, что отрицательное отношеніе къ христіанству является не только преждевременнымъ, но и совершенно неосновательнымъ. Многихъ лицъ вводитъ въ заблужденіе медленность распространенія христіанскихъ началъ въ человѣческихъ обществахъ, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подобное движеніе не можетъ уклоняться отъ общаго закона, по которому нормальное развитіе всевозможныхъ жизненныхъ явленій,—будетъ ли то въ области матеріальной или нравственной,—идетъ не скачками, но непрерывно подвигаясь шагъ за шагомъ. Затѣмъ движеніе христіанства способно казаться медленнымъ лишь рядомъ съ кратковременнымъ индивидуальнымъ существованіемъ. Люди, взирающіе на христіанство съ подобной точки зрѣнія, также грубо ошибаются, какъ и тѣ господа, которые, основываясь на своихъ личныхъ ощущеніяхъ, вздумали бы утверждать, что земля спокойно стоитъ на мѣстѣ, а не движется вокругъ солнца.

Великое міровое явленіе развитія христіанскихъ началъ въ человѣческихъ обществахъ требуетъ для его правильной оцѣнки совершенно иного маштаба. Отдѣльному человѣку, въ теченіе 50—60 лѣтъ проходящему всѣ стадіи развитія, начиная съ младенчества и кончая старостью, какія нибудь 100 лѣтъ должны казаться громаднымъ, недосягаемымъ возрастомъ. Въ жизни же цѣлаго человѣчества даже 1000 лѣтъ представляются однимъ изъ многочисленныхъ періодовъ, во время которыхъ оно претерпѣваетъ лишь извѣстную эволюцію—не болѣе. Христіанство существуетъ 1900 лѣтъ; а, между тѣмъ, его истины вѣчны, далеко еще не использованы и

Digitized by Google

ждутъ дальнѣйшаго приложенія. Можно ли послѣ этого безъ удивленія слушать тѣхъ близорукихъ людей, которые увѣряютъ, будто христіанство дало все, что оно могло дать міру и въ настоящее время уже завершило свою роль?! И кто это говоритъ? По большей части, *талмудисты*, исповѣдующіе самую дикую «религію» въ свѣтѣ...

Такія мнѣнія безусловно свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ игнорированіи основныхъ идей христіанства, какъ незыблемаго идеала, предназначеннаго не для временнаго пользованія извѣстныхъ народовъ, но для вѣчнаго руководства всего человѣчества. А разъ идеалъ лежитъ въ христіанствѣ, тогда становится несомнѣннымъ, что нравственный долгъ обязываетъ людей стремиться именно къ этому идеалу, который представляется въ видѣ ясной и величественной задачи, обѣщающей людямъ безграничное усовершенствованіе человѣческаго духа, а въ зависимости отъ него—и формъ человѣческой жизни. Если западно-европейскіе народы пренебрегутъ этой истиной, то найдутся другіе, которые поймутъ ее и, понявъ, осуществятъ. Тогда, наконецъ, быть можетъ, всѣ убѣдятся, что дѣйствительный прогрессъ долженъ быть основанъ прежде всего на постепенной эволюціи идей въ сторону христіанскаго міровоззрѣнія, а не на различныхъ мѣропріятіяхъ внѣшняго характера, какъ бы эти мѣропріятія ни казались заманчивыми.

Что же касается тѣхъ лицъ, въ глазахъ которыхъ принципы XVIII-го вѣка, кажущіеся имъ столь высокими и совершенными, заслоняютъ собою даже христіанскія начала, то всѣмъ этимъ лицамъ полезно призадуматься надъ слѣдующими золотыми словами Ренана: «Если принципы 1789 года имѣютъ то значеніе, въ какомъ ихъ такъ часто принимали; если въ нихъ заключается, какъ слѣдствіе—приниженіе интересовъ ума и либеральной культуры; если они должны привести къ деспотизму матеріальныхъ интересовъ, и, *подъ предлогомъ равенства, къ угнетенію всѣхъ*,—то, рискуя вызвать проклятія *непросвѣщеннаго либерализма*, слѣдуетъ, отдавая честь чувствамъ, воодушевлявшимъ виновниковъ этого необыкновеннаго движенія, сдѣлать то, что сдѣлали бы они сами—*отвергнуть выводы, которыхъ они не желали и не предвидѣли*. Въ высшей степени важно, чтобы фанатическая привязанность къ воспоминаніямъ извѣстной эпохи не была препятствіемъ къ существенному дѣлу нашего времени—*основанію свободы посредствомъ возрожденія индивидуальной совѣсти* [1])».

Е. Орловскій.

(*Окончаніе будетъ*).

[1]) *Страховъ*. «Борьба съ Западомъ», 264 и 265 стр.

Digitized by Google

Старость.

Старость—жизни осень, поздняя, глухая;
Темнота и холодъ, въ сердце проникая,
Леденятъ разсудокъ, застилаютъ очи
На дорогѣ тяжкой средь осенней ночи.

Путникъ запоздалый, старецъ одинокій,
Чуть переступаетъ слабыми ногами;
Онъ окончилъ жизни путь уже далекій;
Близко, близко пристань: тамъ, между крестами,

Гдѣ ему готовитъ смерть пріютъ послѣдній,
Гдѣ уже немало и враговъ, и близкихъ
Навсегда почили въ темныхъ сводахъ низкихъ.
Вотъ могила друга... Ляжетъ онъ въ сосѣдней...

И одно желанье старика сѣдаго:
Поскорѣй прошелъ бы весь остатокъ жизни!
И въ очахъ потухшихъ дряхлаго, больнаго,
Лишь тоска мерцаетъ—по иной отчизнѣ.

Г. Арищенко.

Digitized by Google

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ.

(MATER DOLOROZA).

Романъ Джероламо Роветты.

(Переводъ съ итальянскаго).

XXIV.

Въ эту ночь меньше всѣхъ спалъ, или—вѣрнѣе—даже совсѣмъ не спалъ, маркизъ Джакомо ди-Варѐ. Онъ все время ворочался въ своей постели; чуть слышное «да» Лаллы жгло ему кровь и не давало ни минуты покоя. Онъ вторично переживалъ эпоху своей первой любви, когда еще не зналъ женщинъ и могъ только мечтать о неиспытанныхъ наслажденіяхъ. Лалла точно околдовала его всего; онъ боялся ее тронуть; но долго сдерживаемая страсть теперь порвала всѣ оковы и вырвалась на волю, не довольствуясь платоническими вздохами и требуя полной взаимности.

Джакомо промучился всю ночь и только къ утру немножко успокоился и отдохнулъ. Онъ всталъ очень поздно, разбитый, нервный, съ тяжелой головой. Какъ онъ любилъ эту маленькую женщину, хитрую, умненькую, но вмѣстѣ съ тѣмъ такую наивную малютку!.. «Я вѣрно ужь не буду любить на своемъ вѣку, старъ становлюсь,—думалъ онъ,—это моя послѣдняя и самая горячая любовь»!.. Джакомо задумался о предстоящемъ рѣшительномъ свиданіи и невольно содрогнулся... Ему стало страшно за себя; вѣдь малѣйшая неосторожность, грубость, чрезмѣрная пылкость могла разомъ разрушить все его счастье... Потомъ ему вспомнились непріятныя денежныя дѣла... «Врядъ ли долго протяну еще... долги обступили! Платить нечѣмъ...

Digitized by Google

придется покончить съ собой выстрѣломъ изъ револьвера. Умереть? А Лалла»?! На мгновеніе передъ маркизомъ блеснула мысль: «Убью ее, умремъ тогда вмѣстѣ»! Но онъ тотчасъ же самъ разсмѣялся своей романической выдумкѣ. «Я, точно школьникъ, мечтаю о драмѣ *à la Werther*... Лалла еще такъ молода... Она, конечно, скоро меня забудетъ и броситъ для другаго.. вѣдь *я* старъ, старъ»... Онъ взглянулъ на себя въ зеркало и тотчасъ же утѣшился,—опасность еще не грозила такъ близко. Ди-Варѐ принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ исключительнымъ людямъ, которые никогда не старятся, а если старятся, то остаются по прежнему интересными и кружатъ головки даже самыхъ молодыхъ романтическихъ дѣвушекъ. Теперь онъ смѣло могъ считать себя въ полномъ расцвѣтѣ силъ и красоты... Да, онъ былъ очень хорошъ собой, очарователенъ, изященъ, благороденъ, — рыцарь и поэтъ съ примѣсью утонченнаго кутилы...

Маркизъ тщательно одѣлся и пошелъ завтракать въ кафэ. Потомъ снова вернулся домой, закурилъ сигару и долго ходилъ по комнатѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая двухъ часовъ. Очаровательный образъ Лаллы все время преслѣдовалъ Джакомо. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, когда, наконецъ, насталъ желанный часъ и онъ подошелъ къ дому делла-Валле.

— Графиня принимаетъ?—пробормоталъ маркизъ, съ сильно бьющимся сердцемъ.

— Да, пожалуйте.—Лалла, очевидно, уже отдала всѣ нужныя распоряженія насчетъ прихода ди-Варѐ: привратникъ ничего не спрашивалъ у лакеевъ, тотчасъ же открылъ калитку воротъ и позвонилъ. Джакомо обрадовался этому, какъ ребенокъ; ему хотѣлось прыгать, кричать, смѣяться... Но—увы!—людская радость также мимолетна, какъ дымъ. Во дворѣ роскошнаго палаццо стоялъ маркизъ ди-Тосколано въ рейтузахъ, высокихъ сапогахъ и бархатной куркѣ. Онъ разговаривалъ съ наѣзднікомъ графа делла-Валле и внимательно осматривалъ выведенную изъ конюшни верховую лошадь. Ди-Варѐ надѣялся пройти незамѣченнымъ, но Тосколано поднялъ голову на звонокъ привратника и, конечно, увидалъ Джакомо.

— А, милѣйшій маркизъ, вотъ пріятная встрѣча! — воскликнулъ онъ, похлопывая себя хлыстомъ по сапогамъ.

Digitized by Google

— Очень пріятно, очень пріятно,—забормоталъ Джакомо, мысленно посылая его ко всѣмъ чертямъ.

— Ты идешь наверхъ, къ Лаллѣ?

— Да, хочу навѣстить графиню.

— Подожди на минутку, я также пойду съ тобой.

Ди-Варѐ чуть не выругался, но сдержался и даже заставилъ себя привѣтливо улыбнуться. Тосколано еще пошептался о чемъ-то съ наѣздникомъ насчетъ лошади, подарилъ ему сигару изъ своего барскаго рта, потомъ взялъ Джакомо подъ руку и сталъ подниматься съ нимъ по лѣстницѣ, стараясь обтереть о ступеньки навозъ съ сапоговъ.

— Но, милый мой... неужели ты рѣшаешься дѣлать визиты дамамъ въ такомъ костюмѣ?—раздраженно спросилъ его ди-Варѐ.

— Конечно! Что же тутъ такого?.. Хотятъ быть знакомы со мною, такъ пусть принимаютъ меня во всѣхъ видахъ. Хороша эта новая лошадь, не правда ли? Еще жеребенокъ! Ты подожди, чтò изъ нея будетъ годика черезъ два... Тогда второй такой и днемъ съ огнемъ не сыскать... Да, дорогой мой... Знаешь, кого она мнѣ напоминаетъ? Вороную кобылу твоего покойнаго отца; мы покупали ее тогда вмѣстѣ у адьютанта Радецкаго и перепродали вдвое дороже дядѣ Ластафарда, старику Николаю... Тому самому скупердяю, чтò живетъ въ Сантъ-Антоніо и ѣстъ соленыхъ кошекъ изъ экономіи!

Разговаривая такимъ образомъ, молодые люди поднялись по лѣстницѣ. Въ передней не было ни души. — Да, да, очевидно, она меня ждетъ,—съ горечью подумалъ Джакомо и мысленно снова послалъ къ чорту маркиза Тосколано. Они прошли всю анфиладу безконечныхъ гостинныхъ и залъ, и встрѣтились съ Лаллой на порогѣ ея будуара. Графиня привѣтливо поздоровалась, удивилась, что въ передней не было лакеевъ и не безъ ехидства улыбнулась, взглянувъ на сердитое лицо Джакомо.

«Вооображаю, какъ онъ доволенъ этой встрѣчей»!—подумала молодая женщина.

Всѣ прошли въ будуаръ. Завязался разговоръ обо всемъ понемножку: объ отъѣздѣ Джорджіо въ деревню, о новой лошади, о балѣ префекта... Тосколано счелъ своимъ долгомъ объявить, что онъ также получилъ приглашеніе, но, *конечно*, не поѣхалъ...

Digitized by Google

— Я бывалъ въ Боргиньяно на всѣхъ балахъ австрійскихъ губернаторовъ,—сказалъ онъ,—но къ префектамъ этой *львой* партіи никогда не поѣду:—пусть меня и не ждутъ! Всѣ они тайные враги Италіи, враги монархіи! — Джакомо вначалѣ также принималъ участіе въ разговорѣ и даже старался быть веселымъ, чтобы показать Лаллѣ, что онъ умѣетъ владѣть собой и скрывать свои чувства. Онъ надѣялся, что Тосколано скоро уйдетъ; но тотъ, повидимому, и не думалъ уходить, такъ что ди-Варѐ нахмурился и угрюмо замолчалъ, прислушиваясь къ болтовнѣ хорошенькой графини.

— Ты уходишь или остаешься?—спросилъ, наконецъ, Тосколано послѣ минутнаго молчанія.

— Останусь, если графиня позволитъ мнѣ еще посидѣть.

— А мнѣ пора идти!..—Съ этими словами Тосколано засунулъ руки въ карманы и еще удобнѣе развалился въ креслѣ. Лалла еле удерживалась отъ смѣха; она видѣла, что ди-Варѐ сидитъ, какъ на иголкахъ, и ясно читала въ его душѣ. Въ сущности молодая женщина ничуть не сердилась на Тосколано за этотъ продолжительный визитъ... Ей не хотѣлось, ей было страшно оставаться наединѣ съ Джакомо... она чуяла опасность и уже не вѣрила въ свои силы.

Тосколано разспрашивалъ графиню про костюмы дамъ на балу у префекта, и Лалла съ большимъ оживленіемъ описала ему туалетъ супруги адвоката и даже изобразила ея лицо въ карикатурѣ, чѣмъ разсмѣшила лошадника до слезъ. Потомъ снова наступила маленькая пауза. Тосколано взглянулъ на часы, положилъ ногу на ногу и сталъ напѣвать: «А мнѣ пора идти? А мнѣ пора идти»! на мотивъ изъ *madame Angot*, но самъ не двигался съ мѣста, а только постукивалъ каблуками въ тактъ своему пѣнію. Джакомо все еще не терялъ надежды и терпѣливо ждалъ: «вѣроятно онъ сейчасъ встанетъ и уйдетъ»! утѣшалъ онъ себя, прислушиваясь къ пѣсенкѣ Тосколано... Но вдругъ рядомъ въ комнатѣ послышались чьи-то шаги, шелестъ платья и въ дверяхъ появился лакей съ докладомъ, а вслѣдъ за нимъ тотчасъ же генеральша Каландра. Тогда Тосколано, дѣйствительно, всталъ и ушелъ, уступая свое мѣсто вновь прибывшей дамѣ. Генеральша стала разспрашивать про Джулію; Лалла отвѣтила, что ея кузина очень устала послѣ бала и просила не будить ея до самаго обѣда. Тогда снова

Digitized by Google

начался разговоръ про балъ префекта... Джакомо съ трудомъ сдерживалъ свое нетерпѣніе: судьба точно нарочно дразнила его въ этотъ день! Вслѣдъ за генеральшей пріѣхали братья Ластафарда—похвастаться своими новыми сюртуками, только что полученными изъ Милана. Генеральша встала и въ дверяхъ столкнулась съ Джанни Ребальди. Онъ перекрасилъ свои волосы уже не въ бѣлокурый, а въ темнорыжій цвѣтъ, былъ тщательно завитъ, напомаженъ и надушенъ. Злые языки Боргиньяно увѣряли, что старый холостякъ получилъ въ наслѣдство отъ какой-то дальней родни большую парфюмерную лавку.., Недаромъ Ребальди чуть не каждый день перекрашивалъ свои волосы въ новые цвѣта и весь пропитался мускусомъ, вербеной и віолетками!

Братья Ластафарда сидѣли недолго; въ Миланѣ не принято дѣлать продолжительныхъ визитовъ. Зато Ребальди основался очень прочно и, такъ сказать, пустилъ корни. Онъ также началъ перебирать балъ префекта, сказалъ нѣсколько старыхъ остротъ, а потомъ сталъ упрашивать Лаллу найти ему жену и очень долго расхваливалъ ей необыкновенную чистоту своего сердца. Джакомо слушалъ его; наконецъ, не выдержалъ и довольно грубо замѣтилъ, что въ *извѣстные года* можно жениться только на прислугѣ или на компаньонкѣ. Ребальди, конечно, обидѣлся на это, но не ушелъ и, въ свою очередь, сталъ говорить маркизу колкости... Во время этой пикировки, въ будуаръ вошла новая гостья — мадамъ Бертю; она очень холодно поздоровалась съ Джакомо и обращалась къ нему не иначе, какъ: «синьоръ Варѐ», нарочно не называя его маркизомъ. Влюбленный Джакомо окончательно выбился изъ силъ. У него вся голова точно распухла отъ этой безконечной и безсмысленной болтовни все объ одномъ и томъ же; онъ ёрзалъ на стулѣ отъ нетерпѣнія, нервно дергалъ подкладку своего цилиндра и отъ скуки принялся разглядывать и считать головки амуровъ на карнизѣ потолка. Лалла отъ времени до времени кокетливо поглядывала на своего возлюбленнаго и этимъ, конечно, только хуже растравляла его раны. Она была очень любезна со своими гостями, весела и удивительно хороша собой.

Ди-Варѐ рѣшилъ во чтобы то ни стало пересидѣть всю эту компанію, чтобы хоть разъ поцѣловать свою «малютку Лаллу».

Digitized by Google

Наконецъ, синьора Бертю и Джанни Ребальди уговорились ѣхать вмѣстѣ въ колескѣ и стали прощаться. Именитая дама обѣщала завезти стараго холостяка въ клубъ и говорила, что ей пора домой... Джакомо также всталъ со своего мѣста и постукивалъ ногой по полу отъ нетерпѣнія... «Вотъ, вотъ сейчасъ, вотъ, вотъ сейчасъ»!—говорилъ онъ себѣ, но вдругъ... опять шаги, опять голоса, и въ будуаръ врывается графъ Луиджи-да-Кастильоне;—онъ прямо съ вокзала пріѣхалъ изъ Віареджіо и нарочно ничего не написалъ, чтобы сдѣлать пріятный сюрпризъ!! Молодая женщина не особенно обрадовалась пріѣзду старика; она чувствовала его недружелюбное отношеніе къ себѣ и боялась его. Не смотря на это, Лалла сдѣлала радостное и привѣтливое лицо и тотчасъ же распорядилась, чтобы пошли предупредить графиню Джулію о пріѣздѣ дяди. У ди-Варѐ подкосились ноги; онъ понялъ, что ему уже не на что больше надѣяться.

— Да, да, я прямо изъ Віареджіо... прямо!.. — забормоталъ графъ Луиджи. — Привезъ тебѣ поклоны отъ Раймонди, отъ Ресклави и отъ Вигофанти. Мы всѣ надѣялись, что ты также пріѣдешь въ Віареджіо, но... Ай, ай, ай, кого я вижу?.. Нашъ очаровательный маркизъ!! Вотъ не ожидалъ увидѣть васъ здѣсь!.. Голубчикъ мой, да что вы дѣлаете въ этой провинціальной трущобѣ?.. А? Вотъ не ожидалъ. Да, тутъ что-то не спроста: *cherhez la femme, cherchez la femme...* не иначе!

Онъ дружески поздоровался съ Джакомо и пристально взглянулъ ему въ глаза. Ди-Варѐ тотчасъ же раскланялся и вышелъ вслѣдъ за синьорой Бертю и за Джанни Ребальди. Онъ побаивался проницательнаго взгляда Луиджи-да-Кастильоне и не хотѣлъ подвергаться его разспросамъ. Но, къ несчастью, было уже поздно принимать всѣ эти мѣры предосторожности; черезчуръ продолжительный визитъ маркиза въ тотъ же день сталъ извѣстенъ всему городу; поднялись толки, предположенія, разговоры... Генеральша Каландра и синьора Бертю встрѣтились вечеромъ въ гостяхъ и, конечно, заговорили о Лаллѣ.—Кто тамъ былъ при васъ?—спросила генеральша.

— Джанни Ребальди и *синьоръ* Варѐ,—отвѣтила чопорная представительница знатнаго рода ди-Сентъ-Флоринъ.

— Ди-Варѐ? Да неужели... Вѣдь онъ уже былъ тамъ, когда я пріѣхала!

Digitized by Google

— Да-съ... вотъ какія дѣла?! — въ голосѣ мадамъ Бертю слышались и жалость, и подозрѣніе, и упрекъ.

— Значитъ, онъ за ней ухаживаетъ?

— Очевидно.

— Бѣдная Лалла! Она по неопытности можетъ попасть въ бѣду. Слѣдуетъ помѣшать этому развратнику...

— Да, надо ее спасти.

— Надо ее спасти!

Одновременно съ этимъ, въ клубѣ происходилъ такой же разговоръ между Тосколано и Ребальди, и они также рѣшили вырвать неопытную графиню изъ когтей коварнаго маркиза. Эта сенсаціонная новость моментально облетѣла весь городъ. Пошли сплетни, толки, пересуды... Большинство увѣрилось въ интимности Лаллы и Джакомо, многіе даже передавали другъ другу разныя несуществующія подробности ихъ любовныхъ отношеній. Одни говорили, что надо предупредить графа делла-Валле, чтобы онъ могъ спасти свою жену; другіе увѣряли, что уже поздно спасать ее и остается только примириться со случившимся... Въ клубѣ всѣ съ любопытствомъ поглядывали на Джорджіо, старались встрѣтиться съ нимъ на улицѣ и поджидали его у магазиновъ, чтобы что нибудь разузнать. Въ аптекѣ, противъ дома делла-Валле постоянно собирались сплетники и сплетницы, и выглядывали изъ окна на улицу; не идетъ ли маркизъ съ визитомъ къ графинѣ... Въ кафэ Боргиньяно даже перестали разговаривать о политикѣ:—всѣ были заняты исключительно этой романической исторіей. Лаллу не обвиняли; ее, наоборотъ, почти всѣ поголовно защищали, жалѣли Джорджіо и безжалостно осуждали маркиза ди-Варѐ. Все общество соединилось въ одно цѣлое и составило что-то въ родѣ тайной полиціи, которая охраняла молодую женщину и буквально не давала ей ступить ни шагу одной. За маркизомъ также всегда кто нибудь ходилъ по пятамъ, и чуть что— сейчасъ поднимались разговоры, толки и гвалтъ! Младшій изъ братьевъ Ластафарда всюду совалъ свой носъ, чтобы разузнать что нибудь новое и разсказать своему брату, который въ свою очередь ѣздилъ изъ дома въ домъ и разсказывалъ эти новости знакомымъ дамамъ, за что, конечно, пользовался ихъ благосклонностью. Джанни Ребальди съ апломбомъ увѣрялъ, что въ Болоньѣ не стали бы принимать въ *высшемъ*

Digitized by Google

обществѣ такого разорившагося кутилу, а маркизъ Тосколано клялся своей головой и хвостомъ *Адамастора*, что ди-Варѐ самъ не радъ всему случившемуся и готовъ все бросить и уѣхать. Префекторша горячо защищала Лаллу; генеральша Каландрà съ большимъ энтузіазмомъ расхваливала добродѣтели графа делла-Валле; зато желчная мадамъ Бертю безпощадно обвиняла всѣхъ и вся, сплетничала, кричала, волновалась и радовалась, что можетъ во всеуслышаніе злословить про своихъ ближнихъ. Доставалось также родителямъ Лаллы и всѣмъ ея близкимъ, за исключеніемъ Луиджи ди-Кастильоне, котораго почему-то не примѣшивали къ этой *скандальной* исторіи. Старикъ-графъ очень волновался, увѣрялъ, что маркизъ опозорилъ честь его имени, честь всей семьи... Каждый считалъ своимъ долгомъ дать какой нибудь совѣтъ: одни утверждали, что необходимо раскрыть глаза ослѣпленному Джорджіо, другіе совѣтовали предупредить саму Лаллу, чтобы предостеречь ее отъ опасности. Мадамъ Бертю настаивала, чтобы графъ Луиджи тотчасъ же переговорилъ обо всемъ съ герцогомъ Анатоліемъ; генеральша предлагала лучше обратиться къ герцогинѣ Маріи, а префекторша уговаривала— не вмѣшиваться въ эту исторію и подождать, что̀ будетъ дальше.

— Мой братъ говорилъ сегодня утромъ, что на мѣстѣ графа Луиджи онъ давнымъ-давно вызвалъ бы ди-Варѐ на дуэль и прекратилъ бы всѣ эти сплетни добрымъ ударомъ шпаги!—рекламировалъ своего брата младшій Ластафарда.

Лалла и Джакомо скоро замѣтили перемѣну въ обращеніи съ ними всего мѣстнаго общества. Если маркизъ въ театрѣ заходилъ къ графинѣ въ ложу, всѣ тотчасъ же уходили оттуда и оставляли ихъ однихъ; то же происходило и дома, на пріемѣ Лаллы. Друзья и подруги дѣлали обоимъ влюбленнымъ довольно прозрачные намеки; мадамъ Бертю отпускала колкія шпильки и горделиво отворачивала свой длинный носъ; префекторша заводила какіе-то туманные дипломатическіе разговоры, а генеральша Каландрà чуть не вѣшалась Лаллѣ на шею и клялась ей въ вѣчной дружбѣ, надѣясь что нибудь выпытать отъ нея. Эти дружескія изліянія не мѣшали ей злословить про молодую женщину за ея спиной. Графиня скоро разгадала этотъ всеобщій *secret de polichinelle*, ей стоило

Digitized by Google

только послушать графа Луиджи, чтобы понять, въ чемъ дѣло! Онъ такъ краснорѣчиво проповѣдывалъ женѣ своего племянника о нравственныхъ принципахъ, о долгѣ женщины, о *чести имени* и т. д., и т. д. Джулія также, не стѣсняясь, подразнивала свою подругу.—Они все узнали!—съ ужасомъ думала Лалла и утѣшалась тѣмъ, что она во́ время *спохватилась* и еще не сдѣлала *ничего дурнаго*! Никто не говорилъ съ графиней о маркизѣ; только Марія, какъ мать, поняла, что это необходимо, и высказала ей все. Герцогинѣ не смѣли сплетничать про ухаживанія ди-Варѐ, но она сама замѣтила его отношенія къ Лаллѣ и рѣшила не принимать его, чтобы они не встрѣчались у нея въ домѣ. Когда Джакомо явился къ ней съ визитомъ, лакей сказалъ ему, что «герцогиня не принимаетъ», безъ дальнѣйшихъ объясненій; такъ повторилось четыре раза подъ рядъ, послѣ чего ди-Варѐ, конечно, пересталъ бывать у д'Эледа, но по прежнему видѣлся съ Лаллой у другихъ знакомыхъ и въ домѣ делла-Валле. Лалла молча выслушала нравоученіе своей матери; она рѣшила дать ей высказаться, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и что́ собственно произошло. Молодая женщина скоро поняла изъ общихъ фразъ герцогини, что она собственно ничего не знаетъ объ ея отношеніяхъ къ Джакомо и, вмѣсто того, чтобы каяться и просить прощенія, стала возмущаться такой черезчуръ строгой моралью. «Я шагу не могу ступить свободно,—мысленно жаловалась она себѣ,—это даже смѣшно! Вѣдь я не маленькая и должна давать отчетъ въ моихъ поступкахъ только моему мужу—и больше никому».

— Видишь ли, дорогая мама, ты не можешь судить по себѣ... Ты нигдѣ не бываешь и никого не видишь; такъ очень легко уберечься отъ всякихъ сплетенъ! Но я не намѣрена жить затворницей и не вижу ничего дурнаго въ томъ, что изрѣдка буду принимать близкихъ мнѣ друзей... Маркизъ всегда очень почтителенъ со мной, а я, право, не виновата, что онъ предпочитаетъ мое общество обществу мадамъ Бертю! По моему это вполнѣ естественно; всякому наскучитъ вѣчно разсуждать только о тряпкахъ да о геральдикѣ, или перебирать съ генеральшей Каландра́ чины и ордена сослуживцевъ ея мужа! Я лично также предпочитаю маркиза другимъ здѣшнимъ кавалерамъ: онъ прекрасно воспитанъ, много видѣлъ,

Digitized by Google

много читалъ; съ нимъ интересно говорить, а вѣдь отъ Тосколано, да отъ Джанни Ребалдьи, ничего и не добьешься, кромѣ плоскихъ остротъ.

Лалла говорила горячо, пожалуй, даже черезчуръ горячо, сознавая въ душѣ, что ея мать вполнѣ права...

— Что говорить про Тосколано и Ребальди, — замѣтила Марія:—о нихъ не можетъ быть и рѣчи; это незначущія лица, они тутъ непричемъ!

— А ты считаешь маркиза опаснымъ... да?

— Да, онъ не пользуется хорошей репутаціей въ обществѣ,—наивно отвѣтила герцогиня, не обращая вниманія на иронію въ голосѣ Лаллы.

— Какое мнѣ дѣло до мнѣнія общества! Если обращать вниманіе на всѣ сплетни, такъ и жить нельзя.

— Нѣтъ, дитя мое, каждая женщина должна обращать вниманіе на то, что про нее говорятъ, если она дорожитъ своей честью и честью своего мужа.

Лалла не знала, что отвѣтить, и нервно дергала ручку своего вѣера.

«Бѣдняжка! Она, кажется, обидѣлась; я была съ ней слишкомъ рѣзка»,—подумала Марія и, чтобы утѣшить Лаллу, стала нѣжно гладить ее рукой по волосамъ.

— Послушайся меня, дорогая,—продолжала она нѣжнымъ и ласковымъ голосомъ.—Вѣдь ты, вѣроятно, не особенно дорожишь посѣщеніями маркиза ди-Варѐ?

— Конечно, нѣтъ!

— Ну, такъ исполни мою просьбу, — не принимай его! Это, можетъ быть, капризъ съ моей стороны, такъ что же?.. Вѣдь я всегда исполняла всѣ твои капризы, когда ты была маленькой; теперь твоя очередь уступить мнѣ хоть разъ!

— Съ удовольствіемъ... Но какъ же быть?.. Не могу я его выгнать; онъ всегда былъ очень милъ и любезенъ со мной; мнѣ даже не къ чему привязаться! — Лалла поняла, что спорить дальше нельзя и лучше уступить или, по крайней мѣрѣ, притвориться, что хочетъ уступить.

— Сдѣлай такъ, какъ сдѣлала я, — продолжала герцогиня:—ди-Варѐ слишкомъ часто бывалъ у меня и мнѣ это не нравилось, тѣмъ болѣе, что онъ всегда старался встрѣтиться съ тобой; я отдала приказаніе говорить ему каждый разъ, что

Digitized by Google

меня нѣтъ дома... и онъ пересталъ бывать. А не хочешь ссориться съ нимъ, такъ скажи ему совершенно откровенно, что ты рѣшила больше никого не принимать до отъѣзда въ деревню... вѣдь черезъ мѣсяцъ мы всѣ уѣдемъ отсюда.

— Удивительно пріятно просидѣть цѣлый мѣсяцъ въ полномъ одиночествѣ...

— Ахъ, Боже мой, Лалла! Тебя послушать, такъ можно подумать, что ты совсѣмъ не любишь своего мужа!

— Очень люблю, дорогая мамочка, но я вышла замужъ, чтобы жить, наслаждаться жизнью, а не умирать съ тоски.

— Къ чему ты это говоришь? Ты должна гордиться своимъ мужемъ...

— Я и горжусь.

— Должна быть счастлива только съ нимъ однимъ; къ чему тебѣ другіе? Надо быть больше съ мужемъ, жить его жизнью и ревновать его ко всему, что можетъ отнять его у тебя хотя бы на одну минуту...

— Ого, какой энтузіазмъ, мамочка, я тебя не узнаю!

Марія вся вспыхнула и разомъ замолчала.

— Да, я тебя не узнаю, — продолжала Лалла: — ты еще недавно была совсѣмъ не такого высокаго мнѣнія о добродѣтеляхъ Джорджіо...

— Я тебя не понимаю?

— Я хочу сказать, что у меня вообще прекрасная память... Я помню, какъ мы были женихомъ и невѣстой и ты, повидимому, не особенно радовалась нашему браку. Да, ты была очень холодна съ Джорджіо и разъ чуть не вышвырнула его изъ коляски, когда онъ, по моей просьбѣ, вздумалъ было тебя обнять!..

У Маріи горько заныло сердце; она не сдержалась и крупныя слезы полились изъ ея глазъ. Тогда Лалла въ свою очередь начала ее утѣшать, обнимала, цѣловала и обѣщала всегда и во всемъ безпрекословно слушаться ее. Ей не хотѣлось ссориться съ матерью и она очень сожалѣла въ душѣ, что намекнула на непріязненныя отношенія Маріи къ графу Джорджіо. Вскорѣ послѣ этого разговора, Лалла встрѣтилась съ маркизомъ у знакомыхъ, разсказала ему все и попросила бывать у нея порѣже; Джакомо не протестовалъ: онъ самъ отлично понималъ, что при такого рода обстоятельствахъ надо быть

Digitized by Google

очень осторожнымъ. Влюбленные рѣшили изрѣдка встрѣчаться на улицахъ, а по вечерамъ видаться въ театрѣ и кафэ... Вѣдь это всего какихъ нибудь два мѣсяца, а тамъ они съѣдутся въ Римѣ и снова могутъ нисколько не стѣсняться... Джорджіо долженъ былъ пріѣхать въ Римъ къ открытію засѣданій въ палатѣ, и Лалла съ нетерпѣніемъ ждала отъѣзда въ столицу. «Какъ мы будемъ счастливы тамъ!—думалъ про себя Джакомо;—придется потерпѣть еще нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы не разрушить всего какой нибудь неосторожностью». Но, въ ожиданіи лучшаго, маркизъ просилъ молодую женщину покамѣстъ хоть писать ему ежедневно; Лалла же ни за что не соглашалась на это: она боялась писемъ, боялась, что ее подстерегутъ и застанутъ врасплохъ!—Нѣтъ, нѣтъ, у меня никогда не хватитъ храбрости самой опустить письмо въ почтовый ящикъ,—наивно говорила графиня, — я никогда въ жизни не дѣлала этого сама. У насъ съ дѣтства всегда было заведено такъ: напишешь письмо и передашь его лакею, а тотъ въ свою очередь передастъ его дворецкому, который самъ два раза въ день носилъ письма на почту. Меня даже теперь бросаетъ въ жаръ отъ стыда, при мысли, что я должна буду останавливаться у почтоваго ящика... Такъ и кажется, что всѣ будутъ смѣяться надо мною и говорить другъ другу: «вонъ барыня сама опускаетъ письмо своему любовнику»! Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой, я не могу писать тебѣ: это выше моихъ силъ.

— Аха Лалла, ты меня не любишь!—отвѣтилъ ей на это Джакомо. Молодая женщина запротестовала и, послѣ долгихъ разсужденій, онъ сдался на ея доводы и не сталъ больше настаивать, хотя и чувствовалъ въ душѣ, что Лалла хитритъ и пускаетъ въ ходъ разныя уловки, чтобы выскользнуть изъ его объятій.

Они рѣшили довольствоваться постояннымъ обмѣномъ книгъ и условились встрѣтиться на улицѣ въ слѣдующую пятницу, невдалекѣ отъ дома префекторши, куда Лалла должна была зайти съ визитомъ.

«Пятница... Бррр... это нехорошій день»,—со страхомъ подумала суевѣрная графиня, но принуждена была согласиться:—Джакомо не хотѣлъ откладывать свиданья до субботы, а въ четвергъ Лалла находила, что слишкомъ рано. Тѣмъ временемъ надъ влюбленными готовилась разразиться гроза. Графъ

Digitized by Google

Луиджи поклялся въ душѣ во что бы то ни стало отомстить Лаллѣ и напортить «самоувѣренному сердцеѣду-маркизу». Онъ шпіонилъ за ними подъ видомъ добраго дѣла, а дьяволъ, конечно, помогалъ ему во всемъ. Сластолюбивый старикъ проповѣдывалъ о нравственности и хотѣлъ «спасти» Лаллу только потому, что ему самому не удалось ее «погубить»... Это былъ гадкій и злой поступокъ подъ видомъ добраго дѣла.

Старый холостякъ долго обдумывалъ, какъ ему лучше приступить къ выполненію задуманнаго плана и рѣшилъ послушаться совѣта синьоры Бертю, т. е. разсказалъ о городскихъ сплетняхъ герцогу Анатолію. При этомъ онъ усиленно напиралъ на то, что вѣритъ въ безусловную невинность графини и самъ нисколько не боится за нее, но что въ свѣтѣ много злословятъ про ея отношенія къ ди-Варѣ.

— Надо непремѣнно поскорѣе прекратить всѣ эти разговоры,—прибавилъ онъ въ видѣ заключенія:—честь женщины можетъ быть на самомъ дѣлѣ брилліантовой, но показаться хрустальной, да... у нашего же брата-мужчины она не стальная, какъ думаютъ нѣкоторые, а всегда стеклянная, всегда... т. е. очень ломкая...

Герцогъ д'Эледа съ чувствомъ пожалъ обѣ руки стараго сплетника и со слезами на глазахъ поблагодарилъ его за участіе.

— О, благодарю васъ, благодарю васъ... — пробормоталъ онъ.—Вотъ видно, что вы настоящій другъ нашего дома, можно даже сказать... да... вы поступили, какъ братъ, какъ родной братъ!—Анатолій такъ расчувствовался, что бросился обнимать графа Луиджи.

— Но вѣдь въ данномъ случаѣ главное дѣло — мужъ...— продолжалъ онъ:—отецъ на второмъ планѣ, понимаете, мужъ долженъ заботиться и дѣйствовать, а не отецъ... Я, право, ничего не могу; могу только совѣтовать, а отъ совѣтовъ толку мало: ихъ въ одно ухо впускаютъ, а въ другое выпускаютъ!..

— Да... на совѣты часто не обращаютъ вниманія, не обращаютъ!..

— Вотъ именно!.. А Джорджіо—другое дѣло.—Онъ мужъ, такъ сказать, глава семьи... понимаете?

— Вполнѣ согласенъ съ вами... лучше всего переговорите съ Джорджіо.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, дорогой другъ; мнѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ эти дѣла... Знаете, положеніе само по себѣ такое щекотливое, такое затруднительное, что мой совѣтъ можетъ только напортить. Вѣдь между тестемъ и зятемъ всегда бываетъ довольно натянутыя отношенія, тѣмъ болѣе, что мы принадлежимъ къ разнымъ партіямъ: онъ къ *лѣвой*, а я къ *правой*, и у насъ политика совершенно различная.—Анатолій лукаво улыбнулся своей остротѣ.—Знаете, лучше всего переговорите сами съ делла-Валле. Вѣдь вы ему дядя и къ тому же лучшій другъ!.. Да, Джорджіо васъ любитъ, уважаетъ, достойно цѣнитъ...

— Перестаньте, голубчикъ. Что это вы меня расхваливаете? Не надо...

— Нѣтъ, нѣтъ, не прерывайте меня, дайте мнѣ сказать! Джорджіо достойно цѣнить всѣ ваши высокія качества и отдаетъ вамъ должное. Послушайтесь меня и переговорите съ нимъ.

Графъ да-Кастильоне еще немного поломался изъ приличія и въ концѣ концовъ согласился; но, прежде чѣмъ говорить съ племянникомъ, онъ рѣшилъ имѣть подъ рукой неоспоримыя доказательства легкомыслія Лаллы и потому сталъ всюду слѣдить за нею, чтобы гдѣ нибудь подстеречь ее во время свиданія съ маркизомъ. Старикъ прекрасно зналъ, что Джорджіо весь находится во власти Лаллы и что она всегда съумѣетъ выпутаться, а потому и не хотѣлъ подымать всей этой исторіи, пока у него не будетъ улики на лицо. Въ *злосчастную пятницу* онъ, по обыкновенію, съ утра сталъ караулить свою дорогую племянницу и пошелъ за нею, когда она вышла изъ дому... И вдругъ—о радость!—на его глазахъ Лалла встрѣтилась съ ди-Варѐ, поздоровалась съ нимъ, постояла нѣсколько минутъ и они уже вмѣстѣ отправились дальше по направленію къ дому префекта. Увидя это, графъ ехидно улыбнулся, прибавилъ шагу и перегналъ влюбленныхъ, дружелюбно раскланявшись съ ними съ самой вѣжливой и ласковой улыбкой на устахъ.

Лалла и маркизъ до того испугались этой неожиданной встрѣчи, что тотчасъ же разошлись въ разныя стороны.—Если этотъ шпіонъ намъ что нибудь напортитъ и выйдетъ исторія я пришлю тебѣ сказать въ книгѣ,—пробормотала молодая женщина своему возлюбленному на прощанье; а не пришлю книгъ—

Digitized by Google

значитъ, все благополучно и ты можешь прійти ко мнѣ въ воскресенье въ четыре часа, какъ мы условились раньше.

Графиня делла-Валле оставалась у префекторши очень недолго:—у нея было неспокойно на душѣ и она торопилась домой, поскорѣе разузнать, какъ все обошлось. Лалла была увѣрена, что графъ Луиджи не упуститъ случая отомстить ей за прежнее и, конечно, насплетничаетъ Джорджіо о своей встрѣчѣ съ нею. Вернувшись домой, она сняла шляпу и накидку, и усѣлась въ уютномъ уголкѣ своего будуара перелистывать вновь полученные журналы. На видъ графиня была совершенно спокойна, но на самомъ дѣлѣ сильно волновалась и все время обдумывала: какъ ей лучше защититься передъ мужемъ. «Недаромъ я такъ боялась пятницы! — твердила она себѣ:—хотѣлось бы знать, кому Джорджіо больше повѣритъ—мнѣ или графу Луиджи»? Въ эти «безконечные» часы тревожнаго ожиданія, Лалла все время думала только объ угрожающей ей опасности, а если и вспоминала о маркизѣ, то вскользь, радуясь, что ей *«не въ чемъ себя упрекнуть»* и, въ случаѣ чего, она даже можетъ поклясться въ своей невинности. Молодая женщина напрасно такъ безпокоилась объ этомъ: Джорджіо и даже графъ Луиджи были вполнѣ увѣрены въ ея невинности и ни одной минуты не сомнѣвались въ ней. Да, Кастильоне встрѣтился съ делла-Валле въ клубѣ и вышелъ оттуда вмѣстѣ съ нимъ; онъ взялъ племянника подъ руку и, напирая на свои права ближайшей родни, счелъ своимъ долгомъ посовѣтовать ему прекратить ухаживанья ди-Варѐ за Лаллой, такъ какъ о нихъ уже начали говорить въ свѣтѣ.—А, главное, не позволяй ей гулять по улицамъ съ этимъ невозможнымъ господиномъ,—прибавилъ онъ въ концѣ своей рѣчи:—жена Цезаря должна быть внѣ всякихъ подозрѣній, помни это!

Джорджіо нахмурился, но ничего не отвѣтилъ; онъ страшно разсердился на легкомысліе Лаллы... «Кто видѣлъ ихъ вмѣстѣ на улицѣ, тотъ богъ знаетъ, что̀ можетъ подумать про нее»!—прошепталъ онъ себѣ, идя домой и на этотъ разъ твердо рѣшилъ строго поговорить съ женой и настоять на своемъ. Лалла издали услышала шаги мужа и уже по его походкѣ догадалась, что онъ не въ духѣ. Джорджіо долженъ былъ пройти цѣлую анфиладу комнатъ, прежде чѣмъ добраться до будуара.

Digitized by Google

и эти нѣсколько минутъ тянулись для молодой женщины безконечно долго; она съ трепетомъ ждала объясненія, хотѣла, чтобы все поскорѣе кончилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ боялась и надѣялась какъ нибудь оттянуть непріятный моментъ. Взглянувъ въ лицо мужа, Лалла поняла, что дядя не потерялъ даромъ времени и уже успѣлъ ему насплетничать: графъ былъ видимо взволнованъ, блѣденъ и угрюмъ. Еслибы ди-Варѐ могъ заглянуть въ это мгновеніе въ сердце своей возлюбленной, онъ не нашелъ бы тамъ и тѣни любви къ себѣ: любовь вся улетучилась, разлетѣлась, какъ дымъ, и на ея мѣстѣ остался только страхъ. Джорджіо разомъ высказалъ все женѣ и говорилъ съ ней очень холодно и рѣзко. Лалла сначала что-то бормотала ему въ отвѣтъ, а потомъ залилась слезами и стала клясться въ своей невинности.

— Ахъ, Боже мой, этого еще недоставало!—воскликнулъ по прежнему разсерженный графъ.—Еслибы я хоть мгновеніе сомнѣвался въ тебѣ, такъ не былъ бы здѣсь съ тобой, повѣрь!

У Лаллы отлегло отъ сердца, но она продолжала стонать и плакать:

— Я не виновата... маркизъ первый меня остановилъ. Это вышло случайно... онъ хотѣлъ мнѣ передать поклонъ отъ Пазолетти... Я сказала, что иду къ префекторшѣ; тогда ди-Варѐ предложилъ меня проводить... Мнѣ не хотѣлось этого, даже было очень непріятно, но... но я не знала, какъ мнѣ отъ него отдѣлаться—и согласилась.

— Сама виновата! Къ чему было такъ приближать къ себѣ этого нахала? Я тебя сотни разъ просилъ порѣже принимать его, не сидѣть съ нимъ вѣчно вдвоемъ... Нѣтъ, не слушалась,—ну и радуйся теперь!! Уже про васъ, богъ знаетъ, что говорятъ. А я не желаю быть общимъ посмѣшищемъ, не желаю даже казаться имъ—понимаешь?

— Нино мой!.. Скажи, что мнѣ дѣлать? Я безпрекословно исполню твою волю... все сдѣлаю... обѣщаю, клянусь тебѣ!..

— Завтра мы уѣдемъ въ деревню, но... помни, не говори объ этомъ ни слова никому...

— Кому же я могу сказать?—воскликнула Лалла и робко подняла на мужа свои чудные, еще полные слезъ, глаза.

Но не успѣлъ Джорджіо выйти изъ комнаты, какъ она разомъ успокоилась и даже разсмѣялась: гроза промчалась без-

Digitized by Google

слѣдно и она уже видѣла впереди хорошую погоду! Вскорѣ послѣ этого, къ молодой женщинѣ пришла герцогиня Марія; Лалла бросилась къ матери на шею и со слезами разсказала ей свою сцену съ мужемъ. Герцогиня долго ласкала и успокоивала ее.

— Видишь, голубка, лучше бы ты тогда послушалась моихъ совѣтовъ,—мягко замѣтила она дочери и уже не разставалась съ ней во весь этотъ день.

Делла-Валле вполнѣ успокоился при видѣ безпрекословнаго повиновенія Лаллы и ея искренняго раскаянія. Онъ даже сожалѣлъ, что былъ такъ строгъ съ нею, и высказалъ это Маріи, когда провожалъ ее вечеромъ до экипажа. Джорджіо былъ удивительно ласковъ со своей *belle-mère* въ этотъ вечеръ, нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку и поблагодарилъ за любовь и ласковое отношеніе къ нимъ обоимъ. Рѣшили, что делла-Валле уѣдутъ въ Санто-Фьоре на слѣдующій же день, а герцогъ и Марія послѣдуютъ за ними въ концѣ недѣли. Молодые хотѣли поселиться не въ замкѣ, а въ купленной у маркиза ди-Варѣ виллѣ, но предполагалось, конечно, видѣться каждый день и всегда вмѣстѣ обѣдать. Въ этотъ вечеръ Лалла безконечно долго молилась, стоя въ одной рубашкѣ на колѣняхъ у своей кровати. Джорджіо уже легъ въ постель и читалъ газеты... по временамъ онъ поглядывалъ на колѣнопреклоненную фигуру своей жены и вдругъ замѣтилъ, что она горько плачетъ и всхлипываетъ.

— Успокойся, Лалла, — ласково сказалъ онъ ей.—Зачѣмъ ты плачешь? вѣдь я на тебя не сержусь. Перестань!

Молодая женщина съ благоговѣніемъ поцѣловала всѣ свои образки и кресты, вытерла глаза и молча легла въ постель, стараясь прижаться къ самому краю, чтобы быть какъ можно дальше отъ мужа. Джорджіо отбросилъ газету и пододвинулся къ Лаллѣ, но она даже не взглянула на него и продолжала лежать неподвижно, съ широко раскрытыми грустными глазами.

— Успокойся, милая... я не хочу, чтобы ты плакала; мнѣ тяжело на тебя смотрѣть, — продолжалъ графъ и наклонился къ женѣ, чтобы ее поцѣловать, но Лалла уперлась ему въ грудь своими красивыми и сильными, точно стальными, руками и отстранилась отъ поцѣлуя.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ! вѣдь ты меня не любишь и не долженъ меня цѣловать,—сказала она.

— Что́ ты, дорогая? наоборотъ, я тебя страшно люблю, потому и...

— Нѣтъ, любилъ бы, такъ и уважалъ, а не повѣрилъ бы гадкимъ выдумкамъ какого-то злаго сплетника! Это гадкій человѣкъ; онъ хотѣлъ поссорить тебя со мной!

— Послушай, моя дѣвочка!

— Нѣтъ не *твоя*, я больше не *твоя*!—Услышавъ такую угрозу, Джорджіо схватилъ Лаллу за руку, но она тотчасъ же выдернула ее.

— Нѣтъ, не хочу!.. Я всегда тебѣ разсказывала все до малѣйшихъ глупостей, когда кто нибудь за мной ухаживалъ, а ты теперь мнѣ не повѣрилъ, подумалъ, что я лгу!..

— И не думалъ, увѣряю тебя!..

— Не вѣришь мнѣ, такъ можешь спросить маму: я еще очень недавно, на этихъ дняхъ, говорила съ ней про маркиза и совѣтовалась, какъ бы мнѣ лучше сдѣлать, чтобы онъ пересталъ у насъ бывать... Онъ всегда былъ очень милъ и почтителенъ со мной, но я хотѣла прекратить разговоры этихъ противныхъ сплетниковъ, которые всюду суютъ свой носъ и вмѣшиваются въ чужія дѣла.

— Вѣрю, вѣрю, дорогая моя; не думай только, что я тебя разлюбилъ!

— Боже мой, Боже мой! Да, я долго не забуду сегодняшней сцены. Я никогда и не думала, что ты можешь быть такимъ.

— Перестань, Лалла... будь по добрѣе, прости меня...

— Нѣтъ, не могу.

— Пожалуйста! Умоляю тебя, дорогая...

— Нѣтъ, не могу... Нѣтъ. Оставь меня, а то я уйду одна спать въ другую комнату.

— Лалла, я тебя такъ люблю!

— Теперь любишь, а тогда... днемъ... не любилъ.

Молодая женщина настояла на своемъ, и Джорджіо пришлось покориться; онъ повернулся къ своему краю и долго не спалъ, а въ концѣ концовъ сталъ даже считать себя виноватымъ, а Лаллу—вполнѣ правой.

На слѣдующій день Джакомо ди-Варѐ нѣсколько разъ спра-

Digitized by Google

шивалъ у своего стараго слуги, не присылали ли ему книгъ отъ графини делла-Валле, и каждый разъ получалъ отрицательный отвѣтъ. Утромъ въ воскресенье (день, назначенный Лаллой для свиданія) онъ также ничего не получилъ и пошелъ въ кафэ завтракать; вернулся домой около трехъ, чтобы узнать, не приносили ли чего въ его отсутствіи,—нѣтъ ничего! «Значитъ, все обошлось благополучно и изъ-за нашей встрѣчи въ пятницу не произошло никакихъ исторій»,—рѣшилъ маркизъ и спокойно отправился въ домъ делла-Валле на свиданіе съ Лаллой.

— Графиня дома? — спросилъ онъ привратника и былъ такъ увѣренъ въ утвердительномъ отвѣтѣ, что, не дожидаясь его, вошелъ въ подъѣздъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Привратникъ бросился за нимъ въ догонку.

— Баринъ, баринъ, вернитесь, никого нѣтъ! — закричалъ онъ ему.

— Какъ?.. Графини нѣтъ дома?

— Ни графа, ни графини, никого! Господа уѣхали въ деревню, въ Санто-Фьоре...

— На цѣлый день?

— На два или на три мѣсяца; намъ точно неизвѣстно, когда они вернутся.

Джакомо пристально взглянулъ на привратника, и ему показалось, что на его почтительномъ, даже подобострастномъ лакейскомъ лицѣ промелькнула чуть замѣтная насмѣшливая улыбка.

— Прекрасно!—промолвилъ маркизъ, вынулъ изъ бумажника визитную карточку, загнулъ на ней одинъ изъ уголковъ и передалъ привратнику; потомъ пошелъ къ себѣ домой съ вполнѣ спокойнымъ и равнодушнымъ видомъ. Но на самомъ дѣлѣ Джакомо былъ сильно взволнованъ, безпокоился, горевалъ и не зналъ, что́ и думать. Извѣстіе объ этомъ неожиданномъ отъѣздѣ, какъ громомъ, поразило его. Онъ рѣшилъ, что случилось что нибудь ужасное и Лалла, вѣроятно, даже не успѣла написать ему передъ отъѣздомъ.

«Бѣдняжка Лалла!.. Бѣдняжка Лалла»! — Одно мгновеніе ди-Варѐ даже подумалъ было ѣхать въ Санто-Фьоре вслѣдъ за своей возлюбленной, но почти тотчасъ же рѣшилъ не дѣлать этого. Это было бы безуміемъ и окончательно погубило бы

Digitized by Google

несчастную «малютку». Къ тому же, маркизъ былъ увѣренъ, что Лалла при первой возможности напишетъ ему письмо и извѣститъ обо всемъ. Но прошло два, три, четыре дня... а писемъ не было. Джакомо все еще не терялъ надежды и ежедневно съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ желаннаго письма... Прошла еще недѣля и онъ по прежнему ничего не получалъ. Тогда онъ сталъ самъ себя успокоивать разными предположеніями и разсужденіями.

«Не можетъ быть, чтобы она за все это время не успѣла мнѣ написать хоть двухъ-трехъ строчекъ... Всегда можно довѣрить письмо слугѣ, горничной, наконецъ, какому нибудь крестьянину... Да въ крайнемъ случаѣ уже не думаютъ объ осторожности и всѣмъ рискуютъ»!

Такъ прошло еще нѣсколько дней... И вотъ однажды маркизъ увидѣлъ на Корсо ненавистнаго ему Джорджіо делла-Валле съ цѣлой грудой покупокъ въ рукахъ. Онъ тотчасъ же рѣшилъ подойти къ нему, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и выйти изъ этой тяжелой неизвѣстности. Джакомо зналъ, что у делла-Валле слишкомъ прямой и открытый характеръ, чтобы съумѣть что нибудь скрыть и онъ съ тайнымъ страхомъ перешелъ черезъ улицу, готовясь къ очень непріятному объясненію.

— Здравствуйте, графъ,—окликнулъ маркизъ мужа своей возлюбленной.

— А, здравствуйте, маркизъ, — привѣтливо отвѣтилъ Джорджіо.

— Позвольте освѣдомиться о здоровьѣ графини?..

— Благодарю васъ, она совсѣмъ здорова.

— Будьте любезны передать ей мой почтительный поклонъ.

— Съ удовольствіемъ, маркизъ; благодарю васъ!

Джорджіо, кажется, еще никогда не былъ такъ любезенъ съ ди-Варѐ; онъ чуть было не пригласилъ его погостить въ Санто-Фьоре!

«Вотъ тебѣ на! — подумалъ Джакомо.—У нихъ тамъ все идетъ, повидимому, вполнѣ благополучно; у делла-Валле веселый и довольный видъ, и вообще онъ не похожъ на тѣхъ мужей, которые тиранятъ своихъ женъ и изъ ревности запираютъ ихъ на ключъ гдѣ нибудь въ глуши, въ деревнѣ... Но какъ же Лалла?.. Не знаю, что́ и думать! Тамъ что-то прои-

Digitized by Google

зошло, но что именно? Очевидно, ничего серьезнаго. Просто она меня обманула... Кокетничала такъ себѣ, чтобы повеселиться, а когда зашло слишкомъ далеко, такъ испугалась—и на попятный... уѣхала тайкомъ! Конечно Лалла меня не любитъ и никогда не любила, да она и не умѣетъ любить. Она позабыла всѣ свои клятвы и увѣренія въ любви при первой же опасности, и даже не думаетъ больше обо мнѣ! Ей дѣла нѣтъ до человѣка, который изъ-за нея страдаетъ, мучится и готовъ чуть не всю жизнь отдать за одно слово утѣшенія и участія! Да, у нея нѣтъ ни сердца, ни души. Я всегда это думалъ и теперь, наконецъ, вполнѣ увѣрился.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, маркизъ встрѣтился въ театрѣ съ генеральшей Каландра и узналъ отъ нея, что графиня делла-Валле очень веселится въ деревнѣ, разъѣзжаетъ по сосѣдямъ, постоянно катается верхомъ въ большой компаніи и собирается принять участіе въ большихъ охотахъ на лисицъ. Генеральша нарочно очень долго говорила съ Джакомо на эту тему; ей не удалось вырвать признаніе у Лаллы и она надѣялась теперь добиться откровенности со стороны маркиза, и даже спросила его съ таинственнымъ видомъ, не будетъ ли у него какихъ либо порученій въ Санто-Фьоре, куда она рѣшила поѣхать на нѣсколько дней.

— Нѣтъ, благодарю васъ; порученій никакихъ,—спокойно отвѣтилъ ди-Варѐ, точно не замѣчая ея таинственнаго вида,—попрошу васъ только передать мой поклонъ всѣмъ д'Эледа и делла-Валле.

Въ этотъ вечеръ Джакомо еле добрался до дома: — онъ задыхался отъ волненія, прямо прошелъ къ себѣ въ спальню и заперся на ключъ. Началъ было раздѣваться и вдругъ не выдержалъ, упалъ въ кресло около кровати и горько зарыдалъ, какъ ребенокъ. Съ этими слезами, изъ его души постепенно вылилось все, что въ ней оставалось хорошаго, благороднаго и чистаго... Онѣ потопили и смыли всю его любовь... Когда ди-Варѐ успокоился и пересталъ плакать, онъ уже не чувствовалъ къ Лаллѣ ничего, кромѣ полнѣйшаго презрѣнія.

«Да, она очень ловко подшутила и надсмѣялась надо мной!—пробормоталъ онъ.—Оказалась и опытнѣе, и хитрѣе меня, даромъ, что молода! Могъ ли я предположить столько коварства и фальши въ этихъ дѣтски-наивныхъ ясныхъ глазахъ? Она

Digitized by Google

казалась мнѣ такой невинной, застѣнчивой и скромной. Но... посмотримъ еще, кто изъ насъ побѣдитъ, посмотримъ... *Rira bien, qui rira le dernier*»!..

Съ этими словами Джакомо ди-Варѐ окончилъ свой ночной туалетъ, легъ въ постель и почти моментально заснулъ глубокимъ, тяжелымъ сномъ.

XXV.

Въ это время, въ Санто-Фьоре случилось великое событіе: синьора Вероника и красавица Октавія одновременно забеременѣли, къ величайшей радости и удивленію своихъ законныхъ супруговъ, которые уже давнымъ-давно потеряли всякую надежду на продолженіе рода, тѣмъ болѣе, что обѣ молодыя женщины уже давно перестали раздѣлять съ ними брачное ложе, и лишь изрѣдка, въ видѣ особенной милости, снисходили до нихъ...

Бѣдный старикъ Фрасколини не вынесъ разлуки съ сыномъ и умеръ отъ горя, а на его мѣсто секретаремъ общины былъ назначенъ маленькій, худощавый и слегка сутуловатый блондинчикъ съ любвеобильнымъ сердцемъ и золотымъ *pince-nez* на носу. Этотъ новый кавалеръ скоро завоевалъ сердца мѣстныхъ Минервы и Венеры, и помирилъ ихъ между собой, такъ что онѣ теперь вмѣстѣ строили планы на будущее, говорили объ ожидаемыхъ младенцахъ и хотѣли, чтобы новорожденные *bébès* считались кузенами и звали теткой подругу матери. Все Санто-Фьоре собиралось смотрѣть на гигіеническую послѣобѣденную прогулку обѣихъ дамъ. Онѣ ходили вмѣстѣ, въ сопровожденіи своего сердечнаго друга, медленно, плавно и торжественно. Маленькій, сутуловатый блондинчикъ совершенно исчезалъ между двумя колоссальными женщинами; къ тому же онъ еще закрывался развернутой мѣстной газетой *Omnibus* и на ходу громко читалъ приложенія своимъ спутницамъ. Красивая и величественная Октавія плавно переваливалась съ ноги на ногу, скрывая свою фигуру подъ складками широкаго, яркокраснаго капота; она старалась изобразить изъ себя наивную, застѣнчивую дѣвочку, стыдилась своего положенія и краснѣла отъ всякой шутки и отъ малѣйшаго намека. Синьоръ Низо также конфузился и краснѣлъ отъ такихъ намековъ, но видимо

Digitized by Google

гордился беременностью жены и былъ очень счастливъ и доволенъ. Зато синьора Вероника нисколько не конфузилась и не драпировала своей фигуры. Она гордо выступала впередъ и, высоко задравъ голову, смѣлымъ и вызывающимъ взглядомъ поглядывала по сторонамъ. «Да, смотрите и дѣлайте то же, что̀ я, если вы способны на это»! — казалось, говорилъ ея взглядъ.

Кромѣ этого необыкновеннаго и радостнаго событія, въ Санто-Фьоре была еще другая, не менѣе сенсаціонная новость: Сандро Фрасколини вернулся на родину получать отцовское наслѣдство (около десяти тысячъ лиръ). Молодой человѣкъ не терялъ даромъ времени; пока длились всѣ формальности, онъ старался образовать въ городѣ новый кружокъ — «*Демократическій кружокъ чернорабочихъ и землепашцевъ*», и подыскивалъ акціонеровъ для давно задуманной имъ газеты:— «*Другъ рабочаго*». Фрасколини теперь глубоко ненавидѣлъ и презиралъ всю знать и духовенство; онъ не скрывалъ своего революціоннаго направленія, отпустилъ длинные волосы, носилъ всегда ярко-красные галстуки и никуда не выходилъ безъ громадной сучковатой дубины. Сандрино бросилъ свою артистическую карьеру и сталъ заниматься политикой; у него вышло съ антрепренеромъ крупное непріятное столкновеніе на романической подкладкѣ, которое окончилось даже дракой. Красивый теноръ жестоко поплатился за свои ухаживанья:— онъ потерялъ глазъ во время этой драки и вслѣдствіе того долженъ былъ покинуть сцену. Не смотря на это, онъ былъ по прежнему очень хорошъ собою и всегда носилъ черную повязку, чтобы скрыть свой вытекшій глазъ. Безпутные лѣнтяи, шалопаи и неудачники скоро примкнули къ Фрасколини и восхваляли его до небесъ, но зато порядочные люди всѣ поголовно отвернулись отъ него. Мэръ города, синьоръ Доменикъ, пересталъ ему кланяться; докторъ и ветеринаръ видимо избѣгали встрѣчаться съ нимъ, а начальникъ карабинеровъ не упускалъ его изъ виду, какъ человѣка неблагонадежнаго. Только синьоръ Низо по прежнему дружелюбно раскланивался съ Сандрино и каждый разъ выслушивалъ за это строгіе выговоры и скучнѣйшія нравоученія отъ своей супруги. Она не могла простить ему этой душевной слабости и неумѣстнаго мягкосердечія. Толстякъ донъ-Винченцо ужасно боялся Фрас-

Digitized by Google

колини; онъ не рѣшался выходить одинъ по вечерамъ, а когда возвращался домой изъ церкви послѣ службы, всегда посылалъ впередъ мальчика—посмотрѣть, не подстерегаетъ ли его гдѣ нибудь за угломъ этотъ «безобразникъ» и, въ случаѣ чего, тайкомъ улепетывалъ черезъ маленькую заднюю дверь. Сандрино никогда не бранилъ и не оскорблялъ досточтимаго аббата; при встрѣчѣ съ нимъ, онъ всегда снималъ шляпу, церемонно раскланивался и громко, во всеуслышанье, говорилъ:—Здравствуйте синьора *преподобная!*—Вероника и Октавія также очень часто встрѣчали Фрасколини во время своихъ прогулокъ, но проходили мимо него точно никогда не были съ нимъ знакомы. Вероника гордо смотрѣла молодому человѣку прямо въ лицо, а Октавія застѣнчиво опускала глаза и смущенно обдергивала складки своего краснаго капота. Когда Сандрино исчезалъ гдѣ нибудь за угломъ или онѣ сами куда нибудь сворачивали, обѣ дамы многозначительно переглядывались черезъ голову своего кавалера, а маленькій блондинчикъ конфузился и весь закрывался газетой при видѣ ex-тенора. Фрасколини не обращалъ никакого вниманія на всю эту кампанію; какое ему было дѣло до провинціальныхъ дамъ Санто-Фьоре? Онъ считалъ себя настолько выше ихъ, что даже не смѣялся надъ ними!

Молодая графиня увидала своего прежняго возлюбленнаго въ первый же день своего пріѣзда въ деревню, на площади около вокзала; сначала она не узнала его, но *miss Dill* сочла своимъ долгомъ обратить вниманіе своей бывшей воспитанницы *sur ce mauvais sujet*. Англичанка выѣхала встрѣтить молодую графиню и кисло улыбалась своимъ громаднымъ ртомъ, стараясь показать, что она очень рада ей. На самомъ дѣлѣ старая дѣва совершенно не обрадовалась пріѣзду Лаллы; она уже привыкла быть полной госпожей въ замкѣ и ни отъ кого не зависѣть, а теперь снова приходилось подчиняться волѣ другихъ. Сандрино не произвелъ никакого впечатлѣнія на Лаллу; она съумѣла впередъ защитить себя въ глазахъ Джорджіо и уже не боялась этого «безумца», какъ прежде. Его красивое, но плебейское лицо и всѣ подробности ихъ сантиментальной любви, — свиданія, поцѣлуи и объясненія,— мало-по-малу стушевывались и, наконецъ, совсѣмъ исчезли изъ души молодой женщины, какъ исчезаютъ подъ теплыми солнечными лучами яснаго осенняго утра фантастическіе ледя-

Digitized by Google

ные узоры. Въ слѣдующіе дни послѣ пріѣзда Лаллы, Фрасколини больше уже не показывался ей; онъ сталъ еще чаще напиваться и еще чаще яростно бранить и оскорблять всю знать и аристократію. Сандрино заучилъ наизусть цѣлыя тирады изъ *Les mysteres du peuple — Eugène Sue* и громко декламировалъ ихъ повсюду, какъ свои собственныя произведенія. Онъ входилъ въ азартъ, грозно сжималъ кулаки, кусалъ себя за пальцы и страшно ворочалъ своимъ налившимся кровью глазомъ... Въ его голосѣ звучало столько ненависти и злобы, что чувствительныя дамы Санто-Фьоре не узнали бы въ немъ прежняго добраго и мягкаго Гильома (изъ «Двухъ Сержантовъ»), трогательныя слова котораго еще такъ недавно вызывали у нихъ цѣлые потоки слезъ. Но Сандрино Фрасколини храбрился только на словахъ; на дѣлѣ онъ не преслѣдовалъ ненавистную ему знать и даже боялся ея... Онъ часто громилъ аристократію въ своихъ рѣчахъ посреди площади и на полусловѣ обрывался и убѣгалъ, какъ запуганная собака, когда вдали показывалась пара пони графини деллаВалле.

Но однажды молодой человѣкъ совершенно неожиданно встрѣтился съ Лаллой лицомъ къ лицу. Графиня шла изъ замка подъ руку съ мужемъ навѣстить донъ-Грегоріо и такъ близко прошла мимо Сандрино, что онъ снова, какъ прежде, услышалъ серебристые звуки ея голоса и вдохнулъ въ себя ароматъ ея стройнаго красиваго тѣла; она была вся въ бѣломъ и напоминала собою нѣжный, душистый цвѣтокъ. Всѣ снимали шляпы и почтительно раскланивались съ молодой графиней, а она ни на кого не смотрѣла и скользила по дорогѣ, еле касаясь земли своими крошечными ножками, какъ воздушное неземное созданіе, ясная и лучезарная, точно видѣніе сладкаго сна...

«И сказать, что я сжималъ въ своихъ объятіяхъ эту разряженную барыню, гордую, какъ королева! — пробормоталъ Фрасколини;—сказать, что я цѣловалъ ея пурпуровый ротикъ, что она засовывала свои руки въ мои волосы и вся трепетала отъ страсти у меня на груди... Кто бы повѣрилъ этому теперь, глядя въ ея громадные, дѣтски-чистые и наивные глаза»! Эта встрѣча съ Лаллой расшевелила старыя, все еще не зажившія, сердечныя раны Сандрино. Чтобы забыться, онъ сталъ напиваться сначала виномъ, потомъ ликерами... ничто

Digitized by Google

не помогало! Винные пары его не одурманивали, и прекрасный образъ молодой женщины по прежнему стоялъ передъ его глазами и день, и ночь. Онъ проклиналъ ее, клеймилъ самыми грубыми, самыми ужасными ругательствами, но Лалла точно не слушала ихъ,—она улыбалась ему своими влажными полураскрытыми губками и глубокими, потемнѣвшими отъ страсти, глазами. Отъ этой улыбки въ немъ закипала вся кровь, и онъ снова переживалъ давно прошедшія чудныя мгновенія, когда она трепетала въ его объятіхъ и замирала отъ его поцѣлуевъ. Съ этого дня Фрасколини на время забросилъ свои вызывающія проповѣди и пересталъ цитировать революціонныя рѣчи героевъ Сю; онъ сдѣлался нелюдимомъ, проводилъ цѣлые дни, запершись у себя въ комнатѣ, не видался съ товарищами и даже пропустилъ нѣсколько засѣданій въ «Демократическомъ кружкѣ чернорабочихъ и землепашцевъ».

Лалла каждый вечеръ возвращалась изъ замка въ свой Виллино съ miss Dill и донъ-Винченцо. Приходилось идти по длинной прямой дорогѣ, заросшей съ обѣихъ сторонъ густыми дикими сливами въ перемежку съ ольхой. Эти сплошныя зеленыя стѣны прерывались только въ двухъ мѣстахъ на половинѣ пути, гдѣ дорогу пересѣкала другая полевая дорога. Графиня и ея спутники обыкновенно никого не встрѣчали во время своей вечерней прогулки и уже привыкли къ этому; только однажды вечеромъ Лалла услыхала чьи-то шаги за зеленой изгородью, но не обратила на это особеннаго вниманія. На слѣдующій день молодая женщина случайно остановилась у перекрестка дороги въ поле и увидала противъ себя, на другой сторонѣ, чью-то высокую мужскую фигуру со скрещенными на груди руками. Она испугалась и указала незнакомца англичанкѣ и аббату, которые тотчасъ же узнали въ немъ Сандрино Фрасколини. Всѣ стали шопотомъ совѣщаться, что дѣлать; вернуться назадъ было уже нельзя, приходилось по неволѣ пройти мимо Фрасколини совершенно близко отъ него. У Лаллы сильно билось сердце въ груди отъ страха и она украдкой посматривала, не поклонится ли ей Алессандро, чтобы во время отвѣтить ему дружескимъ поклономъ и этимъ, можетъ быть, смягчить его злобу, но молодой человѣкъ не шевельнулся, когда она проходила мимо него.

Донъ-Винченцо затаилъ дыханіе; его всего трясло, какъ

Digitized by Google

въ лихорадкѣ, и онъ съ трудомъ передвигалъ ноги. Бѣдный священникъ старался весь съежиться и пригнуться къ землѣ, что было очень комично при его тучности; онъ надѣялся прошмыгнуть незамѣтно и скрыться за высокой, какъ палка, фигурой miss Dill, гордо шагавшей впередъ. Они прошли мимо Фрасколини довольно медленно, съ большей осторожностью и видимымъ страхомъ; потомъ постепенно ускоряли шаги и невдалекѣ отъ Виллино уже пустились бѣжать во всю прыть и такъ бѣжали до самаго дома, не разговаривая, не оборачиваясь, съ высоко подобранными платьями... Всѣ трое мысленно молили Бога спасти ихъ отъ опасности на трехъ различныхъ языкахъ: по итальянски, по англійски и по латыни. Вернувшись домой, miss Dill вздохнула съ облегченіемъ; чтобы окончательно успокоиться, она тотчасъ же выпила стаканъ *лимонной воды* и приказала лакею подать бутылку этой же воды донъ-Винченцо. Лалла ничего не пила и ничего не принимала; она сама смѣялась надъ своимъ страхомъ, когда опасность прошла, комично разсказывала Джорджіо, какъ они все трое бѣжали, и очень удачно изображала смѣшныя позы и лица своей воспитательницы и толстяка-аббата. Но тѣмъ не менѣе молодая женщина категорически объявила мужу, что ни за что на свѣтѣ не будетъ больше возвращаться пѣшкомъ изъ замка, и просила его ежедневно пріѣзжать за нею въ экипажѣ.— Безъ тебя, одна, я боюсь и не поѣду; пожалуйста, милый, не откажи мнѣ! — нѣжно шептала она. Делла-Валле съ радостью согласился исполнить ея просьбу, хотя самъ нисколько не боялся Фрасколини и не считалъ его опаснымъ для Лаллы. Вскорѣ, вслѣдъ за дочерью, въ Санто-Фьоре пріѣхали герцогъ и герцогиня д'Эледа и привезли съ собою Джулію. Анатолій уговорилъ молодую графиню жить съ ними въ замкѣ, а не въ Виллино съ Лаллой, какъ предполагалось раньше. — Молодой дѣвушкѣ гораздо веселѣе и приличнѣе жить съ нами, а не торчать вѣчно между мужемъ и женой!—увѣрялъ онъ опекуна Джуліи, графа Луиджи.—Старый холостякъ не сталъ съ нимъ спорить понапрасну; онъ былъ радъ-радешенекъ отдѣлаться отъ своей племянницы и ему было совершенно безразлично, куда она поѣдетъ и съ кѣмъ будетъ жить. Самъ онъ на радостяхъ укатилъ въ Варезе и обѣщалъ заѣхать въ Санто-Фьоре за графиней въ октябрѣ, послѣ скачекъ.

Digitized by Google

Обѣ семьи жили очень дружно и проводили цѣлые дни вмѣстѣ. Молодые делла-Валле почти ежедневно ходили обѣдать къ «мамѣ», а вечеромъ всѣ провожали ихъ пѣшкомъ въ Виллино и тамъ играли въ карты, пили чай и сидѣли до поздней ночи. Доктора совѣтовали больной герцогинѣ непремѣнно гулять немножко пѣшкомъ и, вмѣсто прогулки, она съ другими ходила къ дочери въ Виллино. Вся компанія выходила изъ замка еще засвѣтло, и Лалла обыкновенно вела подъ руку свою воспитательницу miss Dill. Между молодой графиней и старой англичанкой снова завязалась необыкновенная дружба и онѣ почти не разставались другъ съ другомъ: по утрамъ вмѣстѣ ходили въ церковь къ обѣднѣ (донъ-Винченцо нарочно для нихъ начиналъ службу немного позже) и постоянно придумывали себѣ какое нибудь благочестивое занятіе. Miss Dill сообщала молодой женщинѣ всѣ мѣстныя новости и домашнія сплетни, и однажды, между прочимъ, разсказала, что видѣла Нену съ Фрасколини невдалекѣ отъ виллы, за что горничной досталось отъ графини. Анатолій всегда водилъ подъ руку Джулію и съ глубокими вздохами жаловался ей, что онъ очень несчастливъ въ своей семейной жизни.—Моя жена не женщина, а *ледяная богиня*: она не можетъ меня понять и оцѣнить!—говорилъ онъ чуть не ежедневно.—Марія и Джорджіо шли въ послѣдней парѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ остальныхъ: — слабая и больная герцогиня скоро уставала и не поспѣвала за другими. Марія сильно перемѣнилась къ зятю и стала съ нимъ гораздо ласковѣе, съ тѣхъ поръ какъ Лалла сказала ей, что замѣтила ея непріязненное отношеніе къ Джорджіо. Герцогиня боялась, какъ бы ея дочь не объяснила себѣ по своему холодныхъ отношеній между матерью и мужемъ и, прежде чѣмъ что нибудь предпринять, рѣшила посовѣтоваться съ донъ-Грегоріо. Добрый священникъ убѣдилъ ее быть ласковѣе съ графомъ; онъ говорилъ, что ей ужь нечего бояться, что она съумѣетъ достойно вынести ниспосланное ей испытаніе и можетъ, не скрывая больше своей любви, окружить Джорджіо нѣжной заботливостью и ласками.

— Твоя прежняя страсть уже переродилась въ новое святое и хорошее чувство,—говорилъ старикъ,—не скрывай его, дай ему свободно вылиться изъ твоей наболѣвшей груди... Тебѣ

Digitized by Google

нечего больше бояться, нѣтъ... радуйся!.. Ты побѣдила и будешь любить Джорджіо материнской любовью, не иначе,—я въ этомъ увѣренъ!

Марія глубоко вздохнула и понурила голову. Да, она готова была любить его материнской любовью, но сознавала, что во всемъ свѣтѣ ни одна мать не будетъ такъ любить своего ребенка, какъ она любила Джорджіо делла-Валле. Другой тайный голосъ также совѣтовалъ ей не быть такой суровой съ Джорджіо; несчастная чувствовала, что ей осталось недолго жить и хотѣла, чтобы о ней осталась хорошая память въ душѣ любимаго человѣка, чтобы онъ всегда, всегда вспоминалъ о ней до самой своей смерти. Она недаромъ всѣмъ пожертвовала ради него и имѣла право желать этого теперь. Эта мысль утѣшала ее въ самыя трудныя минуты, и она просила у Бога вознаградить ее хоть этимъ за всѣ пережитыя страданія. Въ эти незабвенныя для Маріи прогулки, любимой темой ея разговоровъ съ Джорджіо была всегда Лалла. Делла-Валле разсказывалъ «дорогой мамѣ», какъ горячо и глубоко онъ любитъ свою жену. Однажды, во время такого разговора, онъ нѣжно взялъ герцогиню за руку и шопотомъ признался ей (только ей одной), что «онъ все еще надѣется... что его золотыя мечты еще не разлетѣлись... однимъ словомъ... что ему страстно хотѣлось бы имѣть ребенка отъ Лаллы и что только тогда онъ будетъ вполнѣ, безусловно счастливъ»! Марія поблѣднѣла, какъ смерть, но ея глаза какъ-то особенно нѣжно и радостно засіяли отъ этого дружескаго признанія:—довѣрчивая искренность Джорджіо тронула несчастную и она мысленно поблагодарила его за это ласковое отношеніе къ ней, хотя ея измученное сердце невольно обливалось кровью отъ его словъ. Съ этого дня дружба герцогини съ зятемъ все крѣпла и крѣпла, къ ихъ обоюдной радости. Делла-Валле снова нашелъ въ Маріи прежнюю сестру и друга, и горевалъ, что они столько лѣтъ прожили, какъ чужіе. Теперь онъ относился къ больной съ трогательной лаской и заботливостью, и глубоко уважалъ ее. «Какъ я могъ подозрѣвать эту святую женщину въ преступной связи съ ди-Варѐ»!—мысленно упрекалъ онъ себя. Марія не смѣла желать большаго; она со слезами благодарила Господа за оказанную ей милость и ради Джорджіо просила его послать Лаллѣ ребенка. Герцогъ Ана-

Digitized by Google

толій и вся родня молодыхъ супруговъ съ обѣихъ сторонъ также очень хотѣла, чтобы у графини Лаллы родился сынъ, но эти всеобщія надежды уменьшались съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ.

Въ душѣ Лалла также желала имѣть ребенка (непремѣнно сына, конечно!) и горевала, что у нея нѣтъ дѣтей, но тщательно скрывала это ото всей семьи. Она хотѣла казаться безконечно счастливой и возбудить всеобщую зависть своимъ счастьемъ, поэтому всюду и вездѣ твердила во всеуслышанье, что она терпѣть не можетъ дѣтей и очень, очень рада, что у нея нѣтъ ихъ до сихъ поръ. Графъ Луиджи подсмѣивался надъ этимъ; Джулія также иронически улыбалась, а герцогъ Анатолій... бѣдный герцогъ! Онъ, кажется, больше всѣхъ горевалъ о безплодіи Лаллы... — Я такъ старался выхлопотать позволеніе, чтобы ихъ первенецъ носилъ обѣ фамиліи, соединенныя вмѣстѣ,—жаловался онъ Джуліи:—«Просперъ, Джорджіо, Марія, Анатолій графъ делла-Валле, герцогъ д'Эледа». Не правда ли, какъ красиво звучитъ? И вотъ все напрасно... Да, надо сперва поймать зайца, чтобы потомъ сдѣлать изъ него фрикассэ... т. е. надо было подождать, когда родится молодой графъ делла-Валле, и потомъ уже хлопотать, чтобы его сдѣлали герцогомъ д'Эледа, а то я поторопился некстати!..

Джорджіо никогда не говорилъ съ Лаллой объ этомъ; онъ сознавалъ, что ей тяжело вести такого рода разговоры, выслушивать намеки и сожалѣнія, и слишкомъ любилъ ее, чтобы причинять ей хоть минутное неудовольствіе. Вообще графъ весь находился во власти молодой женщины и дѣлалъ только то, что̀ ей хотѣлось и что̀ было пріятно, чтобы какъ нибудь,—не дай Богъ,—не разсердить ея. Лалла раздражалась отъ малѣйшаго противорѣчія и не скоро успокоивалась и прощала. Она никогда не кричала на мужа и не дѣлала ему сценъ, но тотчасъ же переставала разговаривать съ нимъ, а на всѣ его вопросы и предложенія отвѣчала всегда однимъ и тѣмъ же беззвучнымъ и холоднымъ: «какъ желаешь», и не позволяла себя ласкать.

Джорджіо часто приходилось подолгу бороться съ этими *припадками бѣлой злобы*,—какъ называлъ ихъ графъ Луиджи. Однажды такого рода «припадокъ» такъ долго длился, что

Digitized by Google

онъ просто не зналъ, что̀ и дѣлать. Это было въ первые дни ихъ переѣзда въ Санто-Фьоре. Лалла скоро убѣдилась, что Джорджіо не имѣетъ никакого основанія ее подозрѣвать и, какъ прежде, вѣритъ въ ея невинную голубиную чистоту; но она рѣшила отомстить ему за пережитый страхъ и разсердилась, чтобы этимъ отчасти защитить себя отъ возможной опасности. Делла-Валле тщетно просилъ прощенія и уговаривалъ молодую женщину забыть всю эту непріятную исторію и снова быть съ нимъ такою же, какъ прежде.—Она не сдавалась ни на какіе доводы: ни ласки, ни просьбы, ни угрозы—ничто на нее не дѣйствовало; она оставалась холодна, какъ ледъ, и не подпускала мужа къ себѣ. Въ концѣ концовъ, графинѣ самой надоѣла такая жизнь и она рѣшила помириться, но съумѣла такъ повернуть все дѣло, что Джорджіо надолго запомнилъ этотъ урокъ.

— Хорошо, я все забуду и прощу тебя, но съ однимъ условіемъ... — сказала она мужу, въ отвѣтъ на его страстныя мольбы и просьбы.

— Все, что̀ хочешь, дорогая... я на все согласенъ!

— Ты долженъ совершенно откровенно отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ: *да* или *нѣтъ*.

— Хорошо... отвѣчу!

— Вѣдь это графъ Луиджи поднялъ тогда всю эту исторію и взялъ на себя трудъ открыть тебѣ глаза, да?—Лалла шутливо улыбнулась.

— Прости, но прежде, чѣмъ тебѣ отвѣтить, я...

— *Да* или *нѣтъ*?

— Но...

— *Да* или *нѣтъ*?

Джорджіо не хотѣлъ признаться женѣ, но взглядомъ далъ понять ей, что она угадала.

— Я такъ и знала, такъ и знала!.. А вотъ ты не знаешь, *за что̀* твой милый дядя возненавидѣлъ меня...

— Нѣтъ, Лалла, нѣтъ; онъ тебя не ненавидитъ, а, наоборотъ, даже очень любитъ.

— Слишкомъ любитъ, слишкомъ! — воскликнула молодая женщина и вся вспыхнула отъ гнѣва и стыда. — Знаешь, Джорджіо, мнѣ пришлось кулаками защищаться отъ его ухаживаній. Онъ бросился на меня, точно звѣрь, и сталъ меня цѣ-

Digitized by Google

ловать. Я выгнала его изъ комнаты—и вотъ онъ мнѣ отомстилъ за это!..

— Графъ Луиджи?.. Дядя?.. — съ воплемъ вырвалось у Джорджіо и онъ, какъ безумный, вскочилъ съ мѣста.

— Да, графъ Луиджи, твой дядя... а я молчала и все скрыла только потому, что онъ твой дядя. Но какъ мнѣ было тяжело, какъ я плакала, еслибы ты зналъ! Плакала втихомолку отъ злобы, горя и стыда... Боже, Боже, что̀ я пережила въ эти дни! Терпѣла, чтобы все скрыть отъ тебя и избавить отъ горя и страданія, но теперь... теперь я не въ силахъ была дольше молчать и поняла, что должна тебѣ все разсказать. Я надѣялась, что тогда достаточно-строго проучила этого гадкаго старикашку, но, повидимому, ошиблась... Онъ воспользовался моей слабостью и добротой, и отплатилъ мнѣ зломъ за добро, захотѣлъ разстроить наше счастье. Какая гадость, какая низость, Боже! — Лалла вся дрожала отъ негодованія, ея голосъ оборвался на послѣднемъ словѣ и она громко зарыдала.

Джорджіо поблѣднѣлъ, какъ смерть, но не сказалъ ни слова. Еслибы Луиджи да-Кастильоне попался ему подъ руку въ это мгновеніе, онъ, конечно, далъ бы ему пощечину... или отколотилъ бы его. Но онъ былъ не въ силахъ долго совладать съ охватившимъ его волненіемъ, упалъ въ кресло и горько заплакалъ, закрывъ лицо руками. «Подумать только, что это братъ моей покойной матери и что онъ хотѣлъ обезчестить мою жену»!—съ отчаяніемъ твердилъ себѣ делла-Валле.

Лалла перестала плакать, бросилась къ мужу на шею и покрыла его лицо и руки горячими поцѣлуями.

— Нино мой, Нино, перестань,—ласково шептала она,—твоя Лалла такъ любитъ тебя!

Джорджіо глубоко вздохнулъ и недовѣрчиво покачалъ головой; тогда молодая женщина вскочила къ нему на колѣни, обвила его шею своими прелестными душистыми руками, нѣжно, нѣжно прижалась къ нему и стала безъ конца цѣловать его и называть ласкательными именами.

— Нино, дорогой мой, ты былъ несправедливъ къ твоей маленькой Лаллѣ и понапрасну обидѣлъ ее гадкими подозрѣніями: сдѣлалъ ей ужасную сцену, кричалъ на нее, сомнѣвался въ ея любви, заставилъ наскоро уѣхать изъ Боргиньяно,

Digitized by Google

сердился... И изъ-за чего все это? Изъ-за гнусной сплетни какого-то гадкаго старика! Нѣтъ, милый, это очень нехорошо. Теперь ты всегда будешь вѣрить своей маленькой Лаллѣ, не правда ли? Она такъ тебя любитъ, такъ любитъ!..

— Да...

— Будешь вѣрить мнѣ всегда?.. Только мнѣ одной и никому больше, да?

— Да, да,—отвѣтилъ влюбленный и совершенно утѣшенный Джорджіо, и Лалла осыпала его цѣлымъ дождемъ поцѣлуевъ въ награду за это обѣщаніе.

На этотъ разъ молодая женщина была вполнѣ искренна въ своемъ приливѣ ласки и нѣжности. «Бѣдный Джорджіо, онъ такой добрый»!—думала она и отъ души радовалась, что съумѣла вò-время остановиться въ своей интригѣ съ ди-Варе и не могла *ни въ чемъ себя* упрекнуть. Теперь ей казалось, что она разлюбила маркиза и не хотѣла больше его видѣть. «Нѣтъ, довольно всѣхъ этихъ хитростей и обмановъ! — говорила себѣ графиня:—я столько страха пережила изъ-за него за это время, что не желаю больше подвергаться опасностямъ. Мнѣ до сихъ поръ все еще слышатся торопливые шаги Джорджіо по заламъ, когда онъ подходилъ къ моему будуару въ ту злосчастную пятницу. Боже, Боже, какъ я боялась его тогда»!

Такъ прошло нѣсколько дней; Лалла совершенно успокоилась относительно подозрѣній своего мужа и по неволѣ стала все чаще и чаще вспоминать о ди-Варѐ. «Что онъ думаетъ тамъ про меня теперь, послѣ моего неожиданнаго отъѣзда, и чѣмъ объясняетъ мое продолжительное молчаніе»?—говорила она себѣ. Лалла хотѣла написать маркизу тотчасъ же по пріѣздѣ въ Санто-Фьоре, чтобы утѣшить и успокоить его, но раздумала. «Съ кѣмъ мнѣ послать письмо?—думала она,—кому довѣриться?.. Ненѣ?.. А если Джорджіо перехватитъ у нея письмо и все узнаетъ? Тогда всему конецъ... Онъ не повѣритъ ни клятвамъ, ни слезамъ, и будетъ имѣть право обвинять меня даже въ томъ, чего не было... (хоть я, конечно, ни въ чемъ не могу себя упрекнуть!). Нѣтъ, теперь надо быть очень осторожной, и рискованно пересылать Джакомо даже книги. Джорджіо не дуракъ; онъ, конечно, пойметъ, въ чемъ дѣло, и разгадаетъ тайну нашей переписки... Лучше оставить все, какъ

Digitized by Google

есть; пусть будетъ, что̀ будетъ»!—Рѣшивъ это, графиня оставила маркиза въ полной неизвѣстности.

Первое время Лалла все думала, что ди-Варѐ поѣдетъ за нею слѣдомъ; она тайно поджидала его и даже слегка разсердилась, когда убѣдилась, что онъ не пріѣдетъ.

«Что же это? Значитъ, онъ совсѣмъ не такъ влюбленъ, какъ увѣрялъ меня?—говорила себѣ молодая женщина:—онъ знаетъ, что теряетъ меня, теряетъ навѣки, и принимаетъ это совершенно спокойно, всему подчиняется безпрекословно?.. А если такъ, тѣмъ хуже для него! Я также съумѣю доказать, что ничуть не дорожу имъ»...—И, чтобы привести въ исполненіе задуманное, графиня удивительно любезно приняла пріѣхавшую изъ Боргиньяно генеральшу Каландра́ и синьору Бертю. Лалла была очень въ духѣ и все время разсказывала, что она страшно веселится: разъѣзжаетъ по сосѣдямъ, ѣздитъ на охоту и катается верхомъ въ большой компаніи. Все это было сказано, конечно, для Джакомо. «Если онъ такъ скоро утѣшился, такъ пускай знаетъ, что и я не умираю отъ горя, а, наоборотъ, даже очень веселюсь»!—Лалла, сама того не замѣчая, постоянно думала о красивомъ маркизѣ и онъ снова незамѣтно прокрался въ ея сердце, только другой дорогой, чѣмъ прежде. Много окольныхъ путей вели въ сердце молодой женщины и они были широко раскрыты желающимъ; только по главной—прямой—дорогѣ входъ былъ запрещенъ безусловно всѣмъ.

Графиня досадовала на свой разрывъ съ ди-Варе́; ей было непріятно, что она убоялась преслѣдованій графа Луиджи, Бертю, Каландра́, Джанни Ребальди и другихъ сплетниковъ Боргиньяно, и что всѣ они теперь добились своего и радуются, что маркизъ пересталъ за нею ухаживать. Лалла скучала въ деревнѣ и по неволѣ думала о прошломъ, мысленно перебирая все случившееся, и сердилась на всѣхъ и на вся. Она съ горечью говорила про «гадкія сплетни» и про «злые языки», увѣряла, что на свѣтѣ нѣтъ хорошихъ людей и что всѣ стараются сдѣлать другъ другу что нибудь дурное, а когда генеральша и синьора Бертю вторично пріѣхали съ визитомъ въ Санто-Фьоре, графиня приняла ихъ такъ холодно и сухо, что онѣ уже не возобновляли больше своихъ посѣщеній. Еще болѣе холодный пріемъ былъ оказанъ въ домѣ делла-Валле графу Луиджи да-Кастильоне; онъ исполнилъ свое обѣщаніе и пріі-

Digitized by Google

ѣхалъ въ Санто-Фьоре за Джуліей, когда въ Варезе кончился сезонъ скачекъ.

«Теперь онъ уже не будетъ такъ друженъ съ Джорджіо, какъ прежде! — думала Лалла и торжествовала въ душѣ. Но она тщательно скрывала свою радость отъ мужа, увѣряя, что ей очень жаль служить невольной причиной ихъ разрыва, и умоляла Джорджіо не подымать этой исторіи и не начинать съ дядей никакихъ объясненій...

— Пусть между вами все останется по старому,—говорила она, — повѣрь, я съумѣла тогда же высказать графу все, что слѣдовало. Къ чему понапрасну ссориться съ нимъ теперь! Мы во-время узнали, что это за человѣкъ, и будемъ держаться отъ него подальше—вотъ и все!

Делла-Валле согласился съ женой и обѣщалъ исполнить ея просьбу, но не поѣхалъ встрѣтить дядю на вокзалъ и оказалъ ему весьма холодный пріемъ у себя въ домѣ.

— Ага! Невинная голубка уже успѣла признаться мужу,— пробормоталъ старикъ-графъ, догадавшись обо всемъ:—она призналась въ *моемъ* грѣхѣ и утаила *свой собственный*,—хорошо! Ловко меня обошла, что и говорить, ловко! Шустрая бабенка, изъ ретивыхъ! Лакомый кусочекъ, пикантна и очень апетитна... Чуть-чуть худощава; ей бы не мѣшало немножко пополнѣть— была бы совершенствомъ! А я былъ увѣренъ, что она ничего не разскажетъ. Да чортъ возьми! Я хотѣлъ перепрыгнуть ровъ, но вѣдь она сама меня принуждала къ этому и по всѣмъ правиламъ должна была молчать. Во всякомъ случаѣ... она очень мила и поэтому заслуживаетъ снисхожденія; она молчала, пока могла, и все вывела на чистую воду только въ силу необходимости. Я сглупилъ тогда, что впутался въ эту исторію и сталъ проповѣдывать о нравственности. Не слѣдовало вмѣшиваться... Она, конечно, оцѣнила бы мое молчаніе и кто знаетъ... можетъ быть, со временемъ вознаградила бы меня за мои труды. Съ терпѣніемъ можно всего добиться... Бѣдняга Джорджіо! для него было бы гораздо лучше жениться на Джуліи—и для него, и для меня. Это развязало бы мнѣ руки и избавило бы отъ роли благороднаго отца.

Въ замкѣ, конечно, тотчасъ же замѣтили холодность отношеній Джорджіо къ дядѣ; герцогъ Анатолій страшно сожалѣлъ объ этомъ разладѣ и у всѣхъ допрашивалъ: что, собственно,

Digitized by Google

случилось? Онъ считалъ своимъ долгомъ вмѣшаться въ это дѣло, помирить враждующихъ и страшно сердился на Марію за то, что она не сочувствуетъ ему въ этомъ; герцогиня, угадавъ со своимъ природнымъ тактомъ, что такая перемѣна произошла не спроста, рѣшила не говорить съ Джорджіо объ этомъ деликатномъ вопросѣ и въ душѣ вполнѣ оправдывала его поступки. Зато герцогъ возмущался затемъ, ворчалъ на него и во всеуслышанье объявилъ, что онъ не намѣренъ слѣдовать примѣру «господина графа» и останется, по прежнему, въ дружескихъ отношеніяхъ съ да-Кастильоне. Тогда же было рѣшено, что графъ Луиджи привезетъ въ декабрѣ Джулію въ Боргиньяно къ д'Эледа. «Наши уѣзжаютъ на зиму въ Римъ, и бѣдняжка Марія нуждается въ развлеченіяхъ; она будетъ скучать безъ дочери»,—увѣрялъ герцогъ Анатолій.

Здоро́вье герцогини съ каждымъ днемъ ухудшалось и ее, дѣйствительно, нельзя было оставлять одну. Жизнь въ Санто-Фьоре и вечернія прогулки не принесли ей никакой пользы, а, наоборотъ, даже обострили болѣзнь; она была принуждена отказаться отъ мысли провести зиму въ Римѣ со своими дѣтьми, какъ это предполагалось раньше, и по совѣту доктора рѣшила остаться въ Боргиньяно, чтобы тамъ усиленно лѣчиться. Анатолій намѣревался прожить въ Боргиньяно до весны и только въ мартѣ или апрѣлѣ поѣхать въ Римъ для своихъ занятій въ сенатѣ. Бѣдный герцогъ! Онъ всюду хвастался, что всѣмъ жертвуетъ ради здоровья своей жены, даже своими трудами по проэкту о разныхъ новыхъ реформахъ, которые подняли цѣлую бурю толковъ и составили новый кружокъ почитателей и послѣдователей *администраціи д'Эледа*. Наканунѣ отъѣзда Лаллы и Джорджіо въ Римъ, былъ чудный, октябрьскій день. Деревня часто кокетничаетъ, какъ хорошенькая женщина, и прельщаетъ насъ своими красотами какъ разъ въ ту минуту, когда мы собираемся ее покинуть. Солнце ярко свѣтитъ и играетъ послѣдними весенними цвѣтами, а вся природа точно обновляется, чтобы оставить въ нашей душѣ хорошее воспоминаніе и сожалѣніе о разлукѣ съ ней. Джулія и графъ Луиджи давно уже уѣхали и, послѣ ихъ отъѣзда, у Анатолія вдругъ оказалась такая бездна письменныхъ занятій и разныхъ счетовъ (такъ онъ увѣрялъ, по крайней мѣрѣ!) что онъ не имѣлъ буквально ни одной свободной минуты и былъ

Digitized by Google

принужденъ отказаться отъ удовольствія гулять по вечерамъ со своими. Такимъ образомъ, теперь гуляли только двѣ пары: Лалла съ miss Dill впереди и Джорджіо съ Маріей сзади, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ. Въ эту послѣднюю прогулку Джорджіо все время ласково подшучивалъ надъ враждебнымъ отношеніемъ къ нему Маріи въ послѣдніе годы передъ свадьбой Лаллы. Герцогиня сначала смѣялась и очень остроумно отшучивалась, но потомъ разомъ стала совершенно серьезной и замѣтила, что обвиненія графа не имѣютъ никакого основанія.—Еслибы я относилась къ вамъ враждебно и не уважала бы васъ, я, конечно, никогда не отдала бы вамъ руки моей дочери,—сказала она.

— О, я и не спорю насчетъ уваженія,—прервалъ ее делла-Валле.—Вы почему-то разомъ отняли у меня вашу привязанность и стали относиться, какъ къ чужому... За что, скажите мнѣ Марія, что я вамъ сдѣлалъ тогда,—вотъ въ чемъ вопросъ?

Герцогиня снова стала увѣрять, что это неправда, что ему только показалось...—Я все время болѣла, оттого и была часто не въ духѣ,—сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ,—настаивалъ Джорджіо,—вы что-то отъ меня скрываете; я слишкомъ хорошо васъ знаю, чтобъ ошибиться. По моему вы только теперь мнѣ *почти* простили, въ награду за мою глубокую и горячую любовь къ вашей дочери.

— Да, я вамъ очень благодарна за вашу привязанность къ Лаллѣ... къ моей дочери. Поклянитесь мнѣ, что вы всегда, всегда будете любить ее также, какъ и теперь!

Джорджіо ласково пожалъ руку несчастной женщинѣ и своимъ долгимъ выразительнымъ взглядомъ отвѣтилъ ей лучше всякихъ словъ и клятвъ.

— Вѣдь вы вѣрите въ будущую загробную жизнь, Марія, да?—тихо прошепталъ онъ.

— О, еще бы!—отвѣтила больная и подняла къ небу свои влажные блестящіе глаза съ выраженіемъ глубокой непоколебимой вѣры.

— Ну, такъ...—Джорджіо на мгновеніе замялся,—даже *тамъ*, въ той жизни, я буду ее любить также, какъ теперь! Вѣдь только ею полно все мое сердце, вся моя душа навѣки, навсегда.

*

Digitized by Google

— Благодарю... благодарю... — прошептала несчастная и оборвалась: страшный припадокъ зловѣщаго кашля не далъ ей докончить.

Джорджіо весь содрогнулся отъ ужаса и остановился.

— Вамъ нехорошо?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего... уже прошло! Мнѣ даже гораздо лучше теперь; ваши слова... увѣренность въ томъ, что вы любите мою Лаллу... Я такъ рада, такъ счастлива, что, можетъ быть, выздоровѣю отъ этого счастья!

— Взамѣнъ моего обѣщанія, я также попрошу у васъ одну вещь, Марія. Исполните ли вы мою просьбу?

— Какую, какую?—чуть слышно прошептала больная, слабымъ и жалобнымъ, точно стонъ, голосомъ.

— Будьте со мной такою же доброй, какъ теперь, когда мы вернемся изъ Рима.

— Хорошо; любите мою дочь и сдѣлайте ее счастливой, тогда я буду добра и ласкова съ вами.

— Сердечно благодарю васъ, дорогая моя *мама*. О, еслибы вы знали, какъ я васъ люблю!—Съ этими словами Джорджіо нѣжно обнялъ герцогиню—на улицѣ не было постороннихъ—и поцѣловалъ ее въ волосы и лобъ. Марія громко вскрикнула и на ея крикъ обернулись Лалла и miss Dill; молодая женщина тотчасъ же догадалась, въ чемъ дѣло, бѣгомъ бросилась къ матери и въ свою очередь нѣжно обняла ее, а мужу шутливо погрозила пальчикомъ, какъ бы ревнуя его къ Маріи.

— Да, да я люблю ее больше, нежели тебя, гораздо больше,—воскликнулъ Джорджіо и со страстью прижалъ Лаллу къ своему сердцу, чтобы доказать ей и Маріи, что онъ пошутилъ.

Эта семейная сцена растрогала чувствительную miss Dill; она сняла *pince-nez* и мизинцемъ стерла съ своего длиннаго желтаго носа двѣ худосочныя слезинки: по одной изъ каждаго глаза.

XXVI.

Въ эту зиму графиня делла-Валле имѣла очень мало успѣха въ кругу римской молодежи и за нею почти никто не ухаживалъ. Во-первыхъ, потому, что она уже не была новинкой се-

Digitized by Google

зона, а, во-вторыхъ, про нее ходили слухи, что она любитъ всѣхъ водить за носъ: кокетничаетъ, кокетничаетъ, а какъ дѣло дойдетъ до рѣшительнаго объясненія, такъ сейчасъ на попятный и въ примѣръ такого рода поступковъ всегда приводили маркиза ди-Варе.

— Она влюблена въ своего мужа!—говорили про Лаллу. Эту *злую клевету* пустили дамы изъ зависти, а мужчины повѣрили ей и тотчасъ же отстранились отъ бѣдной графини, не находя уже въ ней прежней привлекательности. Кавалеры не любятъ ухаживать попусту; это можетъ интересовать только юнцовъ. Въ театрѣ почти никто не заходилъ къ Лаллѣ въ ложу; золотая молодежь перестала бывать у нея на пріемахъ, и она всегда скучала въ обществѣ какихъ нибудь серьезныхъ политическихъ дѣятелей, товарищей ея ученаго мужа. На балахъ элегантные и молодые кавалеры почти не разговаривали съ хорошенькой женщиной и не приглашали ее танцовать. Всѣ они были заняты около другихъ дамъ и находили излишнимъ «тратить даромъ» время и силы, чтобы воскурить фиміамъ этому безчувственному и непреклонному божеству. «Графиня влюблена въ своего мужа, значитъ ей можно пожертвовать только какой нибудь одинъ туръ вальса или польки,—вотъ и все»! Лалла тщетно старалась быть какъ можно любезнѣе и кокетливѣе, тщетно пускала въ ходъ всѣ свои ресурсы:—ей не удавалось добиться прежняго успѣха! «Она влюблена въ своего мужа; что жь даромъ тратить на нее время»? — говорили всѣ поголовно и игнорировали хорошенькую женщину.

Лалла очень страдала отъ такого отношенія къ ней; она возвращалась домой изъ гостей всегда усталая и недовольная, и чуть не плакала отъ досады, вспоминая свои прежнія побѣды. По ночамъ ей постоянно снился красивый маркизъ ди-Варе; снилось, что она плавно носится въ его объятіяхъ подъ звуки какого-то чуднаго опьяняющаго вальса, что вся свѣтская молодежь любуется на нее и восторгается ея граціей и красотой, какъ прежде! Да, прежде она была вполнѣ счастлива. Тогда никто не говорилъ, что она влюблена въ своего мужа! И кто выдумалъ эту безсмысленную глупость? Въ душѣ графиня все еще надѣялась, что красавецъ-маркизъ не забылъ ея и вѣрно пріѣдетъ въ Римъ вслѣдъ за нею, но вскорѣ эти

Digitized by Google

послѣднія надежды рухнули: ди-Варѐ уѣхалъ въ Ниццу на всю зиму, чтобы играть въ рулетку въ Монте-Карло; ходили слухи, что у него передъ отъѣздомъ была очень серьезная дуэль изъ-за одной миланской красавицы-аристократки и что онъ смертельно ранилъ своего противника. Лаллѣ разсказали все это въ гостяхъ, въ присутствіи Джорджіо; она промолчала, но когда осталась одна съ мужемъ въ каретѣ, то не могла сдержаться и со злобной ироніей горько воскликнула:

— Теперь ты можешь успокоиться и не бояться, что ди-Варѐ будетъ за мной ухаживать!

Графиня ревновала маркиза къ этой миланской аристократкѣ.

«Какой онъ коварный и какъ скоро меня забылъ!—говорила она себѣ,—а, можетъ быть, онъ нарочно ухаживалъ тамъ, чтобы разсердить меня»?

Лалла сердилась, волновалась и вымещала свое неудовольствіе на мужѣ. Онъ все терпѣлъ, даже съ каждымъ днемъ все больше и больше влюблялся въ свою «дѣвочку» и подпадалъ подъ ея вліяніе и дома, и внѣ дома, даже въ палатѣ, гдѣ его политическіе взгляды замѣтно измѣнились. Зато герцогъ Анатолій видимо передвигался *справа налѣво* и мало-по-малу становился либераломъ. Молодая графиня грустила, извѣрилась въ людей и счастье, и не ждала впереди ничего хорошаго. Делла-Валле провели лѣто въ Нерви съ д'Эледа — доктора прописали Маріи морской воздухъ,—но Лалла и тамъ все время скучала и была не въ духѣ. На осень обѣ семьи переѣхали въ Боргиньяно, и настроеніе молодой женщины еще ухудшилось тамъ. Весь городокъ былъ взволнованъ необычайнымъ событіемъ: дирекція опернаго театра письменно пригласила примадонну *Soleil* на нѣсколько гастролей во время карнавала. *Дива* согласилась и уже подписала условія контракта. Въ Боргиньяно всѣ только и говорили объ этомъ и, точно сговорившись, сочли своимъ долгомъ объявить это радостное извѣстіе графинѣ делла-Валле. Братья Ластафарда, Ребальди, Тосколано и многіе другіе постоянно разсуждали передъ Лаллой объ интимныхъ отношеніяхъ *дивы* съ маркизомъ ди-Варѐ, и говорили, что они были въ ссорѣ, но теперь снова сошлись и помирились. Нерѣдко въ разговоръ вмѣшивалась

Digitized by Google

генеральша Каландра и ядовито разсказывала графинѣ, что ди-Варѐ часто говорилъ съ нею про *Soleil* и увѣрялъ, что это единственная женщина, которая съумѣла его заинтересовать своимъ оригинальнымъ и острымъ умомъ и очаровательной наружностью, и что онъ, конечно, никогда ея не забудетъ. Даже синьора Бертю (эта безсмысленная, противная мумія!) разглагольствовала по этому поводу и говорила, что видѣла *Soleil* въ Туринѣ въ артистическомъ кружкѣ и что у нея очень приличный видъ,—*tout a fait comme il faut*; обѣ дамы мстили этимъ Лаллѣ за ея холодный и невѣжливый пріемъ въ Санто-Фьоре.

Молодая женщина уѣхала изъ Боргиньяно съ тяжелымъ сердцемъ, раздосадованная и разочарованная во всемъ. Она находила, что ди-Варѐ очень скверно поступилъ съ нею, измѣнилъ ей, и тайно ревновала его къ пѣвицѣ; въ общемъ Лалла была очень несчастна и, говорила себѣ, что ни за что на свѣтѣ не будетъ больше встрѣчаться съ этимъ противнымъ маркизомъ чѣмъ и отомститъ ему за все зло. Но на дѣлѣ оказалось совершенно иначе, и молодая женщина очень скоро увидѣлась снова со своимъ прежнимъ возлюбленнымъ; она нашла его слегка поблѣднѣвшимъ и похудѣвшимъ, но очень интереснымъ, съ томными глазами и байроновскимъ выраженіемъ лица. На этотъ разъ, у графини сильно забилось сердце, при видѣ ди-Варе, и она впервые захотѣла всецѣло отдаться ему, чтобы отбить его у дивы Soleil и у миланской красавицы; ей хотѣлось досадить генеральшѣ Каландра, синьорѣ Бертю и всѣмъ противнымъ сплетникамъ и сплетницамъ Боргиньяно, которые дразнили ее своими злыми намеками; ей хотѣлось отдаться ему изъ тщеславія хорошенькой женщины, чтобы наказать всѣхъ этихъ дураковъ въ Римѣ, за то, что они такъ безразсудно пренебрегали ею! Графиня делла-Валле поѣхала осенью въ Туринъ съ отцомъ и мужемъ на празднество открытія національной художественной выставки. Джорджіо былъ посланъ туда отъ Палаты, а Анатолій являлся представителемъ сената. Герцогъ увѣрялъ, что ему «ужасно не хочется ѣхать на эту противную выставку и оставлять одной бѣдную больную жену... Но что дѣлать? *Noblesse oblige*,—служба прежде всего»! На самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень радъ этой поѣздкѣ и вообще старался бѣжать изъ дома, когда у нихъ не

Digitized by Google

гостила графиня Джулія; бѣдная герцогиня не представляла уже для него никакого интереса.

Лалла и ея спутники пріѣхали въ Туринъ подъ вечеръ и остановились въ *Hôtel d'Europe*; умылись, переодѣлись и тотчасъ же сошли въ столовую обѣдать. Столовая была ярко освѣщена тремя хрустальными люстрами; всюду блестѣли позолота и серебро. Обѣдъ уже кончился и столы стояли пустыми; только въ глубинѣ сидѣла еще цѣлая компанія блестящихъ статскихъ и офицеровъ, и занималась игрой въ дыню. Эта игра заключается въ слѣдующемъ: играющіе садятся въ кружокъ и посрединѣ стола въ вазѣ на громадной вилкѣ прикрѣпляется дыня; каждый долженъ поочереди однимъ ударомъ ножа отрѣзать себѣ ломтикъ этой дыни, а кто отрѣзаетъ послѣдній ломтикъ, тотъ проигралъ и угощаетъ всѣхъ играющихъ шампанскимъ. Когда делла-Валле и герцогъ Анатолій вошли въ столовую, игра была уже окончена и побѣдители съ радостными криками привѣтствовали бутылки шампанскаго отъ побѣжденнаго—красиваго кавалерійскаго офицера. Но, при видѣ вошедшей хорошенькой женщины, молодежь вся разомъ умолкла и стала съ любопытствомъ ее разглядывать.

— Очень хорошенькая!—Какая элегантная!.. кто это такая?—посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ?

Лалла не вертѣлась, не смѣялась и вообще держалась очень сдержанно; она даже ни разу не взглянула на молодыхъ людей, но видѣла въ зеркало ихъ лица и поняла, что произвела впечатлѣніе. И вдругъ ее точно что-то кольнуло въ сердце: тамъ за столомъ, среди веселой молодежи, сидѣлъ *онъ*... ди-Варѐ... Джакомо!.. Графиня не покраснѣла и не смутилась; она въ совершенствѣ владѣла собой. Джорджіо первый узналъ маркиза и указалъ его женѣ и тестю, а самъ привѣтливо раскланялся съ нимъ; добрякъ сожалѣлъ теперь, что былъ тогда такъ несправедливо холоденъ и почти невѣжливъ съ ди-Варѐ и хотѣлъ загладить свою вину. Джакомо тотчасъ же всталъ и подошелъ къ столу графини, гдѣ поздоровался со всѣми за руку, совершенно просто и естественно, какъ ни въ чемъ не бывало; онъ сказалъ, что очень обрадовался этой неожиданной встрѣчѣ, а потомъ заговорилъ о Морелли, о Микетти и о новой драмѣ *Satanella*, имѣвшей колоссальный успѣхъ въ театрѣ Жербино.

Digitized by Google

— Не поѣдемъ ли туда завтра?—сказала Лалла мужу.

— Съ удовольствіемъ.

— Боюсь, что вы уже не достанете мѣстъ, графиня,—замѣтилъ маркизъ:—я сегодня былъ въ кассѣ, хотѣлъ взять себѣ кресла, да не досталъ,—все полно.

— Если вамъ угодно имѣть кресла въ Жербино, я могу справиться въ *bureau* отеля,—почтительно обратился къ разговаривающимъ старшій изъ лакеевъ:—одно семейство заказало себѣ мѣста на завтра и внезапно уѣхало сегодня утромъ, такъ что билеты остались.

— Сходите сейчасъ узнать, сколько тамъ креселъ?—приказалъ Джорджіо.

Лакей побѣжалъ и черезъ мгновеніе вернулся съ билетами; ихъ было пять отъ номера 18 до 22.

— Не угодно ли вамъ взять одно изъ этихъ креселъ, маркизъ? — сказалъ герцогъ Анатолій, обращаясь къ Джакомо. Ди-Варѐ сначала ничего не отвѣтилъ; онъ подождалъ, когда Джорджіо въ свою очередь предложилъ ему мѣсто, и тогда уже взялъ поданный билетъ и поблагодарилъ съ легкимъ поклономъ.

Графиня Лалла ни слова не сказала; она только слегка улыбнулась при видѣ этого обмѣна любезностей между мужемъ и... *тѣмъ другимъ*. Присутствіе ди-Варѐ, повидимому, нисколько не волновало молодую женщину: она держала себя съ нимъ такъ просто и развязно, какъ будто видѣла его не дальше, какъ наканунѣ, и всегда была съ нимъ въ самыхъ лучшихъ, но *только* дружескихъ отношеніяхъ. Лалла мало разговаривала, но съ большимъ апетитомъ ѣла поданную рыбу и все время грызла соленыя палочки своими хорошенькими зубками.

Джакомо обмѣнялся еще нѣсколькими словами съ герцогомъ и графомъ, потомъ раскланялся и вмѣстѣ со своими друзьями вышелъ изъ залы.

— Онъ болтунъ, но остроумный малый! — замѣтилъ герцогъ Анатолій, когда маркизъ отошелъ отъ нихъ.

Делла-Валле утвердительно закивалъ головой и ни слова не сказалъ противъ ди-Варѐ. Онъ не хотѣлъ, чтобы Лалла даже подозрѣвала, что онъ ее по прежнему ревнуетъ къ маркизу, и всюду, гдѣ могъ, нарочно старался выказать ей свое

Digitized by Google

полное довѣріе. Молодая женщина продолжала грызть соленыя палочки и, повидимому, нисколько не думала объ этой неожиданной встрѣчѣ. Она весь вечеръ была очень ласкова съ мужемъ, оживлена и весела. Ей все нравилось въ Туринѣ: и гостинница, и обѣдъ, и сервировка, и вокзалъ, и улицы,— все, все, все... Лалла успѣла замѣтить на мизинцѣ маркиза свое бирюзовое колечко (то самое, что̀ ей подарилъ когда-то Фрасколини) и очень обрадовалась этому; къ тому же ей показалось, что ди-Варѐ смутился при встрѣчѣ съ нею, — но съумѣлъ замаскировать это своей обычной развязностью.

На слѣдующій день Джакомо съ утра исчезъ куда-то и нигдѣ не показывался своимъ добрымъ знакомымъ; они не встрѣтились съ нимъ ни на выставкѣ, ни подъ портиками По, ни въ столовой гостинницы во время обѣда. Герцогъ Анатолій даже разсердился на это: онъ собирался похвастаться передъ маркизомъ тѣми любезностями, которыя оказывали ему туринскія власти. Въ этотъ вечеръ д'Эледа и Джорджіо должны были отправиться съ городскимъ мэромъ, послѣ театра, въ «*Клубъ виста*», а на слѣдующій день у нихъ назначено rendez vous съ министрами Мичели и де-Санктисъ, и они всѣ вмѣстѣ, были приглашены на завтракъ къ герцогу д'Аоста. Джорджіо съ удовольствіемъ отказался бы отъ этой чести, но онъ съ любезной улыбкой принялъ приглашеніе и нигдѣ ничего не говорилъ; зато герцогъ Анатолій конфиденціально признавался каждому знакомому, что ему ужасно не хочется ѣхать на этотъ скучнѣйшій завтракъ, и что онъ вообще очень недоволенъ; что *это такъ вышло*; но въ душѣ страшно радовался лестному для его честолюбія приглашенію и съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующаго дня.

Ди-Варѐ пріѣхалъ въ театръ уже въ концѣ перваго акта; делла-Валле дружески поклонился ему и молча пересѣлъ въ сосѣднее пустое кресло, предоставивъ маркизу свое мѣсто рядомъ съ Лаллой. Графиня была удивительно авантажна въ этотъ вечеръ; можно даже сказать: прямо хороша собой. На ней было свѣтлое шолковое платье съ бѣлыми разводами по желтому фону, все отдѣланное кружевами, съ высокимъ стоячимъ кружевнымъ воротникомъ подъ самый подбородокъ; изъ короткихъ рукавовъ выступали ея бѣлыя, поразительно-красивыя руки, когда она смотрѣла въ бинокль или томно опира-

Digitized by Google

лась своей хорошенькой головкой на ладонь. На волосахъ была приколота крошечная оригинальная шляпка изъ той же матеріи, что̀ и платье, съ кружевными бантами и широкими кружевными бридами, которыя оттѣняли ея розовое, капризно-вызывающее, личико и громадные дѣтски-наивные глаза. Молодая женщина чуть замѣтно кивнула и улыбнулась своему новому сосѣду и тотчасъ же снова вся углубилась въ драму, повидимому, сильно заинтересованная ея сюжетомъ и исполненіемъ. Драма постепенно развивалась и становилась все интереснѣе и интереснѣе. Это были смѣлыя и вѣчно новыя варіаціи на тему о любви. Героиня *Satanella* была не женщина, а *патологическій типъ*. Она очаровывала и влюбляла въ себя всѣхъ, кто съ нею знакомился: опьяняла самыхъ холодныхъ мужчинъ своей близостью и разжигала ихъ страсти, но сама всегда оставалась безучастна и холодна. Клеопатра убивала раба, которому она изъ каприза отдавалась на одну ночь, а *Satanella* сводила съ ума мужчинъ своими поцѣлуями и съ безжалостнымъ смѣхомъ бросала ихъ одного за другимъ. Драма была очень искусно написана чудными благозвучными стихами; главную роль играла высокоталантливая и удивительно красивая актриса; она съ такимъ жаромъ декламировала и придавала столько страсти, искренности и жизненной правды своимъ словамъ и игрѣ, что очарованная публика буквально безумствовала, также влюбляясь въ эту *Satanell*'у, и съ жаромъ аплодировала ей. Вѣдь публика—точно капризное дитя: она по временамъ бываетъ безразсудно жестока, требовательна, несправедлива, а по временамъ, наоборотъ, удивительно снисходительна и всѣмъ довольна, но всегда искренна. Въ концѣ перваго акта, *Satanella* встрѣчается съ другимъ такимъ же *патологическимъ типомъ*: бѣлокурымъ мужественнымъ красавцемъ съ желѣзной волей германца и страстной южной натурой итальянца. Вся послѣдующая драма представляла нравственную борьбу *Satanell*'ы съ этимъ блондиномъ и кончалась ея полнымъ пораженіемъ. Легкомысленная кокетка хочетъ поиграть сердцемъ бѣлокураго героя, также какъ играла всѣми окружающими ее людьми; но съ первыхъ же дней знакомства замѣчаетъ, что ея противникъ составляетъ исключеніе изъ общей массы, начинаетъ его бояться и влюбляется въ него. Эта гіена чуетъ опасность и осторожно бро-

Digitized by Google

дитъ вокругъ своей добычи, не рѣшаясь на нее броситься; она пускаетъ въ ходъ всѣ свои хитрости, кокетство и умѣнье, но видитъ, что все напрасно, боится за себя, хочетъ спастись и рѣшается бѣжать тайкомъ отъ своего возлюбленнаго, но онъ застигаетъ ее врасплохъ, насильно удерживаетъ своими железными руками и покоряетъ ее своей волѣ и страсти. Влюбленная и побѣжденная *Satanella* отдается ему, опьяненная его ласками, въ пароксизмѣ чувственной животной страсти — и падаетъ... Этотъ послѣдній моментъ поднялъ цѣлую бурю аплодисментовъ; опьяненная публика вызывала *Satanell*'у безчисленное множество разъ и, при появленіи этой растрепанной, поблѣднѣвшей актрисы, еще трепещущей отъ вдохновенія, всѣ громко кричали, топали ногами и бросали на сцену цвѣты. Лалла поблѣднѣла, какъ смерть; въ ея глазахъ стояли слезы, губы потрескались, во рту пересохло и вся она чувствовала себя усталой и разбитой отъ волненія. Молодая женщина сама опьянѣла отъ этихъ жгучихъ страстныхъ стиховъ и отъ игры красавицы-актрисы. Все возбуждало ея нервы: крики и аплодисменты нарядной и обезумѣвшей отъ страсти толпы, душный, пропитанный духами, воздухъ, который жегъ ей лицо и спиралъ дыханіе, яркое освѣщеніе, пестрые туалеты, обнаженныя плечи и руки... Графиня не сознавала, гдѣ она и что съ ней происходитъ, и ни о чемъ не думала; она чувствовала только, что ея сердце бьется также сильно, какъ сердце *Satanell*'ы и что у нея все дрожитъ внутри. Когда, въ концѣ третьяго акта, измученная борьбой красавица-героиня бросилась въ объятія своего возлюбленнаго, вся обезумѣвъ отъ любви, и громко крикнула задыхающимся голосомъ: «*Ты побѣдилъ*»!— ди-Варѐ нѣжно прижалъ своей ногой маленькую ножку Лаллы; она не оттолкнула его и отвѣтила на его вызовъ долгимъ и сильнымъ пожатіемъ. Молодая женщина позабыла всякую стыдливость и осторожность; она вся дрожала отъ страсти и томно смотрѣла на Джакомо съ полураскрытымъ ртомъ и бурно подымающейся грудью, готовая въ свою очередь крикнуть вмѣстѣ съ *Satanell*'ой: «*Ты побѣдилъ*»!

Занавѣсъ опустили; драма окончилась. Публика толпилась къ выходу, а Лалла по прежнему продолжала неподвижно сидѣть на мѣстѣ, точно въ какомъ-то оцѣпененіи. Джорджіо ласково взялъ ее за руку и тихо сказалъ:—Идемъ, милая,

Digitized by Google

пора!—Молодая женщина вся вздрогнула отъ звука его голоса, ничего не отвѣтила и стала закутываться въ большой темный шарфъ. Передъ ея глазами все еще стояла трепещущая фигура *Satanell*'ы; актриса зажгла въ ней кровь своею страстью, а въ ушахъ и въ головѣ Лаллы звучалъ гулъ аплодисментовъ. Всѣ медленно вышли изъ театра и направились къ портикамъ По, чтобы проводить графиню въ гостинницу. Было вѣтрянно и холодно; начиналъ моросить мелкій дождикъ. Джорджіо разбиралъ *Satanell*'у, какъ художественное произведеніе, и находилъ, что это безнравственная пьеса. Герцогъ Анатолій также возмущался; онъ увѣрялъ, что не только безнравственно, но даже прямо неприлично ставить на сценѣ такія пьесы! Ди-Варѐ не высказывалъ своего мнѣнія, но думалъ совершенно другое и, закутанная въ свой шарфъ, Лалла безотчетно думала то же, что и ди-Варѐ.

— Теперь только четверть одиннадцатаго; вѣдь мы съ тобой пойдемъ въ клубъ? — обратился герцогъ къ зятю, внезапно мѣняя разговоръ.

— Какъ хочешь!—отвѣтилъ Джорджіо.—Надѣюсь, мы не останемся тамъ очень долго?

— Нѣтъ, нѣтъ, какой нибудь часъ, не больше... Я очень усталъ.

— Хочешь зайти въ кафе, выпить чего нибудь? — обратился делла-Валле къ женѣ.

— Нѣтъ, благодарю, я приказала Ненѣ приготовить мнѣ чаю; не выпьете ли вы со мною чашечку, маркизъ: вѣдь пріятно согрѣться? — Лалла лукаво улыбнулась, повернувшись къ ди-Варѐ. Джакомо понялъ ея намекъ и отвѣтилъ короткимъ: «благодарю васъ»,—что не означало ни *да*, ни *нѣтъ*.

— Мы также съ удовольствіемъ выпьемъ чаю, когда вернемся изъ клуба, не правда ли, Анатолій?—замѣтилъ Джорджіо.

— Нѣтъ, благодарю, я очень усталъ и, какъ только освобожусь, сейчасъ же лягу спать!

Они вошли въ подъѣздъ отеля. Герцогъ простился съ дочерью и торопилъ Джорджіо поскорѣе идти въ клубъ, но лакей передалъ графу нѣсколько писемъ и онъ сталъ читать ихъ одно за другимъ, а когда кончилъ, то увидѣлъ, что Лалла и Нена уже поднимаются по лѣстницѣ, — горничная выбѣжала навстрѣчу своей госпожѣ. Маркизъ куда-то скрылся.

Digitized by Google

— Гдѣ же ди-Варѐ, я хотѣлъ бы съ нимъ проститься?— спросилъ делла-Валле.

— Не знаю, онъ куда-то ушелъ, — разсѣянно отвѣтила Лалла.

— Идемъ, идемъ, голубчикъ, пора!—нетерпѣливо пробормоталъ герцогъ Анатолій.

— Вѣдь ты не ляжешь спать и подождешь моего возвращенія?—спросилъ Джорджіо, все еще не трогаясь съ мѣста: онъ точно не могъ разстаться съ женой въ этотъ вечеръ!

— Подожду,—отвѣтила молодая женщина.

— Мы вернемся черезъ часъ, не больше какъ черезъ часъ. Прощай, дорогая!

— Прощай, мой голубчикъ, приходи поскорѣе!

Хлопнула тяжелая входная дверь, и делла-Валле вышелъ на улицу вслѣдъ за тестемъ.

Лалла, дѣйствительно, не знала, куда скрылся маркизъ; она его не видѣла, но чувствовала, что онъ гдѣ-то близко, рядомъ съ нею,—вѣрно ждетъ, когда она останется одна. Апартаменты делла-Валле были высоко, въ третьемъ этажѣ; молодая женщина стала медленно подниматься по лѣстницѣ усталой и разслабленной походкой и, дойдя до перваго этажа, остановилась, чтобы отдохнуть.

— Иди впередъ, зажги лампы и приготовь чай, а я немножко посижу здѣсь въ салонѣ для чтенія; запыхалась я и отдышаться не могу, — сказала графиня своей горничной и, пройдя въ салонъ, сѣла, взялась было перелистывать какой-то иллюстрированный журналъ и вдругъ увидала передъ собой маркиза ди-Варѐ.

— Простите, графиня, что я нарушилъ вашъ покой, но мнѣ нужно передать вамъ колечко, которое хранилось у меня!— Говоря это, Джакомо снялъ съ пальца кольцо Фрасколини и подалъ его молодой женщинѣ.

Лалла молча взяла кольцо, взглянула на него и со вздохомъ понурила голову; потомъ черезъ мгновеніе она все также, не поднимая головы, обхватила обѣими ручками руку Джакомо и снова надѣла ему кольцо на палецъ.

— Гадкій, злой!.. Дай мнѣ руку!.. Я такъ устала, такъ устала...

Маркизъ не пошевельнулся; онъ пристально и серьезно

Digitized by Google

взглянулъ на молодую женщину. Тогда Лалла сама подошла къ нему и просунула свою руку ему подъ руку; они вышли изъ залы и стали медленно подниматься по лѣстницѣ.

Графиня, повидимому, дѣйствительно очень устала, — она прямо висѣла на рукѣ маркиза, останавливаясь на каждой площадкѣ и любовно прижимаясь къ своему кавалеру. Во время одной изъ этихъ остановокъ, Джакомо рѣзко высвободилъ свою руку и рѣшительно взглянулъ на молодую женщину, точно требуя у нея отчета въ ея странныхъ поступкахъ.

— Я такъ испугалась тогда...—пробормотала она,—Боже, Боже, что я пережила въ тѣ ужасные дни! Всѣ были противъ меня. Я была одна, совсѣмъ одна... хотѣла написать обо всемъ подробно, но не знала, какъ это сдѣлать... потомъ ты уѣхалъ. Куда ты уѣхалъ?—Этими словами все было выяснено; Лалла считала, что она достаточно объяснилась и оправдалась.

Дойдя до своихъ апартаментовъ, графиня вынула руку изъ руки ди-Варѐ и прошла впередъ въ переднюю, а оттуда въ маленькую гостинную; все еще недовольный и слегка нахмуренный маркизъ послѣдовалъ за нею. Нена зажгла большую лампу подъ голубымъ абажуромъ и въ комнатѣ царилъ пріятный полумракъ; только въ каминѣ ярко вспыхивали угли, да на столѣ мерцало дрожащее голубоватое пламя спиртовки, на которой грѣлась вода для чая. Лалла медленно развязала кружевныя бриды своей шляпки и отдала ее горничной; она съ наслажденіемъ опустилась въ глубокое кресло около камина и продолжала кутаться въ свой длинный темный шарфъ, жалуясь на холодъ.

— Прикажете еще что нибудь, графиня?—спросила Нена.

— Нѣтъ, иди; я позвоню тебя, когда баринъ вернется.

Горничная поклонилась и вышла. Джакомо молча стоялъ у камина противъ молодой женщины и, опершись локтемъ на мраморную подставку, пристально смотрѣлъ Лаллѣ въ лицо. Красноватое пламя камина красиво освѣщало изящную фигурку графини и придавало ей что-то фантастическое. Темный шарфъ еще болѣе выдѣлялъ бѣлизну ея прекрасныхъ обнаженныхъ рукъ; волоса отливали золотомъ и это золото точно струилось по ея желтому платью, изъ подъ котораго то и дѣло выглядывала маленькая ножка въ узенькой, расшитой

Digitized by Google

золотомъ, туфелькѣ. Она извивалась, какъ любопытная змѣйка, и какъ бы подстерегала готовый совершиться грѣхъ.

Маркизъ не хотѣлъ первый прерывать молчанія; онъ все болѣе и болѣе хмурился, и нервно постукивалъ каблукомъ о желѣзную рѣшетку камина. Лалла также не рѣшалась заговорить, но отъ времени до времени съ упрекомъ поглядывала на Джакомо; въ ея глазахъ читалась не то нѣмая мольба, не то жалоба на что-то. Потомъ она снова безсильно опускала голову и начинала лихорадочно теребить бахрому своего шарфа. Эта нѣмая сцена продолжалась довольно долго; но они молча объяснились краснорѣчивѣе всякихъ словъ и оба поняли, что все еще любятъ другъ друга. Страстные взгляды маркиза жгли Лаллу жарче пламени камина. Наконецъ, онъ не выдержалъ и рѣшительно подошелъ къ ней: — Знаешь ли, что ты мнѣ сдѣлала очень больно и что я страдалъ изъ-за тебя?—глухо прошепталъ онъ. Лалла приподняла голову и снова взглянула Джакомо въ глаза; но на этотъ разъ въ ея взглядѣ не было ни тѣни упрека и жалобы, а была только нѣжность, безграничная нѣжность и ласка. Маркизъ наклонился къ ней и оперся рукой на ручку ея кресла. Молодая женщина взглянула на его руку и поцѣловала ее... въ самый мизинецъ, гдѣ блестѣло бирюзовое колечко; потомъ склонила свою головку на эту руку и съ граціозной лаской прижалась къ ней своей щечкой. Джакомо вздрогнулъ, поблѣдчѣлъ, какъ смерть, и сталъ на колѣни, чтобы быть ближе къ своей возлюбленной, но не вынулъ руки изъ-подъ ея очаровательной головки и чувствовалъ, что она горитъ, какъ въ лихорадкѣ. Маркизъ прижимался своей грудью къ колѣнямъ Лаллы и ко всей ея фигурѣ, но она не отстранялась и не двигалась, а продолжала съ улыбкой смотрѣть на него долгимъ, страстнымъ взглядомъ. Ди-Варѐ весь зарылся въ ея платье и любовно шепталъ ей все, что онъ выстрадалъ безъ нея и какъ онъ мучился! Онъ говорилъ, что все время не переставалъ любить ее, какъ безумный, какъ помѣшанный; что напрасно старался ее забыть и хотѣлъ возненавидѣть за все сдѣланное зло; что она жила въ его сердцѣ, въ его душѣ, въ его крови, потому что онъ любилъ и желалъ только ее одну! Лалла не спускала съ него глазъ и продолжала молчать: она то блѣднѣла, какъ полотно, то вся вспыхивала, какъ зарево, отъ этой жгучей, страстной рѣчи; ея влажные глаза потемнѣли

Digitized by Google

и метали искры, а грудь бурно вздымалась. Маркизъ еще плотнѣе прижался къ своей возлюбленной и захватилъ ея руку своей свободной рукой; онъ проникъ въ тайны широкаго, отдѣланнаго кружевами, рукава и нѣжно сжималъ и гладилъ бѣлую атласную руку до локтя и даже выше... Ди-Варѐ весь дрожалъ отъ страсти и также съ трудомъ дышалъ. Онъ говорилъ, говорилъ безъ остановки, все съ возрастающимъ жаромъ, хотя его голосъ постоянно обрывался отъ волненія... Теперь онъ уже не жаловался молодой женщинѣ и не упрекалъ ее ни въ чемъ,—онъ страстно молилъ ее все объ одномъ и томъ же, и его просьбы и мольбы гипнотизировали Лаллу и точно убаюкивали ее въ какой-то сладкой истомѣ... Она все еще закутывалась въ свой шарфъ и не поднимала головки съ руки Джакомо, но ея глаза мало-по-малу совершенно закрылись, а полуоткрытыя влажныя губки чуть замѣтно вздрагивали и, казалось, ждали поцѣлуевъ, чтобы отвѣтить ими на этотъ гимнъ любви...

Маркизъ съ трудомъ выговаривалъ слова, постоянно прерывался и, наконецъ, совсѣмъ оборвался, замолчалъ и жадно припалъ губами къ влажнымъ полуоткрытымъ губкамъ, которыя давно уже манили его къ себѣ; онъ сталъ, какъ безумный, цѣловать волосы, глаза и щоки Лаллы, и всю ее покрылъ своими поцѣлуями. Молодая женщина вздрогнула всѣмъ тѣломъ, широко раскрыла свои громадные глаза, потомъ сорвала съ себя шарфъ и, судорожно засунувъ обѣ руки въ волосы своего возлюбленнаго, глухо прошептала:—Зови меня *Satanella*... Я твоя *Satanella*... возьми меня, я твоя!.. — Она отдалась маркизу тутъ же, не пошевельнувшись, позабывъ все на свѣтѣ въ экстазѣ страсти, безъ слезъ, съ улыбкой на устахъ, побѣжденная своей чувственной натурой...

Когда остылъ жаръ крови и они въ сладкой истомѣ медленно пробудились отъ опьяняющаго возбужденія, Джакомо снова сталъ на колѣни передъ своей любовницей и старался завладѣть ея рукой и осыпать ее поцѣлуями; но Лалла отодвинулась отъ него; она опять закуталась въ шарфъ и съ лукавой усмѣшкой выразительно кивнула на раскрытую дверь въ переднюю. Ди-Варé также усмѣхнулся этой неосторожности—вѣдь ихъ могли застать врасплохъ! Онъ всталъ и прошелъ въ переднюю взглянуть: закрыта ли дверь на лѣстницу, а, вер-

Digitized by Google

нувшись, плотно затворилъ за собою обѣ двери и снова сталъ ласкать и цѣловать свою Лаллу.

— Нѣтъ, Нино, довольно, перестань...—прошептала графиня, отбиваясь отъ его ласкъ,—мнѣ такъ страшно; я боюсь... вѣдь *онъ* можетъ войти каждую минуту!

..... *Онъ*, дѣйствительно, взошелъ вскорѣ послѣ этого и уже съ порога ласково улыбнулся женѣ. Ди-Варѐ стоялъ у камина, прислонившись къ мраморной подставкѣ, и, покуривая папиросу, спокойно разсуждалъ про выставку, съ видомъ знатока разбирая картины и статуи, а Лалла молча слушала его, удобно усѣвшись въ креслѣ и вся закутавшись въ свой шарфъ; она казалась слегка сонной и утомленной.

Въ каминѣ уже потухли угли; но на столѣ все еще пылало дрожащее голубоватое пламя спиртовки и вода бурно кипѣла и клокотала въ бульоткѣ. Все кругомъ было невозмутимо-тихо и спокойно; ничто не выдавало только что пережитыхъ волненій,—такъ и на морѣ часто послѣ бури наступаетъ затишье и ясный неподвижно прозрачный воздухъ ласкаетъ глазъ и успокоиваетъ душу. Джорджіо съ облегченіемъ вздохнулъ въ этой теплой комнатѣ, въ этой уютной и мирной обстановкѣ. Ему стало удивительно отрадно и хорошо на душѣ; онъ еще разъ нѣжно улыбнулся Лаллѣ и дружески пожалъ руку маркизу ди-Варѐ.

(Окончаніе отложено до слѣдующаго №).

Digitized by Google

ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Часть первая.

I.

Пробило пять часовъ на большихъ городскихъ часахъ въ соборныхъ воротахъ, у входа въ аллею, ведущую къ собору. Снопъ золотыхъ лучей высоко блеснулъ на горизонтѣ и весело заигралъ въ воздухѣ. Вслѣдъ за нимъ показался блестящій полукругъ; онъ сталъ быстро увеличиваться и совершенно разогналъ розовый свѣтъ зари. Наконецъ, солнце величественнымъ шаромъ поднялось на чистомъ безоблачномъ небѣ; блестящимъ, яркимъ свѣтомъ озарило большой губернскій городъ К. на югѣ Россіи и отразилось на шпицахъ многочисленныхъ церквей. Облитый этимъ искрящимся свѣтомъ, онъ глядѣлъ весело, празднично, съ его бѣлыми домиками и густою зеленью деревьевъ. Въ особенности красивъ и наряденъ былъ центръ города; тамъ поднимались высокія каменныя строенія съ большими садами позади и полисадниками вокругъ; эти строенія были заняты присутственными мѣстами и тамъ жила мѣстная аристократія. Тутъ же правильнымъ четырехъугольникомъ расположился тѣнистый бульваръ, а посреди возвышался каѳедральный соборъ, играя на солнцѣ золотыми куполами своихъ пяти главъ. У противоположнаго конца бульвара, какъ разъ напротивъ, виднѣлись ворота казеннаго сада, любимаго мѣста прогулокъ для жителей всѣхъ сословій. Широкія дорожки, усыпанныя желтымъ пескомъ, сохраняли свѣжесть и прохладу въ самое жаркое время дня, благодаря высокимъ акаціямъ, которыя зеленымъ сводомъ сплелись надъ ними. Наравнѣ съ садомъ тянулась широкая

Digitized by Google

улица, только вблизи вымощенная, и завершалась поляной, за которой шли виноградники. Рядъ сѣрыхъ домиковъ отдѣлялъ ихъ отъ поляны. Тутъ большею частью жили люди небогатые, сельскіе хозяева, занятые винодѣліемъ и торговлей фруктами. Только одинъ домъ—высокій, бѣлый, двухъ этажный — выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей; весь фасадъ его былъ окруженъ густою зеленью акацій, тѣнь которыхъ падала на балконъ почти въ продолженіе цѣлаго дня. Большой и видный снаружи, домъ обладалъ всѣми удобствами внутри; его занималъ командиръ квартировавшаго въ городѣ полка, Василій Васильевичъ Линскій. Въ верхнемъ этажѣ находились парадныя комнаты самихъ хозяевъ съ маленькими дѣтьми, въ нижнемъ помѣщались старшія дѣти полковника.

Въ угловой комнатѣ нижняго этажа, съ окнами во дворъ и стекляною галереею, на постели за ситцевымъ пологомъ крѣпко спала молодая дѣвушка лѣтъ 18. Въ комнатѣ было темно и прохладно отъ плотно закрытыхъ ставень; сквозь щели тонкими полосками пробивались слабые лучи свѣта и съ трудомъ давали различать предметы. Тутъ не было роскошной мягкой мебели; тѣмъ не менѣе комната глядѣла веселой и уютной отъ той чистоты и порядка, которые виднѣлись повсюду. У окна на письменномъ столѣ стояла лампа подъ зеленымъ абажуромъ; возлѣ нея книга и корзинка съ начатымъ вязаньемъ. Въ углу комодъ съ бѣльемъ; на немъ въ симетричномъ порядкѣ разставлены красивыя шкатулки, далѣе обтянутый бѣлой кисеей туалетъ съ круглымъ зеркаломъ, гребнемъ, щеточками и разными флаконами; наконецъ, маленькая этажерка со всевозможными бездѣлушками и книгами на всѣхъ трехъ полкахъ. Нѣсколько стульевъ, стоявшихъ въ порядкѣ у стѣны и столовъ, довершали убранство комнаты. Одежда на стулѣ у кровати нисколько не портила симетріи и порядка, о которыхъ, повидимому, очень заботилась молодая хозяйка, теперь спокойно спавшая на постели съ закинутыми на голову красивыми, точно выточенными изъ мрамора, руками. Прозрачно-блѣдное личико дышало молодостью и свѣжестью; тонкія и правильныя черты, высокій бѣлый лобъ, полузакрытый маленькими завитками пепельныхъ волосъ, длинныя темныя рѣсницы, маленькій прямой носъ и изящно очерченный ротъ были артистично прекрасны; тѣмъ не менѣе не эта правильность линій, бѣлизна и

Digitized by Google

нѣжность кожи дѣлали лицо ея привлекательнымъ. Что-то другое, болѣе глубокое, въ выраженіи губъ и очертаніи глазъ придавало ему прелесть и обаяніе, которыми полно было все существо молодой дѣвушки. Сонъ ея былъ тихъ и спокоенъ; ровное едва замѣтное дыханіе колебало грудь, на губахъ мелькала улыбка; рѣсницы по временамъ вздрагивали. Но вотъ сновидѣніе измѣнилось; ей представилось что-то непріятное, страшное; она тоскливо заметалась на кровати, руки судорожно ухватились за подушки. Съ легкимъ крикомъ испуга, она открыла большіе, лучистые, зеленовато-каріе глаза, полные испуга и недоумѣнія. Безпомощнымъ, затуманеннымъ взглядомъ она осмотрѣлась кругомъ, не сознавая, гдѣ она и что съ нею происходитъ. Затѣмъ приподнялась на локоть, оглянула комнату и со вздохомъ облегченія снова опустилась на подушки. Въ сосѣдней комнатѣ пробило пять часовъ. Молодая дѣвушка сосчитала удары, закуталась въ бѣлое одѣяло и повернулась къ стѣнѣ. Ей можно было спать еще около пяти часовъ,— она не вставала ранѣе десяти. Но заснуть тотчасъ же ей не удалось. Мысли, встревоженныя непріятнымъ сномъ, хотя нѣсколько и успокоились, тѣмъ не менѣе невольно обратились на разные предметы и воспоминанія, теперь съ необыкновенною ясностью вставшіе въ ея воображеніи. По временамъ тонкія брови ея сдвигались, лицо слегка омрачалось, глубокій вздохъ колебалъ грудь. Въ ея памяти проносилось недавнее прошлое, и разница между нимъ и настоящимъ заставляла болѣзненно сжиматься ея сердце. Только два года, какъ она вышла изъ института, а сколько перемѣнъ и притомъ непріятныхъ произошло съ нею, сколько надеждъ погибло, сколько пережито уже грустнаго, тяжелаго—и что еще ожидаетъ ее въ будущемъ? Но вотъ красивые глаза ея широко раскрылись; яркій румянецъ разлился по лицу; улыбка мелькнула на губахъ. Она точно замерла подъ вліяніемъ новаго воспоминанія; глаза остановились на букетѣ обоевъ, она пристально въ него всматривалась; но, очевидно, ничего не видѣла,—она вся ушла въ свои мысли. Передъ нею рисовалась картина недавней сцены въ ихъ домѣ и сосредоточила на себѣ все ея вниманіе. Молодая дѣвушка видѣла гостинную своихъ родныхъ, длинную угловую комнату съ красною мебелью и большимъ итальянскимъ окномъ; въ него широкимъ золотымъ столбомъ врыва-

Digitized by Google

лось солнце, озаряя собранное здѣсь небольшое общество. На угловомъ диванчикѣ у окна сидитъ она: затѣмъ въ глубинѣ комнаты, на большомъ диванѣ, ея мать, а вокругъ стола, въ креслахъ, ея отецъ и губернаторъ. Послѣдній пріѣхалъ съ утреннимъ визитомъ и велъ оживленный разговоръ съ ея родными. Молодая дѣвушка всегда любила посѣщенія губернатора: онъ былъ умный передовой человѣкъ, никогда не интересовался городскими толками и сплетнями, но зато зналъ всѣ новости сѣверной столицы, куда часто ѣздилъ, какъ по служебнымъ, такъ и по своимъ личнымъ дѣламъ. Онъ и теперь только что вернулся оттуда. Съ глубокимъ вниманіемъ она слушала его. Какъ хорошо и картинно описывалъ онъ свою поѣздку, балъ при дворѣ, новости въ разныхъ сферахъ правленія!

— А читали ли вы: въ газетахъ было сообщено уже офиціально, что въ Петербургѣ открываются женскіе медицинскіе курсы при медико-хирургической академіи?—обратился онъ къ ея отцу.

Радостное волненіе охватило ее всю; она и въ эту минуту чувствуетъ, какъ бьется и замираетъ ея сердце. На лицахъ ея родныхъ отражаются недоумѣніе и удивленіе; въ особенности они ярко видны въ черныхъ глазахъ матери: она даже какъ-то подалась впередъ; красивая бѣлая рука ея крѣпко оперлась на подушку дивана.

— Нѣтъ,—возразилъ ея отецъ,—я ничего еще не знаю.— Вчера цѣлый день былъ занятъ въ полку, и Сонюшка не успѣла прочесть мнѣ послѣдней газеты.

— Но извѣстіе было напечатано не вчера, а, кажется, третьяго дня или еще раньше, — сказалъ губернаторъ и, не обращая вниманія на краску смущенія на лицѣ отца, обернулся къ ней.

— Вотъ, Вѣра Васильевна,—продолжалъ онъ,—теперь молодыя дѣвушки не могутъ сидѣть, сложа руки, и отговариваться тѣмъ, что пути труда закрыты для нихъ. Въ настоящее время имъ открывается широкая, хотя и трудная дорога: пусть онѣ идутъ по ней и приносятъ столько пользы, сколько хотятъ и могутъ.

— Ахъ, какъ это хорошо!—восторженно отвѣчала она и подняла на него свои лучистые глаза..—Какъ чудно хорошъ показался онъ ей въ эту минуту; его красивое лицо покрылось

Digitized by Google

румянцемъ оживленія, черные глаза свѣтились, на губахъ мелькала улыбка.

— Да, дорога дѣйствительно прекрасная,—вмѣшалась ея мать, — но не всѣ въ состояніи идти по ней. Вѣроятно, на новые курсы явилось немного желающихъ.

— Напротивъ, желающихъ гораздо больше, нежели вакансій, возразилъ онъ,—одна бѣда: женскіе курсы не отдѣлены отъ мужскихъ, изъ такого же соединенія не можетъ выйти ничего хорошаго.

— Да, да, — засмѣялся ея отецъ, — возлѣ пороха развели огонь; пойдетъ ли молодежи на умъ наука, когда они такъ тѣсно соединены другъ съ другомъ?

— Ахъ, Базиль!—покачала головой мать,—у тебя голова сѣдая, а все таки романы изъ нея не выводятся.

— Родненькая моя! Да развѣ это не правда?—продолжалъ онъ улыбаться:—вѣдь такая близость между молодежью развѣ не опасна?

— Да, Василій Васильевичъ правъ,—вмѣшался губернаторъ:—близость вредна и навѣрное погубитъ курсы.

— Вы думаете, ихъ закроютъ?—быстро спросила мать.

— Непремѣнно,—увѣренно возразилъ онъ,—но со временемъ снова откроютъ, только на совершенно другихъ началахъ. Въ женщинахъ-докторахъ ощущается большой недостатокъ, пополнить его необходимо. Не говорю уже о томъ, что отъ такого недостатка гибнутъ цѣлыя населенія.

— Въ самомъ дѣлѣ?—недовѣрчиво спросила Линская.

— Да, конечно, — спокойно сказалъ губернаторъ, — на Кавказѣ женщины-мусульманки не имѣютъ даже права, по своему закону, обращаться къ мужчинѣ-врачу и безпомощно гибнутъ, не находя подъ рукой женской помощи.

— Да, между мусульманками дѣйствительно существуютъ такіе дикіе обычаи, — небрежно возразила ея мать, — но къ нимъ врядъ ли кто изъ просвѣщенныхъ женщинъ пожелаетъ ѣхать.

— Службу навѣрное сдѣлаютъ обязательной для казенно-коштныхъ воспитанницъ, — отвѣчалъ губернаторъ, — хоть я и думаю, что доброе сердце тутъ будетъ лучшимъ руководителемъ, и многимъ просвѣщеннымъ дѣвушкамъ понравится мысль быть полезными бѣднымъ темнымъ дикаркамъ.

Digitized by Google

Губернаторъ скоро уѣхалъ, а она, радостная, счастливая, весело сбѣжала въ свою комнату. Молодая дѣвушка давно, еще на школьной скамейкѣ, мечтала о трудѣ, о своемъ собственномъ трудѣ, о возможности зарабатывать самой средства къ жизни, содержать себя, а, если можно, даже помогать другимъ, но до сихъ поръ это ей не удавалось. По выходѣ изъ института, она первое время съ наслажденіемъ отдыхала дома отъ усиленныхъ занятій на экзаменахъ и ни на чемъ не останавливалась, не имѣя опредѣленныхъ мыслей и плановъ относительно устройства своей будущности, когда ея чудный голосъ привлекъ на нее вниманіе посторонняго лица, нѣсколько измѣнилъ строй ея жизни и далъ толчокъ ея мечтамъ о трудѣ и дѣятельности. Однажды утромъ она сѣла поиграть на фортепіано, повторя большую часть знакомыхъ пьесъ, затѣмъ перешла къ пѣнію, сначала тихо напѣвая разные мотивы, но мало-по-малу увлеклась и стала громко, съ чувствомъ, пѣть любимые институтскіе романсы. Никто не мѣшалъ ей; мать работала въ спальнѣ, отецъ—въ кабинетѣ; маленькія дѣти играли въ саду; только изъ открытыхъ дверей балкона доносилось веселое щебетанье птицъ, да гдѣ-то вблизи трещалъ кузнечикъ. Солнечный свѣтъ яркой полосой вливался въ залу черезъ балконную дверь, но оба окна были закрыты ставнями; въ комнатѣ сохранялась свѣжесть и прохлада. Посреди пѣнія чуткій слухъ молодой дѣвушки уловилъ легкіе шаги въ передней; она быстро вскочила изъ-за піанино и закрыла его крышкой. Въ ту же минуту дверь залы отворилась, и на порогѣ показался капельмейстеръ четвертаго полка, большой пріятель ея родныхъ, въ особенности отца.

— Здравствуйте, Вѣра Васильевна, — привѣтствовалъ ее пришедшій, — какъ я радъ видѣть васъ. Но... скажите, кто пѣлъ здѣсь, когда я входилъ въ переднюю? — поднялъ онъ на нее вопросительный взглядъ своихъ свѣтлыхъ голубыхъ глазъ.

— Ахъ, Боже мой, неужели вы слышали?—сконфуженно отвѣтила она и слегка сжала его руку,—да это я... напѣвала разные пустяки, институтскія пѣсенки.

— У васъ славный голосъ,—возразилъ онъ,—вамъ необходимо заняться имъ серьезно; я сейчасъ же поговорю объ этомъ съ Василіемъ Васильевичемъ.

Digitized by Google

Дѣйствительно, онъ въ тотъ же день переговорилъ съ ея отцомъ, и слѣдствіемъ ихъ разговора были уроки пѣнія, которые она вслѣдъ затѣмъ начала брать на первыхъ порахъ у итальянской пѣвицы, а потомъ у англичанки - учительницы. Постоянныя похвалы ея голосу, восторгъ и удивленіе самой учительницы подали мысль молодой дѣвушкѣ поступить на сцену въ качествѣ примадонны; она съ любовью и стараніемъ принялась обработывать свой голосъ и вскорѣ достигла замѣтныхъ успѣховъ. Но ей пришлось разстаться со своими мечтами: изъ разговоровъ родныхъ она поняла, что на актрисъ смотрятъ, какъ на погибшихъ созданій, и никто не позволитъ ей вступить на такую дорогу. Какъ ни горько было разочарованіе, какъ ни грустно оставлять излюбленныя мечты,— тѣмъ не менѣе молодая дѣвушка покорно отступила и обратила свои взоры на другую дѣятельность. Она задумала идти въ сестры милосердія. Въ городѣ была община, гдѣ она иногда бывала вмѣстѣ съ родными и даже познакомилась съ нѣкоторыми сестрами. Трудъ ихъ, хотя и очень тяжелый, приходился по сердцу Вѣрѣ; съ увлеченіемъ предалась она новымъ мечтамъ своимъ и почти уже видѣла ихъ исполненіе. Но и тутъ ее ждало разочарованіе. Въ сестры милосердія шли женщины низшаго званія или старухи, ничего не ожидавшія отъ жизни; на нихъ смотрѣли съ ласковымъ снисхожденіемъ—и только. На этотъ разъ молодая дѣвушка не такъ близко приняла къ сердцу неудачу; она уже къ ней привыкла, но вмѣстѣ съ тѣмъ не теряла надежды устроить жизнь по своему желанію и выбору. Она выжидала времени, прислушивалась и присматривалась къ окружающему обществу, когда посѣщеніе губернатора и извѣстіе изъ далекой сѣверной столицы заставили радостно встрепенуться ея сердце. Теперь, лежа въ постели, она восторженно представляла себѣ это посѣщеніе, вдумывалась въ каждое слово, вспоминала выраженіе лицъ присутствовавшихъ. Съ удивленіемъ и радостью она замѣтила тогда, что мать отнеслась къ извѣстію губернатора серьезно, безъ обычной насмѣшки и пренебреженія, но даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ, и на такомъ отношеніи матери основала всѣ свои надежды. Этими надеждами она жила цѣлую недѣлю, но говорить съ родными не рѣшалась: она еще ничего не знала объ ихъ мнѣніяхъ и взглядахъ. Ей даже страшно было начинать такой

Digitized by Google

разговоръ; она уже успѣла сжиться со своими мечтами, и онѣ сдѣлались ей безконечно дороги; новый ударъ былъ бы слишкомъ горекъ и тяжелъ. Тѣмъ не менѣе говорить надо было: скоро слѣдовало подавать прошеніе о поступленіи на курсы, и всякое замедленіе могло дурно отозваться на разрѣшеніи ея просьбы. Теперь эти мысли быстро пробѣгали въ ея головѣ, сердце усиленно билось, глаза горѣли, на лицѣ выступилъ легкій румянецъ. Она, наконецъ, убѣдила себя, что опасаться нечего; мать не будетъ препятствовать ей, отецъ и подавно, а дядю и тетку можно склонить на свою сторону при помощи кузины. Такимъ образомъ, молодая дѣвушка рѣшила сегодня же переговорить съ родными и снова предалась своимъ мечтамъ о далекой сѣверной столицѣ и любимой ужедѣятельности. Посреди своихъ мечтаній она неожиданно заснула, когда со двора сталъ доноситься говоръ пробудившейся прислуги, ржанье лошадей и обычное движеніе. Въ десять часовъ проснулась молодая дѣвушка, но того радостнаго возбужденія, съ которымъ она заснула, не было и въ поминѣ. Она чувствовала себя какъ-то особенно тяжело и тревожно; сердце болѣзненно замирало, слезы невольно подступали къ глазамъ. Она быстро встала, отворила ставни, позвала горничную и начала одѣваться. Вотъ она сѣла у туалета, распустила свои мягкіе пепельные волосы и стала медленно ихъ расчесывать; горничная отошла отъ нея и принялась прибирать комнату. Во время своихъ занятій она часто оборачивалась въ сторону молодой дѣвушки, порываясь заговорить; но видъ ея не располагалъ къ тому и горничная не посмѣла прервать ея задумчиваго молчанія. Вѣра все еще испытывала нервное разстройство; на сердцѣ было тоскливо, даже дышать становилось трудно. Въ такія минуты она бывала обыкновенно неразговорчива, и никто изъ прислуги не рѣшался безпокоить ее. Наконецъ, волосы причесаны; она заплела ихъ, положила коронкой на головѣ и заколола. Чудной формы бѣлыя плечи, шея и руки отразились въ зеркалѣ, но она, не взглянувъ на нихъ, медленно поднялась и стала одѣваться. Скоро легкое бѣлое платье свободными красивыми складками охватило ея стройную, тонкую фигуру; она разсѣянно оправила его и пошла къ выходу. Горничная, окинувъ ее пытливымъ взглядомъ, снова промолчала; молодая дѣвушка вышла изъ комнаты.

Digitized by Google

Она миновала нижній коридоръ, вошла въ стеклянную галерею и стала подниматься по лѣстницѣ на верхъ. Но, по мѣрѣ того какъ она приближалась къ верхней площадкѣ, на лицѣ ея отразилось безпокойство; она внимательно прислушивалась, не долетитъ ли до нея какой нибудь звукъ изъ комнатъ, но оттуда ничего не было слышно. Она прошла верхнюю стеклянную галерею, буфетъ, и появилась въ столовой. Это была небольшая полутемная комната съ окномъ на галерею и двумя дверьми—въ залу и переднюю. Посреди стоялъ большой обѣденный столъ; возлѣ него, за самоваромъ и чашкой чая, сидѣла среднихъ лѣтъ полная брюнетка въ домашнемъ ситцевомъ платьѣ. Продолговатое лицо ея отражало неудовольствіе и озабоченность; большой, нѣсколько чувственный ротъ былъ строго замкнутъ, низкій покатый лобъ, окаймленный черными волосами, слегка нахмуренъ; большіе, красивые черные глаза зорко и проницательно остановились на дочери, какъ только она вошла въ комнату. Молодая дѣвушка поцѣловала руку матери и заняла мѣсто у стола. Софья Кондратьевна налила и передала ей чашку чаю. Онѣ обѣ неторопливо пили чай, не начиная разговора; изъ сосѣднихъ комнатъ не доносилось ни малѣйшаго звука.

— Послушай Вѣра,—обратилась Софья Кондратьевна къ дочери:—когда у тебя будетъ слѣдующій урокъ пѣнія?

Молодая дѣвушка съ безпокойствомъ взглянула на мать.

— Въ субботу, мама,—отвѣтила она,—вчера м-мъ Лоранъ была у меня.

— Вчера былъ урокъ не пѣнія, а разговоровъ. Потрудись, пожалуйста, передать м-мъ Лоранъ, что я плачу ей деньги не за разговоры.

— Она передавала мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ Травіаты,—постаралась защитить свою учительницу Вѣра.

— Это можно было сдѣлать послѣ урока, платить же 1 р. 50 к. за часъ разговора я нахожу очень накладнымъ, а брать деньги за пустую болтовню—недобросовѣстнымъ.

— Но я не могла бы выучить аріи, не понимая ея,—продолжала оправдывать м-мъ Лоранъ молодая дѣвушка,—да она и объясняла ее мнѣ не болѣе десяти минутъ.

— Я сказала тебѣ, что не намѣрена платить деньги за пустые разговоры, а потому, если она не будетъ преподавать

Digitized by Google

тебѣ пѣнія, какъ слѣдуетъ, то я совсѣмъ прекращу эти уроки.

Вѣра слегка поблѣднѣла: лишиться уроковъ пѣнія,—единственной отрады жизни,—было бы слишкомъ тяжело и горько; она рѣшилась быть осторожнѣе и не давать матери никакого повода къ придиркамъ. Не отвѣтивъ на послѣднія слова ея, Вѣра торопливо допила чай и хотѣла уже подняться съ мѣста, когда мать снова обратилась къ ней.

— Вотъ что я хотѣла еще сказать тебѣ,—начала Софья Кондратьевна:—ты уже два года выѣзжаешь и до сихъ поръ не нашла себѣ подходящей партіи, между тѣмъ, тебѣ давно пора замужъ. Теперь же за тобой ухаживаетъ Волковскій,—это женихъ вполнѣ для тебя приличный; постарайся не выпустить его изъ рукъ.

Молодая дѣвушка вся похолодѣла, сердце ея болѣзненно сжалось, глаза затуманились, но она ничего не отвѣтила. Съ трудомъ сдерживая охватившія ее скорбныя чувства, она снова поцѣловала руку матери и вышла изъ столовой. Софья Кондратьевна не удерживала ея. Вѣра торопливо направилась въ свою комнату; эта комната одна была свидѣтельницей всѣхъ горькихъ минутъ въ жизни молодой дѣвушки; только здѣсь она не скрывалась, не сдерживала себя. Едва различая ступени, Вѣра быстро сошла съ лѣстницы, съ трудомъ отворила дверь и вошла къ себѣ. Она приблизилась къ письменному столу и тяжело опустилась въ кресло возлѣ него. Все существо ея сжималось отъ сильной физической боли; въ вискахъ стучало, въ ушахъ звенѣло. Она охватила голову руками и вся замерла на мѣстѣ. Въ дверяхъ ея комнаты раздался легкій стукъ. Молодая дѣвушка вздрогнула и подняла голову.

— Кто тамъ?—глухо спросила она.

— Это я, барышня,—отвѣтилъ густой женскій голосъ,—позвольте войти?

— Входи, дверь не заперта.

Въ комнатѣ появилась высокая, худая, смуглая женщина, вся закутанная платкомъ. Она подошла къ столу и остановилась подлѣ молодой дѣвушки.

— Что скажешь, Аксинья? ты ко мнѣ за дѣломъ какимъ нибудь?—спросила Вѣра и мутнымъ взглядомъ окинула женщину, прачку ихъ дома.

Digitized by Google

— Да, барышня, у меня оченно руку саднитъ, возразила Аксинья,—я просила Пашу доложить вамъ, да она не посмѣла, сказала:—иди, сама говори.

— И хорошо сдѣлала, не ей надо лѣчиться а тебѣ. Покажи мнѣ свою руку.

Аксинья медленно стала разматывать тряпки; молодая дѣвушка поднялась и принялась помогать ей.

— Да ты сядь лучше, мнѣ неловко такъ,—сказала Вѣра и усадила прачку на стулъ передъ туалетомъ.

Вскорѣ всѣ тряпки были сняты; передъ глазами молодой дѣвушки открылась большая синебагровая опухоль. Паша, выглядывавшая изъ-за дверей, подошла посмотрѣть на нее.

— Ахъ, да это у тебя нарывъ,—сказала Вѣра, осмотрѣвъ руку,—я сейчасъ сдѣлаю тебѣ мазь, мнѣ ее прикладывали, когда у меня болѣлъ палецъ. Эта мазь размягчитъ опухоль и нарывъ живо прорветъ; тогда тебѣ сейчасъ станетъ легче.

— Ахъ, барышня, родная вы наша, помогите мнѣ, вѣкъ буду за васъ Бога молить!—со слезами сказала прачка.

— Сію минуту. Паша, бѣги на верхъ, принеси прованскаго масла, ложку и чашку, а канифоль и воскъ лежатъ тутъ у меня. Мы духомъ смастеримъ тебѣ все, что нужно.

Паша бѣгомъ понеслась на верхъ, Вѣра достала изъ корзинки на комодѣ всѣ нужныя вещи, отыскала чистый бинтъ и тряпки, и приготовила ихъ для перевязки. Между тѣмъ, Паша вернулась и принесла все, за чѣмъ была послана. Вѣра зажгла свѣчку и стала приготовлять мазь; Аксинья и Паша молча наблюдали за нею. Какъ только мазь была готова, Вѣра обмакнула въ нее чистую тряпку, приложила къ больному мѣсту и ловко забинтовала.

— Теперь все готово,—выпрямилась она,—иди къ себѣ въ комнату и лягъ, чтобъ рука была совершенно спокойна. На ночь или я, или Паша перевяжемъ тебѣ; можетъ быть, до утра нарывъ прорветъ, тогда я приготовлю тебѣ свѣжей мази.

— Покорно благодарю васъ, барышня,—поднялась прачка,—дай вамъ Богъ добраго здоровья.

— Да ты смотри, не ушиби чѣмъ нибудь руку; ничего не трогай, лежи весь день,—сказала молодая дѣвушка, когда обѣ женщины выходили изъ комнаты.

Digitized by Google

— Хорошо, теперь лежать можно,—возразила Аксинья,—стирка будетъ только на той недѣлѣ.

— До тѣхъ поръ твоя рука навѣрное заживетъ, — слегка улыбнулась Вѣра и затворила за ними дверь.

Она снова вернулась къ письменному столу, опустилась въ кресло и обхватила голову руками. На сердцѣ у нея было также тяжело и скорбно; горло стянули судороги. Въ сосѣдней комнатѣ пробило часъ. Молодая дѣвушка передернула плечами и подняла голову. Ей пора было идти на верхъ; въ это время она обыкновенно занималась музыкой и пѣньемъ. Хотя въ настоящее время она не чувствовала себя способной къ такимъ занятіямъ,—тѣмъ не менѣе не рѣшилась отложить ихъ и остаться въ своей комнатѣ. Мать, конечно, замѣтитъ ея отсутствіе; придиркамъ и выговорамъ не будетъ конца. Молодая дѣвушка сдержала себя и пошла на верхъ. Какъ непривѣтлива показалась ей зала съ ея легкою соломенною мебелью и раскрытою дверью на балконъ, какъ угрюмо и холодно смотрѣло маленькое піанино, ея другъ и радость въ прежніе счастливые часы, какъ нерадостно свѣтило солнце, врываясь въ оба незатворенныя окна! Она сѣла на табуретку и взяла нѣсколько аккордовъ. Голосъ ея, такой чудный, звонкій и высокій, теперь выходилъ тихимъ, сдавленнымъ; она едва различала ноты и съ трудомъ сыграла и пропѣла уже выученныя мѣста. Только послѣ обѣда она могла, наконецъ, уединиться, могла обдумать свое положеніе. Теперь она заперлась на ключъ въ своей комнатѣ, снова сѣла въ кресло и глубоко, скорбно задумалась. Въ сосѣдней комнатѣ пробило четыре часа. Вѣра машинально сосчитала удары и откинулась на спинку кресла. Тоскливо-томительнымъ взглядомъ она окинула свою комнату, но какъ холодна и пуста показалась она ей теперь! Молодая дѣвушка полузакрыла глаза и глубокій, тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди, точно это молодое, едва вышедшее изъ дѣтства, существо уже успѣло узнать и извѣдать всю силу и глубину людскаго горя. Слова матери все еще звучали въ ея ушахъ, все также болѣзненно сжималось ея сердце. Выйти замужъ? Да она вовсе и не думала о замужствѣ, а теперь менѣе, чѣмъ когда либо. А, между тѣмъ, ей предстояло замужство; ей даже указанъ былъ женихъ. Дѣйствительно, она давно замѣчала ухаживанія Волковскаго, но вполнѣ надѣялась избѣжать его, какъ

Digitized by Google

и многихъ другихъ, отъ которыхъ ей удалось избавиться до сихъ поръ. Но вотъ на него обратила вниманіе ея мать и заговорила объ ея замужствѣ такъ настоятельно, какъ никогда прежде. Вѣра знала твердый, упорный характеръ Софьи Кондратьевны; знала, что ее трудно, почти невозможно, отговорить отъ разъ принятаго намѣренія и, вспоминая утренній разговоръ, приходила въ полное отчаянье. Она откинула голову на спинку кресла, прижала руки къ груди и снова глубоко вздохнула. А въ окно лились яркіе лучи апрѣльскаго солнца, изъ саду доносился ароматъ распускающихся деревьевъ; въ воздухѣ было тепло и тихо; ни одинъ листикъ не шевелился на густыхъ вѣтвяхъ акацій. Но молодая дѣвушка не замѣчала всей прелести весенняго дня; она всецѣло ушла въ свое горе и не видѣла выхода изъ этого несчастнаго положенія. Передъ ея глазами стояла мать; она мысленно вглядывалась въ ея полное, продолговатое лицо, въ ея черные проницательные глаза, всегда такіе требовательные и неласковые для дочери, и съ горечью сознавала, что ей нечего ждать помощи и пощады, что тутъ не поймутъ ея стремленій, не раздѣлятъ взглядовъ и надеждъ; можетъ быть, даже съ насмѣшкой и презрѣніемъ отнесутся къ ея «бреднямъ»!.. Какъ ни молода была Вѣра, однако, хорошо понимала положеніе дѣла въ своей семьѣ, гдѣ главную роль играла Софья Кондратьевна, а всѣ другіе, съ отцомъ во главѣ, безусловно подчинялись ей, исполняя всѣ ея требованія и приказанія. Въ воспоминаніи молодой дѣвушки пронеслись картины ихъ семейной жизни, и сердце ея слегка замерло. Во всѣхъ случавшихся недоразумѣніяхъ отецъ—добрый, безхарактерный—во всемъ уступалъ женѣ, страстно любилъ ее и боялся огорчить даже въ мелочахъ. Софья Кондратьевна, гордая, самовластная, всегда во всемъ одерживала верхъ и неумолимо покоряла всѣхъ своей власти, не терпя никакихъ возраженій и противорѣчій. Молодая дѣвушка безнадежно вздохнула: да, бороться съ матерью или обойтись безъ ея согласія невозможно, но въ то же время склонить ее на свою сторону, уговорить, упросить—Вѣра сердцемъ чувствовала это—было очень трудно, если не совсѣмъ невозможно. «Мамѣ дорога партія и блестящее положеніе,—съ горечью подумала молодая дѣвушка,—а мои взгляды и надежды, мое счастье для нея не существуютъ. Она признаётъ только положеніе и средства, какъ будто въ

Digitized by Google

нихъ можетъ заключаться счастье человѣка; до всего же остальнаго ей нѣтъ никакого дѣла. Она никогда не отрѣшится отъ своихъ мнѣній, никогда не взглянетъ на меня съ другой точки зрѣнія». Вѣра снова поникла скорбно головой. Но тутъ новая мысль пронеслась въ ея головѣ и ея сердце радостно забилось. Глаза загорѣлись фосфорическимъ блескомъ, на губахъ появилась улыбка. Она вспомнила о своемъ дядѣ, и свѣтлая надежда охватила ея сердце. Дядя — ея крестный отецъ; онъ умный передовой человѣкъ, она можетъ обратиться къ нему, высказать все, просить помощи и участья. Онъ навѣрное не откажетъ, онъ такъ любитъ свою «дивчатку», да притомъ еще у нея будетъ помощь въ лицѣ кузины Лидіи, которая всегда и во всемъ готова помогать ей. Дядя съумѣетъ уговорить Софью Кондратьевну; отецъ, младшій братъ его, конечно, не пойдетъ противъ нихъ. Молодая дѣвушка, въ радостномъ увлеченіи, уже видѣла свои мечты осуществляющимися; картины одна другой заманчивѣе стали рисоваться въ ея воображеніи. «А что, если дядя не захочетъ помочь ей, не раздѣлитъ ея взглядовъ, если отнесется съ осужденіемъ и къ этой надеждѣ, какъ къ прежнимъ мечтамъ?» — вдругъ промелькнуло въ ея умѣ, и холодъ, и ужасъ охватили сердце. — Вѣдь, въ сущности, она не знаетъ его мнѣній о женскомъ трудѣ, не слыхала отъ него ни одного слова одобренія открывающимся женскимъ курсамъ, не имѣетъ понятія о томъ, какъ онъ приметъ ея желаніе, какъ отнесется къ ея намѣренію. Въ глубинѣ же сердца она снова почувствовала, что, при всемъ своемъ умѣ, добротѣ и любви къ ней, онъ не будетъ сочувствовать ея идеаламъ и врядъ ли поможетъ ихъ осуществленію. Молодая дѣвушка болѣзненно перевела духъ. Передъ нею открывалась одна дорога — замужство, и мысли ея обратились на представлявшагося жениха. Волковскій, какъ живой, стоялъ въ ея воображеніи, и она съ невольнымъ любопытствомъ всматривалась въ него. Давно уже она была съ нимъ знакома, но до сихъ поръ не останавливала на немъ своего вниманія. Теперь передъ ея умственнымъ взоромъ рисовался средняго роста плотный офицеръ въ полковничьемъ мундирѣ, съ красноватымъ, овальной формы, лицомъ, съ выпуклыми голубыми глазами, смотрѣвшими безъ всякаго выраженія изъ-подъ большихъ бѣлыхъ очковъ. Покатый лобъ обрамлялся черными съ просѣдью волосами, небольшой носъ

Digitized by Google

правильно очерченъ, но красноватый оттѣнокъ лежалъ на немъ гуще, нежели на всемъ лицѣ, толстыя губы изъ-подъ маленькихъ черныхъ усовъ всегда серьезно сжатыя, придавали его физіономіи надуто-важный видъ. Представляя себѣ Волковскаго, Вѣра не испытывала отвращенія, но сердце ея ныло какъ-то особенно тоскливо; она инстинктивно чувствовала, что онъ ей не пара, что она не можетъ быть съ нимъ счастлива. Вспомнились ей встрѣча и знакомство съ нимъ и то, на что прежде она не обратила никакого вниманія, теперь ясно представилось ея уму. Когда, два года тому назадъ, она вышла изъ института, Волковскаго въ городѣ не было: онъ находился въ образцовомъ батальонѣ въ Петербургѣ, и она даже ничего не знала объ его существованіи. Годъ тому назадъ, онъ вернулся въ К. и явился къ ея отцу, какъ къ ближайшему своему начальнику. Въ этотъ день, кромѣ полковника, никого не было дома и Василій Васильевичъ съ обычнымъ своимъ радушіемъ пригласилъ вновь прибывшаго пріѣхать къ нимъ вечеромъ. Вѣра весь день провела у своей кузины Лидіи, которая въ этомъ году окончила курсъ ученья и только что вернулась изъ института. Молодыя дѣвушки надѣялись просидѣть вмѣстѣ и вечеръ, но за Вѣрой пріѣхала изъ дому карета, и она, хотя несовсѣмъ охотно, тѣмъ не менѣе оставила домъ дяди. По пріѣздѣ она не успѣла еще снять шляпки и накидки, какъ къ ней въ комнату вбѣжалъ старшій братъ Гриша и торопливо объявилъ, что у нихъ гости и что ее ждутъ на верхъ. Молодая дѣвушка немедленно отправилась въ гостинную, гдѣ, въ обществѣ офицеровъ полка и ея родныхъ, сидѣлъ Волковскій. Василій Васильевичъ сейчасъ же представилъ его. Онъ показался ей очень пожилымъ, даже старикомъ, а такихъ людей она очень любила; они не могли стать въ разрядъ жениховъ, и ихъ ухаживанія были не опасны и безвредны. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и радостнаго возбужденія послѣ свиданія съ кузиной, Вѣра особенно привѣтливо поздоровалась съ новымъ знакомымъ, весь вечеръ занимала его, много смѣялась и шутила. Зараженный ея обаятельною веселостью, Волковскій самъ увлекся; онъ умѣло поддерживалъ разговоръ и вторилъ ея смѣху. Василій Васильевичъ, въ своемъ домашнемъ полковничьемъ сюртукѣ, расположился въ креслѣ подлѣ нихъ; на его широкомъ рябоватомъ лицѣ блуждала добродушная улыбка; по временамъ онъ

Digitized by Google

вмѣшивался въ ихъ разговоръ и своимъ смѣхомъ усиливалъ общее оживленіе. Даже Софья Кондратьевна съ дальняго уголка дивана снисходительно улыбалась, поощрительнымъ взглядомъ окидывая дочь. Тутъ же на столѣ лежали альбомы, переполненные карточками родныхъ и знакомыхъ; Волковскій поинтересовался взглянуть на нихъ, а Вѣра немедленно исполнила его желаніе. Она пододвинула лампу, раскрыла альбомы и стала называть ему имена лицъ, помѣщавшихся въ ихъ красивыхъ рамкахъ. Тутъ снова, подъ вліяніемъ того же радостнаго возбужденія, она принялась шалить и шутить съ Волковскимъ. Она останавливала его вниманіе на самыхъ древнихъ и некрасивыхъ старикахъ, со смѣхомъ увѣряя, что находитъ поразительное сходство съ нимъ. Волковскій смѣялся, отшучивался и со своей стороны указывалъ на самыхъ красивыхъ дамъ, которыхъ онъ будто бы нашелъ похожими на нее. Василій Васильевичъ весело вторилъ ихъ смѣху, Софья Кондратьевна также улыбалась, качая головой. Тогда Вѣра не придала значенія такому отношенію къ ней матери, а, между тѣмъ, оно заслуживало вниманія. Софья Кондратьевна мало занималась дочерью; ея чувствами и взглядами совсѣмъ не интересовалась, не раздѣляла никогда ея удовольствій, даже на поведеніе ея обращала вниманіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда находила нужнымъ сдѣлать ей выговоръ или замѣчаніе. Но въ этотъ вечеръ мать совершенно измѣнилась: она точно прониклась чувствами дочери, какъ будто во всемъ сочувствовала ей, поощряла и поддерживала ея веселое настроеніе. Вспоминая все происшедшее, Вѣра горько упрекала себя въ неосмотрительности; Софья Кондратьевна, конечно, тогда уже намѣтила Волковскаго въ женихи ей, а она своею неосторожностью, своею неумѣстною веселостью точно выказала солидарность со взглядами и намѣреніями матери, можетъ быть, даже и произвела на него то самое впечатлѣніе, которое понудило его ухаживать и искать ея руки. Въ послѣднихъ встрѣчахъ она держалась того же весело-шутливаго тона съ нимъ и тѣмъ, вѣроятно, упрочила его расположеніе, хотя вовсе о томъ не думала и менѣе всего ожидала. Теперь все стало ясно и отчетливо въ ея умѣ, она готова была заплакать отъ горя и обиды: она сама своими руками вырыла себѣ яму и теперь не видѣла выхода изъ своего положенія. Волковскій командуетъ

Digitized by Google

батальономъ въ четвертомъ полку и мѣтитъ въ полковые командиры; всѣ говорятъ, что онъ будетъ назначенъ на мѣсто своего начальника Кольцова, который произведенъ въ генералы и уже уѣхалъ въ Петербургъ. Онъ представляетъ вполнѣ блестящую партію, и если она выдетъ за него замужъ, то станетъ наравнѣ со своею матерью. Но такая перспектива вовсе не увлекаетъ молодую дѣвушку; она готова отдать полъ-жизни, чтобы вернуть прошлое, чтобы изгладить то впечатлѣніе, какое, по своей неосмотрительности, произвела на Волковскаго. Вѣра снова сжала руки, такъ что всѣ суставы хруснули. Она чувствовала, что дѣло ея было проиграно: мать не выпуститъ изъ рукъ такой партіи; говорить съ нею о своихъ планахъ и намѣреніяхъ будетъ болѣе, чѣмъ безполезно. Но, можетъ быть, Волковскій вовсе не такъ увлеченъ ею, какъ кажется Софьѣ Кондратьевнѣ? Можетъ быть, при извѣстномъ давленіи, онъ отстанетъ, оставитъ ее въ покоѣ?—молніей пронеслось въ головѣ молодой дѣвушки; сердце ея радостно встрепенулось, на губахъ мелькнула улыбка. Въ дверь ея комнаты раздался легкій стукъ.

— Кто тамъ?—спросила Вѣра и достала изъ корзинки на столѣ вязанье.

Она принялась быстро вязать крючкомъ большую салфетку, назначенную въ подарокъ дядѣ.

— Это я, мамзель Вѣра,—отвѣтилъ на ея вопросъ по французски голосъ за дверью.

— Войдите, мамзель Берта,—отвѣтила на томъ же языкѣ молодая дѣвушка, продолжая работать.

Въ комнату вошла дѣвушка, лѣтъ 30-ти, бѣлокурая, румяная, съ хорошо сохранившимся свѣжимъ лицомъ и свѣтлыми голубыми глазами. Она съ улыбкою подошла къ Вѣрѣ и взглянула на ея вязанье.

— Ахъ, какъ много вы уже сдѣлали,—сказала она, слегка приподнимая свободный конецъ, — и какъ красиво! прелесть. Генералъ, конечно, останется въ восторгѣ отъ вашего подарка.

— Ну, дядя врядъ ли что смыслитъ въ работѣ,—улыбнулась Вѣра,—а вотъ тетѣ, пожалуй, понравится эта салфетка. Она хоть сама и не вяжетъ крючкомъ, но, кажется, любитъ такія вещи.

— Да, генеральша очень счастлива; она, кажется, ничѣмъ

Digitized by Google

не занимается, кромѣ любви къ своему мужу,—вздохнула гувернантка.

— Еще бы! Развѣ дядя позволитъ ей до чего нибудь коснуться? Вѣдь она—его кумиръ.

— Да, вы правы; они, дѣйствительно, сердечно любятъ другъ друга, а это большая рѣдкость въ наше время. Скажите: они, конечно, будутъ на сегоднишнемъ вечерѣ въ офицерскомъ клубѣ?

— На какомъ вечерѣ?—удивленно спросила Вѣра.

— Развѣ вы забыли, что сегодня полковой праздникъ у вашего папа, по этому случаю и назначенъ балъ въ офицерскомъ собраніи.

— Ахъ, Боже мой, я и въ самомъ дѣлѣ забыла,—спохватилась молодая дѣвушка,—теперь, пожалуй, скоро надо будетъ одѣваться.

— Нѣтъ, еще рано, всего только пять часовъ; ваша мама, конечно, поѣдетъ не ранѣе восьми.

— Да, навѣрное. Непріятно только одно: намъ придется играть роль хозяевъ въ клубѣ, какъ будто на чужомъ вечерѣ.

— Несовсѣмъ на чужомъ: вѣдь вашъ папа командиръ этого полка.

— Что же, что командиръ? Все таки пріятнѣе быть хозяйкой у себя въ домѣ.

— Да, ваша мама всегда такъ прежде и дѣлала: полковой праздникъ справлялся у нихъ въ домѣ и какъ весело, какъ хорошо тогда было! Собирался весь полкъ, всѣ дамы; бывали и городскіе приглашенные, въ особенности власти; танцовали и веселились до утра. Я также выходила на верхъ, вѣдь я живу въ семьѣ уже восемь лѣтъ, иногда даже танцовала, когда была моложе. А теперь ваша мама уже третій годъ не устраиваетъ дома полковаго праздника и это очень грустно для меня. Здѣсь я могла бы хоть посмотрѣть на общее веселье, а туда мнѣ, конечно, ѣхать не приходится,—слегка вздохнула гувернантка.

— Да почему же вамъ не поѣхать? Мѣсто въ экипажѣ для васъ найдется.

— Нѣтъ, чтобы туда ѣхать, надо имѣть приличный туалетъ, мои же платья слишкомъ просты для бала.

Digitized by Google

— Почему же вы не сдѣлаете чего нибудь нарядnаго на такіе случаи?

— Это не по моимъ средствамъ; хоть я и получаю хорошее жалованье у вашихъ родныхъ, но у меня есть отецъ, ему я посылаю почти все, какъ на уплату долговъ, такъ и на его содержаніе.

— О, какая вы добрая дочь!—съ чувствомъ сказала Вѣра,—какъ желала бы я быть на вашемъ мѣстѣ!

— Что вы? что вы?—испуганно возразила мамзель Берта,—обязанность гувернантки очень тяжела, вы ее совсѣмъ не знаете, иначе никогда не захотѣли бы промѣнять свою обезпеченную, спокойную жизнь на такое скитальческое шаткое прозябаніе.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ стукомъ колесъ экипажа, быстро вкатившагося въ ворота. Мимо окна пронеслась маленькая карета, но не остановилась у парадnаго подъѣзда, а завернула за уголъ и подкатила къ дверямъ нижней галереи.

— Да вѣдь это пріѣхала Лидія, — радостно воскликнула Вѣра.—Ахъ, какая она умница!—продолжала молодая дѣвушка, вставая,—пойду ее встрѣтить.

Но она не успѣла еще выйти, какъ по коридору раздались быстрые шаги; дверь съ шумомъ распахнулась, и въ комнату вбѣжала молоденькая дѣвушка, почти однихъ лѣтъ съ Вѣрой, въ легкомъ сѣромъ платьѣ, черной накидкѣ и бѣлой шляпкѣ, и, громко смѣясь, повисла на шеѣ кузины.

— Лидія, вотъ не ожидала твоего визита!—сказала Вѣра и радостно обняла прибывшую.

— Не ожидала? Тѣмъ лучше, я явилась сюрпризомъ!—продолжала смѣяться гостья.

Лидія была одного роста съ кузиной, такая же тонкая и стройная; только розовое личико ея, худенькое, продолговатое, не имѣло никакого сходства съ Вѣрой. Узкій, нѣсколько покатый лобъ Лидіи обрамлялся свѣтло-каштановыми волосами, тонкія брови оттѣняли живые сѣровато-голубые глазки, маленькій носъ пуговкой былъ слегка приподнятъ вверхъ; полныя, точно выпуклыя, губки улыбались дѣтски весело. Она расцѣловалась съ Вѣрой, протянула руку м-ль Бертѣ и остановилась передъ зеркаломъ снимать шляпку и приводить въ порядокъ свою прическу.

Digitized by Google

— Я выпросилась у нашихъ помогать тебѣ принимать гостей,—со смѣхомъ разсказывала она.—Папа сначала было заартачился, не хотѣлъ пускать, увѣрялъ, что я не помогать, а мѣшать тебѣ буду, но мама стала на мою сторону и вотъ я у тебя. Кстати, вели Пашѣ вынуть изъ кареты картонку съ платьемъ и всѣми принадлежностями, — повернулась она къ Вѣрѣ.—Экипажъ можетъ ѣхать обратно домой.

Предупреждая Вѣру, м-ль Берта вышла изъ комнаты отдать нужныя приказанія; молодыя дѣвушки остались однѣ.

— Какая ты умница, Лида, что пріѣхала сегодня, — сказала Вѣра, когда онѣ усѣлись въ креслахъ другъ противъ друга, — съ тобою мнѣ, пожалуй, весело будетъ разыгрывать роль хозяйки.

— А какъ мнѣ весело! Вѣдь я въ первый еще разъ въ жизни буду присутствовать на полковомъ праздникѣ. Въ прошломъ году, когда ты тутъ веселилась, я сидѣла еще въ институтѣ, зубрила уроки, готовилась къ экзаменамъ. Признаюсь, это совсѣмъ не такъ весело, какъ танцовать на офицерскомъ балу.

Въ комнату вошла Паша съ большой бѣлой картонкой; Лидія вскочила и побѣжала къ ней на встрѣчу. При помощи горничной, молодыя дѣвушки вынули изъ картонки легкое голубое платье, назначенное для вечера, расправили его складки и передали Пашѣ, чтобы повѣсить на вѣшалку.

— Это платье къ тебѣ очень идетъ,—сказала Вѣра, возвращаясь къ письменному столу!—ты будешь очень интересна и натанцуешься вволю.

— А ты что надѣнешь?—повернулась къ ней Лидія.

— Еще не знаю; надо спросить маму. Кстати, пойдемъ на верхъ, ты еще съ нею не здоровалась?

— Нѣтъ, я прямо прошла къ тебѣ.

— Ну, такъ пойдемъ, она, конечно, уже узнала о твоемъ пріѣздѣ.

— Пожалуй, пойдемъ,—неохотно возразила Лидія.

Молодыя дѣвушки вышли изъ комнаты. Вѣра шла впереди, нѣсколько быстрѣе кузины; она была уже на верху, когда Лидія еще не достигла и половины лѣстницы. Стеклянная галерея пятью большими окнами выходила во дворъ, широкій чистый, усыпанный желтымъ пескомъ. Какъ разъ посреди него

Digitized by Google

играли въ мячики два старшихъ брата Вѣры. Мальчики отличались ловкостью и увертливостью, въ особенности младшій, маленькій живой брюнетъ; онъ разстегнулъ свой гимназическій мундиръ и такъ высоко подбрасывалъ мячъ, что тотъ на нѣсколько секундъ совсѣмъ скрывался изъ глазъ. Лидія невольно засмотрѣлась на игру кузеновъ; между тѣмъ, Вѣра уже вошла въ столовую. У круглаго стола, спиной къ дверямъ, стояла Софья Кондратьевна, отдавая приказаніе лакею. При входѣ Вѣры, она слегка обернулась въ ея сторону и окинула молодую дѣвушку неласковымъ холоднымъ взглядомъ.

— Запирай, пожалуйста, дверь; ты видишь, я стою на сквозномъ вѣтру,—сурово сказала она дочери.

Вѣра только что хотѣла отвѣтить, какъ въ дверяхъ показалась Лидія; она поспѣшила на помощь кузинѣ при первыхъ звукахъ гнѣвнаго голоса тетки.

— Вѣра не затворила дверь, потому что я иду за нею,— весело сказала она, направляясь къ Софьѣ Кондратьевнѣ.

— А она и не сказала мнѣ, что ты здѣсь, — возразила Линская и ласково улыбнулась племянницѣ.

— Она не успѣла; вы, какъ только увидѣли ее, сейчасъ же напустились съ выговоромъ,—отвѣтила Лидія.

— Вовсе не напустилась: какъ ты страшно выражаешься, Лидочка!—слегка поморщилась Софья Кондратьевна,—я только сказала ей запереть дверь. Ну, да не въ томъ дѣло; давай поздороваемся, я очень рада видѣть тебя.

Она обняла и крѣпко поцѣловала племянницу; Лидія хотя не такъ горячо, тѣмъ не менѣе отвѣтила на ея ласку.

— Ты хорошо сдѣлала, что пріѣхала; конечно, вмѣстѣ съ нами ты поѣдешь въ офицерское собраніе?—спросила Линская, когда молодая дѣвушка отошла отъ нея.

— Да, непремѣнно, возразила Лидія,—я, именно, для этого и отпросилась къ вамъ. Кстати, тетя: въ которомъ часу вы намѣрены двинуться въ клубъ?

— Къ 8-ми надо уже быть тамъ; офицеры обыкновенно собираются рано.

— Прекрасно, тогда мы черезъ часокъ и начнемъ одѣваться.

— Это будетъ поздно,—вѣдь уже шесть часовъ.

— Ну, такъ что же? мы въ полчаса будемъ готовы.

Digitized by Google

— Да, но и мнѣ понадобится Паша.

— Мы обойдемся безъ нея. Скажите, какое платье надѣть Вѣрѣ?

— Пусть возьметъ розовое, оно еще совсѣмъ свѣжее, чистое.

На блѣдномъ личикѣ Вѣры отразилось легкое неудовольствіе; Лидія замѣтила это и немедленно пришла на помощь кузинѣ.

— Розовое? Вотъ нашли что выбрать! — презрительно пожала она плечами. — Вѣра надѣвала его, по крайней мѣрѣ, три раза зимою; оно всѣмъ намозолило глаза и, кажется, скоро сдѣлается сказкой города.

Молодая дѣвушка знала, что тетка побаивалась мнѣній и пересудовъ свѣта; она била ее въ самое больное мѣсто, вполнѣ увѣренная, что только этимъ и выиграетъ свое дѣло. Софья Кондратьевна слегка поморщилась, однако, сдалась не сразу.

— Что за пустяки! ты положительно фантазерка, Лидочка, Кому какое дѣло до нарядовъ Вѣры?

— Ахъ, тетя, какъ будто вы сами не знаете, что въ городѣ все замѣчаютъ. Не успѣешь чихнуть, и уже раздастся по всѣмъ закоулкамъ; а тутъ дѣло идетъ о такой важной вещи, какъ нарядъ. Я вполнѣ убѣждена, что розовое платье уже всѣмъ приглядѣлось и, надѣнь его Вѣра еще разъ, такъ оно вмѣстѣ съ вами попадетъ, наконецъ, въ карикатуру.

— Вотъ еще вздоръ какой! Впрочемъ что же? у Вѣры есть еще наряды; пусть она надѣнетъ палевое платье.—Лидія самодовольно улыбнулась, но на лицѣ Вѣры не отразилось удовольствія; она не любила и палеваго платья, предпочитая болѣе скромные и не яркіе цвѣта. Тѣмъ не менѣе она ничего не отвѣтила матери, какъ обыкновенно дѣлала въ подобныхъ случаяхъ. Прямая и искренняя, она никогда не прибѣгала ни къ какимъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы поставить на своемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, воспріимчивая и впечатлительная, она скорѣе готова была жертвовать своими вкусами и удовольствіями, чтобы только не вызвать сценъ и семейныхъ передрягъ, всегда болѣзненно отзывавшихся въ ея сердцѣ. Но Лидіи она не мѣшала поступать по ея взглядамъ и усмотрѣнію, хорошо понимая, что теперь ихъ роли нѣсколько измѣнились. Тамъ, въ институтѣ, будучи старше кузины и лѣтами, и классомъ, она

Digitized by Google

часто являлась помощницей и заступницей ея, но здѣсь, въ семьѣ родныхъ, Лидія была сильнѣе и оказывала ей тѣ же услуги въ частыхъ столкновеніяхъ съ Софьей Кондратьевной. Теперь, во время ихъ разговора, Вѣра ни словомъ не вмѣшалась, терпѣливо ожидая его конца. Лидія скоро замѣтила, что и это предложеніе тетки было не особенно пріятно кузинѣ, однако, на новый отпоръ она не рѣшилась и только равнодушно возразила:

— Пожалуй, пусть надѣнетъ палевое платье, хотя оно, кажется, жметъ ей въ груди.

— Въ самомъ дѣлѣ? Оно стало тебѣ тѣснымъ?—повернулась Софья Кондратьевна къ дочери.

— Да, немножко,—неохотно возразила Вѣра.

— Что же ты не сказала раньше? Его можно было отдать передѣлать.

— Я не знала, что мнѣ придется надѣвать его лѣтомъ; вѣдь это зимнее вечернее платье.

— Теперь не лѣто, а весна; нарядъ этотъ бальный, а сегодня большой вечеръ въ клубѣ, — раздражительно сказала Софья Кондратьевна.

— Вы, пожалуйста, не безпокойтесь, тетя, — вмѣшалась Лидія, — Паша живо передѣлаетъ лифъ, только пересадитъ немножко пуговицы.

— Когда же теперь? сейчасъ надо одѣваться на вечеръ.

— Это дѣло нѣсколькихъ минутъ, а одѣваться еще рано.

И, не ожидая отвѣта тетки, Лидія обняла Вѣру за талію и направилась съ нею изъ комнаты. Софья Кондратьевна только головой покачала; она знала ту любовь, какою пользовалась Лидія въ своей семьѣ и не захотѣла ссориться съ нею. Но, оставивъ въ покоѣ племянницу, Линская, однако, успѣла сказать въ догонку дочери:

— Вѣра, не забудь нашего разговора относительно Волковскаго.

— Вы знаете, мама, что въ такихъ дѣлахъ я не мастерица,—спокойно возразила молодая дѣвушка.

Софья Кондратьевна гнѣвно нахмурилась, но при Лидіи снова сдержалась: племянница, конечно, не дала бы въ обиду своей кузины. Молодыя дѣвушки безпрепятственно вышли изъ столовой. Онѣ быстро неслись внизъ по лѣстницѣ, торопясь

Digitized by Google

возвратиться въ свою комнату; у нихъ оставался часъ свободы впереди, и имъ хотѣлось отдохнуть и поболтать на досугѣ. Вѣра мимоходомъ заглянула въ дѣвичью и велѣла Пашѣ приготовить палевое платье. Лидія, опередивъ ее, прямо прошла въ комнату. Молодыя дѣвушки забрались на кровать, устроили себѣ изъ нея нѣчто вродѣ дивана и съ веселой улыбкой прильнули другъ къ другу.

— Вѣра, что такое тетя сказала тебѣ относительно Волковскаго?—спросила Лидія, заглядывая въ лицо кузины.

— Ахъ, Лида, ты еще не знаешь этой новости; мама прочитъ его мнѣ въ женихи.

— Волковскаго? Да, отъ тети оно станется! Впрочемъ, онъ считается однимъ изъ лучшихъ жениховъ въ городѣ, а за тобою давно и очень замѣтно ухаживаетъ...

— Къ моему несчастію, прибавь, хоть я еще не теряю надежды отбить у него охоту къ дальнѣйшему искательству.

— Врядъ ли тебѣ удастся отвадить его: онъ высоко цѣнитъ себя и, пожалуй, даже не замѣтитъ твоего равнодушія. Однако, въ такомъ дѣлѣ я желаю тебѣ полнаго успѣха: онъ старъ и совсѣмъ не интересенъ.

— Положимъ, онъ еще не старъ, хотя и не первой молодости, а что не интересенъ, то я совершенно согласна съ тобой. Впрочемъ, для меня всякій претендентъ на мою руку противенъ, будь онъ даже самъ Аполлонъ Бельведерскій.

— Вотъ ужь это совсѣмъ напрасно. Право, Вѣра, тебѣ слѣдуетъ спуститься съ облаковъ и устроить свою жизнь подобно всѣмъ нашимъ подругамъ.

— Ты знаешь, что я не могу отрѣшиться отъ своихъ взглядовъ и желаній: они вошли слишкомъ глубоко въ сердце.

— Да вѣдь они не осуществимы, пойми ты; никогда наши родные не допустятъ тебя стать на путь труда, о которомъ ты мечтаешь.

— Ну, это еще неизвѣстно; можетъ быть, и допустятъ; нужно только, чтобы мнѣ не мѣшали разные претенденты.

— Ахъ, Боже мой, развѣ ты не помнишь, какъ разбились твои мечты относительно оперы?

— Да, но тамъ были нѣкоторыя основанія, а теперь положительно никакихъ; тутъ совсѣмъ дѣло другое, здѣсь будетъ поприще выше всякаго замужства.

Digitized by Google

— Повѣрь, наши посмотрятъ на него также, какъ и на оперу. Вѣдь они не признаютъ за женщиной права ни на какую дѣятельность и считаютъ ее годной и способной только къ одному замужству.

Вѣра нервно передернула плечами; Лидія метко, ясно и спокойно опредѣлила то, что она съ болью въ сердцѣ стала недавно понимать, пережила и перестрадала всѣми фибрами сердца.

— Ты, конечно, говоришь о моихъ родныхъ,—послѣ минутной паузы сказала Вѣра,—но вѣдь у меня есть еще дядя, а онъ очень умный и передовой человѣкъ.

— Да, папа очень уменъ и выше всѣхъ въ нашемъ обществѣ по своимъ взглядамъ и развитію, но въ женскомъ вопросѣ онъ не можетъ быть ни судьей, ни помощникомъ; онъ никогда имъ не интересовался и, конечно, держится старыхъ понятій и традицій, запрещающихъ женщинѣ выйти изъ семейнаго круга.

Вѣра скорбно поникла головой; она сердцемъ сознавала что кузина права и видѣла мечты свои въ конецъ разрушающимися. Лидія замѣтила тягостное впечатлѣніе, произведенное ея словами; она притянула къ себѣ Вѣру, обняла ее и крѣпко поцѣловала.

— Право же, Вѣрочка, брось ты всѣ эти фантазіи, оглянись кругомъ и выбери человѣка по своему вкусу, — нѣжно сказала она.

— Если мнѣ не идти по тому пути, по которому я желаю, то и выбирать нечего, а придется просто выйти за Волковскаго и дѣлу конецъ,—глухо возразила Вѣра, поднимая отуманенный взглядъ на кузину.

— Нѣтъ, такъ нельзя, — выбирать и ждать необходимо. Волковскаго ты совсѣмъ не любишь, а въ будущемъ тебѣ можетъ встрѣтиться человѣкъ, который такъ тебѣ понравится, что ты охотно и добровольно пойдешь за него замужъ.

— Не думаю, я уже два года выѣзжаю и никто не остановилъ на себѣ моего вниманія; можетъ быть, я и вовсе не способна любить.

— Что за вздоръ! Ты съ твоимъ любящимъ сердцемъ, съ такою поэтической душой,—и не способна любить! Ты просто на себя клевещешь. А помнишь нашего учителя, Чурова?

Digitized by Google

Вѣра невольно прижала руки къ груди, глаза ея засвѣтились чуднымъ фосфорическимъ блескомъ.

— Да, Чуровъ!—тихо сказала она,—онъ способенъ былъ бы примирить меня даже съ замужствомъ; но вѣдь такія личности, какъ Чуровъ, не встрѣчаются на каждомъ шагу.

— Ну, вотъ видишь, ты до сихъ поръ помнишь его, хотя то была только дѣтская привязанность; значитъ, ты способна любить; подожди только, твоя пора, конечно, наступитъ.

— Знаешь, Лида, я очень желала бы, чтобы эта пора никогда не наступала,—задумчиво произнесла Вѣра.

— Въ самомъ дѣлѣ? Что за странное желаніе! да скажи же: почему?

— По очень и очень многимъ причинамъ.

— Ну, скажи хоть одну изъ нихъ,—просила Лидія.

— Ахъ, какая ты странная, Лида! Ну, хоть бы потому, что я могу полюбить человѣка, а онъ не обратитъ на меня никакого вниманія,—сказала Вѣра то, что, первое, пришло ей въ голову.

— Этого положительно быть не можетъ! — воскликнула Лидія, — ты совсѣмъ не знаешь себя; ты обладаешь такимъ очарованіемъ, бываешь такъ хороша, когда захочешь, что трудно противостоять тебѣ.

— Какое у тебя пылкое воображеніе!—слабо улыбнулась Вѣра.

— Да развѣ я неправду говорю?—съ жаромъ продолжала Лидія,—вѣдь ты считаешься звѣздою сезона; лучшая молодежь возлѣ тебя, даже я по твоей милости играю второстепенную роль и довольствуюсь поклонниками, отвергнутыми тобой.

— Мели Емеля, твоя недѣля! — снова слабо улыбнулась Вѣра.

— Ахъ, да вѣдь ты сама знаешь, что я говорю истинную правду! Впрочемъ, я на тебя не сержусь за свои неудачи,— я знаю, что ты, дѣйствительно, стоишь выше всѣхъ насъ и охотно уступаю тебѣ первое мѣсто.

— Какого на самомъ дѣлѣ никто изъ насъ не занимаетъ: всѣ мы равны и ничѣмъ особеннымъ не отличаемся другъ отъ друга,—равнодушно сказала Вѣра.

Разговоръ былъ прерванъ Пашей; она явилась въ комнату съ палевымъ платьемъ, которое успѣла приготовить и пере-

Digitized by Google

шить по указаніямъ Вѣры. Молодыя дѣвушки подождали, пока она повѣсила платье, и вышла изъ комнаты.

— Итакъ, Вѣра, значитъ Волковскаго по боку?—спросила Лидія, снова склоняясь къ кузинѣ.

— Право, не знаю! Ну, чѣмъ онъ хуже другихъ?

Лидія въ смущеніи примолкла.

— А развѣ ты забыла его родныхъ? — съ торжествомъ сказала она:—вѣдь у него есть мать и сестры, да еще какія! съ ними не дай богъ никому породниться.

— Да какое мнѣ дѣло до его родныхъ?

— Ахъ, Вѣра, какъ ты не понимаешь? онѣ всюду будутъ совать свой носъ, во все вмѣшиваться и совершенно отравятъ твою жизнь.

— Никогда! Съ какой стати онѣ будутъ вмѣшиваться? Да, наконецъ, развѣ я не могу ихъ отвадить отъ этого и положить необходимыя границы между ихъ и моей семьей?

Въ комнату снова вошла Паша; Софья Кондратьевна уже начала одѣваться и велѣла сказать молодымъ дѣвушкамъ, что имъ пора заняться своимъ туалетомъ. Онѣ неохотно оставили свои мѣста на кровати и, при помощи младшей горничной, принялись за свои наряды.

II.

Зданіе офицерскаго клуба приняло веселый праздничный видъ. Свѣтлыя весеннія сумерки еще окутывали землю и хорошо обрисовывали сѣрый фасадъ дома, который длиннымъ рядомъ освѣщенныхъ оконъ выходилъ на Садовую улицу. У самаго входа уже толпились городовые, въ ожиданіи съѣзда публики. Большая зала клуба, какъ разъ въ серединѣ всего зданія, раздѣлялась колоннами на двѣ неравныя части; она была ярко освѣщена люстрой съ потолка и канделябрами у стѣнъ и колоннъ. Вѣнская мебель въ симетричномъ порядкѣ стояла вокругъ стѣнъ первой бо̀льшей половины залы; во второй части, за колоннами, ее смѣняла мягкая триповая. Налѣво изъ залы дверь вела въ гостинную, большую, хорошо меблированную комнату, во всѣхъ углахъ которой уже стояли раскинутые для игры столики; затѣмъ шло еще нѣсколько комнатъ, такихъ же большихъ и нарядныхъ.

Digitized by Google

По залѣ, въ сопровожденіи мужа, гуляла Софья Кондратьевна; длинный шлейфъ сѣраго шолковаго платья мѣрно тянулся за нею. На слегка взбитыхъ черныхъ волосахъ красиво лежала небольшая изящная наколка; полное лицо ея отражало спокойствіе и самоувѣренность; большіе черные глаза горѣли мягкимъ блескомъ. Она небрежно обмахивалась вѣеромъ, спокойно ожидая появленія офицеровъ. Василій Васильевичъ, въ новомъ полковничьемъ мундирѣ, шелъ рядомъ съ нею и поддерживалъ начатый разговоръ. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ оглядывалъ стройную еще фигуру жены, любовался ея свѣжимъ лицомъ и красивыми блестящими глазами. Изъ гостей никого еще не было, молодыя дѣвушки одиноко сидѣли у окна и по временамъ заглядывали въ него, неребрасываясь незначительными замѣчаніями.

— Знаешь, Базиль; ты очень хорошо придумалъ устраивать вечера полковаго праздника въ офицерскомъ клубѣ,— сказала Софья Кондратьевна, — они всегда обходились намъ очень дорого, а средствъ на то не выдавалось.

— Да, моя дорогая, ты совершенно права; теперь всѣ полковые командиры живутъ замкнуто, никто не дѣлаетъ никакихъ вечеровъ и пріемовъ.

— Еще бы! Всякій думаетъ о себѣ и своей семьѣ; кому нужно тратиться понапрасну? Я бы также много сократила эти пріемы и выѣзды, еслибы у насъ не было взрослой дочери на шеѣ.

— Да, да, моя рѳдненькая, ты говоришь истинную правду; помнишь, даже Грибоѣдовъ въ своемъ «Горе отъ ума» сказалъ: — «что за комисія, Создатель, быть взрослой дочери отцемъ»!

— Когда Вѣра выходила изъ института, я никакъ не могла предположить, что она обойдется намъ такъ дорого. За два года ея выѣздовъ въ свѣтъ, я не только истратила все накопленное раньше, но еще надѣлала долговъ. Я безъ ужаса не могу подумать, что она останется еще на третій годъ и мнѣ придется входить въ новые долги.

— Родненькая моя, что же намъ дѣлать? — испуганно спросилъ Василій Васильевичъ.

— Одно только: выдать ее поскорѣе замужъ.

— Да за кого же? кажется, къ ней никто еще не сватался?

Digitized by Google

— Напротивъ, женихи то у нея были, да все незначительные, ну, я и позволила ей выпустить ихъ изъ рукъ. А теперь за нею ухаживаетъ Волковскій, — это уже *партія*, и я, конечно, употреблю всѣ усилія, чтобы она его не потеряла.

— Она, можетъ, и сама спитъ и видитъ, какъ бы поскорѣй выйти замужъ:—вѣдь всѣ дѣвушки только о томъ и думаютъ,— улыбнулся Василій Васильевичъ.

— Какъ бы не такъ!—пожала плечами Софья Кондратьевна,—ея голова занята совсѣмъ не замужствомъ, а набита такими бреднями, что смѣшно и подумать.

— Чѣмъ же это?—спросилъ онъ, и на его широкомъ рябоватомъ лицѣ отразилось тревожное недоумѣніе.

— Ахъ, да пустяки, конечно! — снова пожала плечами Софья Кондратьевна.—Она мечтала, кажется, сдѣлаться актеркой, паяцомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, — презрительно добавила она.

— Господи Боже мой! — всплеснулъ руками Василій Васильевичъ,—да въ нашемъ родѣ никогда съ самаго начала его не было ни актеровъ, ни паяцовъ, и неужели такая дурь еще не вышла у нея изъ головы?

— Успокойся, пожалуйста; ея иллюзіи такъ и останутся однѣми иллюзіями,—о нихъ и думать не стоитъ, лишь бы только Волковскій поскорѣе сдѣлалъ предложеніе.

— Ну, а что, если она подъ вліяніемъ своихъ фантазій откажетъ ему?—тревожно спросилъ Линскій.

— Откажетъ? Ну, ужь этому не бывать! Тутъ вмѣшаюсь я и, конечно, настою на своемъ.

Она говорила такъ увѣренно; въ черныхъ глазахъ и выраженіи ея лица было столько твердости и рѣшительности, что Василій Васильевичъ совершенно успокоился.

— Ты у меня тонкій дипломатъ,—Меттернихъ, настоящій Меттернихъ!—весело сказалъ онъ, — ты душа всей семьи, на тебѣ одной она держится, а я такъ вотъ ни придумать, ни сдѣлать ничего не могу.

— Ахъ, Базиль, ты на себя клевещешь,—снисходительно улыбнулась Софья Кондратьевна, — конечно, въ семьѣ ты не съумѣешь распорядиться, да это и не дѣло мужчины; зато вспомни свою боевую дѣятельность: всегда, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ Васильевичемъ, ты былъ впереди, не боялся ни

Digitized by Google

пуль, ни штыковъ; всегда готовъ былъ положить свою жизнь на полѣ брани.

— Да, тамъ дѣло другое; тамъ скажутъ,—иди, и я пойду; скажутъ, — дерись, и буду драться; скажутъ: — возьми аулъ, отбей скотъ или еще что другое, и я возьму или отобью. Ну, а тутъ я ничего не могу; тутъ я несвѣдущъ и безсиленъ, какъ младенецъ.

— Да вѣдь нельзя же сосредоточить все въ однѣхъ рукахъ; у каждаго есть свое назначеніе и опредѣленіе: тебѣ служба, мнѣ—семья.

— Ты права, какъ и всегда, моя родненькая; и какой я счастливецъ, что у меня такая умная, энергичная женка; я, кажется, люблю тебя теперь даже больше, чѣмъ въ первый годъ нашего супружества.

Онъ нѣжно наклонился къ ней и припалъ къ ея губамъ; она, снисходительно улыбаясь, отвѣтила на его ласку.

— О, Вѣрушѣ далеко до ея матери!—выпрямился онъ и съ любовью взглянулъ на жену. — Она, конечно, дѣвочка недурненькая, но гдѣ ей сравняться съ тобой? Ты—настоящая королева! на тебя и теперь всякій можетъ засмотрѣться.

— Базиль, Базиль! — снисходительно покачала головой Софья Кондратьевна;—ты, кажется, способенъ превратиться въ юношу и наговорить мнѣ комплиментовъ.

— Возлѣ тебя я, дѣйствительно, дѣлаюсь юношей; посмотри на себя въ зеркало: вѣдь ты свѣжѣе и красивѣе всѣхъ нашихъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Ахъ ты, увлекающійся фантазеръ!—засмѣялась она,— ну, да будетъ объ этомъ; давай поговоримъ о Вѣрѣ. Ты, конечно, пригласилъ на нашъ вечеръ Волковскаго?

— Да развѣ я могу забыть твои желанія? Онъ будетъ здѣсь вмѣстѣ со своей семьей.

— Вотъ это прекрасно; можетъ быть, они, наконецъ, сблизятся и онъ рѣшится сдѣлать предложеніе; я уже намекнула ей, что пора подумать о замужствѣ и о Волковскомъ въ особенности.

— Что же она тебѣ отвѣтила?

— Ничего; дѣвушки въ такихъ случаяхъ неразговорчивы, но, вѣроятно, она приметъ мои слова къ свѣдѣнью. А тамъ, когда выдетъ замужъ,—пойдутъ дѣти, заботы, обязанности жены и матери, и выбьютъ всѣ бредни изъ головы.

Digitized by Google

— Да, это было бы, дѣйствительно, очень хорошо; только вотъ сдѣлаетъ ли предложеніе Волковскій? за нимъ, кажется, очень ухаживаютъ Лярскія.

— Неонила Валеріановна готова хоть за козла отдать свою Любу, только бы поскорѣе сбыть съ рукъ; но Волковскій-то не дуракъ и поймётъ, въ чемъ дѣло. А мы жениховъ для дочери не ищемъ, ловить никого не станемъ, а если ей представится партія, то, конечно, глупо упускать ее изъ рукъ.

Разговоръ былъ прерванъ группою офицеровъ, вошедшихъ въ залу. Линскіе откланялись съ ними и ушли въ гостинную; молодежь направилась къ дальнему окну комнаты, у котораго сидѣли молодыя дѣвушки. Но и тутъ они не остались; это были младшіе оберъ-офицеры полка, мало знакомые Вѣрѣ и Лидіи; они только поздоровались и разошлись по разнымъ комнатамъ клуба. Молодыя дѣвушки снова остались однѣ.

— Вѣра, я оставила свой вѣеръ въ передней, — обратилась къ ней Лидія,—не знаю, кого бы послать за нимъ.

— Да вотъ пошли Гришу; видишь, онъ стоитъ въ дверяхъ залы и съ такимъ робкимъ обожаніемъ смотритъ на тебя,—указала Вѣра на своего брата, худенькаго блѣднаго гимназистика, — этимъ ты доставишь ему большое удовольствіе: онъ, бѣдняжка, положительно влюбленъ въ тебя,—добавила она, смѣясь.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!—весело сказала Лидія.—Гриша! — позвала она кузена, дѣлая ему рукою знакъ приблизиться.

Мальчикъ бѣгомъ бросился на зовъ молодой дѣвушки. Лидія немедленно послала его по своему порученію; Гриша съ тою же торопливостью помчался исполнять его.

— Вотъ вашъ вѣеръ, Лида, — съ улыбкой склонился онъ передъ нею.—А знаете, я точно предчувствовалъ, что вы пріѣдете сюда вмѣстѣ съ Вѣрой; утромъ я всѣмъ офицерамъ уже сообщилъ объ этомъ.

— Очень нужно было вамъ болтать такъ некстати! — съ притворною досадою возразила Лидія.—Я хотѣла сдѣлать сюрпризъ своимъ появленіемъ, а вы испортили все дѣло.

На худенькомъ, продолговатомъ лицѣ мальчика отразилось непритворное огорченіе.

— Ахъ, какъ жаль, Лида, что я этого не зналъ,—жалобно

Digitized by Google

сказалъ онъ;—я готовъ откусить себѣ языкъ за то, что причинилъ вамъ такое неудовольствіе.

— Вы вѣдь всегда такъ дѣлаете, — притворно сердилась она,—точно нарочно, чтобы досадить мнѣ.

— Досадить вамъ! Да я жизнь готовъ отдать, чтобы только сдѣлать вамъ пріятное.

— Конечно, потому вы и выдали меня...

— Да вѣдь я не зналъ! я ни за что въ жизни и слова не проронилъ бы о васъ, еслибы имѣлъ хоть малѣйшее понятіе о вашемъ желаніи,—горячо увѣрялъ онъ.

— Боже мой, Гриша, какой ты смѣшной!—вмѣшалась Вѣра,—развѣ ты не видишь, что она просто дразнитъ тебя; ни о какомъ сюрпризѣ она никогда и не думала.

— Въ самомъ дѣлѣ?—обрадовался онъ,—ахъ, какая вы злая, Лида!

— А вы какой уморительный, Гриша!—расхохоталась молодая дѣвушка.

Въ залу вошла новая группа офицеровъ; они поздоровались съ молодыми дѣвушками и ушли въ гостинную; вмѣстѣ съ ними удалился и Граша.

— Послушай, Вѣра, — сказала Лидія по удаленіи офицеровъ,—здѣсь не одни только ваши полковые, есть и съ черными воротниками; что же это означаетъ?

— Очень просто: мама пригласила всѣхъ танцоровъ четвертаго полка, вѣроятно, въ угоду Волковскому: онъ теперь временно командуетъ полкомъ.

— Да, вотъ что! Значитъ, тетя серьезно прочитъ тебя за Волковскаго.

— Конечно, серьезно; что же тутъ удивительнаго?

— Удивительнаго ничего нѣтъ, только я совсѣмъ не желаю видѣть тебя за нимъ замужемъ. Я на твоемъ мѣстѣ сдѣлала бы все возможное и невозможное, но избѣжала бы такой горькой участи.

— Интересно знать, что же ты сдѣлала бы, напримѣръ?—насмѣшливо улыбнулась Вѣра.

— Пожалуйста, не смѣйся! ужь, если на то пошло, то я скорѣе застрѣлилась бы, утопилась, отравилась, наконецъ; но не вышла бы замужъ за нелюбимаго человѣка,—съ жаромъ сказала Лидія.

Digitized by Google

— Ты думаешь, это такъ легко сдѣлать?

— Гораздо легче, чѣмъ загубить себя нежеланнымъ бракомъ.

— Хорошо, что тебѣ не представляется подобной опасности, — продолжала иронически улыбаться Вѣра, — а то ты чего добраго сдѣлалась бы героиней раздирательной драмы!

— Ты всегда готова насмѣхаться надо мной,—недовольно возразила Лидія, — а, между тѣмъ, я говорю тебѣ истинную правду.

— Да развѣ я съ тобой спорю?—пожала плечами Вѣра;— я только радуюсь, что тебѣ не придется выходить замужъ противъ твоего сердца.

— Да, мой папа безъ ужаса не можетъ и подумать объ этомъ вопросѣ; онъ очень дорого цѣнитъ свое сокровище, заключающееся въ моей очаровательной особѣ, и едва ли согласится скоро разстаться съ нимъ,—засмѣялась она.

— Дядя любитъ тебя безъ памяти; ты единственная дочь, тебѣ нечего спѣшить съ замужствомъ.

— И, вмѣстѣ съ тѣмъ, я все таки выду немедленно, какъ только мнѣ представится человѣкъ, котораго я полюблю. Что за радость сидѣть въ старыхъ дѣвахъ?

— Еще бы! вѣдь у тебя нѣтъ никакихъ интересовъ, кромѣ нарядовъ, выѣздовъ, визитовъ и тому подобной дребедени,— презрительно сказала Вѣра.

— Наряды и выѣзды... Да это и есть жизнь, и самая интересная, увлекательная.

— Пустота и суета!—съ тѣмъ же презрѣніемъ возразила Вѣра.

— Нѣтъ, это жизнь,—спорила Лидія,—а вотъ твои мечты о трудѣ и пользѣ ближняго—дѣйствительно химеры; о нихъ и думать-то не стоитъ.

— Не говори такимъ образомъ, Лидія, иначе я въ состояніи буду разлюбить тебя,—гнѣвно сказала Вѣра.

— Не сердись, Вѣрочка,—утихла Лидія,—я вѣдь не говорю, что дурны, я только думаю, что твои мечты — неосуществимы.

Къ подъѣзду подкатилъ экипажъ; Лидія съ любопытствомъ выглянула въ окно; даже Вѣра не удержалась, чтобы не взглянуть по тому же направленію. При свѣтѣ сгущающихся сумерекъ,

Digitized by Google

онѣ увидѣли большую четырехмѣстную коляску, въ которой сидѣло нѣсколько офицеровъ; они громко со смѣхомъ разговаривали.

— Ну, господа, держите балансъ, потому что мой балансъ какъ разъ перевернется и вы рискуете раньше времени очутиться на землѣ,—раздался веселый мужской голосъ, сопровождаемый смѣхомъ остальныхъ.

Офицеры, осторожно стараясь удержать равновѣсіе, вылѣзали изъ экипажа, качавшагося во всѣ стороны.

— Ахъ, батюшка, въ вашемъ экипажѣ опасно ѣздить, а еще опаснѣе выходить,—говорилъ полный, красивый мужчина съ георгіевскимъ крестомъ на груди. Онъ медленно поднимался по ступенькамъ подъѣзда, опираясь на палку и слегка прихрамывая. Свѣжее, полное лицо его выражало добродушный юморъ; на губахъ, окаймленныхъ черными усами, и въ голубыхъ глазахъ сверкала веселая насмѣшка. Это былъ Яковъ Николаевичъ Друздецкій, батальонный командиръ четвертаго полка. Вышедшій вслѣдъ за нимъ товарищъ его, Евичъ, составлялъ съ нимъ полный контрастъ. Маленькая фигурка его доходила только до плеча Друздецкаго и отличалась живостью и быстротою движеній; продолговатое румяное лицо со свѣтлыми голубыми глазами и сѣдыми волосами выражало простодушіе и веселость. Онъ обогналъ товарища и, не ожидая другихъ, быстро взбѣжалъ по ступенькамъ крыльца, за дверьми котораго немедленно скрылся. Третій батальонный командиръ былъ высокій, худой мужчина съ круглымъ, пріятнымъ лицомъ, оттѣненнымъ гладко-причесанными на лбу и торчавшими на вискахъ каштановыми волосами, съ добрыми карими глазами и тонкимъ, почти женскимъ, голосомъ. Это былъ Иванъ Семеновичъ Синицынъ, хозяинъ опаснаго экипажа. Послѣ этихъ трехъ, изъ дрожекъ вышелъ Бремичъ, полковой адьютантъ четвертаго полка, высокій, тонкій, почти одного роста съ Синицынымъ, но гораздо моложе его. Онъ не былъ красивъ, но небольшое продолговатое лицо его выражало умъ и доброту, отражавшіеся въ черныхъ, слегка прищуренныхъ, глазахъ и въ доброй задушевно-привѣтливой улыбкѣ. По выходѣ изъ экипажа, офицеры медленно поднимались на крыльцо, перебрасываясь незначительными замѣчаніями.

— Что дѣлать! всякое удовольствіе имѣетъ свою дурную

Digitized by Google

сторону,—отвѣчалъ Синицынъ на послѣднія слова Друздецкаго и скрылся за дверью.

Не успѣлъ отъѣхать ихъ экипажъ, какъ къ подъѣзду подкатили легкія дрожки. Лидія снова быстро взглянула въ окно.

— А вотъ и наши аристократы явились! — улыбнулась она: — Долинскій и Семицкій изволили пожаловать и, какъ всегда, вмѣстѣ. Странно, что за охота Семицкому быть постоянно около Долинскаго? Онъ малъ ростомъ, а передъ товарищемъ кажется еще меньше.

Изъ дрожекъ выпрыгнулъ маленькій живой брюнетъ въ офицерскомъ мундирѣ и сѣрой шинели въ накидку, и быстро взбѣжалъ по каменнымъ ступенькамъ. За нимъ медленно вышелъ высокій, плотный блондинъ въ мундирѣ генеральнаго штаба и въ такой же сѣрой шинели. Продолговатое лицо его, обрамленное русыми волосами, не отличалось красотою и правильностью линій, но вмѣстѣ съ тѣмъ носило отпечатокъ ума и мысли; въ голубыхъ глазахъ, окаймленныхъ свѣтлыми рѣсницами, искрилась насмѣшка; тонкія губы съ маленькими бѣлокурыми усами улыбались саркастически-язвительно. Онъ медленно взошелъ по ступенькамъ и скрылся въ дверяхъ. На смѣну имъ явился легкій экипажъ Ченцова, воинскаго начальника. Онъ съ юношескою ловкостью выпрыгнулъ изъ дрожекъ и легко поднялся на крыльцо. Остановившись передъ дверью, онъ отдавалъ приказаніе кучеру.

— Право, подумаешь, что ему не болѣе тридцати лѣтъ,— сказала Лидія и повернула голову, чтобы лучше разсмотрѣть его.

— Да ему немногимъ больше этого,—равнодушно отвѣтила Вѣра.

— Вотъ еще что выдумала! Папа говоритъ, что онъ старъ, какъ Маѳусаилъ, и годится мнѣ въ отцы,—вѣдь ему за сорокъ лѣтъ.

— На видъ ему гораздо меньше; блондины лучше сохраняются, чѣмъ брюнеты.

Дѣйствительно, Ченцовъ казался совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Средняго роста, стройный, хорошо сложенный, онъ держался прямо, хотя иногда спина измѣняла ему, принимая кругловатое положеніе. Сѣрая шинель на красной подкладкѣ,

Digitized by Google

надѣтая въ накидку, прикрывала генеральскій мундиръ съ густыми эполетами, которыя высоко оттопыривали плечи. Лицо нѣсколько блѣдное, оттѣненное фуражкой, имѣло сладенькое выраженье; тонкія губы всегда нѣжно улыбались; свѣтло-голубые глаза смотрѣли вкрадчиво. Отдавъ приказаніе кучеру, онъ ловко повернулся на каблукахъ и вошелъ въ дверь подъѣзда. Не успѣлъ онъ скрыться, какъ къ собранію подъѣхала маленькая двухмѣстная карета съ парой вороныхъ лошадей въ упряжи. Какъ только карета остановилась, лакей въ сѣрой ливреѣ соскочилъ съ козелъ и отворилъ дверцу экипажа; изъ нея высунулась голова начальника штаба, полковника Крефта, въ кепи съ султаномъ. Онъ медленно вышелъ изъ кареты, остановился на ступенькѣ, слегка откинулъ шинель и протянулъ руку, чтобы помочь выйти женѣ. Вслѣдъ за нимъ появилась полная брюнетка съ кругловатымъ румянымъ лицомъ, красивыми черными глазами и пунцовыми полными губами.

— Теперь начинаютъ съѣзжаться аристократки,—замѣтила Лидія, но тутъ ея наблюденія были прерваны вошедшими въ залу офицерами. Молодежь немедленно замѣтила у окна молодыхъ дѣвушекъ и окружила ихъ со всѣхъ сторонъ. Вѣра и Лидія съ веселой улыбкой поднялись и стали здороваться съ ними.

— Вѣра Васильевна! — говорилъ Семицкій, ловко расшаркиваясь передъ молодыми дѣвушками. — Лидія Александровна, какъ давно я не имѣлъ удовольствія видѣть васъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? тѣмъ пріятнѣе встрѣча!—насмѣшливо улыбнулась Лидія.

— Мнѣ кажется, что такое удовольствіе не можетъ измѣниться ни отъ какихъ причинъ,—возразилъ Семицкій.

— Очень рада за васъ,—равнодушно сказала она и продолжала здороваться съ офицерами.

— Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ этого вечера,—говорилъ Семицкій Вѣрѣ,—мы такъ давно не танцовали. Еслибы я не боялся отказа, я осмѣлился бы просить васъ на мазурку,—заискивающе-просительно прибавилъ онъ, заглядывая въ глаза Вѣры.

— Лучше не просите, я ужь дала слово, — улыбнулась она.

— Но когда же? мы первые явились на вечеръ.

Digitized by Google

— Я обѣщала раньше.

— У васъ, кажется, было обыкновеніе не обѣщать ни одного танца до бала.

— На этотъ разъ я сдѣлала исключеніе.

— Семицкій всегда поспѣваетъ раньше другихъ, но нельзя сказать, чтобы кстати, — вмѣшался Ченцовъ. Онъ только что подошелъ къ молодымъ дѣвушкамъ и услышалъ послѣднія слова говорившихъ.

— Ваше превосходительство, можете успокоиться, — насмѣшливо возразилъ Семицкій,—я потерпѣлъ полное фіаско.

— Въ самомъ дѣлѣ?—недовѣрчиво улыбнулся Ченцовъ и сталъ раскланиваться съ молодыми дѣвушками.

— Увѣряю васъ, вотъ хоть сами спросите Вѣру Васильевну,—засмѣялся Семицкій.

Онъ слегка поклонился Ченцову и пошелъ вслѣдъ за Лидіей, которая нѣсколько отошла отъ кузины.

— Этотъ Семицкій слишкомъ ужь развязенъ; мнѣ кажется, придется сказать о томъ его начальнику Ольскому,—съ заискивающе-сладенькой улыбкой говорилъ Ченцовъ, нѣжно сжимая руку Вѣры.

— Ольскій тутъ ничего сдѣлать не можетъ: въ танцахъ нѣтъ начальства,—спокойно возразила она.

Ченцовъ быстрымъ испытующимъ взглядомъ окинулъ ее и хотя въ глазахъ его горѣлъ гнѣвный блескъ, но на губахъ играла все та же сладенькая, нѣжная улыбка.

— Однако, какъ вы его защищаете!—подозрительно сказалъ онъ.

— Я защищаю? и не думаю! я говорила вамъ только то, что вы и сами должны были знать.

— Вы по прежнему холодная, недоступная льдинка,—тихо вздохнулъ онъ.

— Охота вамъ дѣлать такія неподходящія сравненія,—пожала плечами Вѣра.

Между тѣмъ, они поровнялись съ Лидіей, и въ ту же минуту раздался веселый голосъ Семицкаго.

— Лидія Александровна, не утѣшите ли вы меня мазуркой?

Лидія обернулась и насмѣшливо-веселымъ взглядомъ окинула кузину. По губамъ Вѣры промелькнула едва замѣтная

Digitized by Google

улыбка. Въ комнату вошелъ Крефтъ съ женой, и молодыя дѣвушки поспѣшили къ нимъ навстрѣчу.

— Вѣра Васильевна! Лидія Александровна!—говорила Нина Сергѣевна, обнимая молодыхъ дѣвушекъ, — какъ поживаете? Вижу, вижу, веселы и милы, какъ всегда.

— Я здорова, благодарю васъ, — граціозно поклонилась Лидія.

— Я думаю, барышни съ нетерпѣніемъ ждали сегодняшняго вечера?—улыбался Крефтъ, въ свою очередь здороваясь съ ними.

— Я совсѣмъ было и забыла о немъ,—равнодушно возразила Вѣра.

— Какое хладнокровіе и въ такіе молодые годы! — засмѣялся онъ.

— Вы, кажется, предполагаете, что мы способны только веселиться и танцовать,—замѣтила Вѣра.

— Конечно, на то намъ и дана молодость, чтобы жить и веселиться,—продолжалъ улыбаться Крефтъ.

— Нѣтъ, я съ вами не согласна; жизнь слишкомъ серьезная вещь, чтобы тратить ее попусту, — спокойно отвѣтила она.

— Въ первый разъ я слышу такія вещи изъ устъ молоденькой дѣвушки.

— Потому что вы ни съ кѣмъ изъ нихъ не говорили серьезно.

Разговаривая такимъ образомъ, все общество направилось въ гостинную, на порогѣ которой ихъ встрѣтилъ Василій Васильевичъ, а затѣмъ и Софья Кондратьевна. Молодыя дѣвушки вернулись обратно въ залу, куда уже входило цѣлое семейство.

— Вотъ и Лярскіе явились!—тихо шепнула Лидія кузинѣ;—жаль, что еще нѣтъ Викентія Степановича; Люба съ нимъ пококетничала бы вволю.

Вѣра окинула вновь прибывшихъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ. Впереди шла средняго роста стройная дама, въ длинномъ сѣромъ шолковомъ платьѣ и черной кружевной наколкѣ. Ея бѣлое овальное лицо сохраняло еще свѣжесть молодости; голубые глаза смотрѣли мягко и ласково; пунцовыя губы, улыбаясь, показывали два ряда крупныхъ бѣлыхъ

Digitized by Google

зубовъ. Вслѣдъ за нею шелъ офицеръ въ мундирѣ жандармскаго генерала. Продолговатое красивое лицо его съ мелкими чертами и блестящими черными глазами выражало равнодушіе и усталость; только на губахъ, окаймленныхъ маленькими черными усами, мелькала едва замѣтная, насмѣшливо-презрительная улыбка, когда взоръ его останавливался на шедшей впереди дамѣ. За нимъ быстро слѣдовала молодая дѣвушка, гибкая, стройная, въ легкомъ резедовомъ платьѣ. Лицо ея, сѣровато-блѣдное, носило отпечатокъ хитрости и лукавства; большой ротъ складывался въ кокетливо-игривую улыбку. Вѣра и Лидія встрѣтились съ ними посреди залы; послѣдовали общія привѣтствія. Изъ гостинной, навстрѣчу къ нимъ, вышелъ Василій Васильевичъ; въ дверяхъ уже ждала Софья Кондратьевна. Все общество солидныхъ гостей ушло вмѣстѣ съ ними; въ залѣ остались однѣ молодыя дѣвушки, и ихъ со всѣхъ сторонъ немедленно окружили офицеры. Въ ожиданіи танцевъ, они принялись гулять по комнатѣ; ихъ веселый смѣхъ и говоръ гулко отдавался въ стѣнахъ.

— Какъ всегда весело бываетъ въ офицерскомъ собраньѣ!— начала Люба, кокетливо обмахиваясь вѣеромъ, — совсѣмъ не то, что въ нашихъ городскихъ клубахъ.

— Да, въ особенности въ англійскомъ,—улыбнулась Вѣра,—помните, какъ монотонны и тоскливы тамъ были вечера въ нынѣшнемъ году.

— Еще бы не помнить:—воскликнула Лидія?—я чуть не умерла со скуки, когда меня повезли туда въ первый разъ.

— Я бывала въ англійскомъ клубѣ только по обязанности,—сказала Люба,—то-есть, когда назначались большіе балы или лотереи.

— Они нисколько не уменьшали скуки,—замѣтила Вѣра,— и почти ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ собраній.

— Ахъ, mesdames, развѣ вы забыли, что это англійскій клубъ, — съ саркастической улыбкой вмѣшался Долинскій:— онъ и долженъ носить отпечатокъ характера туманнаго Альбіона и наводить на всѣхъ сплинъ.

— Вы не можете обойтись безъ насмѣшекъ, Степанъ Флоріановичъ,—улыбнулась Вѣра.—Ну, что можетъ быть общаго между нашимъ клубомъ и англичанами, кромѣ одного только названія?

Digitized by Google

— Да вотъ этотъ самый сплинъ, о которомъ рѣчь идетъ,— продолжалъ иронически улыбаться Долинскій,—развѣ онъ не тѣсно связываетъ насъ съ ними?

— Съ вами не сговоришь,—пожала плечами молодая дѣвушка,—вы всегда...

Но тутъ рѣчь ея была прервана новыми гостями, входившими въ залу. Прежде всѣхъ показался небольшаго роста плотный старикъ въ генеральскомъ, артиллерійскомъ мундирѣ, съ полнымъ продолговатымъ лицомъ, изрытымъ оспою. Маленькіе, добрые голубые глаза смотрѣли привѣтливо и ласково изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей; то же выраженіе доброты и привѣтливости отражалось и въ улыбкѣ его нѣсколько толстыхъ губъ съ длинными сѣдыми усами. Возлѣ него плавно шла средняго роста полная дама; за нею далеко тянулся длинный шлейфъ темно-коричневаго шолковаго платья. Кружевная наколка высоко лежала на слегка взбитыхъ темныхъ волосахъ, обрамлявшихъ кругловатое полное лицо съ косыми голубыми глазами, маленькимъ вздернутымъ носомъ и тонкими блѣдными губами большаго, красиво очерченнаго, рта. Позади нея быстро слѣдовала маленькая, стройная, худенькая дѣвушка въ легкомъ свѣтло-голубомъ платьѣ. Черные локоны ея, подобранные лентами подъ цвѣтъ платья, хорошо оттѣняли худенькое, блѣдное, острое личико съ живыми черными глазами. Это было скорѣе лицо ребенка, чѣмъ взрослой дѣвушки,—такъ оно казалось ребячески-бойко и наивно; только полныя розовыя, точно выпуклыя, губы маленькаго рта и твердо очерченный подбородокъ говорили о силѣ воли уже взрослаго существа. Дальше за нею медленно шла высокая, стройная дѣвушка въ длинномъ сѣромъ платьѣ, отдѣланномъ розовыми лентами и кружевами. Такіе же черные локоны окаймляли овальное блѣдное лицо съ большими, кроткими, черными глазами. Эти большіе прекрасные глаза, да милая добрая улыбка ея красивыхъ губъ сглаживали природный недостатокъ—слишкомъ длинный носъ, который безъ этого безобразилъ бы все ея лицо.

— Вотъ и Пензенскіе!—тихо сказала Лидія и пошла къ нимъ навстрѣчу.

Вѣра и Люба послѣдовали за нею.

— Посмотри, Вѣра, какъ мила сегодня Ольга, — указала

Digitized by Google

Лидія на дѣвушку, шедшую сзади,—удивляюсь, почему Елена Яковлевна любитъ ее меньше Лизы; по моему она гораздо лучше сестры.

— Да, и Викторъ Митрофановичъ вполнѣ раздѣляетъ ваше мнѣніе,—улыбнулась Люба:—посмотрите, какъ онъ торопится къ ней навстрѣчу.

Дѣйствительно, высокая, нѣсколько сутуловатая фигура Бремича далеко опередила молодыхъ дѣвушекъ; онъ, видимо въ радостномъ волненьѣ, спѣшилъ впередъ, забывая о возможности всякихъ пересудовъ свѣта. Онъ уже успѣлъ поздороваться со всѣми, когда къ нимъ подошли молодыя дѣвушки. Радушно и весело расцѣловались онѣ со своими подругами и ихъ матерью, и пожали руку Петру Тимофеевичу. Но не успѣли они двинуться дальше, какъ въ залу вошло еще семейство. Во главѣ показался средняго роста плотный офицеръ лѣтъ подъ сорокъ съ напускною важностью въ лицѣ и манерахъ. Полковничій мундиръ его окаймлялся чернымъ воротникомъ; густые эполеты сверкали на плечахъ. Въ голубыхъ на выкатѣ глазахъ его, защищенныхъ очками, не было никакого выраженія; правильный носъ имѣлъ красноватый оттѣнокъ; большой ротъ съ огромными зубами окаймлялся маленькими черными усами, закрученными въ колечки. Опираясь на его руку, шла маленькая сгорбленная старушка въ коричневомъ шолковомъ платьѣ и персидской шали, накинутой на плечи.

Худое сморщенное лицо ея съ сѣдыми волосами, гладко причесанными на лбу, и черными глазами выражало недовѣріе, подозрительность и недоброжелательство; они ярко отражались въ ея испытующе-пронзительномъ взглядѣ и насмѣшливо-ехидной улыбкѣ. Сзади нея медленно подвигалась дѣвушка лѣтъ сорока, слегка придерживая шлейфъ голубаго шолковаго платья. На полномъ продолговатомъ лицѣ ея сѣроватаго цвѣта лежало выраженіе язвительной насмѣшки; она отражалась въ маленькихъ черныхъ глазахъ и въ улыбкѣ свернутыхъ трубочкой тонкихъ блѣдныхъ губъ. Возлѣ нея также спокойно шла вторая сестра, повидимому, нѣсколько моложе ея; она была выше, хотя фигура ея, выигрывая въ ростѣ, проигрывала въ остальномъ; плоская грудь и выдавшіяся лопатки спины совершенно безобразили ее. Пепельные волосы гладко прилегали къ низкому лбу длиннаго съ широкими скулами

Digitized by Google

лица; маленькіе черные глаза, толстый носъ и большой ротъ дѣлали ее положительно некрасивой.

— Ахъ, вотъ и Волковскіе!—нѣжно сказала Люба и поспѣшила къ нимъ навстрѣчу.

Она ласково поздоровалась со старухой и ея дочерьми, и кокетливо подала руку Викентію Степановичу. Но Вѣра и Лидія не шли къ нимъ; онѣ оставались съ Пензенскими, поджидая ихъ приближенія. Скоро все общество сошлось посреди залы и стало привѣтствовать другъ друга.

— Какъ вы блѣдны, душечка!—говорила старуха Волковская Вѣрѣ, внимательно взглянувъ на нее своими зоркими, черными глазами,—здоровы-ли вы?

— Мерси, я чувствую себя совершенно хорошо, — слегка поклонилась Вѣра.

— Значитъ, мнѣ такъ показалось, тѣмъ лучше; только ваше лицо мало разнится въ цвѣтѣ отъ вашего платья.

— Ахъ, Клеопатра Антоновна, вмѣшалась Лидія, — вы знаете,—Вѣра никогда не бываетъ розовой.

— Да, это правда, не всѣ обладаютъ тѣмъ цвѣтомъ лица, какой былъ у моей Раички.

— Во времена оно!—небрежно прибавила Лидія,—потому что теперь его и въ поминѣ нѣтъ.

— Вы какъ будто мнѣ не вѣрите?—обидѣлась Клеопатра Антоновна.

— Какъ мнѣ не вѣрить? Вѣдь я не видѣла Раису Степановну во дни ея молодости, тогда меня еще не было на свѣтѣ,—пожала плечами Лидія.

— Вотъ какъ!

— О чемъ идетъ рѣчь? — нѣжно спросила Раиса Степановна, услышавъ свое имя.

— Мы говорили о васъ, — отвѣтила Лидія, — ваша мама восхищалась цвѣтомъ вашего лица.

— Неужели?—улыбнулась Раичка.—Ахъ, мама, какая вы проказница!

— Да, и Лидія Александровна прибавила, что въ то время ея еще и на свѣтѣ не было,—ѣдко сказала Клеопатра Антоновна.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы успѣли сосчитать мои года?—возразила Раичка, пріятная улыбка которой превратилась въ язвительную гримасу.

Digitized by Google

— Неужели вы думаете, что я такъ много занимаюсь вами?— съ досадой сказала Лидія, — я знала это только потому, что вы ровесница моей мамы.

— А что, Лидочка, ты не соскучилась безъ танцевъ?— спросилъ вышедшій изъ гостинной полковникъ Линскій, послѣ привѣтствія съ гостями.

— О, нѣтъ, дядя, мнѣ и такъ весело,—улыбнулась она.

— Ты, кажется, занята была интереснымъ разговоромъ?— спросилъ онъ и окинулъ насмѣшливымъ взглядомъ красную отъ злости Раичку, на губахъ которой играла любезная улыбка, но въ глазахъ еще сверкалъ гнѣвный блескъ.

— Ахъ, да, отвѣтила за нее Раичка, — Лидія Александровна такая веселая, живая барышня, такъ ловко умѣетъ отдѣлать каждаго.

— Да, Лидочка большая умница, — сказалъ Василій Васильевичъ,—недаромъ же вся дивизія отъ нея безъ ума. Кстати, скоро ли пріѣдутъ твои?

— Мама сказала, что будетъ здѣсь къ 9 часамъ.

— Но теперь гораздо болѣе девяти; что же это значитъ?

— Мама вѣрно одѣвается, а папа бѣгаетъ, суетится и мѣшаетъ ей.

— Должно быть такъ!—улыбнулся Линскій.

Скоро все общество раздѣлилось; солидные гости ушли вмѣстѣ съ Василіемъ Васильевичемъ; молодыя дѣвушки въ сопровожденіи офицеровъ пошли гулять по залѣ.

— Вѣра Васильевна, — началъ Волковскій, когда Лидія вмѣстѣ съ Любой нѣсколько отдалились отъ нихъ,—вы не забыли своего обѣщанія относительно мазурки?

— Конечно, нѣтъ, я оставила ее для васъ.

— Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ! — радостно воскликнулъ онъ.

— Право, не за что, вѣдь это только мазурка,—холодно отвѣтила она.

Воспользовавшись его замѣшательствомъ, Вѣра поспѣшила къ Лидіи, взяла ее подъ руку и присоединилась къ обществу молодежи.

Въ гостинной собралась аристократія города и полка.

Большая лампа съ розовымъ колпакомъ, на столѣ передъ

Digitized by Google

диваномъ, мягкимъ свѣтомъ озаряла все общество, а нѣсколько другихъ лампъ, прибитыхъ по стѣнамъ, усиливали этотъ свѣтъ, не разгоняя розоваго оттѣнка внизу. У большаго стола, окруженный офицерами своего полка и генералами, сидѣлъ Василій Васильевичъ и поддерживалъ оживленный разговоръ. По-видимому, онъ былъ веселъ и спокоенъ, но на душѣ у него становилось тревожно; почти всѣ приглашенные собрались; пора было начинать танцы, а между тѣмъ братъ, начальникъ дивизіи, до сихъ поръ еще не явился. Хотя полковникъ былъ вполнѣ увѣренъ въ его пріѣздѣ, — сегодня утромъ они видѣлись и говорили о вечерѣ; братъ даже прислалъ дочь свою къ нимъ,—тѣмъ не менѣе его долгое отсутствіе невольно тревожило Василія Васильевича. По временамъ онъ окидывалъ испытующимъ взглядомъ жену, и ея спокойное веселое настроеніе нѣсколько облегчало его. Софья Кондратьевна сидѣла напротивъ него на диванѣ и оживленно разговаривала съ Клеопатрой Антоновной, матерью Волковскаго, маленькая сгорбленная фигурка которой, въ нарядномъ чепцѣ едва виднѣлась въ глубокомъ креслѣ съ высокой спинкой. Софья Кондратьевна и не подозрѣвала о безпокойствѣ мужа; она незамѣтно, но внимательно осматривала туалетъ Елены Яковлевны, сидѣвшей въ креслѣ неподалеку отъ нея. На смугломъ лицѣ Пензенской играла веселая улыбка; въ косыхъ голубыхъ глазахъ горѣлъ лучъ удовольствія; она знала, что нарядъ ея принадлежалъ къ числу лучшихъ, въ особенности прекрасная дорогая косынка изъ настоящихъ кружевъ, — предметъ зависти многихъ любительницъ. Это сознаніе дѣлало ее особенно любезной; она съ увлеченіемъ занимала Нину Сергѣевну Крефтъ, свою сосѣдку справа. Польщенная ея любезностью, Нина Сергѣевна весело поддерживала разговоръ, но не догадывалась о причинѣ ея оживленія и забыла полюбоваться ея дорогимъ нарядомъ. Для Крефтъ весь жизненный интересъ заключался въ любви къ мужу и заботѣ о дѣтяхъ; наряды мало занимали ее и оставались далеко на заднемъ планѣ. Спокойствіе и доброта отражались на ея красивомъ полномъ лицѣ; пунцовыя губы ласково улыбались, черные глаза смотрѣли привѣтливо-доброжелательно.

Все общество въ гостинной продолжало весело разговаривать, когда въ дверяхъ показался лакей.

Digitized by Google

— Ваше высокоблагородіе,—обратился онъ къ Линскому,— генералъ съ генеральшей изволили пріѣхать.

III.

Въ комнатѣ все заволновалось. Василій Васильевичъ поспѣшно всталъ и, слегка прихрамывая, вышелъ въ залу; за нимъ немедленно послѣдовала Софья Кондратьевна. Многіе мужчины вышли вслѣдъ за Линскими и остановились у дверей залы, позади Софьи Кондратьевны. По данному сигналу, музыка заиграла торжественный маршъ; онъ громко раздался по всему дому. Василій Васильевичъ вышелъ въ переднюю встрѣтить брата; офицеры сгруппировались у дверей залы и пропустили впередъ старшихъ. Только молодыя дѣвушки, съ Вѣрой и Лидіей во главѣ, продолжали гулять по залѣ и весело разговаривали съ окружающей ихъ молодежью. Между тѣмъ, въ комнату вошелъ подъ руку съ женой генералъ Линскій. Генеральскій мундиръ, плотно облекая его станъ, выказывалъ всю его пропорціональность, которая ничего не теряла отъ полноты и маленькаго роста. Густые эполеты сверкали и искрились на плечахъ; много крестовъ съ мечами и звѣзда украшали его грудь. Продолговатое лицо его дышало умомъ и радушіемъ; глубокая мысль отражалась въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ, окаймленныхъ длинными черными рѣсницами и такими же тонкими бровями. Эти глаза, теперь такіе добрые и привѣтливые, въ минуты возбужденія загорались яркимъ фосфорическимъ блескомъ и придавали его симпатичному лицу видъ мужественной красоты и силы. Въ черныхъ волосахъ его вокругъ высокаго бѣлаго лба не было ни одной серебряной нити, носъ немного широкъ; ротъ, съ длинными усами и нѣсколько толстой нижней губой, носилъ отпечатокъ доброты и веселаго юмора. Медленно слѣдуя рядомъ съ женой, онъ былъ одного роста съ нею, хотя, въ отдѣльности, его маленькая фигурка казалась гораздо ниже ея. Съ доброй, привѣтливой улыбкой онъ отвѣчалъ на поклоны присутствующихъ, по временамъ подавалъ руку старшимъ офицерамъ и для каждаго находилъ ласковое слово. Опираясь на его руку, величественно шла генеральша; длинный шлейфъ вишневаго бархатнаго платья изящно и плавно тянулся за нею. Черные

Digitized by Google

волосы, полузакрытые кружевной наколкой, спускались двумя локонами на лобъ, а на полныхъ губахъ мелькала привѣтливая улыбка. Черная кружевная косынка, граціозно накинутая на плечи, далеко превосходила своею красотою и цѣнностью всѣ наряды дамъ.

— Наконецъ-то вы пріѣхали, сестрица, — сказала Софья Кондратьевна, сжавъ руку генеральши,—мы совсѣмъ заждались васъ. Ваше отсутствіе дѣлало праздникъ нашъ очень скучнымъ.

— Вѣроятно, наши часы опаздываютъ; мы выѣхали ровно въ 9 часовъ,—возразила генеральша и стала здороваться съ окружающими.

— А что, братъ Василій, — говорилъ генералъ, направляясь въ гостинную, — мы не очень опоздали своимъ пріѣздомъ?

— Немножко,—улыбнулся Василій Васильевичъ, — молодежь навѣрное соскучилась въ ожиданіи танцевъ.

— Это вотъ все Настичка виновата, я разъ 20 прибѣгалъ къ ней въ уборную, да никакъ не могъ поднять ее раньше.

— То же самое говорила мнѣ и твоя Лидочка,—засмѣялся полковникъ; — она очень картинно описывала сцену между тобой и сестрицей.

— Ахъ, она плутовка! вотъ вѣдь наблюдательный умъ... отъ нея ничто не скроется.

— Да, твоя Лидочка большая умница,—серьезно сказалъ Василій Васильевичъ. Онъ зналъ слабость брата къ единственной дочери.

— Не правда ли?—съ живою радостью быстро обернулся къ нему генералъ,—такъ я не одинъ нахожу Ляду такою?

— Конечно, нѣтъ; въ моемъ полку, кажется, всѣ офицеры отъ нея безъ ума.

— У нихъ недурной вкусъ, но, не смотря на это, я долженъ сказать, что у тебя несовсѣмъ хорошій составъ офицеровъ. Впрочемъ, для Лидіи это совершенно безразлично.

— Отчего же? Развѣ ты не намѣренъ выдавать ее замужъ?

— Что ты? Что ты? она еще совсѣмъ ребенокъ!—тревожно взглянулъ на него генералъ.

Digitized by Google

— Не теперь, конечно, но со временемъ.

— Тогда посмотримъ, а теперь нечего еще объ этомъ и думать.

«Чудакъ да и только мой братъ! — думалъ про себя полковникъ:—взрослую дѣвушку считаетъ ребенкомъ. Положимъ, Лидія глядитъ настоящимъ дитятей, да только ей вѣдь 17 лѣтъ, пора бы подумать объ ея замужствѣ. Впрочемъ, она имѣетъ деньги, а съ ними нечего бояться дожить до сѣдой косы».

— Ты не повѣришь, какая она у насъ разумная,—говорилъ, между тѣмъ, генералъ:—еще маленькой дѣвочкой, помнишь вѣдь, она придумывала такія штуки, какихъ намъ съ тобою и во снѣ не приснится. Въ институтѣ ее считали хорошей ученицей, хоть и шалуньей первой руки. Въ этомъ случаѣ она вся выдалась въ меня; помнишь, какимъ шалуномъ былъ я въ корпусѣ?

— Да, да, тебѣ часто доставалось за твои проказы, хотя ты все таки вышелъ въ артиллерію.

Разговаривая такимъ образомъ, они вошли въ гостинную, гдѣ на большомъ диванѣ уже сидѣли генеральша и Софья Кондратьевна съ городскими и полковыми дамами.

— Александръ Васильевичъ,—обратилась Нина Сергѣевна къ генералу, какъ только онъ, послѣ общихъ привѣтствій, усѣлся неподалеку отъ жены, — вы не знаете, кто назначенъ командиромъ 4-го полка.

— Какъ же, знаю; на дняхъ я получилъ свѣдѣніе о томъ изъ Петербурга,—отвѣтилъ онъ.

— Кто же такой? Скажите!

— А вамъ очень интересно знать?—улыбнулся генералъ.

— Конечно, иначе я бы и не спрашивала,—засмѣялась Крефтъ.

— Ахъ, папа, ты вѣчно со своими придирками!—вмѣшалась Лидія.

Она, вмѣстѣ съ обществомъ молодежи, вошла въ гостинную и остановилась позади его кресла.

— А ты что вмѣшиваешься не въ свое дѣло, плутовка?—съ улыбкой взглянулъ на нее генералъ.

— Ну, какъ же мнѣ молчать, если это меня интересуетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Желалъ бы я знать: почему?

— Потому что онъ, можетъ быть, интересный молодой человѣкъ; тогда у насъ прибудетъ новый кавалеръ.

Digitized by Google

— А, очень можетъ быть. Какъ мнѣ пишутъ, князь Пронскій—молодой еще офицеръ и, конечно, будетъ у васъ первымъ кавалеромъ, онъ навѣрное хорошо танцуетъ.

— Почему же вы знаете, что онъ танцуетъ? — спросила Лиза Пензенская, внимательно слушая разговоръ.

— Онъ изъ гвардіи, а всѣ гвардейцы танцуютъ,—насмѣшливо отвѣтилъ генералъ.

— Резонъ! противъ этого спорить нельзя, — засмѣялась Лидія,—но только такое удостовѣреніе я желала бы слышать отъ него самого.

— Вы не знаете, Александръ Васильевичъ, женатъ онъ или нѣтъ?—скосила Елена Яковлевна Пензенская на генерала свои свѣтлые глаза.

— Нѣтъ, не женатъ,—по крайней мѣрѣ, такъ значится въ его формулярѣ,—спокойно возразилъ онъ.

— Еще женихъ для нашихъ барышенъ, — съ улыбкой оглянула молодыхъ дѣвушекъ Нина Сергѣевна.

Генералъ слегка нахмурился и окинулъ тревожнымъ взглядомъ Лидію: она уже стояла противъ него за кресломъ дяди, сѣдая голова котораго слегка касалась ея руки. Ея небрежно-граціозная поза и равнодушный видъ нѣсколько успокоили его.

— Кто-то будетъ княгиней Пронской, желала бы я знать,— томно сказала Елена Яковлевна.

— Развѣ можно угадать будущее?—возразила генеральша,—можетъ быть, никто изъ здѣшнихъ.

— Жаль, что онъ не пріѣхалъ къ нынѣшнему дню; нашъ праздникъ пріобрѣлъ бы новый интересъ,—замѣтилъ Василій Васильевичъ.

— Послушай, Лида,—сказала Вѣра, только что вошедшая въ гостинную,—пойдемъ въ залу; молодежь проситъ начинать танцы, а Волковскій положительно надоѣлъ мнѣ.

— Хорошо, пойдемъ; дядя,—обратилась она къ полковнику Линскому,—не пора ли начинать танцы?

— Тебѣ бы все прыгать, стрекоза,—улыбнулся ей генералъ.

— Да вѣдь не сидѣть же сиднемъ, какъ ты.

— Ахъ, ты егоза, егоза!—смѣясь, грозилъ ей генералъ.

— Подожди, Вѣра, не дергай меня, я сейчасъ пойду съ

Digitized by Google

тобою въ залу,—обратилась Лидія къ нетерпѣливо теребившей ее кузинѣ.

— И тебѣ хочется попрыгать, крестница?—обернулся генералъ къ Вѣрѣ.

— Да, дядя, ко мнѣ уже давно всѣ пристаютъ съ просьбами о танцахъ.

— Ну, такъ танцуйте; что съ вами подѣлаешь? Вѣдь такъ, братъ? пусть они танцуютъ!

— Да, да, Вѣра; ты скажи дирижеру, пусть начинаютъ,— обратился полковникъ къ дочери.

— Хорошо, папа, я сейчасъ передамъ.

Онѣ направились въ залу. Тамъ Люба Лярская, въ отсутствіи Вѣры, совершенно овладѣла Волковскимъ. Они сидѣли за маленькимъ круглымъ столикомъ у окна; молодая дѣвушка оживленно занимала его со всѣмъ искусствомъ и кокетствомъ, на какія только была способна. Длинный шлейфъ платья изящнымъ вѣеромъ лежалъ у ея ногъ, кончики которыхъ граціозно выглядывали изъ-подъ него; руки, опущенныя на колѣни, небрежно играли вѣеромъ; гибкій станъ, откинувшись на спинку стула, принималъ красивыя живописныя позы. Волковскій все съ тѣмъ же надуто-важнымъ видомъ поддерживалъ разговоръ, но, повидимому, не раздѣлялъ ея увлеченія. Въ дверяхъ залы, опираясь на спинку стула, стояла Неонила Валеріановна Лярская и разговаривала со старшей сестрой Волковскаго. При вечернемъ освѣщеніи, мать Любы казалась такой молодой и красивой, что ее можно было скорѣе назвать старшей сестрой дочери, нежели матерью. Во время разговора, Неонила Валеріановна бросала быстрый, многозначительный взглядъ на дочь; Люба отвѣчала ей по временамъ легкимъ наклоненіемъ головы. Ласковая улыбка мелькала на красивыхъ губахъ Неонилы Валеріановны, когда она обращалась къ своей собесѣдницѣ, но темные глаза Раисы Степановны смотрѣли холодно и спокойно; тонкія блѣдныя губы сохраняли сосредоточенно-серьезное выраженіе. Между тѣмъ, Вѣра и Лидія появились въ залѣ.

Быстрымъ внимательнымъ взглядомъ Лидія окинула комнату, плутовски улыбнулась и слегка сжала руку кузины. Слѣдуя по направленію ея взгляда, Вѣра увидѣла Любу и Волковскаго, которыхъ совсѣмъ не замѣтила при входѣ.

Digitized by Google

— Вѣра, посмотри, какъ ухаживаетъ Люба за твоимъ женихомъ; чего добраго она отобьетъ его у тебя, тихо прошептала Лидія.

— Ахъ, какъ бы я была рада!—слабо вздохнула Вѣра.

Легкая улыбка мелькнула на ея губахъ, въ сердцѣ вспыхнула надежда избавленія; она крѣпко сжала руку Лидіи, безмолвно высказывая свои чувства. Лидія понимала все, что происходитъ въ сердцѣ кузины; она весело засмѣялась и отвѣтнымъ пожатіемъ показала, что вполнѣ раздѣляетъ ея взгляды. Какъ ни хотѣлось имъ поговорить на эту тему, но офицеры окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, и никакой возможности къ откровенной бесѣдѣ не представлялось.

— Все зависитъ отъ искусства,—говорила, между тѣмъ, Люба Волковскому,—голосъ самъ по себѣ не можетъ доставить удовольствія, если онъ не обработанъ, какъ слѣдуетъ.

Она граціозно склонила головку и окинула своего собесѣдника нѣжнымъ искрящимся взглядомъ.

— Нѣтъ, я съ вами не согласенъ, — спокойно и важно отвѣтилъ онъ: — если нѣтъ голоса, такъ врядъ ли искусство можетъ замѣнить его; тѣ же, которые обладаютъ имъ, и безъ обработки могутъ доставить удовольствіе своимъ пѣніемъ, вотъ какъ, напримѣръ, Лидія Александровна,—прибавилъ онъ и взглянулъ на проходившую мимо нихъ Лидію.

Люба уловила взглядъ Волковскаго и замѣтила, какъ омрачилось его лицо, когда мимо него холодно и равнодушно прошла Вѣра.

— Лидія беретъ уроки пѣнія, сказала Люба,—впрочемъ она, кажется, ни на что больше не способна, какъ только пѣть и танцовать; да и Вѣра хотя много серьезнѣе ея, однако, ничего не можетъ сдѣлать даже для себя самой.

— Когда пожелаешь, то всему легко научиться.

— Но вотъ вопросъ: пожелаетъ ли она когда нибудь?

— Навѣрное да, если выдетъ замужъ и нападетъ на дѣльнаго мужа.

— Не думаю, чтобы мужъ, какъ бы онъ ни былъ разуменъ, захотѣлъ учить такимъ вещамъ свою жену.

— Почему же? Развѣ это такъ трудно?

— Конечно, нѣтъ, но у него не хватитъ на то времени. Я очень благодарна своей мамѣ, что она пріучаетъ меня ко

Digitized by Google

всему; я умѣю разобрать мясо,—отъ какой оно части, заказываю обѣдъ и вообще хозяйничаю за маму.

— Очень хорошо; въ будущемъ такія знанія вамъ пригодятся.

— О, да, конечно,—отвѣчала Люба и кокетливо выдвинула ножку, кончикомъ которой стала играть по паркету.— Потомъ, мнѣ кажется, здоровье много значитъ въ жизни,— продолжала она съ заигрывающе-нѣжнымъ взглядомъ,—а Вѣра такая болѣзненная; посмотрите, какъ она блѣдна и желта; я думаю, она чѣмъ нибудь больна.

— Это часто бываетъ съ дѣвушками, но по выходѣ въ замужство онѣ поправляются, полнѣютъ и дѣлаются свѣжими и румяными.

— Не всегда; многія вѣчно киснутъ, хвораютъ; подобное зрѣлище не должно быть пріятно мужу.

— Да, больная жена—это болѣзнь всего дома.

— Вотъ видите, и вы раздѣляете мое мнѣніе! — Какъ я рада, что пользуюсь хорошимъ здоровьемъ, — привлекательно улыбнулась Люба,—не помню, была ли я когда больна.

— Вы очень счастливы; я завидую вамъ, тѣмъ болѣе, что самъ не могу похвалиться здоровьемъ,—со сдержаннымъ неудовольствіемъ возразилъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Очень сожалѣю о васъ; болѣть, должно быть, скучно; ухаживать же за больными дѣло другое, это моя страсть! Когда мамѣ не здоровится, я не отхожу отъ нея ни на одинъ шагъ. Она часто мнѣ говоритъ: — изъ тебя, Люба, вышла бы отличная сестра милосердія.

— Вашъ братъ, кажется, женится?—съ пріятной улыбкой спрашивала Раичку Неонила Валеріановна, — я что-то слышала.

— Еще нѣтъ ничего рѣшеннаго,—спокойно отвѣчала старшая сестра Волковскаго; — братъ только думаетъ и выбираетъ.

— Да, женитьба такая серьезная вещь, что, не обдумавъ, какъ слѣдуетъ, нельзя на нее рѣшиться. Вѣдь можно сдѣлать такую ошибку, за которую придется платиться всю жизнь!

— Братъ не ребенокъ, онъ ничего не сдѣлаетъ наобумъ.

— О, да, конечно, но иногда разсчеты умнѣйшихъ людей оказываются впослѣдствіи невѣрными.

Digitized by Google

— Надѣюсь, ничего такого съ братомъ не случится: у него есть мать и сестры; онѣ не допустятъ его до ошибокъ,— серьезно отвѣтила Раичка.

— Ахъ, онѣ и сами могутъ быть обмануты; напримѣръ, понадѣются, что невѣста богата, а она ничего не принесетъ въ приданое,—испытующимъ окомъ взглянула Лярская въ темные глаза своей собесѣдницы.

— Братъ не ищетъ богатства; у него самого есть обезпеченныя средства. Онъ хочетъ имѣть подругу по душѣ, хорошую хозяйку въ домѣ, бережливую и экономную жену, и почтительную дочь своей матери.

— Ахъ, это такъ трудно найти!—граціозно оправила Лярская длинный шлейфъ сѣраго платья: — всѣ наши дѣвушки только и думаютъ, что о нарядахъ и выѣздахъ; гдѣ ужь имъ заботиться о мужѣ и хозяйствѣ! Да вотъ, напримѣръ, хоть Вѣра Васильевна; она, кажется, ни къ чему не пріучена; Софья Кондратьевна ей даже близко къ кухнѣ подходить не позволяетъ. Какая же выдетъ изъ нея хозяйка?

— Къ этому она можетъ привыкнуть впослѣдствіи: хозяйство вещь нетрудная,—возразила Раичка.

— Вотъ я свою Любу совершенно иначе воспитываю; она выдаетъ повару провизію, заказываетъ обѣдъ, провѣряетъ, что онъ приноситъ съ базара. Вообще, я могу похвалиться, что изъ нея выдетъ отличная хозяйка.

— Если ей до тѣхъ поръ не надоѣстъ хозяйство.

— О, нѣтъ, она имѣетъ къ нему особенное пристрастіе,— улыбнулась Неонила Валеріановна.—Повѣрите ли, она цѣлый день занята и даже платья себѣ шьетъ сама,—такая трудолюбивая!

— И это платье, что теперь на ней, сшито ея руками?— взглянула Раичка въ ту сторону, гдѣ, вмѣстѣ съ ея братомъ, все еще сидѣла Люба.

— О, нѣтъ, къ бальнымъ платьямъ она еще не примѣнилась, хотя надѣюсь, что со временемъ всему научится; но она каждый день шьетъ себѣ сама.

— Прекрасно! Вы рѣдкая мать, — поощрительно сказала Раичка.

— Да, я ко всему ее пріучаю, хотя она принесетъ за собою 10 тысячъ приданнаго,—скромно опустила глаза Лярская.

Digitized by Google

Мимо нихъ промелькнула маленькая сгорбленная фигурка Клеопатры Антоновны; она миновала залу и скрылась въ дверяхъ уборной. Тамъ, для услугъ танцующимъ, находились Паша и Наталья Семеновна, экономка генерала Линскаго. Волковская немедленно расположилась въ креслѣ у туалета и осторожно принялась ихъ разспрашивать. Къ ея удовольствію, дамы въ ожиданіи танцевъ находились въ залѣ, и никто не мѣшалъ ихъ занимательному разговору. Довольная ея вниманіемъ, Паша откровенно говорила обо всемъ; даже экономка поддалась интересу бесѣды и сообщала всѣ свѣдѣнія, о которыхъ спрашивала старуха.

Между тѣмъ, въ залѣ еще не начинались танцы; Вѣра и Лидія, занятыя веселой болтовней съ молодежью, не успѣли передать дирижеру порученія полковника Линскаго.

— Яковъ Николаевичъ, вы будете танцовать сегодня?— обратилась Лидія къ Друздецкому, замѣтивъ его въ дверяхъ залы.

— Ахъ, Лидія Александровна, вы вѣрно въ насмѣшку меня спрашиваете? Развѣ можетъ танцовать такой инвалидъ, какъ я?

— Вы-то инвалидъ?—съ улыбкой взглянула Вѣра на полное румяное лицо Друздецкаго, по васъ этого не видно.

— Да я и сама ему не вѣрю; Яковъ Николаевичъ вѣчно сочиняетъ басни,—засмѣялась Лидія.

— Вотъ тебѣ и на! Я не думалъ, что вы обо мнѣ такого дурнаго мнѣнія.

— Тутъ нѣтъ ничего дурнаго,—вмѣшался Евичъ,—но вѣдь всѣмъ въ полку извѣстно, что Яковъ Николаевичъ ловко умѣетъ выдумать и распустить какую угодно басню.

— Это неправда,—смѣялся Друздецкій; — не вѣрьте ему, Лидія Александровна,—онъ самъ сочинитъ, а потомъ все взвалитъ на меня.

— Да я не въ состояніи ничего придумать,—простодушно отвѣтилъ Евичъ, — напримѣръ, такую штуку, какъ ты удралъ съ Сокольскимъ... да мнѣ во всю жизнь не сочинить ничего подобнаго.

— А что онъ сдѣлалъ съ Сокольскимъ? Разскажите; это интересно,—вмѣшалась Лидія.

— Не теперь, Лидія Александровна, послѣ когда нибудь я самъ разскажу вамъ,—улыбался Друздецкій.

Digitized by Google

— Хорошо, помните же свое обѣщанье. А знаете, къ вамъ назначенъ новый командиръ.

— Да, еще вчера напечатано было въ «Инвалидѣ».

— Не прикажете ли начинать танцы?—обратился Семицкій къ Вѣрѣ.

— Конечно, можно, не правда ли, Лидія?

— Да, да, пожалуйста; мы совсѣмъ забыли о порученіи дяди.

Живая фигурка Семицкаго быстро направилась къ передней, гдѣ полукругомъ стояли музыканты въ ожиданіи сигнала; вслѣдъ затѣмъ, громко грянулъ вальсъ, весело разнесшійся по всему дому. Лидія невольно вздрогнула; на блѣдныхъ щечкахъ Вѣры выступилъ мимолетный румянецъ. Въ дверяхъ гостинной изъ залы показались группы офицеровъ, они надѣвали перчатки и приготовлялись къ танцамъ. Но вотъ изъ гостинной вышелъ Ченцовъ; быстро оглянулъ залу и подошелъ къ сидѣвшей у балкона Вѣрѣ.

— Можно просить васъ на туръ вальса?—съ легкой улыбкой поклонился онъ молодой дѣвушкѣ.

— Пусть Лида начнетъ, пожалуйста, пригласите ее.

— Пустяки, Вѣра, начинай ты,—отвѣтила Лидія.

— Ахъ, Лида, ты знаешь, какъ мнѣ непріятно быть первой; пожалуйста, не упрямься и начинай, если хочешь, чтобы всѣ танцовали.

Услышазъ этотъ разговоръ, Семицкій пригласилъ Лидію; она неохотно встала, положила ему руку на плечо и унеслась съ нимъ по залѣ; за ними послѣдовалъ Ченцовъ съ Вѣрой, потомъ понеслось еще нѣсколько паръ. Танцы становились оживленнѣе и оживленнѣе. Во время вальса, въ столовой, освѣщенной одною только лампой, собралось нѣсколько офицеровъ съ черными воротниками. Ихъ лица выражали тревогу и озабоченность; они говорили вполголоса и по временамъ оглядывались вокругъ изъ боязни, чтобы кто нибудь не подслушалъ ихъ.

— Вы знаете,—говорилъ высокій стройный квартирмейстеръ, опираясь руками на круглый столъ, — къ намъ назначенъ новый командиръ.

— Да,—отвѣчалъ казначей, небольшаго роста полный шатэнъ съ круглымъ юношескимъ лицомъ, еще не обросшимъ усами,—плохо будетъ, если онъ понимаетъ дѣло; я положи-

Digitized by Google

тельно теряюсь, какъ мы выдемъ изъ того хаоса, какимъ полны и хозяйство наше, и книги.

— Это все вздоръ,—возразилъ тонкій, худой блондинъ съ хитрымъ, острымъ лицомъ и безцвѣтными голубыми глазами.— Книги мы возьмемъ на̀ домъ и приведемъ въ порядокъ,—продолжалъ онъ съ двусмысленной улыбкой,—а до остальнаго ему трудно будетъ добраться; недаромъ же я пятый годъ служу здѣсь помощникомъ.

— Да, ты, Кристичъ, ловкій человѣкъ; только, пожалуйста, устраивай скорѣе; теперь онъ скоро пріѣдетъ, тогда дѣло будетъ уже труднѣе.

— Пустяки! Пускай себѣ пріѣзжаетъ, вѣдь не сейчасъ же онъ возьмется за хозяйство.

— А если сейчасъ?—тревожно спросилъ казначей.

— Успокойся, все будетъ въ порядкѣ,—улыбнулся Кристичъ.

— Все таки намъ не мѣшаетъ условиться,—замѣтилъ квартирмейстеръ.

Тутъ они сошлись ближе и начали шопотомъ совѣщаться. Послѣ долгой тихой бесѣды, они осторожно осмотрѣлись и вошли въ залу, гдѣ танцы продолжались все съ тѣмъ же увлеченіемъ. Здѣсь они разошлись въ разныя стороны и присоединились къ тѣмъ офицерамъ, которые не принимали участія въ танцахъ.

— Варвара Степановна,—говорила Лиза Пензенская младшей Волковской въ промежуткѣ между танцами,—кто шьетъ на васъ? Вы всегда такъ мило одѣты къ лицу.

Она съ интересомъ оглянула сѣрое шолковое платье, плотно облегавшее худую, некрасивую фигуру Вареньки.

— Шьетъ мадамъ Петерсъ;—отвѣтила Волковская,—но я сама выбираю фасонъ и требую точнаго исполненія заказа; я заставляю по нѣсколько разъ передѣлывать, чтобы все было такъ, какъ я хочу.

— И прекрасно дѣлаете; не для чего за свои деньги покоряться капризамъ модистокъ. Вотъ на мнѣ платье сидитъ точно на вѣшалкѣ, — продолжала она и остановилась передъ зеркаломъ, въ которомъ отразилась ея маленькая изящная фигурка, стройно охваченная легкимъ голубымъ платьемъ,—мама мало понимаетъ въ туалетѣ, а Ольга—ужасная эгоистка, никогда ничего не посовѣтуетъ.

Digitized by Google

— Ольга Петровна кажется такой доброй.

— Это такъ кажется,—возразила Лиза и сѣла на стулъ у балкона,—а на дѣлѣ совсѣмъ не то: она думаетъ только о себѣ и больше ни о комъ. Я завидую Раисѣ Степановнѣ, что у нея такая сестра, какъ вы!

— Я всегда готова служить вамъ,—съ любезной улыбкой отвѣтила Волковская.

Она опустилась въ кресло подлѣ Пензенской и ласково заглянула ей въ глаза.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, какая вы добрая!—весело сказала Лиза.

— Пріѣзжайте къ намъ почаще и говорите все, что у васъ на душѣ; я такъ рада буду сдѣлаться вашимъ другомъ.

— Неужели? а для меня это будетъ истинное удовольствіе.

Онѣ крѣпко пожали другъ другу руки, какъ бы заключая долгій радостный союзъ.

Въ гостинной два лакея, въ нарядныхъ фракахъ и бѣлыхъ жилеткахъ, раскладывали столики для игры въ карты. Зеленое сукно, еще не исписанное мѣломъ, ярко озарилось свѣчами на двухъ концахъ стола. Софья Кондратьевна издали внимательно слѣдила за лакеями, пока они приготовляли все для игры.

— Такъ вы говорите, что мадамъ Тошъ шьетъ хорошо и ей можно довѣрить лѣтніе наряды Лидіи? — обратилась генеральша къ Софьѣ Кондратьевнѣ, продолжая начатый разговоръ.

— Да, сестрица, на нее можно положиться; она шьетъ сравнительно недорого и съ большимъ вкусомъ,—подтвердила Линская.

— Такъ мы поѣдемъ вмѣстѣ съ вами, выберемъ матеріи и закажемъ мадамъ Тошъ; вы знаете, я въ такихъ дѣлахъ не особенно свѣдуща.

— Съ удовольствіемъ, хотя на Лидочку шить трудно; она любитъ ходить свободно, безъ стѣсненья.

— Да, но тутъ я ничего не могу подѣлать: Саша положительно на ея сторонѣ.

— Мужчинамъ вовсе не для чего вмѣшиваться въ женскіе наряды,—они въ нихъ ничего не смыслятъ.

Digitized by Google

— Я съ вами совершенно согласна, но вы знаете Сашу: онъ упрямъ, какъ истый хохолъ.

— Но и Базиль иногда упрямится, а я все таки заставляю его соглашаться со мной.

— Базиль вашъ совершенно другаго характера, а Сашу переупрямить невозможно.

— Въ такомъ случаѣ, всѣ наряды Лидочки выдутъ далеко неудовлетворительными; вы должны имѣть это въ виду и не винить Тошъ.

— Пусть только она сошьетъ по модѣ и къ лицу, а тамъ все будетъ хорошо.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ лакеемъ; онъ пришелъ съ докладомъ къ Софьѣ Кондратьевнѣ.

— Сестрица, не хотите ли сыграть партію въ преферансъ?—спросила она генеральшу.

— А будутъ партнеры?

— О, да, конечно; вотъ вы, Нина Сергѣевна, Елена Яковлевна и я.

— Хорошо, устраивайте; я люблю поиграть, только по маленькой,—по десятой, если можно.

— Хоть по сотой; вѣдь мы играемъ не для выгрыша,— отвѣчала Крефтъ.

Софья Кондратьевна немедленно поднялась и направилась къ раскрытому столику; посреди него лежали двѣ колоды картъ, два мѣлка и двѣ щеточки. Она раскупорила одну колоду, вынула четыре карты, сложила ихъ вѣеромъ и подошла къ генеральшѣ.

— Неугодно ли взять?—съ улыбкой предложила она Анастасьѣ Архиповнѣ.

Генеральша вынула,—то была десятка бубенъ.

— Красная! значитъ я выиграю, — весело сказала она, вставая.

Скоро дамы разобрали карты и окружили столикъ, за которымъ усѣлись послѣ короткихъ переговоровъ.

— А что, братъ, не сыграть ли и намъ? — спросилъ Василій Васильевичъ генерала.

— Пожалуй, но ты знаешь, что я плохой игрокъ,—съ доброй улыбкой отвѣтилъ Александръ Васильевичъ, — вѣчно лапти плету и вывожу изъ терпѣнья своихъ партнеровъ.

Digitized by Google

— Ничего, мы будемъ играть по четвертой: отъ твоей разсѣянности никто особенно не пострадаетъ.

— Ну, такъ сыграемъ; вели подать столикъ.

Вслѣдъ затѣмъ лакей раскинулъ третій столикъ, и за нимъ усѣлся генералъ со своими партнерами.

Въ дверяхъ залы, вся розовая, усталая, сидѣла Лидія, обмахиваясь вѣеромъ; возлѣ нея помѣстилась Вѣра вмѣстѣ съ Ольгой Пензенской. Молодыя дѣвушки были очень дружны; Вѣра, инстинктомъ своего воспріимчиваго, впечатлительнаго сердца, угадала въ Ольгѣ кроткую безотвѣтную натуру и горячо полюбила ее почти наравнѣ съ Лидіей. Ольга знала объ этой привязанности, всей душой отвѣчала на нее и часто въ откровенныхъ бесѣдахъ разсказывала подругѣ всѣ тайны своей далеко нерадостной жизни. Лидія вполнѣ раздѣляла симпатію кузины; дружба молодыхъ дѣвушекъ была искренна и задушевна.

Онѣ уже отдохнули послѣ танцевъ и продолжали весело болтать, когда громкая ритурнель кадрили раздалась въ залѣ. Вскорѣ затѣмъ къ нимъ подошелъ Ченцовъ.

— Лидія Александровна, еслибы вы знали, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ этой кадрили,—началъ онъ, подавая ей руку.

— Зачѣмъ же было ждать? Все дѣлается въ свое время,— насмѣшливо отвѣчала она, вставая.

Они медленно направились къ приготовленному имъ мѣсту.

— Да, ваша правда,—возразилъ онъ на послѣднія слова Лидіи;—но вы знаете, что пробыть съ вами хотя нѣсколько минутъ для меня настоящее счастье.

— Въ самомъ дѣлѣ?—равнодушно спросила она.

— Развѣ вы въ томъ сомнѣвались?

— Не сомнѣвалась, а просто не думала.

— Ахъ, какъ грустно думать о тѣхъ, кто насъ знать не хочетъ,—вздохнулъ онъ.

— Остается одно: забыть неблагодарныхъ,—засмѣялась Лидія.

Они остановились у дверей гостинной, гдѣ были приготовлены имъ мѣста. Лидія небрежно опустилась въ кресло, подлѣ нея сѣлъ Ченцовъ.

— Вы настоящая льдинка, прелестная, но холодная и измѣнчивая,—съ грустно-сладенькой улыбкой началъ Ченцовъ.

Digitized by Google

Этотъ комплиментъ очень понравился молодой дѣвушкѣ. По странному противорѣчію человѣческой натуры, любящей именно то, чего у нея нѣтъ, Лидія, отъ природы добрая, мягкая, была очень рада, что ее считаютъ холодной, недоступной. Однако, она не выказывала своего удовольствія и громко, весело расхохоталась.

— Какое поэтическое сравненіе!—смѣялась она,—но, насколько я себя знаю, совсѣмъ не подходящее.

— Позвольте же узнать, что̀ вамъ сказали ваши наблюденія надъ собой?

— Что я самая обыкновенная дѣвушка и ничѣмъ отъ другихъ не отличаюсь.

— И эта *обыкновенная* особа легко умѣетъ сводить съ ума нашъ некрасивый, но мужественный полъ,—съ улыбкой старался Ченцовъ поддѣлаться подъ ея шутливый тонъ.

— Совсѣмъ о томъ не заботясь, прибавьте, — безпечно смѣялась Лидія.

— Это всегда такъ бываетъ: извѣстно, что самыя холодныя женщины, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя прелестныя.

— Можетъ быть, только я-то не принадлежу къ ихъ числу.

— Вы болѣе, чѣмъ кто либо.

— Неужели? Ну, что же, тѣмъ лучше: значитъ, я никогда не буду страдать. Кстати, скажите, скоро ли начнутся спектакли въ лѣтнемъ театрѣ?

— Съ мая,—не раньше, какъ только артисты освободятся на столичныхъ сценахъ.

Разговоръ продолжался съ перерывами; началась кадриль. Напротивъ Лидіи, слегка обмахиваясь вѣеромъ, сидѣла Вѣра и разговаривала съ Синицынымъ, высокая, нѣсколько сутуловатая фигура котораго виднѣлась позади нея. Круглое, красноватое лицо Ивана Семеновича выражало полное удовольствіе; маленькіе каріе глаза сверкали, улыбка не сходила съ его губъ, окаймленныхъ маленькими черными усами. Въ пылу разговора онъ ерошилъ на вискахъ волосы и приводилъ ихъ въ совершенный безпорядокъ, который придавалъ ему странный комичный видъ.

— Желала бы я знать, о чемъ Лида разсуждаетъ съ Ченцовымъ?—взглянула Вѣра на весело смѣющуюся кузину.

— Вѣроятно, о чемъ нибудь очень веселомъ, если судить

Digitized by Google

по смѣху, какимъ разговоръ сопровождается,—возразилъ Синицынъ.

— Да, Валеріанъ Осиповичъ очень неглупый господинъ: онъ можетъ занять каждаго.

— И притомъ очень богатъ, въ чемъ я ему сильно завидую; я хотѣлъ бы имѣть побольше этого презрѣннаго металла,—слегка вздохнулъ Иванъ Семеновичъ.

— Неужели вы такъ сребролюбивы?—улыбнулась Вѣра.

— Да, но только не для себя.

— Такъ для кого же?—съ удивленіемъ спросила она.

— Для той, кто мнѣ дороже всего на свѣтѣ,—возразилъ онъ своимъ тоненькимъ женственнымъ голосомъ: — безъ него она едва ли можетъ быть моею.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не стала любить такую корыстолюбивую особу,—шутила Вѣра.

— Да она совсѣмъ не такова; нѣтъ въ мірѣ дѣвушки, менѣе ее знающей цѣну деньгамъ,—это ангелъ доброты!

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?

— Дѣло въ томъ, что у нея есть родные; они никогда не отдадутъ ея за бѣднаго человѣка.

— Значитъ, она васъ не любитъ; иначе съумѣла бы отстоять свой выборъ.

— Этого я не знаю, я еще ни разу не говорилъ съ нею о своихъ чувствахъ,—нерѣшительно сказалъ онъ.

— Напрасно, по крайней мѣрѣ, вы знали бы, на что надѣяться.

— Вы думаете?

— Конечно, на вашемъ мѣстѣ я непремѣнно поступила бы такъ.

— Хорошо, я послѣдую вашему совѣту, — началъ онъ и прямо, рѣшительно взглянулъ на Вѣру.— Ну, что сказали бы вы, напримѣръ, еслибы сами оказались избранной мною особой?

— Ахъ, Боже мой! вотъ этого-то я ужь никакъ не ожидала!—удивленно воскликнула Вѣра.—Бѣдный Иванъ Семеновичъ! мнѣ очень жаль васъ, но я не имѣю къ вамъ никакихъ чувствъ.

Изумленіе Вѣры и откровенное признаніе въ полномъ равнодушіи совершенно уничтожили Синицына. Онъ поблѣднѣлъ и опустилъ голову.

Digitized by Google

— Итакъ, мечта моей жизни разбита!—грустно сказалъ онъ.

— Еслибы вы знали, какъ мнѣ непріятно; я страшно виню себя за свою слѣпоту и недальновидность,—съ жаромъ возразила Вѣра.

— Вы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Я любилъ васъ и не съумѣлъ пріобрѣсть вашего расположенія; вина моя, а не ваша.

— Да, можетъ быть, я и вовсе не способна любить.

— Вы клевещете на себя! Съ вашимъ сердцемъ вы должны любить, но ваше время еще не пришло.

— Кто знаетъ, наступитъ ли оно когда нибудь? — задумчиво сказала Вѣра.

— Непремѣнно; я завидую тому, кто овладѣетъ вашимъ сердцемъ.

— Можетъ быть, вамъ завидовать не придется; а пока, добрѣйшій Иванъ Семеновичъ, пусть сегодняшній разговоръ останется между нами. Не правда ли: вы никому не разскажете о томъ? Дайте мнѣ честное слово, — просительно взглянула на него Вѣра.

— Я самъ долженъ былъ обратиться къ вамъ съ такою просьбой, но вы предупредили меня. Повѣрьте, я совсѣмъ не намѣренъ разглашать о своей неудачѣ.

— Тутъ нѣтъ никакой неудачи; мы останемся добрыми друзьями, не правда ли?

Громкіе звуки музыки прервали ихъ разговоръ, танцы начались.

— Сегодня превесело! — говорилъ Семицкій своей дамѣ, Любѣ Лярской, послѣ первой фигуры. — Вообще въ офицерскомъ обществѣ вечера бываютъ гораздо оживленнѣе, нежели въ городскомъ клубѣ, не правда ли?

— Да, вы правы,—отвѣчала Люба и откинулась на спинку стула, принимая кокетливую позу,—я больше люблю военныхъ, чѣмъ статскихъ: они умѣютъ веселиться, хотя и говорятъ, что эполеты теряютъ свое значеніе въ провинціи. Но это неправда: видъ военнаго производитъ на меня пріятное впечатлѣніе, тогда какъ на статскихъ смотришь совершенно иначе,—они кажутся такими ничтожными. Жаль только, что военные рѣдко бываютъ въ городскомъ обществѣ, — Люба выдвинула ножку и граціозно стала играть кончикомъ носка.—Ихъ почти

Digitized by Google

нигдѣ не видно, исключая, конечно, Василія Васильевича и генерала Линскаго.

— У нихъ нѣтъ средствъ тянуться за городскимъ обществомъ, — впился глазами Семицкій въ изящный, тоненькій носокъ Любы.—Притомъ ихъ квартиры такъ разбросаны, что они не могутъ часто собираться даже у своихъ сослуживцевъ.

— Это очень грустно; безъ нихъ общество много теряетъ, да и они, чуждаясь городскихъ, жителей дѣлаются дикими, необщительными; многіе держатъ себя такъ неловко, неуклюже, что невольно смѣшатъ всѣхъ. Посмотрите, напримѣръ, вонъ на ту даму въ красномъ платьѣ,—указала она на полную, небольшаго роста, брюнетку, которая въ эту минуту шла мимо нихъ въ сопровожденіи высокаго офицера. Онъ слѣдовалъ за нею и постоянно спотыкался на ея шлейфъ. — Какъ она смѣшно танцуетъ и ходитъ въ припрыжку! Руки выгнула, шею вытянула, точно аршинъ проглотила, а ея кавалеръ вѣчно наступаетъ на ея платье и чуть не валится на спину.

Тутъ Люба звонко разсмѣялась; указанный ею кавалеръ какъ разъ наступилъ на шлейфъ своей дамы; а та, въ своей поспѣшности достичь скорѣе мѣста, не замѣтила его неловкости, рванулась впередъ, потеряла равновѣсіе и неожиданно упала посреди залы на колѣни. Кавалеръ ея совершенно растерялся онъ остановился подлѣ нея и глядѣлъ безпомощно, не подавая никакой помощи. Нѣсколько другихъ офицеровъ бросились къ ней и поспѣшили поднять на ноги. Она перекон-фузилась не менѣе своего кавалера; густой румянецъ покрылъ ея смуглое некрасивое лицо; на глазахъ навернулись слезы. Она торопливо направилась къ своему мѣсту, чтобы избѣгнуть общаго вниманія. Это приключеніе на нѣсколько секундъ отвлекло всѣхъ отъ танцевъ, но вотъ музыка грянула новую фигуру; кадриль продолжалась. Напротивъ Любы и Семицкаго сидѣлъ Долинскій съ младшей сестрой Волковскаго. Видно было, что ни танцы, ни веселая болтовня дамы совсѣмъ не занимали адьютанта. Лицо его выражало озабоченность и нетерпѣніе; онъ по временамъ вопросительно взглядывалъ на свою собесѣдницу, слова которой не всегда достигали его слуха, и отвѣчалъ невпопадъ, очевидно занятый тревожными мыслями и соображеніями. Варвара Степановна не замѣчала

Digitized by Google

состоянія своего кавалера; она предполагала, что музыка мѣшаетъ ему иногда разслышать ея слова и старалась говорить громче, въ особенности когда ожидала отвѣта.

— Не знаете ли вы: есть ли въ городѣ хорошіе мебельные мастера?—неожиданно крикнула она почти надъ самымъ ухомъ Долинскаго.

— А вамъ на что?—встрепенулся онъ.

— Да вотъ, если братъ женится, то придется перебивать всю мебель,—отвѣчала она.

Долинскій насторожился; въ глазахъ его, такихъ разсѣянно-задумчивыхъ, теперь отразились напряженное вниманіе и пытливость.

— Значитъ, его свадьба рѣшена? о ней и такъ говоритъ весь городъ, — спокойно сказалъ онъ, хотя бурное волненіе охватило все существо его.

— Въ городѣ только и знаютъ, что сплетничаютъ,—съ неудовольствіемъ возразила Волковская, — но тутъ есть доля правды, хотя ничего еще нѣтъ рѣшеная.

— Вамъ будетъ очень скучно безъ брата: вы, кажется, всю жизнь провели вмѣстѣ,—продолжалъ онъ.

— Да, но вѣдь онъ и теперь отъ насъ не уѣзжаетъ; онъ съ Вѣрочкой будетъ жить во флигелѣ, а мы въ домѣ, близко другъ отъ друга, и можемъ каждый день видѣться.

При имени Вѣры, лицо Долинскаго покрылось матовою блѣдностью, онъ чуть было не лишился самообладанія, когда переполохъ отъ паденія полковой дамы привлекъ вниманіе Варвары Степановны и далъ ему время опомниться. Танцы прервали дальнѣйшій разговоръ. Вотъ началась бурная шестая фигура, которою дирижировалъ Семицкій съ большимъ увлеченіемъ.

Примѣру дирижера слѣдовали офицеры; они пристукивали каблуками, гремѣли шпорами и съ одушевленіемъ исполняли всѣ его указанія. Наконецъ, усталый дирижеръ скомандовалъ кавалерамъ стать на колѣни и поцѣловать руку дамы, чѣмъ и завершилась кадриль. Наступилъ короткій антрактъ; молодыя дѣвушки собрались въ уборной и принялись приводить въ порядокъ прически и туалеты: тѣ и другіе особенно пострадали во время послѣдней фигуры.

Между тѣмъ, въ залѣ появились лакеи съ большими подносами въ рукахъ; на нихъ красовались цѣлыя горы моро-

Digitized by Google

женаго всѣхъ сортовъ. Лакеи немедленно стали обносить оставшихся тамъ гостей.

— Яковъ Николаевичъ,—обратился Евичъ къ Друздецкому,—который флегматично сидѣлъ у окна залы съ блюдечкомъ мороженаго въ рукахъ, — ты не знаешь, куда скрылся Кристичъ? Онъ все время стоялъ въ дверяхъ залы съ самымъ грустнымъ видомъ, а теперь исчезъ куда-то; мнѣ же необходимо переговорить съ ними кое-о-чемъ.

— Онъ стоялъ тамъ, погруженный въ мрачныя мечты о новомъ командирѣ, книгахъ, отчетахъ, экономіи и обо всемъ такомъ, а теперь вѣрно отправился прохладиться въ столовую или въ галерею и искать новаго вдохновенія для будущихъ отчетовъ,—съ комичной серьезностью отвѣчалъ Друздецкій, продолжая ѣсть мороженое.

— Ты вѣчно со своими насмѣшками!—засмѣялся Евичъ.— А вѣдь имъ плохо придется, если новый командиръ—дѣловой человѣкъ.

— Онъ ничего не подѣлаетъ! Они, братъ, люди опытные, съумѣютъ отвертѣться.

— Кстати, знаешь, какую новость я сообщу тебѣ?—едва дослушалъ его послѣднія слова Евичъ.

— Ну, говори,—спокойно возразилъ Друздецкій.

— Ты получилъ квартирныя деньги?

— Нѣтъ еще, а что?

— Такъ поторопись просить объ этомъ казначея; онъ обѣщалъ мнѣ выдать ихъ завтра же. Шутка ли: мы цѣлыхъ три мѣсяца ничего не получали, а теперь выдадутъ всѣ разомъ. Откуда у нихъ деньги взялись? Чудеса, да и только!

— Какъ откуда? Поройся въ ихъ книгахъ и отчетахъ, авось узнаешь: откуда.

— А ты почемъ знаешь?

— Вотъ тебѣ и на! не всѣ же такія простофили, какъ ты.

— Да, твоя правда, у нихъ должны быть деньги. Недаромъ же у помощника всегда вино и закуска — первѣйшій сортъ, а квартирмейстеръ рѣдко бываетъ трезвымъ, а всегда или навеселѣ, или уже совсѣмъ пьянъ. Безъ денегъ такъ жить нельзя.

— Такъ вотъ ты и смекай про себя,—наставительно сказалъ Друздецкій.

Digitized by Google

— А вотъ и онъ! — вскричалъ Евичъ, замѣтивъ въ дверяхъ залы помощника; пойду распрошу его, пока не забылъ: ты знаешь, вѣдь у меня память плохая.

— Иди, иди, дружище! а я займусь мороженымъ; отличная штука, доложу тебѣ. На вечерахъ я люблю только существенную часть и финалъ, всегда изображаемый ужиномъ.

Евичъ громко расхохотался и поспѣшилъ навстрѣчу помощнику; Друздецкій принялъ болѣе удобное положеніе у круглаго столика и усердно занялся мороженымъ.

Стройные звуки польки разнеслись по залѣ, долетѣли до уборной и прекратили оживленную бесѣду молодыхъ дѣвушекъ. Вскорѣ онѣ, одна за другой, стали выходить изъ уборной; затѣмъ въ залѣ пронеслось нѣсколько паръ.

Неподалеку отъ Друздецкаго, опираясь руками о спинку стула, стоялъ Крефтъ и наблюдалъ за Любой и Семицкимъ. Маленькая фигурка адьютанта ловко скользила по паркету; онъ крѣпко сжималъ тонкую талію Любы; черные глаза его ярко горѣли, когда взглядъ его останавливался на кокетливо-улыбающемся лицѣ молодой дѣвушки. Занятый своими наблюденіями, Ѳедоръ Ѳедоровичъ не замѣтилъ, какъ къ нему подошелъ генералъ Линскій, освобожденный на нѣсколько минутъ изъ-за карточнаго стола.

— Ну, батюшка,—обратился къ Крефту генералъ,—я очень желалъ, чтобы вамъ дали четвертый полкъ въ моей дивизіи, но по неволѣ долженъ былъ представить Волковскаго, хотя и это представленіе мое опоздало: князь Пронскій былъ назначенъ до него. Я хотѣлъ бы имѣть васъ у себя въ дивизіи, но, соблюдая ваши интересы, хочу написать въ Петербургъ, чтобы вамъ дали первый свободный полкъ, гдѣ бы онъ ни былъ.

— Очень вамъ благодаренъ, ваше превосходительство,— почтительно поклонился Крефтъ,—но полка я вовсе не желаю: еще у васъ въ дивизіи это было бы ничего, но во всякомъ другомъ мѣстѣ я его не приму ни за что на свѣтѣ.

— Почему же? Вѣдь это шагъ къ генеральству,—съ удивленіемъ возразилъ Линскій.

— Командовать полкомъ очень хлопотливо, ваше превосходительство, не говоря уже о томъ, что легко напасть на такого начальника, который можетъ не пожелать меня въ своей

Digitized by Google

дивизіи. Пойдутъ придирки; вы сами знаете, какъ ихъ легко найти, и карьера моя будетъ испорчена.

— Зачѣмъ думать о придиркахъ и предполагать такія дурныя качества въ людяхъ! Всякій долженъ справедливо относиться къ дѣлу.

— Не спорю, что долженъ, но всегда ли такъ бываетъ? Васъ я знаю, вы неспособны ни на что подобное; съ вами служить истинное счастье, но много ли такихъ начальниковъ какъ вы?—говорилъ Крефтъ, и въ его голубыхъ глазахъ, устремленныхъ на добродушное лицо генерала, отразилось глубокое искреннее чувство.—Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня еще у себя; можетъ быть, у васъ откроется свободный полкъ; я съ радостью его приму, но къ другому начальнику не пойду ни за что на свѣтѣ.

— Какъ хотите, ваша служба мнѣ извѣстна съ самой хорошей стороны; я буду очень радъ, если вамъ удастся устроиться у меня. Я попрошу, чтобы васъ зачислили кандидатомъ на полкъ въ моей дивизіи.

— Отъ души благодарю ваше превосходительство; я постараюсь оправдать ваше довѣріе,—радостно сказалъ Крефтъ.

— Братъ, тебѣ сдавать,—позвалъ Василій Васильевичъ изъза карточнаго стола.

— Иду, иду!—отвѣчалъ генералъ и поспѣшно направился къ столику.

В. Юговъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Ненастный вечеръ

Былъ вечеръ осенній и хмуръ, и унылъ;
Серпъ мѣсяца блѣдный за облакомъ плылъ...
Вершины деревьевъ въ тревожной печали
О чемъ-то таинственномъ глухо шептали.
Я шелъ торопливо по травамъ и мхамъ
И страхъ шелъ за мною, какъ тѣнь, по стопамъ.
Онъ шагъ замедлялъ мой невѣрнымъ движеньемъ
И то выступалъ и скользилъ привидѣньемъ,
И очи пугалъ средь ночной темноты;
То прятался робко, какъ тать, за кусты,
То вновь выросталъ изъ-за нихъ великаномъ,
Колеблясь безформеннымъ бѣлымъ туманомъ...
То внизъ пригибался, какъ сказочный гномъ,
То корчилъ гримасы безкровнымъ лицомъ.
То вдругъ, какъ стѣной, преграждалъ мнѣ дорогу
И въ сердцѣ будилъ роковую тревогу;
То филина стономъ по лѣсу звучалъ,
То смѣхомъ русалки, какъ сычъ, хохоталъ
И ужасъ, объявъ меня, билъ лихорадкой,
И шелъ, какъ больной, я походкою шаткой,
И грезилось мнѣ, что, не вѣдая самъ,
Бреду я въ глуши по заклятымъ мѣстамъ...

Леонидъ Афанасьевъ.

Digitized by Google

Владиміръ Павловичъ Безобразовъ.

† 29 августа 1889 г.

Digitized by Google

В. П. Безобразовъ.

(Съ портретомъ).

29 августа 1889 г., въ своемъ имѣніи (Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи) скончался, пораженный гангреною, весьма извѣстный ученый, литераторъ и государственный дѣятель *Владиміръ Павловичъ Безобразовъ*. Такимъ образомъ, истекло уже первое десятилѣтіе со дня смерти этого въ высокой степени замѣчательнаго человѣка, достойнаго доброй памяти на Руси,— что̀ и дало намъ поводъ помѣстить его портретъ, съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ біографическихъ и литературныхъ данныхъ, отчасти относящихся до отношеній Безобразова къ «Наблюдателю» и его редактору.

В. П. Безобразовъ родился въ 1828 г. и окончилъ свое образованіе въ Александровскомъ Лицеѣ. Бо́льшая часть его служебной дѣятельности прошла въ министерствѣ финансовъ, съ которымъ онъ разстался только въ 1885 г. при назначеніи его сенаторомъ въ департаментъ герольдіи. Долгое время онъ занималъ въ Лицеѣ каѳедру политической экономіи и по этой же спеціальности былъ избранъ экстраординарнымъ академикомъ въ императорскую академію наукъ въ то время, когда президентомъ въ ней состоялъ графъ Ѳ. Ѳ. Литке. По своей служебной дѣятельности, В. П. получилъ, за годъ до смерти, звѣзду Александра Невскаго и скончался въ чинѣ тайнаго совѣтника. Молва уже указывала на его предстоящее назначеніе членомъ государственнаго совѣта, что̀ дало бы этому высшему учрежденію компетентнаго совѣтника по всѣмъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ.

Литературная дѣятельность В. П. началась, въ незабвенную годину политическаго и общественнаго обновленія Россіи, въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—гдѣ его статьи (напр., «Аристократія и интересы дворянства») производили сильное впечатлѣніе на

Digitized by Google

тогдашнюю образованную публику,—и продолжалась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» до тѣхъ поръ, пока М. Н. Катковъ не повернулъ круто въ другую сторону, и изъ защитника земства, новаго суда и свободной печати не обратился въ ихъ яростнаго гонителя. Лучшія передовыя статьи «Московскихъ Вѣдомостей» по этимъ вопросамъ принадлежали перу Владиміра Павловича и до сихъ поръ — въ видѣ полемическаго пріема—охотно цитируются въ нашей печати. Безобразовъ, въ своей публицистической дѣятельности, всегда стоялъ на государственной и, притомъ, разумно-національной точкѣ зрѣнія, но онъ не считалъ «порухою» государственности и ущербомъ для національности ни гласнаго и независимаго суда, ни свободы слова, ни земскаго самоуправленія. На этихъ пунктахъ (а также и на практиковавшемся тогда «классическомъ терроръ») Владиміръ Павловичъ серьезно разошелся съ М. Н. Катковымъ и, не смотря на убѣдительныя приглашенія послѣдняго остаться сотрудникомъ, перешелъ въ «Голосъ» А. А. Краевскаго, гдѣ имъ и помѣщенъ былъ цѣлый рядъ блестящихъ этюдовъ по современнымъ вопросамъ. Не довольствуясь сотрудничествомъ въ журналахъ и газетахъ, В. П. издавалъ, съ 1873 по 1880 годъ, необыкновенно цѣнный и съ большимъ искусствомъ составленный и редактированный «Сборникъ государственныхъ знаній», въ которомъ участвовали наиболѣе выдающіеся талантливые русскіе ученые и публицисты. Замѣчательно живой, отзывчивый и впечатлительный по своей натурѣ,—истинно «общественный человѣкъ» въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—Безобразовъ, кромѣ своей публицистической службы въ литературѣ, съумѣлъ учредить и около 25 лѣтъ поддерживать жизненную энергію въ такъ называвшихся «Экономическихъ обѣдахъ» въ ресторанѣ Донона, въ которыхъ за однимъ столомъ сходились и принимали участіе въ обсужденіи крупнѣйшихъ политическихъ и финансовыхъ вопросовъ люди науки, литературы и прессы, вмѣстѣ съ видными государственными дѣятелями, державшими въ своихъ рукахъ практическое рѣшеніе этихъ вопросовъ. Свобода мнѣній и слова на этихъ оригинальныхъ—полу-офиціальныхъ, полу-общественныхъ—собраніяхъ была полнѣйшая, и на стражѣ ея крѣпко стоялъ самъ учредитель и распорядитель этихъ обѣдовъ. Здѣсь можно было видѣть А. А. Абазу, Н. Х. Бунге, М. Х Рейтерна, К. К. Грота,

Digitized by Google

А. С. Ермолова, Н. И. Стояновскаго, Д. М. Сольскаго, М. М. Ковалевскаго, Б. Н. Мансурова, гр. Н. П. Игнатьева, И. Н. Дурново, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, М. С. Каханова, гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, К. П. Побѣдоносцева и многихъ другихъ министровъ, главноуправляющихъ, статсъ-секретарей и сенаторовъ, въ дружеской бесѣдѣ съ популярными профессорами и редакторами, банкирами и лицами, приглашенными ad hoc изъ разныхъ слоевъ общества. Многіе вопросы, до внесенія ихъ въ государственный совѣтъ, детально и внимательно обсуждались въ этихъ собраніяхъ, съ большою пользою для правильнаго законодательнаго рѣшенія. Иниціаторомъ и вдохновителемъ этого «дононовскаго парламента» sui generis, ограничивавшагося одною совѣщательною дѣятельностью, всегда былъ и оставался до послѣднихъ дней своихъ неутомимый и энергическій Безобразовъ, сближавшій людей изъ разныхъ лагерей, устранявшій неосновательныя предубѣжденія правительственныхъ лицъ и недовѣріе къ нимъ общественныхъ дѣятелей. Все это стоило ему большихъ хлопотъ, немалыхъ непріятностей и матеріальныхъ издержекъ (учредителю приходилось нерѣдко и приплачивать за обѣды), а въ концѣ концовъ, въ соединеніи съ другими условіями нашей общественной жизни, настолько испортило ему крови, что отъ ничтожнаго порѣза на ногѣ разыгрался «антоновъ огонь», который и свелъ его въ преждевременную могилу...

Въ 1883 году прекращенъ былъ и «Голосъ», подмѣненный въ публикѣ «Новостями» еврейскаго пошиба — и Безобразову пришлось искать другой арены для продолженія своей публицистической дѣятельности. Знакомство его съ редакторомъ «Наблюдателя» началось еще въ 60-хъ годахъ, при посредствѣ К. Д. Кавелина, подъ редакціей котораго А. П. Пятковскій велъ юридическій отдѣлъ въ очень симпатичномъ журналѣ «Народное Чтеніе»; но постоянныя литературныя сношенія начались между ними только съ основаніемъ «Наблюдателя». Безобразовъ почувствовалъ сразу большую симпатію къ *прогрессивно-національному* направленію журнала, отвѣчавшему его стародавнимъ стремленіямъ, которымъ онъ уже не находилъ достаточно простора въ переродившихся изданіяхъ своего прежняго друга и союзника Каткова. Въ трехъ книгахъ «Наблюдателя» 1884 г. (№№ 3, 4 и 5) уже напечатана была

Digitized by Google

большая статья В. П. Безобразова: «Село Павлово и кустарная промышленность (изъ путевыхъ воспоминаній)»; затѣмъ его же академическая рѣчь: «Василій Никитичъ Татищевъ» (1886 г., № 5), а съ начала 1888 г. и до половины 1889 г. Владиміръ Павловичъ, по соглашенію съ редакторомъ, взялъ на себя веденіе постояннаго отдѣла въ журналѣ, подъ названіемъ: «Вопросы жизни»:

Въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1886 г. В. П. писалъ редактору «Наблюдателя».

«Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Хотя вашъ журналъ несовсѣмъ милостивъ въ своихъ отзывахъ обо мнѣ [1]), но, вслѣдствіе моего уваженія къ Вамъ и къ «Наблюдателю», я все таки желалъ бы (и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ) напечатать въ «Наблюдателѣ» возможно скорѣе мою рѣчь (академическую) о Татищевѣ. Газеты (со своими репортерами) не дали и отдаленнаго понятія о моей рѣчи. Она составитъ статью около $1^1/_2$ печатнаго листа, довольно интересную и даже эффектную для вашихъ читателей. Она готова и, послѣ небольшихъ поправокъ, можетъ быть сдана Вамъ черезъ два дня. Если Вамъ угодно переговорить со мною и получить статью, то прошу Васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе для этой цѣли—или откушать у насъ въ пятницу, или въ субботу въ 6 час.; или заѣхать въ пятницу въ $7^1/_2$—8 час., или въ субботу въ часъ. Очень былъ бы счастливъ васъ видѣть. Если же эти часы Вамъ неудобны, то я навѣрно дома въ воскресенье [2]) отъ 1ч.—6, или, наконецъ, прошу Васъ назначить мнѣ время, когда я могу къ Вамъ пріѣхать. Сердечно преданный *В. Безобразовъ*».

Приступая съ 1888 г. къ отдѣлу «Вопросы дня», В. П., въ письмѣ къ редактору отъ 19 января, опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ характеръ задуманныхъ имъ статей:

«Посреди хаоса нашей современной газетной печати, я чувствую потребность высказываться по вопросамъ дня, извращаемымъ со всѣхъ сторонъ, и придумалъ такую штуку,—рядъ

[1]) В. П. называетъ шутливо «немилостью» какое-то замѣчаніе, сдѣланное насчетъ изданной имъ книги или статьи,—не помнимъ съ точностью.

[2]) По воскресеньямъ, у В. П. были пріемные дни, на которыхъ можно было встрѣтить «весь Петербургъ», начиная отъ сановниковъ и придворныхъ особъ и кончая скромными журнальными работниками,—какъ нѣкогда на вечерахъ радушнаго кн. В. Ѳ. Одоевскаго, съ которымъ Безобразовъ имѣлъ нѣкоторыя сродныя черты.

Digitized by Google

краткихъ (подчеркнуто въ подлинникѣ) болѣе развитыхъ и пространныхъ, чѣмъ газетныя передовыя,—*но, по своему типу, тоже передовыхъ*. Каждая была бы менѣе 1 листа и трактовала бы объ одномъ вопросѣ. Мнѣ кажется, это очень могло бы содѣйствовать оживленію вашего журнала и было бы для Васъ весьма подходящимъ. Одна такая статейка—о земствѣ—у меня уже почти готова. Это была бы *вполнѣ журнальная*, а не *ученая статья*. Если буду здоровъ (все это время я боленъ) [1]) то заѣду къ Вамъ до четверга. Душевно преданный *В. Безобразовъ*».

Взявшись за «Вопросы дня», Безобразовъ, какъ прирожденный публицистъ, до такой степени увлекся этимъ отдѣломъ, что забывалъ и свою болѣзнь, и крайнюю необходимость отдыха, и совѣты друзей—въ томъ числѣ и редактора «Наблюдателя» — беречь свое сильно пошатнувшееся здоровье и не слишкомъ налегать на работу. Незадолго до смерти, приглашенный однимъ изъ своихъ высокопоставленныхъ учениковъ *отдохнуть* въ его деревнѣ, В. П. тѣмъ не менѣе увезъ съ собою въ чемоданѣ матеріалы для своихъ «Вопросовъ дня» и писалъ редактору, что, не смотря на *формальное требованіе* гостепріимнаго хозяина—не браться за перо во все время отдыха, онъ, тѣмъ не менѣе, доставитъ во-время срочную статью... И, дѣйствительно, доставилъ: такъ горѣла у него голова отъ невысказанныхъ мыслей и такую непреоборимую потребность бесѣдовать съ публикою чувствовалъ этотъ достойнѣйшій представитель незабвенныхъ 60-хъ годовъ!

Отъ 2 марта 1889 г., уже позднимъ вечеромъ, В. П. писалъ редактору:

«Сдѣлалъ, что могъ, чтобъ исполнить мое слово. Писалъ больной и что успѣлъ написать, то посылаю присемъ. Я не могъ окончить сегодня: статья слишкомъ серьезная. Нужно взвѣшивать каждое слово. Пришлю конецъ если не завтра (постараюсь!) то непремѣнно послѣ завтра. Къ несчастію, завтра—сильно занятой день. Затѣмъ Вы, съ вашей стороны, дѣлайте что *хотите* и что *можете* (курсивъ въ подлинникѣ). Скажу только, что было бы очень печально, еслибы статья не появилась въ вашей мартовской книгѣ. Именно теперь она

[1]) Нездоровье уже начало въ это время преслѣдовать неустаннаго борца и труженика.

Digitized by Google

и должна произвести впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, многоуважаемый Александръ Петровичъ, быть у Васъ и Софіи Степановны за обѣдомъ въ субботу».

Считая свою публицистическую дѣятельность, прежде всего, *гражданской обязанностью* и *честной службой* передъ отечествомъ, В. П. необыкновенно дорожилъ каждымъ своимъ словомъ, не разсыпалъ ихъ на вѣтеръ и, прежде чѣмъ обработать свою статью, по нѣскольку разъ совѣтовался обо всѣхъ деталяхъ ея съ редакторомъ, причемъ прекрасно входилъ во всѣ соображенія «журнальной политики» и «журнальной дисциплины», по его выраженію. Словомъ, это былъ *убѣжденный* сотрудникъ — увы! — старыхъ временъ, который выше всего ставилъ принципы и убѣжденія, и только *ради нихъ* принималъ участіе въ томъ или другомъ журналѣ, договариваясь въ этомъ отношеніи по всѣмъ пунктамъ. Частые переговоры Безобразова по поводу его «Вопросовъ дня» происходили или въ кабинетѣ редактора, или въ квартирѣ автора, или на «Экономическихъ обѣдахъ», на которые А. П. Пятковскій получалъ постоянныя приглашенія. Чтобы судить о томъ, насколько содержательны были эти застольныя собесѣдованія, я приведу, сохранившіяся у меня, программы двухъ изъ нихъ: 1) Должны ли быть *границы вмѣшательству государства въ народное хозяйство*. Могутъ ли быть теоретически опредѣлены общія начала этихъ границъ? Какія это начала? 2) Чѣмъ былъ покрытъ (уплаченъ) иностранцами показываемый въ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ громадный избытокъ (580 мил. руб.) нашего иностраннаго вывоза противъ привоза за 1887 и 1888 г.г.?

Только экстренная необходимость, болѣзнь или force majeure могли отвлечь В. П. Безобразова отъ удовольствія обсудить въ редакціонномъ кружкѣ тотъ или другой общественный вопросъ, и, когда это случалось, онъ назначалъ для переговоровъ другой, ближайшій, день. Такъ, пригласивъ однажды къ себѣ редактора «Наблюдателя» (В. П. жилъ тогда въ домѣ Академіи наукъ на Васильевскомъ островѣ) онъ заблаговременно предупредилъ его телеграммой: «Прошу прощенія. Отозванъ завтра обѣдать Великимъ Княземъ. Прошу откушать въ субботу или воскресенье».

Принимая живое участіе въ судьбѣ «Наблюдателя», В. П. Безобразовъ былъ пораженъ не менѣе редактора третьимъ

Digitized by Google

предостереженіемъ, даннымъ журналу въ 1888 г. и повлекшимъ за собою шестимѣсячную его пріостановку, съ мая до ноября. Передъ объявленіемъ этого предостереженія, — *поводомъ* къ которому выставлялось невинное стихотвореніе Фофанова, вошедшее вскорѣ потомъ въ книжку его стихотвореній, но успѣвшее повлечь за собою обвиненіе журнала въ «кощунствѣ»,—въ извѣстныхъ сферахъ дѣйствовали, какъ намъ стало доподлинно извѣстно, два противоборствующихъ теченія. Одно стремилось *утопить* журналъ, — какъ мы имѣемъ основаніе думать,—за его антиталмудическое направленіе, другое старалось *спасти* его и вынести на своихъ волнахъ. По крайней мѣрѣ, созванное ad hoc засѣданіе главнаго управленія по дѣламъ печати, постановило не давать предостереженія, и если оно все таки было дано *черезъ два мѣсяца* по выходѣ инкриминированной книги (случай, небывалый въ исторіи карательной цензуры!) то это объясняется только дѣйствіемъ другой противоборствовавшей силы, предлагавшей мѣры, еще болѣе суровыя, но примирившейся на этой карѣ... Какъ бы то ни было, но, благодаря дѣйствію доброжелательныхъ силъ, срокъ пріостановки журнала, вмѣсто требуемыхъ 8 мѣсяцевъ, сокращенъ на 6 и редактору разрѣшено было, вопреки общему правилу, разослать подписчикамъ собраніе своихъ сочиненій вмѣсто невышедшихъ книгъ журнала; самая же разсылка ихъ допущена по льготной журнальной таксѣ, а не подъ бандеролью, что́ стоило бы гораздо дороже. Когда помянутая кара постигла журналъ, В. П. Безобразовъ настоялъ на томъ, чтобы его «Вопросы дня» появились въ первой же (ноябрьской) книгѣ журнала, вышедшей послѣ пріостановки...

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что Безобразовъ очень хорошо зналъ объ антиеврейскомъ направленіи нашего журнала и хотя самъ не принималъ открытаго участія въ этомъ смыслѣ, путемъ печати, но въ одномъ своемъ рефератѣ на «Экономическихъ обѣдахъ», сдѣланномъ послѣ поѣздки на югъ Россіи, онъ говорилъ въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ, и съ фактами въ рукахъ, противъ *еврейской эксплуатаціи* въ югозападныхъ губерніяхъ, что присутствовавшіе на обѣдѣ Закъ и Гинцбургъ почувствовали себя далеко не въ своей тарелкѣ...

Отправляясь на отдыхъ въ деревню, В. П. Безобразовъ писалъ редактору «Наблюдателя» отъ 26 мая 1889 г.:

Digitized by Google

«Къ крайнему моему огорченію, многоуважаемый Александръ Петровичъ, мнѣ совершенно невозможно быть съ вами въ Павловскѣ въ четвергъ. Столько хлопотъ передъ отъѣздомъ! Мой низкій поклонъ Софьѣ Степановнѣ. До пріятнаго свиданія. Весь вашъ».

Но этому свиданію уже не суждено было состояться, и редакторъ «Наблюдателя» получилъ въ концѣ августа телеграмму отъ семейства покойнаго—объ его неожиданной кончинѣ. Бывшіе крѣпостные Владиміра Павловича,—одного изъ наиболѣе стойкихъ и энергичныхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ,—отдали ему посмертную дань любви и уваженія, пронеся вплоть до могилы, на рукахъ, бренные останки своего бывшаго владѣльца, возмутившагося такимъ «владѣніемъ»... Въ дополненіе къ нашей краткой замѣткѣ, считаемъ небезъинтереснымъ привести цѣликомъ еще нѣсколько сохранившихся писемъ высокоталантливаго публициста.

Изъ переписки В. П. Безобразова съ А. П. Пятковскимъ.

СПБ. 21 апрѣля 1886 г.

«Забылъ просить Васъ, многоуважаемый Александръ Петровичъ, вчера и поспѣшаю просить сегодня: 1) возвратить мнѣ въ цѣлости мою рукопись по минованіи въ ней надобности, такъ какъ у меня нѣтъ другаго экземпляра, а у Васъ будетъ напечатано не все; 2) отпечатать для меня 25 отдѣльныхъ оттисковъ моей статьи, которые и приказать прислать мнѣ тотчасъ по выходѣ книжки. Сердечно преданный

В. Безобразовъ.

Рѣчь идетъ о рукописи статьи: «Василій Никитичъ Татищевъ. Очеркъ его дѣятельности по горной части». *Ред.*

12 декабря 1887 г.

«Жду Вашего отвѣта: когда Вамъ угодно будетъ у насъ откушать? Если не можете завтра, то прошу въ понедѣльникъ, въ 6 часовъ. Мнѣ необходимо съ Вами переговорить и безотлагательно. Жду отвѣта».

14 января 1888 г.

«Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Къ сожалѣнію, не засталъ Васъ дома. Кромѣ удовольствія видѣть Васъ—мнѣ хотѣлось переговорить съ Вами объ одномъ особомъ предметѣ. Я имѣю кое-что въ виду для вашего журнала и *частица* (курсивъ въ подлинникѣ) уже готова и

Digitized by Google

могла бы идти въ ближайшую книжку. Намъ необходимо свидѣться, ибо многое требуетъ личнаго объясненія. Между тѣмъ, я захворалъ, не выѣзжаю и не могу пока знать, когда могу еще разъ у Васъ быть. Еслибы Вамъ угодно было меня посѣтить, то я всегда по прежнему дома по воскресеньямъ отъ $1^1/_2$—$5^1/_2$ час. Не знаю, выѣду ли до ближайшаго воскресенья; вѣроятно, нѣтъ, и Вы меня застанете во всякое время завтра и послѣ завтра. Мнѣ кажется, что на этотъ разъ — по *особой* работѣ, мною затѣянной, мы можемъ легче сойтись, чѣмъ это намъ, къ моему сожалѣнію, удалось въ прошломъ году. Душевно преданный».

25 января 1888 г.

«Вчера отправилъ къ Вамъ статью, многоуважаемый Александръ Петровичъ, не успѣвъ ничего Вамъ написать. Я прошу Васъ прислать мнѣ корректуру для исправленія и приказать сдѣлать 25 оттисковъ. Относительно гонорара я не говорилъ съ Вами, увѣренный, что Вы меня не обидите. Мнѣ кажется, что мои статьи, въ особенности если они будутъ появляться въ каждой книжкѣ «Наблюдателя» (а это, по ихъ *краткости*, не затруднительно ни для Васъ, ни для меня) будутъ несомнѣнно содѣйствовать возбужденію вниманія къ нему въ массѣ публики, читающей только газеты и легкія политическія статьи. Поэтому мои статьи должны Вамъ окупиться.

«Теперь надо всѣмъ господствуетъ вчерашняя дипломатическая бомба [1]) чреватая событіями. Будущая моя статья будетъ посвящена ей (если Вы не заявите мнѣ другаго Вашего желанія); я бы желалъ широкими чертами обрисовать нынѣшнее международное положеніе и его опасности для Россіи. Очень бы хотѣлось теперь же объ этомъ написать— къ выходу вашей февральской книжки публика только этимъ и будетъ занята—но не знаю, можно ли еще успѣть написать (хотя бы нѣсколько страницъ) для этой книжки? Душевно преданный».

8 февраля 1888 г.

«Покорнѣйше прошу Васъ, многоуважаемый Александръ Петровичъ, сдѣлать мнѣ одолженіе: приказать прислать мнѣ слѣдующій за мою статью гонораръ ко мнѣ на домъ. При моихъ занятіяхъ, мнѣ очень трудно ѣхать за нимъ въ редакцію. Очень сожалѣю, что мнѣ не удается повидаться съ Вами; я все надѣялся, что вы посѣтите меня въ одно изъ воскресеній. Мнѣ бы хотѣлось переговорить съ Вами. Я бы предполагалъ написать для мартовской книжки — подъ рубрикою «Вопросовъ дня»—о проэктѣ министерства финансовъ относительно допущенія заключенія сдѣлокъ на звонкую монету и при этомъ кратко и *популярно*

[1]) Здѣсь подразумѣвается рѣчь Бисмарка.

Digitized by Google

изложить положеніе нашего капитальнѣйшаго экономическаго вопроса о бумажныхъ деньгахъ. Если Вы имѣете другой вопросъ (напр., о рѣчи Бисмарка, къ чему я тоже расположенъ), то прошу Васъ мнѣ о томъ сообщить. Душевно преданный».

15 февраля 1888 г.

...«Если только у меня найдется время при моихъ усиленныхъ занятіяхъ, то я къ Вамъ заѣду на этой недѣлѣ. Но ручаться не могу. Хотѣлось бы поговорить о вопросѣ для статьи въ мартовской книгѣ и *крайнемъ* срокѣ ея доставленія (чѣмъ позже, тѣмъ она будетъ свѣжѣе). Я колеблюсь въ выборѣ между бумажными деньгами и общимъ взглядомъ на международное положеніе Россіи и Европы (по поводу, между прочимъ, *ужасныхъ* статей противъ Россіи философа Гартмана). При краткости этихъ моихъ статей, результатъ гонорара будетъ для меня весьма незначителенъ, но у меня чешутся руки [1]) писать при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и интересъ для меня тутъ субъективный. Если Вы будете такъ добры прислать мнѣ деньги до 20 февраля [2]), то буду очень Вамъ благодаренъ. Душевно преданный».

19 апрѣля 1888 г.

«Позволяю себѣ напомнить Вамъ, многоуважаемый Александръ Петровичъ, что, согласно обѣщанію Вашему, мы ожидаемъ Васъ къ обѣду въ воскресенье, 21 апрѣля, въ 6 часовъ. Сердечно преданный».

10 декабря 1888 г.

«Имѣю честь напомнить Вамъ, многоуважаемый Александръ Петровичъ, что мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ исполненія Вашего обѣщанія обѣдать у насъ въ пятницу, 12 декабря, въ 6 час.».

28 февраля 1889 г.

«Считаю моимъ долгомъ извѣстить Васъ, многоуважаемый Александръ Петровичъ, что на другой день послѣ того, какъ вы были у меня, я заболѣлъ и до сихъ поръ не могу оправиться. Не смотря на это, я работалъ и работаю до сихъ поръ надъ обѣщанной статьей. Но работа, при нездоровьѣ, идетъ очень туго, тѣмъ болѣе, что по такому серьезному предмету и при моей подписи *надо взвѣсить каждое слово*. Каждое лишнее или пропущенное слово можетъ быть поставлено мнѣ въ укоръ. Поэтому я предупреждаю Васъ, что, въ надеждѣ на нѣкоторое улучшеніе

---

[1]) Это выраженіе: «чешутся руки писать» лучше всякихъ коментаріевъ говоритъ за глубокое влеченіе Безобразова къ публицистической работѣ.

[2]) 20 числа производился ежемѣсячный денежный разсчетъ въ Главной Конторѣ.

Digitized by Google

моего здоровья, хоть и надѣюсь писать завтра цѣлый день, но не увѣренъ, что буду въ силахъ прислать Вамъ въ среду утромъ, какъ обѣщалъ. A l'impossible nul n'est tenu. Поэтому, въ интересахъ вашихъ, я посовѣтовалъ бы Вамъ устроить такъ, чтобы статья моя могла появиться въ мартовской книжкѣ, даже если она будетъ прислана Вамъ позже и если ее наберутъ 7 марта въ понедѣльникъ (если невозможно набрать въ послѣдніе дни масляницы, — хотя все возможно, въ видѣ исключенія). Къ тому времени я *несомнѣнно* могу ее окончить, хотя могу окончить и раньше (но едва ли завтра). Съ этою статьею ваша мартовская книжка несомнѣнно заставитъ много о себѣ говорить. Впрочемъ, я употреблю всѣ мои старанія, чтобы прислать Вамъ статью въ среду, хотя и не убѣжденъ въ этомъ, о чемъ счелъ долгомъ васъ предупредить».

28 апрѣля 1889 г.

«Посылаю Вамъ, какъ обѣщалъ, сегодня статью,—но конецъ ея будетъ у Васъ только завтра или послѣ завтра. Она получила такое развитіе,—для Вашего журнала небезвыгодное,—и праздничныя посѣщенія до того меня отрывали, что я не могу ее окончить сегодня. Простите, но у Васъ достаточно времени, чтобы справиться».

Мы сказали уже, что В. П. Безобразовъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и вѣрныхъ защитниковъ *принципіальной стороны* реформъ Александра II, но онъ не дѣлалъ себѣ изъ нихъ кумира, передъ которымъ слѣдуетъ падать ницъ, закрывая глаза на его недостатки и недодѣлки.

«Многое въ прошедшихъ реформахъ, — говорилъ онъ въ статьѣ, посвященной нашимъ земскимъ учрежденіямъ,—было, по обстоятельствамъ времени:—главнымъ образомъ, вслѣдствіе предшествовавшаго продолжительнаго государственнаго застоя,—построено *слишкомъ поспѣшно и недостаточно обдуманно*... Но еслибы, вмѣсто *исправленія и органическаго развитія* великихъ реформъ прошедшаго царствованія, мы обратились вспять отъ ихъ благодѣтельныхъ началъ, — о чемъ, впрочемъ, и помыслить нельзя,—то также точно можно было бы ожидать, что послѣ насъ, рано или поздно, настанетъ время, когда опять зачнется такая же спѣшная государственная работа, какая происходила четверть вѣка тому назадъ; когда наши потомки, увлекаясь прогрессомъ и желая скорѣе нагнать потерянное время, вынужденные тоже обстоятельствами (какъ

Digitized by Google

и люди 50-хъ и 60-хъ годовъ), станутъ опять быстро и опрометчиво созидать. А затѣмъ наступитъ еще другая эпоха, которая опять предастъ осужденію эти скороспѣлые прогрессивные труды — и т. д. до безконечности... Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, таковъ неизбѣжный роковой ходъ нашей государственной исторіи, заявившій себя особенно рѣзко съ конца XVII-го столѣтія,—этотъ порывистый спазмодическій ходъ съ постоянно перемежающимися періодами сангвиническаго возбужденія и апатичнаго унынія? Неужели вредоносность такого хода дѣлъ и для государства, и для общества, и причиняемая имъ непроизводительная трата народныхъ силъ еще недостаточно убѣдительны послѣ двухсотлѣтнихъ, весьма разорительныхъ, опытовъ этого теченія дѣлъ»?

Но, вслѣдъ за такими тяжелыми и скорбными вопросами, публицистъ-мыслитель, твердо вѣрившій въ высокую будущность своего народа, отвѣчалъ патріотическою надеждою, что наши *дурныя историческія наклонности и предубѣжденія* уступятъ свое мѣсто—«успѣхамъ просвѣщенія, болѣе зрѣлымъ государственнымъ воззрѣніямъ и могущественному дѣйствію замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей». (*«Наблюдатель»*, 1888 г., № 2).

Къ этой надеждѣ В. П. Безобразова, — такъ много и сознательно поработавшаго на благо родины, — могутъ смѣло присоединиться и нынѣ всѣ искренніе и честные патріоты [1]).

[1]) Интересной личности Безобразова будетъ отведено подобающее мѣсто и въ воспоминаніяхъ А. П. Пятковскаго: «Изъ моего прошлаго», печатаніе которыхъ уже началось въ *«Наблюдателѣ»* (№№ 3, 4 и 6 текущаго года).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Помилованіе Дрейфуса.—Кому на руку это помилованіе?—Дневной приказъ Галифэ по арміи.—Неугодившій жидамъ Галифэ.—О чемъ мечтали евреи?—Французы, ждущіе милости отъ жидовъ. — Гнусная роль Э. Зола и упреки ему, идущіе со стороны честныхъ французовъ. — Русскія газеты въ хвостѣ жидовскихъ.—Финляндцы недовольны французами.—Бойкотированіе жидами всемірной парижской выставки.—Преслѣдуемые «націоналисты».—Чего добивается Дерулэдъ? — Мнимый заговоръ орлеанистовъ. — Галифэ и орлеанисты.—Ритуальное убійство въ Австріи и обвинительный приговоръ.—Повторяющееся «запирательство» жидовъ.—Сербскій эксъ-король Миланъ, подкапывающійся подъ тронъ своего сына.—Безсовѣстный судъ надъ «радикалами».—Англія и Трансвааль.—Открытіе военныхъ дѣйствій.

Позорный процессъ Дрейфуса окончился. Но кошмаръ, навѣянный жидовскимъ кагаломъ на Францію, терзавшій несчастную страну, которая имѣла неосторожность взлелѣять эту змѣю на своей груди, не разсѣялся еще и продолжаетъ волновать умы французскаго народа. Столь давно и нетерпѣливо ожидающаяся во Франціи развязка наступила, но еще важнѣе вопросъ: приведетъ ли она къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ ожидалъ президентъ республики Лубэ, объявившій въ Рамбулье, что *вся нація должна будетъ преклониться передъ приговоромъ ренискаго суда*. Пораженіе «дрейфусизма» несомнѣнно составляетъ крупное историческое событіе, притомъ не исключительно французское, а міровое. «Дѣло Дрейфуса» для Франціи—это борьба за самое существованіе націи. Французскій народъ теперь понялъ, насколько необдуманно онъ далъ, во время «великой революціи», права гражданства шайкѣ разбойниковъ и вампировъ, признающихъ только одно отечество: ubi bene, ibi patria! Эта шайка ловко воспользовалась предоставленнымъ ей правомъ гражданства въ свою пользу. Эти «права» открыли доступъ къ политической власти такимъ общественнымъ элементамъ, которые сдѣлали изъ нея орудіе *организованнаго грабежа* страны; во главѣ же этихъ общественныхъ элементовъ оказались «французы моисеева закона», притомъ не только

Digitized by Google

французскіе жиды, но черезъ нихъ и всякіе другіе. Жиды, въ разнузданной погонѣ за «легкой наживой», путемъ плутней, обиранія казны и народа, грабежа и расхищенія народнаго достоянія,—какъ извѣстно изъ исторіи и современной жизни,—не имѣютъ себѣ соперниковъ. Честные люди и патріоты не переставали бороться противъ жидовъ-хищниковъ, но на сторонѣ бандитовъ была фактическая сила: сила подкупа и власти надъ порабощенной интеллигенціей. Въ дѣлѣ Дрейфуса злобная «сила» развернулась во всю свою ширь. Въ этомъ грязномъ дѣлѣ измѣнника-капитана шелъ вопросъ о томъ, чѣмъ быть Франціи: *націей*, т. е. живымъ культурно-политическимъ организмомъ, или же это—открытая арена для всякаго жидовскаго пройдошества? Только одни простаки да политическіе шарлатаны могли увѣрять, что въ дѣлѣ Дрейфуса вопросъ идетъ объ *изысканіи отвлеченной справедливости* въ отношеніи лично Дрейфуса, якобы невинно-осужденнаго.

Пораженный дрейфусизмъ, безспорно, еще силенъ. Онъ силенъ своими колоссальными средствами для порабощенія и развращенія народовъ и правительствъ. Нынѣшнее французское правительство всецѣло находится въ жидовскихъ лапахъ: президентъ республики, г. Лубэ—извѣстный панамистъ и дрейфусаръ; всѣ векселя военнаго министра, г. Галифэ, скуплены жидами. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что эти лица играютъ въ руку жидамъ. Почему имъ вздумалось помиловать жида-измѣнника—это довольно темный вопросъ. Въ своемъ докладѣ, представленномъ президенту французской республики, г. Галифэ говоритъ:

«Господинъ президентъ,

9-го числа текущаго сентября мѣсяца, военный судъ въ Ренн'ѣ приговорилъ Дрейфуса, большинствомъ пяти голосовъ противъ двухъ, къ заключенію въ тюрьмѣ на десять лѣтъ, причемъ большинствомъ были признаны за нимъ смягчающія обстоятельства. Дрейфусъ подалъ было апеляціонную жалобу въ верховный военный судъ, но затѣмъ отъ нея отказался. Приговоръ сталъ окончательнымъ, и отнынѣ получаетъ свойственный закону авторитетъ, передъ которымъ всѣ должны преклониться. Высшая функція правительства заставляетъ уважать, безъ различія и безъ задней мысли, рѣшеніе правосудія. Исполненное рѣшимости выполнить этотъ долгъ, оно въ то же время должно принимать въ соображеніе то, что совѣтуютъ милосердіе и общественный интересъ (?!). Самый вердиктъ военнаго суда, допустившій смягчающія обстоятельства, и тотчасъ же высказанное пожеланіе, чтобы приведеніе приговора въ выполненіе было смягчено, явились такими указаніями, обратившими на себя вниманіе. Вслѣдствіе состоявшагося въ 1894 г. приговора, Дрейфусъ провелъ въ ссылкѣ пять лѣтъ. Приговоръ этотъ, 3-го іюня 1899 г., былъ признанъ недѣйствительнымъ и къ Дрейфусу было примѣнено болѣе мягкое

Digitized by Google

наказаніе, какъ по его характеру, такъ и по продолжительности. Если вычесть изъ десяти лѣтъ заключенія въ крѣпости тѣ пять лѣтъ, которыя онъ провелъ на Чортовомъ островѣ, — а иначе вѣдь быть не можетъ,—то Дрейфусъ провелъ пять лѣтъ въ ссылкѣ, и ему остается провести пять лѣтъ въ заключеніи. Былъ возбужденъ вопросъ о томъ, нельзя ли прировнять ссылку къ одиночному тюремному заключенію, такъ какъ въ такомъ случаѣ оказалось бы, что онъ отбылъ почти весь срокъ наказанія. Законодательство, повидимому, этого не допускаетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Дрейфусъ долженъ отбыть болѣе строгое наказаніе, нежели то, къ которому онъ въ дѣйствительности приговоренъ. Къ тому же изъ собранныхъ свѣдѣній оказывается, что здоровье осужденнаго сильно пострадало и что онъ не будетъ въ состояніи отбыть столь продолжительное заключеніе, не подвергаясь величайшей опасности.

«Но и помимо этихъ соображеній, заслуживающихъ вниманія, имѣются еще другія соображенія болѣе общаго характера, которыя ведутъ къ такимъ же заключеніямъ. Высшіе политическіе интересы и необходимость вновь располагать всѣми своими силами всегда предписывали правительствамъ, послѣ сильныхъ кризисовъ и по отношенію къ фактамъ извѣстнаго характера, прибѣгать къ мѣрамъ милости и забвенія. Правительство плохо отвѣтило бы на желанія страны, алчущей умиротворенія, еслибы мѣрами, входящими въ сферу его компетентности, оно, либо по собственному почину, либо путемъ предложенія, сдѣланнаго парламенту, не постаралось загладить всѣ слѣды прискорбнаго столкновенія.

«Вамъ, господинъ президентъ, подлежитъ, актомъ высшей человѣчности, дать новый залогъ дѣлу успокоенія, котораго требуетъ общественное мнѣніе и которое повелѣваетъ благо республики (?!). Вотъ почему я имѣю честь представить на вашу подпись приложенный къ сему декретъ. Соблаговолите, господинъ президентъ, принять увѣреніе въ моей почтительной преданности».

Г. президентъ не заставилъ долго уговаривать себя и немедленно же издалъ декретъ «о помилованіи» Альфреда Дрейфуса, осужденнаго къ заключенію въ тюрьмѣ на 10 лѣтъ военнымъ судомъ 10-го армейскаго корпуса. Вотъ текстъ этого декрета:

«Статья первая. Дрейфусу (Альфреду) отмѣняется остальная часть наказанія, осуждающаго его къ заключенію въ тюрьмѣ на десять лѣтъ, къ которому онъ приговоренъ военнымъ судомъ въ Реннѣ 9-го сентября 1899 г., равно какъ военное разжалованіе.

«Статья вторая. Привести въ исполненіе настоящій декретъ возлагается на военнаго министра».

Г. Галифэ, въ своемъ дневномъ приказѣ по арміи, высказываетъ удивительныя вещи по адресу арміи:

Digitized by Google

«Дѣло кончено. Военные судьи, пользующіяся всеобщимъ уваженіемъ, высказались съ полнѣйшей независимостью. Мы, безъ всякой задней мысли, преклонились передъ ихъ рѣшеніемъ. Точно также мы преклонимся передъ актомъ, который внушенъ г. президенту республики чувствомъ величайшаго сострадания. *Не можетъ быть отнынѣ и рѣчи о репрессаліяхъ, каковы бы онѣ ни были*!

«Итакъ, повторяю, дѣло кончено. Прошу васъ и, если потребуется, я вамъ прикажу забыть прошлое, дабы думать только о будущемъ. Со всѣми вами, товарищи мои, я отъ всего сердца восклицаю: «Да здравствуетъ армія»!—та армія, которая ни къ какой партіи не принадлежитъ, а принадлежитъ только Франціи».

Г. Галифэ проситъ армію, которую жиды травили и поносили въ теченіе 5 лѣтъ, «забыть прошлое»; а если армія не послушается этого добраго совѣта, то г. военный министръ говоритъ, что онъ *прикажетъ* забыть это прошлое. Неужели же г. Галифэ не понимаетъ, что армія *не можетъ забыть* той систематической травли, которой она подвергалась со стороны жидовъ въ теченіе 5 лѣтъ? Мало того, что не можетъ, но, какъ представительница французскаго народа, какъ заступница и оборонительница его цѣлости, она не имѣетъ права забыть это. Жидовскій натискъ касается не одной арміи, но и всего французскаго народа. Низвергнувъ армію, жиды однимъ ударомъ низвергнули бы и французскій народъ...

Въ Парижѣ упорно держится слухъ, что генералъ Галифэ издалъ свой приказъ по арміи, надѣлавшій такъ много шуму, безъ предварительнаго совѣщанія съ министрами, но свѣдома и согласія президента республики. Между Вальдекомъ-Руссо и Галифэ произошла бурная сцена, такъ какъ президентъ совѣта узналъ о дневномъ приказѣ только изъ устъ парижскаго военнаго губернатора, генерала Брюжера.

Но и помилованіе Дрейфуса не удовлетворило наглыхъ дрейфусистовъ. Послѣдніе вновь возбуждаютъ пресловутое дѣло... Помилованный преступникъ не можетъ отказаться отъ помилованія, но, по мнѣнію дрейфусистскихъ органовъ, онъ все таки можетъ стремиться къ пересмотру своего дѣла. Эти органы разсуждаютъ такъ:

«Если Дрейфусъ взялъ назадъ свою кассаціонную жалобу, то потому лишь, что ему заранѣе было извѣстно, что военный верховный судъ (conseil de revision) утвердитъ приговоръ реннскаго военнаго суда. Теперь Дрейфусъ помилованъ; отвергнуть помилованіе онъ не можетъ, но ему все таки остается открытымъ еще одинъ путь къ реабилитаціи,—а именно обращеніе къ кассаціонной палатѣ съ просьбою о признаніи приговора реннскаго суда недѣйствительнымъ. Поступить такъ онъ можетъ, однако, лишь въ томъ случаѣ, если обнаружится какой нибудь «новый фактъ», и такой «новый фактъ» обѣщался привести Зола при

Digitized by Google

предстоящемъ разбирательствѣ его дѣла. Тогда кассаціонная палата либо признаетъ приговоръ реннскаго военнаго суда недѣйствительнымъ, либо передастъ дѣло на разсмотрѣніе третьяго военнаго суда. Но если послѣдній оправдаетъ Дрейфуса, то и въ такомъ случаѣ возвращеніе чиновъ и орденовъ можетъ состояться лишь по рѣшенію государственнаго совѣта».

Такимъ образомъ, пристрастный къ жидамъ Галифэ очутился между двухъ огней, что̀ его какъ «стараго» воина, повидимому, не особенно смущаетъ. «Отнынѣ ни о какихъ репрессаліяхъ и рѣчи быть не можетъ»,—такъ выразился французскій военный министръ въ своемъ приказѣ по арміи. За эти слова на него нападаютъ какъ крайніе націоналисты, такъ и дрейфусисты. Газета «Droits de l'homme» выражается такъ:

«Друзья Эстергази, которые водили за носъ всю націю пять лѣтъ подъ рядъ, ликуютъ, но это будетъ продолжаться недолго. Мерсье, Рожэ, Пати, Буадёфръ и всѣ прочіе фальсификаторы (?) поплатятся, однако, за всѣ совершенныя ими гнусности.

«Aurore» говоритъ:

«Мерсье, Буадёфра, Гонза, Рожэ, Пелье и товарищей только тогда можно будетъ простить, когда и они будутъ осуждены, обезчещены, разжалованы и сосланы на Чортовъ островъ, съ кандалами на ногахъ, и отданы тамъ подъ присмотръ тюремщика Даніэля (какова жидовская злость!)

На этотъ разъ правительство, однако, выразило намѣреніе неумолимо преслѣдовать всѣ тѣ газеты, которыя оскорбляютъ армію и ихъ вождей. Ожидаютъ множества процессовъ печати.

Въ дрейфусистскомъ лагерѣ больше всѣхъ недовольна газета «Lanterne». Она говоритъ:

«Муки, которымъ подвергался Дрейфусъ, конечно, облегчены, но при всемъ томъ правосудіе не сдѣлало ни шага впередъ (?) Должно, слѣдовательно, принять мѣры къ тому, чтобы оно, наконецъ, восторжествовало. И по этому поводу замѣтимъ, что извѣстіе, будто Дрейфусъ намѣренъ поселиться въ Англіи лишено всякаго основанія. Дрейфусъ поселится на югѣ Франціи и тамъ будетъ хлопотать о своей реабилитаціи».

Въ свою очередь, націоналистская газета «Presse» подвергаетъ жестокимъ нападкамъ президента Лубэ. Газета справедливо находитъ, что глава государства нарушилъ данное имъ самимъ обѣщаніе — *безпрекословно покориться рѣшенію военнаго суда.* «Gaulois» напр., говоритъ, что «помилованіе Дрейфуса заслуживаетъ сугубаго порицанія. Этотъ актъ милосердія послѣдовалъ несвоевременно и не обставленъ надлежащими условіями. Если, дѣйствительно, правительство желаетъ полнаго успокоенія умовъ, то ему слѣдовало не ограничиваться помилованіемъ

Digitized by Google

Дрейфуса, а распространить такую милость на всѣ дѣла, находящіяся такъ или иначе въ связи съ дѣломъ Дрейфуса, въ особенности на такъ называемое дѣло о заговорѣ».

На сцену снова выступилъ, во главѣ бѣснующихся французскихъ дрейфусистовъ, главный ихъ застрѣльщикъ, порнографъ Эмиль Золя, опубликовавшій въ «Aurore» энергичный протестъ противъ рѣшенія реннскаго суда, озаглавленный: «Пятый актъ». Этотъ протестъ преисполненъ не то какого-то безумія, не то страшнаго нахальства; безъ омерзенія положительно нельзя читать этого напыщеннаго протеста. Но—увы!—всѣ усилія Золя доказать чистоту Дрейфуса разбиваются, какъ о каменную скалу, объ его доказанную и признанную виновность. Карающее и мечущее громы краснорѣчіе юдофила-буржуа является не болѣе, какъ наборомъ громкихъ, безсодержательныхъ фразъ. Напрасно онъ драпируется въ тогу французскаго патріота! Изъ каждой фразы его «протеста» ехидно выглядываютъ жидовскіе цыцѣлы.

«Величайшее преступленіе совершено!—восклицаетъ съ напускнымъ паѳосомъ этотъ писатель.—Реннскіе судьи предпочитаютъ, чтобы все рушилось, чтобы Франція, объятая пламенемъ, превратилась въ груду развалинъ, чтобы армія ея утратила свою честь, лишь бы только имъ не пришлось сознаться въ томъ, что товарищи ихъ сдѣлали ошибку, а начальники ихъ—лжецы и поддѣлыватели документовъ. Они распинаютъ идею (не идею ли о всемірномъ господствѣ жида?) приносятъ ее въ жертву саблѣ»!

Послѣ этого дикаго словоизверженія, Золя переходитъ къ главному пункту своей статьи; онъ говоритъ о «пятомъ актѣ» колоссальной драмы; онъ ищетъ его, хочетъ создать и, наконецъ, грозно заявляетъ, что въ пятомъ актѣ, какъ ударъ грома, нагрянетъ Германія! «Пятый актъ»—«это актъ развязки, предъ которымъ долженъ дрожать всякій французъ».

Но это обращеніе къ иностранцамъ,—къ чему въ сущности сводится все письмо,—произвело уже на французскихъ патріотовъ крайне омерзительное, отталкивающее впечатлѣніе.

Въ статьѣ, озаглавленной: «Jamais avec l'étranger»! газета «Gaulois» замѣчаетъ, что Дрейфусу больше всего повредили его друзья и сторонники, которые всячески силились доказать, что вожди французской арміи—подлецы и фальсификаторы. «Они подстрекали солдатъ къ бунту и учили ихъ презирать своихъ начальниковъ, а, коли потребуется, отказывать имъ въ повиновеніи, Недовольныя этимъ, тѣ же лица обратились за помощью къ иностранцамъ, чтобы успѣшнѣе вести борьбу противъ французскихъ воиновъ. Еслибы они вели эту агитацію болѣе патріотическимъ образомъ, то дѣло не вышло бы за предѣлы чисто юридическаго спора, но когда Золя сталъ клеветать на нашъ главный штабъ, когда основаны были газеты, задавшіяся цѣлью уничтожить дисциплину

Digitized by Google

въ нашемъ войскѣ, а ораторы стали требовать отдачи подъ судъ тѣхъ самыхъ генераловъ, на которыхъ мы возлагаемъ свои надежды для защиты независимости отечества,—тогда вся Франція вознегодовала, и дѣло Дрейфуса приняло размѣры національнаго процесса. Да и самъ осужденный, еслибъ онъ былъ дѣйствительно такимъ солдатомъ, какимъ его изображаютъ, не долженъ ли былъ протестовать противъ той гнусной борьбы, которую затѣяли, пользуясь его дѣломъ?

«Одинъ изъ важныхъ свидѣтелей по дѣлу Дрейфуса замѣтилъ по этому поводу: «Еслибы на первомъ же засѣданіи суда онъ отрекся отъ извѣстныхъ своихъ друзей; еслибы онъ отказался отъ услугъ адвоката, защищавшаго клеветника Золя; еслибы онъ сказалъ: «солдатъ, который предстаетъ передъ судомъ, въ защитникѣ не нуждается и съ ужасомъ отклоняетъ всякое содѣйствіе иностранцевъ,—я прошу объ исправленіи судебной ошибки, но я не хочу, чтобы обвиняли тѣхъ, кто добросовѣстно ошибся, приговоривъ меня; я уважаю тѣхъ, кто были моими начальниками, и знаю, что, если мнѣ удастся доказать имъ свою невиновность, они съ радостью признаютъ это и объявятъ во всеуслышаніе»,—еслибы Дрейфусъ заговорилъ такимъ языкомъ, то въ его пользу образовалось бы симпатическое теченіе, которое сдѣлало бы для насъ труднѣе исполненіе задачи, возложенной правосудіемъ и патріотизмомъ».

Процессъ Дрейфуса имѣетъ и хорошую сторону: онъ неопровержимо доказалъ Франціи, кто ея истинные друзья и кто враги; онъ доказалъ ей также, насколько враги эти озлоблены, на что они способны и какъ неразборчивы въ средствахъ, чтобы вредить ей. Французское правосудіе исполнило свой долгъ; оно поступило по совѣсти, соотвѣтственно достоинству страны. За этотъ свой священный долгъ Франція служитъ мишенью, въ которую мечутъ свои отравленныя стрѣлы ея враги. Съ пѣною у рта, какъ разъяренные звѣри, накидываются они на весь французскій народъ.

Газеты «тройственнаго союза» буквально поносятъ Францію; онѣ говорятъ о ней въ выраженіяхъ непристойныхъ и оскорбительныхъ для великой державы, имѣющей столь славное прошлое. Англійская пресса угрожаетъ ей не одною европейскою коалиціей, а пріобщаетъ къ ней еще Соединенные Штаты. Мадьяры дѣлаютъ грубую манифестацію предъ французскимъ консульствомъ въ Буда-Пештѣ. Въ Индіанополисѣ американскіе дрейфусисты сжигаютъ французское знамя.

Наши пресмыкающіяся русско-жидовскія газеты («Новости», «Биржевыя Вѣд.», «Сынъ Израильскій»—и особенно одесскія газеты—съ пѣною у рта нападаютъ на Францію и поносятъ приговоръ реннскаго суда. «Биржевыя Вѣд.» называютъ реннскій приговоръ «юридическимъ убійствомъ», «Новости»—«посрамленіемъ Франціи». (!!)

Къ приговору военнаго суда надъ Дрейфусомъ не остались равно-

Digitized by Google

дины и господа финляндцы, называя дрейфусистовъ «борцами правосудія». Г. Мессарошъ въ газетѣ «Свѣтъ» сгруппировалъ проявленія финляндской симпатіи къ Дрейфусу.

По словамъ гельсингфорскихъ газетъ («Aftonposten» № 185 и «Hufvudstadsbladet» № 247) двадцать гельсингфорскихъ дамъ отправили г-жѣ Л. Дрейфусъ, по случаю «непредвидѣннаго» исхода суда надъ ея мужемъ, слѣдующее посланіе: «Courage! Vous ne portez pas vos douleurs seule, *tout le monde en prend part.* (Мужайтесь! Вы не одни несете ваши страданія, весь міръ принимаетъ въ нихъ участіе»).

Примѣру 20 гельсингфорскихъ дамъ послѣдовали и мужчины. Какъ видно изъ сообщенія, помѣщеннаго въ № 252 «Hufvudstadsbladet», подъ заглавіемъ: «Собраніе для выраженія симпатіи», 5 — 17 сентября, въ большой гостинницѣ «Soccitetshuset», собрались лица, пожелавшія принять участіе въ выраженіи сочувствія борцамъ правосудія во Франціи. Собраніе открылъ «аускультантъ гофгерихта», Жанъ Больдтъ. Какъ подобаетъ благоустроенному собранію, прежде всего приступили къ избранію предсѣдателя и, послѣ «горячихъ преній», этого званія удостоился Жанъ Больдтъ; обязанности секретаря исполнялъ отвѣтственный редакторъ газеты «Työmies» — Мякель. Это собраніе отправило на имя редактора «L'Aurore», г. Клемансо, слѣдующую телеграмму: «Сходка согражданъ въ Гельсингфорсѣ проситъ, при вашемъ содѣйствіи, представить ея сочувствія борцамъ правосудія во Франціи. Злыя силы, съ которыми вы ведете эту ужасную борьбу, задерживаютъ развитіе прогресса (?!) не только въ вашей странѣ. Вездѣ происходитъ та же борьба. Мы выражаемъ надежду, что еще истекающій конецъ столѣтія узритъ великій международный союзъ, независимый отъ религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ ученій, который по всему міру, борясь съ варварствомъ, составитъ могущественный синдикатъ (это въ союзѣ-то съ жидами?) посвятившій себя дѣлу гуманности и справедливости».

Какъ видно, «кагалъ финляндскій» раскрываетъ свои объятія «кагалу еврейскому» и предполагаетъ устроить синдикатъ для борьбы съ «варварами», т. е. тѣми, которые считаютъ измѣну—преступленіемъ. Мало того, г.г. «культурные» финляндскіе бойкотеры предлагаютъ бойкотировать ни болѣе, ни менѣе, какъ всю Францію! Нѣкій «Аміпайненъ» (Оса), въ № 233 финской газеты «Uusi Suometar», предлагаетъ, чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ края было введено преподаваніе англійскаго языка вмѣсто французскаго. Свой проэктъ г. Аміпайненъ мотивируетъ тѣмъ; что «французскій языкъ, вслѣдствіе нерасположенія къ Франціи», перестанетъ быть общеупотребительнымъ языкомъ и въ не далекомъ будущемъ «будетъ, подобно латинскому, отложенъ на полку». На этомъ основаніи, почтенный ненавистникъ Франціи предлагаетъ своимъ «единомышленникамъ» заняться обсужденіемъ этого вопроса. Призывъ его услышанъ

Digitized by Google

и обсужденія начались на столбцахъ финляндскихъ газетъ. Эти газеты, однако, не ограничились разработкой вопроса объ изгнаніи изъ программъ учебныхъ заведеній края преподаванія французскаго языка; они поднимаютъ вопросъ, слѣдуетъ ли «государству» финляндскому принимать участіе во французской выставкѣ, въ виду того, что многія «государства» Европы, вслѣдствіе приговора надъ Дрейфусомъ, «вѣроятно» не примутъ участія въ этой выставкѣ.

«Итакъ, мы видимъ,—говоритъ газета «Свѣтъ»,—что г.г. «государственники» великой Финляндіи не на шутку разгнѣвались на бѣдную Францію за то, что она осмѣлилась признать одного изъ сыновъ не менѣе великаго еврейскаго народа измѣнникомъ. Гнѣвъ финляндцевъ великъ—это фактъ; а такъ какъ сами г.г. финляндцы постоянно толкуютъ, что всѣ ихъ политическія выходки имѣютъ «историческія» основы, то для разъясненія ихъ настоящаго гнѣва поищемъ этихъ «историческихъ» основъ. Найти ихъ нетрудно; стоитъ только вспомнить, что родоначальники нынѣшнихъ «государственниковъ»—извѣстные дѣятели новѣйшей исторіи Финляндіи, положившіе «краеугольные камни» зданія государства финляндскаго. Спренгпортенъ и Густавъ-Морицъ Армфельдъ были не болѣе, какъ дрейфусы шведскаго королевства; отчего же потомкамъ великихъ шведскихъ измѣнниковъ не сочувствовать измѣннику Франціи—Дрейфусу и не изливать своего гнѣва на страну, судъ которой разоблачилъ его? Финляндцы извергаютъ громы на бѣдную Францію и, по ихъ мнѣнію, она должна погибнуть, но авось оправдается русская поговорка: «Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ».

Да, силенъ и могущественъ сталъ жидовскій кагалъ, къ стыду западно-европейскихъ парламентарныхъ правительствъ. Благодаря своей заговорщической организаціи и громаднѣйшимъ награбленнымъ капиталамъ, употребленнымъ на подкупъ газетъ и политическихъ дѣятелей, жиды взволновали весь міръ и нашли сочувственный откликъ въ сердцахъ всѣхъ ограниченныхъ или прямо продажныхъ людей. Насколько сильна и могуча эта жидовская организація, изъ подпольной уже сдѣлавшаяся открытою; насколько она дисциплинирована,—это уже видно изъ одного того факта, что, на другой же день послѣ объявленія реннскаго приговора, со всѣхъ концовъ міра раздался кличъ къ бойкотированію всемірной парижской выставки!

Но Франція, конечно, не испугалась этого жидовскаго клича: она слишкомъ увѣрена въ своемъ культурномъ могуществѣ, чтобы бояться натиска гнуснаго кагала. По поводу этого движенія противъ участія во всемірной выставкѣ, «Фигаро» совершенно справедливо говоритъ, что едва ли это движеніе получитъ практическое осуществленіе: «Иностранцы извлекутъ слишкомъ много удовольствій и матеріальныхъ выгодъ изъ посѣщенія нашей выставки, чтобы быть настолько злопамятными за су-

Digitized by Google

дебный приговоръ, задѣвшій совѣсть не однихъ только иностранцевъ (?). Они скоро найдутъ, что если приговоръ, который приводитъ ихъ въ негодованіе, былъ произнесенъ «именемъ французскаго народа», то въ дѣйствительности французскій народъ не причемъ въ этомъ дѣлѣ (!) Иностранцы мечтали объ оправданіи Дрейфуса, — хорошо; но вѣдь и во Франціи есть нѣсколько милліоновъ людей (неужели жидовъ во Франціи уже нѣсколько милліоновъ!) лелѣявшихъ ту же мечту. Само правительство желало оправданія (sic), а бо́льшая часть избранной интеллигенціи требовала его».

«Присутствіе двухъ «непокорныхъ» въ трибуналѣ, осудившемъ Дрейфуса, довольно ясно показываетъ, что даже въ самой арміи не было единодушія по этому вопросу (очень жаль). Какой же смыслъ имѣетъ въ такомъ случаѣ этотъ гнѣвъ, направленный противъ цѣлаго народа? На выставкѣ 1900 г. полковникъ Жуо не состоитъ вѣдь генеральнымъ комисаромъ, и до сихъ поръ не было рѣчи о томъ, чтобы Каррьеръ игралъ тамъ хотя малѣйшую роль. Изъ-за этого не ссорятся съ 40-милліонами людей».

Но жидовскій пылъ быстро остываетъ. Тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о *гельдахъ* и выгодныхъ *гешефтахъ*,—жиды никогда не выдержатъ. И, дѣйствительно, они быстро дали отбой.

Движеніе въ пользу бойкотированія предстоящей парижской всемірной выставки встрѣтило сильный отпоръ со стороны нѣмецкой печати, находящей, что Германіи въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ выходить изъ выжидательнаго положенія и играть въ руку тѣмъ, которые ничего такъ не жаждутъ, какъ ухудшенія нынѣшнихъ отношеній между Германіей и Франціей. Одинаково осуждаютъ указанное движеніе и другіе органы печати, въ особенности американскіе. «New York Times» считаетъ непринятіе участія въ парижской выставкѣ ничѣмъ не оправдываемымъ поступкомъ, такъ какъ Франція не оскорбляла Америки; «Pitsburgh Times» приходитъ къ заключенію, что «бойкотъ» выставки безсмысленъ. Франція — дружественная страна, и процессъ Дрейфуса — ея домашнее дѣло. Большинство газетъ считаетъ мало вѣроятнымъ, чтобы недовольство Франціей продержалось до будущаго года.

Насколько правительство третьей французской республики отнеслось *милостиво* и снисходительно къ жиду-измѣннику, настолько же это самое правительство оказалось суровымъ и жестокимъ по отношенію къ процессу «націоналистовъ» и «антисемитовъ».

6-го сентября открылось засѣданіе верховнаго суда по поводу антиправительственнаго заговора, которому панамистъ Вальдекъ-Руссо пытается придать такое же серьезное значеніе, какъ эксъ-король Миланъ—мнимому заговору сербскихъ «радикаловъ». Серьезная парижская газета «Journal des Débats» назвала готовящійся судъ надъ французскими «за-

Digitized by Google

говорщиками»—водевилемъ, гораздо болѣе пригоднымъ для сцены легкомысленнаго театра «Палерояль», чѣмъ для залы засѣданій верховнаго суда.

Французское правительство собрало цѣлую кипу бумагъ, касающихся процесса якобы «заговорщиковъ». Бѣдному слѣдственному судьѣ Фабру пришлось немало потрудиться надъ разработкою этихъ легковѣсныхъ, ничего не значущихъ, документовъ. Въ собранныхъ кипахъ есть, будто бы, данныя для обвиненія въ заговорѣ лиги роялистской молодежи. Однако, всѣ имѣющіеся въ рукахъ обвинительные документы, которымъ Вальдекъ-Руссо придаетъ значеніе подавляющихъ доказательствъ, заключаются въ совѣтахъ, преподанныхъ претенденту однимъ изъ обвиняемыхъ, г. Бюффэ. «Приблизьтесь къ границѣ»,—пишетъ г. Бюффэ герцогу Орлеанскому. «Удалитесь»,—совѣтуетъ онъ ему въ другомъ письмѣ. «Приблизьтесь»,—пишетъ ему въ третьемъ. Въ общемъ, чтеніе этихъ «подавляющихъ уликъ», состоящихъ въ повтореніи словъ: «приблизьтесь» и «удалитесь», можетъ вызвать только смѣхъ въ публикѣ!

Не смотря на всѣ старанія доказать связь, существующую будто бы между искреннимъ (хотя и не жидовскаго пошиба) республиканцемъ Полемъ Дерулэдомъ и роялистами, правительство не можетъ достигнуть этого. Поль Дерулэдъ не только не отпирается, но, напротивъ, громко заявляетъ о своемъ стремленіи измѣнить настоящій порядокъ вещей, *замѣнить парламентскіе выборы—народнымъ голосованіемъ.*

Надобно замѣтить, что «лига патріотовъ», предсѣдателемъ которой состоитъ Поль Дерулэдъ, существуетъ уже давно и что она никогда не считалась антиправительственной. Покойный президентъ Феликсъ Форъ былъ одно время ея почетнымъ членомъ. Агитаціонная дѣятельность ея стала проявляться только послѣ избранія на постъ президента республики панамиста г. Лубэ. Это избраніе, какъ извѣстно, не было сочувственно принято націей. Г-ну Лубэ не довѣряли, зная его прошлое. Съ самаго момента своего вступленія во власть, онъ и повелъ антинаціональную политику. Не могли же французскіе патріоты равнодушно смотрѣть, какъ правительство *дезорганизуетъ* армію, заставляя выходить въ отставку самыхъ опытныхъ и свѣдущихъ въ дѣлѣ національной обороны генераловъ, и поощряетъ унизительную компанію дрейфусистовъ! Свое пристрастіе къ послѣднимъ правительство даже и не считаетъ нужнымъ скрывать: тотчасъ же послѣ окончанія реннскаго процесса, бывшихъ свидѣтелей въ пользу Дрейфуса: майоровъ Гартмана и Фрейштетера, г. Галифэ повысилъ по службѣ. Какъ выгодно быть дрейфусистомъ и какъ невыгодно быть «націоналистомъ»!

Не одинъ Дерулэдъ, а вся Франція недовольна настоящимъ порядкомъ вещей. Дерулэдъ только говорилъ громче всѣхъ, неустрашимо бросалъ вызовъ современной парламентарной лже-республикѣ. Не только

Digitized by Google

французскіе патріоты, но и всѣ искренніе друзья французскаго народа глубоко убѣждены, что дальнѣйшее продолженіе существующаго нынѣ фальсифицированнаго режима—немыслимо. Слѣдовательно, всѣ эти истинные, честные французы,—съ точки зрѣнія дрейфусистскаго правительства,—являются *заговорщиками*, такъ какъ всѣ они, подобно Деруледу, желаютъ переворота, который помогъ бы имъ избавиться отъ подтасованнаго правительства, во главѣ котораго стоятъ такіе люди, какъ Лубэ, Вальдекъ-Руссо и Галифэ. Деруледъ, какъ завзятый республиканецъ, ищетъ спасенія въ плебесцитѣ, стремясь этимъ путемъ къ освобожденію своей родины отъ вліянія дрейфусистовъ. Онъ и является вѣчнымъ memento mori для нынѣшняго французскаго правительства. Поэтому избавиться отъ него, лишить его возможности быть центромъ, около котораго группируются всѣ истинные французы, скомпрометировать его въ глазахъ республиканцевъ, — было настоятельною необходимостью для дрейфусистскаго правительства. Оно сильно стремится къ этому. Деруледа обвиняютъ въ томъ, что онъ, будто бы, въ сообщничествѣ съ роялистами (!) имѣлъ цѣлью ниспровергнуть республику, замѣнивъ ее монархіей.

Не нужно быть особенно дальновиднымъ, чтобы видѣть всю ложь этого обвиненія. Деруледъ, стремясь къ перевороту, желаетъ только, чтобы вмѣсто «парламентаріой» республика была настоящая, т. е., чтобы президентъ избирался дѣйствительно народомъ, а не *кучкою людей*, дѣйствующихъ исключительно въ своихъ личныхъ жидовскихъ интересахъ. Если же этимъ плебесцитомъ злоупотребилъ Наполеонъ III, то вѣдь чѣмъ не злоупотребляютъ люди? Въ идеѣ же эта форма избранія перваго сановника республики все таки предпочтительнѣе кумовской стачки депутатовъ и сенаторовъ, какъ оно и случилось при выборѣ Лубэ. Избранный же всеобщимъ голосованіемъ, президентъ республики можетъ съ бо́льшимъ правомъ именовать себя «*излюбленнымъ*» человѣкомъ націи, чѣмъ теперешняя безвластная кукла, приводимая въ движеніе министромъ-президентомъ, который и самъ-то ходитъ въ поводу у кагала. При этомъ, весьма легко будетъ и расширить власть президента французской республики на подобіе власти сѣверо-американскаго президента, самолично объявляющаго даже войну и миръ и вовсе не обязаннаго считаться при выборѣ министровъ съ ежедневно мѣняющимся парламентскимъ «большинствомъ», уже погубившимъ во Франціи столько честныхъ и энергическихъ министровъ. Grand ministère Гамбетты просуществовало гораздо меньше, чѣмъ министерство бездарнаго и уклончиваго Дюпюи...

Министерству Вальдека-Руссо и генеральному прокурору Бернару почему-то захотѣлось, соединивъ дѣйствія роялистской лиги, членовъ ассоціаціи антисемитовъ (Геренъ) и лиги націоналистовъ, дать имъ дѣй-

Digitized by Google

ствіямъ трескучее названіе «заговора противъ республики». Здѣсь спутано во-едино нѣчто совсѣмъ не соединимое. У всѣхъ этихъ трехъ ассоціацій цѣль одна—протестъ противъ республики, но средства у каждой изъ нихъ не одинаковы. Деруледъ—убѣжденный республиканецъ; онъ протестуетъ только противъ парламентарной жидовской республики, т. е. противъ той республиканской организаціи, результатомъ которой явилось современное дрейфусистское правительство. Онъ всегда громко заявлялъ и продолжаетъ заявлять о своихъ республиканскихъ симпатіяхъ. За подобный же «заговоръ» его уже судили нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и онъ былъ торжественно оправданъ. Въ письмѣ своемъ къ Анри Рошфору, намѣревавшемуся хлопотать о свиданіи, онъ высказался начисто какъ о современномъ французскомъ правительствѣ, такъ и о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ.

«*Ничего я отъ нихъ не желаю, даже справедливости*! *Я увѣренъ въ томъ, что они меня осудятъ*, но я также убѣжденъ, что и я буду судить какъ ихъ, такъ и парламентскаго президента. «Многіе меня увѣряютъ, что Беранжэ — честный человѣкъ. Я этого ему желаю не столько для себя, сколько для него самого, но онъ вѣдь будетъ одинъ въ полѣ и его единственный голосъ не измѣнитъ уже *заранѣе принятаго относительно меня рѣшенія*.

«Впрочемъ, я со всѣмъ примирился. Въ кампаніи, начатой мною съ *такими добрыми французами, какъ вы, для защиты отечества противъ космополитовъ* и для борьбы съ парламентаризмомъ, я заранѣе обрекъ себя на жертву.

«Лишили меня, однако, только свободы. Я на это не сѣтую. Симонъ-Монисъ или Монисъ-Симонъ (я полагаю, что онъ сталъ называться Монисъ-Симономъ, чтобы скрыть свое жидовское происхожденіе), что бы онъ тамъ ни предпринималъ,—чести меня не лишитъ. *Никто не повѣрилъ и никто не станетъ вѣрить, чтобы я продалъ свою совѣсть, нагло лгалъ, провозглашая себя республиканцемъ. Роялистскій заговоръ, нарочно сочиненный для того, чтобы впутать меня въ дѣло*, не привелъ къ тѣмъ результатамъ, какихъ ожидали. Впрочемъ, это еще болѣе заставитъ ихъ стремиться къ моему осужденію. *Еслибъ я оказался обезчещеннымъ, меня выпустили бы на волю, такъ какъ въ такомъ случаѣ я не имѣлъ бы болѣе никакого политическаго значенія, но коль скоро будетъ доказано, что я только слуга народа и народной республики*,—меня лишатъ возможности имъ служить.

«Въ концѣ-концовъ, нынче для меня, какъ въ 1889 г. для Буланжэ, дѣло сводится къ противозаконному остракизму, причемъ отсутствующій законъ замѣняютъ клеветническою выдумкою. Я, пожалуй, не сталъ бы вовсе возражать, еслибъ мнѣ просто объявили, что я *угрожаю ихъ привилегіямъ, приношу вредъ ихъ интересамъ и разстраиваю ихъ рас-*

Digitized by Google

чести, за что республиканскіе парламентаріи приказываютъ отправить меня на Чортовъ островъ или на Божій островъ. Если я буду бороться, то потому лишь, что меня обвиняютъ въ такихъ дѣлахъ, *какихъ я вовсе не совершалъ*. Я также буду бороться для того, чтобы меня не послали чахнуть въ золотой, но вонючей клѣткѣ Люксембургскаго дворца. *Пусть посадятъ меня въ тюрьму, но не отравляютъ*».

Нельзя не сочувствовать отъ всей души этому, дышащему искреннымъ негодованіемъ, письму честнаго патріота.

Въ другомъ письмѣ, къ депутату Рамару, Деруледъ говоритъ слѣдующее:

«*Сильное государство, управляемое народомъ, и гордое отечество при истинной республикѣ—вотъ къ чему сводятся вся моя программа и всѣ мои цѣли.* Пусть парламентаріи говорятъ про меня, что я ихъ непримиримый врагъ. Въ этомъ отношеніи они правы; они даже не могутъ прикидываться убѣжденными въ томъ, что я устраиваю заговоры съ роялистами съ цѣлью ниспровергнуть республику, тогда какъ всѣ усилія мои направлены, напротивъ, къ тому, чтобы *воздвигнуть ее вновь и на новыхъ основаніяхъ*.

«Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что роялисты хотѣли бы перетянуть меня на свою сторону, и не одинъ разъ, но разъ десять они обращались ко мнѣ либо прямо, либо косвенно, съ такого рода предложеніемъ: «Если вы пожелаете быть нашимъ, то вы не будете, конечно, первымъ лицомъ въ государствѣ, но зато будете, навѣрное, вторымъ». На это я отвѣчалъ: «*Я буду, пожалуй, вторымъ лицомъ въ государствѣ, но въ то же время я буду и послѣднимъ изъ людей, такъ какъ я продалъ бы свои убѣжденія за честолюбіе*». Республиканцемъ я былъ, республиканцемъ и остаюсь... даже въ тюрьмѣ»!

Свои республиканскія убѣжденія онъ высказалъ предъ президентомъ комиссіи верховнаго суда, намѣревавшимся прочесть ему реквизиторію генеральнаго прокурора.

«Это безполезно, господинъ президентъ,—сказалъ онъ,—потому что я сдѣлаю вамъ заявленіе, которое избавитъ васъ отъ этого труда. Во-первыхъ, виновнымъ я рѣшительно ни въ чемъ себя не признаю. Я исполненъ убѣжденія, что въ теченіе 30-ти лѣтъ я ничего не совершилъ такого, что было бы противно дѣлу возрожденія Франціи, блага народа и преобразованія республики. Прибавлю, что есть обстоятельство, вполнѣ мотивирующее энергичную агитацію, предпринятую мною въ пользу пересмотра конституціи 1875 г. *Это—избраніе г. Дубо въ президенты республики*. До поры, до времени, вся моя защита сводится къ этому заявленію. Поступаю я такъ не потому, чтобы я сомнѣвался въ вашемъ безпристрастіи»...

Тутъ Беранже прервалъ Дерулѣда, замѣтивъ, что, выражаясь такъ

Digitized by Google

онъ наноситъ оскорбленіе другимъ сенаторамъ. Тогда Деруледъ присовокупилъ:

«Ну, положимъ, что я не сомнѣваюсь въ безпристрастіи и нѣкоторыхъ изъ вашихъ коллегъ, но, какъ бы то ни было, *я здѣсь объясняться не намѣренъ*. Вѣдь это болѣе чѣмъ *тенденціозный процессъ*: это—процессъ, основанный на клеветѣ. Вотъ уже пятьдесятъ сутокъ, какъ содержатъ меня въ тюрьмѣ, меня,—плебисцитарнаго республиканца, демократа и сторонника правъ народа,—обвиняя меня за участіе въ роялистскомъ заговорѣ. Мнѣ недостаточно оправдывать себя при закрытыхъ дверяхъ; необходимо, чтобы страна узнала, что я никогда ей не лгалъ. Я меньше, чѣмъ кто либо страшусь предстать передъ судомъ, состоящимъ изъ политическихъ враговъ. Я убѣжденъ, что сенатъ вынесетъ мнѣ обвинительный приговоръ, но это меня нисколько не смущаетъ: *я обращюсь къ Франціи и буду оправданъ народомъ. Вѣдь я стремлюсь къ ея освобожденію, а не къ своему собственному*. «Сегодня же я желалъ бы только обратиться къ вамъ съ просьбою—освободить такихъ добрыхъ французовъ, какъ Бальеръ и Барилье. Вѣдь вся ихъ вина сводится лишь къ тому, что они желали сгруппировать вокругъ себя патріотовъ, чтобы вмѣстѣ съ ними защищать парижанъ отъ насилія,—всегда допускавшагося,—космополитовъ, анархистовъ и людей, *не признающихъ отечества*».

Если Деруледъ, какъ искренній республиканецъ (но не защитникъ «жидовской фальсификаціи») ищетъ спасенія въ плебисцитѣ, разсчитывая такимъ образомъ «освободить свое отечество» отъ группы людей, захватившихъ власть, то роялистская молодежь, предки которой въ теченіе многихъ вѣковъ служили королямъ Франціи, — вслѣдствіе фальшивыхъ традицій, усвоенныхъ ими съ дѣтства,—напрасно думаютъ, что *только* твердая власть монарха можетъ положить конецъ партійной борьбѣ, раздирающей Францію. Всѣ эти люди, однако, не только не сдѣлали ни одного «преступленія», но даже проступка; всѣ они стремились ко благу своей родины и къ сверженію преобладающаго въ ней вліянія дрейфусистовъ.

Только пылкое воображеніе Вальдека-Руссо могло увидѣть въ дѣйствіяхъ роялистовъ признаки «страшнаго заговора». Совершенно то же «водевильное значеніе» всякій можетъ видѣть въ рядѣ телеграммъ Бюффэ къ герцогу Орлеанскому: «совѣтую ѣхать», «совѣтую подождать». Ни серьезности, ни опасности для французскаго правительства здѣсь нельзя отыскать даже подъ микроскопомъ. Какія же средства орлеанисты даютъ на совершеніе «переворота»? Герцогъ Орлеанскій изъявилъ готовность открыть кредитъ въ *300 тыс. франковъ* на это дѣло. Съ такой суммой можно совершать только водевильные, а не государственные перевороты! Для наполеоновскаго coup d'état щедрый Ротшильдъ отсыпалъ 25 мил. франковъ...

Digitized by Google

Вальдеку-Руссо и его достойнымъ сподвижникамъ пока еще не удалось скомпрометировать Деруледа какими либо подлѣльными матеріалами, касающихся его совмѣстныхъ дѣйствій съ роялистами. Въ лѣлѣ роялистовъ даже больше замѣшанъ самъ *бравый* генералъ Галифэ, чѣмъ П. Деруледъ. Хотя генералъ и отрицаетъ свои сношенія съ герцогомъ Орлеанскимъ, но онъ, и доселѣ продолжаетъ подвергаться жестокимъ нападкамъ со стороны роялистской и еще болѣе націоналистской печати. Въ газетѣ «Intransigeant», еще разъ и не смотря на опроверженіе Галифэ, утверждается, что онъ, еще незадолго до своего назначенія военнымъ министромъ, видѣлся съ герцогомъ Орлеанскимъ въ Маріенбадѣ. Когда Вальдекъ-Руссо предложилъ коллегамъ назначить Галифэ военнымъ министромъ,—*тѣ замѣтили: что у Галифэ много долговъ.* На это Вальдекъ-Руссо отвѣтилъ, что долги уже заплачены однимъ изъ друзей Галифэ. Оказывается, что *этотъ другъ,—эмиссаръ въ Парижѣ герцога Орлеанскаго и папы,* — дѣйствительно заплатилъ кредиторамъ Галифэ 150,000 фр.! Но это еще не все. Одна вѣнская газета, а именно «Neue Freie Presse», сообщила, что Галифэ находился въ Маріенбадѣ и что его тамъ часто видѣли съ герцогомъ Филиппомъ Орлеанскимъ, въ обществѣ котораго онъ почти каждый вечеръ посѣщалъ князя Меттерниха. Это извѣстіе сторонники военнаго министра стали отрицать. Теперь же никакое отрицаніе не поможетъ. Кто-то снялъ въ Маріенбадѣ двѣ фотографіи съ Галифэ во время его прогулки по улицамъ города съ герцогомъ Орлеанскимъ и де-Моникуромъ.

На почвѣ же дрейфусизма выросъ и процессъ антисемита Герена. Вся вина послѣдняго состоитъ въ томъ, что онъ—ярый противникъ жидовства, забравшаго въ свои руки не только французскую печать, но и французское правительство. Нужно надѣяться, что верховный судъ безпристрастно отнесется къ этому «страшному заговору», созданному пылкимъ воображеніемъ Вальдека-Руссо и денежными сундуками Ротшильда...

Австрія также пережила время сенсаціоннаго процесса. Въ небольшомъ чешскомъ городкѣ Кутенбергѣ обвинялся жидъ Гильснеръ въ *убійствѣ христіанской дѣвушки Хрузы.* Гильснеръ былъ обвиненъ въ *ритуальномъ религіозномъ убійствѣ* христіанской дѣвушки. Представитель частной истицы, матери убитой Агнессы Хрузы, д-ръ Бакъ, разсмотрѣвъ подробно произведенный осмотръ тѣла и обстановку убійства, пришелъ къ заключенію, что убійство совершено *именно* съ религіозною цѣлью.

«По сіе время—говорилъ онъ—намъ были извѣстны различныя побужденія къ убійству, — въ томъ числѣ и политическія, но до сихъ поръ лишь *немногіе были убѣждены въ томъ, что убиваютъ людей*

Digitized by Google

и изъ религіознаго фанатизма. Теперь фактъ на лицо и никакія возраженія тутъ не помогутъ» (sic!).

«Я, къ сожалѣнію, имѣю право говорить только о томъ, что̀ относится къ настоящему дѣлу, но въ высшихъ правительственныхъ сферахъ придется обратить вниманіе на то, что *у насъ существуютъ люди, убивающіе христіанъ лишь для того, чтобы пользоваться ихъ кровью.* Агнеса Хруза была убита обществомъ, поселившимся среди насъ, *съ исключительною цѣлью добыть ея кровь.* Гильснеръ отрицаетъ, что онъ въ моментъ убійства находился въ обществѣ евреевъ. Это понятно: мотивъ къ преступленію сталъ бы очевиднымъ для всѣхъ, еслибъ онъ признался, что съ нимъ вмѣстѣ находился еврей-мясникъ. (Сильное волненіе).

«Настоящее дѣло явится *исходнымъ пунктомъ для разслѣдованія ужаснаго обряда, въ существованіе котораго многіе вѣрятъ, но котораго еще нельзя было доказать досконально.* Гильснеръ былъ сторожемъ при покойникахъ,—эта должность наслѣдственная и занимать ее могутъ только *правовѣрные евреи* (т. е. жиды-фанатики). Я участвовалъ во многихъ процессахъ, но *никогда я не былъ такъ убѣжденъ въ виновности подсудимаго*, какъ въ настоящемъ процессѣ. *Это не юридическій фортель, а мое искреннее убѣжденіе.* Господа присяжные засѣдатели! Пусть не смущаютъ васъ заявленія, что не обнаружено, кто собственно нанесъ несчастной дѣвушкѣ смертельную рану, т.-е. кто перерѣзалъ ей горло. *Этого мы никогда не узнаемъ, развѣ только самъ Гильснеръ рѣшится сдѣлать по этому пункту искреннее показаніе.* Къ тому же это не имѣетъ большаго значенія. Важно то, что онъ, вмѣстѣ съ другими, *высосалъ изъ этой христіанской дѣвушки столько крови, сколько оказалось возможнымъ.* Не подлежитъ сомнѣнію, что *въ той самой синагогѣ, гдѣ были найдены обрызганные кровью брюки, сдѣланы были всѣ приготовленія къ убійству.* Эта синагога является не только исходною, но и конечною точкою преступленія. Крови тамъ не найдено, но не найдено было потому,—какъ показали эксперты,—что *въ крови нуждался убійца.* Предъявленному ножу я большаго значенія не придаю. Если кто собирается убить кого нибудь ножемъ, то онъ не станетъ заранѣе показывать его всякому встрѣчному. Къ тому же убійство не было заранѣе обдумано. Въ городъ съѣхалось много иногородныхъ евреевъ, которые *узнали отъ Гильснера, что тутъ есть христіанская дѣвушка, которую можно было бы умертвить».*

Защитники подсудимыхъ набросились на Бакса, увѣряя, что онъ говорилъ объ убійствѣ, совершенномъ съ цѣлью религіознаго обряда. На это Баксъ возразилъ:

«Я слишкомъ опытный юристъ для того, чтобы употреблять подобныя выраженія. Я просто стремился констатировать, что убійцы задались

Digitized by Google

цѣлью собрать кровь ихъ жертвы, но ради чего они такъ поступили, я объ этомъ вовсе не говорилъ. Что кровь была собрана для извѣстной цѣли—лучше всего доказывается тѣмъ, что Гильснеръ не хочетъ назвать по имени тѣхъ двухъ евреевъ, которыхъ видѣли съ нимъ. Защитникъ Ауреднигенъ указывалъ на какія-то ученыя книги, когда силился опровергнуть сказанное мною, но я могъ привести гораздо болѣе вѣскія доказательства. *Странно только то, что мы не имѣемъ права говорить объ убійствѣ съ цѣлью совершенія религіознаго обряда, а защитникамъ это не возбраняется* (дѣйствительно, очень странно!) *Могу привести нѣсколько мѣстъ изъ книги одного раввина, гдѣ говорится объ употребленіи христіанской крови*».

Присяжные вынесли обвиняемому *обвинительный вердиктъ* и судъ приговорилъ его *къ смертной казни чрезъ повѣшеніе*. Публика, наполнявшая залу, радостно встрѣтила приговоръ.

Ритуальное убійство, совершаемое жидами, нѣтъ-нѣтъ да и обнаружится гдѣ нибудь, какъ ни прячетъ такія дѣла человѣкоубійственный кагалъ. Но гдѣ бы оно ни обнаружилось, обстановка его одна и та же: ни въ трупѣ, ни вокругъ трупа не находятъ крови... Обвиненіе жидовъ въ употребленіи христіанской крови—давнишнее обвиненіе. Оно проходитъ чрезъ многія столѣтія и существуетъ во всѣхъ странахъ, какъ цивилизованныхъ, такъ нецивилизованныхъ. Вспомнимъ только тисса-эсларское дѣло въ Венгріи и саратовское—у насъ.

Защитникъ Гильснера, конечно, подалъ на кассацію. Жидовская община и раввинатъ подали петицію министру юстиціи, министру-президенту, министру народнаго просвѣщенія и намѣстнику Нижней Австріи—словомъ, всѣмъ «сановникамъ», на благосклонную поддержку которыхъ они могутъ разчитывать. Въ этой петиціи они говорятъ:

«Мы надѣемся, что австрійское правительство найдетъ средства, чтобы защитить нашу *признанную государствомъ религію* (очень жаль, что она признана!) отъ гнусной клеветы, жертвой которой были въ Китаѣ сотни христіанъ. Но наша вѣра въ мѣропріятія правительства не можетъ удержать насъ—не высказать нашего горячаго протеста противъ того позора, который былъ нанесенъ нашей старинной религіи. Мы молчали, пока клевета обращалась противъ матеріальнаго благосостоянія нашихъ единовѣрцевъ. Но теперь дерзкія руки посягаютъ на наше самое святое: на нашу религію. И мы, по примѣру нашихъ отцовъ, будемъ *нашимъ имуществомъ* (т. е. подкупомъ?) и кровью нашей защищать честь и чистоту нашей религіи».

Здѣсь послѣдовало обычное въ подобныхъ дѣлахъ жидовское «запирательство», на которое они большіе мастера.

Въ тисса эсларскомъ дѣлѣ первая инстанція тоже вынесла жидамъ обвинительный приговоръ, который былъ кассированъ верховнымъ судомъ...

Digitized by Google

Авось либо ничего подобнаго не случится съ приговоромъ чешскихъ присяжныхъ засѣдателей. А впрочемъ... какъ знать [1])? Якобы русскія «Новости» спѣшатъ уже телеграммой извѣстить своихъ довѣрчивыхъ читателей, что нашелся-де *настоящій* убійца Агнессы Хрузы. Вѣроятно, этотъ настоящій убійца будетъ столько же невиненъ въ убійствѣ, какъ майоръ Эстергази — въ составленіи бордеро Дрейфуса. Нужно же кагалу очистить себя отъ такого тяжкаго обвиненія, и для этого онъ, конечно, не пожалѣетъ накакихъ сребренниковъ. Весьма возможно, что и убійцею окажется христіанинъ: давно уже извѣстно, что самыя гнусныя свои дѣла жиды взваливаютъ на христіанъ!

Бѣлградская трагикомедія окончена! Жестокій, безчеловѣчный приговоръ уже воспослѣдовалъ. Это *громкое*, по своей несправедливости, дѣло: «о покушеніи и заговорѣ противъ династіи Обреновичей» привлекло вниманіе всего міра своею дикостью и жестокостью. Какъ много выигралъ бы Миланъ, еслибъ не затѣвалъ этого злополучнаго процесса! Ему слѣдовало бы понять, что въ то время, какъ обвиненные имъ въ соучастіи съ Кнежевичемъ радикалы судились его клевретами,—его самого, экъ-короля Милана, подвергаетъ рѣзкому суду все цивилизованное человѣчество. Всюду раздается сплошной крикъ протеста и негодованія противъ него. Послѣ несчастной безразсудной войны съ Болгаріей, послѣ скандальнаго развода съ королевой, онъ такъ возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе, что вынужденъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего сына Александра. Онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ быстро пріобрѣлъ скандальную популярность среди балеринъ и шансонетныхъ пѣвицъ. Такая жизнь требовала громадныхъ денегъ; поэтому онъ, отчасти угрозами, отчасти воздѣйствіемъ на сына, обратился къ сербской казнѣ, требуя оттуда денегъ. Въ 1891 г. ему было выдано 3 мил. франковъ. Но увы!—трехъ милліоновъ хватило только на три года. Миланъ снова остался «яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего»! Надежды на заключеніе новой сдѣлки онъ питать не могъ, такъ какъ прекрасно зналъ, что ему больше не повѣрятъ. И вотъ, нарушивъ торжественно данное слово, онъ въ 1894 г. снова появляется въ Сербіи,—появляется гордый, властный, заносчивый, съ твердой рѣшимостью преслѣдовать всѣхъ, кто не преклонится передъ его экъ-королевскимъ величествомъ. Пользуясь слабохарактерностью своего сына, онъ забираетъ въ свои руки бразды правленія, расхищаетъ народныя деньги, окружаетъ себя толпой продажныхъ льстецовъ и начинаетъ безпощадную борьбу съ либералами, напредняками и радикалами. Послѣдніе ему осо-

[1]) Употребленію христіанской крови евреями, въ «Наблюдателѣ текущаго года», было посвящено двѣ *документальныхъ* статьи, на которыя жиды, конечно, ничего не нашлись возразить (№№ 5 и 7).

Digitized by Google

бенно ненавистны, такъ какъ они стоятъ въ рѣзкой оппозиціи съ нимъ и его клевретами.

Предлогъ раздѣлаться съ ними не замедлилъ представиться: это—покушеніе Княжевича; отсюда недалеко и до «заговора» противъ священной династіи Обреновичей. У Княжевича вынудили признаніе въ томъ, что онъ дѣйствовалъ въ заговорѣ по наущенію радикаловъ. Начавшееся *слѣдствіе* выяснило, по приказанію Милана, множество самыхъ ужасныхъ уликъ противъ радикаловъ. Главнѣйшіе радикалы были схвачены и посажены въ тюрьму. Начался политическій процессъ; главными свидѣтелями явились Княжевичъ и Крезовичъ, которые и возводили на радикаловъ тысячи обвиненій. Въ показаніяхъ Крезовича и даже въ самой личности его усомнился и прокуроръ. Княжевичъ не выдержалъ: въ немъ заговорила совѣсть за то, что онъ невинно оклеветалъ радикаловъ. Послѣ обвинительной рѣчи прокурора, онъ поднимается и говоритъ:

«Я стою передъ Богомъ и скоро не буду въ живыхъ. Я хочу поэтому облегчить свою совѣсть и сказать полную правду. Я знаю полковника Николича, Димича и Ковачевича только съ виду. Никто изъ оговоренныхъ мной не виновенъ. Я никогда съ ними не разговаривалъ, и они ничего не знали о покушеніи». Многіе изъ обвиненныхъ плачутъ. Княжевичъ продолжаетъ: «Я принесъ достаточно горя невиннымъ семействамъ. Я думалъ такимъ образомъ спастись. Я вижу, что погибъ. Я хочу предстать чистымъ передъ Богомъ. Эти люди невинны. Клянусь евангеліемъ: я совершилъ покушеніе изъ мести». Слово предоставлено полковнику Николичу, который ссылается на признаніе Княжевича, и говоритъ: «Да хранитъ Богъ меня и моихъ дѣтей; я ничего не зналъ о покушеніи. Всѣ показанія Крезовича—одна сплошная ложь. Я никогда не былъ въ типографіи радикаловъ». Снова поднимается Княжевичъ и утверждаетъ, что полковникъ говоритъ правду. Затѣмъ встаютъ Ковачевичъ и Димичъ, и также ссылаются на признанія Княжевича. Димичъ, со слезами на глазахъ, говоритъ о своей невинности и о томъ, что онъ никогда не занимался политикой. Онъ даже не зналъ, существуетъ ли какой нибудь Карагеоргіевичъ, и если да, то гдѣ онъ. Пашичъ говоритъ: «Я положительно не знаю, какъ я попалъ на скамью подсудимыхъ. Ни Княжевичъ, ни Крезовичъ меня не обвиняютъ. На какомъ же основаніи взяли на меня обвиненіе»?

Передъ казнью Княжевичъ громко, обратясь къ сопутствовавшему ему священнику, сказалъ, что всѣ осужденные, за исключеніемъ его одного, рѣшительно ни въ чемъ неповинны...

О произнесеніи приговора надъ мнимыми заговорщиками мы находимъ въ различныхъ газетахъ слѣдующія подробности.

Всѣми присутствовавшими на судѣ овладѣло чувство ужаса, когда они услыхали звукъ цѣпей, и еще болѣе, когда въ залу засѣданія

Digitized by Google

вошли въ оковахъ всѣ подсудимые. Восемнадцать жандармовъ съ примкнутыми къ ружьямъ штыками стали на стражѣ несчастныхъ. Прежде всего прочитано было изложеніе мотивовъ къ приговору, а затѣмъ и самый приговоръ. Къ общему удивленію и негодованію публики, судъ нашелъ, что тринадцать изъ подсудимыхъ уличены въ государственной измѣнѣ, а именно: Шансичъ и Вишевичъ (оба, къ счастью для нихъ, отсутствующіе), затѣмъ Кнежевичъ, Николичъ, Димичъ, Кавачевичъ, Кресовичъ, Джуричъ, Милинковичъ, Живковичъ, Павичевичъ, Новаковичъ и Протичъ. Кнежевичъ и Шансичъ приговорены были къ смертной казни, а прочіе—къ многолѣтнему тюремному заключенію, притомъ многіе къ высшей мѣрѣ наказанія т. е. на 20 лѣтъ; пожизненнаго тюремнаго заключенія въ Сербіи не существуетъ. Николичъ, здоровый, сильный мужчина, услышавъ приговоръ, разрыдался, какъ ребенокъ. Павичевичъ воскликнулъ: «Да здравствуетъ король Александръ и да хранитъ его Богъ отъ такихъ друзей, какъ наши судьи»! Протичъ и вдова Іовановича, обвинявшіеся только въ томъ, что они знали о существованіи заговора, но не донесли объ этомъ властямъ, были приговорены къ пятилѣтнему тюремному заключенію, точно также, какъ и всѣ семеро подсудимыхъ, принадлежащихъ къ сельскому сословію. Обвиненный въ оскорбленіи величества Сансовичъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на девять лѣтъ. Прочіе восемь подсудимыхъ, въ томъ числѣ владѣлецъ типографіи Станчевичъ, были оправданы. Приговоръ произвелъ на публику крайне удручающее впечатлѣніе.

Вся иностранная печать,—за исключеніемъ только нѣкоторыхъ жидовскихъ органовъ (къ слову сказать, жидова уже продѣлала себѣ лазейку и въ Сербію),—съ омерзеніемъ отнеслась къ бѣлградскому процессу. Еще недавно Миланъ имѣлъ нѣсколькихъ друзей и сторонниковъ въ австрійской и германской печати, но теперь и эти органы открещиваются отъ него. Такъ, «Neue Freie Presse» говоритъ:

«Нынѣшнее сербское правительство намѣревалось уничтожить радикальную партію, но на дѣлѣ оно сдѣлало изъ вождей этой партіи мучениковъ и содѣйствовало ихъ популярности. «Династическій вопросъ», который до открытія такъ называемаго заговора собственно вовсе не существовалъ, теперь можно признать открытымъ... Алексѣя и Петра Карагеоргіевичей знали въ Сербіи почти только по именамъ. Нынѣ опять о нихъ заговорили и, благодаря этому процессу, къ нимъ стали относиться съ такимъ интересомъ, котораго прежде они вовсе не возбуждали.

«Koelnische Zeitung» выражается такъ:

«Процессъ этотъ вовсе не уничтожилъ ни радикальной партіи, ни многочисленныхъ противниковъ Милана. Осужденные, спустя нѣкоторое время, опять воспрянутъ, а тѣмъ временемъ Сербія станетъ жертвою

Digitized by Google

возбужденныхъ политическихъ страстей. Суровыя слова, обращенныя къ экс-королю на судѣ нѣкоторыми защитниками, встрѣтятъ въ странѣ мощный отголосокъ. Итакъ, грозныя тучи скопляются надъ тѣмъ самымъ престоломъ, которому Миланъ полагаетъ служить опорою. Можно понять колебанія короля, который никакъ не рѣшается разстаться съ родителемъ, не смотря на все зло, которое тотъ ему уже причинилъ, а, между тѣмъ, ему слѣдуетъ разстаться съ родителемъ, притомъ надолго, и искать въ то же время человѣка, который съумѣлъ бы примирить народъ съ престоломъ».

Русская печать также съ омерзеніемъ отнеслась къ этому позорному процессу. Проф. П. Кулаковскій посвятилъ въ «Новомъ Времени» обстоятельную статью, которую заканчиваетъ такъ:

«Россіи, конечно, нѣтъ дѣла до Милана, да и до Обреновичей, если они не цѣнятъ ни своего положенія, ни положенія страны: но ни Россія, ни русскіе люди не могутъ и не должны равнодушно относиться къ судьбѣ сербскаго народа, единокровнаго, единовѣрнаго, связаннаго съ нами и исторически, и кровью на поляхъ битвъ.

«Нужно поэтому думать, что русская политика предвидитъ опасности и бѣдствія, которыя могутъ предстоять въ самомъ скоромъ времени на Балканскомъ полуостровѣ, въ виду хозяйничанья въ Сербіи экс-короля Милана, который отрекся было не только отъ престола, но и отъ сербскаго гражданства и всякихъ правъ, а теперь не только командуетъ сербскими войсками, но и воздвигаетъ себѣ памятники въ странѣ, имъ измученной, обобранной и униженной»!

Г. Кулаковскій высказываетъ затѣмъ надежду, что русская политика оградитъ Сербію отъ австрійской оккупаціи, чего столь очевидно добивается Миланъ Обреновичъ.

«Его холопы и наемники кричатъ по адресу русскихъ: «Сербы—благородный народъ, Миланъ—краль-освободитель, и если вы, русскіе, недовольны Сербіей, то оставьте насъ въ покоѣ, пусть гибнетъ Сербія,—какое вамъ дѣло»?

Но дѣло не въ сербскомъ королевствѣ, а въ сербскомъ народѣ, нынѣ уже гибнущемъ въ Босніи и Герцеговинѣ подъ «бдительною оккупаціей» Австро-Венгріи. Если Россія никогда не дѣлила съ Австріей и ни съ кѣмъ Балканскаго полуострова на «сферы вліянія»,—не подѣлитъ она его и теперь.

Разсказываютъ, что императоръ Николай I въ сороковыхъ годахъ, во время волненія въ Босніи, на лукавыя австрійскія рѣчи о раздѣлѣ «сферъ вліянія», отвѣтилъ: «Я своими не торгую»,—и никогда поэтому не могло возникать и сомнѣній, что Россія отступится отъ руководящихъ идей своей исторической политики, ведущей свое начало съ XVII, если не съ XVI вѣка.

Digitized by Google

Судъ,—этотъ ужасный судъ, надъ радикалами,—оконченъ. Теперь предстоитъ судъ страны надъ Миланомъ. Онъ все сдѣлалъ для того, чтобы его возненавидѣлъ народъ: для этого онъ пролилъ кровь и завелъ настоящій терроръ въ странѣ. Но вотъ вопросъ: упрочилъ ли онъ этимъ безразсудствомъ престолъ своего сына Александра? Не подкапывается ли онъ самъ подъ него и не роетъ ли своими руками яму для династіи Обреновичей?!

Послѣднія телеграммы принесли намъ категорическій отвѣтъ англійскаго министра колоній Чемберлена на ультиматумъ Трансвааля: «Правительство ея величества, къ крайнему своему сожалѣнію, получило рѣшительныя требованія трансваальскаго правительства... Прошу передать отвѣтъ, что предъявленныя условія таковы, что правительство полагаетъ невозможнымъ приступить къ ихъ обсужденію».

Этимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ наиболѣе воинственнаго англійскаго министра закончился цѣлый рядъ безплодныхъ дипломатическихъ переговоровъ между маленькой южно-африканской республикой, основанной въ прошломъ столѣтіи голландскими выходцами, и «царицею морей», только и занятой, что поглощеніемъ и порабощеніемъ новыхъ заокеанскихъ «колоній». Англичане, какъ извѣстно, не признавали самостоятельности Трансвааля и, не желая соблюдать англо-трансваальской конвенціи 1884 г., требовали сперва такого переворота во внутренней организаціи республики, который замѣнилъ бы управленіе туземцевъ (боэровъ) владѣніемъ иностранныхъ гешефтмахеровъ и авантюристовъ (уитлэндеровъ),—въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, «просвѣщенныхъ мореплавателей». Наконецъ, въ послѣднее время, англичане сбросили маску и потребовали отъ Трансвааля формальнаго отказа отъ гарантирующей его права конвенціи 1884 г. и—что̀ важнѣе всего—*признанія верховныхъ правъ* (сюзеренитета) *Англіи*. Словомъ, сколько ни уступалъ крошечный Трансвааль притязаніямъ Англіи, сенъ-джемскій кабинетъ все таки примѣнилъ, по отношенію къ нему, завѣтъ старой басни: «*Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать*»! Кромѣ богатой тропической природы Трансвааля, приближающейся по своимъ благодатнымъ качествамъ къ европейскому югу, особенно разожгли аппетитъ Англіи, открывшіяся тамъ недавно, золотоносныя розсыпи. Подъ фирмой «соглашенія», англичане имѣли въ виду грубый, насильственный *захватъ* этой страны. Но боэры не дали себя обыграть и, прежде чѣмъ Англія успѣла стянуть въ южную Африку всѣ заранѣе подготовлявшіяся военныя силы,—уже счастливо начали военныя дѣйствія, завладѣвъ однимъ изъ двухъ блиндированныхъ поѣздовъ англичанъ, на которые «просвѣщенные мореплаватели» уповали всего больше.

Сочувствіе лучшихъ органовъ европейской печати, въ этой возмути-

Digitized by Google

тельной травлѣ, начатой могущественнымъ государствомъ противъ слабаго врага, принадлежитъ всецѣло Трансваалю и героямъ-защитникамъ своей политической независимости.

«Англичане не хотѣли оказать намъ никакой справедливости; *они отказали намъ даже въ третейскомъ судѣ*. Такъ пусть же Господь рѣшитъ наше дѣло. *Положимся на Его святую волю!* — сказалъ одинъ изъ депутатовъ трансваальскаго фольксраада передъ закрытіемъ его засѣданій въ виду наступленія тяжелой войны. Почти тѣ же слова повторилъ и маститый «крестьянскій президентъ» трансваальской республики Крюгеръ въ своемъ посланіи.

Трудно предвидѣть случайности войны, но на вѣсахъ ея много значитъ дружная сплоченность защищающагося противъ насилія народа, хотя и маленькаго, но глубоко возмущеннаго наглой несправедливостью пришлыхъ эксплуататоровъ. Франція и Италія открыто высказываются противъ англійскихъ захватовъ; такую же позицію въ этомъ вопросѣ займетъ, вѣроятно, и Россія.

Боэры, населяющіе Трансвааль, представляютъ собой весьма трудолюбивый и симпатичный народъ. Своею честностью, услужливостью, вѣжливостью и гостепріимствомъ они во многомъ напоминаютъ своихъ предковъ—голландцевъ прошлаго вѣка. Къ тому же, помимо своихъ собственныхъ значительныхъ силъ и средствъ, собранныхъ добросовѣстнымъ производительнымъ трудомъ, они не останутся и безъ союзниковъ въ начавшемся кровавомъ столкновеніи. Президентъ сосѣдней Оранжевой республики Штейнъ уже издалъ прокламацію, въ которой предлагаетъ гражданамъ своей страны—«оказать помощь родственному государству въ сопротивленіи, оказываемомъ имъ нападенію *безсовѣстнаго противника*, который давно уже ищетъ предлога уничтожить самостоятельность африканскихъ государствъ».

НОВЫЯ КНИГИ.

Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за пятый годъ его существованія (30 марта 1898 г.—30 марта 1899 г.). Спб., 1898 г.

Въ Россіи,—по преимуществу земледѣльческой странѣ—министерство *земледѣлія* существуетъ всего пять лѣтъ! Странный и грустный фактъ. До самаго послѣдняго времени, наше земледѣліе, нашъ земледѣлецъ были предоставлены самимъ себѣ, своей собственной иниціативѣ. Результаты этой иниціативы, этой «самопомощи», не заставили себя долго ждать: страшная задолженность нашего землевладѣнія, разореніе крестьянъ и,

Digitized by Google

за послѣднія 8 лѣтъ четыре «недорода» (выражаясь дипломатически) въ восточныхъ губерніяхъ. Слѣдовательно, на долю нашего министерства выпала не легкая задача—поднять сельское хозяйство на такой уровень, чтобы занятіе имъ было не *тяготой*, а дѣломъ, дающимъ опредѣленный доходъ. Задача, повторяемъ, не легкая и тѣмъ болѣе не легкая, что начало существованія министерства совпало съ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ. Расшатывалось, подрывалось сельское хозяйство десятки лѣтъ, слѣдовательно, и для возстановленія его, для приведенія въ порядокъ, нужны многіе годы. Наше же министерство земледѣлія существуетъ всего пять лѣтъ. Оно сознаётъ всю тяжесть лежащей на немъ задачи, работаетъ, не покладая рукъ, и старается охватить всѣ сферы сельско-хозяйственной дѣятельности.

Въ числѣ мѣропріятій, которыя составляютъ предметъ особенныхъ заботъ нашего молодаго министерства, занимаетъ увеличеніе количества сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Въ этой области министерство земледѣлія за 5 лѣтъ сдѣлало болѣе, чѣмъ ранѣе до него было сдѣлано въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Оно увеличило количество сельско-хозяйственныхъ школъ *болѣе чѣмъ вдвое*: число школъ съ 68, бывшихъ при преобразованіи министерства государ. имуществъ, достигло до 137. Оно стремится какъ къ учрежденію новыхъ высшихъ и среднихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій, такъ и къ измѣненіямъ въ постановкѣ прежнихъ школъ на основаніи указаній опыта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не ограничиваясь однимъ школьнымъ изученіемъ сельскаго хозяйства, оно учреждаетъ вновь опытныя сельско-хозяйственныя станціи, или оказываетъ пособія возникающимъ по мѣстной иниціативѣ. По отношенію къ метеорологическому дѣлу, главной заботой министерства является постепенное расширеніе собственно сельско-хозяйственныхъ метеорологическихъ наблюденій и надлежащее оборудованіе находящихся въ его вѣдѣніи метеорологическихъ станцій, съ увеличеніемъ и самаго числа ихъ.

Что касается отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства, то министерство обратило особенное вниманіе на мѣры къ развитію травосѣянія, на культуры гречихи, на развитіе льноводства, на распространеніе улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ различныхъ растеній. По отношенію къ виноградарству, министерство, помимо расширенія площади виноградной культуры путемъ отвода для нея участковъ, разсчитываетъ оказать помощь хозяевамъ при посредствѣ вновь учрежденнаго персонала *участковыхъ виноградарей*, которые должны являться въ роли консультантовъ по вопросамъ виноградарства. Энергично ведутся оросительныя и осушительныя работы не только въ европейской Россіи, но и въ Сибири. Не забыты министерствомъ рыбные и лѣсные промыслы, и особенно серьезное вниманіе обращено имъ на переселенческое дѣло, на горные промыслы и на улучшеніе нашихъ курортовъ.

Digitized by Google

Во всѣхъ отрасляхъ, касающихся сельскаго хозяйства, работа идетъ серьезная и упорная, а главное,—что особенно важно,—министерство въ своей работѣ стоитъ на вѣрномъ пути. Если результаты его дѣятельности еще не успѣли сказаться въ очевидныхъ, бьющихъ въ глаза, фактахъ, то въ этомъ вина не министерства. Не нужно забывать, что оно вступило только въ шестой годъ своего существованія; а это — слишкомъ малый періодъ времени, чтобы исправить старые грѣхи, содѣянные, притомъ же, не имъ...

Мы отъ души желаемъ нашему молодому министерству успѣха во всѣхъ его начинаніяхъ и предпріятіяхъ: вѣдь въ рукахъ этого министерства находится экономическая судьба 90% русскихъ гражданъ...

А. А. Сидоровъ. **Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895).** Историческій очеркъ. Выпускъ II. Варшава, 1899 г.

Второй выпускъ названнаго выше труда посвященъ самой интересной эпохѣ русско-польскихъ отношеній,—эпохѣ двухъ польскихъ возстаній 1830—31 г.г. и 1860—63 г.г.

Предъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ личностей, принимавшихъ дѣятельное участіе, въ теченіе 30 лѣтъ, въ исторіи русско-польскаго спора. Графъ Дибичъ-Забалканскій, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Паскевичъ-Эриванскій, усмирившій поляковъ,—вотъ главныя дѣйствующія лица, принимавшія дѣятельное участіе въ прекращеніи польскаго мятежа. Польская революція была подавлена Паскевичемъ. Взятіемъ Варшавы (27 авг. 1831 г.) былъ нанесенъ окончательный ударъ революціи. Получивъ извѣстіе о взятіи Варшавы, Николай Павловичъ написалъ Паскевичу письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «съ помощью Бога Всемилосерднаго ты поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстилъ за Россію, ты наказалъ Варшаву; отнынѣ ты—свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство вспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава россійскаго воинства, а имя твое да сохранитъ каждому память дня, вновь прославившаго имя русское,—вотъ искреннее изреченіе благодарнаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего старшаго подчиненнаго»!

Вѣсть о взятіи Варшавы вызвала живой восторгъ въ русскомъ обществѣ. А. С. Пушкинъ, узнавъ о паденіи Варшавы, заплакалъ. Онъ воспѣлъ взятіе ея въ стихотвореніи «Бородинская годовщина». 6 октября въ Петербургѣ состоялось торжественное празднованіе побѣдоноснаго окончанія польской компаніи. Въ этотъ же день былъ объявленъ весьма милостивый, въ отношеніи поляковъ, манифестъ: «Въ возвращенныхъ Россіи,—говорилось въ немъ, между прочимъ,—подданныхъ нашихъ царства польскаго вы (т. е. русскіе) также будете видѣть лишь членовъ единаго съ нами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности,

Digitized by Google

великодушія, забвенія обидъ вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ нами мѣръ къ тѣснѣйшему твердому соединенію сего края съ прочими областями имперіи».

Послѣ усмиренія мятежа, началась мирная культурная работа. Одною изъ первыхъ заботъ Паскевича было упроченіе положенія въ царствѣ православной церкви. Были возобновлены старыя православныя церкви и сооружены новыя; учреждена епископская каѳедра.

Варшавское русское общество при Паскевичѣ значительно увеличилось и росло съ каждымъ годомъ. Явились русскіе книжные магазины, русскія библіотеки, русскіе подрядчики, русскія лавки.

Если росла понемногу въ Варшавѣ русская культурная сила, то и поляки не дремали. Они не хотѣли примириться съ тѣмъ statu quo, въ которое они были поставлены Паскевичемъ. Они будировали, интриговали за границей и потихоньку подготовляли новое возстаніе. Броженіе умовъ увеличивалось. Признаки революціоннаго движенія уже осязательно выступали наружу. Горчаковъ, вступившій послѣ смерти Паскевича въ управленіе царствомъ польскимъ, отличался слабохарактерностью и бездарностью. Вмѣсто того чтобы немедленно же прекратить революціонное броженіе, онъ началъ дѣлать уступки полякамъ: удалилъ изъ Варшавы Заблоцкаго и попечителя учебнаго округа Муханова. На политическую арену выступилъ фатальный маркизъ Велепольскій, замѣнившій, по просьбѣ поляковъ, Муханова.

11 марта, въ 3 часа дня, Горчаковъ объявилъ Муханову объ отставкѣ и распорядился, чтобы въ 9 час. вечера былъ готовъ для него экстренный поѣздъ. Ему было предложено убраться за границу. Опасаясь демонстрацій на варшавскомъ вокзалѣ, Мухановъ рѣшилъ ѣхать въ каретѣ до первой станціи варшавско-вѣнской желѣзной дороги: «Прушковъ» и уже тамъ сѣсть въ поѣздъ, но демонстранты узнали объ этомъ и, собравшись въ Прушковѣ, встрѣтили тамъ Муханова кошачьей музыкой, которая повторялась почти на всѣхъ станціяхъ до границы. На станціи Домброва, къ пріѣзду Муханова были приготовлены два локомотива, встрѣтившіе и проводившіе бывшаго попечителя пронзительными свистками.

«Такъ исчезъ, среди злорадныхъ ликованій и свиста, человѣкъ, хотя тяжелый, но солидный, толковый и во многихъ личныхъ отношеніяхъ недурной, расплачиваясь за систему управленія, которая не была имъ создана, но которой онъ былъ самымъ видным и крѣпкимъ представителемъ»,—говоритъ объ немъ г. Спасовичъ. «Но было ближе къ истинѣ сказать,—говоритъ г. Сидоровъ:—«Такъ исчезалъ просвѣщенный и умный человѣкъ, чуждый низкаго предубѣжденія къ полякамъ, даже женатый на полькѣ (Лубенской), все дурное котораго заключалось въ томъ, что онъ былъ противникомъ двоедушной политики, яркимъ представителемъ

Digitized by Google

всей явился, возвеличиваемый г. Спасовичемъ, маркизъ Велепольскій,—такъ исчезалъ Мухановъ, расплачиваясь за чужіе грѣхи:—безхарактерность князя Горчакова и интриганство Коцебу, который, стремясь окончательно дискредитировать Горчакова, чтобы занять его мѣсто, поддерживалъ польскія требованія объ удаленіи умнаго совѣтника — Муханова».

Положеніе русскихъ въ Варшавѣ въ 1860—1863 г.г. было очень тяжелымъ. Польскіе революціонеры позволяли себѣ всевозможныя выходки въ отношеніи русскихъ; православные священники осмѣивались на улицахъ. Уличная толпа требовала удаленія неугодныхъ ей администраторовъ и генераловъ, и эти требованія исполнялись... Русское же общество не было на высотѣ своего призванія. Авторъ «Послѣдней польской смуты», называя тогдашнихъ русскихъ варшавянъ ополяченными, пишетъ: «Любовь къ родинѣ, чувство долга, самоотверженіе,—какъ показали послѣднія смуты,—не существуютъ для ополяченныхъ русскихъ. Дочери нашихъ генераловъ, воспитанницы Пуловскаго института, позорили имена своихъ добрыхъ, но слабыхъ родителей, поступая въ банды адъютантами довудцовъ (начальниковъ) и послѣ дѣлались ихъ наложницами; сынки же тратили и тратятъ силы, здоровье и разумъ съ «коханками». Польки,—преимущественно изъ мелкой шляхты и мѣщанства, у ногъ которыхъ лежало большинство «великихъ» варшавскаго русскаго міра,—охотно принимали это раболѣпство, иногда выходили замужъ за русскихъ князей, графовъ и генераловъ, и успѣвали иногда дѣлать изъ своихъ мужей и любовниковъ—чистыхъ поляковъ. Классъ младшихъ офицеровъ и мелкихъ чиновниковъ опустошилъ кофейни, кондитерскія и трактиры, выбирая себѣ въ жёны все, что было кокетливаго и смазливаго»...

Книга г. Сидорова написана толково и со знаніемъ дѣла; поэтому нельзя не пожелать ей самаго широкаго распространенія среди русской публики. Въ ней авторъ,—къ сожалѣнію, очень кратко, — даетъ вѣрную характеристику цѣлаго тридцатилѣтняго періода русско-польскаго спора.

Д. В. Цвѣтаевъ. О трудѣ Д. И. Иловайскаго. Исторія Россіи. Эпоха Михаила Ѳеодоровича. Варшава, 1899 г.

«Когда, лѣтъ 20 тому назадъ, — говоритъ профессоръ Цвѣтаевъ,—появились первыя книги «Исторіи Россіи», печать, въ сужденіяхъ о произведеніяхъ автора, еще не увлеченная въ сторону полемикой съ нимъ по поводу текущихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики и о тому подобныхъ злобахъ дня, встрѣтила его трудъ весьма сочувственно. Представители научно-исторической критики, чаще другихъ откликавшіеся тогда на замѣтныя явленія въ историтеческой литературѣ,—профессоры В. С. Иконниковъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—отличительными качествами произведенія признали простоту и художественность въ изло-

Digitized by Google

женія, и строго научное направленіе, утверждая, что съ окончаніемъ этого сочиненія у русскаго общества надолго будетъ «превосходное вспомогательное пособіе». Съ высказанными ими мнѣніями не расходились, насколько помнимъ, и сужденія другихъ рецензентовъ. Данная оцѣнка, вызванная существомъ дѣла, безъ примѣси постороннихъ мотивовъ, нѣтъ сомнѣнія, удержатъ, въ общемъ, свое руководящее значеніе и на будущее время».

Разобравъ довольно подробно трудъ г. Иловайскаго, проф. Цвѣтаевъ говоритъ, что его «Исторія» «отличается цѣльностью изложенія, прекрасною группировкою фактовъ и умѣлою обрисовкою главныхъ лицъ и событій». По его мнѣнію, г. Иловайскій господствуетъ надъ матеріаломъ, и въ его изложеніи ясно выступаютъ не документы, а само событіе, а также отчасти и участвующіе въ дѣлѣ лица съ ихъ удачами и неудачами, радостями и печалями. «Взятый въ цѣломъ, самостоятельный и оригинальный трудъ г. Иловайскаго, являющійся для русскаго общества,—по совершенно справедливому указанію Бестужева-Рюмина—«превосходнымъ вспомогательнымъ пособіемъ», представляетъ въ настоящее время работу единственную въ нашей исторической литературѣ: сходныя книги Е. Н. Забѣлина остановились всего на годахъ Ярослава и далѣе не двигаются. Но этотъ трудъ невольно напоминаетъ о другомъ, хотя и отличномъ отъ него, цѣльномъ систематическомъ трудѣ, собственно уже по русской исторіографіи. И Д. И. Иловайскій, и В. С. Иконниковъ неутомимо ведутъ научное дѣло обзора, изложенія, ученой и критической группировки и объединенія громадной массы разнообразныхъ фактовъ науки и исторической жизни. Ихъ труды, обширные по размѣрамъ и богатые, каждый, соотвѣтственнымъ содержаніемъ, чуждые тенденціозности, имѣютъ руководящее значеніе теперь и долго будутъ имѣть его и въ дальнѣйшемъ... Д. Иловайскій и В. Иконниковъ являются чуть ли не «послѣдними могиканами въ своихъ громадныхъ предпріятіяхъ, которымъ они служатъ цѣлые десятки лѣтъ и съ которыми перейдутъ и въ потомство. Уважаемые въ средѣ серьезныхъ и чуждыхъ партійности современниковъ, они занимаютъ видное мѣсто въ средѣ главныхъ представителей русской исторіографіи второй половины XIX столѣтія». Такъ отзывается объ «Исторіи» г. Иловайскаго профессоръ Д. В. Цвѣтаевъ, спеціалистъ по русской исторіи, къ голосу котораго можетъ прислушаться читающая публика.

Въ свое время («Наблюдатель», № 5 текущаго года), отмѣчая выдающійся трудъ Д. И. Иловайскаго, мы высказали мысль, что «чрезъ всю «Исторію Россіи» проходитъ красною нитью *русское національное направленіе*. Послѣднее и послужило, повидимому, причиною того, что трудъ г. Иловайскаго встрѣченъ непріязненно нѣкоторой космополитической частью нашей печати. Если «тонъ дѣлаетъ музыку», то инородцы

Digitized by Google

у насъ, къ сожалѣнію, дѣлаютъ успѣхъ или неуспѣхъ научнымъ и литературнымъ трудамъ... Почва для нападокъ на «Исторію Россіи» г. Иловайскаго,—это политическій и національный антогонизмъ, благодаря которому *все русское, все національное клеймится и позорится у насъ съ невѣроятною наглостью.* Этой участи подвергся не одинъ г. Иловайскій. Много другихъ трудовъ и даже цѣлыхъ органовъ печати окончательно затравлено или подвергалось, хотя и безуспѣшно, жидовскому «херему»...

С. А. Короленко. **Мѣропріятія къ огражденію сельскаго населенія отъ разоренія при неурожаяхъ.** *Спб. 1899 г.*

Неурожаи и недороды хлѣбовъ, повторяющіеся за послѣднее время все чаще и чаще въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, съ каждымъ разомъ тяжелѣе и тяжелѣе переносятся сельскимъ населеніемъ. Первый симптомъ неурожая въ какой либо мѣстности обнаруживается совершеннымъ обезцѣненіемъ всѣхъ домашнихъ животныхъ: корова, стоющая 30—40 р., продается за 5—6 р., лошадь цѣною въ 30—40 р.—за 3—5 р. Однимъ словомъ, цѣнится ужь не животное, а только его кожа! Что касается мелкихъ животныхъ,—жеребятъ, телятъ, овецъ, свиней,—то они сбываются чуть не даромъ.

А, между прочимъ, въ домашнемъ скотѣ заключается все богатство крестьянина и всѣ его сбереженія, такъ какъ остальной его скарбъ почти никогда не представляетъ изъ себя серьезной цѣнности. Собственно говоря, вопросъ: что для крестьянина тяжелѣе — недородъ хлѣба или безкормица скота? является еще спорнымъ...

При современномъ развитіи желѣзныхъ дорогъ, своевременная подвозка продовольственнаго хлѣба для пострадавшаго отъ недорода населенія не представляетъ никакихъ затрудненій. Тутъ возможны ссуды, безвозвратныя пособія; вообще, такъ или иначе, но крестьянинъ можетъ прокормиться, если, конечно, общество и правительство во-время придутъ къ нему на помощь. Совершенно съ иными условіями мы встрѣчаемся въ дѣлѣ прокормленія скота въ мѣстностяхъ, терпящихъ недостатокъ кормовыхъ средствъ. Въ этомъ случаѣ, собственно говоря, никакъ нельзя прійти на помощь населенію въ прокормленіи его скота, для котораго требуется такое громадное количество, хотя и малоцѣнныхъ, но весьма громоздкихъ фуражныхъ продуктовъ, что подвозка ихъ была бы фактически невозможна для желѣзныхъ дорогъ. Вслѣдствіе этого, отпускъ денежныхъ ссудъ для покупки корма скоту совершенно безполезенъ.

Г. Короленко рѣшаетъ этотъ затруднительный вопросъ довольно просто. По его мнѣнію, «*единственнымъ исходомъ изъ этого положенія является безплатная перевозка по желѣзнымъ дорогамъ изъ мѣстностей, страдающихъ отъ безкормицы, всякаго рода жи-*

Digitized by Google

вотныхъ, на всякія разстоянія и по всѣмъ направленіямъ, какъ по Россіи, такъ и къ пограничнымъ пунктамъ». Цѣль этой мѣры— даетъ возможность населенію мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ и безкормицею, сбыть, по возможно нормальной цѣнѣ, изъ ихъ хозяйства тѣхъ животныхъ, для существованія которыхъ у нихъ не хватаетъ кормовъ.

Какъ видитъ читатель, этотъ «гордіевъ узелъ» г. Короленко очень легко разсѣкаетъ. Но вотъ вопросъ: кто будетъ заниматься этимъ транспортомъ животныхъ изъ одной мѣстности въ другую? Самъ крестьянинъ, владѣлецъ ихъ, или скупщикъ? Мы не думаемъ, чтобы самъ крестьянинъ. Онъ не знаетъ ни рынковъ, ни ярмарокъ, кромѣ ближайшихъ къ его мѣсту жительства. Куда же онъ поведетъ продавать своихъ телокъ и сивокъ? Очевидно, что этимъ дѣломъ займется *скупщикъ*. Онъ и положитъ этотъ «безплатный тарифъ» въ свой карманъ. Мужику же, отъ этой операціи, гроша мѣднаго не попадетъ въ карманъ! Землевладѣльцы и крестьяне урожайныхъ мѣстъ могли бы, конечно, и теперь воспользоваться болѣе дешевою покупкою животныхъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, но они ею почему-то не пользуются. А не пользуются они потому, что у нихъ нѣтъ для этого свободныхъ денегъ. Будь деньги у нашего землевладѣльца и крестьянина въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, имъ не пришлось бы продавать свою «животину» за цѣну одной только шкуры. Отправить изъ неурожайныхъ мѣстностей телокъ, коровъ и свиней на убой можно только въ Москву, Петербургъ или за границу. Но не только за границей, но и въ Москвѣ и Петербургѣ не будутъ ѣсть этихъ тощихъ животинъ. Скотъ падаетъ въ тѣлѣ не сразу, а въ теченіе цѣлаго лѣта. Крестьянинъ не сразу рѣшится разстаться со своей скотиной, хотя и будетъ предчувствовать, что осенью настанетъ формальный голодъ. Но русское «авось» и «небось» заставляютъ его удерживать скотину до начала голодной «трагедіи»; тогда только онъ рѣшается разстаться и съ телками, и съ сивками. Доставить же въ Москву и Петербугъ этотъ «голодный» скотъ, хотя бы и по «безплатному тарифу», нѣтъ никакого разсчета: поправить его, вогнать «въ тѣло», будетъ стоить слишкомъ дорого. О заграничныхъ рынкахъ нечего и мечтать: тамъ любятъ нашихъ черкасскихъ быковъ, а не захудалыхъ поволжскихъ бурёнокъ.

Крестьянину скотъ необходимъ и продаетъ онъ его только по нуждѣ. Поэтому каждая лишняя животина, спасенная отъ продажи на «шкуру», является благодѣяніемъ для него. Но намъ кажется, что «безплатная перевозка» вся цѣликомъ попадетъ въ руки скупщика, а не крестьянина-пахаря.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Русскіе капиталисты, погибающіе изморомъ.—Дервизъ и Мамонтовъ.—Причины краховъ нашихъ промышленныхъ предпріятій.—Заигрываніе московскаго купечества съ жидами и результаты этой игры.—Кому помогли покровительственныя пошлины?—Предостереженіе, данное углепромышленникамъ г. министромъ финансовъ.—Демонстрація углепромышленниковъ.—Почему жиды любятъ псевдонимы?—Сенатское рѣшеніе о еврейскихъ вывѣскахъ и его защитники.—Несоотвѣтствіе этого рѣшенія съ общимъ духомъ нашего законодательства о евреяхъ.—Жиды, пролѣзающіе въ дворянство.—Поставленная на очередь реформа среднеучебныхъ заведеній.—Наши семинаристы и почему ихъ не принимаютъ въ университетъ?—Военно-медицинская академія, признающая за реалистами права «зрѣлости».—Гуманный приказъ министра путей сообщенія.

Русское купечество переживаетъ тяжелую годину,—годину *краховъ*. За г. Дервизомъ послѣдовали сразу два милліонныхъ краха: Мамонтова и Хлудова. Мамонтовъ—это знаменитый строитель московско-ярославско-архангельской дороги и владѣлецъ Невскаго химическаго завода. Въ воздухѣ носятся еще новые крахи и ожидаются другіе... Все это тяжело отзывается на русской промышленности и на угнетенномъ состояніи духа русскаго купечества.

Мамонтовскій крахъ былъ совершенной неожиданностью для большинства московскаго купечества. Никто не думалъ, чтобы легендарный Савва Ивановичъ, покровитель искусствъ, такъ легко могъ обанкротиться и даже попасть въ тюрьму, какъ какой нибудь содержатель банкирской конторы. По Москвѣ, правда, давно уже циркулировали слухи, что въ дѣлахъ Мамонтова «что-то неладно», что ему придется отвѣчать за какія-то злоупотребленія по постройкѣ московско-архангельской дороги. Но этимъ слухамъ не вѣрили, да и не могли повѣрить, потому что Мамонтовъ по прежнему покровительствовалъ искусству и по прежнему жилъ на широкую руку.

И вдругъ — Мамонтовъ банкротъ!! Москвичи были поражены, какъ громомъ. Мамонтовъ арестованъ и отвозится въ тюрьму, въ одиночную камеру... Чудеса—да и только!

Московскіе толстосумы пріуныли, но, однако, къ ихъ чести, они рѣшились взять его на поруки, предполагая внести за него 750,000 р.,—т. е. ту сумму, въ которую г. прокуроръ первоначально оцѣнилъ было голову Мамонтова. Но и эта комбинація не состоялась:—судебная власть потребовала залогу 4.000,000 р. Мо-

Digitized by Google

сковское купечество спасовало предъ такой громадной суммой... День ото дня судебнымъ властямъ приходится все больше и больше раскрывать грѣховъ за Мамонтовымъ. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Мамонтовъ обвиняется въ противоуставной ссудѣ Невскому механическому заводу. На общемъ собраніи акціонеровъ московско-ярославско-архангельской желѣзной дороги выяснились, между прочимъ, слѣдующія операціи Мамонтова.

Полученныя изъ частныхъ банковъ и кредитныхъ учрежденій, по учтеннымъ векселямъ, деньги желѣзной дороги не оказались въ наличности въ кассѣ, а оказались частью въ долгу за товариществомъ Невскаго механическаго и судостроительнаго завода — 3.405,037 р. подъ обезпеченіе соло-векселей этого завода; частью за членами правленія С. И. Мамонтовымъ и Н. И. Мамонтовымъ: за первымъ 4.360,392 р. и за вторымъ — 2.710,604 р.; въ видѣ обезпеченія представлены были паи Невскаго механическаго завода на номинальную сумму 7.055,000 р. Наконецъ, часть денегъ была роздана разнымъ лицамъ, въ качествѣ подотчетныхъ денегъ: между прочимъ, С. И. Мамонтову—765,769 р. 75 к., Н. И. Мамонтову—25,000 р., М. Ф. Кривошеину—168,963 р. 55 к., И. А. Игнатьеву—280,760 р. 58 к. и др. Разсчеты съ товариществомъ Невскаго механическаго и судостроительнаго завода производились такимъ образомъ: по мѣрѣ заготовленія заказовъ, вся покупная сумма выдавалась товариществу подъ обезпеченіе векселей съ тѣмъ, что, по мѣрѣ изготовленія паровозовъ, соотвѣтственныя суммы векселей будутъ возвращаемы товариществу. Но тѣмъ не менѣе, не взирая на уплату всей покупной ссуды, правленіе московско-ярославско-архангельской желѣзной дороги продолжало выдавать новыя суммы подъ тѣ же самые оплаченные заказы. Въ такомъ духѣ и далѣе производились операціи общества, и къ 16-му февраля 1898 года долгъ товарищества составлялъ уже внушительную сумму — 9.649,495 р., а впослѣдствіи еще увеличился. Затѣмъ, по иниціативѣ С. И. Мамонтова и Н. И. Мамонтова, была произведена слѣдующая комбинація: весь новый выпускъ паевъ товарищества въ суммѣ 6 мил. руб. внесенъ въ кассу общества московско ярославско-архангельской желѣзной дороги и долгъ товарищества списанъ въ этой суммѣ.

Паи Невскаго механическаго завода не представляли, однако, обезпеченія счетовъ г.г. Мамонтовыхъ, такъ какъ они никакой биржевой цѣны не имѣли, не пользовались правомъ обращенія на биржахъ и никто изъ денежныхъ людей ихъ не покупалъ. Министерство финансовъ, послѣ оцѣнки заводовъ невскаго товарищества, пріобрѣло паи отъ г.г. Мамонтовыхъ за 30% ихъ номинальной стоимости и выдало новому правленію московско-ярославско-архангельской дороги ссуду въ 5 мил. рубл.

По даннымъ, собраннымъ новымъ правленіемъ дороги, вся сумма первоначальнаго недочета равняется 6.489,489 р. 94 к. Часть этой суммы постепенно поступаетъ въ уплату. Кромѣ того, извѣстная доля убытковъ общества будетъ покрыта имуществомъ обвиняемыхъ, такъ что, въ концѣ концовъ, убытки общества опредѣлятся, вѣроятно, суммою около 4 мил. руб.

Digitized by Google

Представители русскаго купечества, одинъ за однимъ, сходятъ, уступая свое мѣсто... — жиду-купцу и иностранному предпринимателю. Ряды русскихъ купцовъ, замѣтно, рѣдѣютъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ и, вообще, въ любомъ нашемъ городѣ. Въ чемъ же причина неустойчивости нашихъ промышленныхъ предпріятій?

Причинъ тутъ много, и всѣхъ ихъ не перечтешь. Неустойчивость нашихъ крупныхъ фирмъ, главнымъ образомъ, зависитъ отъ нашей промышленной неразвитости и отсталости, и отъ разбросанности дѣлъ. У насъ нѣтъ еще спеціализаціи промышленности. Начавъ одно дѣло, предприниматель убѣждался, что для прочности его успѣха необходимо создать *еще другое дѣло*, а тамъ третье и т. д. Въ странѣ съ *правильно развитою промышленностью* и съ энергіей денежнаго обращенія, всякій поступательный шагъ въ извѣстномъ направленіи не только открываетъ пути для новыхъ дѣлъ, но и требуетъ, чтобы эти новыя дѣла примкнули къ нему и создали необходимую поддержку. У насъ нѣтъ дѣловаго союза милліоновъ.

Газета «Курьеръ», останавливаясь на причинахъ крупныхъ краховъ въ русской промышленности, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія справедливыя заключенія:

«Въ чемъ же причина неустойчивости нашихъ промышленныхъ предпріятій? Причину, естественно, надо искать не во внѣшнихъ условіяхъ рынка, не въ конкурренціи, не въ размахѣ спекулятивнаго своекорыстія, а въ недостаткахъ внутренней организаціи. Наша промышленность бѣдна практически-образованными дѣятелями, детально знающими свое дѣло. Талантливые организаторы у насъ находятся, подобно организатору дервизовскихъ предпріятій, но не въ нихъ вся сила: для промышленности, кромѣ организатора, необходимы сотрудники въ практическомъ осуществленіи организаціи, которые могли бы понять цѣль и экономическія задачи предпріятія, и способствовать его успѣху и процвѣтанію. Зачастую въ Россіи, вмѣсто затратъ капитала на удешевленіе производительнаго процесса, увеличиваются издержки на содержаніе администраціи предпріятія, притомъ нерѣдко администраціи, мало подготовленной къ веденію крупнаго дѣла, мало образованной, мало предпріимчивой... У насъ, въ Россіи, администрація промышленныхъ предпріятій—дорога, но практически неопытна, рутинна, необразована. Сплошь и рядомъ выгодныя предпріятія рушатся, набивая лишь карманы директоровъ, администраторовъ и т. п. Въ повседневномъ обиходѣ мы постоянно сталкиваемся съ невѣжествомъ, съ мракомъ, который, какъ какая-то зловѣщая сѣть, окутываетъ русскую общественную жизнь. Въ области же промышленности это «жалкое» невѣжество переходитъ въ грозный, опасный для общества размахъ своекорыстія».

Часто предпріятія у насъ поставлены, по своей смѣлости и широтѣ, на американскую ногу, но,—говоритъ газета, — «недостаточно сбрить себѣ усы, а вмѣсто бороды оставить клочья волосъ подъ подбородкомъ, чтобы считать себя американцемъ. Недостаточно имѣть способность развернуться во всю ширь своей энергіи, чтобы уподобиться нашимъ заатлантическимъ друзьямъ. Тамъ, въ этой «гнилой республикѣ», энергія находитъ себѣ немедленно и соотвѣтствующую культурную обстановку. Къ услугамъ энергіи являются и милліоны образованныхъ силъ, и рядъ учрежденій, и свобода общественныхъ отношеній. Сильная, могучая культура создаетъ

Digitized by Google

почву, прекрасно вспаханную и прекрасно удобренную: всякая энергія находитъ въ ней все, что ей нужно для своего приложенія. У насъ пышный ростъ промышленности не создалъ ничего подобнаго. Почвы у насъ нѣтъ никакой. Все это только новь. И если энергіи народиться нетрудно, то новь обратить въ культурное поле—невозможно. Широкій размахъ мысли, подъемъ энергіи, пытающейся охватить возможно большій районъ для своего приложенія, встрѣчаетъ настоящую китайскую стѣну, сложенную изъ низкаго умственнаго уровня страны, и отсутствія, вслѣдствіе этого, людей».

«У насъ нѣтъ людей,—говоритъ по тому же вопросу другая газета,—способныхъ вести промышленныя предпріятія, имѣющихъ къ тому недостаточную подготовку. Какъ нельзя лучше показываетъ это исторія съ состояніемъ П. П. Дервиза. Капиталы его были вложены въ нѣсколько предпріятій:—въ банкъ, въ желѣзную дорогу, въ транспортную фирму, въ желѣзный заводъ, и во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ главнымъ распорядителемъ было одно и то же лицо. У насъ думаютъ, что нѣкоторая талантливость, удача на биржѣ могутъ замѣнить солидное знаніе дѣла, дающееся въ дѣйствительности только путемъ изученія его на практикѣ, послѣ основательной теоретической подготовки. Таковы же были и главные заправилы архангельской дороги—частью биржевые игроки, частью такіе же диллетанты въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, какъ и въ музыкѣ, такъ что для одного изъ нихъ переходъ съ кресла директора правленія желѣзнодорожнаго общества на стулъ дирижера въ оперномъ театрѣ казался вполнѣ естественнымъ. Можно ли ожидать, чтобы въ такихъ рукахъ дѣло было правильно поставлено? Какъ можно видѣть изъ промышленной хроники послѣдняго времени,—новыхъ дѣлъ возникло много, но во главѣ всѣхъ этихъ начинаній стояли все одни и тѣ же лица, скрещивавшіяся въ различныхъ комбинаціяхъ, и, притомъ, всѣ эти дѣльцы въ сущности являлись полными невѣждами въ тѣхъ дѣлахъ, которыми заправляли. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что само министерство финансовъ охарактеризовало веденное дѣло лопнувшихъ фирмъ, какъ «крайне неправильное». Въ этомъ и лежитъ главная причина краховъ: для той массы возникающихъ промышленныхъ дѣлъ, въ которыхъ мы нуждаемся, нѣтъ у насъ достаточно людей энергичныхъ и знающихъ».

Если серьезно вникнуть въ причины крушенія нашихъ финансовыхъ столповъ, то нельзя не прійти къ заключенію, что вина въ ихъ крушеніи лежитъ отчасти внѣ ихъ, внѣ ихъ самодѣятельности и предпріимчивости. Одна изъ главныхъ причинъ крушенія нашихъ промышленныхъ фирмъ—это недостатокъ спеціальнаго образованія. Иностранецъ-промышленникъ за своею спиною имѣетъ высоко развитую технику, всевозможныхъ спеціалистовъ; у нашихъ же предпринимателей почти ничего нѣтъ.

Московское «именитое купечество», ведущее торговлю по первой гильдіи, мало-по-малу сходитъ со сцены, замѣняясь... жидовствомъ»,—замѣчаетъ «Московскій Листокъ».

Въ средѣ первогильдейнаго купечества мы не видимъ уже многихъ нашихъ комерсантовъ: — такъ напримѣръ, вмѣсто Боткиныхъ появился нѣкто Буде, Вишняковыхъ замѣнилъ еврей Вишнякъ,

Digitized by Google

Крашенинникова—Китаевичъ, Лепешкиныхъ—Липшицъ, Мазуриныхъ—Маркузе, Найденовыхъ—Найдичъ, Немирова—Немировскій, Санина—Сакеръ, Слѣпухина—Слѣпнякъ, Урусова—Урысонъ, Ширяева—Шиферзонъ. Подъ русскими фамиліями таятся тоже еврейскія: Бѣлоусова, Виктора Андреевича, замѣнилъ Бѣлоусовъ Хаимъ-Мейеръ, Бѣлкина, Сергѣя Ив.—Бѣлкинъ Лейба Вульфовъ, Кунина, А. А.—Кунинъ Шлема Янкель, Полякова П. Ив.—Поляковъ Лазарь Соломоновичъ и т. д. Вообще, въ числѣ 523 первогильдейскихъ купцовъ, имѣется *323 еврейскія фамиліи* (!!!), слѣдовательно, только двѣсти русскихъ; надо полагать, что въ будущемъ году и этихъ двухсотъ не останется».

Картина до крайности печальная и вызывающая на размышленія.

«Именитое» купечество равнодушно уступаетъ свое мѣсто жиду. Выходитъ такъ, что для жидовъ, да для Кноповъ съ Мейерами московское купечество заботится о покровительственной пошлинѣ; за жидовъ оно даже ходатайствовало, чтобы имъ, «въ *интересахъ русской торговли и промышленности*» (??) позволили жить въ Москвѣ.

Какая злая иронія судьбы!

Пресловутая покровительственная пошлина вся цѣликомъ идетъ въ карманы нашихъ промышленниковъ, большинство которыхъ—жиды и иностранцы...

Недавно г. министръ финансовъ сказалъ въ Харьковѣ нашимъ углепромышленникамъ назидательную рѣчь,—и... уголь немедленно поднялся въ цѣнѣ, дойдя до небывалой цифры — 10 к. пудъ. Въ «Харьковскихъ Губ. Вѣд.» была помѣщена эта рѣчь.

«Министръ бесѣдовалъ преимущественно съ А. К. Алчевскимъ и Н. С. Авдаковымъ. Онъ обратилъ вниманіе на несоотвѣтствіе между спросомъ на уголь и добычей его. Въ теченіе двѣнадцатилѣтняго покровительства, которымъ пользуется угольная промышленность, она сдѣлала крупные успѣхи; тѣмъ не менѣе, *она не развилась настолько, чтобы удовлетворить спросъ на минеральное топливо*. Недавно казна должна была купить для своихъ желѣзныхъ дорогъ иностранный уголь, освободивъ его отъ пошлины. Правда, казна ничего не проиграла; потерявъ пошлину, она выиграла на цѣнѣ угля. Но для частныхъ потребителей такой исходъ невозможенъ. Поэтому угольная промышленность должна приложить всѣ усилія, чтобы поставить свою производительность вровень со спросомъ, памятуя, что покровительство ей не можетъ быть вѣчнымъ и что если положеніе дѣла будетъ оставаться такимъ, каково оно сейчасъ, то придется чрезъ 6 — 7 лѣтъ понизить таможенную пошлину на иностранный уголь».

Семь лѣтъ—срокъ не маленькій. Судя по быстрому росту металлургической промышленности, всякихъ другихъ фабрикъ и заводовъ и желѣзнодорожной сѣти, спросъ на каменный уголь за это время увеличивался, но наши углепромышленники предпочитаютъ повышать цѣны на уголь, безъ котораго промышленность шагу ступить не можетъ. Дороговизна угля выгодна углепромышленникамъ, но крайне разорительна для народнаго хозяйства.

Digitized by Google

Отвѣтомъ на рѣчь г. министра явилось немедленное повышеніе цѣнъ на уголь! Министръ въ своей рѣчи опредѣленно указалъ, что необходимо удешевить уголь, а углепромышленники взяли да и подняли цѣну. Этотъ фактъ представляется намъ крайне характернымъ. Можетъ быть, этотъ смѣлый шагъ харьковскихъ углепромышленниковъ убѣдитъ кого слѣдуетъ, что въ нашей покровительственной системѣ есть дефекты, которыми прямо парализуется ожидаемое отъ нея полезное дѣйствіе...

У нашихъ жидовъ большая любовь къ различнымъ псевдонимамъ. Литераторъ жидъ пишетъ въ газетѣ подъ псевдонимомъ—и непремѣнно христіанскимъ! Какой нибудь Мойша Лейбовъ пишетъ подъ псевдонимомъ Львова, какой нибудь Швейнбергъ или Каинбергъ строчитъ за подписью Иванова или Петрова. Въ газетѣ встрѣчаешь фамилію Петрова и удивляешься нерѣдко, почему этотъ Петровъ, повидимому, русскій человѣкъ, проводитъ чисто жидовскія идеи, клеймя все русское и все христіанское. Изо дня въ день этотъ Петровъ развращаетъ своихъ читателей жидовскимъ космополитизмомъ, кагальными идеями; и, наконецъ, читатель (вѣдь, капля долбитъ и камень!) — проникается самъ этими зловредными идеями. Псевдонимъ для писателя иногда необходимъ; безъ него литературному работнику трудно обойтись. Но если жиду нуженъ псевдонимъ, то пусть онъ его беретъ изъ жидовской же среды, а не христіанской. Если Каинбергу неудобно работать подъ своею фамиліею, то пусть онъ подписывается Швейнбергомъ или еще какою либо другою кличкой, но только непремѣнно такою, чтобы читатель ни на минуту не сомнѣвался, кто авторъ: талмудистъ или христіанинъ. Жидъ не долженъ подписываться христіанской фамиліей, потому что какъ между жидомъ и христіаниномъ лежитъ громадная пропасть, такъ и между жидовскими и христіанскими идеалами нѣтъ ничего общаго. Каждый газетный работникъ является защитникомъ и выразителемъ христіанскихъ и національныхъ идей и принциповъ, проповѣдникомъ христіанской общечеловѣческой культуры. Жидъ же является адептомъ обособленной жидовской морали и жидовской «культуры». Онъ всегда антинаціоналенъ, потому что его отечество—тамъ, гдѣ ему хорошо живется. А хорошо ему живется если населеніе представляетъ изъ себя прекрасный матеріалъ для жидовской эксплуатаціи. Если онъ высосалъ изъ страны послѣдніе соки, то онъ бросаетъ ее и перебирается туда, гдѣ есть еще возможность эксплуатировать, разорять и развращать мѣстное населеніе. Зачѣмъ же и для чего жидъ беретъ христіанскій псевдонимъ, когда ему приличнѣе было бы взять жидовскій? Ларчикъ открывается очень просто: жидъ желаетъ *подъ христіанской маской* проводить антинаціональныя жидовскія идеи и антихристіанскіе принципы. Онъ почему-то настойчиво добивается, чтобы его считали за русскаго, за нѣмца, за француза, но не за жида,— хотя въ душѣ онъ былъ и навсегда останется жидомъ. Намъ кажется, что призваніе литературнаго работника, какъ въ общественныхъ, такъ и въ государственныхъ интересахъ, настолько серьезно и важно, что правительство и общество имѣютъ полное право тре-

Digitized by Google

бовать, чтобы онъ работалъ не подъ забраломъ, а прямо, честно и открыто.

Жиды вообще любятъ играть «подъ сурдинкой». Кажется, что можетъ быть естественнѣе и безобиднѣе, какъ требованіе, чтобы жиды-купцы полностью прописывали на вывѣскахъ свое имя, отчество и фамилію?! Тутъ нѣтъ ничего обиднаго для жида, но... это невыгодно съ комерческой точки зрѣнія. Покупатель, увидѣвъ жидовскую вывѣску, съ опаскою входитъ въ магазинъ, зная, что здѣсь съ него преспокойно снимутъ шкуру. Въ огражденіе себя отъ обмана и надувательства, покупатель обходитъ жидовскій магазинъ, а если ужь рѣшится войти въ него, то держитъ себя настороже. Вывѣска съ полнымъ жидовскимъ именемъ и отчествомъ—это своего рода memento mori: помни, дескать, наивный человѣкъ, что тебя здѣсь обдерутъ, какъ липку.

Постановленіе с.-петербургской городской думы отъ 26 окт. 1890 г. о томъ, чтобы жиды на вывѣскахъ прописывали полностью свое имя и отечество, и приказъ с.-петербургскаго градоначальника по полиціи отъ 17 ноября 1890 г., вмѣнявшій въ обязанность участковымъ приставамъ слѣдить за исполненіемъ этого правила—вызвали гвалтъ среди жидовъ. Но жиды все таки повиновались, хотя и здѣсь прибѣгли къ обычной своей хитрости: фамилію писали крупными буквами, а имя и отчество—микроскопическими. Покупатель легко читаетъ фамилію Каинбергъ, а Шмуля Срулевича, совершенно незамѣтно; поэтому онъ и думаетъ, что идетъ въ нѣмецкій магазинъ. Но примириться окончательно съ такимъ положеніемъ жиды все таки не могли.

Дѣло о жидовскихъ вывѣскахъ, наконецъ, дошло и до сената. 1897 года, января 31 дня, и 1898 года, октября 23-го, правительствующій сенатъ, по первому общему собранію, слушалъ дѣло по жалобѣ присяжнаго повѣреннаго Льва Берлина на с.-петербургскаго градоначальника за неразрѣшеніе его довѣрителю, еврею Шмуйлѣ Кибальскому, имѣть на магазинѣ канцелярскихъ принадлежностей вывѣску безъ обозначенія на ней полностью имени, отчества и фамиліи. *Приказали*: Изъ дѣла видно, что, по представленіи Кибальскимъ на утвержденіе с.-петербургскаго градоначальника рисунка вывѣски и витринъ для содержимаго имъ въ С.-Петербургѣ магазина обоевъ, писчей бумаги и канцелярскихъ принадлежностей, просителю было объявлено канцеляріею градоначальника отъ 17 января 1892 г., что ему надлежитъ представить другой рисунокъ, съ прописаніемъ, между прочимъ, на вывѣскѣ *крупными буквами* своего имени, отчества и фамиліи. Находя такое распоряженіе градоначальника неоснованнымъ на законѣ и стѣсняющимъ права Кибальскаго, повѣренный его, присяжный повѣренный Берлинъ, въ принесенной правительствующему сенату жалобѣ, проситъ предписать с.-петербургскому градоначальнику дать Кибальскому разрѣшеніе на устройство вывѣски безъ обозначенія на ней имени и отчества. Представляя означенную жалобу, с.-петербургскій градоначальникъ доноситъ правительствующему сенату, что рисунки вывѣсокъ вообще утверждаются къ укрѣпленію, согласно обязательному постановленію городской думы, на основаніи

Digitized by Google

ставляемыхъ документовъ, причемъ, кромѣ наименованія заведеній, означаются и фамиліи содержателей ихъ. Лица еврейскаго происхожденія уклоняются отъ соблюденія такого порядка, вслѣдствіе чего, и въ видахъ устраненія возникавшихъ недоразумѣній, приказомъ его, градоначальника, по полиціи, отъ 17 ноября 1890 г. было подтверждено о точномъ соблюденіи существующихъ на сей предметъ правилъ и о томъ, чтобы на вывѣскахъ заведеній, принадлежащихъ лицамъ еврейскаго происхожденія, означались имена, отчества и фамиліи содержателей заведеній. Такимъ образомъ, Кибальскій желаетъ уклониться отъ соблюденія общеустановленнаго порядка, а не какого либо частнаго относительно его распоряженія; причемъ имъ пропущенъ и установленный 313 ст. т. II ч. общ. губ. учр. срокъ на обжалованіе распоряженія, состоявшагося 17 ноября 1890 г.».

Первое общее собраніе правительствующаго сената нашло, что разрѣшенію въ семъ дѣлѣ подлежитъ вопросъ: имѣло ли законное основаніе предъявленное с.-петербургскимъ градоначальникомъ къ купцу Шмуйлѣ Кибальскому, какъ еврею, требованіе о прописаніи на вывѣскѣ содержимаго имъ магазина своего имени и отчества. Общее собраніе пришло къ заключенію, что подобнаго рода требованіе не имѣетъ основанія ни въ буквальномъ, ни въ общемъ смыслѣ какого либо постановленія закона.

«Что касается постановленія городской думы, опубликованнаго 26 октября 1890 г., то постановленіе это, опредѣляя единственно, какъ и до какой высоты надъ крышей подъѣздовъ разрѣшается прикрѣплять вывѣски, не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу, возникающему въ настоящемъ дѣлѣ. Что же касается указаннаго выше приказа градоначальника, то за симъ распоряженіемъ нельзя признать значенія и обязательной силы постановленія, изданнаго на основаніи 421 ст. общ. губ. учр.: съ внѣшней стороны—потому, что распоряженіе это выразилось не въ формѣ правилъ, постановляемыхъ для населенія данной мѣстности, но лишь въ видѣ предписанія начальствующаго лица своимъ подчиненнымъ (участковымъ приставамъ), и не имѣется свѣдѣній объ опубликованіи такого распоряженія въ порядкѣ 424 ст. того же учр.; со стороны содержанія—потому, что по силѣ 421 ст. предусмотрѣнныя ею обязательныя постановленія губернаторовъ могутъ имѣть предметомъ мѣры къ правильному и успѣшному исполненію, сообразно съ мѣстными условіями, узаконеній объ общественномъ благочиніи, порядкѣ и безопасности,—предназначаются для предупрежденія и пресѣченія нарушеній законовъ, обезпечивающихъ общественный порядокъ. Установленіе же обязательности обозначенія евреями-купцами на вывѣскахъ своихъ именъ и отчествъ, въ видахъ уясненія публикѣ еврейскаго ихъ происхожденія, какъ уже сказано, не только не имѣетъ отношенія къ выполненію какого либо существующаго закона или предупрежденію его нарушеній, но и не согласуется со смысломъ постановленій закона о торговлѣ евреевъ. По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, и не усматривая законнаго основанія считать срокъ на подачу Кибальскимъ настоящей его жалобы — на послѣдовавшій въ 1892 году отказъ въ разрѣшеніи устройства предположенной имъ вывѣски—со дня указаннаго выше, даннаго градоначальникомъ въ 1890 году полицейскимъ чинамъ, предписанія относительно вывѣсокъ еврейскихъ торговцевъ, первое общее собраніе правительствующаго сената *опредѣлило:*

Digitized by Google

обжалованное Кибальскимъ распоряженіе с.-петербургскаго градонача-ника отмѣнить. О чемъ, для исполненія и объявленія просителю, а равно въ разрѣшеніе рапорта отъ 17 февраля 1892 г. за № 2273, с.-петербургско-градоначальнику послать указъ, на рапортъ отъ 26 марта 1893 г. за № 1155 и дать знать министру внутреннихъ дѣлъ».

Жиды, значитъ, могутъ теперь писать на вывѣскахъ какія имъ взбредутъ въ голову фамиліи и имена! Едва ли представитель *какой либо другой національности и религіи* былъ бы въ обидѣ, еслибъ его заставили полностью прописать на вывѣскѣ свое имя и отчество. Но если въ законѣ и нѣтъ точнаго постановленія для того, чтобы заставить жидовъ писать свои имена и фамиліи, то нужно пополнить этотъ пробѣлъ и издать законодательнымъ порядкомъ постановленіе о жидовскихъ вывѣскахъ съ полнымъ именемъ и отчествомъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда, и необходимо оградить публику отъ жидовскаго надувательства.

Постановленіе сената не соотвѣтствуетъ и общему характеру нашего законодательства о евреяхъ. Нашъ законъ, начиная съ императрицы Елизаветы Петровны, сказавшей: — «отъ враговъ Христова имени не желаю интересной прибыли», и до самаго послѣдняго времени стремился и продолжаетъ стремиться *къ охранѣ христіанскаго и даже не-христіанскаго населенія отъ гнусной эксплуатаціи жидовства*. Издана масса законоположеній, которыми *охраняются* интересы христіанъ отъ жидовскаго натиска. Законъ вполнѣ признавалъ и продолжаетъ признавать, что противъ талмудистовъ, составляющихъ *вредную секту*, должны быть приняты репрессивныя мѣры. Если въ данномъ случаѣ не нашлось законоположенія, прямо отвѣчающаго на поднятый жизнью вопросъ о (вывѣскахъ), то вѣдь ничто и никто не мѣшаетъ, чтобы оно было издано въ законодательномъ порядкѣ. Инициативу ходатайства предъ высшею властью можетъ взять на себя или г. министръ внутреннихъ дѣлъ, или г. градоначальникъ, или городская дума,—и можно быть увѣреннымъ, что подобное ходатайство будетъ имѣть успѣхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Нужда въ охраненіи христіанскаго населенія отъ безшабашной эксплуатаціи растетъ и растетъ не только что съ каждымъ годомъ, а съ каждымъ днемъ. Пора серьезно «приняться за жидовъ» (по выраженію бывшаго министра юстиціи Г. Р. Державина) пока еще не поздно!..

Тѣмъ временемъ, благодаря неполнотѣ и несогласованности законовъ, жиды успѣваютъ уже пролѣзать и въ кадры нашего «первенствующаго сословія»—дворянства, чтобы въ лицѣ его губернскихъ и уѣздныхъ предводителей забрать въ свои руки и всю нашу земскую и сельскую жизнь. Только этого и не доставало, чтобы обратить окончательно всю Россію въ *жидовское быдло* и приготовить ей судьбу Польши или нынѣшней французской республики...

Въ высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, отъ 20 апрѣля 1834 г., — мнѣніи, вошедшемъ въ Сводъ законовъ, въ статью 1,106 т. IX, изд. 1876 г.,—прямо сказано, что «дворянскія депутатскія собранія *не должны вносить въ родословныя книги евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру*, хотя бы они представили доказательства, что предки ихъ приняли оную до 1764 г., потому

Digitized by Google

что самою коронною конституціею признано такое *возведеніе евреевъ въ дворянское достоинство противнымъ польскимъ уставамъ*, а въ россійскомъ государствѣ на признаніе таковаго рода евреевъ въ дворянствѣ вовсе не существуетъ закона».

Кажется, законъ говоритъ ясно, категорически, что ни одинъ еврей, *даже принявшій христіанство*, не можетъ попасть въ родословную книгу русскаго дворянства, а, между тѣмъ, сенатъ уже распорядился,—вслѣдствіе жалобы нѣкоего еврея Гринкрута, получившаго дворянство по ордену Владиміра 4 степени—внести его въ родословную книгу смоленскаго дворянства. Выходитъ, что еврей-талмудистъ имѣетъ даже преимущество передъ евреемъ, принявшимъ христіанство. Странное покровительство, оказываемое талмудизму, въ ущербъ изстари христіанскому дворянству!!

Какими бы юридическими хитросплетеніями ни прикрывалась сенатская резолюція, но для всякаго непредубѣжденнаго ума ясно, что она противорѣчитъ основному смыслу русскаго законодательства. Если же сенатъ былъ введенъ въ заблужденіе несогласованностью нашихъ законовъ, то слѣдуетъ постановить общимъ правиломъ, что не только евреи-талмудисты, но и евреи-выкресты совсѣмъ не имѣютъ права получать ни генеральскихъ чиновъ, ни владимірскихъ крестовъ, или могутъ получать ихъ безъ присвоенія дворянскихъ правъ.

«Новое Время» справедливо говоритъ по этому поводу: «Вовсе не дворянство надобно еврею и не запись въ дворянскую родословную книгу его интересуетъ, *а полученіе права на участіе въ дворянскихъ собраніяхъ*, откуда ему ничего не стоитъ идти дальше, чтобы воздѣйствовать на общество въ нужномъ для евреевъ смыслѣ. Но что же тогда станется съ нашимъ дворянствомъ? Вѣдь не разъ уже евреи доказали тонкое свое умѣніе, проникнувъ въ какую либо общественную организацію, захватывать немедленно руководящую роль въ ней. Въ настоящее время, въ частности, особенно своевременно оградить *именно смоленскую губернію* отъ нашествія евреевъ, такъ какъ ей уже сейчасъ грозитъ *опасность быть сплошь захваченною евреями*. (Это не смотря на запрещеніе евреямъ жительствовать въ губерніи и пріобрѣтать недвижимость (!). По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ нашей печати, *въ одномъ только Бѣльскомъ уѣздѣ еврею Берлину изъ Риги принадлежитъ до пятидесяти тысячъ десятинъ земли*; евреямъ Венису и Левшицу—по двадцати тысячъ десятинъ, а сколько же земли у евреевъ, помѣщиковъ менѣе богатыхъ»! («Новое Время» № 8470).

Какимъ путемъ и «въ чью голову» производится это явное нарушеніе «черты еврейской осѣдлости»,—еще, слава богу, не отмѣненной въ русскомъ законодательствѣ,—трудно даже понять... Или жиды, въ самомъ дѣлѣ, хотятъ убѣдить русскій народъ, что для нихъ законъ не писанъ?!

Недавно въ вѣнской газетѣ (еврейскаго лагеря) «Neue Freie Presse» появился отчетъ о бесѣдѣ сотрудника этой газеты съ К. П. Побѣдоносцевымъ, во время пребыванія его въ Вѣнѣ. Сотрудникъ газеты интервьюировалъ нашего уважаемаго государственнаго дѣятеля по разнымъ вопросамъ, касающимся какъ внутренней, такъ

Digitized by Google

и внѣшней нашей политики. К. П. Побѣдоносцевъ замѣтилъ сотруднику вѣнской газеты, что за границей слишкомъ мало освѣдомлены о нашей внутренней политикѣ, напр., по польскому и финляндскому вопросамъ.

«Подобно финляндскому вопросу,—продолжалъ К. П. Побѣдоносцевъ,—обсуждаются невѣрно за границей и другія задачи, коими занимается Россія, причемъ высказываются подозрѣнія относительно причинъ, побуждавшихъ отдѣльныхъ лицъ поступать такъ, а не иначе. Меня, напримѣръ, выставляютъ гонителемъ евреевъ. Все, что произошло противъ евреевъ, въ особенности въ царствованіе императора Александра III, приписывается мнѣ. На это я замѣчу, что бо́льшая часть мѣропріятій противъ евреевъ вовсе не входитъ въ кругъ моего вѣдомства. Замѣчу еще, что со многими высокообразованными евреями я нахожусь въ дружбѣ. Упомяну, что недавно умершая въ Парижѣ баронесса Гиршъ, по духовному завѣщанію, предоставила въ мое распоряженіе милліонъ франковъ для русскихъ училищъ. Неужели же эта благотворительница евреевъ поступила бы такъ, еслибы держалась мнѣнія, что я такой гонитель евреевъ? Еврейскій вопросъ также мало, на мой взглядъ, вѣроисповѣдный вопросъ, какъ и католическій. Мы, русскіе, вовсе не отличаемся такою нетерпимостью, какъ думаютъ за границею. *У насъ еврейскій вопросъ былъ всегда вопросомъ экономическимъ.* Въ Россіи еврей—человѣкъ трезвый, умѣренный; женится онъ рано, *ведетъ правильную семейную жизнь*, и, благодаря этому, пріобрѣтаетъ способности, *дающія ему возможность эксплуатировать русскихъ*, которые часто соперничать съ нимъ не могутъ. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи *мы были вынуждены принять мѣры къ тому, чтобы евреи имѣли опредѣленное мѣстожительство.* Когда евреи, вслѣдствіе присущей имъ экспансивной силы, выступаютъ, — какъ-то случилось въ Москвѣ, — изъ района ихъ осѣдлости, то мы принимаемъ противъ этого мѣры. Законы человѣчности имѣютъ, однако, силу и въ Россіи».

Вышесказанныя слова нашего государственнаго дѣятеля мы всецѣло оставляемъ на отвѣтственности интервьюёра. Но намъ думается, что послѣдній многое перепуталъ здѣсь и приписалъ К. П. Побѣдоносцеву то, чего онъ, можетъ быть, и не думалъ говорить.

«Всѣ врутъ календари»! воскликнулъ когда-то Фамусовъ, а жиды - интервьюеры врутъ еще усерднѣе календарей. Что К. П. Побѣдоносцевъ считаетъ *еврейскій вопросъ* вопросомъ *чисто экономическимъ*, а отнюдь не религіознымъ—съ этимъ нельзя не согласиться, но чтобы г. Побѣдоносцевъ сталъ *оправдываться* въ справедливыхъ мѣрахъ, принятыхъ нашимъ правительствомъ противъ еврейской эксплуатаціи и деморализаціи, а тѣмъ болѣе сталъ похваляться дружбой съ «высокообразованными евреями» и воспѣвать гимны чистотѣ ихъ семейной жизни (извѣстно, что нигдѣ нѣтъ такой легкости развода, какъ у жидовъ),—это подлежитъ большому сомнѣнію. Также точно мы не думаемъ, чтобы К. П. Побѣдоносцевъ придавалъ большое значеніе еврейскимъ пожертвованіямъ на русскія училища. Всякое пожертвованіе у евреевъ разсчитано, какъ извѣстно, на задабриваніе власти въ пользу ихъ хищническихъ и

Digitized by Google

безнравственныхъ стремленій, а потому и старую пословицу мудрыхъ римлянъ: «бойся данайцевъ, и дары приносящихъ» должно прилагать особенно внимательно къ еврейской «благотворительной» щедрости...

Всего вѣрнѣе, что интервьюёръ рептильной еврейской газеты съ умысломъ промолчалъ о доводахъ К. П. Побѣдоносцева *въ защиту необходимости наложить узду на еврейскіе аппетиты*, и «разиазалъ» тѣ второстепенныя и личныя подробности, на которыя указалъ спрошенный сановникъ, чтобы его не заподозрили въ «религіозномъ фанатизмѣ».

Крупные дефекты въ постановкѣ какъ образованія, такъ и воспитанія въ нашей средней школѣ признаются теперь не только обществомъ и печатью, но и министерствомъ народнаго просвѣщенія, о чемъ свидѣтельствуетъ опубликованный недавно циркуляръ министра касательно предстоящихъ нынѣшнею зимою занятій комисіи изъ лучшихъ и опытныхъ педагоговъ для разрѣшенія вопросовъ объ улучшеніи нашей среднеобразовательной школы. Вопросъ о реформѣ нашего средняго образованія назрѣлъ уже давно, и ему посвящена нашей журналистикой цѣлая масса дѣльныхъ статей, въ которыхъ добросовѣстно освѣщены и разработаны всѣ недостатки нашего школьнаго образованія. Жалобы на наше среднее образованіе раздавались съ самой реформы 1874 г., когда во главу этого образованія былъ положенъ классицизмъ, понятый въ узко-грамматическомъ и лексическомъ смыслѣ. Жаловались на увлеченіе классицизмомъ не только родители учениковъ-классиковъ, ни и начальства высшихъ учебныхъ заведеній. Первые видѣли, какъ гибнутъ ихъ дѣти, не успѣвавшія въ изученіи классическихъ языковъ, а вторые жаловались, что окончившіе курсъ классическихъ гимназій являются въ университетъ съ очень слабыми познаніями даже въ древнихъ языкахъ и съ большими пробѣлами въ знаніи родной словесности и окружающей природы. Въ началѣ 90-хъ годовъ, министерство народнаго просвѣщенія (при И. Д. Деляновѣ) сдѣлало уже попытку пересмотра программъ въ нашихъ гимназіяхъ, приведшую къ нѣкоторому сокращенію грамматическаго преподаванія древнихъ языковъ. Но эта реформа не имѣла благихъ успѣховъ.

Въ настоящее время министерство народнаго просвѣщенія пошло дальше и приступаетъ уже къ широкой реформѣ нашей средней школы. Но, прежде чѣмъ начать искорененіе существенныхъ недостатковъ этой школы, министерство считаетъ необходимымъ ознакомиться съ сужденіями по этому вопросу наиболѣе выдающихся педагоговъ. Съ этою цѣлью министерство обратилось съ циркуляромъ къ попечителямъ округовъ и предлагаетъ имъ заблаговременно избрать 2—4 лицъ изъ числа наиболѣе опытныхъ, образованныхъ и даровитыхъ преподавателей средней школы, чтобы они явились выразителями потребностей обѣихъ общеобразовательныхъ русскихъ школъ (гимназій и реальныхъ училищъ).

Всѣ эти избранные преподаватели нынѣшнею зимою съѣдутся въ Петербургъ, для того чтобы всесторонне выяснить настоящее положеніе нашей средней школы. Циркуляръ даетъ общія начала,

Digitized by Google

которыми должна руководиться въ своей работѣ созываемая комисія: отмѣчаетъ тѣ больныя мѣста средней школы, которыя уже не разъ указывались нашей печатью, и не со вчерашняго дня болѣзненно ощущались какъ педагогами, такъ и родителями; ставитъ эти жалобы во «главу угла», хотя и умѣряетъ надежды на окончательное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ воспитанія и наставничества,—которое одно могло бы осуществить педагогическій идеалъ,—указывая, что въ этихъ жалобахъ все же многое преувеличивается, а многое вызывается ошибочнымъ представленіемъ о всесильномъ значеніи школы и невниманіемъ къ той совокупности жизненныхъ условій, въ какія она поставлена. Во всякомъ случаѣ, циркуляръ какъ бы даетъ общій итогъ этихъ жалобъ. При излишнемъ преобладаніи древнихъ языковъ, наша школа не достигаетъ даже и цѣли классическаго образованія: она не открываетъ юношеству возрождающаго міра античныхъ идей и образовъ. Удѣляя слишкомъ мало времени русскому языку, литературѣ, исторіи, – школа *лишается національнаго характера*; наконецъ, проникнутая бюрократическимъ формализмомъ, она превращаетъ учителя и ученика въ чиновниковъ—одного въ вицмундирѣ, другаго—въ форменной курточкѣ, а отношенія между ними проникаются фальшью. Наличность такихъ жалобъ и объясняетъ необходимость кореннаго педагогическаго пересмотра.

Комисія должна, затѣмъ, всесторонне обсудить строй нашей средней школы, выяснить недостатки ея, начертать мѣры усовершенствованія и возрожденія ея. Устраняя идею рѣзкой «ломки» школьнаго строя, циркуляръ не ставитъ непремѣннымъ условіемъ сохраненіе существующаго типа реальной и классической школъ въ Россіи. Если въ комисіи возникнетъ проэктъ о созданіи какого нибудь новаго типа средней школы, она не должна и, вѣроятно, не будетъ уклоняться отъ его разсмотрѣнія.

Нельзя не привѣтствовать этого циркуляра министерства. Онъ отвѣчаетъ давно и настоятельно ощущавшейся потребности приступить къ всестороннему пересмотру всего зданія нашей средней школы. По поводу желанія министра народнаго просвѣщенія образовать комисію по вопросу объ улучшеніи нашей средней школы, «Новое Время» замѣчаетъ:

«Такимъ образомъ, истекающимъ тридцатилѣтіемъ завершится существованіе нашей *боевой учебной системы* въ томъ видѣ, какъ ее ввелъ покойный гр. Д. А. Толстой. Никогда, за все время своего существованія, она не признавалась обществомъ удовлетворительною и постепенно подвергалась чувствительнымъ модификаціямъ со стороны самого вѣдомства народнаго просвѣщенія. Общество наше, слѣдовательно, имѣетъ всѣ основанія привѣтствовать извѣстіе о всестороннемъ улучшеніи этой системы, вполнѣ соглашаясь именно съ тѣмъ, что въ улучшеніи нуждаются всѣ ея стороны.

Къ пересмотру призываются—по крайней мѣрѣ, къ подготовительнымъ работамъ—«наиболѣе опытные, образованные и даровитые педагоги» по всѣмъ учебнымъ округамъ. Надо пожелать, чтобы *среди приглашенныхъ свѣдущихъ людей въ достаточномъ числѣ и вліяніи оказались представители тѣхъ областей образованія, попеченіемъ о которыхъ особенно пренебрегали авторы классической реформы гр. Д. А. Толстаго,* слишкомъ ужъ односторонней, слиш-

Digitized by Google

комъ подражательной и слишкомъ мало приноровленной къ потребностямъ русской жизни. Желательно именно,—какъ всякому понятно,—чтобы возстановлены были въ нашей средней общеобразовательной школѣ попранныя права русскаго языка и словесности, русской исторіи и географіи, и естественныхъ наукъ, и чтобы изученіе живыхъ иностранныхъ языковъ и литературъ не оставалось пустою формальностью. Понятно, что чаемое возстановленіе попранныхъ правъ наиболѣе важныхъ элементовъ образованія можетъ произойти только *за счетъ мертвыхъ языковъ, изученіе которыхъ должно принять характеръ воспріятія учащимися культурныхъ началъ древняго міра и его изящной литературы,* вмѣсто нынѣшняго изученія латинскаго и греческаго языковъ до подробнѣйшихъ грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ — что ставилось задачею и никогда не достигалось въ массѣ при нынѣшней системѣ. Намъ хотѣлось бы думать, что краеугольнымъ камнемъ предстоящаго пересмотра окажется русскій языкъ съ исторіею нашего государства и нашей великой литературы».

Несомнѣнно, что избранные попечителями округовъ опытные педагоги явятся на съѣздъ во всеоружіи опыта и знанія жизни, но въ то же время нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что участники съѣзда все таки, такъ или иначе, являются представителями *той самой школьной системы,* которая уже признаётся устарѣлой. Съумѣютъ ли они отрѣшиться отъ традицій этой системы и не нужно ли освѣжить комисію приглашеніемъ постороннихъ компетентныхъ лицъ?

При участіи на съѣздѣ однихъ педагоговъ, работа ихъ легко можетъ получить характеръ односторонности. На съѣздъ должны быть приглашены представители педагогической литературы, врачи и родители. Представители медицины, заботящіеся о здоровьѣ учащейся молодежи, въ настоящее время почти не имѣютъ никакого значенія въ стѣнахъ нашихъ гимназій. Далѣе всякое воспитаніе зиждется на взаимодѣйствіи двухъ элементовъ—семьи и школы. Потому, разъ идетъ рѣчь о реформѣ школы, голосъ семьи имѣетъ также громадное значеніе.

Попечитель одесскаго округа, сознавая всю важность голоса семьи въ воспитательномъ дѣла, разослалъ по округу циркуляръ, въ которомъ рекомендуетъ педагогамъ *устраивать совѣщательныя собранія съ родителями учащихся* «по вопросамъ, имѣющимъ цѣлью устраненіе существующихъ недостатковъ нашей средней школы». Свою симпатичную идею попечитель одесскаго округа подкрѣпляетъ слѣдующимъ безусловно справедливымъ соображеніемъ: «*Голосъ однихъ педагоговъ былъ бы одностороненъ*, еслибы они не справлялись съ сужденіями тѣхъ лицъ, которыя естественно стоятъ къ дѣтямъ ближе, чѣмъ администрація школы».

«Русскія Вѣдомости», обсуждая подробно вопросъ о реформахъ средней школы, намѣчаютъ въ общихъ чертахъ тѣ мѣры, которыя необходимы для того, чтобы придать жизнеспособность школѣ.

«Во-первыхъ, педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній должна быть представлена бо́льшая свобода въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, касающихся исключительно внутренней жизни каждаго отдѣльнаго учебнаго заведенія, а именно: въ постановкѣ воспитательной части безъ всякихъ ограниченій; въ вопросахъ перевода, оставленія и увольненія учениковъ съ ука-

Digitized by Google

заѣмъ общихъ основаній; въ организаціи репетицій, письменныхъ упражненій, домашнихъ занятій, внѣкласснаго чтенія, системы наградъ, поощреній и пр.: въ учрежденіи особыхъ занятій или даже особыхъ отдѣленій для мало успѣвающихъ учениковъ; въ контролѣ успѣшности и добросовѣстности занятій отдѣльныхъ преподавателей, и т. д. Во-вторыхъ, для установленія связи между семьей и школой, могутъ быть предприняты разнообразныя мѣры, а именно: можно и даже должно сдѣлать засѣданія педагогическихъ совѣтовъ публичными; можно время отъ времени устраивать публичные экзамены или, лучше, публичные уроки въ разныхъ классахъ по разнымъ предметамъ, отводя для этого большія залы и перемѣщая туда на время учениковъ того или другаго класса; можно учреждать при учебныхъ заведеніяхъ педагогическія общества, съ тѣмъ чтобы труды ихъ имѣли не только теоретическій характеръ, но оказывали непосредственное вліяніе на учебное дѣло въ школѣ и на родителей учащихся; можно устраивать школьные праздники съ участіемъ родителей, школьныя экскурсіи и прогулки; можно установить частыя посѣщенія преподавателями ученическихъ квартиръ; наконецъ, можно, при полномъ довѣріи къ дѣятельности каждаго учителя, подчинить ее контролю общественнаго мнѣнія и родителей учащихся, которые имѣли бы право подавать свои заявленія въ педагогическіе совѣты».

Г. Боборыкинъ справедливо указываетъ, въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи», на весьма крупный пробѣлъ въ нашемъ гимназическомъ образованіи. Въ то время какъ во Франціи, напр., философія составляетъ предметъ обязательнаго преподаванія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, у насъ она преподается только въ семинаріяхъ. «Неужели же,—спрашиваетъ авторъ,—нѣтъ повода желать, чтобы и у насъ, въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, давалась хоть нѣкоторая подготовка философскаго характера, бо̀льшая, чѣмъ та, которая сводится къ преподаванію логики, введенному съ тѣхъ поръ, какъ царствуетъ классическая система?—Кто не согласится, что въ высшей степени не желательно выпускать не мальчиковъ, не отроковъ, а молодыхъ людей 18—19, иногда даже 20-ти лѣтъ и больше,—въ университетскія ли аудиторіи, или прямо въ жизнь, или въ спеціальныя заведенія,—не давъ имъ почти никакого мыслительнаго и этическаго багажа, не поднявъ ихъ душевной жизни до извѣстнаго уровня? Кто говоритъ имъ въ теченіе восьмилѣтняго—и болѣе—гимназическаго ученія, внѣ уроковъ закона божія, о какихъ либо устояхъ того, что̀ называется міросозерцаніемъ; кто пріохочиваетъ ихъ къ усвоенію себѣ тѣхъ руководящихъ мѣрилъ и путей, безъ которыхъ въ одиночку, да еще съ головой, утомленной отъ тяжелыхъ формальныхъ занятій, почти немыслимо составить себѣ какое нибудь credo»?

Недо̀статокъ философскаго образованія сильно вредитъ нашимъ гимназистамъ и въ университетѣ. Большинство гимназистовъ поступаетъ на юридическій факультетъ, гдѣ на первыхъ же порахъ приходится сталкиваться съ философскими системами, легшими «во главу угла» большинства юридическихъ наукъ. Безъ предварительнаго знакомства съ философіей *прямо таки немыслимо серьезно изучать юридическія науки.* Профессора̀ философіи и психологіи, имѣя дѣло съ гимназистами, принуждены читать курсы философіи и психологіи примѣнительно къ умственному уровню своихъ уче-

Digitized by Google

никовъ. Пишущему эти строки заявлено было однимъ профессоромъ университета, что онъ за свою тридцатилѣтнюю профессорскую дѣятельность въ первый разъ услышалъ прекрасные отвѣты на экзаменѣ по философіи и психологіи. Прекрасно отвѣчавшіе студенты были семинаристы, допущенные въ университеты. Что̀ семинаристы хорошо отвѣчали по философіи и психологіи — ничего нѣтъ удивительнаго: вѣдь въ семинаріяхъ, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, проходятся эти предметы.

Кстати о семинаристахъ. Печать все чаще затрогиваетъ жгучій для духовнаго сословія вопросъ о предоставленіи семинаристамъ возможности поступать въ высшія учебныя заведенія. «Сынъ Отечества» высказываетъ по этому поводу слѣдующія основательныя соображенія:

«*Наши семинаристы съ давнихъ поръ являются пасынками учебнаго вѣдомства*, въ смыслѣ доступа въ «свѣтскія» высшія учебныя заведенія. За исключеніемъ весьма незначительнаго свѣтлаго промежутка времени, этотъ доступъ для нихъ никогда не былъ вполнѣ свободенъ. Между семинаріей и университетомъ никогда не было прочнаго основательнаго моста, а были лишь узенькіе, наскоро сколоченные мостики, огражденные къ тому же шлагбаумами, на которыхъ надпись: «входъ воспрещается» замѣнялась изрѣдка надписью: «разрѣшается, но не всѣмъ, не во всѣ университеты и не на всѣ факультеты».

Всѣ эти ограниченія вызываются стремленіемъ *удержать семинаристовъ въ духовномъ званіи*. Но такое стремленіе было бы понятно лишь въ томъ случаѣ, еслибы ощущался недостатокъ въ кандидатахъ на пастырскія должности. *Практика доказываетъ однако, что такого недостатка нѣтъ и что приходы разбираются, что называется, съ бою и на расхватъ*. На каждое священническое мѣсто является столько претендентовъ, что духовныя власти подчасъ испытываютъ серьезныя затрудненія, не зная, что̀ дѣлать со всѣми ими. При такомъ положеніи вещей, было бы вполнѣ своевременно и цѣлесообразно освободиться отъ излишка кандидатовъ, открывъ имъ доступъ къ другой профессіи и предоставивъ, разумѣется, возможность подготовиться къ ней въ «свѣтскихъ» высшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Семинаристу то откроютъ доступъ въ университетъ, то опять закроютъ. За послѣднее время семинаристамъ открыты три университета: варшавскій (историко-филологическій и физико-математич. факультеты), томскій (медицинскій) и юрьевскій.

Обыкновенно объясняютъ закрытіе университетовъ для семинаристовъ тѣмъ, что они мало подготовлены для слушанія университетскихъ наукъ. Но это болѣе, чѣмъ курьезно. Въ семинаріяхъ изучаются тѣ же предметы, по тѣмъ же учебникамъ и въ тѣхъ же размѣрахъ, что̀ и въ гимназіяхъ. Но, кромѣ того, въ семинаріяхъ есть цѣлый десятокъ предметовъ, о которыхъ гимназистъ даже и понятія не имѣетъ. Назовемъ лишь нѣсколько: философія, психологія, основное богословіе, догматическое и нравственное богословіе, педагогика и дидактика и пр. Наконецъ, уже одинъ тотъ фактъ, что изъ стѣнъ нашихъ семинарій вышло немало дѣльныхъ и толковыхъ профессоровъ, которые и теперь профессорствуютъ въ нашихъ университетахъ и медицинской академіи,—въ послѣдней особенно много профессоровъ изъ семинаристовъ, — говоритъ уже за

Digitized by Google

то, что семинаристы отнюдь не могутъ быть признаны неспособными къ университетской наукѣ.

Мы позволимъ себѣ указать на воронежскую семинарію, благо у насъ имѣются матеріалы подъ руками. Въ жизни этой семинаріи было три эпохи, которыя отличались повышенными умственными интересами. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить особенно три десятилѣтія: девяностые годы XVIII-го столѣтія и тридцатые и шестидесятые годы XIX-го.

Окончательно устроившаяся и пріобрѣвшая вполнѣ законченный видъ въ 80-годахъ XVIII в., воронежская семинарія въ продолженіе девяностыхъ годовъ дала особено видные плоды своей дѣятельности. Во главѣ семинаріи, ея фактическимъ начальникомъ въ это время былъ знаменитый Евфимій Болховитиновъ, впослѣдствіи Евгеній, митрополитъ кіевскій. Подъ его руководствомъ, среди воспитанниковъ усиливается интересъ къ иностранной литературѣ и къ тогдашнему «вольнодумству». Подъ его редакціей, семинаристы издаютъ свои печатные переводы, имѣющіе философскій и полемическій характеръ. Таковы: «Вольтеровы заблужденія, обнаруженныя Понотомъ. Переведено съ франц. оригинала въ воронежской семинаріи студентами богословія» (Москва, 1793 г.) и «Философскія размышленія о происхожденіи языковъ и знаменованіи словъ, сочиненныя г. де-Мопертюемъ, переведенныя съ французскаго языка въ воронежск. семинаріи студентами, обучающимися французскому языку». Подъ руководствомъ Болховитинова, воспиталось нѣсколько несомнѣнно даровитыхъ студентовъ, которые остались въ тѣни только потому, что служили въ родной епархіи, которая, впрочемъ, долго хранила память о нихъ, украшая ее даже легендарными разсказами. Таковы, напр., были прот. І. Я. Зацѣпинъ, А. Болховскій и І. Ставровъ. Первый изъ нихъ, ученикъ харьковскаго профессора Шада, своими серьезными познаніями въ естественныхъ наукахъ и необыкновеннымъ пристрастіемъ къ нимъ, считался въ мѣстномъ духовенствѣ какимъ-то магомъ-волшебникомъ. Изъ-за любви къ наукѣ онъ, — уже протоіерей и префектъ семинаріи,—бросилъ должность и тайно обучался въ харьковскомъ университетѣ, а когда начальство, узнавши объ этомъ, запретило ему слушаніе университетскихъ лекцій, онъ сталъ приглашать профессоровъ къ себѣ на квартиру за особую плату и издержалъ на это всѣ свои сбереженія. Такимъ образомъ, онъ дошелъ до крайности, прожилъ здѣсь даже свою одежду и возвратился въ Воронежъ въ ветхомъ халатѣ. Скоро занявши здѣсь видное положеніе, признанный за серьезнаго профессора комисіей духовныхъ училищъ и за ученаго харьковскимъ университетомъ, онъ закончилъ свою жизнь въ отставкѣ, опять таки вслѣдствіе особенной любви къ естественнымъ наукамъ. Но и здѣсь, до конца жизни, онъ былъ преданъ любимой наукѣ. Имена Болховскаго и Ставрова неразрывно связаны съ именемъ митрополита Евгенія, которому они приходились родственниками и на котораго сильно походили складомъ своего ума. Изъ нихъ Ставровъ былъ лично знакомъ съ поэтомъ Рыѣевымъ и находился съ нимъ въ перепискѣ. Самъ онъ оставилъ нѣсколько монографій, хотя и не издалъ ихъ въ свѣтъ. Болховскій,

Digitized by Google

закончившій свое образованіе въ Александро-невской академіи, подъ руководствомъ переведеннаго туда же Болховитинова, поддержалъ въ воронежской семинаріи, возбужденный Болховитиновымъ, интересъ къ французскому языку и литературѣ. Имъ, вмѣстѣ съ учениками, переведено съ французскаго языка сочиненіе: «Размышленія о краснорѣчіи проповѣдническомъ».

Въ 80-хъ годахъ текущаго столѣтія, семинарія достигаетъ своего высшаго развитія. Достаточно указать здѣсь на имена Ставрова, Вельяминова и Троицкаго, о которыхъ съ восторгомъ отзывается Ѳ. де-Пуле.

Изъ нихъ Ставровъ былъ другомъ знаменитаго Иннокентія херсонскаго и, по преданію, изъ дружбы уступилъ послѣднему первое магистерское мѣсто. Назначенный бакалавромъ кіевской академіи, онъ вскорѣ перепросился на службу въ родную воронежскую семинарію и здѣсь прославился необыкновеннымъ умѣньемъ преподавать философскія науки, излагая самыя отвлеченныя положенія философіи языкомъ простымъ, вполнѣ понятнымъ учащемуся юношеству. Вельяминовъ, еще живя въ Петербургѣ, былъ лично знакомъ съ поэтомъ В. А. Жуковскимъ; переселившись въ Воронежъ, онъ познакомился здѣсь съ Кольцовымъ и помогалъ ему совѣтами и книгами. Троицкій былъ знатокомъ и отличнымъ профессоромъ церковной исторіи, сдѣлавшимъ этотъ предметъ однимъ изъ любимѣйшихъ для семинаристовъ. Подъ вліяніемъ этихъ педагоговъ замѣчается особенное движеніе среди семинаристовъ; даже организуются литературные кружки, ставившіе своей задачей чтеніе литературныхъ произведеній и составленіе самостоятельныхъ литературныхъ опытовъ. Это десятилѣтіе дало много видныхъ общественныхъ дѣятелей, каковы, напримѣръ, Маркъ Вицинскій, впослѣдствіи Митрофанъ, арх. донской, П. Поповъ, впослѣдствіи Парѳеній, арх. иркутскій, П. Авсеневъ и А. Мишинъ, выдающіеся профессора академіи и др.

Среди семинаристовъ этого времени особенно выдавался А. Серебрянскій, имѣвшій громадное вліяніе на развитіе литературнаго таланта Кольцова.

«Съ начала 60 годовъ, снова замѣчается особый подъемъ духа въ семинаріи, объясняющійся частью теченіемъ эпохи, частью составомъ учительской корпораціи, среди которой выдавались:—замѣчательный логистъ П. А. Вышневскій; М. И. Некрасовъ, нынѣ Лаврентій, епископъ курскій; М. В. Невскій, нынѣ Митрофанъ, епископъ орловскій; Д. И Самбикинъ, нынѣ Дмитрій, архіепископъ тверской. Среди семинаристовъ этого времени замѣчается особый интересъ къ литературѣ и ко всякому живому слову. Чтеніе книгъ дѣлается, что называется, запойнымъ. Занятіе свѣтскими науками начинаетъ, повидимому, преобладать надъ богословскими, отчасти вслѣдствіе открытія семинаристамъ свободнаго доступа въ университеты. Оживляются и старинныя литературныя традиціи: нѣсколько разъ въ семинаріи начиналось изданіе рукописныхъ журналовъ. Изъ этой эпохи слѣдуетъ отмѣтить имя питомца воронежской семинаріи: Виктора Пашутина, нынѣ профессора патологіи, начальника С.-Пб. военно-медицинской академіи».

Открытіе доступа семинаристамъ въ университетъ можетъ принести

Digitized by Google

только одну пользу наукѣ. Въ университетъ является здоровый, свѣжій и, главное, упорно трудолюбивый элементъ. Семинаристы къ упорному труду привыкли съ дѣтства.

Искусственное же удержаніе ихъ въ духовномъ сословіи,—т. е., чтобы каждый, окончившій курсъ семинаріи, шелъ въ священники,—эта такая мѣра, которая едва ли даже заслуживаетъ серьезнаго обсужденія. Пастырь церкви—слишкомъ высокое и отвѣтственное званіе и передъ Богомъ, и передъ паствою; на этотъ санъ должны идти по призванію, а не силою нужно туда гнать кандидатовъ. Семинаристъ идетъ въ семинарію по традиціи: тамъ его отцы и дѣды учились, тамъ, наконецъ, и дешевле образованіе; онъ идетъ въ семинарію безсознательно. По окончаніи же курса семинарскихъ наукъ, онъ хотѣлъ бы поступить въ университетъ, но туда его искусственно не пускаютъ. Что же ему остается дѣлать? Быть чиновникомъ или идти въ духовное званіе? По традиціи онъ избираетъ послѣднее. Нечего удивляться, что нерѣдко изъ лучшихъ воспитанниковъ семинаріи выходятъ пастыри-наемники. Они пошли въ священники *не по призванію*, а по традиціи и по необходимости...

Мы не сомнѣваемся, что право семинаристовъ поступать въ университеты,—нынѣ практикующееся только въ видѣ исключенія,—получитъ полное признаніе, какъ это и было прежде, до введенія крайняго классицизма. Ихъ присутствіе было бы даже особенно полезно на историко-филологическомъ факультетѣ, требующемъ знанія исторіи и древнихъ языковъ.

Также точно было бы полезно на физико-математическомъ и медицинскомъ факультетахъ допущеніе въ университеты и въ военно-медицинскую академію окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ, которымъ нынѣ нѣтъ другой дороги, кромѣ какъ въ высшія спеціальныя училища, биткомъ набитыя аспирантами, изъ которыхъ чуть ли не двѣ трети остаются за стѣнами школы. По вопросу о *пригодности нашихъ реалистовъ къ слушанію высшаго курса наукъ*, въ здѣшней военно-медицинской академіи собиралась даже особая конференція гг. профессоровъ,—и всѣ они единогласно рѣшили, что реалисты, какъ лучше знакомые съ физикою и естественными науками, имѣютъ даже преимущество, при изученіи медицины, передъ якобы «зрѣлыми» питомцами классическихъ гимназій.

Съ такимъ рѣшеніемъ военно-медицинской академіи, пользующейся заслуженнымъ авторитетомъ въ наукѣ и такъ щедро обставленной въ учебномъ отношеніи,—можно смѣло сообразоваться и нашему министерству народнаго просвѣщенія. Для реалистовъ найдется, такимъ образомъ, новый и довольно широкій выходъ изъ ихъ нынѣшняго невыгоднаго положенія.

Нашъ желѣзнодорожный міръ—это особый міръ, въ которомъ царятъ свои нравы, свои порядки, господствуетъ своя этика. Желѣзнодорожные инженеры сдѣлались «притчею во языцѣхъ». Объ нихъ разсказываютъ массу анекдотовъ, массу фактовъ, рисующихъ ихъ въ далеко неприглядномъ свѣтѣ. «Инженерскіе кутежи», «ин-

Digitized by Google

женерскіе карманы», «инженерскіе нравы»—это нѣчто особенное, служащее синонимомъ чего-то непорядочнаго, чего-то зазорнаго... За большими инженерами полѣзли и маленькія желѣзнодорожныя сошки, которыя тоже стали корчить изъ себя большое начальство. Но этому «начальству», съ перваго же абцуга, данъ хорошій урокъ высшимъ начальствомъ. Недавно изданъ приказъ министра путей сообщенія (отъ 20 августа), который у многихъ желѣзнодорожниковъ отобьетъ охоту изображать изъ себя юпитеровъ:

«Въ одной изъ столичныхъ газетъ появилось извѣстіе, что 17-го іюля, поѣздомъ либаво-роменской желѣзной дороги, былъ изувѣченъ мальчикъ, причемъ *желѣзнодорожный врачъ*, ѣхавшій въ томъ же поѣздѣ, отнесся вполнѣ безучастно къ судьбѣ пострадавшаго и не оказалъ ему должной помощи. Произведенное, по моему распоряженію, строгое разслѣдованіе подтвердило справедливость этого извѣстія. Находившійся въ поѣздѣ желѣзнодорожный врачъ,—не той, однако, дороги, на которую указано въ вышеупомянутомъ газетномъ сообщеніи,—*дѣйствительно, не пришелъ на помощь изувѣченному ребенку.* Хотя въ свое оправданіе врачъ этотъ и сослался на собственное свое въ то время нездоровье, *я тѣмъ не менѣе не могу не выразить строгаго порицанія его поступку*, не соотвѣтствующему высокимъ обязанностямъ врача:—никогда и ни при какихъ условіяхъ не отказывать въ своей помощи пострадавшимъ. Объявляя о семъ по ввѣренному мнѣ вѣдомству, я твердо разсчитываю на то, что настоящій случай является исключительнымъ, и что господа желѣзнодорожные врачи, ревностно исполняя свой священный долгъ самоотверженной помощи страждущимъ, не дадутъ въ будущемъ повода къ подобнаго рода печальнымъ нареканіямъ».

Этотъ первый призывъ нашего министерства путей сообщенія къ гуманности,—надѣемся,—не останется безъ добрыхъ послѣдствій, и отрезвитъ кое-кого изъ нашихъ желѣзнодорожниковъ...

Digitized by Google

ФОТОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

(Замѣтки и наблюденія).

Отголоски «дрейфусіады» во Франціи.—Змѣя, выпускающая свой ядъ.—Гоненія на французскую армію и на всѣхъ честныхъ патріотовъ.—Война со всѣми *національностями*, кромѣ жидовской, и со всѣми *религіями*, кромѣ талмуда. — Еврейство и іезуитизмъ.— Съ кѣмъ и съ чѣмъ приходится считаться европейскимъ народамъ и государствамъ?—Проституированіе либерализма и гуманизма.—Жидъ-врачъ, заражающій своихъ пацізнтовъ.—Необходимость учрежденія антиталмудическихъ обществъ.

I.

Дрейфусисты все еще не хотятъ кончать свою «дрейфусіаду» во Франціи, хотя она уже пріѣлась всѣмъ, какъ демьянова уха. Продажные вопли о гибели «правосудія» въ мірѣ, о скоромъ паденіи Франціи—совсѣмъ не изъ-за того, что она распустила у себя жидовъ на вольной волюшкѣ, какъ нѣкогда въ Польшѣ, а изъ-за того, что честные военные судьи не оправдали жида-шпіона,—всѣ эти вопли до сихъ поръ еще стоятъ въ ушахъ всего міра, какъ отвратительнѣйшая кошачья музыка! И что всего постыднѣе: въ этомъ кошачьемъ концертѣ визжатъ и заливаются едва ли не громче всѣхъ наши «Сыны Отечества», «Вѣстники Европы», «Новости», «Донскія Пчелы», «Одесскіе Листки», «Самарскія Газеты», etc., etc. Глядя на весь этотъ жидовскій шабашъ, право, можно подумать, что Россія—подлинная тысячелѣтняя Россія!—уже исчезла съ лица земли, поглощенная пришлыми бродягами якобы моисеева закона; что Петербургъ, Москва, Екатеринославъ, Ростовъ на Дону, Самара и прочіе номинально-русскіе города обратились въ шкловско-бердичевскія колоніи и получаютъ дневные приказы изъ своей жидовской метрополіи... «Вѣстникъ Европы», ловя рыбу въ мутной водѣ, уже закинулъ удочку на «еврейскую равноправность» и надѣется *вытянуть на брегъ* это незаконное чадо первой

Digitized by Google

французской революціи. Да избавитъ насъ Богъ отъ этого новаго иноплеменнаго нашествія горше татарскаго! Теперь у евреевъ все таки связаны руки въ ограбленіи народа и въ разрушеніи государства, а тогда... Впрочемъ, и «Вѣстникъ Европы» не рѣшается приподнести намъ вѣрную, согласную съ исторіею, картину этого счастливаго будущаго.

Мы сказали уже, въ предыдущей книгѣ «Наблюдателя», что Франція дала намъ хорошій урокъ: какіе именно плоды приноситъ пресловутая жидовская равноправность, т. е. равноправность *вредной* (и притомъ иноплеменной) *религіозно-политической секты* талмудистовъ съ честными гражданами своей родины; равноправность закона—съ беззаконіемъ; благотворнаго производительнаго труда съ мошенническимъ гешефтмахерствомъ; благороднаго идеализма—съ моральной распущенностью; любви къ человѣчеству—съ человѣконенавистничествомъ; вѣрности своему убѣжденію и слову—съ гнуснымъ предательствомъ и маскировкой всевозможными личинами, изъ которыхъ якобы «либеральная» личина, par le temps qui court, пришлась жидамъ какъ нельзя болѣе на руку...

Мы сказали также, что, проповѣдуя космополитизмъ для однихъ лишь «гоевъ», евреи и руками, и ногами цѣпко держатся за свою драгоцѣнную національность; а, глумясь надъ всѣми религіями, никакъ не желаютъ разстаться съ наиболѣе дикой и возмутительной пародіей на религію, извѣстной подъ именемъ талмудизма. Гоненія, гораздо жесточе тѣхъ, которыя направлялись прежде на жидовскую національность, устремлены нынче,—какъ эпилогъ дрейфусовской исторіи и какъ отместка за жида,—на французскую національность... въ нѣдрахъ и на территоріи самой же Франціи!!! Удивительное французское министерство Вальдека-Руссо, Галифэ и Мильерана,—подъ фирмой безвластнаго президента республики,—преслѣдуетъ и гонитъ со свѣту французскихъ патріотовъ въ угоду жидамъ-націоналистамъ; позоритъ и цыганитъ французскую армію, еще имѣющую наивность думать, что она служитъ Франціи, а не Всемірно-израильскому кагалу; давитъ христіанское духовенство и холопски носитъ ярмо раввиновъ—ярмо нисколько не легче, но во сто кратъ хуже іезуитскаго ига, отъ котораго насилу отдѣлалась Европа; наконецъ, подрываетъ международное значеніе Франціи, на которую уже начинаютъ смотрѣть, какъ на второй экземпляръ Рѣчи Посполитой, какъ на *жидовскую сыть*, предназначенную рокомъ на добычу добрымъ сосѣдямъ... Впрочемъ, нашъ сотоварищъ по журналу, въ своей «Политической Хроникѣ», достаточно занялся диковиннымъ процессомъ, затѣяннымъ во Франціи противъ французскаго имени и французской чести,—и мы только указываемъ на этотъ «монстръ», какъ на новое доказательство, что еврейская гидра требуетъ—настоятельно требуетъ—отсѣкновенія разомъ всѣхъ ея хищныхъ головъ.

Digitized by Google

II.

Восьмнадцатый годъ издается «**Наблюдатель**», и во все это время онъ упорно и неустанно разъяснялъ задачи *просвѣщеннаго русскаго патріотизма*, одинаково далекаго и отъ обскурантныхъ аракчеевскихъ затѣй, и отъ скороспѣлыхъ космополитическихъ фантазій, совершенно неприложимыхъ къ нашей общественной и государственной жизни. Разъясняя эти задачи и указывая на возможность ихъ извращенія—въ сторону ли мракобѣсія, или рабскаго копированія чужихъ образцовъ,—мы невольно встрѣтились, на первыхъ же порахъ, съ наиболѣе тяжелой и зловредной формой общественнаго и политическаго обмана, который широко практикуется у насъ подъ фирмой «либерализма», «гуманизма» и другихъ хорошихъ словъ, а подъ сурдинкой клонится только къ обезсиленію государственной власти и обезличенію русскаго народа, для выгоды всѣхъ другихъ, обитающихъ на нашей территоріи, инородцевъ. Весь фокусъ этого обмана сосредоточивается въ такъ называемомъ «юдофильствѣ», которое, въ половинѣ 70-хъ годовъ, ворвалось широкой волной въ наше общество и—особенно—въ журналистику, и съ невѣроятною наглостью **фабрикуетъ** свое собственное якобы «общественное мнѣніе», подмѣняя, напр., для русской публики всѣ европейскіе интересы однимъ, непомѣрно-раздутымъ, дѣломъ Дрейфуса. Въ борьбѣ съ этимъ юдофильствомъ мы всегда старались держаться исторической и логической почвы, и опредѣляли *настоящія цѣли евреевъ* подлинными словами ихъ политико-религіозныхъ кодексовъ и нескрываемыми дѣйствіями ихъ кагальныхъ коноводовъ (въ родѣ Кремьё, Монтефіоре и др.). Цѣлый рядъ строго-научныхъ и доказательныхъ статей посвященъ былъ нами этому наболѣвшему вопросу, и русское образованное общество, уже давно потерявшее довѣріе къ пресмыкающейся жидовской прессѣ, со вниманіемъ прислушивалось къ этимъ независимымъ голосамъ [1]). Какъ ни старались жидовскія рептиліи «бойкотировать» нашъ журналъ, выдавая его то за архи-революціонный и кощунственный, то за ретроградный и человѣконенавистническій,—публика имъ не вѣрила и продолжала поддерживать насъ своимъ сочувствіемъ. Предполагая (слишкомъ преждевременно), что вся Россія обратилась уже въ «черту еврейской осѣдлости», жиды въ *своихъ собственныхъ* журналахъ и газетахъ, старались, съ другой стороны, и *замалчивать* «**Наблюдатель**», въ суетной

[1]) Въ нашей редакціи постоянно получаются письма (не отъ жидовъ, конечно) съ просьбою выслать ту или другую книгу журнала, въ которой идетъ рѣчь объ этомъ вопросѣ. Но, къ сожалѣнію, въ редакціи не имѣется уже ни одного экземпляра этихъ книгъ, не исключая и прошлаго года.

Digitized by Google

надождѣ, что объ его существованіи только и можно узнать изъ ихъ кагальныхъ изданій [1]).

Тѣмъ не менѣе, идеи, настойчиво проводимыя нашимъ журналомъ, дѣлали свое дѣло, и люди дальновидные, не запуганные и не подкупленные жидовскимъ «ржондомъ», стали охотно присоединяться къ намъ. Первымъ пунктомъ нашей программы мы выставляли и будемъ выставлять **государственную вредоносность талмуда** и *извращеніе моисеева закона* въ чистомъ его видѣ. Затѣмъ, «національность» жидовъ мы беремъ въ соображеніе только въ томъ случаѣ, когда она *неразрывно* сливается съ талмудизмомъ и воображаетъ себя прирожденною аристократіею человѣчества, призванной топтать ногами человѣческій трудъ и человѣческую личность («гои», по словамъ талмуда, созданы только на то, чтобы рабски служить израилю). А что этотъ завѣтъ талмуда составляетъ не пустое слово и не lapsus linguae, но можетъ быть названъ *квинтъ-эссенціей* талмудизма,—за доказательствами, изъ исторіи и современной жизни, ходить недалеко. Собираніемъ этихъ доказательствъ и занялся, въ октябрьской книгѣ, одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, въ статьѣ («Еврейство и либерализмъ»), которую мы рекомендуемъ вниманію безпристрастныхъ читателей.

Изслѣдуя вредоносность талмудизма по его религіознымъ первоисточникамъ и историческимъ даннымъ, мы не разъ проводили въ своемъ журналѣ аналогію между талмудистами и іезуитами, какъ одинаково держащимися безнравственнаго правила: «цѣль оправдываетъ средства». Разница между ними состоитъ только въ томъ, что цѣль талмудизма состоитъ въ укрѣпленіи власти израиля съ его безгрѣшными раввинами, а іезуиты озабочены, coûte que coûte, судьбою власти непогрѣшимаго папы. Къ чистому христіанскому ученію іезуитизмъ находится въ такомъ же точно отношеніи, какъ талмудизмъ къ моисееву закону, и если преслѣдованіе іезуитовъ не можетъ назваться ни гоненіемъ христіанства, ни нарушеніемъ законовъ «религіозной терпимости», то и предохранительныя мѣры противъ жидовской общественной заразы вызваны отнюдь не борьбой противъ моисеева закона и не семитическимъ происхожденіемъ талмудистовъ. Арабы—тоже семиты—воюютъ съ жидами въ Алжирѣ гораздо больше, чѣмъ христіане, нисколько не отрекаясь отъ своего семитическаго родства.

Мысль о духовномъ родствѣ между талмудистами и іезуитами убѣдительно развивается и въ «Новомъ Времени» (№ 8479), которое до сихъ поръ избѣгало ставить еврейскій вопросъ такъ

[1]) Какъ ни странно и ни забавно это, но, подвергнутый *херему*, «Наблюдатель» совершенно исключенъ жидовскими рептиліями изъ «журнальныхъ обозрѣній», какъ будто онъ существуетъ не на землѣ, а на лунѣ...

Digitized by Google

прямо и опредѣленно. Но этотъ вопросъ, очевидно, слишкомъ уже назрѣлъ въ нашемъ обществѣ (какъ назрѣваетъ на тѣлѣ злокачественный нарывъ) и необходимо, наконецъ, для вскрытія его и удаленія заразительныхъ гнойныхъ соковъ, прибѣгнуть къ спасительному ланцету... или даже къ ампутированію пораженной части тѣла. Между прочимъ, «Новое Время» очень кстати припоминаетъ то историческое обстоятельство, которое послужило поводомъ къ политическому остракизму отцовъ-іезуитовъ. «Въ свое время — говоритъ газета — іезуиты были также несмѣтно богаты, какъ и евреи; они также торговали, и поводомъ, въ XVIII-омъ вѣкѣ, потребовать на судъ кодексы ихъ *спеціальныхъ законовъ* (въ родѣ талмуда и шулханъ-аруха, замѣтимъ отъ себя въ скобкахъ) послужилъ отказъ ихъ уплатить огромный долгъ не по общекоролевскимъ законамъ, но по спеціальнымъ правиламъ ихъ ордена, будто бы разрѣшающимъ подобную неуплату (талмудъ, замѣтимъ еще разъ отъ себя, тоже разрѣшаетъ—не только не уплачивать долга «гоямъ», но всячески разорять ихъ законными и незаконными способами, причемъ рекомендуется даже клятвопреступленіе во славу израиля). Когда Шуазёль, услышавъ объ этомъ отказѣ, потребовалъ къ разсмотрѣнію эти «особыя правила»,— міръ былъ удивленъ и возмущенъ безнравственностью множества изъ нихъ, и *процессъ объ уплатѣ долга кончился изгнаніемъ всѣхъ іезуитовъ изъ Франціи, а вскорѣ и изъ цѣлой Европы*. Но изгнанные іезуиты не исчезли, и здѣсь сказалась предусмотрительность ихъ интернаціональности. Всякій, гонимый изъ Франціи, іезуитъ находилъ «братчиковъ» въ Бельгіи, въ свободной Швейцаріи, въ православной Россіи и, наконецъ, въ остающихся, за исключеніемъ Европы, еще четырехъ частяхъ свѣта,—также точно какъ іудей, пробирающійся изъ западно-русскаго края на востокъ, находитъ «своихъ» въ Ярославлѣ, въ Тамбовѣ, въ Сибири и на Кавказѣ. Еврею нѣтъ отказа въ помощи еврея, какъ и іезуиту всегда готовы квартира и столъ во всякомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Если же мы взглянемъ на книги «особыхъ правилъ» тѣхъ и другихъ, то увидимъ, что сходство ихъ простирается до мелочей, и *это сходство вытекаетъ изъ глубокой раздѣленности еврея и іезуита отъ всего остальнаго міра*. Тому или другому *все разрѣшено—ad majorem Dei gloriam* или *gentis iudaicae*».

Приведя эти строки, мы только должны сдѣлать ту же оговорку, которую дѣлали и прежде: что, если ужь пошло на сравненіе между іезуитами и талмудистами, то первые все таки дѣйствовали на основахъ *христіанскаго ученія*, хотя и дурно понятаго ими, а вторые исповѣдуютъ *чисто-каннбальскій кодексъ*, построенный на началахъ животнаго эгоизма и дикой племенной исключительности, не имѣющей ничего общаго

Digitized by Google

съ гуманнымъ европейскимъ національнымомъ. Поэтому, послѣ іезуитовъ остались коллегіи, весьма благоустроенные въ учебномъ отношеніи; больницы и образцовыя филантропическія учрежденія,—а жиды до сихъ поръ, пользуясь полной равноправностью въ западной Европѣ, подарили ее только биржами, дутыми финансовыми предпріятіями, домами проституціи, торговлей бѣлыми невольницами, пресмыкающеюся прессою, шпіонами-дрейфусами и докторами, прививающими сифилисъ своимъ паціентамъ... Разница есть и—не въ пользу талмудистовъ, которые дождутся, раньше или позже, еще горшей участи, если не послѣдуютъ искренно и честно примѣру караимовъ, съ негодованіемъ отвергающихъ и талмудъ, и шулханъ-арухъ!

III.

Въ телеграммахъ «Россійскаго телеграфнаго агентства», отъ 22-го сентября, мы прочли такое оглушительное извѣстіе: **«Въ Москвѣ арестованъ одинъ врачъ-еврей, прививавшій своимъ больнымъ сифилисъ съ корыстными цѣлями»**. Въ точности этого извѣстія едва ли возможно сомнѣваться: вѣдь оно прошло, между прочимъ, черезъ фильтръ г. Нотовича, присяжнаго защитника и ходатая своего племени... Но дальнѣйшихъ разъясненій и подробностей этого факта телеграфное агентство до сихъ поръ не представило, точно дѣло идетъ о пустякахъ, не заслуживающихъ никакого вниманія! А, между тѣмъ, въ возмутительномъ злодѣяніи жида-врача есть не только тягчайшее уголовное (притомъ же профессіональное) *преступленіе*, но кроется и «немножко философіи». Мы не хотимъ покуда, — до разъясненія обстоятельствъ, — ни обобщать этого преступленія, ни придавать ему преувеличенную цѣну; но какъ не содрогнуться при одномъ только предположеніи, что пришлые палестинскіе выходцы уже заполонили у насъ такую интимную полосу общественной и семейной жизни, какъ поданіе врачебной помощи въ больницахъ и на дому!! Тѣмъ не менѣе наши газеты, въ большинствѣ находящіяся на содержаніи у кагала, не торопились ни сообщеніемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ, ни указаніемъ на его чрезвычайно губительное значеніе,—въ то время какъ онѣ же наполнялись никому изъ русскихъ читателей не интересными «запирательствами» Дрейфуса на судѣ или потѣшными элукубраціями его присяжныхъ адвокатовъ.

Прочтя это извѣстіе, мы невольно вспомнили разговоръ, происходившій при насъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одномъ врачебномъ кружкѣ. Ораторомъ явился врачъ-талмудистъ, горячо протестовавшій противъ ограниченія въ Россіи правъ его соплеменниковъ. Между разными шаблонными доводами въ пользу

Digitized by Google

«еврейской равноправности», онъ приводилъ и одинъ совершенно оригинальный, который въ то время мы пропустили мимо ушей. А именно онъ говорилъ, что Россіи опасно *раздражать* еврейское населеніе, которое можетъ отвѣтить на наши репрессаліи—своею, особаго рода, профессіональною местью. Эта месть, по мнѣнію талмудиста, могла бы состоять въ томъ, что врачи-евреи, которыхъ числится достаточно въ военномъ вѣдомствѣ, начнутъ дружно, при открытіи войны, *прививать* солдатамъ глазныя болѣзни, которыя и будутъ мѣшать имъ пользоваться огнестрѣльнымъ оружіемъ... При этомъ онъ даже любезно указалъ на нѣкоторые способы такой прививки, напр., посредствомъ личныхъ полотенецъ, подвергнутыхъ профессіональной обработкѣ. Я не спеціалистъ въ медицинѣ и не могу передать съ точностью «ученыхъ» соображеній талмудиста, но помню, что собесѣдники не отрицали ихъ дѣйствительной силы и предпочли придать шуточный тонъ всему разговору.

Но шутка обращается уже «въ серьёзъ», когда даже черезъ фильтръ телеграфнаго агенства проскакиваютъ такія потрясающія извѣстія, какъ приведенное выше... А что, если въ многочисленной уже корпораціи жидовъ-врачей найдутся не единицы, а цѣлые десятки убѣжденныхъ талмудистовъ-фанатиковъ, для которыхъ убить и искалѣчить ненавистнаго «гоя» (т. е. всякаго не-жида)—также легко и полезно, какъ раздавить клопа?!

Кстати, я вспомнилъ и недавно разыгравшійся въ Петербургѣ процессъ одного жида-музыканта, растлѣвавшаго своихъ несовершеннолѣтнихъ «гоимскихъ» ученицъ. Легкость отношеній жидовъ къ женщинамъ, даже своего племени, давно обратилась въ притчу во языцѣхъ, хотя талмудисты съ необыкновенной наглостью увѣряютъ о «чистотѣ» своихъ семейныхъ нравовъ и даже вводятъ въ заблужденіе многихъ вліятельныхъ лицъ... Но кому же неизвѣстно, что получить «разводъ» у раввина гораздо проще, чѣмъ выпить стаканъ воды, и вся трудность состоитъ только въ томъ, чтобы всучить, хотя бы силою, женѣ *въ руки* «разводный листъ» или засунуть его хотя бы за корсетъ? Комическія подробности объ этомъ проскальзывали даже въ русскихъ не-кагальныхъ газетахъ.

Волосы встаютъ дыбомъ на головѣ, когда читаешь о такихъ *практическихъ примѣненіяхъ* канибальскаго талмуда къ христіанской средѣ! И неужели, послѣ этихъ доказанныхъ, очевидныхъ фактовъ лютой ненависти талмудистовъ ко всѣмъ, ими же эксплуатируемымъ, народамъ, не назрѣлъ у насъ вопросъ о необходимости возникновенія *антиталмудическихъ обществъ*, которыя могли бы открыто бороться съ вражескимъ нашествіемъ? Поживемъ—увидимъ.

Князь Тенерифскій.

Digitized by Google

Сезонный діалогъ.

«Мила квартирка, но цѣна...
Вы малость бы спустили»!
— А наша лѣстница? Она
Въ восточномъ строгомъ стилѣ!
«Брожу весь день до темноты,—
Дешовой нѣтъ квартиры»!
— У насъ на лѣстницѣ цвѣты
И нимфы, и сатиры...
«Смотрѣлъ квартиры я скромнѣй—
Клѣтушки въ три аршина»...
— У насъ для верхнихъ этажей
Подъемная машина!
«Чуть не сломалъ себѣ колѣнъ
Я въ поискахъ—все даромъ»!
— У насъ вездѣ ацетиленъ
И отопленье паромъ!
«Отлично все, но скверно, вотъ,
Что дорого канальски»!
— Фонарь поставленъ у воротъ
Отъ Сименса и Гальске!
«По мнѣ хорошъ бы былъ и газъ,
Вѣдь я не привередникъ»...
— Научнымъ способомъ у насъ
Устроенъ каждый ледникъ!
«Нѣтъ, здѣсь селиться не рука:
Я—скромности поборникъ»...
— Два новыхъ знаетъ языка
Отлично старшій дворникъ!..

Хмурый Бардъ.

Digitized by Google

Апраксинскому сатирику.

Добра отъ лейкинской затѣи
Не жди, какъ шерсти отъ козла:
Вѣдь всѣ трактирныя рацеи—
Осколки... глупости и зла.

Игренъ.

Джонъ Буль про себя.

Пусть бунтуетъ Трансвааль—
Мнѣ его ничуть не жаль,
И безъ всякихъ лишнихъ думъ
Я пошлю ему: «думъ-думъ».
Призадумались боэры,
Пріуныли лицемѣры,
И—глава мужлановъ—Крюгеръ
Завертится самъ, какъ флюгеръ!
Вѣдь «гуманность»—не модель,
Былъ бы ростбифъ намъ да эль...

Джентльменъ.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА И ПРІЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Календарь „СИНЯГО КРЕСТА“.

(Настольная Справочная Книга).

Съ соизволенія ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИСАВЕТЫ МАВРИКІЕВНЫ.

Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, предприняло изданіе на 1900 г. Календаря «Синяго Креста», который поступитъ въ продажу въ декабрѣ 1899 г. въ количествѣ 10,000 экземпляровъ и явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго. Цѣна Календаря «Синяго Креста» по 2 р. за экземпляръ, съ пересылкой 2 р. 50 к. Главный складъ изданія въ Редакціи Календаря „Синяго Креста“: С.-Петербургъ, Сергіевская ул., 41.

Съ 1-го ноября 1899 г. въ С.-Петербургѣ будетъ выходить
БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
ВЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

„СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“.

		На годъ.	На 6 мѣс.	На 1 мѣс.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:	въ Россіи . .	10 руб.	5 руб.	1 руб.
	за границу .	14 »	7 »	2 »

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка на четыре срока — по 2 руб. 50 коп. Лица, подписавшіяся на весь 1900 г., получатъ газету безплатно въ текущемъ году. Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Бол. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 час. дня).

Въ основу своего міросозерцанія «Сѣверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключающей началъ національной самобытности, и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное и безпристрастное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственности. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Курьеръ» направитъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сѣверный Курьеръ» будетъ внимательно слѣдить какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полнаго признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Сѣверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областнаго начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности, и потому отведетъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городскаго самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія, и въ этой области поставитъ своей задачей сплоченіе и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено интересамъ науки, искусства и литературы.

Издатель Кн. В. В. Барятинскій. Редакторы: Кн. В. В. Барятинскій. К. И. Арабажинъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 10-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Въ семьѣ Востоковыхъ. Романъ А. Мартынова. (*Окончаніе*). 7

II. Охотничья пѣсня. (Изъ Сырокомли). Стихотвореніе И. Толмачева. 49

III. Патріотизмъ и космополитизмъ. Проф. Д. И. Азаревича. 50

IV. Безполезныя силы. Повѣсть Зудермана. 66

V. Два стихотворенія. П. Петровскаго. 88

VI. Болѣзненность и смертность русскаго народа. (*Оконч.*). Д. П. Райскаго. 90

VII. Утро жизни. Разсказъ И. Данилина. 115

VIII. Элегія. Стихотвореніе К. В. Иванова 151

IX. Еврейство и либерализмъ. Е. Орловскаго. . . . 157

X. Старость. Стихотвореніе Г. Арищенки. 206

XI. Разбитая жизнь. (Mater Doloroza). Романъ Джероламо Роветты. 207

XII. Въ провинціи. Романъ В. Югова 259

VIII. Ненастный вечеръ. Стихотвореніе Л. Афанасьева. . . . 325

XIV. В. П. Безобразовъ. (*Съ портретомъ*) 326

Современное обозрѣніе.

XV. Политическая хроника 1

XVI. Новыя книги. 24

XVII. Наши внутреннія дѣла 32

XVIII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «По бѣлу свѣту». (Замѣтки и наблюденія). Князя Тенерифскаго. . . 52

2) Стихотворенія: Хмураго Барда, Игрека и Джентльмена. 59

XIX. Объявленія 1

Digitized by Google

ОТЪ Р[redacted]

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ ... почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ... *вое мѣсто*, куда можно было бы вѣрно направлять ... противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за ... ставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопо... шенію съ Петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевремен... получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворе... жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику, заказной бандеролью, за 1 руб. 25 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Главной Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,— если не будутъ потребованы обратно, — уничтожаются. *Статьи менѣе 200 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются.* По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей (свыше 200 листовъ) иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія *точныхъ* условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи (съ платою за всю рукопись). Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. Гонораръ за статьи, раздѣленныя на нѣсколько книгъ, разсчитывается по окончаніи печатанія. 7) Контора открыта: съ 1-го октября по 1-е мая— отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 час., *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу—25 руб., за ½ стр.—13 руб., и за ¼ стр.—7 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счеты въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія:* иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: 25-го числа, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни. Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, выдачи отлагаются до слѣдующаго будничнаго дня. *Авансы за ... хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не до...*

Digitized by Google

...Г., НА ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

...АБЛЮДАТЕЛЬ" ГОДЪ XIX.

...ущая въ девятнадцатый годъ своего существованія, журналъ ...ъ издаваться подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, **безъ предварительной цензуры**, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 руб. съ годовой платы. Въ слѣдующемъ же году редакція нашла возможнымъ сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія и приложить иллюстраціи.

Годовая цѣна: 12 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою иногороднымъ; за границу—14 р. **За полгода:** 6 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу—7 р. **За три мѣсяца:** 3 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу — 4 руб. **За одинъ мѣсяцъ:** 1 р. съ перес. въ Россіи; за границу—1 р. 50 к. Гг. служащимъ разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка—50 коп. съ годов. экз. При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.

Въ вышедшихъ книгахъ журнала за текущій годъ (№№ 1—10) помѣщены портреты: статсъ-секретаря *Θ. П. Корнилова*, члена Государственнаго Совѣта *М. Н. Галкина-Врасскаго*, *М. Е. Салтыкова*, *И. Н. Брусницына* (основателя «Дома призрѣнія» въ Петербургѣ), *А. П. Пятковскаго* (къ сорокалѣтію литературной дѣятельности) и *В. И. Безобразова* (академика и сенатора).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи: Колокольная ул. (на углу Николаевской) д. № 18/19, въ конторѣ «Новаго Времени» и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ (Вольфа, Цинзерлинга, Риккера, Стасюлевича и др.); въ *Москвѣ*—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), и въ отдѣленіи конторы «Новаго Времени»; въ *Одессѣ*—въ книжныхъ магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ *Кіевѣ*—въ кн. магазинахъ Оглоблина, Идзиковскаго и Литова; въ *Харьковѣ* и *Саратовѣ*—въ кн. магазинахъ «Нов. Времени».

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Подписка на текущій годъ продолжается.

Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшія книги.

Возобновленіе газеты **«ГЛАСНОСТЬ»** отлагается. Право на возобновленіе газеты продолжено до 1-го мая 1900 г. Подписчики, не приславшіе до 1-го апрѣля своихъ отвѣтовъ на запросъ редакціи, получаютъ журналъ **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, со скидкою 2 р. съ годовой платы.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

CANCELED CHARGE

Digitized by Google